Мир Французской революции
Н. А. Троицкий
Наполеон Великий
Том 1
Гражданин Бонапарт

Мир Французской революции

Н. А. Троицкий

•

Наполеон Великий

В двух томах

Том 1

Гражданин Бонапарт

РОССПЭН
Москва
2020

УДК 94(100)"654"
ББК 63.3(0)5
Т70

Троицкий Н. А.

Т70 Наполеон Великий : в 2 т. / Н. А. Троицкий ; [подг. к публ., вступ. ст. М. В. Ковалева, Ю. Г. Степанова]. – М. : Политическая энциклопедия, 2020. – (Мир Французской революции).

ISBN 978-5-8243-2357-3

Т. 1 : Гражданин Бонапарт. – 526 с. : ил.
ISBN 978-5-8243-2359-7

Вниманию читателей представлен фундаментальный труд известного российского историка, профессора Николая Алексеевича Троицкого (1931–2014). Книга стала результатом его многолетних исследований наполеоновской темы и истории русско-французских отношений. Это не просто биография выдающегося государственного деятеля, но и ценный историографический источник, отражающий важную веху в истории изучения наполеоновской проблематики в России. Работа Н. А. Троицкого предельно полемична. Он осознанно выделяет наиболее острые вопросы, словно подталкивая оппонентов к дискуссии.

Первый том («Гражданин Бонапарт») охватывает время от рождения Наполеона до его восшествия на императорский престол.

Книга предназначена научным работникам, аспирантам и студентам вузов и всем, кто интересуется наполеоновской проблематикой.

УДК 94(100)"654"
ББК 63.3(0)5

ISBN 978-5-8243-2359-7 (т. 1)
ISBN 978-5-8243-2357-3

© Музей-усадьба Н. Г. Чернышевского, 2020
© Ковалев М. В., Степанов Ю. Г., вступительная статья, 2020
© Политическая энциклопедия, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ю. Г. Степанов, М. В. Ковалев.
Профессор Николай Алексеевич Троицкий:
«Всерьез и на всю жизнь» 5

Введение 18

Глава I. Начало начал

1.Семья 30
2. Детство 37
3. Военное обучение 43

Глава II. Офицер

1. Первые шаги 58
2. Революция 67
3. Тулон 85

Глава III. Генерал

1. Безвременье 96
2. Вандемьер 110
3. Жозефина! 123

Глава IV. Италия

1. «Когорта Бонапарта» 134
2. Первые победы 146
3. Завоевание Ломбардии 158
4. Триумф 174

Глава V. Египет

1. Подготовка 211
2. От Тулона до Каира 222

3. Наполеон – Султан Кебир 233
4. Сен-Жан д'Акр 253
5. От Каира до Фрежюса 270

Глава VI. Coup d'état

1. Франция без Бонапарта 284
2. Канун переворота 294
3. 18 брюмера 307
4. 19 брюмера 314

Глава VII. Гражданин Первый Консул

1. «Революция закончилась» 323
2. Внутренняя политика 340
3. Война и мир 374
4. К союзу с Россией 401
5. Покой и воля? 420

Глава VIII. Полуимператор

1. Пожизненный консулат 438
2. Мир и война 452
3. Последний заговор 461
4. Феномен герцога Энгиенского 471
5. Code Napoléon 483

Заключение 510

Указатель имен 514

Ю. Г. Степанов, М. В. Ковалев

ПРОФЕССОР НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ТРОИЦКИЙ: «ВСЕРЬЕЗ И НА ВСЮ ЖИЗНЬ»

Саратовское Поволжье всегда было краем работящего и свободолюбивого народа. Издревле сюда, в бескрайние степные просторы от барина, от кнута и крепостного намордника бежали тысячи холопов и крестьян, здесь в тайных скитах укрывались от «слуг антихристовых» раскольники, осваивали «дикую степь» и защищали хлебопашцев от набегов кочевников вольные казаки. Со временем Саратовское Поволжье стало житницей России. Потомки беглых и «гулящих» насельников обустроили и обогатили край тяжким трудом, но характер и нрав своих предков – вольнолюбивый, честный и прямой – сохранили.

В степях Саратовского Левобережья на правом берегу реки Большой Узень в сорока километрах от города Ершова расположено село Новорепное. Здесь 19 декабря 1931 года у Алексея Васильевича и Пелагеи Евдокимовны Троицких и родился сын Николай – будущий известный историк. Коллективизация и недород начала 1930-х годов оставили о себе страшную память в истории страны. Частушка – эта образная, яркая и гротескная форма коллективной памяти народа – так свидетельствует о лихолетье той поры: «В тридцать третьем году всю поели лебеду. Руки, ноги опухали, умирали на ходу». Беда не обошла и семью Троицких. К угрозе голодной смерти прибавилась и другая напасть: половодье буквально смыло их глинобитный домишко. Николай Алексеевич сохранил смутное воспоминание о первом в своей жизни «путешествии». В 1933 году Алексей Васильевич, спасая домочадцев от неминуемой гибели[1], вывез семью

[1] Масштабы постигшей Поволжье в 1930-е годы трагедии передают скупые, бесстрастные строки недавно рассекреченного донесения начальника Саратовского оперативного сектора рабоче-крестьянской милиции: в городе

в Астрахань, к дальним родственникам. Два года спустя Троицкие вернулись на малую родину. Здесь и прошли детство, отрочество, юность будущего ученого.

В довоенное время Новорепное, затерянный в степях районный центр, все же имел свой кинозал в местном Доме культуры, библиотеку, среднюю и две начальные школы. Сохранялась в глубинке, несмотря на такое «благо цивилизации», как сельский клуб, любимая народная забава: кулачные бои. В свободное время сходились «добры молодцы» стенка на стенку. Дрались, по ироническому замечанию Николая Алексеевича, «культурно», «до первой крови», без всякой злости, чтобы лишь померяться силой и удалью. На войну «добры молодцы» «почти все ушли добровольцами, и ни один не вернулся»...[1]

Исключительное влияние на личность будущего историка оказал его отец, человек открытый и жизнерадостный. Николай Алексеевич вспоминал, что тот «был малограмотным, четыре класса школы, но мечтал, чтобы я был “грамотеем”, он мне книги покупал, сказки рассказывал, читал, когда я еще совсем маленьким был». Так что в сентябре 1939 года «в первый класс средней школы я поступил подготовленным», – написал в своих мемуарах Николай Алексеевич[2]. Его мама Пелагея Евдокимовна, целиком погруженная в быт, заниматься образованием сына предоставила мужу.

22 июня 1941-го мирная жизнь оборвалась на долгие четыре года. Великая Отечественная война принесла Троицким не только нужду, существование впроголодь и тяжкий труд, но и страшную, невосполнимую потерю: в 1942 году в боях за Северный Кавказ погиб Алексей Васильевич Троицкий, так и не успев порадоваться успехам сына[3]. Памяти отца Н. А. Троицкий посвятит одну из лучших своих книг – «Безумство храбрых»[4]. Для Николая Алексеевича смерть отца стала первой, но, увы, не последней утратой. Смерть злым роком преследовала его всю жизнь, унося с собой одного за другим любимых, родных и близких людей...

Саратове «с 1 по 9 июля [1933 г.] ... было подобрано 25 трупов детей, а 10 июля – за один день 18 трупов детей» (Государственный архив Саратовской области. Ф. Р-461. Оп. 4. Д. 39. Л. 188).

[1] Троицкий Н. А. Книга о любви (Записки историка). Саратов, 2006. С. 21.

[2] Там же. С. 9, 12.

[3] 7-й горнострелковой бригады от 10.11.1942, гвардии красноармеец Троицкий Алексей Васильевич убит 18.09.1942. Орджоникидзевский край, Наурский р-н, Ищерский с/с, ст. Ищерская, вблизи берега реки Терек (https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie).

[4] Троицкий Н. А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг. М., 1978.

Предвоенные годы в советской деревне не были сытными и безбедными. Однако для Николая трудности окупались свойственным юности оптимизмом и желанием учиться. Из всех школьных предметов он особо любил словесность, сделавшись на всю жизнь страстным книгочеем, и, конечно, историю. Круг чтения Николая Алексеевича отличался необычайной широтой (благо в селе была хорошая библиотека): романы В. Скотта, В. Гюго, А. Дюма, А. Н. Толстого, произведения И. С. Тургенева, М. Ю. Лермонтова. Все, что могли дать школьная и сельская библиотеки, было проштудировано. Вот лишь один штрих к биографии ученого: уже поступив на исторический факультет, он первым делом бросился в университетскую библиотеку дочитать «Отверженных» Виктора Гюго – в экземпляре его районной библиотеки не хватало последних страниц[1]. В годы юности он прочел классические труды Е. В. Тарле о Наполеоне и Отечественной войне 1812 года, изданные накануне Второй мировой. Именно Тарле навсегда остался для Николая Алексеевича эталоном историка, а его работы – непревзойденным образцом сочетания яркого повествования с глубиной анализа.

В годы военного лихолетья Николай Алексеевич помогал матери и каждое лето до темна трудился на сельхозработах. Воспитанная с детства привычка к труду стала залогом будущих успехов ученого. Николай Алексеевич помнил имена и фамилии каждого из своих одноклассников, бережно хранил пожелтевшую фотографию выпускников 1949 года Новорепинской средней школы № 1 и, показывая ее друзьям и коллегам, с гордостью говорил: «*Все* мы, дети войны, получили высшее образование и разлетелись кто куда». Однако только один из них – Н. А. Троицкий – выбрал путь историка и поступил на исторический факультет Саратовского государственного университета. «Я ни разу не пожалел о сделанном выборе», – говорил Николай Алексеевич незадолго до смерти.

1 сентября 1949 года Николай Алексеевич впервые вступил в стены классического, как теперь принято говорить, Саратовского государственного университета. С Саратовом будут связаны лучшие годы его жизни, все победы и беды, счастье и трагедии.

После страшной войны студенческая молодежь увлеченно стремилась к знаниям, жила небогато, но дружно и весело. Для многих, включая и Николая Алексеевича, Саратов был первым в жизни крупным культурным городом. Саратовские театры, музеи, консерватория были переполнены молодежью. Не пропускал ни одной сколько-нибудь значимой премьеры и студент Троицкий, но более

[1] Троицкий Н. А. Книга о любви (Записки историка). С. 21.

всего манила его богатейшая Научная библиотека Саратовского университета, в которой он буквально пропадал (порой пренебрегая лекциями и семинарами), часами просиживая в читальном зале.

Организованный и целеустремленный, Николай Алексеевич уже на первом курсе точно определил хронологический и тематический круг своих научных интересов: Россия XIX века, наполеоновские войны. Чтобы читать в оригинале источники и литературу, изучал французский язык. Увы, когда подошло время писать дипломную работу, на кафедре истории Нового времени будущему профессору предметно объяснили, что на факультете нет специалистов по истории наполеоновских войн, и вообще надо писать не о войнах, а о борьбе за мир во всем мире[1]. Конечно, Николай Алексеевич был огорчен этим обстоятельством. Однако, написав дипломную работу на предложенную научным руководителем тему, не отказался от мечты изучать наполеоновскую эпоху. Сказалось то качество, которое М. В. Ломоносов называл «благородной упрямкой», иными словами, умение преодолевать препятствия для достижения поставленной цели. Много лет спустя, будучи уже известным исследователем, Троицкий с блеском реализует юношескую мечту в целой серии работ о событиях Отечественной войны 1812 года, Наполеоне и его маршалах, императоре Александре I и М. И. Кутузове[2].

По окончании университета, отработав положенные три года в сельской школе, Николай Алексеевич летом 1957 года приехал в Москву и, сдав на отлично все экзамены, выиграл конкурсную борьбу за единственное место в аспирантуре Московского государственного педагогического института. В те годы там работали немало известных ученых: И. И. Минц, А. Л. Нарочницкий, М. А. Барг, Э. Н. Бурджалов, В. Н. Бочкарев и многие другие. У каждого из них Николай Алексеевич стремился взять что-то обогащающее потенциал историка, но оставался верен избранной еще в студенчестве эпохе – XIX веку. Предметом исследования в кандидатской диссертации под руководством профессора П. И. Кабанова он выбрал «кружок чайковцев» – заметную, но практически не изученную в то время исследователями народническую организацию. В выборе те-

---

[1] Троицкий Н. А. Книга о любви. С. 47.

[2] Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М.: Мысль, 1988 (2-е изд: М.: Омега, 2007); он же. Отечественная война 1812 г. История темы. Саратов: Изд-во СГУ, 1991 (Англ. перевод: The Great Patriotic War of 1812. A History of the Subject. New York, 1993); он же. Александр I и Наполеон. М.: Высшая школа, 1994 (2-е изд: М.: Яуза, 2007); он же. Фельдмаршал М. И. Кутузов: легенда и реальность. Саратов, 1998 (Расширенное издание: Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002).

мы диссертации и научного направления в целом сказалась природная интуиция Николая Алексеевича. Снятие сталинского запрета на изучение русского народничества открывало широкие перспективы для молодого ученого. Аспирантуру Н. А. Троицкий окончил с готовой и рекомендованной к защите кандидатской. Однако самой защиты пришлось ждать три года, пока в журнале «История СССР» (с четырехлетним запозданием) не вышла необходимая для защиты статья[1].

Осенью 1960 года Николай Алексеевич был распределен на кафедру основ марксизма-ленинизма в Шадринский педагогический институт Курганской области. Историк не терял времени: писал статьи, и уже тогда продумывал план будущей докторской диссертации. К счастью, пребывание вне сферы настоящей науки длилось недолго. Весной 1961 года Н. А. Троицкий получил приглашение работать на кафедре истории СССР Саратовского государственного университета и принял его. Так, семь лет спустя, Николай Алексеевич вернулся в alma mater уже в качестве преподавателя. В 1963 году, работая на историческом факультете, Н. А. Троицкий защитил кандидатскую, а в 1971 году и докторскую – о политических процессах в России в 1871–1890 годы. По тем временам он стал самым молодым доктором исторических наук и профессором на историческом факультете Саратовского университета. На факультете он проработал более полувека, и все эти годы был верен кафедре, трижды на его веку менявшей название: кафедра истории СССР, кафедра истории СССР досоветского периода, с 1991 года – кафедра истории России. В течение 26 лет, с 1975 по 2001 год, он был ее заведующим[2].

Имя Николая Алексеевича, благодаря его научным статьям и книгам, многие из которых выходили в московских издательствах, было известно в научных кругах далеко за пределами России. Он многие годы являлся визитной карточкой или, как бы сейчас сказали, брендом не только истфака, но и всего университета. Во многом именно благодаря ему исторический факультет Саратовского университета считался в 1990-е – начале 2000-х годов одним из лучших в России.

Блестящий ученый и лектор, Н. А. Троицкий был кумиром многих поколений студентов и преподавателей исторического факульте-

---

[1] Троицкий Н. А. Большое общество пропаганды. 1871–1874 гг. (т. н. «чайковцы») // История СССР. 1962. № 5. С. 74–91.

[2] Предшественниками Николая Алексеевича на посту заведующего кафедрой, ведущей начало еще с 1917 г., были такие видные ученые, как В. И. Веретенников, П. Г. Любомиров, А. М. Панкратова, Н. Л. Рубинштейн, В. В. Мавродин, Л. А. Дербов, В. В. Пугачев.

та. Его искренне любили ученики и коллеги. Но и сам Николай Алексеевич поражал окружающих, легко вспоминая тех, кого он десятки лет назад видел юными студентами в стенах истфака. И это было не только свойством феноменальной памяти, но и отношением к людям: искренним и добрым, особенно к тем, кого он учил и воспитывал личным примером.

Редчайшее умение сочетать обширную информацию с увлекательным изложением, великолепные психологические зарисовки, приправленные юмором, а где следует – и сатирой, уникально трепетное по нашим временам отношение к русскому языку, совершенная диалектика мысли и языка отличали Николая Алексеевича Троицкого на протяжении всей его научной жизни.

Ждет своего часа и публикация большого эпистолярного наследия профессора[1]. За годы творческой жизни он состоял в дружеской переписке с выдающимися отечественными и зарубежными историками и писателями: Ф. Вентури (Италия), Е. Лампертом (Англия), Д. Рейли (США), Н. М. Дружининым, П. А. Зайончковским, Ю. В. Трифоновым, Е. А. Таратутой, Ю. В. Давыдовым и др., а также с потомками героев своих книг: внучкой одного из лидеров I Интернационала и партии «Народная воля» Г. А. Лопатина Еленой Бруновной Лопатиной, внучатой племянницей «нравственного диктатора» «Народной воли» С. Л. Перовской Софьей Глебовной Перовской, дочерями корифеев российской адвокатуры Н. К. Муравьева (душеприказчика Льва Толстого) и П. Н. Малянтовича (министра юстиции Временного правительства), Татьяной Николаевной Волковой и Галли Павловной Шелковниковой, внуками знаменитых адвокатов Н. П. Карабчевского (Ниной Анатольевной Винберг) и В. И. Танеева (Еленой Павловной) и другими. Книги Николая Алексеевича находили отклик не только у специалистов, о чем свидетельствуют письма от читателей из множества мест (городов, районных центров, поселков) огромной страны. Среди корреспондентов историка – музейные работники, учителя, старшеклассники, студенты, шахтер, капитан дальнего плавания – словом, представители самых разных слоев советского, а позже и российского общества.

Путь к признанию для Н. А. Троицкого был непростым не только потому, что он не выбирал легких творческих путей, но и по причинам, весьма далеким от науки и научной этики. Для Николая

[1] Обширный архив Н. А. Троицкого находится в фондах Саратовского музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского. Работа по научной обработке богатейшего наследия историка только-только началась.

Алексеевича Троицкого честь и честность были не только однокоренными словами, но и понятиями одного порядка. Он категорически не принимал некомпетентности и откровенной лжи в науке, не боясь вступать в дискуссии с самыми высокопоставленными оппонентами[1]. Принципиальность и твердость Троицкого, участника жарких «боев за историю», не единожды вызывали у власть имущих раздражение и требование «принять меры» по отношению к строптивому историку. Печальную известность в России и за ее пределами получила кампания против Н. А. Троицкого, инициированная властями Саратовской области, после того как в мае 2002 г. профессор опубликовал статью «“Обер-вешатель” на пьедестале почета», отражающую его критическую (и далеко не бесспорную) позицию в отношении П. А. Столыпина[2]. Причина острой реакции со стороны власть имущих заключалась в том, что Николай Алексеевич поставил под сомнение «научные заслуги» тогдашнего областного начальника Д. Ф. Аяцкова, «по образованию агронома, а по специальности куровода»[3], который, став губернатором, защитил кандидатскую диссертацию, а уже через два года – докторскую (по историческим наукам!). От руководства университета и исторического факультета потребовали уволить профессора, но коллеги дружно встали на его защиту и заставили чиновников пойти на попятную. Правда, что было ожидаемо, впоследствии все попытки представить Николая Алексеевича к званию «Заслуженный деятель науки РФ» пресекались кем-то свыше уже на стадии подачи документов.

Не менее сложно складывались отношения профессора Н. А. Троицкого с руководством университета, пришедшим в 2003 году на смену команде ректора, члена-корреспондента РАН Д. И. Трубецкова. Историк не раз открыто критиковал авторитарный стиль управления нового ректора Л. Ю. Коссовича, бесконечные реорганизации и оптимизации, увольнения несогласных, установившуюся в университете атмосферу доносительства и стукачества[4]. Университетское начальство отвечало Н. А. Троицкому в меру своей

---

[1] О дискуссиях и публичных выступлениях историка по научным вопросам см.: Троицкий Н. А. Сказания о правде и кривде в исторической науке. СПб., 2013.

[2] Троицкий Н. А. «Обер-вешатель» на пьедестале почета // Настоящий Саратов. 2002, 31 мая. Статья эта была немедленно перепечатана рядом периодических изданий.

[3] Троицкий Н. А. Книга о любви. С. 187.

[4] Ректориада: хроника административного произвола в новейшей истории Саратовского государственного университета (2003–2013). New Providence, 2014. Т. I. С. 185–186; Цодикова А. Мы да наша боль // Саратовский

«воспитанности»: так, однажды, в мае 2009 года, сотрудник охраны издевательски не пустил в корпус пожилого профессора, забывшего дома служебный пропуск[1]. В годовщину 80-летия Николая Алексеевича ректорат Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского стыдливо дистанцировался от празднования юбилея ученого. В итоге торжества организовал другой саратовский университет – Технический, в котором Н. А. Троицкий долгое время работал по совместительству. Там же его удостоили звания Почетного доктора, в то время как в alma mater этого сделать не удосужились. Необходимо отметить, что в противовес безразличной позиции официального руководства Саратовского государственного университета верные друзья и коллеги по кафедре истории России сумели самостоятельно организовать издание юбилейного сборника в честь профессора[2].

Николай Алексеевич, несмотря на несчастья – потерю сына Дмитрия и жены Валентины Петровны, невзирая на многочисленные несправедливые, порой откровенно клеветнические нападки оппонентов, не озлобился, никогда не был хмурым и раздраженным, умел с юмором выйти из трудной ситуации, всегда сохранял самоиронию и мужество. Он находил моральную поддержку и вдохновение в музыке и искусстве, азартно следил за успехами обожаемого им с юности московского «Спартака». Прикованный в последние месяцы жизни к постели, но пытаясь встать на ноги, он шутил: «Я как в работе Ленина: “Шаг вперед, два шага назад”».

Для Н. А. Троицкого любовь была не фигурой речи, а смыслом жизни, ее сердцем, тем, без чего сама жизнь пуста, неприглядна и бессмысленна. Фразу «больше, чем любовь» он не воспринимал категорически, поскольку был убежден – выше любви нет ничего в мире. Не случайно свои мемуары, во многом исповедальные, он назвал «Книга о любви». Это действительно *Книга о любви.* К людям, профессии, Отечеству и его истории.

Николай Алексеевич был удивительно цельным человеком. Все, что он любил и делал в своей жизни, было, по его словам, «всерьез и на всю жизнь». Поступать по-иному он просто не мог.

расклад. 2007. № 39(192). 1–7 ноября; Микулина С. Историческая личность – Николай Алексеевич Троицкий // Общественное мнение. 2006. № 6 (81).

[1] Ректориада: хроника административного произвола. Т. I. С. 50.

[2] Николаю Алексеевичу Троицкому – к юбилею: Сборник статей / под ред. С. А. Мезина. Саратов: Изд-во «Наука», 2011.

* * *

Научные интересы Николая Алексеевича были столь разнообразны, что невозможно охарактеризовать их все. Итогом творческой деятельности профессора стали 40 книг и более 400 статей[1]. Годы спустя профессор Троицкий сетовал, что, переступив порог 80-летия и будучи автором нескольких сотен статей и четырех десятков книг, он так и не написал пока три важнейшие для него монографии: об историке Е. В. Тарле, народоволке С. Л. Перовской и Наполеоне. К личности и научному наследию Тарле саратовский историк относился с особым пиететом, часто публиковал материалы о неизвестных фактах из жизни автора «Нашествия Наполеона на Россию»[2]. Время от времени Николай Алексеевич порывался ехать в Москву для работы в архивах над биографией Тарле, но так и не осуществил своего намерения. «Я теперь невыездной», – шутил профессор. По целому ряду обстоятельств он не мог надолго покидать Саратов, чтобы написать обстоятельный, с привлечением новых документов труд о Е. В. Тарле. Это требовало времени и сил, которых, как чувствовал Троицкий, оставалось все меньше. Биографическое исследование о С. Л. Перовской он успел завершить на склоне жизни, но увидеть книгу опубликованной ему уже было не суждено[3].

Личность великого француза, его роль в истории и в целом эпоха Наполеона привлекали внимание Н. А. Троицкого с юности[4]. В 1963 году, будучи преподавателем кафедры истории СССР Саратовского университета, он отправил в журнал «Вопросы истории» большую статью (88 с.) с пересмотром дворянских и советских стереотипов в освещении войны 1812 года. Работа была отвергнута по «идейным соображениям», и ее автор «понял, что тема “Двенадцатого года”» для него «закрыта»[5]. Как оказалось, на четверть века. Все это время Николай Алексеевич, не оставляя надежды на лучшие времена, работал над темой «Наполеон и Россия», что называется, в стол. Вознаграждением за веру в себя и упорство в достижении цели был изданный в период перестройки его блестящий труд

---

[1] Николай Алексеевич Троицкий: библиографический указатель / авт. вступ. ст. и сост. Ю. Г. Степанов. Саратов: Изд-во СГУ, 2002. 49 с.

[2] Троицкий Н. А. Евгений Викторович Тарле // Историографический сборник. Саратов, 1977. Вып. 6. С. 3–57; он же. Историк и поэты (К биографии Е. В. Тарле) // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сборник к 50-летию служения С. О. Шмидта историко-архивному институту. М., 2000. С. 150–151, и др.

[3] Троицкий Н. А. Софья Львовна Перовская. Жизнь. Личность. Судьба. Саратов, 2014 (2-е изд.: М., 2018).

[4] Троицкий Н. А. Книга о любви. Саратов, 2006. С. 38.

[5] Там же. С. 101.

«1812. Великий год России». Монография Троицкого стала настоящим событием, вызвав целый ряд и положительных рецензий, и резких откликов, и бурных дискуссий на страницах научных изданий. Не менее острую полемику вызвало появление его монографии о М. И. Кутузове. В период между изданиями работ об Отечественной войне 1812 года и Кутузове Н. А. Троицкий сделал первый шаг к исполнению давней мечты – написать научную биографию Наполеона Бонапарта. В 1994 году вышла в свет его книга «Александр I и Наполеон», написанная в редком для современной исторической науки жанре сравнительного жизнеописания. Очевидно, что к созданию фундаментального труда о Наполеоне Бонапарте исследователь шел в течение многих лет и примерно в 2007 году, завершив работу над рукописью двухтомника, попытался издать его. К сожалению, Российский гуманитарный научный фонд его заявку на издательский грант отверг. Работа Н. А. Троицкого долгое время оставалась неопубликованной.

Свою книгу автор назвал «Наполеон Великий». Название двухтомника, конечно, необычно. Но сам Николай Алексеевич отмечал, что для специалиста тот факт, что Наполеон как историческая личность не менее, а еще более велик, чем наши Петр и Екатерина Великие и всем миром признанные Кир Великий, Карл Великий, Фридрих Великий, даже Александр Великий, неоспорим. И все же в отношении к Бонапарту у него не было наивного идеализма. Не случайно на вопрос своего коллеги профессора А. И. Авруса о том, как все же он относится к Наполеону, Николай Алексеевич ответил: «Я его не люблю, но уважаю»[1].

Последняя работа Н. А. Троицкого предельно полемична. Он осознанно выделяет наиболее острые вопросы, словно подталкивая оппонентов к дискуссии. Если попытаться свести авторскую концепцию к нескольким узловым моментам, то выходит следующее. В понимании автора Наполеон – своеобразный феномен «демократического диктатора». К 1799 году идеалы Великой французской революции давно утонули в крови гражданской войны, нищете большинства граждан Республики, чиновном произволе и воровстве. Страна находилась в состоянии экономического коллапса. Первый консул энергично и с удивительной быстротой восстановил во Франции политическую и социальную стабильность, преодолел экономический кризис, наладил всю систему управления государством сверху донизу. Принятая в редакции Бонапарта Конституция 1799 года закрепила

[1] Аврус А. И. Слово о Николае Алексеевиче Троицком // История и историческая память. Саратов, 2016. Т. 13/14. С. 184.

важнейшие завоевания революции: гражданское равенство, бессословность общества, право собственности. Не удивительно, что подавляющее большинство французов поддержали Наполеона как национального лидера. С другой стороны, Троицкий отмечает и нескрываемый политический цинизм Бонапарта, подмявшего под себя все ветви власти и подавившего оппозицию. Историк считает конституционное оформление гражданских прав при почти полной ликвидации политических свобод неизбежным условием для преодоления постреволюционного синдрома. Трудно судить, насколько правомерна такая постановка вопроса, но возрождение Франции в консульство Наполеона – неоспоримый факт.

В работе Н. А. Троицкого Россия Александра I – полная противоположность наполеоновской Франции. Историк постоянно сравнивает положение двух крупнейших стран Европы начала XIX века, и это сравнение не в пользу нашей страны. В интерпретации Н. А. Троицкого свободная Франция наголову превосходила крепостную Россию во всех без исключения сферах: экономической, социальной, политической, военной. Такая картина тотального верховенства родины Бонапарта над «вотчиной» Романовых не кажется абсолютно достоверной. В частности, Н. А. Троицкий доказывает, что при Александре I военно-полицейский режим в России значительно превосходил то, что было во Франции. Это тезис спорный и практический недоказуемый. Достаточно вспомнить, что в России декабристы долгие годы безнаказанно вели антиправительственную деятельность практически на виду у царя и правительства, тогда как Наполеон решительно и жестко подавлял все очаги сопротивления режиму.

Характер наполеоновских войн в Европе – один из самых дискуссионных вопросов, не имеющий однозначного решения. В «Наполеоне Великом» Н. А. Троицкий повторяет те положения, что отстаивал на протяжении долгих лет. По его мнению, преобразования Бонапарта, в первую очередь отмена крепостного права и Гражданский кодекс, вели к прогрессивным изменениям в европейских странах. Именно это заставило монархические режимы Европы объединиться в борьбе с «корсиканским чудовищем». Историк подчеркивает, что из двенадцати войн, которые вел Наполеон с «феодальными коалициями», только в двух случаях (в кампаниях против Испании и России) он был их «зачинщиком», во всех остальных именно монархи феодальной Европы (при поддержке Англии) стремились уничтожить свободную Францию.

При этом Троицкий признает, что передовые идеи невозможно навязать «отсталым народам» силой. Эти утверждения вызывают

ряд вполне логичных вопросов. А пытался ли Наполеон распространять «передовые идеи» мирным путем? Почему он так и не отменил крепостное право в России? Почему, вопреки обещаниям, так и не даровал политическую независимость Польше? И главное. Согласимся, что уничтожение крепостничества и сословного строя, принятие Гражданского кодекса – все это, безусловно, громадный шаг вперед. Но ведь от этого для испанцев, немцев, русских и других «отсталых» народов Европы французы не переставали быть оккупантами. Можно ли приписать стремление к национальной свободе исключительно невежеству масс и корыстным интересам верхов? Определенное лукавство просматривается и в оценке жертв, к которым привели двадцать лет непрерывных военных кампаний Наполеона. Николай Алексеевич указывает, что по размаху и человеческим жертвам наполеоновские войны – «детская игра» по сравнению с Первой и особенно со Второй мировой войной. Такой подход нарушает принцип историзма, определяющего, что каждое историческое событие следует сравнивать с предшествующим ему, а не последующими. Двадцатый век по масштабам насилия и жертв не имеет аналогов в мировой истории. Правомерны ли такие сравнения? Думается, что вряд ли.

С выводами и мнением саратовского историка можно спорить, но вместе с тем многое из того, что происходит в последние годы в общественно-политической и научной жизни страны, заставляет внимательнее прислушаться к автору «Наполеона Великого».

В начале 2000-х годов Троицкий, анализируя новейшую историографию «наполеоновских войн», пришел к неутешительному выводу: удушливая атмосфера псевдопатриотизма вновь воцарилась в исторической науке России. По его мнению, в изучении противостояния России и Франции начала XIX столетия имеет место парадоксальный временной кульбит. Историки постсоветской России, отказавшись от марксизма, вернулись к «дворянско-монархической концепции» второй половины XIX века с ее самодержавным пафосом, воспеванием Александра Благословенного и безудержным поношением Наполеона. Анализируя исследования последних лет о войне 1812 года, о Бонапарте и его кампаниях в Европе, о Заграничном походе русской армии, Троицкий находил, что его понимание личности и великой роли Наполеона в мировой истории, как и его критика «освободительной миссии» русской армии в Европе, противоречат «патриотическому» вектору в современной российской историографии.

Ныне у читателя появляется прекрасная возможность самому оценить позицию профессора Троицкого по дискуссионным вопро-

сам наполеоновской эпохи. Можно не сомневаться, что двухтомник Н. А. Троицкого привлечет внимание историков и неизбежно породит дискуссии. Подлинная научная полемика там, где бьется талантливая и живая исследовательская мысль. А в этом отношении равных Николаю Алексеевичу Троицкому было и есть совсем немного.

Какой роман – моя жизнь!
Наполеон

В десять лет он подвинул нас
целым веком вперед.
М. Ю. Лермонтов

При жизни он выпустил мир из рук,
но после смерти вновь завладел им.
Ф. Р. Шатобриан

ВВЕДЕНИЕ

Верно говорят, что Наполеон – самое известное имя в истории человечества. Столько всего не написано ни о ком другом, кроме Иисуса Христа. Но о Христе пишут уже две тысячи лет, о Наполеоне – две сотни. Пишут и пишут. Великий Фредерик Стендаль еще в 1818 г. предсказал: «Через 50 лет историю Наполеона придется заново писать каждый год»[1]. Сегодня невольно думается, что чуть ли не каждый зрелый историк призван написать своего «Наполеона». Почему? В чем секрет магнетизма наполеоновской темы? А в том, как подметил английский наполеоновед Дэвид Чандлер, «Наполеон и до наших дней остается загадкой, дразнящей и ускользающей, и в то же время он является наиболее благодарной темой для изучения»[2].

Ни об одном из людей, пожалуй, никогда не было такого разброса мнений – от фанатичного возвеличения, граничащего с обожествлением, до исступленного развенчания, – как о Наполеоне. Величайшие умы расходились в оценках его личности, хотя надо признать, что в подавляющем большинстве они признавали его если не первым, то одним из первых военных и государственных гениев всех времен и народов. Именно в нем они усматривали самый яркий пример «ге-

[1] Стендаль. Собр. соч. М.; Л., 1950. Т. 14. С. 3.
[2] Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. М., 2000. С. 9.

ниального человека» (А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский, В. Гюго и А. Мицкевич)[1], называя его в своем увлечении «небывалым гением» (Г. В. Гегель), «лучшим отпрыском Земли» (Д. Г. Байрон), «квинтэссенцией человечества» (И. В. Гете), «божеством с головы до пят» (Г. Гейне)[2] и т. д. Для Дениса Давыдова Наполеон – «величайший полководец всех времен»; для академика (механика и математика) А. Н. Крылова – «один из величайших гениев, когда-либо бывших»; для Марины Цветаевой – «бог всей мировой лирики»[3]; Шарль де Голль назвал его «сверхчеловеческим гением»[4].

По высочайшей шкале оценивали Наполеона как историческую личность самые разные авторитеты: генералиссимус А. В. Суворов, А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов, И. С. Тургенев и Н. А. Добролюбов, Ф. И. Шаляпин и В. Я. Брюсов, О. Бальзак и Д. Гарибальди, Л. Бетховен и Н. Паганини, Б. Шоу и Марк Твен[5]. Два светила науки и политики из стран, бывших главными врагами Наполеона, англичанин лорд А. П. Розбери и россиянин академик Е. В. Тарле пришли к одинаковому заключению: «Наполеон до бесконечности раздвинул то, что до него считалось крайними пределами человеческого ума и человеческой энергии»[6].

---

[1] Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 1. С. 34; Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1939. Т. 3. С. 139; Гюго В. Собр. соч.: В 15 т. М., 1953. Т. 12. С. 82, 233; Т. 15. С. 12; Мицкевич А. Собр. соч.: В 5 т. М., 1954. Т. 5. С. 174, 221–222.

[2] Гегель Г. В. Работы разных лет: В 2 т. М., 1971. Т. 2. С. 343; Байрон Д. Г. Полн. Собр. соч.: В 4 т. СПб., 1905. Т. 3. С. 152; Эккерман И. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1981. С. 175; Гейне Г. Собр. соч.: В 10 т. М., 1957. Т. 4. С. 424.

[3] Давыдов Д. В. Соч. М., 1962. С. 308, 386; Крылов А. Н. Мои воспоминания. Л., 1984. С. 438; Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7 т. М., 1994. Т. 5. С. 521. По собственному признанию М. И. Цветаевой, она «больше всех и всего любила Наполеона» и когда впервые приехала в Париж, то «из любви к императору» поселилась на Rue Bonaparte, 59-bis (Там же. Т. 6. С. 304, 613).

[4] Цит. по: Туган-Барановский Д. М. Наполеон и власть. Балашов, 1993. С. 258.

[5] См.: Суворов в сообщениях профессоров Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1900. Кн. 1. С. 20; Реизов Б. Г. Пушкин и Наполеон // Русская литература. 1966. № 4. С. 53–57; Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. М., 1958. Т. 1. С. 45, 47; Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма. М.; Л., 1961. Т. 1. С. 356, 485; Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1961. Т. 1. С. 106; Ф. И. Шаляпин. Т. 2: Статьи, высказывания, воспоминания о Шаляпине. М., 1960. С. 494; Брюсов В. Я. Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 2. С. 183–185; Бальзак О. Собр. соч.: В 24 т. М., 1960. Т. 17. С. 55, 156; Гарибальди Д. Мемуары. М., 1966. С. 318; Тибальди-Кьеза М. Паганини. М., 1981. С. 40, 50; Твен Марк. Собр. соч.: В 8 т. М., 1980. Т. 8. С. 215.

[6] Тарле Е. В. Соч.: В 12 т. М., 1959. Т. 7. С. 20; Rosebery A. P. Napoleon. The last phase. London, 1922. P. 7.

С другой стороны, есть (правда, в неизмеримо меньшем числе) и авторитетно-*негативные* оценки Наполеона. Так, Ф. Шиллер заявлял, что Наполеон как особый тип исторической личности ему «противен». Декабрист К. Ф. Рылеев считал Наполеона «исчадьем злобным Ада», а идеолог европейского анархизма П. А. Кропоткин относил его к «маньякам, хотевшим заставить мир пойти вспять». И. А. Бунин при имени Наполеона испытывал «просто ужас»[1].

Заметим, однако, что даже самые яростные критики личных качеств Наполеона не умаляли его масштабности. Антинаполеоновский памфлет 1814 г., изданный в Москве, гласит: «Многие мнили видеть в нем Бога, немногие – сатану, но все почитали его великим»[2]. Единственный в своем роде взгляд на него как на «самонадеянное ничтожество» – взгляд Льва Толстого[3] – воспринимается сегодня как нонсенс, литературное зубоскальство одного гения по адресу другого, хотя именно этому нонсенсу следовали, как правило, советские историки-официозы (П. А. Жилин, Л. Г. Бескровный, Н. Ф. Гарнич) и писатели (В. С. Пикуль, С. П. Алексеев, О. Н. Михайлов), взиравшие на гигантскую фигуру Наполеона, что называется, «со стороны подметок». Характерно, что многие литераторы, а также военный теоретик и историк М. И. Драгомиров «резко отрицательно» (в особенности А. П. Чехов, А. К. Толстой и Д. С. Мережковский) восприняли карикатурное изображение Наполеона в романе «Война и мир»[4].

Томясь в изгнании на острове Святой Елены, Наполеон однажды воскликнул: «Какой роман – моя жизнь!» Действительно, нет в истории человечества другого героя, жизнь которого была бы столь романтична и насыщена головокружительными круговоротами судьбы: «первый солдат веков и мира» (по выражению Дениса Давыдова),

---

[1] Шиллер Ф. П. Фридрих Шиллер. М., 1955. С. 331; Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч. М., 1934. С. 326; Кропоткин П. А. Этика. М., 1991. С. 312; Бунин И. А. Окаянные дни. М., 1991. С. 148.

[2] Сен-Клудский журнал наполеоновых знаменитых дел... М., 1814. Ч. 1. С. 4.

[3] Толстой Л. Н. Полн. Собр. соч. М., 1952. Т. 48. С. 60–61. Как известно, Толстой считал «ничтожеством» и В. Шекспира, произведения которого вызывали у Льва Николаевича «отвращение, скуку и недоумение» (Там же. Т. 35. С. 217).

[4] См.: Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. М., 1949. Т. 15. С. 259; Толстой А. К. Собр. соч.: В 4 т. М., 1964. Т. 4. С. 272; Мережковский Д. С. Наполеон. М., 1993. С. 9, 64; Драгомиров М. И. Очерки. Киев, 1898. С. 76; Алданов М. А. Ульмская ночь. М., 1996. С. 40–41; Симонов К. М. Наполеон // Французский ежегодник за 1969 г. М., 1971. С. 210. О неприятии толстовского Наполеона Эрнестом Хемингуэем см.: Французский ежегодник за 1976 г. М., 1978. С. 11.

прошедший огнем и мечом всю Европу от Мадрида до Москвы, Египет, Сирию, младший лейтенант Наполеон поднялся на недосягаемую в то время высоту французского императора и европейского властелина, рухнул с этой высоты почти в небытие, вновь – на «сто дней» – вернул себе прежнее величие и опять был низвергнут, но не забыт, а еще больше (уже посмертно) возвеличен, получив к своим лаврам гения и тирана ореол мученика.

На сегодня о Наполеоне написаны больше 400 тыс. трудов. Только авторов опубликованных воспоминаний лично о нем президент Института Наполеона (есть такой во Франции!) Жан Тюлар насчитал 794. С 1903 по 1971 г. в разных странах о Наполеоне поставлены более 500 театральных пьес, 59 художественных и документальных кинофильмов и даже несколько *балетов* (в том числе балет «Наполеон Бонапарт» корифея советской музыки Т. Н. Хренникова). Казалось бы, феномен Наполеона всесторонне изучен, но остается неисчерпаем. С одной стороны, появление новых источников и точек (или даже углов) зрения, а с другой – перемены в нашем видении мировой истории и, главное, самого мира, в котором мы живем, побуждают нас заново постигать смысл важнейших событий и роль крупнейших деятелей, исправлять старые и обретать новые представления.

Так, мировую сенсацию представили собой публикации на всех основных языках планеты Стена Форсхувуда (Швеция) и Бена Вейдера (Канада), раскрывших тайну смерти Наполеона на острове Святой Елены, – не опочил от рака желудка, как считалось, а был злодейски отравлен.

С конца 1980-х годов бесценным подспорьем для исследователей наполеоновской эпохи стал капитальный двухтомный «Словарь Наполеона» под редакцией самого, пожалуй, авторитетного сегодня наполеоноведа Жана Тюлара. В словаре почти 2000 страниц, более 15 000 статей, над которыми работали 205 историков. К сожалению, этот словарь, дважды изданный во Франции (в 1987 и 1999 г.), на русский язык не переведен.

В постсоветское время в России начался и продолжается прямотаки ажиотаж с изданием литературы о Наполеоне. Впервые на русском языке изданы превосходные монографии Э. Людвига и Ж. Тюлара, Д. Чандлера и А. Кастело, Р. Делдерфилда и Х. Беллока, Б. Вейдера и В. Кронина, воспоминания о Наполеоне К.-Ф. де Меневаля и Констана Вери, Л.-Ж. Маршана и Б. О'Мира, переиздаются сочинения самого Наполеона, классические труды Е. В. Тарле, А. З. Манфреда, Д. С. Мережковского, В. Скотта, Ф. Кирхейзена, А. Вандаля, а наряду с ними выходит в свет масса новинок, в основ-

ном, к сожалению, низкосортных. Есть среди них, конечно, и очень ценные издания, как, например, великолепный фолиант О. В. Соколова «Армия Наполеона», но преобладают сенсационно-поверхностные или попросту легковесные.

Так, модный ныне драматург и тележурналист Э. С. Радзинский выпустил несколько изданий своего труда «Наполеон. Жизнь после смерти», который изобилует оценочными и фактическими оплошностями вроде следующего тезиса (якобы от Наполеона): «Русские оставили нам Москву, не посмев ее сжечь»[1]. Еще как посмели!

А. А. Щербаков в книге «Наполеон. Как стать великим» (СПб., 2005) признает Наполеона «гениальным полководцем», но то и дело подчеркивает, что он был «никудышный стратег» и вообще не имел «стратегического мышления» (С. 16, 119, 166, 244). Это ведь все равно, что сказать о В.-А. Моцарте или П. И. Чайковском: он был великий композитор, но никудышный музыкант, напрочь лишенный слуха. Кстати, Щербаков шокирует образованного читателя и нарочито упрощенным, почти блатным слогом: «Наполеон не такой был человек, чтобы задницу кому-то лизать», «он пер, как танк», «кампанию по втюхиванию "дезы" Наполеон провел блестяще», «дальше дела пошли хреново», «он пустил псу под хвост свою военную карьеру – взамен получил шиш с маслом» (С. 34, 39, 69, 167, 218) и т. д.

Столь же легковесен еще один из новейших *российских* «Наполеонов» авторства С. Ю. Нечаева. Его опус, явно перегруженный домыслами и побасенками[2], издан в 2005 г. в Москве под претенциозной шапкой «Подлинная история Наполеона» и с еще более претенциозным подзаголовком «Развенчание героя». Развенчивает Нечаев героя, опираясь, главным образом, на скандально известные мемуары маршала О.-Ф. Мармона (герцога Рагузского), изменившего Наполеону и Франции и тем самым запятнавшего себя так, что от его титула появилось в языке парижан словцо «raguser» как «синоним подлого предательства»[3].

Если такие авторы, как Э. С. Радзинский, А. А. Щербаков, С. Ю. Нечаев, не являясь специалистами в наполеоновской историографии, стараются взглянуть на личность и деятельность Наполеона по-новому, то *специалист* В. М. Безотосный предпочел реанимировать архаику царско-советских штампов. Так, в сочинении, непо-

---

[1] Радзинский Э. Роковые минуты истории. М., 2005. С. 593.

[2] Например, один из параграфов здесь озаглавлен: «Поражение Наполеона при Маренго» (С. 54), а на острове Святой Елены, по мнению Нечаева, был похоронен вовсе не Наполеон, а «кто-то другой» (С. 362).

[3] Цит. по: Черкасов П. П. Лафайет. Политическая биография. М., 1991. С. 318.

средственно и полемично обращенном ко мне, он вслед за царским официозом А. И. Михайловским-Данилевским и советским – П. А. Жилиным изображает Наполеона «самым беззастенчивым захватчиком и грабителем в международном плане», ответственным, кстати, и за сожжение Москвы (!), а феодальные коалиции его противников – всего «лишь скромниками», которые, мол, *всегда* вели против него «освободительные войны» с целью «восстановить баланс сил в Европе» и создать нечто вроде системы коллективной безопасности от такого грабителя[1].

Еще более сенсационны, но не менее ущербны новейшие издания (в переводах на русский язык) зарубежных ниспровергателей Наполеона. Таковы, в особенности, книги английского историка Десмонда Сьюарда «Наполеон и Гитлер» (Смоленск, 1995) и австрийского медика Антона Ноймайра «Диктаторы в зеркале медицины. Наполеон. Гитлер. Сталин» (Ростов н/Д., 1997).

Сьюард приводит в своей книге мнения Уинстона Черчилля и голландского профессора Питера Гейла о Наполеоне и Гитлере. Так, Черчилль в 1940 г. заявил: «Я решительно отвергаю какое-либо сравнение между г-ном Гитлером и Наполеоном; я не желаю оскорблять мертвого», а Гейл отметил, что «при упоминании имени императора рядом с именем фюрера чувствуешь себя виноватым и хочется просить у Наполеона прощения» (С. 8, 9). Но, процитировав эти отзывы, Сьюард настаивает на своем: «Наполеон и Гитлер – предтечи антихриста», «масштаб их вины перед человечеством сопоставим», Наполеон воплотил в себе «все зло, принесенное Французской революцией» (С. 182, 370, 372) и т. д.

Что касается книги Ноймайра, то, хотя автор ее известен как врач-*терапевт*, она выглядит шизофреничной: шокирует сведущего читателя натужное стремление автора изобразить трех абсолютно разных людей как одинаковых носителей «чудовищной извращенности», «садистской жажды мести и бредовых идей», как монстров, которые «принесли своим народам лишь страдания и смерть» и «руки которых *в буквальном смысле* слова (?! – *Н. Т.*) по локоть обагрены кровью невинных жертв» (С. 2, 4, 474 и др.).

Если даже в научной литературе о Наполеоне встречаются такие измышления, то историческая беллетристика перенасыщена ими. Вот два сравнительно свежих примера. Роман немецкой писательницы Габи фон Шёнтан «Мадам Казанова» (рус. пер.: М., 1996) выдер-

[1] Безотосный В. М. Антинаполеоновские войны: борьба с прогрессом или агрессией? (Полемика с Н. А. Троицким) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. 7. М., 2008. С. 393–394, 399–400, 402.

жан в историко-порнографическом жанре. Заглавная героиня романа (вымышленный персонаж), международная проститутка, укладывает к себе в постель Наполеона и Александра I, Талейрана и Поццо ди Борго, английских дипломатов и русских военачальников и, таким образом, оказывает заметное воздействие на ход политических событий в Европе, сыграв чуть ли не решающую роль в падении империи Наполеона. Сам Наполеон представлен жутким злодеем, это нравственный выродок и психопат, который, впрочем, когда был молод, имел одно достоинство: «очаровательную улыбку», вскоре утраченную.

Другой роман – английского писателя Фрэнка Кеньона – «Мой брат Наполеон» (рус. пер.: М., 1994) представляет собой неуклюжий пасквиль на самого Наполеона и на его сестру Каролину, от имени которой ведется повествование. Каролина здесь – примитивная шлюха, а Наполеон – дурак (с. 477), фанфарон (с. 507), «помешанный на власти» (с. 488), трус (особенно боится кошек: с. 258, 259), гомосексуалист («постельный партнер» собственного лакея: с. 305), безобразный даже внешне – с «большим брюхом», нервным тиком (грызет ногти) и геморроем (с. 501).

Сегодня, впервые в России, проявилась и противоположная крайность – демонстративная (для россиян даже дерзкая) апология Наполеона. А. П. Никонов, следуя своей заявке: «...наше дело – разобраться и оправдать Наполеона. Потому что он хороший»[1] (в частности, как «самый эффективный менеджер всех времен и народов»: с. 2), не опровергает, а попросту, не чинясь, отбрасывает укоренившиеся у нас представления: например, фиксирует «Бородинский разгром нашей армии» (с. 268) и *жалеет* о том, что «Наполеону не удалось покорить Россию, а то и нам он подарил бы отличный свод законов» (С. 149). При этом все, кто до Никонова исследовал жизнь и деятельность Наполеона, для него мало что значат. Особенно досталось Евгению Викторовичу Тарле – самому выдающемуся из всех, кто когда-либо писал в России о Наполеоне. Для Никонова Тарле – «несчастный» исполнитель «заказа партии», который мог «проболтаться» всуе и потом «смешно оправдываться» (С. 262), «придворный историк» (С. 263) и «сталинский сокол» (С. 274). Стало быть, Никонов толком не знает ни трудов Тарле, ни его биографии, не знает, что Евгений Викторович претерпел при Сталине и арест, и ссылку, и разжалование из академиков, и убийственные нападки на него партийной прессы в 1937 и 1951 г. Правда, одно достоинство в творчестве Тарле Никонов вальяжно признает: «Писал

[1] Никонов А. П. Наполеон: Попытка № 2. СПб., 2008. С. 90.

не как историк, т. е. скучно и занудно, а как настоящий писатель (типа меня, ну, может, чуть послабее)» (С. 310).

Каков литературный стиль (и заодно исторический кругозор) самого Никонова, иллюстрируют следующие примеры: Наполеон «не стеснялся "мочить в сортире"» (С. 107), но «не понимал, какого черта Александр I лезет в Европу» (С. 250), и «на хрена» Фридриху-Вильгельму III лишняя территория (С. 202); русская армия – это «крепостная скотина» (С. 205), а сам Александр I – «потрясающая гнида» (С. 208); ну а супруга Наполеона Жозефина – просто «шалава» и «сука» (С. 128, 137). Наконец, позабавлю читателя шедевром из исторических аналогий А. П. Никонова: «Расстрел герцога Энгиенского в тогдашнем высшем свете восприняли примерно так же, как в современной России восприняли бы (внимание, мой читатель! – *Н. Т.*) расстрел Аллы Пугачевой» (С. 179).

«Сенсационный бестселлер» «самого скандального современного историка», как представлена в аннотации книга А. М. Буровского «Наполеон – спаситель России», трудно принять всерьез. Здесь и поразительная неосведомленность автора (Кутузов при Бородине якобы «не ставил целью остановить Наполеона и удержать Москву», а «причины московского пожара 1812 г. остаются до сих пор (для Буровского. – *Н. Т.*) неизвестными»), и топорность авторских оценок (отступление войск Наполеона из России – это «отвратительный драпеж крыс», которые, мол, «кинулись обратно в свою нору», то бишь во Францию). Что же касается парадоксальной роли Наполеона как «спасителя России», то Буровский понимает ее так: Наполеон в России «мог только пакостить и разрушать», чем спровоцировал против себя «дубину народной войны» (выражение Льва Толстого), которая погубила его, а, стало быть, спасла Россию[1].

Итак, писали и пишут о Наполеоне чаще и больше, чем о комлибо. Но, вероятно, очень многие из тех, кто принимался за работу над биографией «первого солдата веков и мира», невольно задумывались: а по плечу ли им такая задача? Так, Е. В. Тарле опасливо приступал к соперничеству со своими предшественниками, называя при этом В. Скотта, Ф. Стендаля, Л. Н. Толстого. А. З. Манфред по той же причине десятилетиями «не считал себя морально вправе» выступить с книгой о Наполеоне, ссылаясь теперь еще на самого Тарле, а также на А. Моруа, Э. Людвига «и многих, многих других»[2].

---

[1] Буровский А. М. Наполеон – спаситель России. М., 2009. С. 365–366, 368, 381.

[2] Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. 4-е изд. М., 1986. С. 6–7.

Думается, для того чтобы создать достаточно масштабное жизнеописание Наполеона, нужен большой исследовательский и просто жизненный опыт. Не случайно Тарле написал своего «Наполеона» в 62 года, Д. С. Мережковский – в 63, А. З. Манфред – в 65. Я начинаю писать в 75 лет, но имея монографию «Александр I и Наполеон», впервые изданную в 1994 г., когда мне было 63 года (переиздана в 2007 г.). Разумеется, я не стремлюсь написать о Наполеоне лучше Тарле и Манфреда, как и не боюсь написать хуже, но знаю, что напишу иначе, по-своему. У меня – свой взгляд на жизнь, деятельность и личность Наполеона, взгляд, который, надеюсь, заинтересует и, быть может, увлечет многих, хотя, уверен, многих и оттолкнет.

Здесь имею в виду не только содержание, но и само название книги: «Наполеон *Великий*». Собственно, в этом нет никакой сенсации. Не просто «великим» (полководцем, государственным деятелем, законодателем), но и «Наполеоном Великим» называли первого из Наполеонов К. Маркс и Ф. Энгельс[1], а французский историк Эдуард Дрио опубликовал его трехтомную биографию именно под таким названием «Наполеон Великий»[2]. Но в российской историографии так назвать книгу о Наполеоне было бы вызывающе неприлично ни при каком режиме – ни в царское, ни в советское, ни в постсоветское время, только потому что Наполеон воевал с Россией (о том, что он с Россией дружил и стремился к союзу с ней, не принято распространяться).

Между тем на вопрос, разве Наполеон *как историческая личность* менее велик, чем наши Петр и Екатерина Великие или всем миром признанные Кир Великий, Карл Великий, Фридрих Великий, даже Александр Великий, – на этот вопрос напрашивается сам собой разумеющийся, неопровержимый ответ: конечно, не менее, а даже более.

К тому же учитываю разнообразие жанров в жизнеописаниях Наполеона – у Ж. Тюлара социологический, у Э. Людвига – психологический, у Д. С. Мережковского – философский, у А. Кастело – беллетристический. Меня привлекает больше всего чисто исторический жанр, в котором наиболее гармонична книга Е. В. Тарле «Наполеон», которая, однако, недостаточно полна и отчасти устарела. Что касается написанной в том же историческом жанре книги А. З. Манфреда «Наполеон Бонапарт», то она, при всех ее достоинствах (яркая, обстоятельная, поучительная), композиционно дисгармонична: в ней заметно скомкана 2-я часть, о заточении

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 10. С. 239.
[2] Driault E. Napoléon le Grand (1769–1821). P., 1930. V. 1–3.

Наполеона на острове Святой Елены нет даже отдельного параграфа.

Источниковая база мировой наполеонианы безбрежна и, естественно, используется различными авторами в разной мере, причем российские историки меньше, чем следовало бы, используют французские источники, а труды французских историков страдают недооценкой, а то и попросту игнорированием российских источников. Между тем российскими источниками, относящими к Наполеону, буквально изобилуют и капитальные (включая многотомные) публикации[1], и архивные фонды – Министерств иностранных дел и военного, а также Александра I, А. А. Аракчеева, А. П. Ермолова, А. С. Шишкова, Н. К. Шильдера, К. А. Военского и др.

Справедливости ради надо признать, что в России французская и вообще иностранная литература о Наполеоне учитывается гораздо лучше, чем во Франции российская. Показательны библиографические справки к фундаментальному «Словарю Наполеона» под редакцией Ж. Тюлара. В библиографии к статье «Русская кампания 1812 г.» из российских исследований здесь названа лишь монография царского историка Д. П. Бутурлина, к статье «Александр I» – только книги царских же официозов Н. К. Шильдера и вел. кн. Николая Михайловича, а к статьям «Кутузов» и «Наполеон» даже не назван ни один россиянин (в библиографии к статье – довольно обширной – о М. И. Кутузове рекомендована всего лишь одна книга, да и та английского историка Р. Паркинсона).

Мой «Наполеон» основывается на традиционно разнообразных источниках, включая разысканные мною и впервые использованные в книге «Александр I и Наполеон» архивные документы (относящиеся, правда, лишь к *императору* Наполеону), с учетом различных концепций русской дореволюционной (охранительной, либеральной, демократической), советской, постсоветской и зарубежной историографии.

Задачу свою вижу в том, чтобы изложить возможно подробнее и доступнее для массового читателя мое видение всей жизни и деятельности Наполеона, его личностных качеств, результатов, последствий и уроков всего им содеянного. Главное, хотелось бы, и я попы-

---

[1] См., например: Внешняя политика России XIX и начала XX в.: Документы российского министерства иностранных дел. Серия I (1801–1815 гг.). М., 1960–1967. Т. 1–6; Сборник исторических материалов, извлеченных их архива Собственной его имп. величества канцелярии. СПб., 1876–1917. Т. 1–15; Отечественная война 1812 г.: Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. СПб., 1900–1914. Т. 1–22; Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815). СПб., 1882.

таюсь решить такую задачу с позиций, научно сбалансированных, свободных от политической предвзятости и субъективных пристрастий. Теперь уже мало кто спорит с тем, что Наполеон – величайший полководец и государственный деятель всемирной истории. Но этот уникальный гений сочетал в себе, наряду с массой достоинств, одиозные черты деспота, тирана, агрессора; правда, до сих пор дискутируют, в какой мере они были свойственны Наполеону. Ведь этот деспот создал самый передовой в современном ему мире и поныне действующий в самых цивилизованных странах свод законов; этот тиран свел к минимуму политические репрессии во Франции, а что касается его как агрессора, то вот факт, который у нас принято замалчивать: из 10 своих войн за 1804–1815 гг. Наполеон в восьми (исключая лишь две войны – с Испанией и Россией) не был зачинщиком. Кстати, Александр I, которого вообще не считают агрессором, за те же 1804–1815 гг. провел войн *больше*, чем Наполеон! На одну войну, но – больше.

Чем масштабнее личность, тем крупнее ее достоинства и недостатки. У Наполеона и то и другое значимо, и все – на виду. Поэтому важно оценить и его легендарное обаяние, и то отторжение, которое он вызывал не только как властитель, но и просто как человек (сын, брат, муж, отец, друг) у разных людей, у современников и последующих историков. Разумеется, я не стремился расследовать все это исчерпывающе и окончательно, ибо, как подчеркивает современный историк Роже Дюфрес, «история Наполеона никогда не будет завершена и никогда не будет написана полностью»[1].

Встал передо мной и вопрос о том, как начать книгу о Наполеоне – эффектно, «с аксессуарами в антураже», или просто, без всяких эффектов. Вспоминаю, как позабавил меня и настроил против «аксессуаров в антураже» отрывок из письма Е. В. Тарле к Е. Л. Ланну в связи с изданием книги Ланна о Ч. Диккенсе. «Жду Вашего “Диккенса”, – писал Евгений Викторович. – Я уже знаю, что начнете, как мне нравится: родился тогда-то, там-то, родители – то-то и то-то и пр. А не так: “Он потянулся, чихнул. И рывком родился. А кругом теснились облака со вспотевшими боками. Он поглядел и тоже вспотел”. Вообще будет хорошо, как у Вас бывает, когда Вы пишете в реалистической манере»[2]. Прочитав такое у Тарле, я порадовался за то, что всегда стараюсь писать «в реалистической манере», именно так

[1] Дюфрес Р. Наполеон. М., 2003. С. 6.

[2] Проблемы истории международных отношений: Сб. статей памяти акад. Е. В. Тарле. Л., 1972. С. 66–67.

начинал «Александра I и Наполеона», так начну теперь и «Наполеона Великого»...

Сердечно благодарен за неоценимую помощь в работе над этой книгой самому ответственному и самому строгому ее редактору – моей жене Марине Николаевне.

Глава I
НАЧАЛО НАЧАЛ

Этот мальчик сделан из гранита,
но внутри у него вулкан.
Учителя Бриеннской военной школы
о юном Наполеоне

1. Семья

На острове Корсика в городе Аяччо есть площадь Летиции. Угол ее не одну сотню лет занимает дом № 1, точно такой же, как все другие дома, но – с трехцветным флагом (государственный флаг Франции) над воротами и доской на стене с надписью: «Государственная собственность». Этот дом закрывает свои двери только на ночь. Все остальное время здесь не иссякает поток туристов. Им говорят: «В этом доме 15 августа 1769 г. родился Наполеон», намеренно допуская очевидную неточность.

Тот дом, в котором действительно родился Наполеон, был разрушен в 1793 г. корсиканскими роялистами и восстановлен через три года из развалин так, что «и снаружи, и внутри совершенно изменился». Об этом еще в начале XX в. писал один из самых осведомленных биографов Наполеона Фридрих Кирхейзен[1]. Тем не менее заново восстановленный дом стоит на прежнем месте, и он, конечно же, может рассматриваться – с соответствующей оговоркой – как исторический памятник XVIII в. и место рождения Наполеона.

Кстати, в Аяччо сегодня есть и Аллея Наполеона (главная улица города), и Набережная Наполеона, и Авеню Первого Консула, а так-

[1] Кирхейзен Ф. Наполеон I. Его жизнь и его время. М., 1997. С. 42.

же улица Бонапартов, бульвары Матери и Жерома (брат Наполеона), улица Римского короля (т. е. Наполеона II, сына императора)[1].

Итак, 15 августа 1769 г., в праздник Успенья, родовые схватки у Летиции Бонапарте начались в местной церкви, на молитве. Ее принесли домой, но не успели даже уложить в постель, и она родила будущего императора в прихожей, на подвернувшейся кушетке. «Эту тактику внезапного нападения Наполеон применял потом всю жизнь», – заметит один из его биографов.

Долгое время в литературе жила легенда, рассказанная Э. Ласт-Казом (якобы со слов Наполеона) и Стендалем о том, что Летиция родила Наполеона «на старинном ковре с вытканными на нем сказочными героями Илиады»[2]. Однако Ф. Кирхейзен и А. Кастело опровергли эту легенду, ссылаясь на воспоминания самой Летиции: «Все это – сказки... Во всех наших домах на Корсике никогда не было ковров – ни зимой, ни летом. Для чего они?»[3]

О родителях Наполеона нам известно сегодня почти все, хотя и не обошлось без легенд, одна из которых ведет род Бонапартов от Железной Маски (якобы брата-близнеца Людовика XIV), другая – от византийских императоров Палеологов, а третья – даже от древнеримского патрицианского рода Юлия Цезаря[4]. В действительности отец Наполеона Карло Мария *Буонапарте* (таково, на итальянский лад, написание этой фамилии) принадлежал к старинному дворянскому роду выходцев из Флоренции, один из которых был хоругвеносцем и будто бы даже управлял в середине XIII в. Флорентийской республикой. В 1529 г. его потомок Франческо Буонапарте переселился на Корсику, которая тогда уже почти 200 лет находилась под владычеством Генуэзской республики. С тех пор Буонапарты жили в Аяччо, но еще в течение 200 лет ничем себя особо не проявляли[5].

Карло Мария Буонапарте родился в Аяччо 27 марта 1746 г. Вот он, не в пример своим предкам, смог выдвинуться быстро и ярко[6]. Рано потеряв отца, Карло благодаря заботам своего дяди, архидиакона при соборе в Аяччо Люциана Буонапарте, получил отличное об-

---

[1] Подробно об этом см. в кн. австрийского журналиста Фреда Вандера «Корсика еще не открыта» (М., 1961. С. 65–66).

[2] Стендаль. Собр. соч. М.; Л., 1950. Т. 14. С. 182.

[3] Кастело А. Бонапарт. М., 2004. С. 11; Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 42.

[4] См.: Тюлар Ж. Наполеон, или миф о «Спасителе». М., 1996. С. 36.

[5] См.: Пчелов Е. В. Генеалогия дома Бонапартов // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. М., 1995. С. 74–84.

[6] Подробно о нем см.: Chuquet A. La jeunesse de Napoléon. P., 1897. T. 1. P. 51–56; Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 24–26; Кастело А. Указ. соч. С. 8–10.

разование. Он изучал юридические науки в Риме и Пизе, получил от Пизанского университета ученую степень доктора прав и стал преуспевающим адвокатом. Его отличали глубокий ум и широкая эрудиция, поэтичность натуры (ценил поэзию и сам писал стихи), подчеркнутая интеллигентность, элегантность манер, приобретенная в Италии и для Корсики просто редкостная, безупречное знание не только итальянского, но и французского языков. Вольнодумец и острослов, поклонник Вольтера, вина и женщин, он был патриотом Корсики, но страдал от ее средневековых предрассудков и «ненавидел иезуитов»[1]. Импонировала окружающим (особенно женщинам) и его симпатичная внешность: «высокого роста, стройный, с приятным выразительным лицом, форму и глаза которого унаследовал от него Наполеон»[2].

После того как по договору от 15 мая 1768 г. Генуэзская республика *продала* Корсику Франции, Карло Буонапарте, не отказываясь от адвокатской практики, активно включился в политику. Заручившись поддержкой французского губернатора Корсики генерала графа Рене де Марбёфа, который, как мы увидим, сыграет очень важную роль в судьбах всей семьи Наполеона, Карло в 1771 г. стал депутатом от Аяччо при королевском дворе, а в 1772 г. был назначен членом Совета 12 именитых корсиканских дворян. С 1772 г. он уже именовал себя вальяжно: Карло *де* Буонапарте, а земляки стали называть его «Буонапарте Великолепный».

Тем временем предприимчивый адвокат и политик заботливо устраивал и свою личную жизнь. 2 июня 1764 г. 18-летний Карло Буонапарте женился на Летиции Рамолино, которой не исполнилось тогда 14 лет и которая родит ему, кроме Наполеона, еще 12 детей.

Американский историк В. Слоон, посчитавший Летицию крестьянкой[3], безусловно, ошибался. Самые надежные источники согласно свидетельствуют, что она, как и ее муж, принадлежала к дворянскому, хоть и захудалому, но древнему роду, возможно, от владетельных князей Ломбардии[4]. Родилась она 24 августа 1750 г. Ее отец командовал гарнизоном Аяччо, а потом был Генеральным инспектором путей сообщения всей Корсики. Летиция потеряла его в раннем детстве. Ее мать в 1757 г. вторым браком вышла за капитана швей-

---

[1] Трачевский А. С. Наполеон I. Первые шаги и Консульство (1769–1804). М., 1907. С. 7.

[2] Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 24.

[3] Слоон В. Новое жизнеописание Наполеона I. Историческое соч. в 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 27.

[4] См.: Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 29; Кастело А. Указ. соч. С. 9; Пчелов Е. В. Указ. соч. С. 75; Мережковский Д. С. Наполеон. М., 1993. С. 110.

царского полка на генуэзской службе Франсуа Феша. От этого брака 3 января 1763 г. родился Жозеф Феш – будущий кардинал. Поскольку мать Летиции и ее второй муж вскоре умерли, Летиция навсегда стала для своего сводного брата второй матерью.

Судя по описаниям современников и учитывая единственный сохранившийся ее портрет в молодости[1], можно поверить восторженным отзывам о Летиции Буонапарте как о «самой обворожительной девушке на всей Корсике». Ее называли «чудом красоты», сравнивали с мадоннами Рафаэля. Наполеон так говорил о ней: «Прекрасна, как сама любовь». Подробно описал ее внешность Фридрих Кирхейзен: «Она была среднего роста, с изумительно пропорциональными формами тела, юная грация которого гармонировала со всей обаятельной внешностью. Руки, ноги ее были изящны и нежны: это передалось по наследству и Наполеону. Рот, может быть, с несколько серьезным выражением, но чрезвычайно красиво очерченный, скрывал два ряда жемчужных зубов. Когда по губам ее пробегала улыбка, она была очаровательна. Несколько выдававшийся подбородок указывал на энергию – совсем как у сына. Роскошные каштановые косы украшали классическую голову, которой темные глаза с длинными ресницами и тонким носом придавали аристократическое выражение. Все черты ее лица и все формы тела находились в поразительной гармонии. Не удивительно поэтому, что молодой Карло Бонапарт воспылал к ней сразу любовью»[2].

Очаровательно нежная внешне, Летиция отличалась уникальной для женщины силой характера. «Мать Наполеона, – писал о ней Стендаль, – была женщина, подобная героиням Плутарха, подобная Порциям, Корнелиям, подобная г-же Ролан[3]. Но еще более по всему своему складу – непоколебимому, суровому и страстному – она напоминала героинь итальянского средневековья»[4]. Не доставало ей только образования: она знала лишь самые начала грамоты, чтения, письма и арифметики, а французским языком прилично так и не овладела, грубо и смешно коверкала его на итальянский лад.

---

[1] В кн.: Lacour-Gayet G. Napoléon: sa vie, son oeuvre, son temps. P., 1921. P. 283.

[2] Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 30.

[3] Порция (жена Марка Юния Брута – убийцы Юлия Цезаря) и Корнелия (дочь Сципиона Африканского и мать братьев Гая и Тиберия Гракхов) считались образцами античной римлянки. Ролан де Ла Платьер Манон Жанна (1754–1793) – выдающаяся деятельница Французской революции, жена министра внутренних дел Ж. М. Ролана, мемуаристка. Казнена якобинцами. Муж ее, узнав о гибели жены, покончил с собой.

[4] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 185. Подробно о Летиции Буонапарте см.: Larrey F.-H. Madame Mère (Napoleonis Mater). P., 1892.

Поскольку брак Летиции с Карло Буонапарте был слишком ранним физиологически, первые трое их детей (сын и две дочери) рождались очень слабыми и умирали в младенчестве. Из следующих десяти выжили восемь. По общему мнению тех, кто знал Летицию (в первую очередь, конечно, детей), она была превосходной матерью – равно заботливой и строгой. Случалось, что Карло буквально заслонял собою детей от ее гнева. Но и заботилась она о детях с истинно корсиканской самоотверженностью. «Все низменные чувства в нас устранялись, – вспоминал Наполеон. – Она ненавидела их. Она допускала до детей только возвышенные. Она питала величайшее отвращение ко лжи, как вообще ко всему, что носило на себе хотя бы отпечаток низменного. Она умела наказывать и награждать». Все дети любили и почитали ее, как никого, до конца жизни. Наполеон признавал: «Ей обязан я всем моим счастьем, всем, что сделал доброго. Я убежден, что все добро и зло в человеке зависит от матери»[1]. И в предсмертном заточении на острове Святой Елены он вздыхал о ней: «Ах, мама Летиция, мама Летиция!»[2]

Итак, из 13 детей Карло и Летиции Буонапарте выжили и выросли восемь[3]. Старшим из них был Жозеф (Иосиф) – будущий король, сначала Неаполитанский, а затем Испанский. Он родился 7 января 1768 г. и всегда оставался самым близким к Наполеону из всех четырех его братьев, даже внешне самым похожим на него. Лаура Пермон, ставшая герцогиней д'Абрантес, друг всей семьи Наполеона, вспоминала: «лицо Иосифа прелестно», он «честен, добродетелен», «самый превосходный человек, какого только можно встретить»[4]. Однако в противоположность Наполеону Жозеф никогда не имел ни должной силы духа, ни выдающегося интеллекта.

Через год после Жозефа родился Наполеон, а затем, спустя шесть лет (после того как еще двое новорожденных не выжили), 21 марта 1775 г., появился на свет третий из братьев – Люсьен. Вальтер Скотт считал, что он «едва ли уступал Наполеону в честолюбии и талантах»[5]. В честолюбии – возможно, но, конечно же, не в талантах. Тем не менее из всех братьев Наполеона Люсьен был самым талантливым[6]. Он серьезно помог Наполеону в критических ситуациях

---

[1] O'Meara B. E. Napoléon in exile. P., 1897. T. 2. P. 184.

[2] Antommarchi F. Les derniers moments de Napoléon (1819–1821). P., 1898. T. 1. P. 269.

[3] Подробно см.: Сьюард Д. Семья Наполеона. Смоленск, 1995 (с прил.).

[4] Д'Абрантес Л. Записки герцогини Абрантес или исторические воспоминания... М., 1837. Т. 2. С. 149, 150.

[5] Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов. М., 1995. Т. 1. С. 8.

[6] Подробно о нем см.: Pietri F. Lucien Bonaparte. P., 1930.

18 брюмера 1799 г. и «Ста дней» 1815 г., но между этими двумя датами почти все время, единственный из братьев, был с ним в разрыве на личной почве. Дело в том, что осенью 1803 г. Люсьен женился на Александрине Блешам, вдове обанкротившегося и бежавшего из Франции спекулянта Жубертона. Наполеон не признал этот брак, а Люсьен не захотел оставить Александрину, от которой нажил 10 детей. В результате он один из всех братьев и сестер не получил от Наполеона никакого титула.

После рождения Люсьена Летиция Буонапарте рожала остальных пятерых детей через каждые два года, а то и через год. Из сыновей четвертым ее ребенком стал Людовик (Луи) – будущий король Голландии и отец императора Франции Наполеона III. Он родился 2 сентября 1778 г. и, по воспоминаниям герцогини Л. д'Абрантес, отличался «приятным лицом», «добротою и тихостью»[1], но рано стал калекой вследствие венерического заболевания и шокировал этим весь клан Бонапартов. Пятый сын Летиции (стало быть, четвертый брат Наполеона), самый младший член семьи Буонапарте Жером (тоже в будущем король – Вестфальский) родился 9 ноября 1784 г. По свидетельству герцогини д'Абрантес, сам Наполеон говорил о нем: «...дитя без всяких способностей»[2]. Впрочем, император и в зрелые годы досадовал, что ни у кого из его родных нет «никаких талантов»[3], но здесь он был излишне строг, мерил их по себе. Великий И. В. Гете, который знал всех братьев Наполеона, полагал, что Люсьен, Жозеф и Людовик – «все люди незаурядных способностей, дельные, энергичные и к тому же не лишенные поэтического дара»; только Жером, «по-видимому, уже несколько обделен врожденными талантами»[4].

Из дочерей Карло и Летиции Буонапарте старшая, Элиза (при крещении Мария-Анна), будущая княгиня Лукки и великая герцогиня Тосканская, родилась 3 января 1777 г. В отличие от своих сестер, она не блистала красотой, но превосходила их умом и неприятно удивляла скорее мужским, чем женским характером. С 1797 г. Элиза была замужем за Феличе Баччиоки, герцогом Лукки, которого держала в страхе до конца ее жизни.

Младшая по возрасту из трех сестер Наполеона Каролина (при крещении Мария Аннунциата), которая станет великой герцогиней Бергской, а затем королевой Неаполитанской, родилась 25 марта

---

[1] Д'Абрантес Л. Указ. соч. Т. 2. С. 263.

[2] Там же. Т. 10. С. 253, 362.

[3] Коленкур А. Мемуары. М., 1943. С. 57.

[4] Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1986. С. 389.

1782 г. Она отличалась красотой, умом, честолюбием и коварством[1]. Ш. М. Талейран обрисовал ее как личность такими словами: «Голова Макиавелли на торсе Венеры». Из всех сестер Наполеона именно у Каролины был самый удачный и яркий брачный союз – с легендарным маршалом Франции и королем Неаполя Иоахимом Мюратом. Кстати, она, умея интриговать и дерзать, добиваясь таким образом многого, руководила не только своим мужем-королем, но и его королевством.

Зато средняя из сестер, любимица Наполеона Полина (при крещении Мария Паола) или Паолетта, как ласково звали ее в семье, будущая принцесса Гвастальская, не имела нужды в интригах, поскольку добивалась своего почти сказочной красотой, которая окружающих восхищала, а мужчин сводила с ума[2]. Очень разные люди из ее современников судили о ней одинаково: «самая замечательная красавица своего времени» (Стендаль); «самая очаровательная особа, какую мне приходилось видеть в жизни» (статс-дама императрицы Жозефины К. Ремюза); «совершенство прекрасного» (герцогиня Л. д'Абрантес); «идеал красоты» (камердинер Наполеона Л.-Ж. Маршан)[3] и т. д. Среди ее поклонников, связанных с нею «узами любви», были такие знаменитости, как лучший актер Франции Франсуа-Жозеф Тальма, первый скульптор Европы Антонио Канова, величайший скрипач мира Никколо Паганини[4]. Изваянный Кановой в 1807 г. скульптурный портрет 27-летней Полины à la Венера, хранящийся ныне в римской галерее Боргезе, – шедевр мирового искусства. Известный российский историк, один из лучших биографов Наполеона А. С. Трачевский сказал о нем в 1907 г.: «В бюст Паолетты влюбляются и 100 лет спустя»[5]. Не зря классик французской поэзии середины XIX в. Теофиль Готье, обращаясь к своей музе Аполлонии Сабатье в стихотворении 1850 г. «О розовом платье», восклицал:

И пред Кановой смело ты
Откроешь, словно та принцесса,
Сокровищницу красоты![6]

---

[1] Подробно о ней см.: Нечаев С. Ю. Каролина Бонапарт. М., 2005.

[2] См. о ней: Fleuriot de Langle P. La Paolina, soeur de Napoléon. P., 1944.

[3] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 189; Д'Абрантес Л. Указ. соч. Т. 2. С. 163; Ремюза К. Мемуары. М., 1915. Т. 1. С. 128; Маршан Л.-Ж. Мемуары. М., 2003. С. 30.

[4] См.: Дейч А. И. Ф.-Ж. Тальма. М., 1934. С. 199–202; Тибальди-Кьеза М. Паганини. М., 1981. С. 38–47.

[5] Трачевский А. С. Указ. соч. С. 112.

[6] Готье Т. Эмали и камеи. М., 1989. С. 105.

Наполеона всегда раздражало обилие поклонников вокруг Полины. Поэтому он рано занялся благоустройством ее замужества. Сначала, еще в 1795 г., он отказал в сватовстве к ней своему другу Андошу Жюно (будущему герцогу д'Абрантес, а в то время младшему офицеру), который был влюблен в Полину «как сумасшедший». «У тебя пока нет ничего и у нее – ничего, – рассудил тогда будущий император. – В сумме – ничего. Подождем лучших времен»[1]. Но как только наступили «лучшие времена», уже в 1797 г. Наполеон выдал Полину не за Жюно, а за нового своего друга генерала Виктора Эммануэля Леклерка, а после его гибели в 1802 г. – за итальянского принца Камилла Боргезе. Этот принц считался чуть ли не первым красавцем, а главное, первым богачом в Италии, но в смысле интеллекта представлял собой «совершенную ничтожность»[2].

Таковы были четыре брата и три сестры Наполеона. Теперь можно подсчитать, что мама Летиция родила одного императора, трех королей, одну королеву и двух принцесс (герцогинь).

Здесь уместно сказать и об экзотических родственных связях семьи Наполеона. Жером Бонапарт в 1807 г. женился на принцессе Екатерине Вюртембергской, дочери короля Фридриха I – брата российской императрицы Марии Федоровны (жены императора Павла I и матери еще двух российских императоров – Александра I и Николая I), сын которого Фридрих Вильгельм Карл, ставший королем после смерти отца, женился на сестре Александра I Екатерине Павловне. Далее, старшая дочь пасынка Наполеона Евгения Богарне (о нем речь впереди) Жозефина выйдет замуж за наследника престола и будущего короля Швеции Оскара I, а младший сын Наполеон женится на дочери императора Николая I великой княжне Марии Николаевне, став членом царской фамилии в России. Наконец, самое экзотическое: внук Иоахима Мюрата и Каролины Бонапарт Ашиль (Ахилл) Мюрат женится на дочери грузинской княжны Екатерины Чавчавадзе (родной сестры Нино Чавчавадзе – жены Александра Сергеевича Грибоедова) и окажется, таким образом в близком родстве с великим русским писателем.

2. Детство

Итак, дата рождения Наполеона – 15 августа 1769 г. Место рождения – город Аяччо на острове Корсика...

Острова в жизни Наполеона обрели почти мистическую значимость. Он родился на острове в центре Европы и умер тоже на остро-

[1] Д'Абрантес Л. Указ. соч. Т. 1. С. 272, 274.
[2] Там же. Т. 7. С. 224.

ве (Святой Елены) за тридевять земель от места рождения, а, кроме того, в 1814–1815 гг. отбывал ссылку на еще одном острове – Эльба, по соседству с Корсикой. С холмов Эльбы он мог видеть горные вершины Корсики. Камердинер Наполеона Л.-Ж. Маршан вспоминал, как император в бытность свою на острове Эльба «сидел часами на скале Аффачьятойо, устремив взгляд на остров, где он родился»[1]. Разумеется, его отношение к тем островам было очень разным: Святую Елену он воспринимал как свою Голгофу, Эльбу – как временное, зловещее, но не без удобств обиталище, а Корсику любил всю жизнь – как родину, отчий край.

К этому надо добавить, что первая любовь Наполеона – его жена Жозефина – тоже была родом с острова (Мартиника), а главный враг его и всей Франции Англия – островная держава.

Любовь к родине Наполеон сохранил навсегда. Он даже так выразился, вспоминая Корсику: «Все здесь лучше, чем где бы то ни было». При этом он объективно судил о корсиканцах как о людях незаурядных, которые могут быть и вашими лучшими друзьями, и самыми заклятыми врагами. «Главная национальная черта корсиканца, – говорил он на острове Святой Елены своему врачу Барри О'Мира, – заключается в том, что он никогда не забывает сделанное ему добро или нанесенную ему обиду. На Корсике за нанесенное малейшее оскорбление следует удар кинжалом. Соответственно, убийство там является обычным делом. В то же время нет более благородного народа, чем корсиканцы. Корсиканец без колебания пожертвует своей жизнью за человека, которому он обязан за сделанное ему доброе дело»[2].

Можно не сомневаться, что Наполеон еще в ранней юности читал знаменитый трактат Жан-Жака Руссо «Об общественном договоре», которым он тогда увлекался, и запомнил сказанное этим великим французом о Корсике: «У меня есть смутное предчувствие, что когда-нибудь этот островок еще удивит Европу»[3].

По рассказам мамы Летиции, Наполеон родился маленьким и слабым ребенком, но с большой головой. О своем явлении миру он возвестил на редкость пронзительным криком, который долго не умолкал, пока будущего императора не укачали в колыбельке. Назвали новорожденного Наполеоне или по-корсикански Набулионе – именем мученика, который погиб в Александрии при Диоклетиане, но почему-то довольно распространенным на Корсике,

---

[1] Маршан Л.-Ж. Указ. соч. С. 121.

[2] О'Мира Б. Наполеон. Голос с острова Святой Елены. Мемуары. М., 2004. С. 337.

[3] Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 188.

причем в разных вариациях. Так, «кроме общих форм – Наполеон и Набулионе – есть еще: Напулеон, Наполеонус, Напулеонус, Непулеонус, Неаполеон, Неаполеонус, Неаполео, Неапулео и Неаполоннус»[1].

По сведениям, которыми располагал Вальтер Скотт, имя свое Наполеон получил в честь «святого, не слишком известного и даже исключенного из церковного календаря, так что Бонапарт даже не знал потом, в какой же день ему следует праздновать именины»[2]. А свою фамилию Наполеон будет писать на итальянский лад (Буонапарте) до 1796 г., т. е. до начала прославившей его на весь мир Итальянской кампании.

Поначалу маленький Наполеон ничем не отличался от обычных детей. Мама Летиция вспоминала, что до двух лет он был спокойным и тихим ребенком, но затем с каждым годом стал все заметнее проявлять свой необузданный темперамент, упрямство, настойчивость, непослушание. Сестер, правда, он никогда не обижал, но братьев буквально терроризировал. «Я был сварлив и драчлив, не боялся никого, – вспоминал он о своем раннем детстве. – Одного я бил, другого царапал, и все боялись меня. Особенно же страдал от меня мой брат Жозеф. Я колотил и кусал его. И его же потом за это ругали, потому что, пока он оправлялся от страха, я уже шел пожаловаться на него матери. Моя хитрость была очень кстати: мать не терпела драк»[3].

Только такая мать, как Летиция, могла обуздать столь задиристого и буйного малыша, которого, кстати, сызмальства прозвали и в семье, и на улице «Рабульоне», т. е. «Разбойником». Сам Наполеон рассказывал, как однажды Летиция не взяла его с собой в гости, и он все-таки пошел за ней, крадучись, по горной тропе; она обернулась, увидела его, подбежала и врезала такую пощечину, что он упал и покатился вниз. Пока «Рабульоне» поднимался, плача и вытирая глаза кулаками, мама Летиция смотрела на него, а потом быстро, не оглядываясь, пошла дальше одна[4]. Эту сцену Наполеон запомнил на всю жизнь – *с благодарностью* к матери за ее жесткую, но справедливую строгость.

Даже в детских забавах и играх Наполеон не был похож на братьев и сестер. У них была общая, просторная детская комната. Но, если Жозеф и Люсьен играли в прятки и догонялки, Наполеон предпочитал солдатские игрища: «опоясавшись деревянной саблей, с бу-

---

[1] Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 42. См. также: Кронин В. Наполеон. М., 2008. С. 15.

[2] Скотт В. Указ. соч. Т. 1. С. 9.

[3] Цит. по: Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 43–44.

[4] См.: Chuquet A. Op. cit. T. 1. P. 50.

мажным шлемом на голове, он поднимал адский барабанный бой»[1], на который в детскую сбегались взрослые (мать, отец, бабушка, няня), чтобы утихомирить развоевавшегося «Рабульоне».

Маму Летицию беспокоил «разбойничий» характер сына, и она, чтобы хоть как-то его смягчить, в 1774 г. отдала пятилетнего Наполеона в школу *для девочек* при пансионе сестер-монахинь в Аяччо. Он оказался там единственным мальчиком, понравился хозяйкам пансиона, а сам позднее, когда ему было семь лет, влюбился в одну из воспитанниц монахинь, свою сверстницу по имени Джакоминетта. Он даже мог вечерами солидно, по-взрослому, гулять с нею под руку в городском саду, вызывая смех и у взрослых гуляк, и у сверстников. Эту свою первую «любовь» Наполеон помнил всю жизнь.

После двух лет пребывания (не столько обучения, сколько воспитания) в пансионе у сестер-монахинь, которые сумели несколько сгладить особенно резкие черты характера и манеры поведения Наполеона, он был отдан в иезуитскую школу. Здесь его уже не столько воспитывали, сколько учили. Только теперь он постиг азы грамотного чтения и письма (на итальянском языке), а также математики. Учителем его в этой школе был аббат Рекко. Ему Наполеон останется благодарным до конца своих дней, а в предсмертном завещании на острове Святой Елены напишет: «Двадцать тысяч франков – аббату Рекко, учителю из Аяччо, который научил меня читать; в случае его смерти – ближайшему его родственнику»[2].

С первых дней учебы Наполеона больше всего увлекала и легче всего давалась математика. В семье даже прозвали его, 8-летнего, «Математиком» – так легко, с удивительной для его возраста сообразительностью и быстротой решал он математические задачки. Винсент Кронин описал такой эпизод из детских лет Наполеона: «Он решал примеры на сложение из удовольствия. Однажды, когда ему было 8 лет, он поехал с местными крестьянами на осмотр мельницы. Узнав от крестьянина, сколько зерна мелет мельница в час, он рассчитал количество зерна в день и в неделю. Он также подсчитал количество воды, которое необходимо для того, чтобы крутить жернова».

Увидев и оценив это его увлечение, мама Летиция распорядилась построить специально для него на территории своего дома приютную будку, в которой он часто и подолгу уединялся со своей математикой. С малых лет он стал проявлять интерес и к истории, к литера-

[1] Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 43.
[2] Цит. по: Кастело А. Указ. соч. С. 14.

туре, а вот в религиозных науках ни тогда, ни позднее так и не преуспел. Вообще все два года учебы в иезуитской школе будущий император по успеваемости, кроме математики, шел вперед кое-как и лишь к окончанию школы выправил свои оценки. Летиция так вспоминала об этом: «В начале учебы из всех моих детей он меньше всего подавал надежды; его первых успехов пришлось дожидаться довольно долго. Когда, наконец, он получил хороший аттестат, то с большим волнением принес его мне; показав бумагу, он положил ее на стул и сел на него с гордым видом триумфатора»[1].

Достаток в семье Карло и Летиции Буонапарте, несмотря на постоянное прибавление в количестве детей, до конца 1770-х годов всегда был приличным. Его обеспечивал годовой доход с трех домов, виноградников, земельных угодий и производства оливкового масла. Кроме того, супруги Буонапарте владели мельницей. Казалось бы, им жить-поживать да добра наживать. Но Карло был и гулякой, и, что еще хуже, картежником и время от времени швырял на ветер огромные суммы денег. Летиция, как ни старалась, не могла вразумить ветреного, хотя, в общем, заботливого супруга. Она и детей к нему подсылала с уговорами и мольбами. Был случай, когда Наполеон по просьбе матери пришел к отцу в таверну, где тот проигрывал все, что имел с собой, и там ребенок уговаривал родителя остановиться[2].

При всем беспутстве своего характера «папа Карло» любил жену и детей и многое сделал для того, чтобы обеспечить их благополучие, используя при этом все свои связи. Летиция согласилась с его решением подготовить Жозефа к поприщу священнослужителя, а Наполеона – к военной службе. Правда, выяснилось, что для такой подготовки у супругов Буонапарте не достает ни связей, ни средств. Но тут в роли их спасителя и долговременного попечителя выступил граф Рене де Марбёф.

Выходец из знатного дворянского рода, сын председателя парламента Бретани и родной брат епископа Отенского, генерал при двух королях – Людовике XV и Людовике XVI, Марбёф с 1764 г. командовал экспедиционным корпусом Франции на Корсике, а с 1770 г. и до своей смерти в 1786 г. был там губернатором. Он так благоволил семейству Буонапарте и так близко общался с ним (крестил всех детей папы Карло и мамы Летиции), что родилась и получила распространение версия о любовной связи Марбёфа с Летицией, которая, кстати, была на 38 лет моложе его. В наши дни эту версию поддержи-

[1] Там же. С. 14–15.
[2] См.: Сьюард Д. Указ. соч. С. 25.

вает президент Международного Наполеоновского общества канадский историк Бен Вейдер. Он убежден в том, что именно Марбёф был отцом Наполеона, а также другого сына Летиции – Людовика[1]. Однако другие биографы Наполеона из числа самых авторитетных (Ф. Кирхейзен, А. Кастело, В. Кронин, В. Скотт, Д. Сьюард) отвергают такое предположение, ссылаясь главным образом на безупречную репутацию Летиции в глазах всех, кто ее знал, не исключая дотошных в своем любопытстве соседей. «Она была слишком хозяйкой и матерью, чтобы стать чьей-то любовницей», – подчеркивал Кирзейзен[2]. Сьюард добавляет к этому, что неизменная верность Летиции супругу «подтверждается ее твердым отказом вторично выйти замуж, когда она осталась молодой и довольно привлекательной вдовой»[3].

Тем не менее граф де Марбёф действительно очень помог всем детям Летиции (и своим крестникам!), о чем речь пойдет в следующем параграфе. Что же касается соседей папы Карло и мамы Летиции, то из них наиболее интересны две семьи. Луиза Мари Пермон (урожденная Комнин, из рода византийских императоров Комнинов) была близкой подругой Летиции, «носила маленького Наполеона на своих руках, качала его в колыбели»[4], а позднее, в годы его военной учебы, как мы увидим, покровительствовала ему в Париже. Ее дочь Лаура станет женой Андоша Жюно, герцога д'Абрантес, и другом Оноре Бальзака, который будет помогать ей в работе над ее 16-томными мемуарами и положит ее рассказы в основу своего романа «Темное дело»[5].

Совсем по-иному сложились у семьи Буонапарте отношения с другими соседями из Аяччо, а именно с семейством Поццо ди Борго. Муж кузины Карло Буонапарте с несколько странным для мужчины именем *Мария* Поццо ди Борго с многолюдьем чад и домочадцев жил в одном доме с Буонапартами, этажом выше. Однажды кто-то из женщин этого многолюдья то ли намеренно, то ли случайно вылил из окна прямо на голову папе Карло содержимое ночного горшка. Возник не просто скандал. Родилась вендетта (кровная

---

[1] См.: Вейдер Б. Наполеон. Триумф, трагедия, убийство. М., 2005. С. 26–35.

[2] Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 33.

[3] Сьюард Д. Указ. соч. С. 26. См. также: Кастело А. Указ. соч. С. 10–11; Скотт В. Указ. соч. Т. 1. С. 10; Кронин В. Указ. соч. С. 24. Ж. Тюлар, Е. В. Тарле, А. З. Манфред, Э. Людвиг, Д. С. Мережковский вообще не упоминали об этой версии.

[4] Д'Абрантес Л. Указ. соч. Т. 1. С. 10–11.

[5] См.: О. Бальзак в воспоминаниях современников. М., 1986. С. 492, 526.

месть). Семьи Буонапарте и Поццо ди Борго из-за этого скандала вступили в смертельную вражду, втянувшую в себя два поколения обеих семей[1]. Сын Марии Поццо ди Борго Карло Андреа в 1803 г. из ненависти к Буонапартам устроился на службу в Россию и уже как *российский* дипломат будет рьяно участвовать в сколачивании пяти (с 3-й по 7-ю) антинаполеоновских коалиций...

Впервые Наполеон уедет с Корсики в декабре 1778 г. – на учебу во Францию. Ему тогда шел десятый год. Еще дважды он будет возвращаться на родину по разным (мы их увидим) причинам и навсегда сохранит добрые чувства к родному острову, о чем свидетельствуют его беседы с личным секретарем Эммануэлем Лас Казом и с доктором Барри О'Мира на острове Святой Елены[2]. Вальтер Скотт, безусловно, ошибался (если не намеренно измышлял), утверждая, что Наполеон «не высказывал даже тени расположения к покинутой им навсегда родине»[3]. Но недоброжелатели и враги императора всячески обыгрывали тот факт, что он был корсиканец, а не настоящий француз. Тот же Скотт не без злорадства отметил: «Французов часто упрекали в том, что они избрали себе властелина из тех мест, откуда древние римляне неохотно брали даже рабов»[4].

3. Военное обучение

Граф Р. де Марбёф обещал супругам Буонапарте устроить их старших сыновей в учебные заведения Франции на казенные средства и сдержал свое обещание. Жозефу он исхлопотал королевскую стипендию для обучения в колледже города Отена, где самым влиятельным лицом был местный епископ Александр Марбёф, родной брат графа Марбёфа, а для Наполеона добился вакансии в одном из королевских военных училищ.

Такая вакансия была гарантированно обещана самим военным министром, но при условии, что Наполеон будет говорить по-французски, а между тем будущий император Франции не знал тогда ни одного слова на этом языке. Поэтому Марбёф (крайне удивленный тем, что папа Карло, свободно владевший французским, не научил тому же своих сыновей) рекомендовал отправить Наполеона

---

[1] Подробно см.: Mc Erlean J. Napoléon et Pozzo di Borgo. 1764–1821. P., 2007; Таньшина Н. П. Карл Осипович Поццо ди Борго // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 67–85.

[2] См.: Las Cases E. Le memorial de Sainte-Hélène. P., 1894. T. 2. P. 360; О'Мира Б. Указ. соч. С. 337, 339.

[3] Скотт В. Указ. соч. Т. 1. С. 16.

[4] Там же.

вместе с Жозефом сначала в Отенский колледж, где два брата прежде всего научились бы французскому языку.

Тем временем Карло Буонапарте был избран депутатом от корсиканской знати для участия в сессии Генеральных штатов. Так назывался высший орган сословного представительства во Франции. Как депутат, он должен был выехать в Версаль (очень кстати для него за казенный счет). Карло решил взять с собой обоих сыновей и 15 декабря 1778 г. выехал с Корсики к берегам Франции. Погостив в Марселе у дальних родственников, он с двумя детьми прибыл 30 декабря в Отен.

Отенский колледж в то время представлял собой учебное заведение подготовительного типа, где детей младшего возраста готовили к дальнейшему образованию. С первых же дней пребывания в Отене Наполеон стал конфликтовать, вплоть до яростных драк, с другими учениками колледжа. Его корсиканское имя, итальянский акцент, диковатые, как у истинного островитянина, манеры вызывали насмешки, а он этого терпеть не мог.

Сохранился колоритный портрет девятилетнего Наполеона в письме одного из отенских учителей аббата Шардона: «Наполеон был в первое время своего пребывания в Отене ворчлив и меланхоличен. Он не играл ни с одним из своих сверстников и обычно гулял на дворе совершенно один. У него было много способностей, он легко все воспринимал и легко учился. Когда я давал ему уроки, он глядел на меня своими большими глазами, широко раскрыв рот; когда же я повторял ему только что сказанное, он не слушал. А когда я делал ему за это замечание, он отвечал холодно, почти повелительным тоном: “Я все это уже знаю”».

Здесь же аббат Шардон рассказывает своему адресату о таком случае. Несколько учеников стали дразнить Наполеона покорением Корсики и посмеиваться, мол, корсиканцы – трусы. «Вначале Наполеон слушал их спокойно, но затем, когда воцарилось молчание, сжал кулаки и закричал: “Если бы против одного было бы хотя четыре, вы бы Корсики никогда не взяли! Но вас ведь было против одного десять!”»[1].

Подготовительный курс обучения в Отене Наполеон освоил быстро, меньше чем за три с половиной месяца. Этого для него оказалось достаточно, чтобы научиться говорить и писать по-французски не хуже тех, кто высмеивал его, как итальянца и корсиканца. Теперь ему предстоял не очень дальний переезд из Отена на север, в город Бриенн (примерно на полпути между Отеном и Парижем), чтобы

[1] Цит. по: Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 48–49.

там поступить в королевское военное училище для детей из привилегированных сословий.

В этом училище граф Марбёф обеспечил вакантное место для Наполеона, но папе Карло пришлось еще исполнить, не без унижений перед королевскими чиновниками, много формальностей. Главными из них были письменные свидетельства, с одной стороны, *знатности* происхождения семьи Буонапарте, а с другой – ее *бедности*, из-за которой глава семьи не в состоянии воспитывать своих сыновей на собственные средства. Мало того, потребовались доказательства лояльности корсиканской семьи французским властям и даже ее родовой герб. При поддержке Марбёфа папа Карло все засвидетельствовал и представил, 10 марта 1779 г. он получил аудиенцию у короля Франции Людовика XVI и отправился в Бриенн встречать сына. Наполеон приехал туда из Отена позднее, в сопровождении некоего аббата д'Оберив, которого специально командировал для этого епископ Марбёф.

В Отене Наполеон надолго расстался со своим старшим и любимым братом Жозефом, которому предстояло еще пять лет учиться в духовной семинарии Отена. Прощание их было трогательным. Жозеф буквально заливался горькими слезами, тогда как Наполеон едва уронил одну единственную слезу. Но вот, что скажет потом Жозефу наставник Отенского колледжа аббат Симон: «В его единственной слезе было гораздо больше печали, чем во всех ваших рыданиях»[1].

В Бриенне папа Карло представил сына начальнику училища и проследил за тем, как Наполеон сдает вступительный экзамен по французскому языку. Все обошлось как нельзя лучше, и 15 мая 1779 г. королевский стипендиат Наполеон де Буонапарте был принят в младший класс Бриеннского военного училища.

Военным это училище стало только в 1776 г. Ранее, с 1730 г., оно было духовным, а до тех пор представляло собой вовсе даже не училище, а монастырь ордена Францисканцев. «Кажется несколько странным, – удивлялся Ф. Кирхейзен, – что воспитание молодых офицеров было вручено монастырю»[2]. Действительно, к 1779 г. большинство воспитателей в училище составляли монахи и даже начальником училища (не забудем: *военного!*) был монах патер Луи Бертон.

В училище было пять классов. Принимали туда не более 150 учеников в возрасте от 8 до 11 лет, из них около 60 – за счет казны, как королевских стипендиатов. Училищный режим походил на мона-

[1] Кастело А. Указ. соч. С. 21.
[2] Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 51.

стырский: никаких каникул, не разрешались ни посещения родственников, ни подарки от них (кроме одежды и учебных книг).

Преподавали в училище не только математику и географию, историю и литературу, но и Закон Божий, языки (латинский, немецкий, английский), рисование, фехтование, танцы и пение. Впрочем, педагоги-монахи не блистали ни методикой преподавания, ни должными познаниями. Вполне профессионален был, пожалуй, лишь один педагог Бриеннского училища – будущий генерал, полководец Французской революции и ее предатель, участник заговора против Наполеона как первого консула Франции Шарль Пишегрю. Он преподавал математику и, оценив математические способности Наполеона, уделял ему больше внимания, чем кому-либо из воспитанников, как репетитор. «Таким образом, Наполеон в течение целого года учился у того, кто впоследствии так упорно жаждал его крови»[1].

Кстати, и среди соучеников Наполеона в Бриенне оказались лица, сыгравшие позднее важную роль в его жизни: это его личный секретарь в годы консульства Луи Антуан Бурьенн (1769–1834), который будет уволен за мошенничество и потом станет мстительно чернить Наполеона в 10-томных мемуарах, и один из лучших генералов, первых кандидатов в маршалы Франции Цезарь-Шарль Этьен Гюден (1768–1812), которому доведется участвовать в нашествии Наполеона на Россию, где он и сложит голову в битве при Валутиной горе[2].

Что касается военного обучения, то в Бриенне юных дворян учили не столько *делу* военному, сколько *виду*: выправке, манерам, лоску. Поэтому Наполеон больше занимался самообразованием, шокируя товарищей корсиканской «простонародностью», а учителей – столь же кричащей дерзостью. Однажды он так резко парировал несправедливый упрек, что ошалевший учитель вскипел:

– Кто вы, сударь, чтобы так отвечать мне?!

– Человек! – гордо ответил Наполеон[3].

Не зря кто-то из учителей сказал тогда об этом «Человеке»: «Этот мальчик сделан из гранита, но внутри у него вулкан».

Кроме дерзости Наполеон удивлял и в конце концов расположил к себе учителей своими знаниями. Особенно силен он был теперь не только в математике («Как математик он был первым в Бриенне», – вспоминал о нем Бурьенн), но и в истории – от Плутарха и Тацита до Г. Рейналя. «История великих полководцев древности, – вспоми-

[1] Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 52.

[2] См.: Chuquet A. Op. cit. T. 1. P. 384–386.

[3] Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 119.

нал он о своих бриеннских занятиях, – возбуждала во мне желание соперничать с ними. Александр Македонский, Ганнибал и Цезарь стали моими любимыми героями». Впрочем, «бредил» он и Леонидами, Катонами и Брутами, «изумившими человеческий род»[1]. Увлекался он и риторикой, географией[2], уже тогда запоем читал Цицерона, Макиавелли, Вольтера, Монтескье, Дидро, а с наибольшим интересом – своего любимого Жан-Жака Руссо, чуть не наизусть знал «Естественную историю» Ж. Бюффона. Сохранились его конспекты и выписки (опубликованные в свое время Ф. Массоном) из книг только что перечисленных авторов. Отставал он только в языках (латыни и немецком с английским) – они будущему властелину Европы не давались.

А вот религия, которую усиленно (может быть, сверх меры) насаждали в Бриеннском училище педагоги-монахи, вызвала у подростка Наполеона отторжение. Сам он так вспоминал об этом на острове Святой Елены: «Однажды я слушал проповедь, и этот проповедник утверждал, что и Катон, и Цезарь будут в свое время преданы проклятию. Мне тогда было одиннадцать лет. Я был просто потрясен, изумлен. Как это так, самые добродетельные мужи античности будут гореть в вечном огне в аду только за то, что не воспринимали религию, которой не знали <...>. С этого момента для меня религия перестала существовать»[3].

К чести бриеннских педагогов-монахов, они много занимались физической подготовкой своих воспитанников. В училище соблюдался строгий режим дня: подъем – в шесть утра, отбой – в десять вечера. Ученики старательно – не только теоретически, но и практически, на строительных работах, – изучали фортификацию, с удовольствием посещали уроки фехтования и танцев. Наполеон, хотя и был или, точнее, казался физически слабым (малорослым и щуплым), не хуже других выдерживал любые нагрузки, а что касается фехтования, то здесь он был даже одним из лучших в училище. Кстати, и танцевать, по авторитетному мнению Ф. Кирхейзена,

---

[1] Chuquet A. Op. cit. T. 1. P. 129. Леонид (508–480 гг. до н. э.) – царь древней Спарты, героически погибший в битве при Фермопилах. Катон и Брут – здесь, вероятно, имеются в виду древнеримские республиканцы Марк Порций Катон Младший (95–46 гг. до н. э.) и Марк Юний Брут (85–42 гг. до н. э.), тоже младший из Брутов, – оба покончившие с собой.

[2] Поразительно, что в ученической тетради Наполеона по географии последняя запись гласит: «Sainte-Hélène, petite île» (Святая Елена, маленький остров). Марк Алданов так и назвал свой замечательный роман об изгнании и смерти Наполеона: «Святая Елена, маленький остров».

[3] Las Cases E. Op. cit. T. 3. P. 246.

Наполеон еще в Бриенне «все-таки выучился и действительно танцевал, несмотря на все, что говорилось и писалось на этот счет»[1].

Тем не менее и в Бриенне точно так же, как ранее в Отене, Наполеон среди товарищей по учебе был одинок. «Я жил отдельно от моих товарищей, – вспоминал он спустя много лет. – Выбрал себе уголок в ограде школы и уходил в него мечтать на воле, мечтать я всегда любил. Когда же товарищи хотели им завладеть, я защищал его изо всех сил. У меня уже был инстинкт, что воля моя должна подчинять себе волю других людей и что мне должно принадлежать то, что мне нравится. В школе меня не любили: нужно время заставить себя любить, а у меня, даже когда я ничего не делал, было смутное чувство, что мне нельзя терять времени»[2].

Наполеон уютно обустроил свой «уголок», даже насадил в нем деревца, за которыми любовно ухаживал, и все свободное время уединялся там с книгами и тетрадями, погружаясь в размышления о прошлом, настоящем и будущем. Один из его бриеннских товарищей вспоминал: «Горе тем из нас, кто из любопытства или желания подразнить его осмеливался нарушать его покой! Он яростно выскакивал из своего убежища и выталкивал непрошеных гостей, сколько бы их ни было»[3].

«Этот первый завоеванный клочок земли, – заметил по этому поводу Д. С. Мережковский, – уже начало Наполеоновой империи – всемирного владычества. Здесь он так же один, как потом на вершине величия и на Святой Елене»[4].

Одинокий и нелюдимый, погруженный в себя, ранимый насмешками над его корсиканской «неполноценностью», Наполеон болезненно реагировал на любое наказание – даже из тех, которым подвергались за ту или иную провинность все без исключения ученики. Характерный пример из рассказа очевидцев приводил Андре Кастело, так его пересказавший:

«Однажды “командир казармы”, желая наказать Наполеона за какой-то проступок, приказал ему стоять за обедом на коленях у двери столовой. И вот у всех на глазах Наполеон входит в столовую. Он бледен, сосредоточен, насторожен, смотрит в одну точку.

– На колени, месье! – звучит приказ.

В это мгновение у него начался нервный припадок. Весь дрожа, он заорал:

---

[1] Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 53.
[2] Remusat C.-E. Mémoires. P., 1893. T. 1. P. 267.
[3] Chuquet A. Op. cit. T. 1. P. 118.
[4] Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 117.

– Я буду обедать, стоя, а не на коленях! У нас в семье на колени опускаются только перед Богом!

Дежурный, выходя за пределы дозволенного, хотел было заставить его опуститься на колени силой. Наполеон повалился на пол и, катаясь по нему, сквозь рыдания выкрикивал:

– Разве не так, мама? Только перед Богом! Перед Богом!

Лишь приход настоятеля положил конец этой сцене, и из рук палача выхватили плачущего кадета»[1].

Поставить на колени такого кадета бриеннские воспитатели не смогли, но отсидеть в карцере ему довелось, причем это наказание он воспринял с меньшей нервозностью, ибо сознавал свою вину. Дело в том, что один из его соучеников насмешливо заявил ему: «Твой отец – простой судебный слуга!» Наполеон сначала побледнел, потом помрачнел, молча вышел из комнаты и вернулся через минуту к своему собеседнику с письменным вызовом на дуэль. Этот вызов каким-то образом попал в руки инспектору, и тот наказал обоих «дуэлянтов»[2].

Из немногих радостей, пережитых в Бриенне, навсегда запомнился Наполеону праздник по случаю дня рождения короля Людовика XVI. В тот день, 23 августа 1783 г., бриеннские кадеты посетили великолепный замок с «королевскими апартаментами», где возвышалось роскошное ложе, приготовленное для монарха на случай, если он вдруг подумает, а не поехать ли ему в Бриенн и не провести ли там хоть одну ночь. Король, до того как 23 января 1793 г. он был казнен якобинцами, воспользоваться бриеннским ложем не успел, но герцог Орлеанский (двоюродный брат короля), прежде чем его те же якобинцы казнили 6 ноября 1793 г., побывал в Бриенне и спал на том ложе. А в 1805 г. окажет честь этому ложу император Наполеон, когда будет проезжать через Бриенн в Рим на вторую (после Парижа) из своих коронаций. Можно представить себе, с каким чувством повелитель Европы теперь запросто пользовался тем, на что он трепетно взирал впервые, будучи 14-летним кадетом. Кстати, в 1814 г. Наполеон вновь побывает в Бриенне и покажет своим спутникам дерево, под кроной которого в дни своего ученичества он с увлечением читал «Освобожденный Иерусалим» Торквато Тассо[3].

Приятные воспоминания остались у Наполеона и о *военных играх* в Бриеннском училище. Здесь он преображался в раскованного заводилу. Буквально ошеломляя товарищей своими знаниями военной

---

[1] Кастело А. Указ. соч. С. 24.

[2] См.: Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 58.

[3] Кастело А. Указ. соч. С. 27.

истории, он изобретательно придумывал сцены по мотивам сочинений античных авторов, импровизировал сражения, штурмы и осады.

Особенно запомнилась бриеннским кадетам зима 1783 г. Тогда выпал обильный снег, и Наполеон прямо-таки виртуозно применил теоретические уроки фортификации к практике на школьном дворе. По его инициативе и под его руководством кадеты строили из снега валы и рвы, превратив всю школу в снежную крепость с четырьмя бастионами. Глазеть на нее собирались даже городские обыватели. Затем Наполеон разделил кадетов на две «армии», одна из которых штурмовала «крепость», а другая ее обороняла. Сам он брал на себя командование то одной, то другой «армией» и каждый раз одерживал победу. «Его талант, его гениальная сообразительность и находчивость в этой игре, – пишет о нем Ф. Кирхейзен, – повергли в изумление учителей и воспитанников»[1].

Школьные успехи Наполеона в Бриенне не останутся без наград. Так, в 1781 г. он, как один из лучших учеников, получил лавровый венок из рук морганатической супруги герцога Орлеанского мадам де Монтессон, которая сопровождала герцога в поездке по стране. «Пусть этот лавровый венок принесет вам счастье!» – сказала мадам, вручая 12-летнему Наполеону заслуженную награду, и он запомнил ее слова[2].

21 июня 1784 г. Наполеон впервые после пятилетней разлуки увидел отца. Папа Карло навестил его в Бриенне по дороге в Париж, где надеялся проконсультироваться у докторов относительно своей болезни желудка. Очень хотела приехать вместе с ним к сыну и мама Летиция, но не смогла: заботы о многочисленной семье и недостаток денег не позволили ей тогда увидеться с сыном.

Наполеон был счастлив увидеть отца, но испытал настоящий шок, глядя на то, как исхудал и ослабел папа Карло от страшного недуга, который вскоре будет диагностирован: *рак*. Больше он отца уже не увидит...

Между тем в Бриеннском училище приближались выпускные экзамены. Выпускники знали, что лучшие из них будут приняты для завершения военной учебы в Парижскую королевскую военную школу, которую основал король Людовик XV по капризу (на этот раз очень полезному) своей знаменитой фаворитки Жанны Антуанетты де Помпадур. Наполеон, конечно же, рассчитывал попасть в число лучших. Главный субинспектор королевских военных школ

---

[1] Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 57. О том же см.: Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 118.

[2] Кастело А. Указ. соч. С. 28–29.

Франции генерал Кералио дал ему перед экзаменами лестную характеристику: «Месье де Буонапарте (Наполеон) родился 15 августа 1769 г. Рост – четыре фута десять дюймов десять линий (166 см. – *Н. Т.*). Хорошего телосложения, отменного здоровья. Характер мягкий (? – *Н. Т.*). Честный, признательный человек примерного поведения. Особенно проявил себя в области математических наук. Удовлетворительно знает историю и географию. Отстает лишь в изящных искусствах. Из него получится отличный моряк»[1].

Стать моряком Наполеону не было суждено. Мало того, что вакансии для службы на флот случались редко и по высокой протекции. Против морской службы категорически была настроена мама Летиция – ее пугала в той службе двойная опасность для сына, от огня и воды. Поэтому Наполеон без видимой охоты решил выбрать своей специальностью артиллерию. Потом выяснится, что он в этом выборе не прогадал. Но тогда «жалко ему было расставаться с мечтой о море, как будто он уже предчувствовал, что всю жизнь будет воевать на суше из-за моря»[2]. «О, если бы я владел морями!» – грустил он на острове Святой Елены[3].

Выпускной экзамен в сентябре 1784 г. Наполеон выдержал блестяще. Инспектор Рейно де Монт, прибывший из Парижа специально для отбора лучших кандидатов в столичную военную школу, обратил на него особое внимание. Наполеон был выделен в группу «cadets gentilhommes» («Курсантов-дворян») – самых отборных из лучших выпускников. В свидетельстве об окончании Бриеннского училища он прочел о себе следующее: «Характер имеет доминирующий, властный и напористый»[4].

30 октября 1784 г. пятеро «cadets gentilhommes» в почтовом дилижансе выехали из Бриенна в Париж. Среди них был и Наполеон. В его хронологических заметках того времени под названием «Эпохи моей жизни» этот день назван с ремаркой: «Отправился в Парижскую школу»[5].

Парижское королевское военное училище для дворян-курсантов считалось высшим, вроде военной академии, хотя и называлось официально школой. Располагалось оно в роскошном здании дворцового типа на Марсовом поле в центре столицы. Все курсанты жили при училище, причем Наполеон оказался, к удовольствию своему, в отдельной мансарде, которую он называл *кельей*. Она помещалась под

---

[1] Masson F. Napoléon dans sa jeunesse. 1769–1793. P., 1911. P. 88.
[2] Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 120.
[3] Lacour-Gayet G. Op. cit. P. 240.
[4] Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 63.
[5] Masson F. Op. cit. P. 89.

куполом училищного дворца. Курсанты подсчитали и потом вспоминали: «Нужно было преодолеть 76 ступеней, чтобы добраться до кельи будущего императора»[1].

Воспитателей в училище было больше, чем воспитанников (150 против 130), но собственно учителей-предметников из них – лишь тридцать. Они преподавали математику, историю, литературу, географию, фортификацию, рисование, немецкий и английский языки, фехтование. Кроме того, с курсантами занимались три специалиста по верховой езде и два танцмейстера. Все они ежедневно, чередуясь, вели по восемь часов занятий.

Среди товарищей Наполеона в Парижском училище обращал на себя внимание сын генерала и внук банкира, будущий посол в России, маркиз, пэр и маршал Франции Жак Александр Бернар де Лористон. Тогда же там учился, по данным А. Шюке, Раймон Огюстен Дельмас[2], возможно, брат того Дельмаса (Антуана Гийома), который был в оппозиции Наполеону – первому консулу и даже арестовывался по делу о заговоре генерала Ж.-В. Моро против Наполеона, но был прощен, геройски сражался в битвах при Лютцене, Бауцене, Кацбахе и погиб под Лейпцигом. Самым же близким другом Наполеона во время их учебы в Париже стал шевалье Александр де Мази, всю семью которого Наполеон позднее осыпал благодеяниями[3]. Зато сидевший на занятиях обычно за одним столом с Наполеоном Антуан Ле Пикар де Фелиппо с тех пор и навсегда стал его злейшим врагом.

Вообще очень характерно, что большинство однокашников Наполеона по Бриенну и Парижу (потомственные дворяне!) после революции эмигрировали. Де Фелиппо станет полковником английской армии и в 1799 г. будет руководить осадой крепости Сен-Жан д'Акр против войск Наполеона, а другой их соученик, разделявший с ними обоими стол для учебных занятий, Пьер-Мари-Огюст Пико де Пикадю, перейдет на службу в австрийскую армию, дважды (в 1805 и 1809 г.) попадет в плен к французам, сначала к самому Наполеону, а затем к маршалу Л. Н. Даву, оба раза будет отпущен на волю по приказу Наполеона, продолжит вооруженную борьбу против своего отечества и дослужится до чина фельдмаршала-лейтенанта Австрийской империи[4].

---

[1] Кастело А. Указ. соч. С. 34.

[2] См.: Chuquet A. Op. cit. T. 1. P. 426, 447.

[3] См.: Кастело А. Указ. соч. С. 35; Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 65.

[4] См.: Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. Избр. произведения. М., 2003. С. 626; Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. 4-е изд. М., 1986. С. 30–31.

В Парижском училище Наполеон вел себя и с учителями, и с курсантами солиднее, чем в Бриенне, но характеру своему – «властному и напористому» – оставался верен. По-прежнему он часто уединялся в своей «келье» и не любил, чтобы его беспокоили и отвлекали от занятий. Как и прежде, терпеть не мог насмешек над его «простонародностью» и «островитянскими» манерами. Когда юнцы из древних родов – Лавали-Монморанси и Роганы-Гименеи – задевали его самолюбие, он не давал себя в обиду, пуская в ход острое словцо, а то и кулаки. «Раздал же я тогда немало затрещин!» – вспоминал он не без гордости уже в изгнании на Святой Елене[1].

Пренебрежительное отношение к родовитости без прочих достоинств сохранилось у Наполеона на всю жизнь. Характерный эпизод воспроизвел по воспоминаниям очевидцев Андре Кастело. Однажды в Тюильри императору Наполеону были впервые представлены камергеры его двора – сплошь из аристократической знати, один «породистее» другого. «Министр двора спросил императора, кто их них может приступить к несению службы. Наполеон ответил:

– Мне абсолютно все равно!

– Но, сир...

– Ладно, – согласился император, разглядывая кучку царедворцев, словно выбирая лошадей для пополнения конского состава, – возьмите вон того блондина и того курчавого...»[2]

Не терпевший насмешек над собой курсант Наполеон зато с удовольствием командовал отпрысками дворянской аристократии в различных военных играх, которые он, как правило, сам и придумывал. Здесь он еще нагляднее и эффектнее, чем в Бриенне, демонстрировал свои таланты и очевидное превосходство над товарищами. С достоинством, как равный, обращался он и к старшим (учителям, священнослужителям), озадачивая либо даже шокируя их своими, порой неожиданно острыми ответами на их замечания или вопросы. Когда, например, парижский архиепископ, у которого он причащался, заметил с удивлением, что имя «Наполеон» не значится в святцах[3], будущий император, а пока 15-летний школяр, ему объяснил: «В этом нет ничего удивительного. Просто святых больше, чем дней в году!»

Учился Наполеон в Париже, как и в Бриенне, неровно. В математике, которую, кстати, преподавал в Парижском училище Людовик Монж – родной брат знаменитого академика Гаспара Монжа, Наполеон был лучшим из лучших. Преуспевал он и в изучении исто-

---

[1] Цит. по: Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 121.

[2] Кастело А. Указ. соч. С. 38.

[3] Святцы – месяцеслов, список христианских святых по дням их поминовения на весь год.

рии, литературы, географии. Но вот рисование, фехтование, верховая езда у него «хромали», хотя в Бриенне он считался отличным фехтовальщиком. Особенно же не давались ему языки. Преподаватель немецкого языка Бауэр, когда ему сказали, что Наполеон – лучший математик в училище, съязвил: «Да, я всегда был того мнения, что математика – только для глупцов»[1].

Александр де Мази так вспоминал об учебных злоключениях Наполеона в Париже: «Когда наш учитель немецкого так и не смог вбить ему в голову этот язык, несмотря на угрозы санкций, он отстал от него и позволил ему заниматься на своих уроках чем угодно. Наполеон испытывал отвращение к этому языку и не понимал, как можно удержать в голове хотя бы одно немецкое слово. Пользуясь предоставленной ему свободой, он на уроках немецкого читал книги по истории и политике, которые брал в библиотеке. Учитель правописания поступил так же, как и преподаватель немецкого, и прогонял его из класса не за то, что тот замечательно писал, а потому, что отчаялся научить его самым элементарным основам каллиграфии»[2].

О необузданно горячем характере курсанта Наполеона свидетельствует любопытный эпизод, запечатленный, правда, в различных версиях. Стендаль ссылался на такую информацию: «В газетах тех лет сообщалось, что во время одного из первых полетов Бланшара[3], происходивших на Марсовом поле, какой-то молодой человек, воспитанник Военной школы, пытался, невзирая ни на что, силой проникнуть в гондолу. То был Бонапарт». Комментируя эти строки, известный советский историк А. И. Молок заявил, что «рассказ о том, будто Бонапарт пытался силой проникнуть в гондолу воздушного шара, сочинен»[4]. Иную версию этого рассказа можно прочесть у А. Кастело: «Однажды во время публичного праздника на Марсовом поле должны были запустить воздушный шар. Воспитанники школы уже довольно долго стояли в строю на плацу, а шар все не взмывал вверх. Тогда Буонапарте, передав свое ружье приятелю де Мази, вышел из рядов, подошел к шару и ножом перерезал веревки, удерживавшие его на земле. Шар в результате лопнул, а Буонапарте сурово наказали»[5].

---

[1] Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 68.

[2] Цит. по: Кастело А. Указ. соч. С. 37. Андре Кастело (автор 10-томной биографии Наполеона) с сожалением констатирует, что «драгоценные воспоминания» де Мази «до сих пор не опубликованы» (Там же. С. 35).

[3] Бланшар Франсуа (1753–1809) – один из первых французских воздухоплавателей.

[4] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 6, 340.

[5] Кастело А. Указ. соч. С. 36.

Курсантам Парижской военной школы полагались выходные дни. Наполеон проводил их обычно в семье Луизы Мари Пермон, которая, еще когда жила на Корсике, дружила с Летицией Буонапарте. Теперь в ее парижской квартире 16-летний Наполеон впервые увидел дочь Луизы Лауру, которую со временем он одарит титулом герцогини д'Абрантес. А пока Лауре, родившейся 6 ноября 1784 г., шел только первый год жизни.

По данным Вальтера Скотта, в то же время Наполеон часто посещал дом аббата Рейналя – «подлинный литературный салон», где встречались интеллектуальные авторитеты разных взглядов[1]. Сам Гийом Томас Франсуа Рейналь, историк и социолог, был корифеем французского Просвещения, сотрудником «Энциклопедии» Дени Дидро. О последующих контактах с ним повзрослевшего Наполеона речь впереди.

За полгода до окончания Парижского училища Наполеон пережил первую из самых тяжких утрат: 24 февраля 1785 г. он потерял отца. Папа Карло умер от рака желудка в Монпелье на юге Франции, где он консультировался у врачей. Не помогла и грушевая диета, которую прописал ему не кто-нибудь, а личный врач королевы Марии-Антуанетты. Последний вздох Карло Буонапарте приняли старший сын Жозеф и Луиза Мари Пермон, оказавшаяся тогда в Монпелье по делам своего отчима-казначея. Покойник не дожил и до 39 лет.

Будучи уже на смертном одре, папа Карло сказал сыну Жозефу: «Ты старший в семье, но помни, что глава семьи – Наполеон»[2]. Так оно и было. Один из братьев Жозефа и Наполеона Людовик прямо писал об этом Вальтеру Скотту: «Хотя Наполеон и не был старшим, но с ранней молодости он занял положение главы семьи и исполнял его обязанности»[3]. Да, Наполеон приступил к исполнению таких обязанностей сразу после смерти отца, когда новому главе семьи не было еще и 16 лет.

Мама Летиция, молодая, 34-летняя вдова, осталась одна с восемью детьми, младшему из которых (Жерому) было всего три месяца. Папа Карло к тому времени успел промотать значительную часть семейного капитала. Давний благодетель семьи 73-летний граф Марбёф был уже тяжело болен, и жить ему оставалось полтора года. В то страшное для нее время Летиция получила письмо Наполеона с такими словами утешения и поддержки, какие мог сказать только он: «Утешьтесь, моя дорогая маменька, этого требуют возникшие об-

[1] Скотт В. Указ. соч. Т. 1. С. 12.
[2] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 186.
[3] Скотт В. Указ. соч. Т. 1. С. 9.

стоятельства. Мы непременно удвоим наши заботы о вас, нашу признательность и будем счастливы, если наше беспримерное послушание хоть немного облегчит вашу невосполнимую утрату»[1].

Добрую память об отце Наполеон будет хранить всю жизнь. Но при этом он не позволял себе излишней, на его взгляд, чувствительности. Показателен его ответ на предложение жителей Монпелье воздвигнуть памятник Карло Буонапарте. Такое предложение было сделано в 1802 г., когда Наполеон возглавлял Французскую республику как ее первый консул. Вальтер Скотт (который почему-то отнес этот факт к 1814 г.) счел ответ Наполеона «столь же простым, сколь и разумным», и процитировал его: «Если бы я лишился отца вчера, то, конечно, следовало бы уважить его память соответственно моему нынешнему положению. Но прошло уже почти двадцать лет, и событие это не их тех, что должны интересовать и волновать публику. Оставим мертвых в покое»[2].

Смерть отца побудила Наполеона ускорить курс обучения в Парижской школе. Теперь он считал своим долгом стать без промедления опорой для матери, трех сестер и четырех братьев, а не «киснуть» еще два года курсантом. Поэтому он добился для себя досрочных экзаменов за полный курс школы, причем по математике его экзаменовал академик Пьер Симон Лаплас[3] – ученый с мировым именем, автор ряда теорем, уравнений и даже «закона Лапласа» в высшей математике и механике. Математику и, конечно, историю, литературу, географию Наполеон сдал, что называется, «на ура». Гораздо хуже экзаменовался он по другим предметам. Но, как бы то ни было, конкурс выпускников, в котором участвовали курсанты всех королевских военных школ Франции, оправдал его надежды. По результатам конкурса, объявленным 28 сентября 1785 г., 59 из 137 кандидатов были аттестованы для военной службы и получили воинское звание подпоручика, т. е. младшего лейтенанта. Четверо из них были выпускниками Парижской военной школы: 39-й – Пико де Пикадю, 41-й – Ле Пикар де Фелиппо, 56-й – Александр де Мази. Наполеон оказался среди 59-ти победителей конкурса лишь 49-м[4].

Так, через одиннадцать месяцев после зачисления в Парижскую военную школу Наполеон досрочно закончил ее с офицерским званием. К тому времени ему едва исполнилось 16 лет. Итоговая характеристика, которую составил Людовик Монж, гласила: «Наполеон

---

[1] Письмо публиковалось и цитировалось многократно. См., напр.: Кастело А. Указ. соч. С. 41; Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 122.

[2] Скотт В. Указ. соч. Т. 1. С. 9. Ср.: Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 29.

[3] См. об этом: Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 69.

[4] См.: Кастело А. Указ. соч. С. 42.

Буонапарте. Собранный, трудолюбивый, отдает предпочтение учебе, а не различного рода развлечениям, любит читать книги хороших авторов; глубоко знает математику и географию; молчаливый, любит одиночество, капризный, высокомерный, его эгоизм беспределен; говорит мало, умеет напористо возразить, тщеславен, полон самолюбия, стремится сам всего достичь. Этот молодой человек достоин нашей протекции»[1].

Целый месяц новоявленным подпоручикам пришлось ждать, кого и куда назначат для несения службы. Наконец, было объявлено, что Наполеон и его лучший друг де Мази получают назначение в один и тот же артиллерийский полк, расквартированный в захолустном городке Валанс, южнее Лиона. 30 октября 1785 г. оба друга, радостно возбужденные мыслями о том, что теперь они сами хозяева своей судьбы, отбыли из Парижа в лионском почтовом экипаже к месту назначения.

[1] Там же.

Глава II
ОФИЦЕР

Революция подходила ко мне, и меня очаровывало
то равенство, которое должно было возвеличить меня.
Наполеон о Французской революции
1789 г.

1. Первые шаги

Артиллерийский Ла-Ферский полк считался тогда одним из лучших во Франции. Командный состав полка формировался из наиболее подготовленных в профессиональном отношении офицеров. Все они общались между собой дружески, но дисциплину в полку поддерживали строжайшую.

Полк включал в себя два батальона по десять отрядов в каждом. Наполеон был прикомандирован к первому отряду первого батальона, причем, как вообще все «cadets gentilhommes», обязан был пройти три служебные ступени – рядового, капрала и сержанта, – чтобы получить таким образом подтверждение своего офицерского чина для своего полка. Продолжительность такого служебного испытания могла составить целый год, но зависела от способностей испытуемого офицера. Наполеон прошел все три ступени за три месяца и 10 января 1786 г. был утвержден в офицерской корпорации «La Fère»[1].

Офицерская служба Наполеона в артиллерийском полку растянулась на четыре года (1786–1789): половину этого срока полк стоял в Валансе, затем полгода – в Дуэ, на границе с Фландрией, и еще полтора года в Оксонне (департамент Бургундия). Все это время Наполеон вынужден был сочетать нелегкую военную службу с забо-

[1] См.: Кастело А. Бонапарт. М., 2004. С. 46; Кирхейзен Ф. Наполеон I. Его жизнь и его время. М., 1997. С. 70.

тами о своей семье, которая оставалась на Корсике. Офицерское жалованье было скромным, и почти половину его он отсылал домой, зная, что «мама Летиция» входила в долги, Жозеф, Люсьен и Людовик оставались еще не устроенными, а Жером и все три сестры были совсем малыми детьми. 20 сентября 1786 г. умер граф де Марбёф. Семья Буонапарте лишилась его покровительства и пособий. Теперь Летиция связывала все свои надежды с Наполеоном, но что он мог сделать? Выдвинуться по службе среднему дворянину с полудикой Корсики без ренты, титула и протекции было до революции невозможно. Целых шесть лет Наполеон оставался младшим лейтенантом!

В то время он экономил на всем. В Оксонне, во флигеле дома, где квартировали младшие офицеры его полка, снимал самую скромную комнату. Обставлена она была по-спартански: простая койка с соломенным тюфяком, старое кресло, плетеные стулья, маленький столик. «В наше время, – пишет об этом Андре Кастело, – эта конура о четырех стенах удостоилась чести “стать историческим памятником”». В Валансе Наполеон еще позволял себе завтракать, обедать и ужинать, хотя его завтрак состоял из стакана воды с двумя хлебцами. Потом бывало и так, что он, по собственному его признанию, ел «только раз в сутки». «Я знаю, что такое бедность, – не без гордости говорил он, уже будучи императором. – Когда я имел честь быть подпоручиком, я ел сухой хлеб и запирал дверь на ключ, чтобы не видели моей бедности»[1].

Показателен такой случай. Как-то император Наполеон встретился с одним из своих бывших однополчан Ж.-П. Монталиве и стал расспрашивать его о некой «славной лимонадница» в Валансе. Тот удивился: в чем дело? «Я боюсь, – пояснил император, – что в свое время недостаточно точно оплатил все чашки кофе, выпитые у нее. Возьмите 50 луидоров и передайте ей от меня»[2].

Вспоминать о своей лейтенантской бедности императору было легко, но жилось младшему лейтенанту Наполеону чрезвычайно трудно. Вот его запись в дневнике от 3 мая 1786 г.: «Всегда один среди людей. Я возвращаюсь домой, чтобы мечтать наедине с самим собой и предаваться меланхолии. О чем же я буду мечтать сегодня? О смерти. На заре моих дней я мог бы надеяться еще долго прожить и быть счастливым. Какое же безумие теперь заставляет меня желать конца? Что мне делать в этом мире?.. Как люди далеки от природы! Как подлы, низки, презренны!»[3]

---

[1] Levy A. Napoléon intime. P., 1897. P. 43, 45.
[2] Chuquet A. La jeunesse de Napoléon. P., 1897. T. 2. P. 164.
[3] Napoléon. Manuscrits inedite 1786–1791. P., 1910. P. 5–6.

Но то были всего лишь редкие минуты отчаяния. И в юности Наполеон умел, как немногие, взять себя в руки при любой ситуации и мобилизовать все свои духовные и физические силы на достижение заданной цели. В Валансе он с первых же дней стал досконально изучать артиллерийскую службу. В полку она была поставлена образцово: «...три раза в неделю давались теоретические и три раза практические уроки, во время которых выдвигались осадные орудия, изготовлялись артиллерийские снаряды, пускались сигнальные ракеты – словом, производились все манипуляции, необходимые для артиллериста»[1].

Наполеон с одинаковым интересом, если не сказать энтузиазмом, вникал в теоретические курсы высшей математики и механики, интегрального и дифференциального исчисления, прикладной физики, химии, фортификации, а на практических занятиях осваивал искусство маневров, устройство батарей, фейерверочное дело, стрельбу из гаубиц, мортир, фальконетов. Мало того, сверх обязательных занятий, он углублялся в изучение трудов Ж. Б. Грибоваля – генерала Людовика XVI, новатора в использовании артиллерии и создателя более подвижных лафетов для артиллерийских орудий. Свои собственные наблюдения и выводы поручик Бонапарт записывал в особые «Cahiers sur l'artillerie» («Тетради по артиллерии»), судя по которым уже тогда в нем проявился так развернувшийся позднее феноменальный талант артиллериста. Он даже написал трактат по баллистике («О метании бомб»). «Если сравнить приказания, которые впоследствии Наполеон отдавал своим артиллерийским генералам, – читаем об этом у Ф. Кирхейзена, – то приходишь невольно в изумление, находя в них те же принципы, часто даже те самые выражения, какие мы находим в его юношеских записях»[2].

В Оксонне на талантливого подпоручика обратил внимание начальник местного артиллерийского училища генерал-лейтенант барон Жан-Пьер дю Тейль. Он не единожды давал Наполеону поручения, столь ответственные, что с ними не могли справиться и старшие офицеры. Так, в 1788 г., когда Оксонн посетил губернатор Бургундии, принц из боковой ветви Бурбонов Луи Жозеф Конде, дю Тейль доверил Наполеону команду над главной школой стрельбы. «Зависть товарищей по поводу такого отличия, – заметил Ф. Кирхейзен, – по-

[1] Кирхейзен Ф. Указ. соч. С. 71.

[2] Там же. С. 84–85. См. также: Мережковский Д. С. Наполеон. М., 1993. С. 123.

будила их сыграть с Наполеоном шутку: они заколотили орудие в его батарее. Но он вовремя заметил проделку и быстро привел все в порядок»[1].

Дю Тейль был к подпоручику Бонапарту и благосклонен, и строг (однажды посадил будущего императора на 24 часа под арест), но в строгости справедлив. Наполеон уже на вершине своей карьеры вспоминал: «Генерал дю Тейль научил меня повиноваться и повелевать». Не забудет он о генерале и в своем предсмертном завещании на острове Святой Елены – оставит сыну дю Тейля 100 тыс. франков с такой припиской: «Из благодарности за труды, которые потратил на нас храбрый генерал (Ваш отец), когда я был лейтенантом под его начальством»[2].

Годы офицерской службы Наполеона в гарнизонах Валанса, Дуэ и Оксонна были, казалось, перенасыщены чисто служебными обязанностями и заботами. Тем не менее он всегда находил время для упорного самообразования. По-прежнему и еще больше прежнего зачитывался он трактатами своего кумира Руссо, которого просто боготворил: «О, Руссо! Почему надо было, чтобы ты прожил лишь шестьдесят шесть лет? В интересах истины ты должен быть бессмертным!» Увлекался юный подпоручик и сочинениями Вольтера, Дидро, Монтескье, а также Плутарха и Тацита, книгами по военной истории, но теперь круг его чтения стал шире – от экономических трудов Адама Смита и Жака Неккера до художественной классики И. В. Гете и Ф. Шиллера. В 1792 г. Наполеон рассказывал о том времени своему другу, великому артисту Ф. Ж. Тальма: «Я жил как раз напротив некоего бравого книготорговца по имени Марк Аврелий – прекрасное имя, не правда ли? Он предоставил в мое полное распоряжение всю свою книжную лавку»[3].

Впрочем, и «всей книжной лавки» Наполеону, как «пожирателю книг»[4], тогда не хватало. Вот случай из его жизни в Оксонне, обративший на себя внимание академика Е. В. Тарле: «Однажды, посаженный за что-то на гауптвахту, он совершенно случайно нашел в помещении, где был заперт, неизвестно как попавший туда старый том юстиниановского сборника (по римскому праву). Он не только прочел его от доски до доски, но потом, почти 15 лет спустя, изумлял

---

[1] Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 85.

[2] Завещание Наполеона // Наполеон Бонапарт. Императорские максимы. М., 2003. С. 144.

[3] Тальма Ф. Ж. Мемуары. М.; Л., 1931. С. 192. Как известно, в Древнем Риме был император Марк Аврелий (121–180).

[4] Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. М., 2000. С. 100.

знаменитых французских юристов на заседаниях по выработке Наполеоновского кодекса, цитируя наизусть римские дигесты. Память у него была исключительная»[1].

В общем, как справедливо заключает Дэвид Чандлер, Наполеон «жадно читал все, что мог достать», – особенно о деяниях великих полководцев всех времен и народов, «но он читал все это не только с пылом увлечения, но и критически, и из ошибок или недостатков своих кумиров извлек для себя не меньше пользы, чем из их успехов»[2].

Где и как он изыскивал время для такого самообразования? Наверное, главным образом, за счет сна. «Сплю мало, – писал он матери из Оксонна, – в десять ложусь, встаю в четыре»[3]. Позднее он сочтет даже шестичасовой сон излишеством и установит для себя суточную норму сна в четыре часа.

В те же первые годы офицерской службы Наполеон затевал и первые свои литературные опыты. К 1788 г. относится его набросок публицистической статьи о королевской власти с резким осуждением монархизма: «Мало кто из королей достоин занимаемых ими тронов»; «В двенадцати европейских государствах короли пользуются узурпированной ими властью»[4]. А в следующем году Наполеон принял участие в литературном конкурсе, который объявила Лионская академия. Тему для конкурса предложил аббат Г. Рейналь: «Какие законы и установления следует дать людям, чтобы сделать их счастливыми?»[5] Наполеон представил на конкурс свое «Рассуждение о счастье». «Секрет счастья, – писал он, – заключается прежде всего в мужестве, силе, этом средоточии добродетели. Энергия – это жизнь души, главная пружина разума. Хороший человек – это сильный человек».

Что же касается законов и установлений, необходимых для счастья человечества, то в своем «Рассуждении» Наполеон буквально восстал против социального неравенства. Считаю уместным – вслед за Ж. Тюларом – процитировать целую страницу из наполеоновского «Рассуждения» на эту тему:

---

[1] Тарле Е. В. Наполеон. М., 1992. С. 15. Дигесты – в Древнем Риме правовые сборники извлечений из юридических трактатов и законов.

[2] Чандлер Д. Цит. соч. С. 101.

[3] Levy A. Op. cit. P. 43.

[4] Цит. по: Тюлар Ж. Наполеон, или миф о «Спасителе». М., 1996. С. 41.

[5] Подробно об этом см.: Кастело А. Цит. соч. С. 67; Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 116–117; Стендаль. Собр. соч. М.; Л., 1950. Т. 14. С. 191–192; Тюлар Ж. Цит. соч. С. 53–54.

«За беззаботным детством следует пора пробуждения страстей. Среди спутниц своих юношеских забав мужчине предстоит выбрать ту, которая назначена ему судьбой. Его сильные руки в согласии с его потребностями тянутся к работе. Он оглядывается вокруг, видит, что земля, находящаяся в руках немногих, превращена в источник роскоши и излишеств. Он задается вопросом: на основании каких прав люди пользуются этими благами? Почему у бездельника есть все, а у труженика почти ничего? Почему, наконец, они ничего не оставили мне, у которого на иждивении жена и престарелые отец с матерью? Он идет к священнику, пользующемуся его доверием, и делится с ним своими сомнениями. "Человек, – отвечает ему священник, – никогда не задумывайся над устройством общества <...> Все в руках Божьих. Доверься Его провидению. Мы – лишь странники на этой земле, где все устроено по справедливости, и не нам доискиваться до ее оснований. Верь, смиряйся, никогда не ропщи и трудись. Таков твой долг". Гордая душа, чувствительное сердце, природный разум не могут удовлетвориться подобным ответом. И вот он поверяет другому свои сомнения и беспокойства. Он идет к мудрому из мудрых – к нотариусу. "Мудрец, – обращается он к нему, – все блага этого края поделены, а меня обошли. Почему?" Мудреца смешит его простодушие, он приглашает его в свою контору и там, от купчей к купчей, от договора к договору, от завещания к завещанию доказывает ему законность всех вызывающих его недоумение дележей. "Как? Так вот каковы права этих господ! – с негодованием восклицает он. – Но ведь мои куда более святы, бесспорны, всеобщи. Они оправданы моим потом, текущей в моих жилах кровью, скреплены нервами, запечатлены в сердце. Они – основа моей жизни и моего счастья!" С этими словами он сгребает в охапку весь этот бумажный хлам и бросает его в огонь»[1].

Стендаль считал, что Наполеон был удостоен премии за свое «Рассуждение» от Лионской академии, но, став императором, уничтожил его, предав огню[2]. Однако трудами последующих историков доказано, что премии Наполеон не получал, но и не сжигал своей рукописи (она сохранилась до наших дней, публикация Ф. Массона). Ф. Кирхейзен в начале XX в. разыскал и процитировал следующее заключение члена Лионской академии Кампиньоля о конкурсном опусе Наполеона: «Это, может быть, произведение чрезвычайно искреннего человека, но оно слишком неумело составлено, слишком разбросанно, отрывочно и написано чересчур плохо, чтобы быть достойным внимания»[3].

Уже в то время, еще до начала великой революции 1789 г., 19-летний Наполеон определенно склонялся к республиканским взглядам.

---

[1] Цит. по: Тюлар Ж. Цит. соч. С. 53–54.
[2] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 191–192.
[3] Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 116–117.

Сохранившиеся записи юного подпоручика за 1786 г. прямо свидетельствуют об этом. «Божеские законы запрещают народам восставать на царей? – возмущался будущий император, а пока младший лейтенант. – Что за нелепость!.. Нет закона, которого народ не мог бы отменить»[1]. Ж. Тюлар имел все основания заявить, что «Бонапарт был республиканцем задолго до взятия Бастилии, раньше Робеспьера и Дантона»[2].

Итак, Наполеону около 20 лет. Как он тогда выглядел? Об этом сохранился подробный (скорее всего, приукрашенный) рассказ Лауры Пермон, будущей герцогини д'Абрантес, которая в то время была 5-летним ребенком. «Самым очаровательным в нем был его взгляд, – вспоминала герцогиня, – и прежде всего какое-то мягкое, милое выражение его лица в минуту внутреннего расположения. По правде говоря, когда наступала гроза, то это было просто ужасно; я не из робкого десятка, но, должна признаться, старалась не глядеть на его прелестную, оживленную физиономию в приступе гнева, который всегда вызывал у меня дрожь; у него была пленительная улыбка, но от презрительного шевеления губ тоже пробегали по коже мурашки. Но все это – его голова с широким лбом, на котором будут сиять короны этого мира, его нежные руки, которыми могла бы гордиться любая кокетка, его эластичная белая кожа, под которой выпирали стальные мышцы, его благородная косточка офицера – все это не проявлялось в детстве и заявило о себе в полный голос только тогда, когда он превратился в пригожего юношу»[3].

Поскольку Наполеон в то время был тонконог, и офицерские сапоги казались на нем непропорционально большими, старшая сестра Лауры Сесилия назвала его: «Кот в сапогах». Наполеон поначалу обиделся, но, к чести его, быстро смог оценить юмор девочки и подарил ей изящное издание сказки Шарля Перро «Кот в сапогах», а заодно и Лауре игрушку: «Кот в сапогах бежит за каретой своего хозяина маркиза Карабаса»[4].

Кстати, именно в первые годы офицерской службы появились в жизни Наполеона первые женщины. Дважды, мальчишески целомудренно, влюблялся он за время службы в Валансе. Сначала в салоне местной «львицы» мадам Грегуар дю Коломбье он познакомился с ее 16-летней дочерью Каролиной (своей ровесницей) и увлекся ею со всей силой и простодушием первой любви. «Мы назначали друг другу тайные свидания, – вспоминал об этом император на острове

---

[1] Napoléon. Manuscrits... P. 1.
[2] Тюлар Ж. Цит. соч. С. 41.
[3] Цит. по: Кастело А. Цит. соч. С. 39.
[4] Там же. С. 43.

Святой Елены. – Помню особенно хорошо одно из них, в раннее летнее утро. Никто не поверит, что все наше счастье заключалось в том, что мы вместе ели вишни»[1]. Мать Каролины сочла младшего лейтенанта Бонапарта невыгодной партией для своей дочери и выдала ее замуж за капитана Гарремпеля де Брессье. А Наполеон сохранил о своей первой любви светлую память и, став императором, «пожаловал мужу Каролины, ее брату и ей самой титулы и знаки отличия»[2].

Позднее в том же Валансе приглянулась Наполеону хорошенькая мадемуазель де Сен-Жермен. Ее отец Жозеф де Сен-Жермен был королевским откупщиком. Ему наставил рога сам король Людовик XV. Жена откупщика родила от Его Величества дочь Луизу-Аделаиду. В нее и влюбился Наполеон, да так серьезно (на его взгляд), что рискнул просить у отца Луизы-Аделаиды ее руки. Откупщик младшему лейтенанту в этой просьбе отказал, резонно сомневаясь, светит ли ему достойное будущее. «Так, – заключает Андре Кастело, – будущий император чуть было не стал негласным зятем короля Людовика XV»[3]. Луиза-Аделаида вскоре выйдет замуж за графа Жан-Пьера де Монталиве, которого, как и де Брессье, император Наполеон не обойдет своей милостью, а именно сделает его своим министром внутренних дел.

Важным событием в жизни младшего лейтенанта Наполеона Буонапарте стал его первый после семилетнего отсутствия приезд на Корсику. Получив шестимесячный отпуск, он 15 сентября 1786 г. сошел с корабля на родной берег в порту Аяччо. Встречало его многолюдье горожан – не только родные, друзья и знакомые, но и просто любопытные: весь город знал, что приезжает на родину первый из корсиканцев выпускник Парижской королевской военной школы.

Главной радостью для Наполеона стала долгожданная встреча с мамой Летицией, братьями и сестрами, причем трех младших из них – шестилетнюю Полину, четырехлетнюю Каролину и полуторагодовалого Жерома – он увидел впервые. Старший из братьев Жозеф так вспоминал об этой встрече: «Приехал Наполеон. Это было большим счастьем для матери и для меня <...>. У него были сочинения Платона, Плутарха, Корнелия Непота, Тита Ливия и Тацита во французских переводах. Кроме того, книги Монтеня, Монтескье и Рейналя. Все они находились в сундуке, который был гораздо больше того, где лежало его платье»[4].

---

[1] Las Cases E. Le memorial de Sainte-Hélène. P., 1894. T. 1. P. 102.

[2] Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 71–72. Каролина де Брессье была назначена фрейлиной матери-императрицы.

[3] Кастело А. Цит. соч. С. 46–47.

[4] Цит. по: Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 77.

Дома Наполеон с первых же дней, даже в присутствии Жозефа, занялся семейными делами как глава семьи. Он увидел, сколь нуждается в деньгах мама Летиция, которой приходилось кормить и воспитывать пятерых младших детей, а кроме того, оплачивать обучение Жозефа и Люсьена. Жозеф учился тогда на юриста в Пизанском университете, который в свое время окончил и «папа Карло», а Люсьен только начал осваивать азы богословия в духовной семинарии г. Экса на юге Франции. Наполеон потом всю жизнь будет трогательно вспоминать о «чудесах домашней экономии» у мамы Летиции: «Главный принцип, который она блюла, – ничего не тратить!»[1]

Содержать многолюдную семью с таким «главным принципом», конечно, было бы невозможно. Поэтому Наполеон все время своего офицерского отпуска в Аяччо хлопотал о выделении положенных многодетной семье Буонапарте пособий. Он стучался в двери самых разных чиновничьих инстанций, от местного интенданта до королевского генерал-контролера, но добивался лишь грошовых подачек, и это его удручало. Ему удавалось дважды продлевать отпуск ради хлопот о семье, но без видимых результатов. Между тем время и продленного отпуска заканчивалось. К счастью для всей семьи Буонапарте, в мае 1788 г., незадолго до вынужденного отъезда Наполеона с Корсики обратно в свой полк, вернулся домой из Пизы Жозеф уже с дипломом адвоката. «Таким образом, – подытоживает Ф. Кирхейзен, – Наполеон покинул мать и своих близких по крайней мере с сознанием, что у них есть теперь опора в лице старшего брата»[2].

А пока будущему императору вновь приходилось влачить скучную гарнизонную службу в захолустном Осконне – без надежд на быстрое и существенное продвижение. В таком угнетенном состоянии младший лейтенант Буонапарте решился, по данным ряда историков (все они обобщены в публикации П. С. Шереметева[3]), на отчаянный шаг. В 1789 г., за считаные месяцы до революции, он попросился через русского генерала И. А. Заборовского на службу в Россию с тем же чином. Должно быть, Екатерина II, имевшая тогда П. А. Румянцева и А. В. Суворова, не захотела принять к себе какого-то Буонапарте.

Что было бы с Наполеоном (и не только с ним, но и с другими худородными знаменитостями Франции), каков был бы предел их карьерных возможностей, если бы не Великая революция 1789 г.? Есть

---

[1] Цит. по: Кастело А. Цит. соч. С. 53.

[2] Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 82.

[3] Шереметев П. С. Бонапарт и русские в 1789 году и о Заборовском. М., 1910.

все основания ответить на этот вопрос словами такого авторитета, как Фредерик Стендаль: «Если бы Людовик XVI продолжал править, Дантон и Моро были бы адвокатами, Пишегрю, Массена и Ожеро – унтер-офицерами, Дезе и Клебер – капитанами, *Бонапарт и Карно – подполковниками или полковниками артиллерии,* Ланн и Мюрат – шляпными торговцами или почтмейстерами»[1].

2. Революция

Вопрос принимать или не принимать революцию перед Наполеоном не стоял. Будущий венценосец был подготовлен к ней всем ходом своей жизни и своих помыслов и потому радостно приветствовал ее начало. «Вмиг все изменилось! – восклицал он, вспоминая позднее о пережитом в те дни. – Из недр нации сверкнула электрическая искра: это нация вспомнила о своих правах, о своей силе. О, человек! Как ты презрен в рабстве и как велик, когда тебя зажигает любовь к свободе!»[2] Потом он добавит к этому: «Революция подходила ко мне, и меня очаровывало то равенство, которое должно было возвеличить меня»[3]. Не удивительно, что Наполеон одним из первых в Осконне вступил в Якобинский клуб – объединение *крайних* революционеров-республиканцев[4].

Насколько подготовлен был младший лейтенант Буонапарте к восприятию революции, косвенно свидетельствует мелодраматический эпизод из его службы в артиллерийском полку. В апреле 1789 г., за три месяца до начала революции, три батальона были отправлены в Серр, маленький городок на реке Соне южнее Оксонна для подавления бунта городской бедноты. Возглавить этот карательный отряд командир полка доверил Наполеону. Тот взял с собой двадцать солдат, вышел с ними к толпе бунтовщиков и предложил им разойтись. Бунтовщики не послушались. Тогда Наполеон приказал ударить в барабан, скомандовал солдатам «На прицел!», но перед командой «Пли!» объявил:

– Граждане, мне приказано стрелять только в негодяев. Порядочные люди пусть скорее уйдут!

Толпа сразу разбежалась: никто не захотел прослыть негодяем[5].

Различные – и субъективные, и объективные – обстоятельства так сложились в жизни Наполеона, что он почти все время первых

---

[1] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 202.

[2] Цит. по: Трачевский А. С. Наполеон I. Первые шаги и консульство (1769–1804). М., 1907. С. 36.

[3] Там же. С. 25.

[4] См.: Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. 3-е изд. М., 1980. С. 60.

[5] Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 89.

четырех лет столь желанной для него революции был занят корсиканскими делами, редко бывая во Франции. Один из его биографов А. С. Трачевский пришел даже к такому выводу: Наполеон, «подобно Цезарю, решил, что лучше быть первым на деревне, чем последним в городе, – он задумал овладеть Корсикой»[1]. Внешне и хронология, и самый ход событий действительно выглядят очень уж корсикански. С сентября 1789 по июнь 1793 г. Наполеон трижды приезжал на Корсику и подолгу оставался там, вникая во все – экономические, социальные, политические – проблемы острова. Вот хронология его корсиканской эпопеи тех лет: сентябрь 1789 – февраль 1791, сентябрь 1791 – май 1792, октябрь 1792 – июнь 1793 г.

Сохранились и документальные свидетельства особого интереса со стороны Наполеона к истории его родины – интереса, возросшего с началом революции. Именно в 1789 г. он закончил свою ранее начатую книгу очерков «История Корсики» и послал ее на отзыв аббату Г. Рейналю, который «одобрил сочинение молодого офицера и посоветовал ему напечатать эту книгу, добавив, что она сохранится в веках»[2].

Все это можно понять. Но истинная цель Наполеона заключалась отнюдь не в том, чтобы «овладеть Корсикой» и стать, таким образом, «первым на деревне». Ведь с тех пор, как в мае 1769 г., за три месяца до рождения Наполеона, Корсика была оккупирована войсками королевской Франции, на острове бурлило освободительное движение, которое возглавлял национальный герой Корсики Паскуале Филипп-Антуан Паоли (1725–1807). Наполеон еще ребенком часто видел Паоли в доме своего «папы Карло», сиживал на коленях героя и боготворил его. Кстати, именно Паоли убедил родителей Летиции Рамолино выдать ее за Карло Буонапарте. Теперь Наполеон решил помочь своему кумиру в борьбе за воплощение в жизнь великого лозунга Французской революции «Свобода, равенство и братство!» на Корсике, вовлечь Паоли и всех вообще корсиканцев в революционные преобразования, но ни в коем случае не отделять Корсику от Франции.

Выяснилось, однако, что теперь, в 1789 г., Паскуале Паоли – уже не тот, каким он был 20 лет назад. Тогда он был общепризнанным вождем корсиканских националистов, которые провозгласили его

---

[1] Трачевский А. С. Цит. соч. С. 36. Позднее то же намерение «стать властителем Корсики» приписывал Наполеону и Эмиль Людвиг в кн. «Наполеон» (М., 1998. С. 30).

[2] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 7; Тарле Е. В. Наполеон. С. 17. Очерки Наполеона по истории Корсики будут опубликованы в 1843 г. под названием «Письма аббату Рейналю о Корсике».

«Отцом отечества» и связывали с ним надежды на независимость Корсики как государства. Военачальник, администратор, законодатель, оратор-трибун, философ-мыслитель, он пользовался уважением в Европе. Вольтер называл его «славою своего народа», а Фридрих Великий прислал ему в подарок кинжал с надписью: «Libertas, Patria» (Свобода, Отечество). За время французского господства Паоли сумел добиться для Корсики реальной автономии, хотя и под контролем Франции, несколько цивилизовал законодательство и даже первобытные нравы своих сородичей, издав, между прочим, закон, по которому кровный мститель, ранее считавшийся чуть ли не героем, отныне подлежал суду как убийца[1].

Тем не менее французский диктат тяготил великого корсиканца, и он удалился в добровольное изгнание: его приютила Англия. К началу французской революции уже постаревший 64-летний Паоли оставался на чужбине и вне политики. Когда Наполеон в сентябре 1789 г. прибыл на Корсику, его засыпали вопросами о революционных переменах во Франции, а он отвечал градом встречных вопросов, спрашивал, как относятся корсиканцы к французской революции. С первых же дней Наполеон смог оценить политическую ситуацию на Корсике и попал в самое пекло разгоревшихся между его соотечественниками баталий.

Дело в том, что на Корсике все мыслящее население раскололось на два лагеря – роялистов и республиканцев. Раскол сказался даже на составе депутатов, избранных от Корсики в Генеральные штаты Франции по декрету от 22 марта 1789 г. Двое из них были роялистами и двое – республиканцами. Роялист бригадный генерал граф Маттео Буттафоко пользовался доверием королевского двора, а в глазах корсиканского люда был изменником с тех пор, как он в 1769 г., подкупленный французами, продавал им Корсику. Зато республиканец юрист Кристоф Саличетти был для простых корсиканцев истинным слугой и защитником интересов своего народа. Оба они, особенно второй их них, соединят свои судьбы с судьбой Наполеона.

Как только Наполеон сориентировался в ситуации и расстановке политических сил на Корсике, он попытался возглавить прореспубликански настроенных земляков, чтобы заняться демократизацией корсиканских органов власти, а для начала учредить Патриотический клуб и создать Национальную гвардию. Дом Буонапарте стал местом собраний всех патриотов Аяччо. Среди них вместе с Наполеоном вы-

---

[1] См.: Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 20–22; Слоон В. Новое жизнеописание Наполеона I. Историч. соч.: В 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 13–18.

ступал за революционные преобразования на Корсике его друг, а позднее – заклятый враг Карло Андреа Поццо ди Борго. С Наполеоном был тогда связан идейно и дружески республиканец и коммунист-утопист, один из руководителей (вместе с Гракхом Бабефом) «Заговора равных» 1795 г. Филиппо Микеле Буонарроти, о котором он тепло вспомнит на острове Святой Елены: «Это был человек, полный ума, фанатик свободы, но прямодушный, чистый, террорист и вместе с тем простой и хороший человек»[1]. Все они и составили Патриотический клуб, где обсуждались самые животрепещущие проблемы родного острова.

Поскольку резиденция губернатора Корсики находилась в городе Бастия, Наполеон и его многочисленные сторонники устремились туда и предъявили губернатору свое требование: сформировать на острове, как это было сделано во Франции, Национальную гвардию из добровольцев от народа. Губернатор опасливо медлил с принятием решения. Тогда Наполеон призвал жителей Бастии проявить инициативу, и вот «утром 5 ноября 1789 г. все жители вышли на улицы из домов вооруженные»[2]. Национальная гвардия как вид вооруженного гражданского ополчения стала на Корсике действенным фактором лишь четырьмя месяцами позднее, чем в Париже.

Наполеон немедленно дал знать об этом в Национальное собрание Франции депутату от Корсики, своему единомышленнику Саличетти, а тот мобилизовал все свои связи и возможности, чтобы узаконить действия жителей Бастии. В результате 30 ноября Национальное собрание постановило, что остров Корсика является частью французского государства, а жители острова управляются на основании тех же законов, что и другие французы. Наполеон отреагировал на это постановление с энтузиазмом: «Франция раскрыла нам свои объятья. С этого дня у нас те же интересы и те же заботы, как у французов. Море не разделяет нас теперь друг от друга!»[3]

В такой обстановке первый герой и кумир всей Корсики, «Отец отечества», «корсиканский Вашингтон» Паскуале Паоли решил вернуться из Англии на родину, граждане которой ждали его как

---

[1] Bertrand H.-G. Cahiers de Sainte-Hélène. Journal 1816–1817. P., 1959. P. 225. В 1836 г., за год до смерти, Буонарроти рассказывал А. И. Тургеневу (другу А. С. Пушкина и брату декабриста Н. И. Тургенева): «В молодости и после я коротко знавал Наполеона; на Корсике жил в доме его матери, и когда Наполеон приезжал повидаться с ней, то в последнюю ночь, которую он провел в доме родительском, я спал с ним на одной постели» (Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.) М., 1964. С. 74–75).

[2] Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 99.

[3] Цит. по: Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 101.

Мессию. 3 апреля 1790 г. он прибыл в Париж, где был представлен королю Людовику XVI и выступил перед Национальным собранием с благодарностью за ноябрьское постановление. Два месяца он провел в Париже, принимая поздравления с возвращением из эмиграции и, кстати, отказываясь от должностей во Франции, которые предлагали ему депутаты Национального собрания и сам король. Затем, триумфально проследовав на юг по французским городам, 14 июля 1790 г., в день, когда исполнился ровно год с начала революции, Паоли ступил на землю Корсики. Растроганный при виде неисчислимой массы соотечественников, которые встречали его, казалось, без ума от радости, он упал на колени и поцеловал родную землю, восклицая: «О родина! Я оставил тебя в рабстве, а нашел снова освобожденной!»[1]

Вся Корсика впала тогда, по выражению современника, в «паолизм». Все города прислали своему кумиру приветственные адреса. От Аяччо составил такой адрес и лично вручил его «Отцу отечества» Наполеон. Будущий император не только не скрывал, а, напротив, афишировал свои восторженные чувства к Паоли. Но о том, как Паоли реагировал на эти восторги и вообще, как он тогда воспринимал Наполеона, в источниках и литературе бытуют разные мнения. Ф. Кирхейзен считал, что Паоли был в таком же восторге от Наполеона, как Наполеон от Паоли: «О Наполеон! – восклицал будто бы идол всей Корсики. – В жилах твоих античная кровь! Ты один из мужей Плутарха!»[2] По мнению Е. В. Тарле и Ж. Тюлара, в ответ на славословие Наполеона Паоли демонстрировал «явную холодность»[3], а вот А. Кастело утверждает даже, что для Паоли «этот маленький подпоручик» представлял собой «лишь интригана или слишком распаленного юношу»[4].

Как бы то ни было, вскоре после возвращения Паоли на Корсике состоялись выборы глав местной администрации. Предвыборное собрание в Аяччо Паоли открыл призывом ко всем корсиканцам «незамедлительно поклясться в верности и безоговорочной поддержке отрадной *конституции*, объединяющей нас с этой нацией под сенью общего закона и монарха-гражданина»[5]. Под конституцией разумелась историческая Декларация прав человека и гражданина, принятая Учредительным собранием Франции 26 августа 1789 г. (1-я ста-

---

[1] Там же. С. 105.
[2] Там же. С. 105–106.
[3] Тюлар Ж. Цит. соч. С. 47; Тарле Е. В. Наполеон. С. 17.
[4] Кастело А. Цит. соч. С. 61.
[5] Цит. по: Тюлар Ж. Цит. соч. С. 44.

тья ее гласила: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах»).

Наполеон и все члены его Патриотического клуба приняли активное участие в выборах. Победили на них, естественно, паолисты. Сам Паоли был избран директором Заморского департамента, т. е. главой всей Корсики, и командующим Национальной гвардией, а Жозеф Буонапарте – председателем директории (так назывался местный орган самоуправления) в Аяччо. Вся семья Наполеона жалела только об одном: столицей Корсики была объявлена Бастия. Но тут в налаженный процесс демократизации Корсики как отдельного департамента Франции вмешался Маттео Буттафоко.

29 октября 1790 г. с трибуны Национального собрания в Париже этот депутат-аристократ заявил, что паолисты «хитростью и лживым лозунгом свободы ведут народ Корсики к рабству <...>. Они заперли граждан и поставили свою волю выше законов. Они оказали давление на выборы»[1]. Первым против Буттафоко, в защиту тех, кого называли паолистами, резко выступил Наполеон. Он составил «Письмо к Буттафоко», которое по решению Патриотического клуба в Аяччо было обнародовано. «Это письмо – первая публикация Наполеона», – подчеркивает Ж. Тюлар, хотя и ценит его невысоко[2], в отличие от Стендаля, который оставил о «Письме» такой отзыв: «Это сатирический памфлет, совершенно в духе Плутарха. Основная мысль остроумна и вместе с тем убедительна»[3]. Основную мысль «Письма» Стендаль, вероятно, усмотрел в обращении Наполеона к вождям великой революции М. Робеспьеру, О. Мирабо, П. Лафайету с такими словами о Буттафоко: «Этот человек осмеливается сидеть рядом с вами! Обагренный кровью братьев, запятнанный бесчисленными преступлениями, он осмеливается называть себя представителем нации, он, предавший ее!»[4]

Все содержание и самый тон наполеоновского «Письма к Буттафоко» отвечали настроению большинства корсиканцев, которые в те дни жгли на улицах Аяччо чучело Буттафоко. Делегаты от Корсики довели до сведения Национального собрания Франции свой отвод графу как представителю от народа, и собрание, руководимое самым популярным в то время из французских политиков Оноре Габриэлем Мирабо, выразило недоверие Буттафоко и аннулировало его депутатский мандат.

---

[1] Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 107.
[2] Тюлар Ж. Цит. соч. С. 45.
[3] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 196.
[4] Цит. по: Тюлар Ж. Цит. соч. С. 46.

В январе 1791 г., когда дело Буттафоко разрешилось в пользу паолистов во многом благодаря Наполеону, сам Наполеон (должно быть, в хорошем настроении) возвратился к себе в полк по окончании отпуска. На этот раз он взял с собой и поселил у себя в скромной квартире 12-летнего брата Людовика, чтобы облегчить и материальное, и воспитательное бремя мамы Летиции. Теперь Наполеон, которому шел 22-й год, отечески содержал и воспитывал брата, чтобы подготовить его к военной школе: учил его истории, географии, французскому языку и катехизису, водил в церковь на обедни, хотя сам уже ни во что религиозное не верил. Вот его запись, сохранившаяся с того времени в публикации Ф. Массона: «Теология есть клоака всех предрассудков и всех заблуждений»[1]. Впрочем, младшего брата в тот год Наполеон учил главным образом математике. Вот колоритный эпизод из исторической хроники Александра Дюма-отца «Наполеон»: «У Наполеона была спальня, а над ним в мансарде жил малыш Луи. Каждое утро Наполеон будил малыша ударами палки по потолку, после чего давал ему урок математики. Однажды Луи, с трудом привыкавший к этому режиму, спустился с бóльшим, чем всегда, опозданием.

– Кажется, мы ленимся? – упрекнул его Наполеон.

– О, брат! – воскликнул Луи. – Мне снился такой чудесный сон!

– И что же тебе снилось?

– Мне приснилось, что я король!

– А кто же тогда я? – усмехнулся Наполеон, пожимая плечами. – Император? Ну ладно, за дело!

И будущий король получил, как обычно, ежедневный урок от будущего императора»[2].

Тем временем юный Наполеон присматривался и прислушивался к тому, как воспринимали революцию французы – мужчины и женщины, старики и молодежь, «верхи» и «низы». Вот что он писал своему дяде, будущему кардиналу Жозефу Фешу 8 ноября 1791 г. из Севра – местечка близ Валанса: «Я нахожусь сейчас в хижине бедняка и пишу тебе после длинного разговора с добрыми людьми. Повсюду, особенно в Дофине (провинция во Франции с городом Валанс. – *Н. Т.*), я нашел крестьян в самом добром настроении; они решились умереть, лишь бы защитить конституцию. В Валансе я встретил мужественный народ, патриотических солдат и аристократических офицеров <...>. Женщины повсюду настроены на роялистский лад. Это не удивительно: ведь свобода гораздо более красивая

[1] Napoléon. Manuscrits... P. 562.

[2] Дюма А. Наполеон. М., 1992. С. 169.

женщина, чем они, – она оттеснила их на задний план!»[1] К тому времени, в июне 1791 г., Наполеон получил наконец повышение в звании: он стал поручиком (лейтенантом).

Между тем на Корсике началась подготовка к новым выборам депутатов в Национальное собрание Франции. Наполеон загорелся идеей добиться избрания в парламент своего брата Жозефа. Поэтому он сумел выхлопотать для себя внеочередной отпуск и к середине сентября 1791 г. вновь был на родине. Однако Жозеф, несмотря на поддержку брата, выборы проиграл. Депутатами от Корсики стали трое: племянник Паоли по имени Леонетти (известный только как племянник), Карло Андреа Поццо ди Борго и Бартоломео Арена – родной брат еще одного друга юности Наполеона, а потом его лютого врага Жозефа Арена, который будет казнен в 1801 г. за участие в покушении на жизнь первого консула Франции.

Наполеон был очень расстроен поражением своего брата на парламентских выборах и теперь занялся собой. Он решил сам принять участие в необычных, но ему лично близких выборах – командующего добровольческим батальоном Национальной гвардии Аяччо[2]. Выбирали себе такого начальника солдаты. 1 апреля 1792 г. Наполеон выиграл эти выборы, но не один, а разделив 1–2 места с комиссаром местной директории Квенца. Поскольку тот не имел военной подготовки, он уступил первенство Наполеону, оставив себе должность *второго* командующего.

Роялисты, недовольные избранием Квенца и особенно Наполеона командирами Национальной гвардии, спровоцировали в Аяччо беспорядки. Городская «чернь», обманутая демагогией роялистов, взбунтовалась. Гвардейцы Наполеона вынуждены были применить оружие. Бунтовщики разбежались, порядок в городе был восстановлен. Но роялистски настроенные агенты Поццо ди Борго донесли в Париж, что Наполеон приказал стрелять в народ и вообще узурпировал командование батальоном Национальной гвардии.

Момент был для Наполеона критический. Жозеф посоветовал ему срочно ехать в Париж, чтобы там объясняться с военным министерством. Наполеон так и сделал. Оправдывался он тем, что защищал свободу и «мог бы ответить, как Цицерон и Мирабо, на требование клятвы, что он не преступил закона: “Клянусь, что я спас Республику!”»[3]. Тем не менее Наполеон был исключен из списков

---

[1] Цит. по: Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 109.

[2] Подробно об этом см.: Там же. С. 120–130; Кастело А. Цит. соч. С. 68–72; Тюлар Ж. Цит. соч. С. 47–48.

[3] Chuquet A. La jeunesse de Napoléon. T. 2. P. 290–291.

своего полка, правда, тотчас начал хлопотать о восстановлении. Пока он хлопотал, оставаясь без должности, ему довелось стать *свидетелем* (именно так: не участником, а свидетелем) двух исторических событий: 20 июня и 10 августа 1792 г.

20 июня, по воспоминаниям Л.-А. Бурьенна, который в тот день был вместе с Наполеоном, они увидели толпу в 5–6 тысяч человек, вооруженных топорами, пиками, вертелами, саблями и даже ружьями, которые под гул набата шли на приступ королевского дворца в Тюильри. «Пойдем за этой сволочью!» – будто бы сказал Бурьенну Наполеон. Они пошли вслед за толпой и стали свидетелями потрясающей сцены: толпа смела швейцарских гвардейцев-охранников короля и заставила Людовика XVI кланяться из дворцовых окон народу. «Когда король показался в одном из окон в красном фригийском колпаке, который напялил на него кто-то из черни, – рассказывал Бурьенн, – тогда Наполеон уже не мог больше сдерживать своего негодования. Он завопил: "Черт возьми! Как можно было впустить эту сволочь! Повалить бы человек четыреста или пятьсот из них пушками, так они убрались бы со всех ног!"»[1].

Е. В. Тарле считал этот рассказ Бурьенна «точными данными» об «истинных чувствах» Наполеона «в смысле их полнейшей ясности и недвусмысленности»[2]. В. Слоон, напротив, считал, что «рассказ этот, подобно всем сообщениям Бурьенна», похож на «выдуманный впоследствии анекдот»[3]. Да, Тарле почему-то не учитывал давно закрепившееся в наполеоновской историографии убеждение в крайней предвзятости «злоречивых» мемуаров Бурьенна, которым «нельзя верить», хотя и «нужно читать, чтобы, читая их с осторожностью, искать и находить в них иногда кое-что нужное»[4]. Главное же, все, что сказано здесь Бурьенном о политических взглядах Наполеона и его настроении в 1792 г., явно противоречит другим источникам, согласно которым Наполеон (как мы уже видели и еще увидим) и до, и после 1792 г. был убежденным антироялистом, республиканцем и даже якобинцем.

---

[1] Бурьенн [Л. А.]. Записки о Наполеоне, Директории, Консульстве, Империи и восстановлении Бурбонов. СПб., 1834. Т. 1. Ч. 1. С. 46–47. Красные фригийские колпаки (по названию Фригии – древней страны в Малой Азии) как символ свободы носили во время Французской революции XVIII в. радикальные революционеры.

[2] Тарле Е. В. Наполеон. С. 18.

[3] Слоон В. Указ. соч. Т. 1. С. 127.

[4] Dictionnaire Napoléon / Sous la direction de Jean Tulard. P., 1999. T. 1. P. 306; Тюлар Ж. Мюрат, или Пробуждение нации. М., 1993. С. 374.

10 августа Наполеон стал свидетелем еще более важного исторического события, приведшего к падению почти тысячелетней французской монархии[1]. В тот день, как и 20 июня, он услышал гул набата и помчался на площадь Карусель, откуда мог видеть, как вооруженные толпы народа штурмуют королевский дворец Тюильри. Король Людовик XVI и члены его семьи к тому моменту уже перешли из дворца в здание Ассамблеи под опеку Национального собрания. Дворец защищала швейцарская стража. Восставшие парижане перебили ее и обыскали весь дворец снизу доверху, требуя голову короля. В такой обстановке Национальное собрание обратилось к народу с призывом к спокойствию, объявив, что король отрешен от власти, арестован и вместе с королевой Марией-Антуанеттой заключен в тюрьму Тампль. Далее было объявлено, что в ближайшее время от имени народа будет созван Национальный *Конвент*, т. е. высший законодательный орган, который решит, «какие меры надлежит принять для обеспечения верховной власти народа и царства свободы и равенства»[2].

Разгром Тюильрийского дворца происходил на глазах Наполеона. Он видел, как победители с торжеством выбрасывали из дворцовых окон тела убитых швейцарцев. По его словам, он «мог спокойно наблюдать за всеми событиями дня», но цена этой победы таких, как он, республиканцев, потрясла его, и он с дрожью вспоминал о ней всю жизнь. «После того как дворец был захвачен, – рассказывал он своему окружению на острове Святой Елены, – я рискнул проникнуть в дворцовый сад. Ни одно поле битвы не являло мне впоследствии такой горы трупов, какой предстали передо мной тела швейцарцев, потому ли, что на фоне ограниченного пространства они казались особенно многочисленными, потому ли, что это зрелище было первым моим впечатлением такого рода. Я увидел хорошо одетых женщин, которые предавались отвратительным непристойностям на трупах швейцарцев»[3].

Здесь уместно сказать о любопытной версии французского историка Ги Бретона. Ссылаясь на целый ряд английских (надо признать, безызвестных) историков и журналистов, он утверждает, что примерно с 22 июня по 7 августа 1792 г. Наполеон находился в Лондоне, где, по косвенным данным, пытался ходатайствовать перед прави-

---

[1] Подробно об этом событии см.: Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. М., 1978. Т. 2. С. 593–601; Кропоткин П. А. Великая Французская революция. 1789–1793. М., 1979. С. 215–217; Mathiez A. Le dix août. P., 1931.

[2] Цит. по: Жорес Ж. Указ. соч. Т. 2. С. 600.

[3] Masson F. Napoléon dans sa jeunesse. 1769–1793. P., 1911. P. 313–314.

тельством Англии о разрешении поступить на службу в британскую армию[1]. Однако самые авторитетные специалисты-историки, включая англичан В. Скотта, Х. Беллока, В. Кронина, Д. Чандлера, не принимают эту версию всерьез и даже не упоминают о ней.

За время, пока Франция сотрясалась на крутом подъеме от монархии к республике, Наполеон тоже карьерно поднялся после недолгой задержки вверх. 10 июля 1792 г. он был восстановлен в списках своего полка, а 30 августа получил из военного министерства уведомление о том, что ему присвоено воинское звание капитана, причем с таким старшинством (от 6 февраля), как если бы он не исключался со службы. «Вдумаемся, – пишет об этом Жан Тюлар. – Ведь это была одна из последних резолюций Людовика XVI!»[2]

Должно быть, Наполеон был очень рад своему повышению в чине. Но первый же его шаг в новом качестве (капитана артиллерии!) шокировал начальство: он попросился во внеочередной отпуск на родину. Во-первых, нужно было срочно взять сестру Элизу из монастырской школы для благородных девиц в местечке Сен-Сир близ Версаля (куда устроил ее «папа Карло»), ибо теперь повсюду начались гонения на всех «благородных», даже не особо знатных. Главное же, Наполеон сам стремился на Корсику по двум причинам: с одной стороны, он спешил повидаться с родными, которые Христом Богом молили его утешить их своим присутствием в столь страшное время нарастания революции, а с другой стороны, ему самому хотелось присмотреться к положению на Корсике и повлиять на него в духе de la France[3].

9 октября 1792 г., получив и на этот раз отпуск, Наполеон вместе с 15-летней сестрой Элизой отправился в путь, к родным берегам. В Марселе случился инцидент, который мог бы иметь для них тяжкие последствия, если бы не хладнокровие и находчивость Наполеона. Их остановила толпа возбужденных, а частью и вооруженных республиканцев. На голове у Элизы была шляпа с пером. Указывая на нее, какие-то ультра из толпы стали кричать: «Долой аристократов!» Наполеон сохранял самообладание. «Мы не больше аристократы, чем вы!» – заявил он и, сняв шляпу с головы Элизы, отшвырнул ее прочь, ублажив тем самым толпу.

Положение на Корсике к осени 1792 г. стало угрожающе нестабильным. Местные роялисты все больше ориентировались на

---

[1] Бретон Г. Лукавые истории из жизни знаменитых людей. М., 1992. С. 101–102.

[2] Тюлар Ж. Цит. соч. С. 48.

[3] См.: Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 132–133; Кастело А. Цит. соч. С. 76–77; Слоон В. Указ. соч. Т. 1. С. 131–132 и др.

Англию, республиканцы – на Францию. Паскуале Паоли колебался. Хотя он принял новоиспеченного капитана Буонапарте внешне любезно, проницательный капитан почувствовал в настроении «корсиканского Вашингтона» антифранцузский нюанс. Заподозрив недоброе, Наполеон вновь принял на себя командование батальоном Национальной гвардии в Аяччо и возглавил местных *монтаньяров*, т. е. фактически якобинцев, наиболее последовательных революционеров[1]. Он провел даже подчеркнуто демонстративный осмотр корсиканских укреплений (не на случай ли агрессии со стороны Англии?) и многозначаще, письменно уведомил дирекцию департамента: «Я здесь. Все теперь пойдет хорошо»[2].

На деле почти все пошло очень плохо для корсиканских монтаньяров и лично для Наполеона. Депутаты Национального Конвента Франции, среди которых был корсиканец К. Саличетти, выступили с идеей завоевать соседний с Корсикой остров – Сардинию. Такая идея сулила приток во Францию столь необходимых ей в то время лошадей, мачтового леса и хлеба. Был снаряжен флот из пяти боевых судов под командованием контр-адмирала Лорана Трюге[3]. В Аяччо к бойцам Трюге присоединились регулярные части корсиканского воинства и знакомые нам два батальона Национальной гвардии во главе с Наполеоном и его сотоварищем Квенца. Они должны были атаковать главный из опорных пунктов у берегов Сардинии – порт под названием Маддалена, о котором сам Горацио Нельсон (лучший в Европе флотоводец) говорил, что «он имеет более важное значение, чем Мальта и Гибралтар»[4]. Общее руководство операцией Паоли, по договоренности с Трюге, передал своему родственнику полковнику Колонна Чезаре.

24 февраля 1793 г. батальоны Наполеона и Квенца атакой с ходу захватили островок Сан-Стефано, разместили там две свои батареи и оттуда повели артиллерийский огонь по фортам Маддалены, причем Наполеон лично наводил орудия и стрелял очень метко. Скоро два главных крепостных форта были выведены из строя. Наполеон предложил брать Маддалену штурмом. Чезаре принял его предложение.

---

[1] Монтаньяры (от *франц.* montagne, гора) – крайне революционно настроенные депутаты Национального собрания Франции, занимавшие в зале заседаний верхние скамьи. Почти все они принадлежали к политическому клубу якобинцев.

[2] Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 133.

[3] Подробно о Сардинской экспедиции см.: Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 134–139; Кастело А. Цит. соч. С. 78–80; Слоон В. Указ. соч. Т. 1. С. 136–139.

[4] Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 136.

Но тут случилось непредвиденное. Команда головного судна, корвета «Ла Фоветт»[1], взбунтовалась, заявив, что воевать больше не хочет, и потребовала немедленно вернуться домой, во Францию. Все попытки Чезаре уговорить бунтовщиков, пригрозив при этом даже взорвать их корабль, ни к чему не привели. Пришлось свернуть так удачно начатую операцию и возвращаться ни с чем, а точнее с позором.

После такого qui pro quo не только Колонна Чезаре, но и сам Паоли впали в немилость к Национальному Конвенту. Что же касается Наполеона, то он был, как никогда ранее, в бешенстве. Отныне и Чезаре, и даже Паоли потеряли в его глазах почти все. Хуже того, он сам стал терять веру в какую-либо возможность сохранить и тем более продолжить на Корсике революционные преобразования.

Тем временем революция во Франции набирала ход. 21 января 1793 г. был казнен король Людовик XVI, а 30 января Франция объявила войну Англии, которая возглавляла антифранцузскую коалицию европейских монархий. Национальный Конвент заметно радикализировался. 2 апреля Паоли был вызван в Париж для ответа на выдвинутые против него обвинения. Главными были провал экспедиции в Сардинию и связь с англичанами, т. е. фактически предательство. Такой вызов грозил корсиканскому «Отцу отечества» гильотиной.

С обвинениями Паоли в предательстве выступил не кто иной, как 18-летний Люсьен Бонапарт – в то время член Якобинского клуба в Тулоне[2]. Сделал он это на заседании тулонского «Общества республиканцев», после чего хвастливо уведомил об этом в письме своих братьев: «Я нанес смертельный удар нашим врагам. Вы этого не ожидали?» Агенты Паоли перехватили это письмо и предъявили его своему шефу. «Ах, гаденыш!» – воскликнул тот с презрением ко всем Бонапартам, включая, разумеется, и Наполеона[3].

Но Наполеон сам был эпатирован скандальной выходкой Люсьена. При всем своем разочаровании в Паоли не мог он допустить расправы с былым кумиром по доносу родного брата. Поэтому Наполеон обратился в Конвент с посланием в защиту Паоли. Оно заканчивалось такими словами: «Паоли больше семидесяти лет[4]. Он больной человек, – иначе он бы давно предстал перед вами, чтобы пристыдить своих врагов. Мы обязаны ему всем. Он всегда будет

---

[1] В переводе с фр. славка – певчая птица.

[2] См. об этом: Иванов А. Ю. Двенадцать Бонапартов. М., 2006. С. 25–27.

[3] Masson F. Napoléon et sa famille. P., 1900. T. 1. P. 66; Chuquet A. Op. cit. T. 3. P. 115.

[4] На деле едва минуло тогда 68 (П. Паоли родился 6 апреля 1725 г.).

пользоваться нашим уважением. Отмените же ваш декрет от 2 апреля и возвратите всему народу его гордость и славу! Услышьте наш голос, исполненный скорби!»[1]

Паоли знал об этом послании Наполеона, но не выразил автору никакой признательности. Сам он отправил в Конвент бумагу с объяснением, что Корсика «вследствие опасного положения, в котором она теперь находится, не может обойтись без своего вождя, а кроме того, его возраст и недуги не позволяют ему отправиться в морское путешествие»[2]. Ф. Кирхейзен так прокомментировал этот факт: «Через два года Паоли отправился в Лондон и, несмотря на почтенный возраст, так хорошо перенес трудное морское путешествие, что прожил там еще свыше двадцати лет[3]. Он просто вполне справедливо боялся предстать перед революционным трибуналом и быть осужденным на гильотину»[4].

Как бы то ни было, корсиканский люд горой встал тогда на защиту «своего вождя». В благодарность за это Паоли провозгласил себя генералиссимусом, диктатором Корсики, и созвал Консульту, т. е. общекорсиканское Народное собрание. Консульта, желая угодить генералиссимусу, объявила братьев Буонапарте «врагами отечества» и предала их «вечному проклятию и позору». Паоли тут же приказал арестовать старших братьев Буонапарте (Жозефа и Наполеона), которые в тот момент еще оставались на Корсике.

Дальнейший ход событий выглядел для семьи Наполеона как исторический детектив[5]. Наполеон предупредил маму Летицию («Срочно готовьтесь к отъезду! Эта страна – не для нас!») и отбыл из Аяччо в Бастию, к Жозефу. По дороге, в харчевне Боконьяно, он был схвачен роялистами, бежал с невероятными приключениями из-под стражи и все-таки пробрался (верхом, на лодке, пешком) через горы и долы в Бастию. Там он встретился с двумя комиссарами Конвента – своим добрым знакомым Кристофом Саличетти и Лакомбом Сен-Мишелем, которых ознакомил с последними распоряжениями Паоли. Оба комиссара, а также Наполеон и Жозеф с отрядом в 400 человек на двух судах 31 мая 1793 г. прибыли в бухту Аяччо, но

---

[1] Цит. по: Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 144.

[2] Там же. С. 141.

[3] Ошибка Ф. Кирхейзена: в Лондоне Паоли прожил 13 последних лет своей жизни (умер 6 февраля 1807 г.). Кстати, в 1889 г. его останки были возвращены на Корсику, в его родную деревню (см.: Dictionnaire Napoléon. T. 2. P. 465).

[4] Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 147.

[5] Подробно см.: Там же. С. 148–150; Кастело А. Цит. соч. С. 80–82; Слоон В. Указ. соч. Т. 1. С. 142–147; Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 129–130.

гарнизон родного города Наполеона открыл по ним артиллерийский огонь. То был роковой знак: Паоли предал революционную Францию (он тогда уже вел переговоры с англичанами). Комиссары Конвента отвели свои корабли из зоны обстрела, и Наполеон первым увидел на одной из прибрежных высот группу людей, которые подавали кораблям отчаянные сигналы бедствия. То была Летиция Буонапарте с младшими детьми.

Оказалось, что мама Летиция накануне ночью бежала с детьми из дома в горы, за считаные часы до того, как пришли жандармы Паоли, чтобы ее арестовать. К утру, поднявшись на ближайший пригорок, беглецы увидели, как горит их дом, разграбленный и подожженный паолистами. «Пусть горит, еще лучше построим!» – будто бы сказала при этом жизнелюбивая мать Наполеона[1]. Действительно, со временем построят гораздо лучше прежнего.

Наполеон посадил мать, трех сестер и двоих младших братьев (Луи и Жерома) на корабль Саличетти и доставил их в порт Кальви на севере Корсики. Оттуда на французском военном судне Наполеон отплыл вместе с ними, плюс еще Жозеф, к берегам Франции. 13 июня 1793 г. восемь членов семьи Буонапарте прибыли в Тулон, где их встретил девятый – Люсьен. Поскольку жить в Тулоне было бы и слишком дорого, и небезопасно, Наполеон устроил все семейство на время в соседней деревушке Ла Валет. Там его родные жили очень бедно – лишь на пособия для корсиканских беженцев да на половину скромного жалованья Наполеона. Его сестры – две будущие принцессы (Элиза и Полина) и будущая королева Каролина – сами стирали белье в деревенском пруду. Но через месяц всех домочадцев будущего императора приняли к себе их друзья – марсельские купцы Клари, у которых в Марселе был просторный дом. Сам же Наполеон отправился к месту службы своего полка в Ниццу.

Тем временем 17 июля Национальный Конвент Французской республики по докладу К. Саличетти постановил: считать Паскуале Паоли и Карло Андреа Поццо ди Борго врагами Франции и приговорить их к изгнанию. Узнав об этом, оба поспешно бежали с Корсики под защиту английских кораблей, которые доставили их с почетом в Англию. Поццо ди Борго позднее перебрался в Австрию, а с 1803 г. до смерти в 1842 г. жил и служил в России. Паоли умер в Лондоне 6 февраля 1807 г. Наполеон, став первым консулом, а затем императором Франции, отзывался о нем с уважением и даже, по данным Ф. Кирхейзена, имел намерение вызвать его из Лондона и предоставить высокий пост[2].

---

[1] Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 130.

[2] Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 149.

Итак, корсиканская эпопея закончилась для Наполеона без лавров, но с болезненными терниями. Всю ее он посчитал своей роковой ошибкой и досадовал, что лучшая пора юности, четыре года Великой революции потеряны зря, в стороне от главных событий, на задворках истории. «Если бы он не зарылся в эту горячую, сухую корсиканскую землю, если бы не сузил кругозор до темных окон старых корсиканских домов, – так обобщал его впечатления А. З. Манфред, – перед ним открылись бы необозримые просторы»[1].

Но революция продолжалась, а вместе с ней перед гением Наполеона оставались открытыми и «необозримые просторы» для карьеры во Франции – карьеры, стократ бóльших масштабов и темпов, чем на Корсике. 1793 год принес ему желанную точку отсчета великих, истинно наполеоновских свершений. Да, именно тот год, кульминационный в развитии французской революции, – год, увековеченный в знаменитом, потрясающе выразительном романе Виктора Гюго «Девяносто третий год» (лучшем из художественных произведений мировой литературы о том времени), – стал началом феноменального, небывалого в истории человечества, взлета и падения Наполеона как исторической личности.

В 1793 г. Наполеон был убежденным якобинцем, поклонником самых радикально настроенных вождей революции Максимилиана Робеспьера и Жана Поля Марата. Он тогда прямо говорил: «Марат и Робеспьер – вот для меня истинные святые»[2]. Сверхуважительное отношение к Робеспьеру Наполеон сохранил на всю жизнь. «Робеспьер погиб потому, что хотел остановить последствия революции, а не как тиран, – рассуждал он незадолго до смерти на острове Святой Елены. – Если бы он не пал, он показал бы себя как самый выдающийся человек из всех живших»[3]. Сестра Робеспьера Шарлотта много лет спустя вспоминала о Наполеоне: «Он восхищался его (М. Робеспьера. – *Н. Т.*) талантами, его энергией, бескорыстием его патриотизма и стремлений. В это время (в 1793 г. – *Н. Т.*) Бонапарт был искренним республиканцем»[4]. О дружеских отношениях Наполеона с младшим братом Максимилиана Робеспьера Огюстеном и о том, как тяжело пережил Наполеон трагическую ги-

---

[1] Манфред А. З. Указ. соч. С. 73.

[2] Сьюард Д. Семья Наполеона. Родственники Наполеона. Смоленск, 1995. С. 34. Подробно см.: Луговкин А. А. О социально-политических взглядах молодого Наполеона Бонапарта // Вестник ЛГУ. 1976. № 2. История. Язык. Литература. Вып. 1. С. 57–62.

[3] Bertrand H.-G. Cahiers de Sainte-Hélène. P. 175. О том же: Mémoirs du duc de Raguse, de 1792 à 1832. P., 1857. T. 1. P. 56.

[4] Робеспьер Ш. Воспоминания. Л., 1925. С. 55.

бель обоих братьев, речь впереди. Здесь же отмечу, что Наполеон, став первым консулом Франции, принял Шарлотту Робеспьер и назначил ей пожизненную пенсию в 3600 франков[1]. Шарлота доживет до 1834 г.

Вернемся теперь в Ниццу, где Наполеон летом 1793 г., после восьмимесячного отсутствия, присоединился к своему полку. Там стала для него приятным сюрпризом встреча с генералом Жаном дю Тейлем – родным братом его покровителя в Оксонне барона генерал-лейтенанта Жан-Пьера дю Тейля. Жан-Пьер не принял республику и вскоре (27 февраля 1794 г.) сложит голову на гильотине, а вот его брат стал служить республике, как ранее служил королю, и получил от нее генеральский чин. О Наполеоне он был наслышан от брата, уже тогда проникся к нему симпатией и теперь встретил его очень доверительно, как талантливого и надежного специалиста.

Генерал Ж. дю Тейль сразу же стал доверять капитану Буонапарте ответственные поручения: назначил его командовать береговыми батареями в Ницце, а потом отправил в Авиньон, чтобы там принять орудия и амуницию для воинских гарнизонов всего юга Франции. Поскольку в Авиньоне Наполеону пришлось задержаться дольше, чем предполагалось, он использовал эту задержку для сочинения первого из своих значимых литературных трудов – брошюры «Ужин в Бокере»[2].

Бокер – местечко близ Авиньона. Там за ужином в местной харчевне Наполеон вступил в политическую дискуссию с двумя негоциантами из Марселя, жителем г. Ним и фабрикантом из Монпелье. Эту дискуссию (политически заостренную и литературно обработанную) он и воспроизвел 29 июля 1793 г. как памфлет с целью революционной пропаганды.

В Марселе тогда восстали против Конвента т. н. федералисты – республиканцы, но не левого, якобинского, а правого, *жирондистского*, толка[3]. Оба негоцианта, фабрикант и житель Нима, выражают их интересы. С ними резко и веско спорит «Военный», офицер, т. е. сам Наполеон. Марсельцы стараются доказать ему, что они, в отличие от вандейских инсургентов, не роялисты: «Вандея хочет короля, хочет явной контрреволюции. Война в Вандее – это война фанатизма, деспотизма. Наша война – это война истинных республиканцев,

---

[1] См. там же.

[2] Полный текст ее в рус. пер. см.: «Ужин в Бокере» Наполеона Бонапарта (пер и комм. Е. И. Лебедевой) // Французский ежегодник. 1986. М., 1988. С. 234–246.

[3] Жирондисты (от названия департамента Жиронда) – умеренные республиканцы, бывшие в оппозиции к якобинцам.

друзей закона, порядка, врагов анархии и злодейства. Разве у нас не трехцветное знамя?» Наполеон видит разницу между вандейцами и марсельцами, но смотрит дальше и глубже, на примере Корсики: «Вы говорите, у вас трехцветное знамя? Такое же знамя поднял на Корсике Паоли, чтобы обмануть народ и превратить соотечественников в сообщников своих честолюбивых и преступных замыслов. Он поднял трехцветное знамя и приказал стрелять по республиканским кораблям, изгнал из крепостей наши войска, разграбил имущество наиболее состоятельных семей, верных республике <...> и при этом имел бесстыдство называть себя другом Франции и верным республиканцем».

Наполеон проницательно усмотрел в марсельцах с их надеждами «на закон и порядок» наивных людей, обманутых честолюбцами вроде Паоли. Показав, что интриги жирондистов против Конвента служат лишь интересам общего врага Республики – роялистов, австрийцев, испанцев, он воззвал к разуму своих оппонентов, играя при этом на их патриотических чувствах: «Стряхните с себя иго небольшого числа негодяев, которые ведут вас к контрреволюции. Восстановите у себя законную власть, Конституцию <...>. Вы были введены в заблуждение. Это не новость, что кучка интриганов и заговорщиков так поступает с народом. Во все времена доверчивость и невежество толпы становились причиной большинства гражданских войн».

«Ужин в Бокере» свидетельствует не только об идейной зрелости, но и о литературном профессионализме Наполеона. «На голову выше всех брошюр, изданных как лагерем оппозиции, так и якобинцами», – так оценивает его Жан Тюлар[1]. Андре Моруа судит о нем еще более лестно, имея в виду все же молодого Наполеона: «Это лучшее из его сочинений, самое удачное и возымевшее наибольшие последствия»[2].

Сам Наполеон знал цену своему памфлету. Он очень оперативно издал его в Авиньоне за собственный счет, а после того как комиссары Конвента и в первую очередь К. Саличетти познакомились с брошюрой, они обеспечили в том же 1793 г. ее издание за счет государства. Брошюра распространялась по всему югу Франции как оружие революционной пропаганды.

Из Авиньона Наполеон вернулся к своему полку в Ниццу. Здесь его вновь ждал сюрприз – на этот раз еще более приятный и, главное, перспективный. 26 сентября 1793 г. Кристоф Саличетти с боевых позиций из-под стен Тулона доложил в Комитет общественного спасе-

[1] Тюлар Ж. Цит. соч. С. 56.
[2] Maurois A. Napoléon. P., 1964. P. 16.

ния Французской республики: «Капитан Доммартен ранен[1], и мы остались без начальника артиллерии. Но случай нам чудесно помог: мы остановили гражданина Буонапарте, очень сведущего капитана, который ехал в Итальянскую армию, и приказали ему заместить Доммартена»[2].

Итак, перед автором «Ужина в Бокере» открывается манящий путь к славе. «Если летом 1793 г. капитан Буонапарте ставит свое перо на службу якобинской республике, то осенью под Тулоном он защищает ее с оружием в руках»[3]. К концу сентября того года Наполеон был уже на боевых позициях под Тулоном. «Там возьмет его История, чтобы уже не оставлять. – гласит "Мемориал" Э. Лас Каза. – Там начинается его бессмертие»[4].

3. Тулон

Тулон к концу XVIII в. был одним из богатейших городов Франции и к тому же одной из сильнейших крепостей в мире. «Арсенал Франции», – так определил его значимость Вальтер Скотт[5]. Другой из ряда самых авторитетных *англичан* – биографов Наполеона – Дэвид Чандлер развивал мысль Скотта: «Тулон был не только важнейшим военно-морским арсеналом Франции, но и ключом к французскому господству в Средиземном море <...>. В Париже понимали, что если не вернуть Тулон, то неизвестно, куда дальше может расползтись пламя мятежа, уже ярко полыхавшее в Вандее. Другими словами, Тулон был теми весами, на чаше которых лежала жизнь Республики»[6].

Понятно поэтому, насколько страшным ударом для Французской республики оказалась потеря Тулона. В ночь с 27 на 28 августа 1793 г. местные власти, где задавали тон жирондисты и даже роялисты, предали Республику, устроив бунт всех недовольных политикой Национального Конвента – от голытьбы до аристократов. «Изменили не одни только аристократы, – читаем об этом в фундаментальном труде Жана Жореса. – Рабочие Арсенала, которым надоело получать заработную плату обесцененными ассигнатами, сдались ради оплаты в золоте. Так враг сначала доводил людей до нищеты, а затем на эту

---

[1] Капитан артиллерии Кузен де Доммартен был ранен в сражении при деревне Оллиули близ Тулона 8 сентября 1793 г.

[2] Цит. по: Masson F. Napoléon et sa famille. T. 1. C. 356.

[3] Луговкин А. А. Указ. соч. С. 61.

[4] Las Cases E. Op. cit. T. 1. P. 111.

[5] Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов. М., 1995. Т. 1. С. 17.

[6] Чандлер Д. Цит. соч. С. 34.

нищету прививал измену»[1]. «Эскадру, порт, арсенал, город, форты – все они сдали врагам Франции», – вспоминал Наполеон много лет спустя[2].

За поддержкой устроители бунта обратились к английскому и испанскому флотам, эскадры которых курсировали вблизи французского побережья. «Враги Франции» охотно откликнулись на такое обращение и высадили в Тулон многочисленный десант из английских, испанских, а также сардинских и неаполитанских моряков. На Тулонском арсенале был поднят флаг, но даже не с лилиями Людовика XVI, а с крестом адмирала С. Худа – командующего английской эскадрой[3]. Кстати, 64-пушечным линейным кораблем «Агамемнон» в составе этой эскадры командовал тогда еще не успевший прославиться Горацио Нельсон.

Комендантом Тулона стал английский лорд В. Мюльграв. Под его руководством англичане начали воздвигать под городом новые укрепления, чтобы плотнее закрыть вход в гавань и, «очевидно, намереваясь, – как предположил Т. Карлейль, – сделать из Тулона новый Гибралтар»[4]. Главный из фортов, который контролировал вход в гавань и выход из нее, был назван именем Мюльграва, а сам Мюльграв называл его Малым Гибралтаром. Кстати, из настоящего Гибралтара вскоре прибыл в Тулон с подкреплениями генерал-лейтенант Чарльз О'Хара, который принял командование над всем гарнизоном крепости. Среди его помощников выделялся способностями и энергией Уильям Сидней-Смит – будущий адмирал и фанатичный враг Наполеона, а пока старший офицер английского флота.

К тому времени, когда капитан Буонапарте прибыл в распоряжение генерала Ж. Ф. Карто – главнокомандующего республиканской армией, которая осаждала мятежный Тулон, – соотношение сил было таково. Генерал Карто имел 12 тыс. солдат. Ему были приданы еще 5 тыс., выделенных из Итальянской армии, под командованием генерала Ж.-Ф. Лапуапа (кстати, главного долгожителя из всех французских военачальников XVII–XIX вв.: он проживет без малого 93 года). Численность тулонского гарнизона не превышала 15 тыс. человек[5].

Поскольку осада Тулона затягивалась, что мало радовало республику, Национальный Конвент, теряя терпение, начал менять глав-

---

[1] Жорес Ж. Цит. соч. Т. 6. С. 258.

[2] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. Избр. произведения. М., 2003. С. 11.

[3] См.: Карлейль Т. Французская революция. История. М., 1991. С. 471.

[4] Там же. С. 472.

[5] См.: Чандлер Д. Цит. соч. С. 34.

нокомандующих. Жан Франсуа Карто (1751–1813) – «художник» (как его называли), в прошлом жандарм, а потом то ли живописец, то ли маляр, был в качестве военачальника совершенным невеждой. «Он ничего не понимал ни в крепостях, ни в осадном деле», – вспоминал о нем Наполеон на острове Святой Елены[1]. Зато о себе Карто был преувеличенно высокого мнения, что и демонстрировал всем своим видом: «Весь с головы до ног раззолоченный, надутый революционною спесью, он расхаживал в кругу офицеров и комиссаров, как петух в курятнике»[2]. К юному капитану-артиллеристу Буонапарте «раззолоченный» генерал относился не без симпатии (шутливо называл его «капитан Пушка»), но едва ли тогда знал ему цену.

«Революционную спесь» Карто и его невежество в том, что касалось военного искусства, Наполеон смог ощутить в полной мере, когда излагал на совете у генерала свой план освобождения Тулона. «Вещее ясновидение, которое составляло существо его военного гения»[3], подсказало ему верный ход мысли и дела: единственный ключ к Тулону – форт Эгийет, который господствовал над входом в гавань. «Надо взять Эгийет, и не пройдет недели, как мы будем в Тулоне», – говорил Наполеон генералу Карто еще до совета, а на совете взял карту, показал генералу, где форт Эгийет, и воскликнул: «Вот где Тулон!» Карто снисходительно улыбнулся, подтолкнул локтем сидевшего рядом с ним комиссара и шепнул ему: «Малый, похоже, не силен в географии»[4].

23 октября Карто был уволен с поста главнокомандующего под Тулоном. Вместо него Конвент прислал генерала Франсуа Амедэ Доппе (1753–1800). То был, подобно Карто, не столько военный, сколько *художник* своего рода: медик по образованию и беллетрист, сочинитель романов. «Такой же невежда в области военного искусства», – вспоминал о нем Наполеон, сравнивая его с Карто, а к тому же еще «враг всех людей, у которых замечался какой-либо талант»[5].

К счастью для Наполеона и его солдат, Доппе продержался в должности главнокомандующего меньше трех недель. С 16 ноября его заменил Жак Кокиль Дюгомье (1738–1794), настоящий генерал, воин с 40-летним опытом, герой войны североамериканских колоний Англии за независимость 1775–1783 гг., «ученик Вашингтона»[6].

---

[1] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 14.
[2] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 132.
[3] Там же.
[4] Chuquet A. Op. cit. T. 3. P. 193.
[5] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 20.
[6] Карлейль Т. Цит. соч. С. 489.

Наполеон, считавший его (при разнице в возрасте в 31 год) своим «личным другом», так вспоминал о нем: «Он обладал всеми качествами старого воина. Сам чрезвычайно храбрый, любил храбрецов и был любим ими. Он был добр, хотя горяч, очень энергичен, справедлив. Имел верный военный глаз, был хладнокровен и упорен в бою»[1].

С назначением Дюгомье не только Наполеон, но и вообще все, кто всерьез разбирался в военном деле, увидели, что теперь командовать армией будет настоящий воин. Отныне наполеоновские канониры больше не ворчали, как ранее: «Хватит с нас разных маляров и медиков!»

Именно Дюгомье внимательно воспринял и всецело одобрил план освобождения Тулона, который Наполеон безуспешно пытался втолковать еще генералу Карто. Теперь «капитана Пушку» поддерживали комиссары Конвента – не только Кристоф Саличетти и редкий среди комиссаров *военный* специалист Тома-Огюстен Гаспарен, но и еще более влиятельные Поль Баррас (будущий глава Директории) и в особенности Огюстен Робеспьер – младший брат самого могущественного тогда во Франции человека. Саличетти уже хорошо знал Наполеона по Корсике, остальные комиссары присмотрелись к новичку за время осады Тулона и разглядели в нем уникальный талант военачальника.

В самом деле, менее чем за три месяца своего тулонского бытия Наполеон сумел добиться почти невозможного. «Чтобы оценить, как следует, что он сделал при осаде Тулона, – справедливо заметил Д. С. Мережковский, – надо понять, какие трудности пришлось ему преодолевать»[2]. Начал он с того, что ревизовал, обновил и пополнил артиллерийский парк. Бракованные орудия (а таких оказалось немало) он снял с вооружения и затребовал, еще в большем числе, новые. «Реквизиции делались им повсюду, – пишет о нем Д. Чандлер. – Пушки спешно перебрасывались под Тулон из Марселя, Авиньона, из Итальянской армии»[3]. Наряду с пушками изыскивались необходимые запасы боеприпасов, снаряжения, продовольствия, ибо, как это сразу увидел Наполеон, недоставало всего. «Нечеловеческими усилиями, – читаем о нем у того же Д. Чандлера, – в конце концов ему удалось набрать почти сотню пушек и достаточное количество 24-фунтовых и дальнобойных мортир (орудий с короткими стволами для навесной стрельбы. – *Н. Т.*). Обеспечение над-

[1] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 22; О'Мира Б. Голос с острова Святой Елены. Мемуары. М., 2004. С. 161.

[2] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 131.

[3] Чандлер Д. Цит. соч. С. 36.

лежащего воинского состава тоже стало проблемой, но Буонапарте не растерялся. По его просьбе комиссары Конвента объявили принудительную мобилизацию местных отставных артиллерийских офицеров, а пехотные офицеры были направлены на ускоренное обучение артиллерийской стрельбе под орлиным оком главного канонира», т. е. Наполеона[1].

Все это Наполеон буквально пробивал сквозь косность и откровенное противодействие генералов Карто и Доппе, которых этот «юный всезнайка», да к тому же еще «пришелец» с Корсики озадачивал. Но не убеждал. Потеряв терпение, Наполеон пошел на рискованный шаг, грозивший в случае неудачи крахом его карьеры. 25 октября, когда Конвент уже решил снять Карто с поста главкома, но под Тулоном об этом еще не знали, Наполеон обратился с призывом о помощи в Комитет общественного спасения. Так назывался орган, который был учрежден 6 апреля 1793 г., избирался Конвентом, но к осени этого года стал фактически высшим органом власти в стране. Возглавлял его Максимилиан Робеспьер.

В обращении Наполеона к членам Комитета общественного спасения говорилось: «Первая мера, которую я вам предлагаю, – чтобы вы послали сюда командовать артиллерией какого-нибудь артиллерийского генерала, который сможет, – хотя бы только в силу своего ранга, – потребовать уважения к себе и справиться с кучей невежд в штабе, с которыми приходится без конца спорить, предъявлять им уставы и заставлять их принимать меры, теоретически и практически аксиомные для любого артиллерийского офицера»[2].

Это обращение энергично поддержал комиссар Гаспарен, а возможно и другие комиссары Конвента, среди которых был и Огюстен Робеспьер. Так или иначе, Комитет общественного спасения откликнулся на просьбу капитана Буонапарте и прислал к Тулону генерала Жана дю Тейля. В тот момент Наполеон не мог бы пожелать для себя лично ничего лучшего. Дю Тейль одобрил все его распоряжения и, номинально исполняя обязанности начальника всей артиллерии, предоставил Наполеону безраздельную свободу действий. Разумеется, Наполеон воспользовался такой свободой в полной мере.

Собрав достаточное количество орудий, он математически продуманно расставил их по своему «вещему ясновидению» в самых выигрышных для него позициях. Правда, одна из батарей, прямо против форта Мюльграв, оказалась в зоне английского артобстрела, и фран-

---

[1] Там же.

[2] Correspondance de Napoléon I. P., 1858. T. 1. № 1. P. 2.

цузские канониры не решались дежурить на ней. Тогда Наполеон «велел поставить на батарее столб с надписью: “Батарея бесстрашных”. И к ней стали стекаться самые храбрые, так как каждому из них было лестно обслуживать эту батарею»[1]. Две другие батареи Наполеон выставил на вершине холма против выхода из гавани и прицельным огнем оттуда вынудил адмирала С. Худа переместить свои суда ближе к Тулону, где он окажется, как это предусмотрел Наполеон, в ловушке.

Сам «юный всезнайка» удивлял тогда и подчиненных, и начальников личным примером настоящего героизма. Д. С. Мережковский писал об этом с восхищением, которое можно понять: «Всех зажигал своим огнем, заражал своей отвагой и всепожирающей деятельностью; был всем для всех: то пехотинец, то всадник, то сапер, то канонир. Не жалел себя: скомандовав, как генерал, шел в огонь, как рядовой <...>. Невозмутимый под летящими ядрами, не двигаясь с места, не изменяясь в лице, он только покрикивал “берегись – бомба!”, как будто играл в снежки на Бриеннском школьном дворе. Бомба однажды пролетела так близко от него, что ветром сшибла его с ног и оконтузила, но он остался в огне»[2].

Почти все в армии Карто, кроме самого главнокомандующего, понимали, что «капитан Пушка» как военачальник на голову выше генерала. Даже супруга Карто простодушно внушала мужу: «Дай этому молодому человеку делать, что он хочет. Ведь он больше твоего смыслит, ничего у тебя не просит и во всем дает тебе отчет. В случае успеха слава будет твоя, а за неудачу ответит он сам»[3].

Солдаты и офицеры, а вместе с ними и комиссары интуитивно угадывали в юном капитане *Вождя*. Если какой-нибудь неожиданный ход противника (к примеру, обстрел или вылазка) заставал их врасплох, «все командиры постов в один голос кричали: “Бегите к Буонапарте, он знает, что делать!”»[4]. И он всегда все знал. Может быть, не сразу, но очень скоро проявилось тогда под Тулоном то, что так красочно обрисовал Д. С. Мережковский: «Когда этот двадцатичетырехлетний артиллерийский капитан, худенький, тоненький, длинноволосый, похожий на шестнадцатилетнюю девочку, но с важной осанкой и спокойно-повелительным взором, появился в лагере, все вдруг почувствовали, что власть принадлежит ему»[5].

---

[1] Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 163.
[2] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 133.
[3] Las Cases E. Op. cit. T. 1. P. 115.
[4] Ibidem. P. 117–118.
[5] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 131.

Уже тогда, в тулонском лагере, Наполеон проявлял свой уникальный дар распознавать в самых разных, даже на первый взгляд неприметных людях заложенные в них военные способности. Таких людей он возвышал и приближал к себе. Именно тогда рядом с ним, под его командованием начали свою блистательную карьеру младшими офицерами будущие маршалы Франции Л. Г. Сюше, К. П. Виктор и О. Ф. Л. Мармон, будущий гофмаршал Ж. К. М. Дюрок, будущие генералы Л. Ш. А. Дезе, А. Ф. Лагарп, Ш. В. Э. Леклерк, Ж. Б. Мюирон, А. Ж. Жюно. Каждый из них обращал на себя внимание прежде всего отвагой, бесстрашием, силой духа, а Наполеон людей с такими качествами очень ценил, даже если им недоставало, как например, Андошу Жюно, полководческих дарований. «Как-то раз, – рассказывал император на острове Святой Елены Э. Лас Казу, – когда одна из батарей занимала позицию, я попросил подойти какого-нибудь грамотного сержанта или капрала. Некто вышел из строя и прямо на бруствере стал писать под мою диктовку. Едва он закончил, как ядро, упавшее близко от нас, запорошило письмо землей. “Спасибо! – сказал писарь. – Песка не надо”. Сама шутка, а также невозмутимость, с какой она была сказана, привлекли мое внимание и обеспечили будущность этому сержанту. То был Жюно»[1].

Отличилась тогда под Тулоном и 19-летняя «кавалерист-девица» (французская Надежда Дурова) Мария-Тереза Фигёр, которая прослужила в 15-м драгунском полку с 1793 по 1815 г., участвовала во многих боях и походах, была дважды ранена, пережила два плена и оставила интересные мемуары. Наполеон лично знал и ценил ее[2].

Итак, вступивший с 16 ноября в должность главнокомандующего генерал Ж. К. Дюгомье одобрил наполеоновский план освобождения Тулона. Главная идея плана заключалась в том, чтобы блокировать Тулон с моря и принудить англо-испанскую эскадру выйти из гавани, оставляя тем самым гарнизон без ее поддержки. Для этого требовалось взять форт Эгийет, т. е. командную высоту над гаванью, откуда можно было обстреливать все подходы и выходы для кораблей к городу и обратно. Лишенный поддержки флота Тулон не смог бы продержаться и считаных дней[3].

Три дня войска Дюгомье, а точнее сказать, канониры Наполеона с «Батареи бесстрашных» и всех других батарей вели артиллерийскую подготовку, обрушив на Эгийет смерч огня и железа. А 17 декабря, после полуночи, во тьме и в грозу, под проливным дождем, ре-

---

[1] Las Cases E. Op. cit. T. 1. P. 116.

[2] См.: Фигёр Тереза. Воспоминания кавалерист-девицы армии Наполеона. М., 2007.

[3] См.: Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 16–17.

спубликанские войска тремя колоннами пошли на штурм Эгийета[1]. Первую колонну повел сам Дюгомье, 55-летний главнокомандующий. Эта атака была отбита. Дюгомье в отчаянии бросился к резервной колонне. Ее уже вел в атаку Наполеон. Рядом с ним во главе первого батальона шел 19-летний капитан Жан-Батист Мюирон, который как никто знал здесь все перепады местности. Дюгомье пошел вперед вместе с ними. К трем часам утра бойцы колонны Наполеона ворвались в форт через артиллерийские амбразуры: первым – Мюирон, за ним – Дюгомье и Наполеон. Английские канониры в полуразрушенном форту сопротивлялись отчаянно, но были все перебиты. Оказавшийся с ними генерал О'Хара, раненый, сдался в плен. Его саблю принял Наполеон (на острове Святой Елены он прямо скажет об этом своему врачу Барри О'Мира: «Взял в плен О'Хара»[2]).

В тот день еще до начала штурма под Наполеоном была убита артиллерийским ядром его лошадь, а его самого ударная волна сбила с ног («Смерть осенила его своим крылом», – пишет об этом Ж. Тюлар). Когда же будущий император повел своих солдат на штурм Эгийета, в рукопашной схватке с защитниками форта он получил штыковую рану в ногу. Ранены были также Дюгомье и Мюирон.

В 5 часов утра 18 декабря 1793 г. Форт Эгийет и соседние с ним форты – Малый Гибралтар и Балагье – были взяты республиканцами, после чего на Эгийет взошли комиссары Конвента, «уверенной, молодецкой поступью, с обнаженными саблями, – взошли и поблагодарили солдат»[3]. «Завтра или, самое позднее, послезавтра мы будем ужинать в Тулоне», – обещал им Наполеон.

Тем временем на англо-испанских судах и в городе началась паника. Моряки союзной эскадры, оказавшиеся в огневой ловушке после того, как батареи Наполеона заставили их отступить вглубь гавани, ближе к городу, теперь торопились уйти в море под убийственным шквалом заградительного огня. В то же время роялисты-тулонцы бросились к гавани и стали хватать первые же попавшиеся на глаза лодки, чтобы добраться до эскадры своих незадачливых покровителей. Сидней Смит второпях не успел выполнить приказа адмирала Худа и поджечь все французские суда в гавани и арсенале. Наполеон по этому поводу съязвит, что «Французская республика должна

---

[1] Подробно см.: Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 25–27; Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 167–168; Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 134–135; Манфред А. З. Указ. соч. С. 81.

[2] О'Мира Б. Указ. соч. С. 161.

[3] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 26.

быть ему признательна» за такую оплошность[1]. Впрочем, как ни торопился Смит бежать из Тулона, он был взят в плен и заточен в парижскую тюрьму Тампль, где мы с ним еще встретимся.

19 декабря весь город Тулон был полностью очищен от интервентов и доморощенных роялистов. Однако комиссары Конвента – по законам того времени – учредили революционный трибунал для расправы с «предателями». Так как предатели большей частью успели скрыться, жертвами революционной мести стали, кроме восьми–десяти человек, действительно изменивших республике, сотни невинных людей. Наполеон так вспоминал об этом на острове Святой Елены: «Прибегли к ужасному средству, характеризующему дух той эпохи: было объявлено, что всем, кто при англичанах работал в арсенале, надлежит собраться на Марсово поле для записи фамилий. Дали понять, что это делается с целью принять их вновь на службу. Почти 200 старших рабочих, конторщиков и других мелких служащих поверили этому и явились. Их фамилии были записаны, и тем было удостоверено, что они сохраняли свои места при англичанах. Тотчас же на том самом поле революционный трибунал присудил их всех к смерти. Батальон санкюлотов и марсельцев, вызванный туда, расстрелял их. Подобный поступок не нуждается в комментариях»[2].

Наполеон определяет здесь число расстрелянных примерно: «почти 200». На самом деле их было больше, причем авторитетный (для данного случая) источник называет точную цифру. В те дни вершить «правосудие» над тулонскими мятежниками прибыл из Лиона депутат Конвента Жозеф Фуше – личность уже тогда зловещая и одиозная. Он только что «прославился» казнями таких же мятежников в Лионе и теперь, 23 декабря 1793 г., ликует в письме к своему соратнику Ж. М. Колло д'Эрбуа из Тулона: «Мы можем отпраздновать победу только одним способом. Сегодня вечером 213 бунтовщиков перешли в лучший мир <...>. Прощай, мой друг, слезы радости застилают мне глаза – они наводняют всю мою душу»[3].

В свое время Сидней Смит попытался запустить в научный обиход и в общественное сознание версию, будто Наполеон лично участвовал в расправе над «несчастными» тулонцами. Вот фрагмент из его воспоминаний: «Роялисты и освобожденные узники были загнаны на большую площадь Тулона одной огромной массой. Буонапарте, который тогда командовал артиллерией, приказал стрелять из пушек

---

[1] Там же. С. 30.

[2] Там же. С. 31.

[3] Цит. по: Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 168. О том же: Кастело А. Цит. соч. С. 93.

по людям, кося их как траву. Те, кто уцелел, бросились на землю, надеясь избежать страшной участи, когда будущий император Франции, воспользовавшись первым моментом гробовой тишины после грохота пушек, громко объявил: "Мщение Французской республики свершилось – встаньте и идите по домам!" Несчастные едва успели подняться на этот призыв, как второй убийственный залп картечи из пушек швырнул их всех в небытие»[1]. Дэвид Чандлер, хотя и с оговорками, допускает, что этому можно верить: «Если это описание событий верно (воспоминания сэра Сиднея не всегда безупречны относительно фактов, ибо впоследствии он осуществлял какую-то личную вендетту против репутации Наполеона), то оно свидетельствует о раннем проявлении особой жестокости в натуре Буонапарте»[2].

Но ведь даже Вальтер Скотт, при всей его антинаполеоновской предвзятости, воспринимал версию Смита с большим сомнением («Говорят, что будто бы... Если Наполеон и впрямь... Сам он от подобного обвинения решительно отрекался...)[3]. Американец В. Слоон, немец Э. Людвиг, швейцарец Ф. Кирхейзен вообще не рассматривали эту версию. Не считают ее правдоподобной ни французские, ни российские историки. Сам же Наполеон сказал о своем отношении к расстрелу тулонских обывателей без лишних эмоций: «Неверно, что кого бы то ни было расстреливали картечью. Начальник артиллерии и канониры регулярной армии не стали бы в этом участвовать»[4].

Весть о том, что Французская республика вернула себе Тулон, произвела огромное впечатление не только в самой Франции, но и в Европе. 25 декабря 1793 г. Конвент объявил в стране национальный праздник и чествовал героев Тулона. Первым из них, по общему признанию, был Наполеон. Генерал Ж. К. Дюгомье так докладывал о нем Конвенту: «Большие научные сведения, такой же ум, а храбрость даже чрезмерная – вот слабый очерк достоинств этого редкостного офицера <...>. Повысьте его, иначе он сам возвысится!»[5] Еще авторитетнее для Конвента было мнение его комиссаров – О. Робеспьера и К. Саличетти, которые под Тулоном стали друзьями «капитана Пушки». Вот, что написал Огюстен Робеспьер своему всемогущему брату Максимилиану: «Этот человек одарен *сверхъестественными* достоинствами (d'un mérite transcendant)»[6]. Именно О. Робеспьер

---

[1] Lord Russell of Liverpool. Knight of the Sword. L., 1964. P. 40.
[2] Чандлер Д. Цит. соч. С. 39.
[3] Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 23.
[4] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 31.
[5] Chuquet A. Op. cit. T. 3. P. 230.
[6] Цит. по: Трачевский А. С. Цит. соч. С. 59.

и Саличетти своей властью комиссаров Конвента 22 декабря 1793 г. присвоили 24-летнему капитану Буонапарте звание бригадного генерала, а 14 января 1794 г. Конвент утвердил их решение[1]. Так революция наградила своего «редкостного офицера», открыв перед ним путь, на котором он смог реализовать свои «сверхъестественные достоинства». В этом смысле Наполеон был истинным *«сыном революции»*, как называли его Ф. Стендаль и Г. Гейне, Н. М. Карамзин и А. И. Герцен, Ф. И. Тютчев и Д. С. Мережковский, вел. кн. Николай Михайлович и Ф. Р. Шатобриан.

Сам Наполеон всегда вспоминал о Тулоне как о «первом поцелуе славы». Все, что было связано с Тулоном, он берег в памяти до конца своих дней. В предсмертном завещании оставил семьям генерала Ж. К. Дюгомье и комиссара Т.-О. Гаспарена по 100 тыс. франков[2]. Не обошел он своим вниманием даже генерала Ж. Ф. Карто: став императором, «предоставил ему доходное место, а после смерти генерала вспомнил и о вдове его – 20 декабря 1813 г., за несколько месяцев до крушения империи, назначил ей пенсию в 3 тыс. франков»[3].

С 1793 г. само слово Тулон стало нарицательным для обозначения раннего подвига и взлета[4]. Д. С. Мережковский тонко подметил, что именно в Тулоне взошла и засияла «заря нового века: в мир входил Наполеон»[5].

---

[1] См.: Тарле Е. В. Наполеон. С. 33.

[2] Завещание императора Наполеона. С. 144–145.

[3] Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 164.

[4] Не зря мечтал о своем «Тулоне», который «выведет его из рядов неизвестных офицеров и откроет первый путь к славе», юный князь Андрей Болконский в романе Л. Н. Толстого «Война и мир».

[5] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 135.

Глава III
ГЕНЕРАЛ

Он кого угодно уймет!
П. Баррас о Наполеоне
в 1795 г.

1. Безвременье

Итак, Тулон открыл перед Наполеоном путь к вершинам славы, к воплощению его самых честолюбивых и дерзновенных замыслов. Но непредвиденные капризы судьбы задержали его взлет на три года.

Став генералом, Наполеон сразу же, 26 декабря 1793 г., получил от комиссаров Конвента О. Робеспьера и К. Саличетти должность инспектора береговых укреплений и ответственное задание ревизовать южное побережье Франции от устья Роны до Ниццы. Он все сделал как нельзя лучше: не только сформировал отряды морской артиллерии, расставил в нужных местах батареи, дополнительно укрепил и вооружил береговые форты, но и учредил суды для устранения порочивших революционную армию злоупотреблений.

Так, в Марселе, где, кстати, жила тогда его семья, Наполеон увидел, что главный городской форт Святого Николая, который только и мог защитить рейд, гавань и весь город от любой угрозы со стороны моря, полуразрушен. Четвертого января 1794 г. он составил докладную записку военному министру Ж. Б. Н. Бушотту, не предполагая, что она будет иметь для него угрожающие последствия, причем не единожды. Вот что говорилось в этой записке: «Форт Св. Николая не мог бы держаться даже и четверти часа. Три вала, которые окружают его со стороны города, разрушены, и доступ к нему открыт со всех сторон. Необходимо во что бы то ни стало укрепить этот форт. С этой целью нужно восстановить хотя бы одну из трех стен. Я приказал по-

ставить у форта орудия таким образом, *чтобы они господствовали над городом*»[1].

Наполеон имел в виду не только угрозу нападения на Марсель, возможность нового контрреволюционного мятежа в самом городе, как это уже было летом 1793 г. Но марсельские власти усмотрели в обращении генерала к военному министру призыв к репрессиям и донесли на него в Конвент как на потенциального карателя. Конвент отреагировал на донос, вызвав в Париж для объяснений и Наполеона, и его непосредственного начальника, дивизионного генерала Ж.-Ф. Лапуапа. К счастью для Наполеона, О. Робеспьер и Саличетти посоветовали ему задержаться как береговому инспектору в Тулоне, что он и сделал, а генерал Лапуап сумел оправдаться перед Конвентом[2]. Но, как мы увидим, Конвент еще припомнит Наполеону его марсельский демарш перед военными верхами.

Огюстен Робеспьер к тому времени проникся дружеской симпатией к Наполеону, который восхищал его своими талантами и деяниями. 5 апреля 1794 г. он так напоминал о нем брату: «Я уже называл тебе гражданина Буонапарте, начальника артиллерии, заслуги которого совершенно исключительны»[3]. Вскоре после этого Огюстен был вызван братом в Париж и «все пустил в ход, чтобы убедить Наполеона последовать за ним»[4]. Тот, однако, по данным Стендаля, «не пожелал поступить в *распоряжение адвокатов*»[5], а впоследствии так комментировал свой отказ: «Не откажись я бесповоротно, кто знает, к чему привел бы меня этот первый шаг и какая участь была бы мне уготовлена»[6]. «Быть может, – добавляет к этому Стендаль от себя, – он помешал бы совершиться 9-му термидора; он умел сражаться на улицах Парижа, а в борьбе Тальена с Робеспьером несколько часов остались неиспользованными»[7].

---

[1] Цит. по: Кирхейзен Ф. Наполеон I. Его жизнь и его время. М., 1997. С. 170.

[2] Подробно см.: Там же. С. 170–171; Слоон В. Новое жизнеописание Наполеона I. Историческое соч. в 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 169–170.

[3] Цит. по: Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 172.

[4] Стендаль. Собр. соч. М.; Л., 1950. Т. 14. С. 213.

[5] Многие из самых авторитетных вождей Конвента были адвокатами: М. Робеспьер, Ж. Дантон, К. Демулен, Ж. Бийо-Варенн, П. Верньо, Б. Барер, Ж. Петион, А. Барнав, А. Тибодо и др. Половину Комитета общественного спасения составляли адвокаты (см.: Булуазо В. Комитет общественного спасения. 10 июля 1793–27 июля 1794 // Французский ежегодник (1966). М., 1967. С. 28).

[6] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 213.

[7] Там же. Жан Ламбер Тальен (1767–1820) – один из главных руководителей, наряду с П. Ф. Баррасом, государственного переворота 9 термидора 1794 г.

Уже после отъезда О. Робеспьера в Париж его коллега, комиссар Конвента Жак-Франсуа Рикор, «вероятно, в согласии с Робеспьером»[1], доверил Наполеону важную дипломатическую миссию в Геную, которая тогда представляла собой республику на французский лад, но была склонна поддаться английскому влиянию. Наполеон имел поручение настроить Геную против дипломатического давления на нее со стороны Англии. Он провел в Генуе всего одну неделю – с 14 по 21 июля 1794 г. – и за этот короткий срок добился как дипломат максимума возможного. Корректно по форме, но, в сущности, ультимативно он потребовал, чтобы Генуэзская республика обязалась сохранять строжайший нейтралитет, не дозволяя каким-либо иностранным войскам проходить через ее территорию. В противном случае Наполеон обещал генуэзцам жесткие санкции, припугнув тем самым правительство Генуи. Его глава генуэзский дож письменно обязался удовлетворить требования Франции[2].

27 июля Наполеон вернулся из Генуи в Ниццу, где размещалась его штаб-квартира и куда к тому времени переселились из Марселя его мать и сестры. «Можно представить себе, – писал о нем В. Слоон, – что, возвращаясь по живописной дороге, пролегающей по “Карнизу” между горами и морем, юный генерал и дипломат предавался самым розовым мечтам, чувствуя у себя на плечах эполеты главнокомандующего. На самом деле его ожидала опала, которая могла, чего доброго, окончиться приговором к смертной казни»[3].

Да, в тот самый день, когда Наполеон вернулся к себе в Ниццу, 27 июля (по календарю Французской революции 9 термидора), в Париже свершился государственный переворот. Левореспубликанское якобинское правительство во главе с М. Робеспьером было свергнуто. Власть захватили правые республиканцы, т. н. *термидорианцы*, которых возглавляли П. Баррас, Ж. Л. Тальен, Ж. Фуше, опиравшиеся, в отличие от якобинцев, не на средние слои населения, а на крупную буржуазию. Робеспьер вместе с братом Огюстеном и ближайшими соратниками (блистательным Л. А. Сен-Жюстом, Ж.-О. Кутоном, Ф. Ф. Ж. Леба), а также еще 15 «робеспьеристов» были арестованы и на следующий день без суда гильотинированы. Смертные казни продолжались и в последующие дни: 11 термидора сложили головы на гильотине 71 человек и 12-го – еще 12[4].

---

[1] Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 175.

[2] Подробно см.: Там же. С. 175–176; Слоон В. Указ. соч. Т. 1. С. 175.

[3] Слоон В. Указ. соч. Т. 1. С. 175.

[4] Подробно об этом см.: Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. М., 1983. Т. 6. С. 439–446.

В Ницце о перевороте 9 термидора узнали через неделю – 5 августа по «нормальному» календарю. На следующий день Наполеон был арестован и заключен в тюрьму Форт Карре близ города Антиб на южном побережье Франции. Приказ об аресте подписал его земляк и друг комиссар Конвента Кристоф Саличетти, а исполнил жандармский офицер Жозеф Арена – другой земляк и давний (в годы отрочества и юности) друг, который, как мы увидим, будет дважды покушаться на жизнь генерала и консула Бонапарта.

Какими мотивами движим был в этом случае комиссар Саличетти? Ведь он близко знал Наполеона, симпатизировал ему и так тесно сотрудничал с ним в критических ситуациях на Корсике и под Тулоном. А теперь? Теперь он доложил (точнее донес) в Конвент, что Наполеон якобы был причастен к заговору братьев Робеспьеров против Республики, восстанавливал разрушенные укрепления Марселя как гнездо контрреволюции и чуть ли не изменнически вел себя в Генуе («Что делать этому генералу за границей? Все наши подозрения падают на него!»)[1].

Есть разные версии такого «кувыркания» Саличетти, который всегда был смел, откровенен, проницателен, хотя и по-корсикански лукав как личность. Ф. Кирхейзен прямо заявил: чем все это объяснить, «мы в точности не знаем»[2]. Д. С. Мережковский усмотрел у Саличетти один мотив: «чтобы спасти свою голову»[3]. Более обстоятельна и, по-моему, убедительна версия В. Слоона. По его мнению, Саличетти, бывший гораздо ближе к О. Робеспьеру, чем Наполеон, «выказал себя замечательно ловким негодяем», подставив вместо себя Наполеона, но, хотя и «не колебался жертвовать другом ради своей личной безопасности, все-таки не желал без крайней необходимости губить его окончательно». Поэтому он сделал все, чтобы Наполеона, «к счастью его, заключили в Форт Карре, вместо того чтобы отправить в Париж»[4].

---

[1] Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 176–177; Слоон В. Указ. соч. Т. 1. С. 178–179; Мережковский Д. С. Наполеон. М., 1993. С. 136.

[2] Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 177.

[3] Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 136.

[4] Слоон В. Указ. соч. Т. 1. С. 179. Такова же точка зрения Э. Людвига (см. его кн. «Наполеон». М., 1998. С. 38). Попытка А. Кастело доказать, что Наполеон вообще не сидел ни в какой тюрьме, а пребывал тогда всего лишь под домашним арестом в квартире, которую он снимал у своего знакомого, богатого негоцианта Жозефа Лауренти, неубедительна, поскольку основывается только на воспоминаниях этого негоцианта (см.: Кастело А. Бонапарт. М., 2004. С. 101). Ж. Тюлар в кн. «Наполеон, или миф о «Спасителе» (М., 1996. С. 59) склоняется к такому же мнению, хотя и не настаивает на нем.

Да, в Париже Наполеон как якобинец и друг младшего Робеспьера не избежал бы гильотины. Но справедливости ради надо признать, что угроза смертной казни висела над ним и в тюрьме Форта Карре. В записках генерала-медика Рене-Николя Деженетта, на которые ссылался Стендаль, сообщается удивительный факт: два адъютанта Наполеона – О. Ф. Себастиани (будущий маршал Франции) и А. Ж. Жюно – «задумали зарубить саблями обоих жандармов, стороживших их начальника, похитить его силой и увезти в Геную, где он сел бы на корабль»[1]. «Уже в то время, – читаем об этом у Ф. Кирхейзена, – Наполеон оказывал на своих подчиненных такое исключительное влияние, что те отказывались от отечества, семьи и надежд на повышение, лишь бы следовать за своим генералом»[2].

Наполеон категорически отказался от предложения своих адъютантов, резонно полагая, что побег из-под ареста даже в случае удачи мог бы только еще больше скомпрометировать его в глазах новых властей. Даже в тюрьме, под угрозой гильотины он сохранял обычное для него присутствие духа (отчасти потому, что воспринял 9 термидора как продолжение революции, ее новый виток, но отнюдь не контрреволюцию) и обратился в Конвент с состоявшим главным образом из вопросов письмом на имя К. Саличетти и А.-Л. Альбита: «Разве я не был с самого начала революции неизменно предан ее основам? <...>. Я отказался от пребывания на своей родине и бросил свое имущество, я всем пожертвовал ради Республики <...>. Неужели патриоты должны безрассудно пожертвовать полководцем, который не был бы бесполезен для Республики? Неужели народные представители должны поставить правительство в необходимость быть несправедливым и неосмотрительным? <...>. Верните мне уважение патриотов! Если же человеконенавистникам понадобится моя жизнь – я так мало дорожу ею! Ведь я так часто ею пренебрегал! Да, одна только мысль, что она еще может быть полезна отечеству, заставляет меня нести ее бремя»[3].

Дэвид Чандлер не без удивления отметил, что Наполеон воспользовался своим тюремным «досугом» «для изучения записок маршала Майбура о кампании в Пьемонте 1745 г. Учитывая, что его жизнь была в самой настоящей опасности, отмечал Чандлер, это показывает незаурядное хладнокровие и самообладание; или у него была юноше-

---

[1] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 212.

[2] Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 177.

[3] Полный текст этого письма см.: Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 209–210. Комиссар Антуан-Луи Альбит после 18 брюмера 1799 г. служил Наполеону – консулу и императору. Погиб в походе 1812 г. на Россию.

ская уверенность в своем бессмертии, или, что более вероятно, он относился к тем, кто продолжает «учиться и на смертном одре»[1].

Тем временем Саличетти и Альбит выяснили, что в Геную Наполеон был командирован Конвентом, а главное, ознакомились с его бумагами, среди которых обнаружилась и записка, адресованная французскому представителю в Генуе Ж.-Л. Тилли: «Я немного (?! – *Н. Т.*) опечален катастрофой, постигшей младшего Робеспьера, которого я любил и считал человеком чистой души. Но будь он даже моим братом, я сам заколол бы его кинжалом, если бы знал, что он стремится к тирании»[2].

20 августа 1794 г. Наполеона выпустили из тюрьмы. Приказ об его освобождении подписал тот же Кристоф Саличетти, который, по выражению Д. Чандлера, сначала «решил *"поохотиться с гончими"*, а там – чья бы голова ни скатилась с плеч», но теперь, взвесив все pro и contra, «с завидной гибкостью надумал "бежать с зайцем"»[3].

Выйдя на свободу, Наполеон, однако, не был сразу восстановлен в армии, поскольку его должность инспектора береговых укреплений была уже занята другим генералом. Некоторое время он оставался не у дел, очень переживая свою неустроенность. Осенью 1794 – весной 1795 г. не ладились дела и у его братьев. Жозеф потерял доходное место в интендантской службе Марселя, Людовик был разжалован из поручиков в кадеты и отправлен доучиваться в Шалонскую военную школу, а Люсьен, явно перестаравшийся в якобинских затеях, оказался в тюрьме города Экс, где ему грозила участь его друзей-якобинцев, которых тогда казнили везде и всяко – и по доказанным обвинениям, и по ложным доносам.

В такое время Наполеон узнал о том, что его родная Корсика оккупирована англичанами. Последние две ее крепости, Бастия и Кальви, сдались в мае и августе 1794 г., причем в бою при Кальви Горацио Нельсон потерял правый глаз. В сентябре Комитет общественного спасения Франции по докладу К. Саличетти принял решение снарядить экспедицию для освобождения Корсики, но подготовка экспедиции затянулась до марта 1795 г. К участию в ней был привлечен и Наполеон, который в те месяцы загорелся страстным желанием «освободить Корсику от рабства англичан»[4].

В начале марта французская военная эскадра взяла курс из Тулона на Корсику. Командовал ею вице-адмирал Пьер Мартен,

---

[1] Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. М., 2000. С. 42.

[2] Цит. по: Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. 4-е изд. М., 1986. С. 88.

[3] Чандлер Д. Цит. соч. С. 42–43.

[4] Цит. по: Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 183.

а начальником артиллерии вновь был назначен Наполеон. Комиссары Конвента К. Саличетти и Л. Сен-Мишель тоже приняли участие в экспедиции[1]. Сам Наполеон и его верные друзья-помощники Ж.-Б. Мюирон, А. Ж. Жюно и О. Ф. Мармон были полны радужных надежд на успех. С тем большей горечью пришлось им пережить неудачу. 13 марта на подходе к итальянскому порту Ливорно эскадра Мартена столкнулась с английским флотом, количественно и качественно превосходившим ее, и в двухдневном бою уступила противнику, потеряв два своих лучших корабля. Это поражение вынудило французскую эскадру вернуться назад, а Корсика осталась еще на целый год под английским протекторатом.

Наполеон вернулся в Марсель, куда вновь переехали из Ниццы его мать и сестры. Здесь он ненадолго занялся инспектированием побережья, а 8 апреля 1795 г. получил приказ о своем назначении в Западную армию для руководства карательными экспедициями против мятежников-роялистов в Вандее. Такое назначение претило душе Наполеона именно своим карательным духом, но едва ли потому, как предполагал Ф. Кирхейзен, что «он должен был стать в Вандейской армии под начало Л. Гоша, равного ему (? – *Н. Т.*) по силе гения и энергии»[2]. Так или иначе он долго откладывал свой отъезд из Марселя, воспользовавшись благовидным предлогом: вплоть до начала мая ему не присылали инспектора-сменщика. За это время Наполеон едва не устроил свою личную жизнь.

В январе 1795 г. будущий император Франции познакомился с 17-летней дочерью богатого марсельского купца – будущей королевой Швеции. Ее полное имя Дезире Бернардин Эжени, но звали ее либо просто Дезире, либо так же просто Эжени. Родители ее по фамилии Клари были дружны с семьей Буонапарте, все члены которой часто гостили и даже подолгу жили в богатом доме Клари. Дезире родилась 9 ноября 1777 г. и ко времени знакомства с Наполеоном расцвела в прелестное создание с огромными карими глазами, восхитительной улыбкой и трогательно наивными манерами. Наполеон, может быть, не сразу влюбился в нее, но проникся к ней особой, почти родственной симпатией, поскольку ее родная сестра Жюли с августа 1794 г. была женой его родного брата Жозефа. А Дезире, конечно, с первой же встречи не могла не влюбиться в 25-летнего генерала, прославленного героя Тулона, о котором она уже была наслышана от сестры, зятя да и от кого угодно: весь Марсель тогда восторгался Наполеоном.

---

[1] Подробно см.: Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 184–185.

[2] Там же. С. 185.

В одном из первых писем Дезире к Наполеону есть такие строки: «О, мой друг! Заботься о своем здоровье и своей жизни, чтобы сохранить ее для твоей Эжени, которая не сможет жить без тебя. Держи свою клятву любить меня вечно так же крепко, как я держу свою». Комментируя это письмо, Гертруда Кирхейзен (жена Фридриха Кирхейзена, авторитетная исследовательница личной жизни Наполеона) заключила: «Этот ребенок умел уже находить слова, которые может отыскать только любящая женщина. Наполеон знал, что с ней ему обеспечено счастливое существование, что она, так любящая и готовая на самопожертвование, сумеет скрасить ему всю его жизнь. Поэтому он так и торопится со свадьбой»[1].

Наполеон вспоминал о своем романе с Дезире Клари в подробностях даже на Святой Елене. Он тогда признался генералу А.-Г. Бертрану, что «лишил ее девственности» и тут же «рассказал об этом ее матери»[2]. Может быть, вслед за этим он и попросил руки Дезире у ее отца, но тот будто бы заявил, что «с него достаточно в семье одного Бонапарта» (впрочем, по другой версии, он умер 20 января 1794 г., т. е. еще до знакомства Наполеона с Дезире)[3].

Как бы то ни было, 1 апреля 1795 г. Наполеон официально обручился с Дезире. При этом он, конечно, учитывал материальную сторону женитьбы на купеческой дочке. Ведь у нее было солидное приданое: «как говорили, 150 тысяч франков – целое состояние для такого бедняка-генерала, как Наполеон»[4]. Но важнее для них обоих была любовь, настоящая, страстная, взаимная. Когда, 8 мая, он отъезжал из Марселя в Париж, Дезире провожала его вся в слезах. Она вручила ему медальон с прядью своих волос (который он будет носить в Париже под сердцем) и в тот же день, вслед ему, отправила письмо с такими словами: «Ты всегда в моем сердце <...>. Вот уже час, как тебя нет, для меня это не час – столетие. Только одно поможет мне вынести разлуку – твои письма и твои заверения, что ты меня крепко любишь»[5]. Наполеон еще по пути в Париж из Авиньона, не успев получить это письмо, написал Дезире свое, столь же любовное: «Хотелось бы получить весточку от тебя сразу же по приезде в Париж. Прощай, моя ласковая, нежная подружка! Теплые воспоминания и горячая любовь от того, для кого жизнь – это прежде всего ты!»[6]

---

[1] Кирхейзен Г. Женщины вокруг Наполеона. М., 1997. С. 38.

[2] Bertrand H.-G. Cahiers de Sainte-Hélène. Journal 1816–1817. P., 1959. T. 2. P. 170.

[3] Массон Ф. Наполеон и женщины. М., 1912. С. 19.

[4] Кирхейзен Г. Цит. соч. С. 37.

[5] Цит. по: Кастело А. Бонапарт. С. 106–107.

[6] Там же. С. 107.

Мало того, Наполеон, уже будучи в Париже, написал рассказ «Клиссон и Эжени», в котором главную героиню назвал ЕЕ именем, а под именем Клиссона изобразил себя самого и буквально воспел их взаимную любовь. Этот рассказ (французы называют его романом, хотя в нем – всего 15,5 страниц текста) впервые издан на русском языке с приложением французского оригинала, а также вариантов, комментариев, библиографии, московским издательством «Гелеос» в 2008 г.

Из писем Наполеона к Дезире не сохранилось почти ничего. Ее письма к нему (в копиях) сохранились, хоть и не все. Когда она, бывшая невеста императора, ставшая королевой Швеции, 17 декабря 1860 г. на 84-м году жизни скончалась, «среди ее бумаг были найдены пожелтевшие листочки, свидетельства ее любви, которые она берегла, как священные реликвии, до самой своей кончины»[1].

К несчастью (а может быть, и к счастью) для Дезире, Наполеон встретит в Париже главную женщину своей жизни – Жозефину Богарне – и так же стремительно, как он выигрывал сражения и покорял страны, 9 марта 1796 г. женится на ней. С присущей ему тогда прямотой он даст знать Дезире об этом. Потрясенная Дезире напишет ему письмо, о котором академик Ф. Массон скажет: «Это – скорбная жалоба, тихая, нежная, она звучит, как разбитая арфа». Вот текст этого письма в публикации Ф. Массона:

«Вы сделали меня несчастной на всю жизнь, а я еще имею слабость все прощать вам. Вы, значит, женаты! И отныне бедной Евгении не будет позволено любить вас, думать о вас... Единственное, что остается мне в утешение, это знать, что вы уверены в моем постоянстве. Помимо этого я не желаю ничего, кроме смерти. Жизнь – чудовищная мука для меня с тех пор, как я лишена возможности посвятить ее вам... Вы – женаты! Я не могу свыкнуться с этой мыслью, она убивает меня, я не могу ее пережить. Я покажу вам, что более верна клятвам, и, несмотря на то что вы порвали соединявшие нас узы, я никогда не дам слово другому, никогда не вступлю в брак... Я желаю вам всякого благополучия, всякого счастья в вашей женитьбе; желаю, чтобы женщина, которую вы избрали, сделала вас таким же счастливым, каким предполагала сделать я и каким вы заслуживаете быть. Но, будучи счастливы, не забывайте все-таки бедную Евгению и пожалейте ее в горькой ее судьбе»[2].

Наполеон не забыл Дезире. Испытывая угрызения совести, он тогда же, в марте 1796 г., через две недели после женитьбы на

[1] Кирхейзен Г. Цит. соч. С. 41.
[2] Массон Ф. Цит. соч. С. 22–23; Кирхейзен Г. Цит. соч. С. 39–40.

Жозефине, по пути на войну в Италию завернул в Марсель и там «лично испросил прощения у покинутой»[1]. Более того, с тех пор он долго и неутомимо искал для нее «хорошую партию», чтобы утешить ее и меньше винить себя. Сначала (осенью 1797 г.) он попытался сосватать ей 26-летнего генерала Леонарда Дюфо, но тот в декабре того же года трагически погиб, защищая Жозефа Бонапарта перед зданием французского посольства в Риме от взбунтовавшейся голытьбы. Впрочем, Дезире, по одной из версий, категорически заявляла, что «никогда не вышла бы замуж за Дюфо»[2]. После этой неудачи Наполеон сватал ей одного за другим двух своих друзей – будущего генерала А. Ж. Жюно и будущего маршала О. Ф. Мармона, но «оба они были отвергнуты»[3]. А потом, спустя два года после разрыва с Наполеоном, Дезире приняла настойчивое предложение очередного жениха. Им оказался 35-летний генерал Жан Батист Жюль Бернадот – бывший посланник Директории в Вене и ее будущий военный министр, а впоследствии маршал Франции, князь Понтекорво и король Швеции. 17 августа 1798 г. в Париже состоялось бракосочетание Дезире с Бернадотом, на котором присутствовал Жозеф Бонапарт со своей супругой Жюли (родной сестрой Дезире).

Наполеон узнает о замужестве Дезире в Египте и напишет об этом Жозефу: «Я от души желаю, чтобы Дезире была счастлива с Бернадотом. Она, безусловно, того заслуживает»[4]. В то время Наполеон еще не знал Бернадота близко, хотя, конечно же, имел о нем ясное представление по совместному участию в Итальянской кампании 1796–1797 гг. и по рассказам Жозефа. Уже тогда Бернадот как личность вполне проявил себя[5]. Очень точно сказал о нем Десмонд Сьюард: «Он был одарен, энергичен, безжалостен и в придачу огромный лжец, пусть даже весьма очаровательный, – словом, искушенный в политике боец»[6].

Хотя нам еще предстоит встретиться с Дезире (и в особенности с Бернадотом), здесь уместно проследить, как сложилась ее судьба и влиял ли на нее Наполеон в дальнейшем. К концу первого же года супружества с Бернадотом Дезире родила сына и по возвращении Наполеона из Египта обратилась к нему с просьбой быть крестным

---

[1] Кирхейзен Г. Цит. соч. С. 40.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Цит. по: Сьюард Д. Семья Наполеона. Смоленск, 1995. С. 85.

[5] Подробно о нем см.: Маркс К. Бернадот // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 14; Егоров А. А. Маршалы Наполеона. Ростов н/Дону, 1998. Гл. I; Palmer A. Bernadotte. Napoleon's Marchal, Sweden's King. L., 1990.

[6] Сьюард Д. Указ. соч. С. 85.

отцом ее первенца. «Это был как бы ее реванш, – комментирует Гертруда Кирхейзен такой шаг Дезире. – В ее взгляде светилась скрытая торжествующая гордость, когда она показала ему своего сына. Сын! Наполеону так и не суждено было иметь его от Жозефины. Не закралось ли теперь ему в душу сожаление о том, что он не женился на молоденькой Дезире? Он дал своему крестнику героическое имя Оскар, словно предугадал, что он будет впоследствии шведским принцем»[1].

В те дни, разумеется, Наполеон никак не мог предугадать, что Дезире станет королевой, а ее муж и сын – королями Швеции, родоначальниками доныне правящей там династии Бернадотов.

Став консулом, а затем императором, Наполеон будет постоянно заботиться о Дезире и об Оскаре (ее сыне и своем крестнике), тешить ее такими драгоценными подарками, среди которых были севрские вазы, лучшие в мире парижские гобелены, одна из трех роскошных шуб, преподнесенных ему императором Александром I в Эрфурте. Но, главное, ради нее он обеспечит карьерный взлет и материальное изобилие Бернадоту как ее мужу, хотя (мы это еще увидим) Бернадот на всю жизнь останется его сначала тайным, а потом и явным врагом. Наполеон прямо говорил: «Если Бернадот стал французским маршалом, князем Понтекорво и королем, то причина этому – его брак. Все его ошибки за время Империи были прощены ему благодаря этому браку»[2].

Да, все это верно. «Ради нее он будет с тем же постоянством возвышать Бернадота, с каким тот – его предавать», – справедливо заметил Э. Людвиг. Только ради Дезире Наполеон дал согласие на избрание Бернадота наследником шведского престола, а ведь «одно лишь слово Наполеона – и шведская корона не коснулась бы головы Бернадота»[3]. Но кроме титулов и званий опять-таки ради Дезире он купил Бернадоту отель Моро за 400 тыс. франков и назначил ренту в 300 тыс. франков, пожаловал ему 1 млн франков наградными, прощал не только военные (иной раз подсудные) промахи Бернадота, но даже его причастность к заговору Ж. Фуше и Ш. М. Талейрана против Наполеона[4].

Итак, 8 мая 1795 г. бригадный генерал Наполеон Буонапарте после трогательного прощания с возлюбленной Дезире Клари выехал из Марселя в Париж, чтобы отказаться от карательной службы в Вандее и добиться какого-либо иного назначения. Обстановка

---

[1] Кирхейзен Г. Цит. соч. С. 41.
[2] Цит. по: Массон Ф. Цит. соч. С. 24.
[3] Кирхейзен Г. Цит. соч. С. 41.
[4] См.: Массон Ф. Цит. соч. С. 25–27; Егоров А. А. Указ. соч. С. 58.

в Париже тем летом была напряженной. Государственный переворот 9 термидора (27 июля) 1794 г. изменил лицо Французской республики. А. З. Манфред оценивал эти изменения, несколько сгущая краски, но, в принципе, справедливо: «Республика, как только с нее сняли якобинские покровы, предстала в своей отталкивающей буржуазной наготе <...>. Республика свободы, равенства, братства раскрыла свою буржуазную суть. Она оказалась жестоким миром низменных страстей, волчьей грызни из-за дележа добычи, республикой чистогана, спекуляции, хищнического эгоизма, создающего богатство на крови и поте других <...>. Почетно только богатство. Шапку долой перед золотом!»[1]

Продолжалась расправа с участниками якобинских реформ, а тем более репрессий, а также с теми, кто был только заподозрен в «робеспьеризме». 7 мая, за три дня до приезда Наполеона в Париж, были казнены прокурор якобинского Конвента А. К. Фукье-Тенвиль и еще 15 членов его трибунала. А через две недели, 21 мая, теперь уже термидорианский Конвент подавил в Париже народное восстание против «толстосумов», причем жертвой карателей едва не стал друг Наполеона и Огюстена Робеспьера Кристоф Саличетти. Он избежал ареста и гильотины только благодаря мадам Л. М. Пермон[2]. Она приняла его, переодела слугой и держала у себя, пока не выяснилось, что он, как, впрочем, и Наполеон, служил не Робеспьеру, а Республике.

В такой обстановке Наполеон по прибытии в Париж доложил о себе начальнику военного отдела Комитета общественного спасения. Этот пост с апреля 1795 г. занимал депутат Конвента Франсуа Обри (1750–1802) – по чину тоже бригадный генерал, как и Наполеон, по возрасту почти вдвое старше, но еще ни разу не понюхавший пороха, а кроме того, злобный антиякобинец. Поэтому молодой генерал с якобинским прошлым сразу вызвал у него неприятие, которое только возросло, когда Наполеон в ответ на иронический упрек («Слишком молод!») отрезал: «На поле сражения быстро стареешь!»[3] От назначения командовать армией карателей в Вандее Наполеон сразу отказался, заявив, что «эта должность подходит только жандармскому генералу»[4]. Тогда Обри мстительно стал отклонять любые просьбы и требования «слишком молодого генерала». Общий знакомый Обри и Наполеона комиссар Конвента Л. М. Фрерон вспоминал: «Бонапарт употребил на покорение Италии меньше времени, чем на те шаги, которые он делал, чтобы до-

[1] Манфред А. З. Указ. соч. С. 81–82.
[2] Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 188.
[3] Там же. С. 187.
[4] О'Мира Б. Голос с острова Святой Елены. Мемуары. М., 2004. С. 160.

биться справедливости у Комитета. Ему было легче столковаться с королем Сардинским, герцогом Моденским, инфантом Пармским, великим герцогом Тосканским, королем Неаполитанским и даже с папой, чем с Обри»[1].

Вновь в жизни Наполеона началась черная полоса безделья и безденежья. Он страдал от гнетущей праздности, тосковал по Дезире и голодал (ел всего лишь один раз в день, довольствуясь самым дешевым обедом в 25 су), хотя и умудрялся при этом посылать какие-то крохи матери. «Я был в то время тощим, как пергамент», – вспоминал он о своей *генеральской нищете*.

К счастью для него, черная полоса продлилась недолго. В июле 1795 г. Обри на его посту главы военного отдела Комитета общественного спасения сменил генерал Луи-Гюстав де Понтекулан (1764–1853) – будущий пэр Франции во времена империи Наполеона, Реставрации Бурбонов и Июльской монархии, умный и предусмотрительный политик. Он принял генерала Буонапарте, о котором уже был наслышан, очень доброжелательно и зачислил его в Топографическое бюро военного отдела (т. е. своего рода Генеральный штаб) с таким заданием, о котором Наполеон тогда мог только мечтать, – заняться разработкой оперативных планов для Итальянской армии. Наполеон сразу же начал строить головокружительные, истинно *наполеоновские* планы военной кампании против Австрии на территории подконтрольной ей в то время Италии. Эти планы он сам, когда пробьет его час, и реализует. Вот их суть. Наполеон учел, что вассал Австрийской империи король Сардинии, «прозванный по своему географическому и военному положению привратником Альп»[2], владеет крепостями на всех перевалах из Франции в Италию. Поэтому Наполеон задумал обойти альпийские высоты и вступить в Италию там, где обрывалась цепь высоких гор и начинались низкогорные Апеннины, хотя именно тот путь сардинцы охраняли особо. Взяв на этом пути порт и крепость Савону, он мог отрезать сардинскую армию от австрийской и бить их по частям[3].

Такие планы сработают год спустя. А пока предложения генерала Буонапарте, хотя и были одобрены Комитетом общественного спасения, вызвали негативную реакцию у главнокомандующего Итальянской армией генерала Б. Шерера. Тот объявил гениальные

---

[1] Цит. по: Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 187.

[2] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. Избр. произведения. М., 2003. С. 64.

[3] Там же. С. 64–65.

расчеты Наполеона «безумной химерой, родившейся из больного мозга»[1]. По данным Ф. Кирхейзена, так успел отреагировать на работу наполеоновской мысли предшественник Шерера на посту главкома Итальянской армией генерал Франсуа Этьен Кристоф Келлерман (1735–1820) – герой исторической битвы войск революционной Франции с войсками феодальной Европы при Вальми 20 сентября 1792 г. и будущий маршал Наполеона[2].

Тем временем в августе 1795 г. Понтекулан был уволен, а новое руководство Топографического бюро и военного отдела потеряло интерес к планам Наполеона. Он вновь оказался не у дел, правда и теперь ненадолго. Однажды ему, генералу Французской республики, едва не привелось стать жертвой республиканского экстремизма. Наполеон и двое его друзей-адъютантов, капитаны А. Ж. Жюно и О. Ф. Мармон, встретили на одной из улиц Парижа толпу крайне возбужденных горожан, которые требовали хлеба. Ими предводительствовала очень тучная женщина.

– Вся эта свора в эполетах, – кричала она, – жирует за наш счет, а мы голодаем! Бей их!

– Мамаша! – обратился к ней Наполеон. – Взгляни на меня хорошенько! Кто из нас двоих жирнее?

Толпа, разглядев худого, как щепка, генерала, с хохотом расступилась перед ним и его спутниками[3].

Терзаясь муками обидной и даже оскорбительной для него после Тулона невостребованности, Наполеон пошел на отчаянный шаг: решил пристроиться, хотя бы на временную службу... к турецкому султану. 30 августа он подал ходатайство в Комитет общественного спасения направить его в Константинополь на правах военного советника[4]. «Тут, – писал об этом Вальтер Скотт, – вполне можно представить его достигшим титула паши, если не выше, так как по природе своей и талантам он нигде не смог бы остаться посредственностью»[5]. Но пока Наполеон ждал, к чему приведет его турецкая затея (возможно, он вспомнил тогда, сколь неудачной оказалась его попытка перейти на службу в Россию), грянул *Вандемьер*, а с ним кончились все – на 20 лет вперед! – антракты в наполеоновской карьере.

---

[1] Levy A. Napoléon intime. P., 1897. P. 457.

[2] Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 191.

[3] Las Cases E. Le memorial de Sainte-Hélène. P., 1894. T. 1. P. 130.

[4] См.: Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 193.

[5] Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов. М., 1995. Т. 1. С. 26.

2. Вандемьер

«1795 год был одним из решающих, поворотных лет в истории Французской буржуазной революции»[1]. Это мнение акад. Е. В. Тарле неоспоримо.

Да, после 9 термидора 1794 г. Конвент, опираясь на крупную буржуазию и пренебрегая интересами простого люда, быстро правел. Социальный конфликт между «верхами» и «низами» усугублял продовольственный кризис зимой и весной 1794–1795 гг. «Все разительнее, – по словам Е. В. Тарле, – становился бытовой контраст между люто голодавшими рабочими предместьями, где матери кончали с собой, предварительно утопив или зарезав своих детей, и развеселой жизнью буржуазии, попойками и кутежами, обычными для тучи финансистов, спекулянтов, биржевых игроков, больших и малых казнокрадов, высоко и победно поднявших свои головы после гибели Робеспьера»[2].

После того как термидорианский Конвент дважды – 1 апреля и 20 мая 1795 г. – подавил восстания рабочих предместий с массовыми казнями их участников, роялисты сочли, что приходит их время. «В эмигрантских кругах в Петербурге, Турине, Вене, Лондоне, – писал об этом А. З. Манфред, – уже готовились к торжественному въезду Людовика XVIII во дворец своих предков, белые лилии снова входили в моду»[3]. Однако радужные надежды роялистов на восстановление монархии оказались безосновательными. Термидорианцы дорожили не столько республиканской формой правления, сколько теми финансовыми, имущественными, служебными благами, которыми одарила их Республика. Поэтому они готовы были защищать *свою*, уже далеко не якобинскую, *буржуазную* республику против любых попыток вернуть Францию в *феодальное* прошлое. Е. В. Тарле хорошо сказал о «людях, покончивших 9 термидора с якобинской диктатурой, а 1 прериаля (20 мая. – *Н. Т.*) – с восстанием парижских «санкюлотов»: этих людей (вроде Барраса, Тальена, Фрерона) «можно было совершенно справедливо обвинить и в воровстве, и в животном эгоизме, и в зверской жестокости, и в способности на любую гнусность, но в трусости перед роялистами их обвинить было нельзя»[4].

22 августа 1795 г. термидорианский Конвент принял новую (уже третью с начала революции) конституцию, из которой теперь была

---

[1] Тарле Е. В. Наполеон. М., 1992. С. 24.
[2] Там же.
[3] Манфред А. З. Указ. соч. С. 106.
[4] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 25.

исключена знаменитая первая статья Декларации прав человека и гражданина 1789 г.: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные различия могут основываться лишь на общей пользе». Теперь в конституции декларировалось, что «весь общественный порядок покоится на сохранении собственности» и, стало быть, управляется собственностью.

По новой конституции высшим законодательным органом стал парламент, состоящий из двух палат – Совета пятисот и Совета старейшин, а исполнительную власть возглавила Директория из пяти членов, назначаемых Советом старейшин из списка кандидатов, которых предлагает Совет пятисот. Конвент уже готов был ввести конституцию в действие и самораспуститься, но в последний момент группа авторитетных термидорианцев во главе с П. Ф. Баррасом провела закон, который не позволил бы роялистам проникнуть большим числом в будущий парламент.

Дело в том, что выборы в двухпалатный парламент по новой конституции были двухстепенными, и *выборщиками* могли быть только собственники с доходом, недоступным для большинства *избирателей*, но среди таких собственников скорее преобладали роялисты, а не республиканцы. Поэтому Баррас и компания успели придать силу закона норме, согласно которой по две трети и Совета пятисот, и Совета старейшин должны избираться непременно из числа бывших членов термидорианского Конвента и только одну треть можно было избирать свободно[1].

Декрет о двух третях озлобил роялистов, поскольку лишал их надежд на реставрацию монархии конституционным путем. Они начали подготовку к вооруженному мятежу, рассчитывая на поддержку части парижского гарнизона, и даже обзавелись «главнокомандующим» в лице генерала Л. Т. Даникана (бывшего жандарма из стражи королевы Марии-Антуанетты). Подогревало их воинственный пыл то обстоятельство, что против термидорианского Конвента были настроены и народные низы. Конвент оказался в политическом вакууме, не зная, на кого опереться. Его попытка пресечь роялистский мятеж в зародыше не удалась: начальник парижского гарнизона генерал Ж. Ф. Мену вступил в переговоры с мятежниками и вернул своих солдат в казармы, фактически оставив город в руках заполнивших улицы вооруженных *роялистов*[2].

---

[1] Подробно см.: Собуль А. Первая республика. 1792–1804. М., 1974. С. 213–216.

[2] См.: Тарле Е. В. Цит. соч. С. 28–29; Манфред А. З. Цит. соч. С. 108–109; Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 200.

Перед Конвентом со всей устрашающей очевидностью встал вопрос: быть или не быть? Требовались крайние и притом экстренные меры. Термидорианские вожаки изыскали их. В ночь с 12 на 13 вандемьера (на 5 октября) генерал Мену был снят с должности и арестован за бездействие. На кого из генералов Конвент мог тогда положиться? Лучшие из них (и не запятнанные «робеспьеризмом») были задействованы на фронтах. Не вдаваясь в панику, Конвент, заседавший в те дни непрерывно и круглосуточно, к 4 часам утра 13 вандемьера назначил главнокомандующим войсками парижского гарнизона и всей внутренней армией Барраса.

Именно в тот предрассветный час отпрыск старорежимного дворянства, уже громко заявивший о себе 9 термидора, виконт Поль-Франсуа-Жан-Николя Баррас выдвинулся на первый план и этим вошел в историю первой Французской республики. Е. В. Тарле верно подметил, что современники считали его «как бы коллекцией самых низменных страстей и разнообразнейших пороков. Он был и сибарит, и казнокрад, и распутнейший искатель приключений, и коварный, беспринципный карьерист и всех прочих термидорианцев превосходил своей продажностью (а в этой группе занять в данном отношении первое место было не так-то легко) <...>. Но Баррас не был военным»[1].

Здесь у Евгения Викторовича – маленькая неточность. Баррас в прошлом был боевым офицером, имел чин поручика, служил в Вест-Индии и участвовал в войне северо-американских колоний Англии за независимость, но еще до революции оставил армию и *в принципе* не считал себя военным человеком. Поэтому первым делом он стал искать себе «саблю», т. е. военачальника, равно способного и надежного как в военном, так и и политическом смысле. Тем же утром Баррас в разговоре с Ж. Л. Тальеном вспомнил их недавнего протеже – героя Тулона, ныне полуопального генерала Буонапарте – и радостно воскликнул: «Он кого угодно уймет!»[2]

Собственно, Баррас в течение последних двух месяцев перед 5 вандемьера не единожды встречался с Наполеоном, но тогда не рассчитывал на него, как на свою «саблю». Дело в том, что летом 1795 г. именно он ввел Наполеона в салон Терезии Тальен, чтобы «разнообразить» ее светское окружение.

Жанна-Мария-Игнация-Терезия (таково было ее полное имя). урожденнаня Кабаррюс, разведенная маркиза де Фонтене, супруга термидорианца Ж. Л. Тальена и возлюбленная П. Ф. Барраса, фи-

[1] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 29.
[2] Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 35.

нансиста Г. Ж. Уврара и еще целого ряда точно не установленных лиц, от которых она родила семерых внебрачных детей, – эта женщина считалась тогда самой экстравагантной, сладострастной и влиятельной женщиной Парижа. Все знали, что она вдохновила Барраса и Тальена на государственный переворот 9 термидора, благодаря которому, кстати, сама Терезия, а также ее близкая подруга Жозефина де Богарне, вышли на свободу из камеры смертниц, где их тогда со дня на день ждала гильотина как *бывших* аристократок. Не зря народ прозвал ее с почтительной иронией «Божьей матерью Термидора» («Notre Dame de Thermidor»)[1].

В 1795 г. Терезия Тальен была 22-летней женщиной редкой красоты («Венера Капитолийская, но более Фидиевой прелестная»[2]) и столь же редкостно свободного, даже для того времени, нрава, «авантюрьеркой» и куртизанкой. В своем богатом доме, который она кокетливо называла «хижиной», Терезия держала салон, где собирались самые красивые женщины и самые влиятельные мужчины Франции. Все они (особенно, женщины) щеголяли вызывающе роскошными туалетами, упивались гульбищами и выставляли напоказ свои любовные страсти. Наполеон при первом появлении в «хижине» шокировал ее завсегдатаев жесткостью манер и неприглядной поношенностью одежды, хотя и блеснул интеллектом. Когда он в тот вечер откланялся Терезии, Жозефина Богарне осведомилась у подруги, кто был этот «невзглядный офицеришко». «Генерал Буонапарте!» – ответила Терезия.

У Наполеона первое впечатление от встречи с мадам Тальен было очень ярким и запомнилось ему на всю жизнь. Он вспоминал о ней и на острове Святой Елены: «Госпожа Тальен в то время была поразительно красива. Все охотно целовали ей руки и все, что было можно»[3]. Оказавшись в то время не у дел, генерал Буонапарте зачастил в салон Терезии, возможно, с надеждой завязать выгодные и влиятельные знакомства. Но влекло его туда и «необычное для него очарование всех этих женщин, которые, как музы, окружали свою богиню и волновали неведомыми чувствами его корсиканское сердце»[4]. «Женщины здесь повсюду – в театрах, на гуляньях, в библиотеках, – писал он в сентябре 1795 г. брату Жозефу. – В кабинете ученого можно встретить очаровательные существа. Здесь, только здесь они заслуживают того, чтобы встать у кормила власти. И поэ-

---

[1] Подробно см.: Кирхейзен Г. Цит. соч. С. 48–57.

[2] Д'Абрантес Л. Записки герцогини Абрантес или исторические воспоминания... М., 1837. Т. 2. С. 92.

[3] Bertrand H.-G. Op. cit. T. 2. P. 453.

[4] Кирхейзен Г. Цит. соч. С. 50.

тому мужчины до глупости влюблены в них. Они думают только о женщинах, живут только ими и ради них»[1].

В те недели Наполеон еще верен своей Дезире и часто пишет ей. Когда, прочитав в одном из его писем, что рядом с ним в салоне мадам Тальен «за столом сидели не менее двадцати дам – целая женская компания!», Дезире заподозрила неладное, он ее успокаивал попрежнему любовно: «Вдали от моей нежной Евгении для меня, может, и существуют удовольствия, какие-то развлечения, но счастья нет и не будет. Так будем же наслаждаться жизнью вместе, моя милая подружка, нужно торопиться успеть быть счастливыми, ведь время летит, годы проходят, и наступает в конце концов старость. Твой дорогой друг на всю жизнь»[2].

Наполеон действительно не шел в отношениях с Терезией Тальен дальше «каких-то развлечений». Сердце его перед ней не открылось. Напротив, сладострастная экстравагантность «Божьей матери Термидора» вызывала у него отторжение. Не зря, став мужем Жозефины Богарне, он запретил жене какое бы то ни было общение с прежней ее подругой и со всеми ее «музами», а еще позднее, в 1806 г., будучи уже императором и узнав, что Жозефина приняла Терезию у себя, написал ей из Берлина в страшном гневе: «Я запрещаю тебе всяческие отношения с мадам Тальен и не допускаю их ни под каким предлогом. Я не желаю и не принимаю никаких извинений. Если тебе не безразлично мое уважение и ты не желаешь быть мне неприятной, то никогда не преступай этого приказа. Она даже ночью является в твои покои! Запрети твоему привратнику впускать ее. Презренный человек[3] женился на ней с ее восемью незаконными детьми (здесь Наполеон приписал Терезии лишнего ребенка. – *Н. Т.*). Я презираю ее теперь еще больше, чем прежде. Раньше она была славной девкой, теперь стала отвратительно пошлой женщиной»[4].

Именно под впечатлением всего увиденного в салоне Терезии Тальен Наполеон, став консулом, пуритански упорядочил нравы при своем дворе. «В стенах Тюильри, – читаем о нем у Гертруды Кирхейзен, – он хотел видеть только порядочных и приличных женщин. Первое, чем он это доказал, была более приличная мода, вве-

[1] Correspondance de Napoléon. P., 1858. T. 1. № 44. P. 61.

[2] Цит. по: Кастело А. Указ. соч. С. 117.

[3] Муж Терезии, сын дворецкого при Людовике XVI и затем комиссар Конвента Ж. Л. Тальен, после того как Наполеон пришел к власти, был отстранен от всех дел, всеми отвергнут и обращен в ничтожество.

[4] Цит. по: Кирхейзен Гертруда. Цит. соч. С. 53.

денная им для двора. Настал конец всем мифологическим фантазиям дам, трико телесного цвета были изгнаны, и формы тела, как бы они ни были прекрасны, должны были скрыться под платьем»[1].

Ну а пока идет пятый час утра 13 вандемьера (5 октября) 1795 г., и Поль Баррас в разговоре с Тальеном делает вывод: спасительную для государства роль его «сабли» может сыграть только генерал Буонапарте. Баррас велел разыскать его, и тот предстал перед ним почти моментально (то ли из театра, то ли из «хижины» мадам Тальен). Баррас рассказал ему о положении дел и предложил пост второго, после себя, командующего войсками Конвента. Наполеон взял паузу: «Дайте подумать». «Даю, но не больше трех минут!» – заявил Баррас и ждал, не сходя с места. О чем думал в те минуты Наполеон? Не о том ли, как он отказался от руководства карательной операцией в Вандее? Не предлагают ли ему вновь *жандармскую* роль? Но, должно быть, он рассудил, что теперь речь идет не о том, чтобы подавить очередной бунт, на кону – судьба Республики. «Я согласен», – сказал он через три минуты и – взялся за дело.

Очевидцы вспоминали о поразительной энергии, с которой Наполеон в считаные часы «распутал хаос» Вандемьера. «Он изумил всех своею активностью, – свидетельствовал капитан, а позднее генерал и барон империи П. Ш. Тьебо, будущий герой битвы при Аустерлице, – казалось, он был вездесущ: только что исчезал в одном месте, как появлялся в другом; изумлял еще больше краткостью, ясностью и быстротой своих распоряжений, в высшей степени повелительных; наконец, верность его диспозиции сначала поразила, а потом восхитила всех»[2]. Баррас только наблюдал за ним, всецело доверившись его интеллекту.

Положение Конвента в те часы было критическим. По разным данным, роялисты подняли на мятеж от 24 до 40 тыс. человек разной боеспособности (здесь были и вооруженные чем попало обыватели, и батальоны национальной гвардии, и какая-то часть войск парижского гарнизона)[3]. Конвент смог противопоставить им не более 6,5 тыс. «довольно сомнительных» (по точному выражению Д. С. Мережковского) воинов, в помощь которым были даже «выпущены из тюрем самые опасные террористы»[4], т. е. радикальные, яко-

---

[1] Там же. С. 54.

[2] Thiebault P. Mémoires. P., 1892. T. 1. P. 533.

[3] Наполеон считал, что в мятеже приняли участие не менее 40 тыс. чел. (Correspondance. T. 29. P. 50). В. Скотт, Д. С. Мережковский, А. Кастело насчитывали по 30 тыс. мятежников, Ф. Кирхейзен, Е. В. Тарле, А. З. Манфред – по 24–25 тыс.

[4] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 138.

бински настроенные *республиканцы*, для которых роялизм был самым ненавистным врагом.

Конвент заседал во дворце Тюильри, куда, кстати, переместились к ночи с 12 на 13 вандемьера и Сенат, и правительство, и даже Генеральный штаб. Наполеон первым делом превратил дворец в крепость, перекрыв и взяв под прицел все ходы и подходы к нему, и вооружил поголовно всех 800 депутатов, не исключая самых робких из них, дрожавших от страха только при мысли о том, что́ с ними будет, если во дворец ворвутся мятежники.

Первоклассный артиллерист, Наполеон, разумеется, сразу понял: судьба Конвента и всей Республики зависит от того, кто раньше и лучше в те роковые часы использует артиллерию. Когда он осведомился, есть ли в распоряжении Конвента артиллерия, ему ответили: «Да, сорок пушек». «Где они?» – спросил Наполеон. Ответ поразил его беспечностью: «В Саблонском лагере, возле Нейи» (т. е. в дальнем предместье Парижа!)[1]. Наполеон вызвал к себе надежного офицера-кавалериста. Перед ним встал навытяжку командир эскадрона, рослый и статный молодой красавец, глаза которого буквально горели отвагой и готовностью к подвигу. То был Иоахим Мюрат – бывший трактирный слуга (половой, по-русски сказать) и будущий маршал Франции, великий герцог Бергский, король Неаполитанский, зять императора Наполеона. В этот день он впервые увидел своего будущего тестя и получил от него первый, сразу ставший историческим, приказ: «Возьмите три сотни лошадей и немедленно отправляйтесь в Саблонский лагерь. Доставьте сюда сорок пушек и заряды к ним. Любой ценой! При необходимости пускайте в ход сабли, но пушки должны быть здесь! Вы за них несете личную ответственность! Ступайте!»

Мюрат все сделал, словно играючи, напоказ, с кавалерийским шиком. А ведь он рисковал погубить в одночасье не только свою репутацию перед лицом начальства и собственную жизнь, но и сам Конвент, оставив его без артиллерии. Ему пришлось во главе своего эскадрона конных егерей промчаться – в ночной полутьме под проливным дождем – через весь Париж, опрокидывая и буквально расшвыривая патрули, пытавшиеся задержать его рейд. В Саблонский лагерь он ворвался вслед за колонной мятежников, которые попытались перехватить артиллерию Конвента. В короткой схватке эскадрон Мюрата выбил противника из лагеря, овладел всеми сорока

[1] Подробно об этом см.: Кастело А. Указ. соч. С. 123–124; Манфред А. З. Цит. соч. С. 110–111.

пушками и в 6 часов утра доставил их в Тюильри[1]. Теперь Наполеон знал, что разгром мятежа обеспечен. Он тут же назначил Мюрата своим адъютантом. «С ночи 4 октября 1795 г., – пишет о них А. З. Манфред, – их пути соединились, и надолго – на двадцать лет»[2]. «Звезда Мюрата, – уточняет Ж. Тюлар, – вспыхнула рядом со звездой Бонапарта»[3].

Утром 13 вандемьера (5 октября), когда отряды мятежников стягивались из разных кварталов столицы к Вандомской площади и саду Пале-Рояль для удобной атаки на Тюильри, Наполеон расставлял орудия (следуя своему «вещему ясновидению») в местах, самых удобных для отражения любой атаки. Когда же передовые колонны мятежников, отбросив заградительный отряд Конвента, вступили на улицу Сент-Оноре, с которой можно было идти на штурм Тюильри, Наполеон, предусмотревший такой вариант, выждал, пока они растянутся по довольно узкой улице ближе к церкви Святого Рока. А рядом с церковью стояли его пушки – по три с каждой стороны улицы. Как только мятежники пошли в атаку, Наполеон приказал стрелять в них из трех орудий картечью. Первые ряды атакующих были сметены артиллерийским огнем, а все остальные бросились врассыпную назад, к Вандомской площади и Пале-Роялю. Другая колонна мятежников попыталась прорваться к Тюильри с набережной Вольтера, но ее встретил огонь других орудий, которые и здесь Наполеон заранее приготовил к бою. Кстати, он сам появлялся тогда в самых горячих точках боя, и под ним в очередной раз была убита лошадь. Так, в течение трех-четырех часов роялистский мятеж был подавлен[4].

В изгнании на острове Святой Елены Наполеон рассказал своему врачу Барри О'Мира интересные подробности учиненного им расстрела мятежников 13 вандемьера. Вот его рассказ в пересказе врача: «После первых двух залпов я приказал войскам зарядить пушки только порохом, что имело целью напугать мятежников, посчитавших, что они понесут новые потери убитыми, как и во время первых залпов. Вначале я приказал заряжать пушки картечью, потому что зарядить их только порохом было бы наихудшим способом утихомирить толпу, не сведущую в стрельбе из пушек. Ибо толпа, услыхав

---

[1] Все это подробно описано в биографиях И. Мюрата, не переведенных доныне на русский язык (М. Г. Вейля, Ж. П. Гарнье и др.); в русском издании книги Ж. Тюлара «Мюрат, или пробуждение нации» (М., 1993) – без подробностей.

[2] Манфред А. З. Цит. соч. С. 111.

[3] Тюлар Ж. Мюрат... С. 34.

[4] Подробно о нем см.: Thiebault P. Mémoires.T. 1. P. 534–537.

сильнейший грохот после первого залпа пушек, заряженных порохом, была бы напугана, но, оглянувшись вокруг и увидев, что никто не убит и не ранен, она бы собралась с духом, стала бы вдвойне неистовой и бросилась бы на вас, не испытывая страха. И тогда было бы необходимо убить людей в десять раз больше, чем в том случае, когда вначале пушки были заряжены картечью. Когда вам приходится иметь дело с толпой, все зависит от первого впечатления, которое вы произведете на нее. Когда толпа получает сразу не холостой залп и видит вокруг убитых и раненых, ее охватывает паника, люди бросаются прочь и через минуту исчезают. Поэтому если вообще возникает необходимость стрелять, то вначале следует заряжать пушки картечью. Когда же сначала используется только порох, это – лишь видимость гуманности, ибо вместо спасения жизни людей такая гуманность в итоге приводит к большим и ненужным жертвам»[1].

Данные о потерях сторон при подавлении мятежа 13 вандемьера противоречивы. В. Скотт писал о «нескольких сотнях убитых и раненых» с обеих сторон[2]. Е. В. Тарле и А. З. Манфред – просто о «сотнях» жертв только среди мятежников[3]. Ф. Кирхейзен считал конкретнее: «...потери как со стороны Конвента, так и со стороны мятежников едва ли превышали 200–300 убитых и раненых»[4]. По мнению Кирхейзена, Наполеон «умышленно преуменьшил свои потери», сообщив в письме к брату Жозефу от 14 вандемьера: «Все наши потери простираются до 30 убитых и 60 раненых»[5]. В разговоре с Б. О'Мира на острове Святой Елены Наполеон приводил другие цифры: мятежники потеряли только убитыми 70–80 человек, Конвент – около 30 убитых и 250 раненых[6].

Сравнительно малые потери с обеих сторон Наполеон прямо объяснял тем, что после первых двух залпов он приказал заряжать пушки только порохом, без снарядов. Судя по всему, тогда он принципиально был против лишних жертв на войне, особенно гражданской, когда гибнут соотечественники. Вот что говорил он вскоре после освобождения Тулона от роялистов и англичан, показывая брату Людовику осадные сооружения, которые генерал-живописец Ж. Ф. Карто штурмовал неумело и с большими потерями, о чем свидетельствовало множество погребений: «Молодой человек, посмотрите на это и запомните, что для военного основательное изучение

---

[1] О'Мира Б. Указ. соч. С. 281–282.
[2] Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 36.
[3] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 30; Манфред А. З. Цит. соч. С. 112.
[4] Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 205.
[5] Там же; Masson F. Napoléon et sa famille. P., 1900. T. 1. P. 126.
[6] О'Мира Б. Указ. соч. С. 281.

своего ремесла является в такой же мере делом совести, как и благоразумия. Если бы негодяй, приказавший своим храбрецам идти на приступ, знал военное ремесло, многие из них сейчас были бы живы и служили бы Республике. Из-за его невежества они и сотни других погибли в цвете лет и в тот самый момент, когда они могли завоевать себе славу и счастье»[1].

Расстреливая и разгоняя мятежников, Наполеон приказал не брать при этом никого в плен, – поскольку, как полагает Ф. Кирхейзен, он «не хотел порочить своего имени выдачей их Конвенту и тем самым, несомненно, гильотине»[2]. Впрочем, независимо от приказов Наполеона, карательные службы Конвента в тот же день, 13 вандемьера, и в следующие дни арестовали много зачинщиков и вожаков мятежа. Четверо из них были приговорены к смертной казни. Но казнили только двух и не самых главных – организатор мятежа Рише де Серизи и главнокомандующий Луи Тевен Даникан успели скрыться. Генерал Даникан бежал сначала в Гамбург, затем в Швецию, а умер в Англии, где дожил до 1848 г.[3] (там же, на 45 лет раньше Даникана, ушел из жизни и Серизи).

Предстал перед судом Конвента по обвинению в бездействии и генерал Ж. Ф. Мену. Но его в буквальном смысле слова спас от гильотины Наполеон, будучи уже в ранге главнокомандующего внутренней армией, а фактически войсками парижского гарнизона. Вот как он это сделал, по его собственному рассказу тому же Барри О'Мира: «Я считал, что было бы очень несправедливо, если бы пострадал только Мену, в то время как три комиссара Конвента, приказы которых он выполнял, остались бы вне суда и не были бы наказаны. Но, не рискуя сказать открыто, что Мену следует оправдать (ибо в те времена человек, говоривший правду, терял свою голову), я прибегнул к уловке. Я пригласил на завтрак трех членов суда, которые судили Мену, и в разговоре затронул вопрос о нем. Я заявил, что он действовал неправильно и заслуживает того, чтобы приговорить его к смертной казни, но что сначала следует судить и приговорить к смертной казни комиссаров Конвента, так как Мену действовал в соответствии с их приказами, и поэтому пострадать должны бы все. Мои суждения произвели желаемый эффект. Члены суда заявили: "Мы не позволим грандам Конвента купаться в нашей крови, когда они позволяют своим собственным комиссарам, которые гораздо

[1] Цит. по: Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 9.
[2] Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 205.
[3] См. о нем: Dictionnaire Napoléon. P., 1999. T. 1. P. 608.

больше виновны, избежать наказания"»[1]. В результате генерал Мену был оправдан.

В дальнейшем, как мы еще увидим, Наполеон привлечет Мену к участию в Египетской кампании 1798–1799 гг., а в Египте тот примет магометанство под именем Абдаллах Жак, попадет в плен к англичанам, но сумеет бежать. Кстати, помимо Мену, 13-е вандемьера связало с Наполеоном еще одну колоритную личность – Антуана Жозефа Сантера. Этот герой взятия Бастилии 1789 г. и народного восстания в Париже 1792 г., генерал революции, уволенный термидорианским Конвентом в отставку летом 1794 г. с лишением генеральского чина, оказал в дни вандемьера, по данным В. Слоона, какие-то «большие услуги» Наполеону, и Наполеон, став первым консулом, восстановит Сантера в ранге генерала[2].

О том, как сам Наполеон воспринимал вандемьерский расстрел пусть роялистских, но все же *людских* толп на улицах Парижа, его биографы судят по-разному. А. З. Манфред вполне справедливо оспаривает рассуждения французского историка Анри д'Эстра, по мнению которого Наполеон будто бы испытывал такую борьбу между «чувством и долгом», что допустил 13 вандемьера «капитуляцию собственной совести»[3]. Во-первых, применение артиллерии против мятежников в городах Франции тех лет, на пороге гражданской войны, не было явлением исключительным – в Париже, Лионе, Нанси такое случалось с 1789 до 1795 г. неоднократно. Что же касается Наполеона, то своему восприятию таких акций он дал исчерпывающее объяснение в откровенной беседе с близким соратником, членом государственного совета империи, профессором и графом Пьером Луи Редерером: «Во мне живут два разных человека – человек разума и человек сердца. Не думайте, что сердце у меня не столь чувствительно, как у других людей. Я даже довольно-таки добрый человек. Но с ранней юности я подавлял в себе эту чувствительную струну, и теперь она у меня уже не звучит»[4].

Разум побуждал Наполеона задействовать против мятежа роялистов артиллерию без каких-либо сомнений и колебаний. Поэтому он с легким *сердцем* писал 14 вандемьера брату Жозефу: «Слава Богу, все кончено. Мы перебили много народу <...>. Теперь все спокойно. Я, по обыкновению, цел. Счастье за меня»[5].

---

[1] О'Мира Б. Указ. соч. С. 280–281.

[2] Слоон В. Указ. соч. Т. 1. С. 129.

[3] Ср.: D'Estre H. Bonaparte. Les années obscures (1769–1795). P., 1942. P. 194; Манфред А. З. Цит. соч. С. 112.

[4] Roederer P. L. Autour de Bonaparte: Journal. P., 1909. P. 346.

[5] Masson F. Napoléon et sa famille. T. 1. P. 126.

Событие 13 вандемьера (5 октября) 1795 г. стало поистине историческим. Очень точно определил его смысл великий Стендаль: «...оно помешало революции повернуть вспять»[1], т. е. от буржуазной республики к феодальной монархии. 26 октября 1795 г. вступит в действие новая Конституция, менее демократическая по сравнению с Конституцией 1793 г., но сохранившая республиканский строй и главное завоевание революции – социальное равенство.

Отныне главным вершителем судеб Республики стала пятичленная Директория. Первые директора (все пятеро!) в прошлом голосовали за казнь Людовика XVI, т. е. являлись в глазах роялистов *цареубийцами*. Самым авторитетным и, кстати, младшим из них по возрасту был 40-летний Поль-Франсуа Баррас, а самым выдающимся в умственном и нравственном отношении – Лазар Николя Карно (дед президента Франции Мари Франсуа Сади Карно). Лазар Карно вошел в историю Французской революции как «организатор победы». Бывший член Комитета общественного спасения, военный стратег и ученый-математик, с 1796 г. академик, он отличался не только блестящими способностями, которые (как мы увидим) очень ценил Наполеон, но и глубокой порядочностью, к интригам относился с отвращением и поэтому скоро вступил в конфликт с Баррасом и другими директорами.

После Карно наиболее способным и полезным для Республики директором был Жан Батист Ребель. Квалифицированный правовед и экономист, он занимался в Директории организацией финансов, но, как подметил Наполеон, «что бы ни говорили про него, все-таки, состоя членом Директории, он не нажил себе состояния»[2].

Четвертый директор, Луи Мари Ларевельер-Лепо, как и Ребель, в прошлом был юристом. Теперь же, по мнению Ф. Кирхейзена, он стал «всем понемногу: и писателем, и философом, и ученым-историком, только не государственным мужем», а как личность «был фальшив, завистлив и желчен»[3].

Самым же незначительным из пяти директоров оказался Шарль-Луи-Франсуа-Оноре Летурнер, избрание которого в Директорию очень многих тогда просто удивило. Наполеон считал, что в Конвенте можно было найти сотни депутатов, значительно более достойных, чем Летурнер[4].

---

[1] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 229. Подробно о том же см.: Тарле Е. В. Цит. соч. С. 31–32.

[2] Цит. по: Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 208.

[3] Там же. С. 207.

[4] См. там же. С. 210.

Таков был первый состав Директории, со временем он будет меняться, но ее политика останется неизменной. Именно с ней Наполеону придется иметь дело в течение четырех лет, пока он не свергнет режим Директории и не возьмет в свои руки всю власть. 13 вандемьера 1795 г. уже приоткрыло перед ним такую возможность.

Да, для Наполеона это был второй после Тулона и еще более значимый «поцелуй славы». Он сразу стал известен всей Франции как «генерал Вандемьер». Конвент за считаные дни до своего самороспуска успел присвоить Наполеону очередное звание – дивизионного генерала – и назначить его главнокомандующим внутренней армией, т. е. войсками гарнизона столицы и ее окрестностей. Дэвид Чандлер не без оснований предполагает: «Возможно, в то время это был самый влиятельный пост во французских вооруженных силах, потому что внутренняя армия явно была самой многочисленной и выполняла ключевую задачу поддержания закона и порядка во Франции»[1]. А. З. Манфред установил, что в подчинении Наполеона оказалось тогда не менее 39 тыс. солдат и офицеров всех родов войск[2].

Популярность Наполеона в первые месяцы после вандемьера была не меньшей, чем его полномочия, а вместе с ними росло и его влияние на все сферы жизни. К должностному окладу Наполеон, очень кстати для себя, получил от Директории единовременную прибавку – большое денежное вознаграждение. «Он мог теперь устроить, как и где хотел, всех своих друзей и знакомых, которым он был хоть сколько-нибудь обязан», – отмечает Ф. Кирхейзен[3].

Но прежде всего Наполеон, естественно, позаботился о своей семье[4]. Первым делом он отправил 60 тыс. франков в Марсель маме Летиции, у которой к тому времени осталась одна пятифранковая ассигнация. При этом он написал Жозефу: «Наша семья больше ни в чем не будет нуждаться». Благодаря хлопотам Наполеона его мать и сестры в те счастливые для них дни переехали из дома Клари в собственную великолепную квартиру; брат Люсьен вышел из тюрьмы и пристроился секретарем к армейскому комиссару Л. М. Фрерону (который в то время усиленно домогался руки Паолетты Буонапарте); Людовик получил звание лейтенанта и поступил в адъ-

[1] Чандлер Д. Цит. соч. С. 46.

[2] Манфред А. З. Цит. соч. С. 114.

[3] Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 205.

[4] См. об этом: Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 139; Трачевский А. С. Наполеон I. Первые шаги и консульство (1769–1804). М., 1907. С. 82; Иванов А. Ю. Двенадцать Бонапартов. М., 2006. С. 58–59.

ютанты к самому Наполеону, а 11-летний Жером был принят в Парижское военное училище. Наконец, дядя Наполеона, будущий кардинал Жозеф Феш стал комиссаром Итальянской армии.

Но все это – власть, популярность, деньги – в представлении Наполеона меркло и отступало на второй план перед охватившим его тогда безмерным и корсикански страстным чувством любви к такой же, как он, островитянке по имени Жозефина.

3. Жозефина!

Да, косвенным (сам Наполеон сказал бы: главным) следствием Вандемьера стало его сближение с Жозефиной Богарне. Наполеон впервые увидел ее в салоне Терезии Тальен еще до роялистского мятежа, но близко познакомились они после того, как он подавил мятеж и обязал жителей Парижа сдать все имевшееся у них оружие. Семья Богарне рассталась в те дни со своей реликвией – саблей покойного мужа Жозефины, отца двоих ее детей. А далее все происходило как в классической мелодраме.

Сам Наполеон вспоминал на острове Святой Елены, что к нему на прием напросился 14-летний мальчик. «Он стал умолять меня, чтобы ему вернули саблю его отца, который был генералом Республики. Я был так растроган его горячей просьбой, что приказал вернуть ему эту саблю. Мальчика звали Евгением Богарне. Увидев саблю, он зарыдал. Взволнованный его поведением, я уделил ему особое внимание и похвалил его. Через несколько дней его мать нанесла мне визит вежливости, чтобы поблагодарить меня. Я был поражен ее внешностью и еще более ее умом»[1].

Точно так же излагали историю «отцовской сабли» сам Евгений Богарне, Жозефина и ее дочь Гортензия. Поэтому Анри Жомини и Андре Кастело приняли на веру то, что «Баррас, не присутствовавший при этом, упрямо считает легендой»[2], как, впрочем, и доверившиеся почему-то Баррасу серьезные историки – супруги Фридрих и Гертруда Кирхейзен[3].

Итак, Наполеон при первом же близком знакомстве с Жозефиной был поражен ее «внешностью и еще более ее умом». Что касается ума, то едва ли Жозефина могла *поразить* им Наполеона сразу или

---

[1] О'Мира Б. Указ. соч. С. 118. О том же, со слов Наполеона, свидетельствовал его личный друг, величайший актер Франции Франсуа Жозеф Тальма (см.: Тальма Ф. Ж. Мемуары. М.; Л., 1931. С. 288).

[2] Кастело А. Жезефина. СПб., 1994. Кн. 1. С. 110. Ср.: Жомини А. А. Политическая и военная жизнь Наполеона. 3-е изд. СПб., 1844. Ч. 1. С. 21.

[3] Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 281–282; Кирхейзен Гертруда. Цит. соч. С. 64.

даже со временем. Но вот внешностью, грацией, манерами, артистическим умением подавать себя она разила мужчин наповал уже давно, и Наполеон в их ряду был далеко не первым (да и не последним).

Почти все, кто видел и знал Жозефину, навсегда запомнили ее «очарование женственности». Герцогиня Л. д'Абрантес и придворная статс-дама К. де Ремюза не без чисто женской ревности признавали, что Жозефина, хотя и не выглядела красавицей в классическом смысле слова, «была полна неотразимой прелести», отличалась «необыкновенным изяществом манер»; «фигура ее была безукоризненна, все члены гибки и нежны»; «особенно пленительна была не только изящность ее талии, но и поступь ее», а «одевалась она с необыкновенным вкусом: все, что носила, выигрывало на ней»[1].

Наполеон вспоминал о ней на острове Святой Елены так: «Жозефина была олицетворением грации. Все, что бы она ни делала, отличалось особенным изяществом и изысканным вкусом. Я никогда не видел, чтобы она поступила неэлегантно в течение всего времени, что мы жили вместе. Даже спать она ложилась изящно»[2]. Необычайно красивым, сладкозвучным, как у Сирены, был и ее голос, «чарующую музыку которого впоследствии прислуга в Тюильри приходила подслушивать у дверей»[3].

Согласно паспортным данным, Жозефина была ниже среднего роста (1 м 62 см[4]), но, как подмечено современниками, «благодаря замечательной пропорциональности сложения производила впечатление высокой и стройной дамы»[5]. Кстати, рост Наполеона принято считать маленьким. Между тем кроме приблизительных (на глазок) данных об этом[6], сохранились и результаты вполне авторитетных антропометрических измерений. Сразу после смерти Наполеона доктор Ф. Антоммарки с помощью камердинера Л.-Ж. Маршана измерил тело покойного и определил: «Его полный рост от верха головы до пяток равен 5 футам 2 инчам 4 линиям», т. е. 168,3 см[7]. А Маршан оставил примечание: «Наполеон не был низкого роста по стандартам

---

[1] Д'Абрантес Л. Записки... Т. 5. С. 87; Т. 7. С. 244; Ремюза К. Мемуары (1802–1808 гг.). М., 1912. Т. 1. С. 67.

[2] О'Мира Б. Указ. соч. С. 384.

[3] Кирхейзен Гертруда. Цит. соч. С. 67.

[4] Кастело А. Жозефина. Кн. 1. С. 15.

[5] Слоон В. Указ. соч. Т. 1. С. 229.

[6] У В. Скотта в его цит. соч. (Т. 2. С. 645) – 165 см, у А. Сореля в кн. «Европа и французская революция» (СПб., 1906. Т. 5. С. 79) – 153,2 см.

[7] Маршан Л.-Ж. Наполеон. Годы изгнания. Мемуары. М., 2003. С. 714. Эти данные приводили также Ф. Массон в кн. «Наполеон и женщины» (С. 274) и А. Леви в соч. «Душевные качества Наполеона» // Повседневная жизнь Наполеона. М., 2006. С. 265. Денис Давыдов, близко наблюдавший На-

своего времени, но казался таким, когда стоял среди маршалов и офицеров императорской гвардии, всех – очень высокого роста (Мюрат, Мортье, Ланн, Ней и другие)».

Что касается характера Жозефины, то и в нем осведомленные современники отмечали своего рода изящество. По воспоминаниям мадам К. Ремюза, для Жозефины были характерны «необыкновенная доброта и притом удивительно ровное настроение, доброжелательность и способность легко забывать зло, которое ей желали причинить, <...> тонкий врожденный такт»[1].

В общем, как только Наполеон присмотрелся к Жозефине, он был настолько пленен ее обворожительной женственностью и, как ему казалось, совершенством изысканности, что его невеста Дезире Клари как прелестная, но слишком обыкновенная и наивная простушка, в сравнении с Жозефиной, сразу отступила в тень. К тому же именно тогда Жозефину окружал и еще более возвышал *нимб жертвенности*, поскольку муж ее, генерал Республики, был казнен по ложному обвинению в измене и она сама едва избежала гильотины.

Мари Жозефина Роз Таше де ля Пажери – креолка с острова Мартиника в Карибском море – родилась 23 июня 1763 г., т. е. была на шесть лет старше Наполеона[2]. Отец ее Жозеф Гаспар де Таше де ля Пажери – бывший паж Марии Йозефы Саксонской, матери трех королей Франции: Людовика XVI, Людовика XVIII и Карла X – теперь был плантатором на Мартинике, владельцем 150 чернокожих рабов, а мать, Роза Клер де Верже де Сануа, – заботливой женой и хозяйкой плантации. В детстве Жозефину звали Розой. Она привыкла к этому имени и к тому, что почти все называли ее так до знакомства с Наполеоном. Когда она была еще девочкой-подростком, местная ворожея нагадала ей: «Ты станешь больше, чем королевой!»

Действительно, кроме того, что сама Жозефина станет императрицей Франции и королевой Италии, А. Кастело подсчитал: «...дочь ее будет королевой Голландской, сын – вице-королем Италии; один из ее внуков станет Наполеоном III, а шестеро остальных внуков и внучек[3] вступят в брак с королевой Португалии, наследным прин-

---

полеона в 1807 г., считал, что он был «малого роста, ровно двух аршин шести вершков» (т. е. 168,5 см): Давыдов Д. В. Соч. М., 1962. С. 253.

[1] Ремюза К. Мемуары... Т. 1. С. 84.

[2] Из большого числа биографий Жозефины Богарне к лучшим можно отнести следующие: Кастело А. Жозефина. СПб., 1994. Кн. 1–2; Бретон Г. Н. Жозефина. М., 1994; Masson F. Madame Bonaparte. 1796–1804. P., 1927; Driault E. L'imperatrice Joséphine. P., 1929.

[3] Дочь Жозефины – Гортензия Богарне, сын – Евгений Богарне. Император Франции Наполеон III – это Луи Наполеон, сын Гортензии Богарне и Людовика Бонапарта (брата Наполеона I). Шестеро остальных внуков

цем шведским и норвежским, императором Бразилии, принцем Гогенцоллерном, русской великой княжной Марией Николаевной (дочерью императора Николая I. – *Н. Т.*) и герцогом Вюртембергским. Сегодня (в 70-е годы XX века! – *Н. Т.*) кровь Жозефины течет в жилах почти всех коронованных и владетельных семей Европы»[1].

13 декабря 1779 г. 16-летняя Жозефина вышла замуж за виконта Александра де Богарне, отец которого был губернатором всех французских Антил, включавших в себя, кроме Мартиники, еще десять территорий. Александр был на три года старше Жозефины (родился 28 мая 1760 г.). Красивый и очень состоятельный жених понравился родителям Жозефины, а в ней самой пробудил искреннее чувство первой, глубокой и верной любви. Жозефина была счастлива, когда Александр привез ее за месяц до свадьбы в Париж, где они поселились в комфортном особняке Богарне. Однако очень скоро любимый муж раскрылся перед ней в своей нравственной неприглядности, которую Гертруда Кирхейзен обрисовала так: «Прожигатель жизни, тщеславный, расточительный, деспотичный и капризный, настоящий баловень придворного общества, он всякую другую женщину любил больше, чем свою собственную жену»[2].

Первый брак Жозефины оказался несчастливым. Изменяя ей и налево и направо, Богарне ревновал и без всяких оснований упрекал ее, тогда еще юную, непорочную, в неверности и даже отказывался признать себя отцом их дочери Гортензии, родившейся 10 апреля 1783 г. Между супругами начались серьезные размолвки, и в марте 1785 г. они фактически разошлись, хотя оформить развод так и не успели. Фридрих Кирхейзен резонно предположил, что именно фривольность и донжуанство первого мужа «были виновны в том, что впоследствии Жозефина так мало заботилась о святости брака»[3].

Следующие девять лет супруги Богарне жили врозь (хотя и следили за жизнью друг друга), пока судьба не соединила их вновь – в тюрьме. За это время Жозефина побывала (с августа 1788 до октября 1790 г.) на родине, простилась с ней и со своими родителями на-

---

и внучек – дети Евгения Богарне и принцессы Августы Амалии Баварской: Огюст Шарль, женатый на королеве Португальской; Жозефина – супруга наследного принца и будущего короля Швеции и Норвегии Оскара Бернадота; Амалия Августа – супруга императора Бразилии Педро I; Евгения Гортензия – супруга принца Гогенцоллерн-Хегингена; Максимилиан Иосиф, герцог Лейхтенбергский, – муж великой княгини Марии Николаевны (дочери императора Николая I); Теодолина Луиза – супруга герцога Вюртембергского.

[1] Кастело А. Жозефина. Кн. 1. С. 8.

[2] Кирхейзен Г. Цит. соч. С. 60.

[3] Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 274.

всегда, вернулась во Францию и жила то в Париже, то в Фонтенбло с дочерью и сыном, вращаясь в светских кругах на средства, которые оставил ей муж и доставляли ее первые любовники (из них один – морской офицер Сипион дю Рур – был «несомненным» в этом качестве, тогда как другие – а среди них члены Комитета общественного спасения Республики Б. Барер и Ж. Л. Тальен, прокурор П. Ф. Реаль, военный министр Ж. Серван – только предполагаются). Александр же, кроме того, что он теперь то и дело менял любовниц, сделал по ходу революции головокружительную карьеру: бывший капитан королевских войск, он с июня 1792 г. – председатель Учредительного собрания, с марта 1793 г. – генерал и с 23 мая того года командующий Рейнской армией. Конвент предлагал ему даже пост военного министра, но Богарне его не принял. И вот 14 марта 1794 г. он был арестован за бездействие на рейнском фронте и водворен в тюрьму бывшего монастыря кармелитов. Через пять недель, 21 апреля, в той же тюрьме оказалась (по статье действующего закона, как *«подозрительная»*!) и Жозефина.

Поскольку арестанты-кармелиты (как их называли) общались друг с другом в столовой и на прогулках, Жозефина, возможно, в первый же свой тюремный день встретилась с Александром, и он поцеловал ей руку. Потом они часто говорили друг с другом о своих детях и даже писали им из тюрьмы совместные письма. Но любил Александр в те последние четыре месяца своей жизни соседку Жозефины по камере Дельфину де Кюстин – вдову казненного летом 1793 г. генерала Республики Адама Филиппа де Кюстина. В утешение (своего рода, конечно) Жозефине Александр познакомил ее с прославленным генералом Лазаром Гошем, который содержался тогда в камере, соседней с камерой Жозефины.

Так вошел в жизнь Жозефины Богарне уже ярко воссиявший к тому времени в истории Франции Лазар Луи Гош (1768–1797) – один из лучших полководцев Французской революции, командующий Мазельской и Рейнской армиями, победитель англичан при Дюнкерке и австрийцев в битвах у Верта и Фрешвиллера[1]. Гош тогда только что, 11 марта 1794 г., женился на «ангельски прекрасной» Аделаиде, но, увидев Жозефину, забыл и молодую жену, и все на свете. Их роман, начавшись в тюрьме, обрел куда бóльшую страстность после освобождения и продолжался до отъезда Гоша на фронт в марте 1795 г. Самый серьезный биограф Жозефины Андре Кастело счи-

[1] Подробно о нем см.: Bonnechose F.-E. Biographies nationales. Lazare Hoche... P., 1881.

тает роман с Гошем «одним из двух ее *больших* романов»; «второй свяжет ее с капитаном Шарлем»[1].

Между тем 5 термидора (23 июля), т. е. за четыре дня до термидорианского переворота и свержения якобинской диктатуры, Александр де Богарне взошел на эшафот. Перед казнью он успел передать для Жозефины прощальное письмо с такими строками: «Прощай, мой друг! <...> Ты знаешь, кто мной любим. Будь же им утешением и продли своими заботами мою жизнь в их сердцах. Прощай! Я последний раз в жизни прижимаю к сердцу тебя и моих дорогих детей»[2].

Жозефина вышла из тюрьмы только 19 термидора (6 августа) и сразу оказалась желанной гостьей в салоне Терезии Тальен, с которой была близко знакома еще до ареста. Там на нее обратил внимание Поль Баррас. Хотя мадам Тальен к тому времени уже была, по выражению Гертруды Кирхейзен, «обладательницей его сердца и его кошелька», она не стала ревновать Барраса к Жозефине, поскольку нашла себе еще более богатого поклонника, да и как нашла! – «Баррас сам раздобыл своей возлюбленной» щедрого поставщика и первого банкира Франции Г. Ж. Уврара[3].

Так Жозефина попала в «гарем Барраса», где блистали самые модные женщины Парижа, но первыми среди них, по свидетельству современника, были «мадам Тальен, мадам Богарне и мадам Рекамье (жена парижского банкира. – *Н. Т.*), одетые “на радость творца”, настолько они казались раздетыми»[4].

К тому моменту, когда Жозефина познакомилась с Наполеоном, она жила в красивом доме на улице Шантерен, держала экипаж и лошадей, кучера, привратника, повара и горничную, причем бóльшую часть ее расходов взял на себя Баррас. Любила ли она Барраса? По мнению Гертруды Кирхейзен, «об этом не может быть и речи»[5]. Но Баррас едва ли нуждался в любви. Ему требовалось *тело* женщины, а не ее чувства. И в этом его требовании Жозефина, как, впрочем, и другие дамы (Тальен, Рекамье, Жанна Гамелен и т. д.), не могла ему отказать, поскольку он ее фактически содержал.

Наполеон, конечно, знал, что Жозефина была любовницей Барраса, а возможно, наслышан был и о *большом* ее романе с Гошем (роман с И. Шарлем еще впереди) и о каких-либо ее *малых* романах, как, например, с автором «Марсельезы» К. Ж. Руже де Лилем и мар-

---

[1] Кастело А. Жозефина. Кн. 1. С. 80.
[2] Там же. С. 85.
[3] Кирхейзен Гертруда. Цит. соч. С. 63.
[4] Там же.
[5] Там же.

кизом Луи де Коленкуром (отцом будущего наполеоновского обер-шталмейстера, посла в России и министра иностранных дел Армана де Коленкура)[1]. Он потому и стал звать ее Жозефиной, а не Розой – то имя ласкательно произносили слишком много мужчин!

Без сомнения, Наполеон ревновал ее к прошлому (с какой корсиканской страстью он будет ревновать после женитьбы, мы еще увидим), но влюбился он в Жозефину столь одержимо и был ею так, мало сказать, очарован – просто околдован, что сила его притяжения к ней помогала ему превозмочь и отбросить все, что бросало хоть малейшую тень на нее и омрачало его всепоглощающее чувство любви к ней. Что бы ни было с нею *в прошлом*, кому и как бы ни принадлежала она до него, – *теперь* он не мыслил себя без нее и готов был на все, только чтобы отныне и навсегда она стала его женщиной.

Буквально воспламененный и ослепленный Жозефиной, он пишет ей ранним декабрьским утром 1795 г., после того как накануне вечером она, по-видимому, впервые отдалась ему: «7 часов утра. Я просыпаюсь, весь полон тобой. Твой образ и воспоминания об упоительном вчерашнем вечере не дают мне покоя <...>. Но как я счастлив, когда черпаю из твоего сердца и пью с твоих губ пламя, которое меня сжигает <...>. Mio dolce amore[2], прими тысячу поцелуев, но не возвращай их: они воспламеняют во мне всю кровь»[3].

Его следующие письма к ней (особенно в разлуке после женитьбы – из Италии в Париж) будут, как мы увидим, еще более полными любви, настолько самозабвенными, что шокируют двух авторитетных, но, по-моему, уж очень черствых душевно историков – Жана Тюлара и Альбера Собуля. Первый из них усмотрел в нежнейших супружеских письмах Наполеона «удручающую пошлость»[4], а второй заключил, что их из-за этого «невозможно цитировать»[5].

Жозефина, как зрелая, более чем искушенная в амурных хлопотах женщина, восприняла безудержную непосредственность и эротическое простодушие еще «необстрелянного» в любви Наполеона с любопытством, удовольствием, благодарностью, но без должной взаимности. Хорошо сказал об этом Ф. Массон: «Для нее этот пробуждающийся темперамент, пылкая страсть, жаркие, как на экваторе, поцелуи, сыплющиеся на все ее тело, это бешенство постоянного

---

[1] См. об этом: Кастело А. Жозефина. Кн. 1. С. 101, 265.

[2] Моя нежная любовь (итал.).

[3] Letters of Napoleon to Josephine. New York, 1928. P. 21–22.

[4] Тюлар Ж. Наполеон, или миф о «Спасителе». С. 68.

[5] Собуль А. Указ. соч. С. 315. Ранее Вальтер Скотт считал, что любовную лексику Наполеона «английская жена сочла бы непристойной для выражения супружеской любви» (Цит. соч. Т. 1. С. 145).

вожделения – не есть ли все это дань, наиболее способная ее тронуть, лучше всего доказывающая, что она еще прекрасна и всегда будет пленять? Но если он хорош как любовник, то годится ли он в мужья?»[1]

Как только Наполеон предложил Жозефине руку и сердце (а сделал он это по-военному оперативно, не мешкая), она тщательно взвесила все за и против. Для нее он был всего лишь очередным (пусть самым горячим) любовником, и в брак с ним она решилась вступить *по расчету*. «Ей нужен был мужчина, на сильную руку которого она могла бы опереться, – читаем о ней у Гертруды Кирхейзен. – На Барраса нельзя было особенно рассчитывать. Он любил перемену впечатлений. А что тогда стало бы с ней и с ее детьми? Она была уже не первой молодости: любовников могла найти сколько угодно, но такого мужчину, который сделал бы ее своей законной женой, она могла не каждый день найти на улице»[2].

В тот момент Жозефина, разумеется, учитывала, что генерал Буонапарте – герой Тулона и Вандемьера – уже известный в стране военачальник, и могла предполагать, что его ждет еще более светлое будущее. Не зря ей так запомнилось сказанное о Наполеоне ее знакомым грандом Л. Ф. де Сегюром: «Этот маленький генерал, похоже, станет большим человеком»[3].

Зато Наполеон стремился к женитьбе на Жозефине только потому, что любил ее: в этом не было никаких расчетов, исключительно любовная страсть с мыслью, что без этой женщины нет для него на Земле счастья. Порицатели Наполеона с тех пор утверждали, что он женился на виконтессе Богарне из расчета «получить через нее от Барраса командование Итальянской армией» (странно, что в наше время то же утверждает Ж. Тюлар[4]). Полемизируя с ними, Гертруда Кирхейзен обоснованно ссылалась на сохранившиеся письма Наполеона. Среди них есть и такое – в ответ на высказанное Жозефиной сомнение в его чувствах: «Итак, вы могли подумать, что я люблю вас не ради вас самой? Так ради чего же, скажите? <...> И как могла такая низменная мысль найти доступ в такую чистую душу?»[5]

После 13 вандемьера Наполеон уже сам по себе значил так много, что не нуждался в покровительстве Барраса. И вовсе не Баррас, как иногда пишут, а другой член Директории, ведавший военными дела-

---

[1] Массон Ф. Наполеон и женщины. С. 39.
[2] Кирхейзен Г. Цит. соч. С. 66.
[3] Цит. по: Кастело А. Жозефина. Кн. 1. С. 114.
[4] Тюлар Ж. Наполеон... С. 67.
[5] Кирхейзен Г. Цит. соч. С. 66.

ми, «организатор победы» Лазар Карно назвал именно Наполеона, когда встал вопрос о том, кем заменить на посту главкома Итальянской армией запросившегося в отставку Б. Шерера. Остальные директора просто согласились с Карно, «потому что никто из более важных и известных генералов этого назначения очень и не домогался»[1].

Итак, Наполеон предложил Жозефине вступить с ним в брак. Она какое-то время раздумывала. Ее адвокат Рагидо был озадачен: «Что вы делаете?! У этого генерала ничего за душой – только плащ да шпага!»[2] Но Жозефина в тот момент, должно быть, вспомнила, с какой верой в себя говорил ей Наполеон: «Эти директора думают, что я нуждаюсь в их защите? Когда-нибудь они сами будут почитать себя счастливыми под моей защитой. Я добьюсь всего своей шпагой!»[3]

Обряд гражданского бракосочетания Наполеона Буонапарте и Жозефины де Богарне был оформлен вечером 9 марта 1796 г. в ратуше 2-го Парижского округа (бывшем дворце маркизов де Галле де Мондрагон) по адресу: улица д'Антенн, особняк № 3[4]. Брачное свидетельство Наполеон в последний раз подписал как *«Буонапарте»*[5] – далее он будет называть себя Бонапартом, чтобы его солдаты в Италии не говорили, будто ими командует «какой-то итальянец». А с возрастом молодоженов в этом свидетельстве была проделана грациозная манипуляция: невеста «омолодила» себя на четыре года, записав, что она родилась 23 июня 1767 г., а жених, напротив, «состарился» на полтора года, обозначив датой своего рождения 5 января 1768 г. Таким образом, они были записаны почти как ровесники – шестилетняя разница в возрасте (не в пользу невесты!) стала минимальной[6].

Наполеон не пожалел денег на свадебные подарки жене – дорогое обручальное кольцо и дивно красивый медальон с пафосной гравировкой: «Женщине моей судьбы»[7].

Свидетелями на свадьбе со стороны жениха были двое главарей 9 термидора (можно сказать, убийц столь любимого ранее

---

[1] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 39. О том же: Манфред А. З. Цит. соч. С. 116; Слоон В. Указ. соч. Т. 1. С. 230; Кастело А. Жозефина. Кн. 1. С. 126.

[2] Levy A. Napoléon intime. P. 102.

[3] Цит. по: Людвиг Э. Наполеон. С. 50.

[4] В 1970-х годах комната, где сочетались браком Наполеон и Жозефина, служила кабинетом директору Парижско-Нидерландского банка.

[5] «Документ, подписанный уже 14 марта, имеет подпись: “Бонапарт” (Маршан Л.-Ж. Наполеон... С. 330).

[6] Кирхейзен Гертруда. Цит. соч. С. 68.

[7] Там же. С. 69; Людвиг Э. Наполеон. С. 52.

Наполеоном Огюстена Робеспьера) Поль Франсуа Баррас и Жан Ламбер Тальен – факт весьма показательный для изменений, происходивших за минувшие два года порядков и нравов в стране, а главное – убеждений самого Наполеона.

Счастье первой брачной ночи с его dolce amore отравил Наполеону Фортюне. Так (т. е. «счастливый, удачливый») звали мопса, комнатную собачку Жозефины. Фортюне был с Жозефиной в тюрьме, доставлял в своем ошейнике ее записки друзьям и в награду за это возымел привилегию разделять спальное ложе Жозефины. С тех пор мопс всегда спал в одной постели с хозяйкой и не захотел уступить своего места будущему императору Франции. Спустя какое-то время Наполеон рассказывал своему другу, писателю А. В. Арно, указывая на Фортюне: «Полюбуйтесь, пожалуйста, на этого господина. Он занимал постель мадам, когда я на ней женился. И мне было сказано коротко и ясно, что либо я должен спать в другом месте, либо помириться с ним. Это было не очень-то приятно. Приходилось или покориться, или отступить. И вот он оказался неуступчивее меня». Действительно, Фортюне в ту первую ночь даже укусил Наполеона за ногу. Но Наполеон стоически переносил такое неудобство, ибо так хотела Жозефина, а со временем он даже примирился с мопсом, о чем свидетельствует его письмо к жене от 17 июля 1796 г. с такими словами: «Шлю миллионы поцелуев тебе, а также и Фортюне, хоть он и гадкий!»[1]

Медовый месяц у супружеской четы Буонапарте не продлился и трех полных дней. За это время Наполеон успел привязаться к детям Жозефины. Евгений, вернувшийся из Шербурской армии, где он недолго служил в качестве «адъютанта-ученика» под начальством Л. Гоша, теперь получал дополнительное образование в «Ирландском колледже» Патрика Мак-Дермота. Гортензия же воспитывалась в элитном пансионе Жанны Луизы Компан (бывшей статс-дамы при королеве Марии-Антуанетте) в г. Сен-Жермен недалеко от Парижа. Собственно, к Евгению Наполеон проникся отеческим чувством еще при первой встрече с ним, когда тот выпросил у него саблю отца. Теперь, на следующий день после свадьбы, он отправился вместе с Жозефиной навестить Гортензию и был очень ласков с нею, хотя она, тогда еще 13-летняя девочка, «поглядывала на отчима без нежности и восхищения», с ревнивым холодком[2].

Мог Наполеон, если бы не был ослеплен любовью, увидеть за три дня после свадьбы, сколь расточительна его dolce amore (даже близ-

[1] Letters of Napoleon to Josephine. P. 62.
[2] Кастело А. Жозефина. Кн. 1. С. 125, 128.

кие друзья называли ее «мотовкой»). К моменту женитьбы она была вся в долгах, но либо не успела, либо просто не захотела признаться в этом мужу, а ему тогда и в голову не приходило уличить и упрекнуть ее в чем бы то ни было. Вечером 11 марта 1796 г., нежно простившись с Жозефиной и взяв с нее слово, что она очень скоро приедет к нему в Италию, Наполеон с двумя адъютантами помчался в специально приготовленной для него почтовой карете на юг, в Ниццу, где его ждал штаб Итальянской армии.

По пути от Парижа до Ниццы он сделал одиннадцать остановок (чтобы менять лошадей) и отправил Жозефине одиннадцать любовных писем. «Тобою одной полны все мои мысли», – пишет он ей в первом из них. «Моя Жозефина, моя единственная, вдали от тебя для меня нет радости, – заверяет ее во втором. – Вдали от тебя весь мир – только пустыня <...>. Ты единственный смысл всей моей жизни, а жить для тебя – моя единственная цель!»[1] Столь же страстны и нежны все его следующие письма к ней с дороги в Италию. А из Италии в коротких паузах между кровавыми битвами и ослепительными победами, которые прославят его на весь мир, он будет писать Жозефине, как мы увидим, письма еще более пылкие, буквально искрящиеся самозабвенным и неистощимым чувством любви к ней.

Возможно ли после всего сказанного о Наполеоне и Жозефине согласиться с Евгением Викторовичем Тарле и Жаном Тюларом в том, что «никто вообще из женщин, с которыми на своем веку интимно сближался Наполеон, никогда сколько-нибудь заметного влияния на него не только не имели, но и не домогались»[2]. Может быть, для Жозефины все-таки надо сделать исключение?

---

[1] Letters of Napoleon to Josephine. P. 23, 25.

[2] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 33; Тюлар Ж. Наполеон... С. 252.

Глава IV
ИТАЛИЯ

О, как шагает этот юный Бонапарт!
Он герой, он чудо-богатырь, он колдун!
Генералиссимус А. В. Суворов
о Наполеоне в 1796 г.

1. «Когорта Бонапарта»

Итак, на третий день после свадьбы Наполеон уже мчался на войну, к Итальянской армии – вершить дела, которые в этот раз принесут ему мировую славу. Уже тогда он верил в свою звезду. Но в те мартовские дни 1796 г. никто не мог и предположить, что итальянский поход генерала Бонапарта украсит собой всемирную историю войн и повлияет на судьбы всей Европы.

Мы помним, что термидорианская Директория покончила с «красным» террором якобинцев, но сохранила Республику, хотя и действовала, опираясь на крупных собственников, т. е. во благо «верхам» в ущерб «низам». В то же время она фактически продолжала якобинскую *внешнюю* политику – не только защищала границы Франции, но и стремилась расширить их. Поэтому для феодальных монархий Европы термидорианская, а затем наполеоновская Франция являла собой такое же исчадие революции, как и якобинская. Эти монархии вместе с Англией сколотили против Франции одну за другой семь коалиций. Если главной целью Англии было сокрушить в лице Франции своего экономического конкурента, то другие коалиционеры еще и стремились вернуть Францию к ее дореволюционному, феодальному status quo.

Первая коалиция сложилась в 1793 г. Ее составили Англия, Австрия, Пруссия, Испания, Голландия, Сардинское и Неаполитанское королевства. В 1795 г. к ним присоединилась Россия, которая, однако, в войну пока не вступала, хотя Екатерина II отреаги-

ровала на казнь Людовика XVI более чем воинственно: «Надо непременно искоренить самое имя французов!»[1] К 1796 г. для Франции особенную опасность представляли две державы: Англия (она щедро субсидировала, или, говоря современным языком, *спонсировала* все семь коалиций) и Австрия как главная военная сила первой коалиции, поставлявшая для нее «пушечное мясо».

Австрийская империя династии Габсбургов в то время была, пожалуй, самой авторитетной из европейских монархий. «Венчая свою главу короною Карла Великого с титулом императора Священной Римской империи, повелитель Австрии казался властителем Германии[2] и первым среди других монархов Европы», – писал об этом российский историк, современник и близкий знакомый А. С. Пушкина Н. А. Полевой[3]. Вассально зависимой от Австрии была вся Северная Италия, представлявшая собой в то время, подобно Германии, конгломерат королевств, герцогств, графств, Папского государства и даже республик феодального типа вроде Генуэзской и Венецианской. Здесь стояла в ожидании приказа «к бою!» резервная австрийская армия фельдмаршала Ж.-П. Больё (57 тыс. человек и 148 орудий)[4].

Жан-Пьер Больё (1725–1819), бельгиец по национальности, заявил о себе еще в Семилетней войне против Фридриха Великого, за 10 лет до рождения Наполеона, и был старше его почти на полвека. А. З. Манфред остроумно подметил, что «возраст обоих командующих определялся одними цифрами, но в разном сочетании: Больё было 72 года, Бонапарту – 27 лет»[5]. К. Клаузевиц считал Больё «незаурядным человеком», поскольку он «не только отличился на войне в Нидерландах (1794 г. – *Н. Т.*). благодаря чему и удостоился назначения на этот командный пост, но у него не было недостатка и в энергии, да и вообще он выдавался над уровнем заурядного службиста»[6]. Но, как заметил Д. Чандлер, его «крупнейшим недостатком было полное отсутствие инициативы, настолько жестко все его действия контролировались гофкригсратом» (придворным военным

---

[1] Цит. по: Черкасов П. П. Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения 1774–1792. М., 2001. С. 497.

[2] В конце XVIII в. Германия оставалась разделенной на более чем 350 (как правило, карликовых) государств – королевств, княжеств, герцогств, курфюршеств и т. п.

[3] Полевой Н. А. История Наполеона. СПб., 1844. Т. 1. С. 2.

[4] Клаузевиц К. Итальянский поход Наполеона Бонапарта. 1796 год. М., 2003. С. 9.

[5] Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. 4-е изд. М., 1986. С. 120.

[6] Клаузевиц К. Цит. соч. С. 13.

советом)[1]. Впрочем, этот недостаток был присущ всем австрийским военачальникам того времени, исключая лишь эрцгерцога Карла, который по своему положению как сын императора Леопольда II и родной брат императора Франца I (он же последний император «Священной Римской империи» под именем Франца II) мог позволить себе свободу действий, не считаясь с диктатом гофкригсрата.

Австрийскую армию фельдмаршала Больё поддерживала 25-тысячная армия Пьемонта, т. е. Сардинского королевства (в состав которого, кроме Пьемонта, входил еще крупнейший на Средиземном море остров Сардиния) во главе с королем Виктором Амедеем III – тестем двух будущих королей Франции – Людовика XVIII и Карла X, женатых на его дочерях. Сардинцы имели 60 орудий. Главные же силы Австрии численностью более 180 тыс. штыков и сабель были сосредоточены на Рейне у границ Франции. Ими командовал фельдмаршал (будущий генералиссимус) и эрцгерцог Карл (полное имя: Карл Людвиг Иоганн Габсбург) (1771–1847) – безусловно, лучший австрийский и один из лучших в мире полководцев конца XVIII – начала XIX в., великий стратег, тактик и военный администратор.

Директория тоже планировала кампанию 1796 г., считая Рейн главным театром войны. Сюда были стянуты две лучшие армии республики общей численностью до 155 тыс. человек, которыми командовали лучшие военачальники – Ж. Б. Журдан (будущий маршал Франции) и Ж. В. Моро. Они должны были нанести Австрии главный удар и открыть французам путь на Вену. Что же касается Итальянской армии Бонапарта, ей Директория отводила лишь вспомогательную роль «диверсии», дабы отвлечь на себя внимание и часть сил противника с Рейна. Соответственно, для своих войск на Рейне Директория не жалела средств (ни оружия, ни боеприпасов, ни снаряжения, ни денег), тогда как Итальянская армия была заброшена до такой степени, что, по выражению Е. В. Тарле, «походила скорее на скопище оборванцев»[2].

Действительно, когда Наполеон увидел доверенную ему армию, он поразился: армия нуждалась буквально во всем – от боеприпасов до хлеба. «У этих солдат, находившихся на гребне Альп, где восемь месяцев в году лежит глубокий снег, – вспоминал о них Стендаль, – не было ни обуви, ни теплой одежды»[3]. Солдаты ходили в лохмотьях.

---

[1] Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. М., 2000. С. 58.

[2] Тарле Е. В. Наполеон. М., 1992. С. 40.

[3] Стендаль. Собр. соч. М.; Л., 1950. Т. 14. С. 231.

Двое поручиков носили по очереди одну пару штанов[1]. «Нищая рвань», – так назвал эту армию современник Наполеона итальянский поэт Витторио Альфьери[2]. Немудрено, что в таких условиях солдаты занялись грабежом и мародерством. Дисциплина в армии разлагалась, моральные устои рушились, армия дичала. В первом же своем докладе для Директории на имя Л. Карно Наполеон заявил: «Когда солдат без хлеба, он творит такие дела, что стыдишься быть человеком. Я покажу ужасные примеры и восстановлю порядок или перестану командовать этой разбойничьей бандой»[3].

В довершение всех бед Итальянской армии ее «нищая рвань» и численно уступала противнику более чем в 2,5 раза, а по числу орудий – в семь раз. По подсчетам автора специальной монографии об итальянской кампании 1796–1797 гг. Ф. Бувье, которые А. З. Манфред признал «наиболее точными», под ружьем в Итальянской армии к весне 1796 г., когда Наполеон принял командование, числилось 38 тыс. человек, но 8 тыс. из них составляли прибрежные гарнизоны. «В поход могли выступить не больше 30 тыс. французов» с 30 орудиями[4], тогда как им противостояли 82 тыс. австрийцев и сардинцев с артиллерией из 208 орудий.

При этом армии фельдмаршала Ж.-П. Больё и короля Виктора Амедея III были обеспечены всем необходимым, сохраняли высокую боеспособность и страдали, пожалуй, только излишней самонадеянностью от недооценки той «нищей рвани», с которой им предстояло сразиться.

27 марта 1796 г. Наполеон прибыл в Ниццу, где размещался штаб Итальянской армии, и с первого же дня, а точнее с первых часов по прибытии принялся наводить в войсках порядок и дисциплину. Начал он с командного состава, немедленно вызвав к себе четырех дивизионных генералов – равных ему по чину, но теперь его подчиненных. Каждого из них он уже знал – лично или по рекомендациям. То были три будущих маршала Франции (Андре Массена, Пьер Франсуа Шарль Ожеро, Жан Матье Фелибер Серрюрье) и не успевший стать маршалом только потому, что рано погиб, Амедей-Франсуа Лагарп. Все они, кроме Лагарпа, оставили воспоминания об этом приеме у генерала Бонапарта, ибо запомнили его на всю жизнь.

---

[1] Там же. С. 104.

[2] Цит. по: Lacour-Gayet G. Napoléon: sa vie, son oeuvre, son temps. P., 1921. P. 31.

[3] Цит. по: Мережковский Д. С. Наполеон. М., 1993. С. 143.

[4] Манфред А. З. Цит. соч. С. 120. 703. К. Клаузевиц приводит иные цифры, исходя из данных на 1795 г.

Поскольку все четверо, как на подбор, были высоченного роста, первое, что бросилось им в глаза, – малый рост, да и юность нового главнокомандующего (самый младший из них, Ожеро, был старше его на 12 лет, а предшественник Бонапарта в должности главкома Б. Шерер – на 22 года). Войдя в кабинет к Наполеону, четыре генерала снисходительно, не без усмешки, разглядывали его невзрачную комплекцию, не снимая шляп, украшенных трехцветными перьями. Наполеон был тоже в шляпе – без перьев. Он предложил им сесть и начал с ними беседу. При этом снял шляпу. Генералы последовали его примеру. Но Наполеон тут же вновь водрузил свою шляпу на голову и так посмотрел в лицо каждому из них (а взгляд у него был пронзителен и, по воспоминаниям будущего консула Франции Ж. Ж. Камбасереса, «позволял ему видеть любого человека насквозь»[1]), что никто из четверых генералов не посмел даже потянуться к своей шляпе. Более того, им показалось в тот момент, как вспоминал Массена, что Бонапарт «сразу вырос на пару футов»[2]. Дальше – больше. То ли факт, то ли легенда: в конце беседы, когда все встали, Наполеон, глядя снизу вверх на самого долговязого из них, Ожеро, заявил: «Генерал, вы как раз на голову длиннее меня, но если вы будете мне грубить, то лишитесь этого преимущества»[3]. Во всяком случае, сам Ожеро потом признался: «Этот маленький генерал, сукин сын, навел на меня страх. Я и сам не могу объяснить чувства, какими сразу, при первом взгляде на него, я был раздавлен»[4]. «Ну и ну, – вторил Ожеро Массена, – нагнал же на меня страху этот малый!»[5]

А ведь все четверо, в особенности как раз Массена и Ожеро, были такими «санкюлотами[6]-головорезами», что не боялись ни Бога, ни черта, ни самого ада. Наиболее талантливый и авторитетный из них, Андре Массена (1756–1817)[7], сын торговца мылом из Ниццы, рано потерял отца, в 13 лет бежал из родительского дома и поступил юнгой на торговое судно. Прослужив на нем почти пять лет, в 1775 г. он махнул в солдаты и за четырнадцать лет, к началу революции, дослу-

---

[1] Кастело А. Бонапарт. М., 2004. С. 152.

[2] Цит. по: Чандлер Д. Указ. соч. С. 55.

[3] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 40.

[4] Segur P. P. Histoire et mémoires. P., 1873. T. 1. P. 194.

[5] Цит. по: Манфред А. З. Цит. соч. С. 125.

[6] Санкюлотами (sans culottes – без штанов) называли в революционной Франции простолюдинов, не носивших кюлотов – коротких штанов из дорогой ткани, модных среди дворян.

[7] Лучшие из биографий А. Массена: Thierri A. Massena, l'enfant gâté de la victoire. P., 1947; Valentin R. Le Maréchal Massena (1758–1817). P., 1960.

жился лишь до сержанта. За это время военная служба ему надоела, он вышел в отставку, женился, открыл в Антибе бакалейную лавку и занялся... контрабандой. Но революция манила его. Массена записался добровольцем в Национальную гвардию и быстро пошел вверх по служебной лестнице: в 1792 г. он уже подполковник, в 1793 (за отличие в боях с австро-сардинскими войсками) – бригадный генерал, а в 1794 (за участие в освобождении Тулона) – *дивизионный* генерал, в то время как Наполеон стал только *бригадным* генералом. Уже под Тулоном Массена произвел сильное впечатление на будущего маршала Франции (тогда – наполеоновского адъютанта) О. Ф. Л. Мармона: «В его железном теле была скрыта огненная душа <...>. Никто и никогда не был храбрее его»[1].

По своим человеческим качествам Массена, в оценке Стендаля, «истинное дитя природы. Он ничего не знал, даже орфографии», зато «имел злосчастную склонность к воровству», причем «воровал инстинктивно, как сорока». Другой его страстью, наряду с воровством, было женолюбие. «Он всегда возил с собой какую-нибудь любовницу; обычно это бывала самая красивая женщина той местности, где он командовал войсками. Стоило кому-нибудь из его адъютантов приглянуться ей, как он уже старался послать его на верную смерть». Все это, заключает Стендаль, «его отвага, женолюбие, полное отсутствие надменности, грубоватая фамильярность в обращении с солдатами – все нравилось воинам, ему подчиненным»[2].

Еще более колоритной, сверх всякой меры склонной к авантюризму личностью и, кстати, таким же, как Массена, «неустрашимым расхитителем» (по мнению Наполеона)[3] был Пьер Франсуа Шарль Ожеро (1757–1816)[4]. Сын лакея из парижского предместья Сен-Марсо, он в 17 лет начал было служить в королевской кавалерии, но там вскоре убил офицера, посмевшего его оскорбить, и бежал в Швейцарию. С тех пор в жизни Ожеро началась и растянулась на полтора десятилетия феерически закрученная интрига: он служил попеременно в русских (при Екатерине Великой), прусских (при Фридрихе Великом), испанских, португальских, неаполитанских войсках, дезертируя всякий раз, когда служба ему надоедала; между прочим, в русской армии он получил чин сержанта за отличие в войне с Турцией 1787–1791 гг.! Вообще, мыкаясь по всей Европе от России до Португалии, он чем только ни занимался именно *между*

---

[1] Mémoires du duc de Raguse de 1792 à 1832. P., 1857. T. 1. P. 147.
[2] Стендаль. Собр. соч. Т. 6. С. 247; Т. 14. С. 295.
[3] Las Cases E. Esprit du Memorial de Sainte-Hélène. P., 1823. T. 2. P. 41.
[4] Подробно о нем см.: Couturaud L. Augereau. P., 1990.

прочим: «уроками танцев и фехтования, дуэлями, похищениями чужих жен»[1]. И тем не менее главной для него была солдатская доля. С началом революции он вернулся на родину, вступил, как и Массена, в национальную гвардию и сделал столь же стремительную воинскую карьеру: сражался в Вандее, за отличие в войне с Испанией в 1793 г. стал бригадным, а в 1795 г. – дивизионным генералом.

Как военачальник, стратег и тактик Ожеро значительно уступал Массена. По воспоминаниям Наполеона, он не только «совсем не имел образования» (не блистал образованностью и Массена), но к тому же был лишен «сколько-нибудь заметного ума». Зато он умело «поддерживал порядок и дисциплину» и, главное, «дрался с неустрашимостью»[2]. Солдаты его любили и прощали ему многое, видя, что он «имел зоркий глаз и на слабое место противника, и на заманчивую добычу»[3].

Третий из дивизионных генералов Итальянской армии – Амедей-Франсуа Лагарп (1754–1796), швейцарец из кантона Во, кузен одного из воспитателей российского императора Александра I Фредерика Сезара Лагарпа, – запомнился современникам яркой жизнью и трагической смертью. «Это был офицер выдающейся храбрости. Гренадер ростом и духом, – вспоминал о нем Наполеон. – В армии он пользовался большой популярностью»[4]. Но еще в начале итальянской кампании, 8 мая 1796 г., Лагарп, проводивший рекогносцировку после боя с австрийцами у Фомбио, был случайно убит собственными солдатами. Расследовать случившееся по приказу Наполеона немедленно прибыл в дивизию Лагарпа начальник штаба армии Л. А. Бертье. «Он застал войска в состоянии отчаянья»[5].

Самым хладнокровным из четырех генералов-«головорезов» был старейший из них, Жан Матье Филибер Серрюрье (1742–1819)[6] – сын придворного служителя, отвечавшего за ловлю котов в конюшнях Людовика XV. Он начал военную службу еще в 1759 г., участвовал в Семилетней войне и за тридцать лет к началу революции дослужился всего лишь до майора. Но с началом революции быстро пошел в гору: в 1792 г. – полковник, в 1793 – бригадный, а в 1794 г. – дивизионный генерал. Наполеон отзывался о нем очень уважительно: «Он был отважен, лично неустрашим <...>. У него было меньше

---

[1] Манфред А. З. Цит. соч. С. 124.
[2] Наполеон. Избр. произведения. М., 1941. Т. 1. С. 70.
[3] Чандлер Д. Цит. соч. С. 54.
[4] Наполеон. Избр. произведения. С. 60.
[5] Там же.
[6] Подробно о нем см.: Tuetcy L. Sérurier. P., 1899.

порывистости, чем у предыдущих (Массена и Ожеро. – *Н. Т.*), но он их превосходил своими нравственными качествами, уравновешенностью своих политических убеждений и честностью в отношениях»[1].

Мы еще увидим, как Наполеон будет ценить Серрюрье в ходе итальянской кампании (именно ему доверит честь принять капитуляцию знаменитого австрийского фельдмаршала Д. С. Вурмзера!), а став императором, пожалует ему почетнейшее звание маршала Франции. Поэтому трудно понять, на каком основании российский дипломат граф Г. О. Штакельберг летом 1797 г. уведомлял Павла I о том, что Серрюрье «ненавидит Бонапарта»[2].

С весны 1796 г. начал служить Наполеону и Луи Александр Бертье (1753–1815)[3] – его отныне неизменный во всех походах, признанный специалистами «одним из самых знаменитых в истории» и даже «идеальным» начальником штаба[4]. Сам Наполеон склонялся к такому же мнению: «Лучшего начальника генерального штаба в мире не было»[5]. Сын ученого-географа, с малых лет привыкший работать с картой, к тому же обладавший феноменальной памятью, математически выверенной расчетливостью и уникальной способностью работать по двадцать часов в сутки, Бертье словно судьбой был предназначен к штабной работе. Он и служил смолоду в штабах графа Ж. Б. Рошамбо в Америке, а затем маркиза М. Ж. Лафайета и барона Н. Люкнера в Европе еще до того, как приметил и приблизил его к себе Наполеон. Можно согласиться с А. К. Дживелеговым в том, что «более точного исполнителя, более пунктуального и методичного военного чиновника, более предусмотрительного помощника Наполеон не имел никогда»[6].

Почти идеальный начальник штаба, Бертье в остальном был личностью заурядной. Он не имел ни должной силы характера, ни уверенности в себе, «что портило множество хороших качеств, которыми наделила его природа как добрая мать»[7]. Не вызывал он к себе

---

[1] Наполеон. Избр. произведения. С. 72.

[2] Цит. по: Манфред А. З. Цит. соч. С. 125.

[3] Подробно о нем см.: Маркс К. Бертье // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 14; Чиняков М. К. Луи Александр Бертье // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 32–52; Derrécagaix V. B. Le Maréchal Berthier, prinse de Wagram et de Neufchâtel. P., 1904–1905. T. 1–2.

[4] См: Маркс К. Указ. соч. С. 96; Чандлер Д. Цит. соч. С. 55; Военский К. А. Наполеон и его маршалы в 1812 г. М., 1912. С. 14; Делдерфилд Р. Ф. Маршалы Наполеона. Исторические портреты. М., 2001. С. 25.

[5] Наполеон. Избр. произведения. С. 68.

[6] Дживелегов А. К. Александр I и Наполеон. М., 1915. С. 189.

[7] Д'Абрантес Л. Записки герцогини Абрантес или исторические воспоминания... М., 1837. Т. 3. С. 305.

симпатий ни внешностью, ни манерами: «невысок ростом и дурно сложен, хотя и не уродлив <...>. Беспрестанно грыз ногти»[1].

Рядом с Бертье выигрышно смотрелись тогда абсолютно невежественные в штабном ремесле, но разносторонне талантливые, яркие, молодые соратники Наполеона, связавшие с ним свою ратную судьбу еще под Тулоном, – Ж. Б. Мюирон, А. Ж. Жюно, Ж. К. М. Дюрок, Л. Г. Сюше, О. Ф. Л. Мармон, брат Людовик, а также герой 13 вандемьера И. Мюрат. Из тех (молодых) соратников, которых Наполеон впервые узнал только теперь, в Италии, особенно выделялись двое его сверстников: бригадный генерал Бартелеми Катрин Жубер и полковник Жан Ланн – сын конюха и будущий герцог Монтебелло, лучший из 26 наполеоновских маршалов, о котором после гибели его в битве под Асперном Наполеон будет грустить: «Я нашел его пигмеем, а потерял гигантом»[2].

Впервые раскрылись как незаурядные личности и некоторые адъютанты Наполеона. Это, в первую очередь, Анри Гатье Бертран (1773–1844) – будущий генерал, граф и гофмаршал, герой Аустерлица, Фридланда, Лейпцига, безотлучно находившийся при Наполеоне и на Эльбе, и на Святой Елене. Это и Юзеф Сулковский (1770–1798)[3] – «польский Сен-Жюст», как его называли за республиканскую страстность, молодость и «безграничное очарование», аристократ (кстати, бывший паж королевы Марии-Антуанетты), свободно владевший всеми европейскими языками, герой двух театральных пьес, одной оперы и многих романов, о трагической гибели которого в Египте речь еще впереди. Наконец, это Антуан Мари Лавалетт (1769–1830) – тоже будущий граф и министр почт, женатый на Эмилии Богарне, племяннице Жозефины, герой нашумевшей в 1815 г. на всю Европу истории его спасения (благодаря самопожертвованию жены) от смертной казни. Вот как изложил эту историю А. З. Манфред:

«В последние часы перед казнью к нему была допущена на свидание жена. Она пробыла в камере смертника недолго; вышла от него с низко опущенной головой, закрыв лицо, сгибаясь под тяжестью безутешного горя; шатающейся походкой прошла мимо часовых... Когда утром стражники пришли, чтобы увести приговоренного к месту казни, Лавалетта в камере не было. Там находилась его жена. Накануне, поменявшись с женой одеждой, Лавалетт в ее платье ушел из тюрьмы»[4].

---

[1] Д'Абрантес Л. Цит. соч. С. 304.

[2] Las Cases E. Op. cit. T. 1. P. 240.

[3] См. о нем: Брандыс М. Адъютант Бонапарта // Брандыс М. Исторические повести. М., 1975.

[4] Манфред А. З. Цит. соч. С. 139.

Такова была *«когорта Бонапарта»*, как сразу же назвали современники молодых соратников столь же молодого главнокомандующего. Все они, преданно сплотившись вокруг Наполеона, загорались его полководческим энтузиазмом и, в свою очередь, старались так же зажечь, революционно и республикански воодушевить менее подвижнических, нежели они сами (по их мнению) «стариков», каковыми считали Лагарпа, Серрюрье, Массена, Ожеро и Бертье.

Остается сказать об еще одном звене командного состава Итальянской армии к тому моменту, когда Наполеон возглавил ее. Это два комиссара Директории – старый знакомец и переменчивый друг Наполеона Кристоф Саличетти и бывший, малоавторитетный член Конвента Пьер-Ансельм Гарро, а также дивизионный генерал Анри Жак Гийом Кларк – будущий военный министр при Наполеоне и затем при Людовике XVIII, маршал посленаполеоновской Франции. Комиссары занимались больше размещением и хозяйственными нуждами армии; по крайней мере, они главнокомандующему не мешали, а скорее помогали. Саличетти даже подчеркивал свое расположение к Наполеону (возможно, от угрызений совести за свое предательство в 1794 г.) и в походах нередко шагал или скакал на коне впереди войск рядом с ним. Но генерал Кларк имел от Директории щекотливое поручение тайно следить за поведением Наполеона и осведомлять о нем директоров. Наполеону не составило большого труда выявить подспудный смысл миссии Кларка и так обаять и привязать его к себе, что он стал осведомителем Наполеона о происках Директории[1]. За это Директория осенью 1797 г. отправила Кларка в отставку.

Разобравшись с командным составом армии, Наполеон занялся ее экстренным переоснащением, стараясь изыскать для нее все необходимое – от хлеба до пороха. Эмиль Людвиг подсчитал, что за первые двадцать дней командования он обнародовал «123 приказа только по питанию войск, разоблачая растраты, недовес, плохое качество»[2]. При этом – невероятно, но, по мнению Андре Кастело, факт! – всего за 48 часов Наполеон «сумел достать для армии шестидневный запас хлеба, мяса и водки и в придачу 12 тысяч пар башмаков»[3].

Здесь важно отметить, что, по воспоминаниям Стендаля, Наполеон питал «безотчетную ненависть» к поставщикам – не только потому, что они обворовывали армию, но еще и потому, что шокировали его самого и солдат своей трусостью. Так, «во время отступления, которое предшествовало битве при Кастильоне (5 августа 1796 г. –

[1] См.: Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 285.
[2] Людвиг Э. Наполеон. М., 1998. С. 57.
[3] Кастело А. Цит. соч. С. 139.

Н. Т.), один из этих людей бежал без оглядки, промчался пятьдесят лье в почтовой карете и по приезде в Геную умер от последствий испуга»[1].

Обеспечивая свою «нищую рвань» продовольствием, снаряжением, боеприпасами, Наполеон в то же время восстанавливал дисциплину. При этом он не останавливался перед самыми жестокими мерами как «отец-командир», равно заботливый и безжалостный. Стоило, к примеру, одному из батальонов отказаться от выхода на боевые позиции (из-за недоплаты жалованья), как тут же был расформирован, а солдаты батальона рассредоточены по другим частям. Более того, в одном из донесений Директории Наполеон без лишних эмоций и без подробностей констатировал: «Приходится часто расстреливать»[2].

Все заботы Наполеона о снабжении армии и дисциплине осложнялись крайней необходимостью спешить: каждый день до начала боевых действий был на счету, ибо Наполеон считал обязательным для успеха кампании фактор внезапности. Тем не менее он успел проверить и скорректировать боеготовность своих солдат на общеармейских маневрах. 5 апреля 1796 г. Итальянская армия, подготовленная не вполне и наспех, выступила в поход. Многое из начатого пришлось довершать уже на ходу, в промежутках между боями. Например, тысячу солдат из дивизии Ожеро вооружили только после первого боя у Монтенотте захваченными у австрийцев ружьями – в наступление они пошли безоружными[3].

Перед выступлением в поход генерал Бонапарт как главнокомандующий провел на площади Республики в Ницце парад своих войск, описанный в разнообразных источниках[4]. Сначала главнокомандующий обошел ряды своих солдат, запросто, дружески беседуя с ними, ободряя и заверяя, что скоро они будут с гордостью говорить: «Я служил в Итальянской армии!» Затем, уже верхом на коне, он выступил перед войсками с зажигательной речью: «Солдаты! Вы раздеты и голодны. Правительство много вам задолжало, но дать ничего не может. Ваше терпение, ваша готовность перенести любые лишения, ваша отвага восхищают всю Францию. Она не спускает с вас материнских глаз и сострадает вам. А я поведу вас в самые плодородные

---

[1] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 298.

[2] Цит. по: Тарле Е. В. Цит. соч. С. 40–41.

[3] См.: Чандлер Д. Цит. соч. С. 60.

[4] См.: Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. Избр. произведения. М., 2003. С. 67; Клаузевиц К. Цит. соч. С. 13; Кастело А. Цит. соч. С. 139; Тарле Е. В. Цит. соч. С. 41–42.

земли света. Богатые области и города будут в вашей власти. Вы там найдете все – богатство, почести, славу. Солдаты Итальянской армии! Вы хотите этого – значит, можете! Вперед!»

К. Клаузевиц почему-то считал, что Наполеон «за всю свою жизнь ничего лучшего не написал и ничего лучшего не сделал, чем этот призыв»[1]. Думается, гораздо более мотивированна трактовка Е. В. Тарле. Дело не в таких понятиях, как «лучше» или «хуже». Евгений Викторович справедливо подчеркнул, что Наполеон «объяснялся со всей армией ТАК только на этот раз <...>. Личного обаяния и безоговорочной власти над солдатами он тогда еще не имел. Вот и решил подействовать на своих полуголодных и полураздетых солдат лишь прямым, реальным, трезвым указанием на материальные блага, ожидающие их в Италии»[2]. В дальнейшем, как мы еще не раз увидим, Наполеон как генерал, консул, император умел воодушевить солдат иначе, обращаясь к их самолюбию, воинской чести, патриотизму, и делал это *лучше*, чем в 1796 г., когда призвал солдат обогащаться за счет грабежа чужих земель.

Итак, Наполеон начал свою итальянскую кампанию 5 апреля 1796 г. К тому моменту из Директории поступил приказ перейти в наступление. Клаузевиц не без иронии отмечал, что если бы Бонапарт такого приказа не получил, «то сам отдал бы его себе»[3].

Напомню читателю, что план кампании он разработал еще в Топографическом бюро военного отдела Конвента летом 1795 г. Главная идея плана заключалась в том, чтобы отрезать сардинскую армию от австрийской и бить противника (сначала сардинцев, а потом австрийцев) порознь. Разбив австрийцев, Наполеон предполагал далее – независимо от успехов или неудач армий Моро и Журдана на «главном», Рейнском, театре войны – идти на Вену. Д. С. Мережковский не без оснований назвал этот план «величайшим стратегическим замыслом после Александра Македонского и Цезаря»[4].

Поскольку австрийская и сардинская армии вместе и даже одни австрийцы значительно превосходили французов числом (и людей, и орудий), успех кампании зависел от реализации двух условий: во-первых, от того, сумеют ли французы ударить по сардинцам внезапно, и, во-вторых, смогут ли они маневрировать между сардинцами и австрийцами так искусно, чтобы не подставить себя под ответный удар превосходящих сил противника.

---

[1] Клаузевиц К. Цит. соч. С. 13.
[2] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 41–42.
[3] Клаузевиц К. Цит. соч. С. 14.
[4] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 137.

2. Первые победы

В поход к невиданным дотоле со времен Александра Македонского и Юлия Цезаря вершинам воинской славы Наполеон повел апрельским утром 1796 г. уже не «скопище оборванцев». Да, его Итальянская армия еще не была в должной мере сытой, одетой, обутой; отдельным ее частям не хватало даже оружия. Но теперь она стала боеспособной, дисциплинированной, идейно и морально окрыленной, т. е. преобразилась до неузнаваемости. «Вот чудо Бонапарта, – удивлялся и вместе с тем восхищался Д. С. Мережковский, – в две недели "нищая рвань", "разбойничьи шайки" санкюлотов преобразились в македонские фаланги Александра и римские легионы Цезаря – войска небывалые за две тысячи лет»[1].

Для вторжения в Италию Наполеон заранее выбрал самый короткий, хотя и самый опасный путь, сопряженный с громадным риском. Он повел армию по знаменитому «Карнизу» – прибрежной кромке вдоль приморской горной гряды Альп, которая вся, от начала до конца, простреливалась с моря английскими боевыми кораблями. Но появление французского воинства на такой дороге было столь неожиданным и прошло оно по «Карнизу» столь быстро, что, возможно, англичане (а сардинцы тем более) не могли и помыслить, чтобы французы отважились на такую дерзость. Как бы там ни было, армия Наполеона без потерь (если не считать нечаянной гибели его друга, армейского интенданта Феликса Шове, больно ранившей главнокомандующего) вторглась на территорию Пьемонта. Глядя на опоясанные снегами вершины окрестных гор, Наполеон воскликнул: «Ганнибал перешел Альпы, а мы их обошли!»

Теперь перед Итальянской армией довольно неожиданно оказались – вразброс, тремя группировками – и сардинские, и австрийские войска. Наполеон мгновенно сориентировался в ситуации (надо «бить по частям»!) и нанес первый удар по центральной группировке, которую составлял австрийский корпус генерала Е. Аржанто, опрометчиво разминувшийся с главными силами фельдмаршала Ж.-П. Больё.

Так, 12 апреля близ городка под названием Монтенотте («Черная гора») грянула первая в ходе итальянской кампании Наполеона битва, в которой приняли участие с обеих сторон примерно по 15 тыс. человек[2]. Воспользовавшись капризами погоды (дождь, холод, ту-

---

[1] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 143.

[2] Общий ход кампании наиболее подробно и профессионально изложен в цит. соч. К. Клаузевица. См. также: Наполеон Бонапарт. Итальянская кампания 1796–1797 гг. // Наполеон Бонапарт. О военном искусстве... М.,

ман), Наполеон незаметно приблизил к позициям австрийцев дивизию Лагарпа и уже в 5 часов утра бросил ее в атаку. Пока ошеломленные внезапностью нападения австрийцы пытались остановить Лагарпа, Наполеон задействовал второй эшелон – дивизии Массена и Жубера. Их колонны стремительно развертывались и «беглым шагом» накатывались на австрийские позиции. «По ободранной одежде, – пишет о них Анри Лашук, – французские войска можно было издали принять за орды Аттилы»[1].

Изголодавшиеся (не только по хлебу и мясу, но и по воинской славе) солдаты «когорты Бонапарта» атаковали с такой яростью, что австрийцы вскоре дрогнули и обратились в беспорядочное бегство. Генерал Аржанто бежал вместе с остатками своего корпуса; за такой позор он будет уволен в отставку. К. Клаузевиц подсчитал, что австрийцы потеряли 2–3 тыс. человек. А. Лашук и А. З. Манфред определяли их общие потери, по совокупности разных данных, в 6 тыс. человек, включая 2 тысячи пленных, а также пять орудий и четыре знамени[2]. Так была одержана первая победа в первой военной кампании Наполеона. Он сам позднее с гордостью говорил: «Мою родословную я исчисляю от Монтенотте»[3].

Между тем первая победа была только первым шагом к итальянскому триумфу Наполеона. Фельдмаршал Больё, присоединив к себе остатки корпуса Аржанто, закрепился на позициях у местечка Дего, прикрывая дорогу к Милану. Сардинские же войска сосредоточились неподалеку, у Миллезимо, перекрыв дорогу к Турину (король Виктор Амедей III передал командование войсками генералу Луи Риччи Колли). Союзники выжидали, готовые помочь друг другу, и гадали, куда пойдет Бонапарт – на Милан или Турин.

После Монтенотте Наполеон не стал ждать ни одного дня. Его тогда и вообще всегда интересовали в первую очередь не географические пункты (хотя бы даже столицы), а войска, *живая сила* противника. Развивая первый успех и следуя своему принципу «бить по частям», он устремился – вновь с риском для себя! – в брешь между армиями Больё и Колли. Уже 13 апреля в битве при Миллезимо он разорвал на две части армию Колли: ее арьергард во главе с генералом Антонио Провера забаррикадировался в старинном замке на горе Коссария, а сам Колли с главными силами поспешно отступил, но

2003; Bouvier F. Bonaparte en Italie 1796. P., 1899; Fabry G. Histoire de l'armée d'Italie. P., 1900–1901. T. 1–2.

[1] Лашук А. Наполеон. Походы и битвы 1796–1815. М., 2004. С. 38.

[2] См.: Там же; Клаузевиц К. Цит. соч. С. 21; Манфред А. З. Цит. соч. С. 127–128.

[3] Цит. по: Кастело А. Цит. соч. С. 142.

на следующий день, одумавшись, несколько раз атаковал французов, чтобы спасти Проверу. Наполеон силами дивизий Массена, Ожеро и Лагарпа отбил все его атаки и обратил расстроенные войска Колли в бегство. В тот же день, 14 апреля, Провера капитулировал (за что, кстати, его, как и Аржанто, венский гофкригсрат сместит с командной должности).

По данным самого Наполеона (возможно, преувеличенным – такой грех у него был), сардинцы потеряли при Миллезимо 15 знамен, 30 орудий и 6 тыс. пленных, среди которых оказались два генерала и 24 старших офицера[1]. Преследуя сардинцев, французский авангард из дивизии Массена занял Дего, в непосредственной близости от расположения австрийских войск во главе с самим Больё. Но не успели французы отпраздновать эту победу, как на рассвете 15 апреля гренадерская дивизия австрийцев под командованием генерала Филиппа Вукасовича ворвалась в Дего, выбив оттуда малочисленный и толком еще не проспавшийся отряд Массена. «Согласно одному рассказу – вероятно, какого-то недоброжелателя, – пишет об этом Д. Чандлер, – сам Массена едва не попал в плен, успев выскочить из постели местной прелестницы чуть ли не в одной рубашке»[2].

Наполеон вынужден был сам с дивизией Лагарпа спешить на помощь Массена и после двухчасового боя взял Дего обратно, почти истребив при этом гренадеров Вукасовича. В этом сражении отличился батальонный командир Франсуа Ланюсс. Он повел своих солдат на решающий штурм, подняв на конце своей сабли шляпу. За этот подвиг (на глазах у главнокомандующего) он в тот же день был произведен в бригадные генералы; весной 1801 г. он сложит голову на поле боя у Александрии, в Египте[3].

Здесь же, при Дего, Наполеон впервые заметит еще одного батальонного командира, которого за необыкновенную отвагу и сообразительность сразу после боя назначит командиром полка. То был Жан Ланн. Спустя полгода он во всем блеске проявит себя в сражениях при Бассано и особенно при Арколе.

Тем временем остатки сардинских войск во главе с Л. Колли сосредоточились в укрепленном лагере Чева, надеясь на поддержку со стороны австрийских войск. Наполеон понимал, что нужна – и немедленно! – еще одна решительная победа над сардинцами, чтобы покончить с ними как с боевой силой и вывести Сардинское королевство из войны. 19 апреля он атаковал Чеву с фронта, одновременно угрожая флангам сардинцев. Боясь окружения, Колли в ночь на

---

[1] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 70.

[2] Чандлер Д. Цит. соч. С. 64.

[3] См.: Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 71.

20 апреля бросил в Чеву всю свою артиллерию и отступил к Мондови, где за сутки успел воздвигнуть несколько редутов.

Битва при Мондови началась утром 22 апреля. Фронтальной атакой тремя колоннами дивизии Массена, Серрюрье и Ожеро взяли сардинские редуты и с боем вошли в город. Здесь отличился старейший из соратников Наполеона 54-летний генерал Ж. М. Ф. Серрюрье. О. Ф. Мармон так вспоминал о нем: «Построив солдат в три колонны, он встал во главе центральной, пустив вперед стрелков в рассыпном строю, и с саблей в руке, в десяти шагах впереди, повел беглым шагом колонну <...>. Великолепное зрелище представлял собой этот старый генерал – твердый и решительный, чья сила удвоилась при виде врага. Я сопровождал его в атаке, успех которой был полным»[1]. Колли, до последних минут ожидавший подкреплений от Больё и так и не дождавшийся, впал в отчаяние. Его войска, ослабленные и деморализованные, в панике бежали из города, потеряв 3 тыс. человек убитыми и ранеными, 1,5 тыс. пленными (в том числе трех генералов), 10 знамен и 8 орудий[2]. О потерях французов в первых шести сражениях итальянской кампании данные, как правило, отсутствуют. Д. Чандлер считал, что Наполеон тогда потерял в общей сложности 6 тыс. человек[3].

Победа Наполеона при Мондови была омрачена гибелью командующего кавалерией генерала И. Стенжеля. Преследуя разбитого противника, он был смертельно ранен. Наполеон очень ценил его: «Ловкий, толковый, проворный человек <...>. Настоящий боевой генерал»[4]. Впрочем, заменивший Стенжеля полковник (будущий генерал, маршал, великий герцог и король) И. Мюрат превзойдет своего предшественника по всем статьям. А пока расстроенный гибелью Стенжеля Наполеон посылает его сестре 6 тыс. ливров*[5] в дорогой шкатулке с выражением соболезнования и с такой припиской: «Когда Вам понадобятся защита и покровительство, немедленно обращайтесь ко мне»[6].

Итак, первый этап итальянской кампании Наполеона выглядел как фейерверк из шести побед – при Монтенотте, Миллезимо,

---

[1] Цит. по: Чандлер Д. Цит. соч. С. 65.

[2] См.: Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 73. Возможно, и здесь Наполеон преувеличил свои трофеи. С другой стороны, данные К. Клаузевица в его цит. соч. (общие потери сардинцев – 1 тыс. человек: С. 35), судя по масштабам сражения, выглядят заниженными.

[3] Чандлер Д. Цит. соч. С. 66.

[4] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 73.

[5] * Ливр – французская монета (до введения в 1799 г. франка), равная 100 сантимам.

[6] Лашук А. Цит. соч. С. 42.

Коссария, Дего, Чева, Мондови. Е. В. Тарле цитировал будто бы общее мнение «военных историков»: «шесть побед в шесть дней»[1]. Но К. Клаузевиц и Д. Чандлер «отвели» на эти шесть побед 10 дней[2], а сам Наполеон – 15 (считая, по-видимому, время от вторжения Итальянской армии на территорию Пьемонта *перед* битвой при Монтенотте до вступления *после* битвы при Мондови в город Кераско, куда Наполеону направил просьбу о перемирии сардинский главнокомандующий Л. Колли). Вот что гласил приказ Наполеона по армии от 26 апреля 1796 г.: «Солдаты! В 15 дней вы одержали шесть побед, взяли 21 знамя, 55 орудий, ряд крепостей, завоевали самую богатую область Пьемонта. Вы захватили 15 тыс. пленных, вывели из строя убитыми и ранеными более 10 тыс. человек <...>. Лишенные всего, вы теперь получили все. Вы выигрывали битвы без орудий, переходили реки без мостов, совершали трудные переходы без обуви, отдыхали без вина и часто без хлеба. Только фаланги республиканцев, солдаты Свободы способны на такие подвиги!» Далее в этом приказе Наполеон посрамил тех, кто не верил в его «нищую рвань» («Развращенные люди, которые смеялись над вашей нищетой и радовались в своих мечтах успехам ваших врагов, теперь ужаснулись и трепещут»), а в заключение призвал своих солдат к новым подвигам: «Победители при Монтенотте, Миллезимо, Дего и Мондови горят желанием еще дальше распространить славу французского народа!»[3]

Город Кераско расположен всего в 10 лье (44 км) от Турина – столицы Сардинского королевства. Сюда утром 27 апреля король Виктор Амедей III прислал свое монаршее подтверждение просьбы Л. Колли о перемирии. Наполеон в ответ потребовал, прежде чем будет подписано перемирие, передать ему любые *две из трех* пьемонтских крепостей – Тортону, Кони или Алессандрию. Тем самым он хотел гарантировать все достигнутое на случай возобновления военных действий. По авторитетному мнению К. Клаузевица, «если принять во внимание, что в Турине тайно работала республиканская (т. е. профранцузская. – *Н. Т.*) партия, что настроение в самой королевской армии не было вполне надежно, и что французские войска находились всего в двух переходах от Турина, то нельзя не признать эти условия чрезвычайно умеренными»[4].

---

[1] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 43.
[2] Клаузевиц К. Цит. соч. С. 21, 34; Чандлер Д. Цит. соч. С. 66.
[3] Correspondance de Napoléon. P., 1858. T. 1. № 234. P. 218–219.
[4] Клаузевиц К. Цит. соч. С. 36.

Причем надо учесть, что Наполеон в тот момент уже считал вероятным отторгнуть от Австрии всю Ломбардию с Миланом – если как можно быстрее вывести Сардинское королевство из войны и ударить по австрийцам, прежде чем Больё соберется с новыми силами. Поэтому Клаузевиц признал «такую умеренность Бонапарта весьма мудрой», особенно в сравнении с тем, как другие генералы французской революции «действовали в те времена с безудержной самонадеянностью и ни с чем не считались»[1], что нередко (добавлю от себя) приводило к чувствительным поражениям Ж. В. Моро, Ж. Б. Журдана, Ш. Пишегрю, Ш. Ф. Дюмурье от эрцгерцога Карла, М. Латура, Д. С. Вурмзера, А. В. Суворова.

Король Сардинии согласился передать французам Тортону и Кони. 28 апреля в Кераско, в главной квартире Наполеона, для которой он избрал роскошный дом Сальматориса – дворецкого короля Виктора Амедея III, а впоследствии префекта дворца Наполеона, были подписаны условия перемирия. Вот главные из них. Кроме Тортоны и Кони, французы получили укрепленный замок в Чеве – с артиллерией и всякого рода складами. Далее. Военные дороги на территории Пьемонта по всем направлениям были открыты французским войскам для свободного хода во Францию и обратно. При этом было оговорено право французов «форсировать реку По у Валенцы», что означало для них беспрепятственный проход через Сардинское королевство в Ломбардию, к Милану[2].

Кстати, инициатор перемирия сардинский главнокомандующий Луи Риччи Колли в 1798 г. перейдет на французскую службу – из генералов в полковники, а в 1802 г. Первый Консул Франции Наполеон Бонапарт вновь повысит его до генерала, уже французской армии.

Как только перемирие в Кераско было подписано, Наполеон отправил И. Мюрата с текстом договора и, конечно, с трофеями шести битв (30 неприятельских знамен) в Париж к Директории. 15 мая в Париже был подписан мирный договор между Французской республикой и Сардинским королевством на условиях, которые Наполеон продиктовал сардинцам в Кераско.

Таким образом, Наполеон вслед за первыми шестью боевыми победами одержал и первую свою дипломатическую победу, столь же значимую, как и выигранные им битвы, поскольку она увенчала их достижением поставленной цели: Сардинская монархия была поставлена на колени и вышла из войны. Теперь Наполеон мог опе-

---

[1] Там же.

[2] Там же. С. 37; Кастело А. Цит. соч. С. 144; Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 76–77.

реться на завоеванные крепости, обрушиться всеми силами на оставшихся без союзников австрийцев и гнать их вглубь Ломбардии с последующим маршем к Вене.

Каковы причины столь триумфального успеха первой в полководческой карьере Наполеона кампании на первом же ее этапе? Во многом сказался совершенно особый для того времени моральный настрой воинов Итальянской армии. Они ощущали себя воистину «солдатами Свободы», как назвал их Наполеон, и вдохновлялись призывами революционного Конвента, который устами Анри Грегуара (кстати сказать, с 1814 г. почетного члена Казанского университета) провозгласил на весь мир: «Все правительства – наши враги! Все народы – наши союзники!»[1] Наполеон в одном из донесений Директории так писал о своих солдатах: «Если что и может сравниться с их неустрашимостью, то это веселое расположение духа, с которым они, распевая попеременно любовные и патриотические песни, совершают труднейшие походы»[2]. Высочайший моральный дух резко повысил боеспособность этих «солдат Свободы». Не зря Наполеон говорил, что у солдат на войне «моральное состояние относится к физическому, как три к одному»[3].

С такими солдатами Наполеон смог обеспечить главное условие своего триумфа – небывалый доселе в истории войн темп наступательных операций, почти запредельную (Хилэр Беллок назвал ее «сверхъестественной») быстроту и маневренность. Молниеносные ходы, обходы, атаки французов сбивали с толку противника и деморализовали его, хотя и стоили «когорте Бонапарта», казалось, сверхчеловеческих усилий. О. Ф. Мармон писал в те дни отцу, что он «26 часов не слезал с коня, затем три часа отдыхал и после этого снова 15 часов оставался в седле», причем не променял бы такой круговорот жизни «на все удовольствия Парижа»[4].

Разумеется, и воодушевление солдат Итальянской армии, и физическая их выносливость, и, главное, их боеспособность оказались на такой высоте благодаря полководческому гению Наполеона. Он верил сам и заражал всю армию и целые народы своей революционной верой. «Народы Италии! – гласит одно из его воззваний 1796 г. – Французская армия пришла разбить ваши цепи. Французский на-

[1] Цит. по: Соколов О. В. Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа 1799–1805 гг. М., 2006.

[2] Цит. по: Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов. М., 1995. Т. 1. С. 113.

[3] Цит. по: Чандлер Д. Цит. соч. С. 112.

[4] Цит. по: Манфред А. З. Цит. соч. С. 128–129.

род – друг всех народов!»[1] Смолоду и всегда он следовал принципу: «Полководец должен обладать такой же силой характера, как и интеллекта, – основание должно равняться высоте»[2]. Вся сила его интеллекта и характера проявилась уже в Итальянской кампании. На острове Святой Елены он сам незадолго до смерти удивлялся себе: «Странное искусство – война; я сражался в 60 битвах и не научился ничему, чего бы не знал уже в первой»[3]. Его уникальная, как *«чудо-генерала»* (по выражению Д. Чандлера), способность задумать головокружительную операцию и моментально осуществить задуманное, его *повсюдность* изумляла и своих и чужих: «...он разил, опережая, – здесь была его военная тайна и ключ ко всем победам»[4].

Уже в Итальянской кампании после первых апрельских побед 1796 г. проявилось и далее только росло гипнотическое воздействие личности Наполеона на его солдат, что, конечно же, помогало ему распоряжаться их судьбами. «В самом страшном огне сражений, – читаем об этом у Д. С. Мережковского, – он уже не приказывал, а только одним взглядом, одной улыбкой позволял им идти на смерть, как женщина позволяет влюбленному безумствовать»[5]. Блистательный лорд А. У. Веллингтон обрисовал роль Наполеона как военачальника оригинально и значимо: «Я всегда говорил о нем, что его присутствие на поле боя было равнозначно добавлению еще 40 000 людей»[6].

Разбивая в битве за битвой войска двух монархий – Австрийской и Сардинской, «когорта Бонапарта», способствовала распространению антифеодальных и антиабсолютистских настроений в Северной Италии. Простые жители городов (например, Альба и Кунео) встречали французов иллюминацией, пением революционных песен и даже высаживали на площадях *Деревья Свободы*. Все это льстило самолюбию наполеоновских «солдат Свободы» и радовало их, хотя комиссар К. Саличетти ворчливо наставлял итальянских республиканцев: «Вместо того, чтобы иллюминировать церкви, было бы куда полезнее осветить пожарами замки феодалов»[7].

Наполеон строжайше следил за дисциплиной в своих войсках, не допуская мародерства и требуя от солдат, офицеров и генералов «бе-

---

[1] Цит. по: Трачевский А. С. Наполеон I. Первые шаги и Консульство (1769–1804). М., 1907. С. 97.

[2] Наполеон Бонапарт. Императорские максимы. М., 2003. С. 218.

[3] Там же. С. 191.

[4] Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 42.

[5] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 143.

[6] Цит. по: Чандлер Д. Цит. соч. С. 113.

[7] Цит. по: Манфред А. З. Цит. соч. С. 129.

речь честь армии». «Друзья! – обращается он к солдатам с таким воззванием. – Я обещал вам победу, но с одним условием, которое вы поклянетесь исполнить. Это условие – уважать народ, который вы освободите, подавлять все грабежи и безобразия, коим предаются негодяи, подкупленные нашими врагами. Без этого вы не можете быть освободителями народов, вы будете их бичами, вы опозорите французский народ, и он отвернется от вас <...>. Я не потерплю, чтобы разбойники позорили наши лавры. Грабители будут безжалостно расстреляны»[1]. Вслед за тем Наполеон предписал генералам расстреливать любого, кто в течение 24 часов не вернет все взятое самовольно у населения.

Это не было пустой угрозой. Людям из «когорты Бонапарта» навсегда запомнилось утро 21 апреля 1796 г. близ деревни Сан-Микеле, когда монахи пожаловались на солдат, похитивших церковную утварь. Наполеон велел построить всю располагавшуюся здесь полубригаду и обыскать у солдат их ранцы. Те несколько человек, в ранцах которых нашли украденные чаши и подсвечники, были здесь же, на месте, перед строем их товарищей расстреляны[2]. Таких случаев было немного, но они и свидетельствовали как раз о *силе характера* Наполеона как полководца: он не останавливался перед жестокостью наказаний, но делал это редко и по столь обоснованным мотивам, что не терял при этом в глазах солдатской массы ни авторитета, ни обаяния.

Оберегая местное население даже от собственных солдат, Наполеон в то же время должен был изыскивать возможности и для своей, армейской, и для государственной, французской, казны. В его национальной политике учитывались социальные интересы. Саличетти, безусловно, согласовал с ним свое решение наложить контрибуцию в 123 тыс. итальянских лир на *богачей* города Кунео. Но со временем Наполеону пришлось считаться и с постоянными запросами, а то и прямыми требованиями к нему от Директории: «Нельзя ли захватить Священный дом (в Генуе. – *Н. Т.*) и завладеть его сокровищами, накопленными за пятнадцать столетий по невежеству и суеверию народных масс?» или позднее: «Прежде всего не щадите Милан! Наложите на него контрибуцию в звонкой монете – и поскорее!»[3]

Итак, за две апрельские недели 1796 г. Наполеон добился таких успехов, каких годами не добивались другие военачальники Французской революции. Был ли он сам вполне удовлетворен до-

[1] Цит. по: Лашук А. Цит. соч. С. 42–43.
[2] См. там же. С. 43.
[3] Кастело А. Цит. соч. С. 149.

стигнутым? Радовался ли своим победам, как ликовали тогда все его соратники? Нет, очевидцы удивлялись в те недели его сумрачному виду и, казалось, беспричинным проявлениям недовольства. Между тем причина была – жизненно важная и трепетно волнительная для «чудо-генерала»: его *неутолимая* любовь к Жозефине.

Дело в том, что Жозефина устроила ему воистину невыносимое испытание. Все началось с того, что она, проводив мужа, которого и не полюбила еще всерьез, на войну, стала жить, как прежде, в свое удовольствие, а Наполеону даже письма писать ленилась – первое из них сочиняла четыре дня. Главное, она в этом письме не проявила столь желанной для него страсти и нежности и даже «выкала» ему, как в первые дни знакомства. «Ты обращаешься ко мне на “вы”! Сама ты “вы”! – взорвался Наполеон в ответном письме. – Как ты могла написать мне такое письмо, злая! Как оно холодно!..» Вероятно, письмо Жозефины, кроме всего прочего, было еще и коротко[1]. Поэтому Наполеон пеняет жене: «Целуй детей, о которых ты ничего не говоришь. А ведь это, черт возьми, наполовину удлинило бы твое письмо <...>. Женщина!!!» Три восклицательных знака «процарапали бумагу» – так комментирует это место Андре Кастело и цитирует далее как свидетельство «раскаленной любви» боевого «чудо-генерала» следующие строки:

«У меня не было дня, когда бы я не думал о тебе. Не было ночи, когда бы я не сжимал тебя в объятиях. Я ни разу не выпил чаю, не прокляв при этом славу и честолюбие, обрекающие меня на разлуку с душой моей жизни. В гуще дел, во главе войск, в лагере – всюду моя обворожительная Жозефина одна царит в моем сердце, занимает мой ум, поглощает мои мысли».

В следующие дни, недели и месяцы Наполеон буквально засыпáл Жозефину страстными любовными письмами, упрашивая ее приехать к нему в Италию. «Ты приедешь, не так ли? – вопрошал он 25 апреля. – Ты будешь скоро здесь, подле меня, лежать на моей груди, на моем сердце, и наши губы сольются <...>. Поцелуй в грудь, туда, где сердце, потом ниже, ниже и *еще гораздо ниже*!» Три последних слова он подчеркнул[2]. Так как она не торопилась отвечать, он называл ее и «отчаянной молчальницей» и даже «маленьким чудовищем, натуру которого не в силах объяснить», но, судя по всему, любил он это «чудовище» с каждым днем все сильнее: «Тот день, когда ты приедешь ко мне, будет моим самым счастливым днем!»

---

[1] Письмо Наполеона цит. по: Кастело А. Жозефина. СПб., 1994. Кн. 1. С. 130–131. Письма Жозефины к Наполеону во время итальянской кампании до сих пор не найдены.

[2] Кастело А. Бонапарт. С. 147.

29 апреля он отправил ей с Мюратом очередное письмо, полное любовной страсти. «Ах, а если ты не приедешь? – ахал он, боясь думать об этом. – Ах, а если вдруг не приедешь!!!» – вновь три восклицательных знака[1].

Но Жозефина не спешила (либо вообще не собиралась в апреле–июне) ехать к мужу. Она влюбилась со всей страстью зрелой, 33-летней, женщины, но не в своего «чудо-генерала», а в постороннего капитана по имени Ипполит Шарль. Юный (на 9 лет моложе Жозефины), малорослый (162 см), но фигуристый, смазливый, веселый, шустрый франт и ловелас вскружил ее ветреную голову так, что ей ни за что не хотелось с ним расставаться. Да и Париж со всеми его удовольствиями цепко держал ее при себе, тем более что отблеск славы Наполеона отражался на ней как на его супруге. Парижане называли ее «Notre-Dame des Victoires» (Божья матерь побед») – это ей очень нравилось[2]. И Жозефина придумала, как ей казалось, счастливый предлог, чтобы не ехать к мужу: пока он ждал, что она вот-вот приедет к нему, она поразила его, как громом, таким известием о себе: *беременна*!

Наполеон поверил ей, как говорят в таких случаях, на все сто и стал писать о своей любви к ней с меньшим смятением, но с еще большей нежностью: «Неужели я буду лишен счастья видеть тебя с маленьким животиком? Он сделает тебя еще более привлекательной»[3]. Теперь Жозефина могла успокоиться со своим Шарлем. Судя по тому, как долго и рискованно развлекалась она этим адюльтером, тогда ей не показались опасными для нее и ее любовника такие строки из письма Наполеона: «Земля прекрасна для меня только потому, что ты живешь на ней! <...> Я не перенес бы, если бы ты полюбила другого или отдалась другому. Найти его и уничтожить было бы делом одной минуты!»[4]

О том, как одержим был главнокомандующий Итальянской армией всепоглощающей страстью любви к своей жене, знали не только его друзья и ближайшие соратники. Знали об этом очень многие – и офицеры, и солдаты. Сам Наполеон не таил в себе переполнявших его чувств. Он даже члену Директории Лазару Карно, с которым был тогда в чисто деловых отношениях, признался: «Я люблю ее (Жозефину. – *Н. Т.*) до сумасшествия»[5].

---

[1] Letters of Napoleon to Josephine. New York, 1928. P. 39.
[2] Кирхейзен Г. Женщины вокруг Наполеона. М., 1997. С. 73–74.
[3] Кастело А. Бонапарт. С. 148.
[4] Цит. по: Кирхейзен Г. Цит. соч. С. 76.
[5] Цит. по: Манфред А. З. Цит. соч. С. 140.

Все, кто знал тогда о любовных переживаниях Наполеона, сочувствовали ему и восхищались его супружеской верностью, зная и видя, как он был равнодушен к самым обольстительным женщинам Италии. Ведь некоторые из них влюблялись в него и пытались, но безуспешно, добиться его взаимности. Так, по воспоминаниям Стендаля, «ни для кого не была тайной несчастная страсть, которую питала к нему самая знаменитая и самая обворожительная артистка того времени», звезда мировой оперы Джузеппина Грассини (1773–1850)[1], «перед красотой и талантом которой преклонялась вся Италия», включая князей, герцогов, принцев, и «только на него, на единственного, на генерала Бонапарта ее красота не производила впечатления», хотя он ценил ее как актрису и певицу[2]. Лишь спустя четыре года, уже после возвращения из Египта, когда *он пережил супружескую измену* Жозефины и стал позволять такие измены себе, Грассини все-таки станет его любовницей[3].

Другая итальянская прелестница с тем же именем – Джузеппина, маркиза Висконти «напрасно пускала в ход все чары своего кокетства, чтобы завербовать генерала Бонапарта в армию своих поклонников»[4], и вынуждена была удовольствоваться генералом Л. А. Бертье, который полюбил ее так же, «до сумасшествия», как Наполеон Жозефину.

Итак, Наполеон победоносно начал Итальянскую кампанию и, как мы увидим, с еще большей славой продолжит и завершит ее, лелея в душе пленительный образ своей Жозефины, того «маленького чудовища», которое он любил «раскаленной любовью». Хорошо сказал об этом Фридрих Кирхейзен: «С образом Жозефины призывал он молодых солдат к победам, для Жозефины выигрывал битвы, для Жозефины завоевывал города и страны – для нее, все для нее»[5]. Да, именно так: «Божьей матерью» его побед была Жозефина.

Мы еще встретимся по ходу Итальянской кампании Наполеона и с Жозефиной, и с капитаном Шарлем, которого она, когда решится пожаловать к мужу... привезет с собой. А пока рассмотрим, что́ и как творил «чудо-генерал» Бонапарт в битвах и походах, будораживших воображение современников с мая 1796 по апрель 1797 г.

---

[1] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 266, 383.

[2] Кирхейзен Г. Цит. соч. С. 113–114.

[3] См. там же. С. 115–117; Массон Ф. Наполеон и женщины. М., 1912. С. 93–96. Подробно о Грассини см.: Gavoty A. La Grassini... P., 1947.

[4] Кирхейзен Г. Цит. соч. С. 147.

[5] Кирхейзен Фридрих. Наполеон Первый. Его жизнь и его время. М., 1997. С. 286.

3. Завоевание Ломбардии

Австрийская армия, пока еще под командованием фельдмаршала Ж.-П. Больё, оставшись после выхода Сардинского королевства из войны без союзника, отступила за р. По, чтобы прикрыть Милан – столицу провинции Ломбардия и всей Северной Италии. Там она была усилена резервной дивизией и численно не уступала французам.

Больё был уверен, что Бонапарт попытается форсировать По у города Валенца и поэтому приготовился защищать именно эту переправу. Он не знал, что Наполеон включил в условия мирного договора с королем Сардинии свое право на переход через По у Валенцы, где была действительно самая удобная для войск переправа, «только с целью ввести в заблуждение Больё»[1]. По франко-сардинскому договору Валенца была сдана французам для переправы. К ней тотчас потянулись части войск из дивизии А. Массена, о чем австрийские лазутчики поспешили уведомить своего фельдмаршала. Но тем временем Наполеон с главными силами стремительно пошел к Пьяченце, чтобы там захватить врасплох не столь удобную, как у Валенцы, но слабо защищенную переправу.

Утром 7 мая 1796 г., преодолев за сутки почти 70 км, отборные гренадерские полки Наполеона прибыли к Пьяченце, внезапно атаковали и захватили десять австрийских судов с 5 тыс. ранеными и медикаментами. Оказавшиеся здесь всего лишь два эскадрона гусар не смогли помешать высадке французов на левый берег р. По. В ночь с 7 на 8 мая к Пьяченце подоспели и 9-го переправились через По все остальные соединения Итальянской армии.

Больё, карауливший французов у Валенцы, узнал о том, что Наполеон оказался в Пьяченце, только 8 мая. Он попытался сорвать наполеоновские планы. Своему авангарду, а именно дивизии генерала Антона Липтая, Больё приказал удерживать позиции у г. Фомбио, в 4,5 км от Пьяченцы, а сам с остальными войсками поспешил к ней на помощь. Однако 8 мая при Фомбио Наполеон в течение одного часа разгромил дивизию Липтая. Здесь блистательно отличился Жан Ланн, уже произведенный к тому дню из полковников в генералы. Больё вынужден был отойти к крепости Лоди, на р. Адда.

К несчастью для французов, уже после боя под Фомбио, во время ночной рекогносцировки, трагически погиб дивизионный генерал Амедей-Франсуа Лагарп. Он выехал засветло на виду у своих солдат по шоссе, а возвращался в темноте почему-то другим путем, по тро-

[1] Клаузевиц К. Цит. соч. С. 41.

пинке, и был застрелен собственными солдатами, которые приняли его за австрийского лазутчика[1].

Пока Больё сосредоточивал свои войска у крепостных стен Лоди, Наполеон вступил во владения Пармы и принял послов герцога Пармского с просьбой о мире и покровительстве. Он не стал вмешиваться в управление герцогством и не предъявил ему никаких территориальных претензий, но по договору о мире 9 мая наказал Парму за ее участие в войне против Франции на стороне Австрии внушительной контрибуцией: «герцог уплачивал 2 млн ливров золотом, доставлял французской армии большое количество хлеба, овса и т. д., 1600 артиллерийских и кавалерийских лошадей и принимал на себя издержки по обслуживанию военных дорог, а также госпиталей, которые французы развертывали в его владениях»[2].

Мало того, Наполеон, учитывая интерес и аппетиты Директории, наложил на Парму контрибуцию предметами искусства для музеев Парижа: «Парма дала 20 картин по выбору французских комиссаров»[3]. Среди них был и знаменитый «Святой Иероним» корифея мировой живописи Антонио Корреджо. Герцог предлагал Наполеону еще 2 млн ливров, чтобы сохранить у себя эту картину, и французские комиссары соглашались на такую сделку, но Наполеон заявил, что «от двух миллионов, которые ему дадут, не останется вскоре ничего (думал ли он в тот момент о Директории? – *Н. Т.*), тогда как подобный шедевр украсит Париж на многие столетия и вызовет появление других шедевров»[4].

Вальтер Скотт усмотрел здесь – не без оснований, но с чисто английской, т. е. преувеличенной, неприязнью к Наполеону – «особый и гнусный род хищничества», оговорившись, что Наполеон, «вероятно, повиновался Директории», но «все же он был первым лицом в истории войн и человечества, превратившим такое разнузданное и наглое лихоимство в закон»[5].

Наполеон тогда действительно не гнушался никакими контрибуциями. Сразу после подписания мирного договора с Пармой он уведомил Директорию: «Надеюсь, если все пойдет по плану, прислать вам миллионов двенадцать»[6]. Стендаль полагал даже, что он тогда «расшатал нравственную стойкость своих войск», поощряя «самый

---

[1] См.: Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 83–84.
[2] Там же. С. 84.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 69.
[6] Кастело А. Бонапарт. С. 149.

позорный грабеж со стороны своих генералов»[1]. Впрочем, может быть, Наполеон таким образом старался вознаградить «нищую рвань» своей армии за воинскую доблесть. Для себя лично он добивался в то время только одного – приезда к нему Жозефины. Пока безуспешно.

Переговоры с герцогом Пармским Наполеон вел в течение одного дня 9 мая, почти на ходу, преследуя по пятам до стен Лоди войска Больё. К тому моменту австрийцы уже не имели численного превосходства над французами, а в самом сражении при Лоди с участием отнюдь не всех войск с обеих сторон Наполеон обеспечил себе даже почти двойной перевес: 18 тыс. человек против 10 тыс. Дело в том, что Больё ушел с главными силами за р. Адда в ожидании подкреплений, оставив у Лоди только дивизию генерала Карла Зеботтендорфа. Но эта 10-тысячная дивизия занимала мощную позицию перед мостом через Адду, и Наполеон вынужден был фронтально атаковать ее, рискуя понести большие потери и не добиться успеха.

10-е мая 1796 г. вошло в историю как день битвы при Лоди. Ключевым пунктом австрийской позиции был мост, казавшийся неприступным. «7000 австрийских солдат при 14 орудиях (по другим источникам, 20 орудий. – *Н. Т.*), выставленных для обороны одного единственного моста длиной в 300 шагов, перекинутого через непереходимую вброд реку! – восклицал К. Клаузевиц. – Кто бы не признал такой пост неуязвимым!»[2] Наполеон не признал. Он нацелил свою артиллерию на орудия противника, державшие под обстрелом мост. Затем скрытно, за городским валом построил колонну из 3500 гренадеров, воодушевил их короткой зажигательной речью и, как только огонь австрийской артиллерии несколько ослабел, сам повел колонну на штурм моста. Атака французских гренадеров во главе с их «чудо-генералом» была до того стремительной, что они успели в считаные секунды проскочить без больших потерь зону шквального огня на мосту и ворвались в оборонительные порядки австрийцев. Зеботтендорф, потеряв, по разным данным, от 2 до 2,5 тыс. человек и 15–20 орудий, поспешно отступил к главным силам Больё. Потери французов при Лоди не превышали 400 человек[3].

---

[1] Стендаль. Собр. соч. Т. 11. С. 17.

[2] Клаузевиц К. Цит. соч. С. 47.

[3] См.: Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 85–86; Клаузевиц К. Цит. соч. С. 48–49; Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 60–61; Чандлер Д. Цит. соч. С. 69–70; Лашук А. Цит. соч. С. 44–45; Тарле Е. В. Цит. соч. С. 44; Богданович М. И. Поход 1796 г. Бонапарта в Италии. 2-е изд. СПб., 1860. С. 30.

Сражение при Лоди, внешне – по соотношению сил и потерь – не столь масштабное, как последующие битвы Итальянской кампании от Кастильоне до Риволи, сыграло важную роль не только в этой кампании, но и вообще в полководческой карьере Наполеона. Во-первых, впечатляли дерзость замысла и мастерство его исполнения, которые продемонстрировал Наполеон. «Бесспорно, – считал Клаузевиц, – никакой боевой подвиг не вызвал такого изумления во всей Европе, как эта переправа через Адду»[1]. Именно после Лоди пленный австрийский офицер так сетовал на судьбу: «Здесь нет возможности что-либо понять; мы имеем дело с молодым генералом, который всегда то перед нами, то в нашем тылу, то на нашем фланге. Никогда не знаешь, как расположить свои силы. Такой способ действий на войне невыносим и противоречит всем правилам»[2]. Но что важнее, битва при Лоди, вызвавшая у французов, по выражению того же Клаузевица, «изумительный энтузиазм», во многом предопределила победоносный для них исход Итальянской кампании. Северная Италия, исстрадавшаяся от австрийского гнета, уже склонялась под их знамена. 11 мая Наполеон докладывал члену Директории Лазару Карно: «Битва при Лоди, мой дорогой Директор, отдала Республике всю Ломбардию <...>. Вы можете считать в Ваших расчетах, как если бы я был в Милане»[3]. Действительно, уже на пятый день после Лоди Наполеон триумфально вступил в Милан.

А пока воины Итальянской армии праздновали победу и славили своего «чудо-генерала». Со дня битвы при Лоди он станет их кумиром. Вечером 10 мая, сразу после победы, самые авторитетные солдаты-ветераны собрались на совет и присвоили главнокомандующему *свое*, самое младшее воинское (унтер-офицерское) звание – капрала. Отныне и навсегда он станет для них *«маленьким капралом»*, хотя они и будут повышать Наполеона в чинах и уже после битвы при Кастильоне, 5 августа 1796 г., произведут его в сержанты. Их тогда восхищал не столько полководческий дар, в чем они мало разбирались, сколько личный героизм главнокомандующего, его умение воодушевить солдат и вести их за собой хоть в самое пекло.

Тогда у всех солдат Итальянской армии был на устах рассказ о том, как перед атакой моста Наполеон стоял рядом со статуей св. Иоанна Непомука (покровителя мостов) и как в тот момент австрийским ядром оторвало голову у статуи. После битвы Наполеон велел восстановить статую[4].

---

[1] Клаузевиц К. Цит. соч. С. 57.
[2] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 87.
[3] Correspondance de Napoléon. T. 1. № 383. P. 314–315.
[4] См.: Лашук А. Цит. соч. С. 45.

Сам Наполеон после Лоди «кристаллизовал (по выражению Д. Чандлера) свое честолюбие». На острове Святой Елены он так вспоминал об этом: «Только после Лоди у меня родилась мысль, что я мог бы стать, пожалуй, решающим лицом на нашей политической арене. Первая искра честолюбия появилась тогда»[1].

15 мая 1796 г. войска Наполеона торжественно вступили в Милан. Наполеон был на коне по кличке Бижу (Прелесть). Он въезжал в город впереди полковых колонн своих солдат через триумфальную арку, украшенную плакатом: «Героическая французская армия! Добро пожаловать!» Да, жители Милана встречали его как освободителя от австрийской тирании. Они уже знали, что правитель Ломбардии австрийский эрцгерцог Фердинанд (брат императора Австрии) со свитой и жандармами бежал из города. Миланцы тут же «прикололи на стены его дворца издевательскую надпись: “Этот дом сдается внаем. Ключи можно спросить у французского комиссара Саличетти”»[2].

Толпы народа с гирляндами цветов, ликующие женщины и дети приветствовали французских солдат и особо – их главнокомандующего. Архиепископ ломбардский и главы декуриона (городского правления) вручили Наполеону ключи от города и герб Милана. В тот же вечер на главной миланской площади было торжественно воздвигнуто символическое Древо Свободы, а на банкете у архиепископа Наполеон выступил с пламенной речью по-итальянски: «Отныне вы свободны, и свобода вам будет гарантирована еще в большей мере, чем французам. Милан станет вашей столицей <...>. Если Австрия сюда сунется, не бойтесь – я с вами!»[3]

Казалось, все идет у Наполеона, как надо, словно в популярной тогда у французов песне «Ça ira!»[4]. Но, вступая в Милан, победоносный освободитель Ломбардии еще не остыл от пережитого им накануне уязвления со стороны Директории. Дело в том, что 13 мая, на пути от Лоди к Милану, когда его солдаты радовались одержанным победам, он получил от Директории приказ о разделе Итальянской армии на две: одна из них останется на севере Италии и поступит под командование генерала Франсуа Этьена Кристофа Келлермана (победителя при Вальми), а другая, во главе с Бонапартом, пойдет на Рим и Неаполь, против папы Римского. Наполеон воспринял этот приказ как оскорбление и уже 14 мая отправил в Директорию на имя Л. Карно резкий ответ. «Келлерман будет командовать армией

---

[1] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 86.

[2] Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 64.

[3] Цит. по: Кастело А. Бонапарт. С. 151.

[4] «Ça ira!» («Пойдет! Пойдет!») – название и припев одной из самых популярных песен Французской революции.

так же, как и я, – писал он, – ибо никто более меня не убежден, что победы завоевываются героизмом солдат, но я считаю, что соединить Келлермана и меня в Италии – значит, потерять все. Я не могу охотно служить вместе с человеком, считающим себя первым генералом в Европе, а кроме того, я уверен, что *один плохой командующий лучше,* чем два хороших». Не впрямую, но доходчиво он угрожал Директории своей отставкой: «Каждый ведет войну, как умеет <...> *Вдвоем мы будем вести ее плохо*»[1].

Разумеется, Наполеон учитывал, что после Лоди его репутация как военачальника затмила собой репутацию всех остальных полководцев Франции, ибо он за два месяца Итальянской кампании добился больших успехов, чем они вместе взятые за четыре года после битвы при Вальми. «Если бы они только осмелились, – говорил он позднее о возможном решении членов Директории отправить его в отставку, – то вся Франция восстала бы против них»[2]. Директория это поняла. «Бессмертная слава победителю при Лоди! – гласит ее письмо к Наполеону от 21 мая. – Ваш план – единственный, которому необходимо следовать. Директория тщательно обсудила этот вопрос и решила его положительно»[3]. А. З. Манфред резонно усмотрел в этом решении Директории не только пиетет к «бессмертной славе победителя при Лоди», но и корысть. У Франции в то время армия Бонапарта была единственной, регулярно присылавшей в Директорию не только победные сводки и воинские трофеи, но и деньги золотом. «Через несколько дней после вступления в Милан Саличетти сообщил Директории, что завоеванные области уже заплатили 35 миллионов. Могла ли Директория отказаться от такого важного источника пополнения пустой казны, а заодно, может быть, и собственных карманов? Обеспечит ли этот непрерывно поступающий из Италии золотой поток другой генерал? Это было сомнительно. Журдан и Моро не только не присылали золото – их армии требовали больших расходов»[4].

Генерал Келлерман согласился с доводами Наполеона в пользу единоначалия и даже прислал к нему служить под его командованием своего сына Франсуа Этьена – тогда полковника, который уже в 1797 г. станет генералом и позднее отличится в битвах при Арколе, Риволи, Маренго, Аустерлице, Дрездене, Ватерлоо. Что касается Келлермана-отца, то он в 1804 г. получит от императора Наполеона жезл маршала Франции.

---

[1] Correspondance de Napoléon. T. 1. № 421. P. 336.
[2] Кастело А. Бонапарт. С. 150.
[3] Цит. по: Чандлер Д. Цит. соч. С. 70.
[4] Манфред А. З. Цит. соч. С. 143.

Тем временем в Милане Наполеон занялся не только военными, но и административными государственными делами. Чтобы извлечь наибольшую выгоду из своих завоеваний, он считал необходимым «учредить в покоренных землях республиканское правление с целью привязать их к Франции общими правилами и выгодами»[1]. Из-за этого он вступил в конфликт с Директорией. Ведь она предписывала генералу Бонапарту вести захватническую, грабительскую политику по отношению к итальянским землям, полагая, что их следует просто оккупировать и далее использовать как разменную монету в мирных переговорах с Австрией. Наполеон, к неудовольствию (мягко говоря) Директории, действовал принципиально иначе. В своих обращениях «К гражданам Милана» от 15 мая, «К народу Ломбардии» от 19 мая и ко всем итальянцам от 26 сентября 1796 г. он последовательно, саботируя предписания Директории, вел дело к созданию на территории Италии самостоятельных республик и обещал им помощь французского народа в обеспечении «братского равенства и свободы»[2]. И не только обещал. Подогревая национальные и республиканские амбиции итальянцев, он искусно, не торопясь, инициировал и осенью 1796 г. санкционировал создание Транспаданской (т. е. фактически Ломбардской) республики со столицей в Милане и республики Циспаданской в составе городов Болонья (в качестве столицы), Феррара, Реджо и Модена – республик, формально независимых, но связанных с Францией общностью антифеодальных интересов.

Все это свершится осенью (к осени 1796 г. мы еще обратимся со всеми подробностями), а пока вернемся к летним заботам Наполеона в Милане. Он дал Итальянской армии шесть дней отдыха, пополнил артиллерийский парк, а главное, качественно улучшил (за счет ресурсов Ломбардии!) снабжение своих воинов, удовлетворил все их нужды и выплатил им жалованье не ассигнациями, давно практически обесцененными, а золотом. Для французских солдат «это было совершенно невероятным событием»: «...впервые с 1793 года мы получили звонкую монету», – вспоминал бравый капитан и будущий генерал (комендант Москвы в 1812 г.) Франсуа Роге[3].

Еще больше, чем все административно-государственные и военно-хозяйственные заботы, беспокоила Наполеона и меньше давалась

---

[1] Жомини А. Политическая и военная жизнь Наполеона. СПб., 1840. Ч. 1. С. 35.

[2] Correspondance de Napoléon. T. 1. № 453. P. 359–360; T. 2. № 1035. P. 16–17; Bouvier F. Op. cit. P. 581–582.

[3] См.: Чандлер Д. Цит. соч. С. 71.

ему одна личная забота – как «выманить» к себе из Парижа всецело пленившее его «маленькое чудовище», «обворожительную Жозефину». 23 мая он писал ей из Милана: «Я вижу только одну тебя, думаю только о тебе <...>. Все время ты передо мной с твоим милым маленьким животиком; наверное, ты очаровательна с ним...»[1] Увы, она в те дни была «очаровательна» с капитаном Шарлем (причем без «маленького животика», выдуманного ею), а на письма Наполеона, полные любовной страсти, даже отвечать забывала.

Тем временем Наполеон после недельного отдыха в Милане возобновил свою Итальянскую кампанию. Его воззвание к солдатам было, как всегда, величально призывным: «Солдаты! Милан ваш, и республиканский флаг развевается над всей Ломбардией <...>. Вся Франция приветствует вас. Ваши отцы, матери, жены, сестры, ваши возлюбленные радуются вашим победам и гордятся вами. Да, солдаты, вы многое сделали. Но значит ли это, что больше уже нечего делать? Не скажут ли о нас, что мы сумели победить, но не смогли воспользоваться нашей победой? Не упрекнет ли нас потомство, что в Ломбардии мы нашли Капую?* Но я вижу, как вы уже хватаетесь за оружие <...>. Итак, пойдем вперед! Нам еще предстоят форсированные марши, остаются враги, которых надо добить, лавры, которыми надо еще покрыть себя, оскорбления, за которые надо отомстить. Пусть трепещут те, кто наточил кинжалы войны против Франции! <...> Но пусть не беспокоятся народы. Мы – друзья всем народам и особенно верные друзья потомкам Брутов, Сципионов и других великих людей, которых мы принимаем за образец <...>. Французский народ даст Европе славный мир, который возместит ему жертвы, приносимые в течение шести лет. Вы вернетесь тогда к своим очагам, и ваши сограждане будут говорить, указывая на вас: “Он был в Итальянской армии!”»[2].

22 мая Наполеон с 30 тыс. солдат выступил из Милана против Ж.-П. Больё. Австрийский фельдмаршал, имея 28 тыс. и все еще ожидая подкреплений, занял сильную позицию за р. Минчио. На севере его фланги были прикрыты озером Гарда, на юге – рекой По. Стараясь обезопасить все возможные переправы через Минчио, он чрезмерно растянул свои войска. Наполеон, зная об этом, решил прорвать фронт австрийцев в центре, у селения Боргетто. Но уже на марше от Милана к Боргетто он узнал, что в городе Павия (примерно в 25 км от Милана) и окрестных местах восстали их жители.

---

[1] Цит. по: Кастело А. Бонапарт. С. 152.

* Намек на карфагенские войска Ганнибала, которые, разгромив римскую армию, не пошли на Рим, а долгое время бездействовали в Капуе.

[2] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 88–89.

Оказалось, что 20-миллионая контрибуция с Ломбардии и связанные с ней реквизиции, а местами и грабежи французских солдат, отдельные притеснения со стороны офицеров вызвали острое недовольство и горожан, и селян. Местные роялисты и австрийские агенты разжигали антифранцузские настроения, многое преувеличивая, но и справедливо обвиняя французов в «святотатстве», а именно в том, что они крадут и отправляют во Францию великие творения мастеров итальянской культуры. Андре Кастело очень к месту цитирует здесь Стендаля: «Эти добрые итальянцы и не представляли себе, что присутствие у них чужой, пусть и освободительной армии – в любом случае катастрофа»[1].

Наполеон вынужден был с частью войск идти к Павии, «направив впереди себя ломбардского архиепископа и во все стороны – агентов с прокламациями, которые должны были просветить и образумить крестьян»[2]. Одна из них гласила: «Сбитые с толку люди не признают республику и доблестную армию, победившую королей. Это безрассудство вызывает сострадание: бедный народ вводят в заблуждение на его погибель. Главнокомандующий, верный принципам, принятым его нацией, – не вести войну с народами, – желает оставить открытой дверь для раскаявшихся. Но те, кто через 24 часа не сложит оружие, будут считаться бунтовщиками. Их селения будут сожжены»[3].

Мятежники не поддались ни уговорам архиепископа, ни прокламациям Наполеона. Горожане Павии, ведомые роялистами, убивали французских солдат на улицах поодиночке. В деревне Бинаско крестьяне сформировали вооруженный отряд, который дал бой французскому авангарду под командованием Ж. Ланна. Сам Ланн признал тогда, что этот мятеж «был подавлен с беспримерной жестокостью»: Бинаско была сожжена дотла[4]. Наполеон позднее вспоминал: французы «надеялись, что пожар в Бинаско, который можно было видеть со стен Павии, устрашит город. Вышло не так. В город бросились 8–10 тыс. крестьян и стали там хозяевами»[5]. Пришлось штурмовать город по всем правилам военного искусства и силами трех родов войск – пехоты, кавалерии, артиллерии. 26 мая восстание в Павии было подавлено, по выражению А. Кастело, «в крови и огне». В наказание за организованный здесь бунт Наполеон «дал своим солдатам три часа на разграбление города», приказав, однако, не тро-

[1] Кастело А. Бонапарт. С. 153.
[2] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 96.
[3] Там же.
[4] Кастело А. Бонапарт. С. 153.
[5] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 96.

гать дома биолога Лазаро Спалланциани и физика Алессандро Вольта – изобретателя т. н. Вольтова столба[1]. Столь же быстро и жестоко был подавлен бунт жителей города Люго, которые поначалу сумели отбить атаку французских драгун.

Далее, по признанию самого Наполеона, «со всей Ломбардии были взяты заложники, которых брали из самых знатных семей, даже если на них не ложились подозрения». Все они были отправлены во Францию, но через несколько месяцев вернулись на родину. «Многие из них, – не без иронии свидетельствовал Наполеон, – объехали чуть ли не все наши провинции и офранцузились»[2].

Расправа Наполеона с повстанцами в Ломбардии оценивается в литературе неоднозначно. Вальтер Скотт, естественно, осуждал ее жестокость, клеймил «зловещий» мотив репрессий Бонапарта («нечего защищать независимость своей земли, коли в ней появились сильные чужеземные штыки!»)[3]. Стендаль, напротив, оправдывал наполеоновские репрессии: «В Павии милосердие было бы преступлением против армии <...>. Малейшее колебание со стороны главнокомандующего – и мятеж охватил бы всю Ломбардию. А чего только не сделала бы пьемонтская (т. е. сардинская. – *Н. Т.*) армия, если бы восстание удалось!»[4]

Сам Наполеон считал принятые против мятежников карательные меры *разумно* жестокими, что не исключало и проявления гуманности. Так, он приказывал своим солдатам (и это отметил Вальтер Скотт) щадить при подавлении мятежа женщин и детей[5]. «Ладья главнокомандующего в побежденной стране лавирует среди утесов, – вспоминал Наполеон о тех днях спустя 20 лет на острове Святой Елены. – Если он суров, он раздражает народ и умножает число врагов; если он мягок, то порождает надежды, которые в дальнейшем заставляют особенно остро реагировать на злоупотребления и насилия, неизбежно связанные с войной. Как бы то ни было, если бунт при таких обстоятельствах вовремя усмирен и победитель сумел применить *одновременно* меры строгости, справедливости и мягкости, то это будет иметь только хорошие последствия и явится гарантией мира на будущее»[6].

Подавив бунты в городах и селах Ломбардии, Наполеон с тремя дивизиями (А. Массена, П. Ф. Ш. Ожеро, Ж. М. Ф. Серрюрье) и ре-

---

[1] Кастело А. Бонапарт. С. 153.
[2] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 98.
[3] Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 73–74.
[4] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 256.
[5] См.: Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 74.
[6] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 99. Курсив мой. – *Н. Т.*

зервной кавалерийской бригадой генерала Шарля Эдуарда Кильмена пошел на Боргетто с намерением прорвать здесь, в центре, растянутый фронт войск Больё. К тому времени австрийский фельдмаршал получил подкрепление и имел под ружьем 31 тыс. человек против 30 тыс. у Наполеона, но не рискнул перейти от обороны к наступлению. Он выжидал – без уверенности в том, откуда последует нападение противника, и с надеждой на прочность своих позиций.

В 7 часов утра 30 мая генерал Кильмен со своей бригадой неожиданно, как гром среди ясного неба, ворвался на аванпосты австрийцев в Боргетто и выбил оттуда три эскадрона кавалерии и батальон пехоты противника, которые защищали переправу через р. Минчио. Австрийские аванпосты отступили на противоположный берег реки, к своим главным силам. Штаб-квартира Больё была в тот день около Боргетто, в местечке Сан-Джорджио. Преследуя защитников переправы, гусары Кильмена едва не взяли австрийского фельдмаршала в плен. Преследовать австрийцев Наполеон отправил, вслед за Кильменом, дивизию Массена, а сам со свитой из нескольких человек задержался в Сан-Джорджио, откуда только что едва унес ноги фельдмаршал Больё.

Причина этой задержки, чуть было не стоившей Наполеону жизни, была банальной: «чтобы ножной ванной избавиться от сильнейшего приступа головной боли»[1]. Тем временем австрийский генерал К. Зеботтендорф с эскадроном кавалерии выехал на рекогносцировку к Сан-Джорджио и оказался прямо перед домом, где принимал ванну Наполеон. «Часовые едва-едва успели запереть ворота, – читаем об этом у К. Клаузевица, – а сам Бонапарт *в одном сапоге, с босой ногой* спасся через заднее крыльцо»[2]. Наполеон вспоминал об этом происшествии с меньшими подробностями: «Охрана едва успела захлопнуть ворота и прокричать о тревоге. Это дало время главнокомандующему вскочить на лошадь и выбраться по садам за селение»[3]. Так в скромном селении с громким названием Сан-Джорджио чуть не попали в плен сначала австрийский, а потом французский главнокомандующий.

После этого случая Наполеон сформировал для своей охраны совершенно особую воинскую часть под названием «гиды» – ядро его будущей Императорской гвардии. В эту часть зачисляли только отборных солдат с не менее чем десятилетним сроком службы и первоклассными боевыми качествами. Ее организатором и первым командующим стал Жан Батист Бессьер (1768–1813) – тогда капитан, ко-

[1] Клаузевиц К. Цит. соч. С. 64.
[2] Там же. С. 65. Курсив мой. – *Н. Т.*
[3] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 102.

мандир эскадрона, а позднее – начальник всей гвардейской кавалерии, маршал Франции, герцог Истрийский, один из ближайших соратников и личный друг Наполеона. «Он и Мюрат были первыми кавалерийскими начальниками армии, – считал Наполеон, – но обладали противоположными качествами. Мюрат был авангардным начальником, порывистым и кипучим. Бессьер обладал свойствами офицера резерва, полного энергии, но осторожного и рассудительного»[1].

Проиграв бой при Боргетто и едва не попав в плен в Сан-Джорджио, Больё продолжил отступление к мощной крепости Мантуя. Д. Чандлер согласился с таким выводом американского историка И. Эдлоу: «Больё не был выброшен из Ломбардии; уместнее сказать, что он отступал из страха»[2]. Венский гофкригсрат, наконец, посчитал Больё битой картой и временно передал командование его армией генералу Михаэлю Фридриху Бенедикту фон Меласу – опытному военачальнику, соратнику А. В. Суворова по Итальянской кампании 1799 г. и противнику Наполеона в исторической битве при Маренго 14 июня 1800 г. Пока Мелас заменял Больё, гофкригсрат принял важное решение, которое должно было коренным образом изменить ситуацию на итальянском фронте в пользу Австрии. Учитывая, что на Рейне эрцгерцог Карл успешно противостоял французским армиям Ж. В. Моро и Ж. Б. Журдана, вынудив и того и другого к отступлению, австрийские военные верхи сняли с Рейна и направили в Италию фельдмаршала Д.-С. Вурмзера с 25 тыс. солдат из Верхнерейнской армии. По пути Вурмзер присоединил к себе дополнительные подкрепления, так что, вступая в командование Итальянской армией (вместо Меласа), имел уже 60 тыс. К тому же он рассчитывал на взаимодействие с гарнизоном Мантуи.

Мантуя представляла собой неприступную крепость на острове при впадении р. Минчио в р. По. Кроме ряда мощных фортификационных сооружений ее защищали с севера и востока три озера, а с юга и запада – малярийные болота. Гарнизон крепости насчитывал 13 тыс. человек при 316 орудиях и был обеспечен продовольствием на четыре месяца. Командовал им генерал Иосиф Канто д'Ирль – по авторитетному мнению К. Клаузевица, «превосходный комендант, офицер с блестящей репутацией»[3]. 3 июня Наполеон частью своих войск (дивизиями Серрюрье и Ожеро) осадил Мантую, но воздерживался от решающей операции по двум причинам.

---

[1] Там же.

[2] Ср.: Чандлер Д. Цит. соч. С. 73; Adlow E. Napoleon in Italiy. Boston, 1948. P. 77.

[3] Клаузевиц К. Цит. соч. С. 71.

Во-первых, он получил известие о наступлении Вурмзера. Этого австрийского полководца Наполеон хорошо знал по данным из разных источников. Дагоберт Сигизмунд Вурмзер (1724–1797), как и Больё, был участником Семилетней войны, причем отличился в одном из сражений против самого Фридриха Великого. «Таким образом, – заметил Стендаль, – ему выпала на долю слава воевать с Фридрихом Великим и с Наполеоном»[1]. Как военачальник Вурмзер и талантом, и авторитетом заметно превосходил Больё. В его активе была яркая победа 1795 г. при Гейдельберге над одним из лучших полководцев Французской республики Шарлем Пишегрю. Наступление такого противника с численно бóльшими (вдвое!) силами вынуждало Наполеона временно отказаться от активных действий и впервые за время его Итальянской кампании перейти к обороне. Он, правда, успел предложить коменданту Мантуи сдаться на почетных для него условиях, но тот презрительно отверг это предложение.

Была и вторая причина, по которой Наполеон сделал паузу в своих сражениях и тактических начинаниях, отвлекся от них: 13 июля к нему приехала Жозефина.

К тому времени Наполеон уже явно перегрузил жену нежнейшими письмами, умоляя ее приехать к нему как можно скорее. «Я буду так счастлив, что сойду с ума, – пишет он ей о предстоящей встрече. – Италии недостает только тебя. Ты украсишь ее. По крайней мере, в моих глазах. Ты же знаешь: там, где рядом моя Жозефина, я ничего уже больше не вижу»[2]. Из другого письма видно, как он боготворит ее: «Я думаю сперва о тебе, потом уж обо всей природе. Любая твоя прихоть для меня – священный закон, а видеть тебя – верх счастья. Ты прекрасна, грациозна. На твоем лице написано, какая у тебя нежная, небесная душа. Обожаю в тебе все!»[3]

Жозефина долго откладывала свой отъезд к мужу, развлекаясь с Ипполитом Шарлем и не желая расставаться ни с любовником, ни с Парижем. Наполеон даже воззвал к брату Жозефу, который тогда был в Париже: мол, поторопи ее! «Я люблю ее до исступления и не могу больше оставаться вдали от нее, – так он писал Жозефу. – Если она разлюбила меня, мне больше нечего делать на земле»[4]. Жозеф всполошил П. Ф. Барраса, а тот потребовал, чтобы Л. Карно «успокоил Бонапарта» и чтобы Директория спровадила Жозефину к мужу. Ведь получалось, что «судьба дальнейших завоеваний в Италии за-

[1] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 268.
[2] Letters of Napoleon to Josephine... P. 44.
[3] Ibid. P. 48.
[4] Цит. по: Массон Ф. Указ. соч. С. 49.

висела от того, будет ли спать в одной постели с Бонапартом его жена», – так передает ход мыслей Барраса Андре Кастело[1].

В результате 24 июня «в крайней подавленности, заливаясь слезами и рыдая, как если бы шла на казнь» (по свидетельству очевидца), Жозефина после обеда, устроенного в ее честь Директорией, села в карету дальнего следования. «Но стоило карете отъехать, – рассказывал тот же или другой очевидец, – как слезы ее мгновенно высохли. Еще бы! – напротив нее, касаясь своими коленями ее колен, сидел ее веселый красавчик Ипполит»[2]. Да, она взяла с собой в дорогу к мужу своего любовника! Вместе с ним ехали два очевидца этой сцены – Жозеф Бонапарт и Андош Жюно.

13 июля Наполеон встретил свое обворожительное «маленькое чудовище» у городских ворот Милана и сопроводил к себе во дворец Сербеллони. «Он настолько обезумел от желания, – красочно описывает эту встречу А. Кастело, – он так пылко думал о ее дивном теле с его бугорками и ямочками, что только и прижимал ее все крепче и крепче к себе и даже не заметил возле своей жены этого красавчика Ипполита Шарля... Более того, первые два дня ее пребывания в Милане тот не будет отходить от его жены, а Наполеон пригласит ее любовника пообедать за своим столом и побалагурить в своем салоне»[3]. А вот мопса Фортюне, которого Жозефина тоже привезла с собой (!), Наполеон заметил (еще бы не заметить, если мопс первым делом зло облаял «чудо-генерала»!), но нежные объятья и поцелуи Жозефины доставили ему такое блаженство, которое даже Фортюне не смог отравить.

Счастьем той долгожданной встречи с Жозефиной Наполеон мог беспрерывно наслаждаться лишь двое суток. Кстати, не только в постели, везде. Один из его адъютантов рассказывал о нем озадаченно: «В карете он позволял себе с женой супружеские вольности, зачастую повергавшие в смущение нас обоих – Бертье и меня. Но с непосредственностью, свойственной его натуре, он проявлял столь искреннее чувство, что мы ему все прощали». Двое суток пролетели как две минуты. Уже 15 июля Наполеон отбыл в действующую армию к Мантуе, оставив жену на попечении Жозефа и (невольно)... капитана Шарля. Без нее, ему кажется, он не может прожить и дня. Теряя голову, он зовет ее к себе на боевые позиции: «Когда ты сможешь приехать ко мне? Смотри, я сам приеду за тобой в Милан. Тысяча поцелуев, таких же пылких, как мое сердце, таких же чистых, как ты».

---

[1] Кастело А. Бонапарт. С. 158.
[2] Там же. С. 159.
[3] Там же.

И далее в том же письме: «Если бы тебя можно было заключить в моем сердце, я посадил бы тебя в эту тюрьму»[1].

Но Жозефину боевые действия не интересовали, напротив, отпугивали. В Милане она обрела второй Париж: давала балы, веселилась на празднествах, которые устраивали для нее во дворце и садах миланские власти; принимала в роскошных апартаментах Сербеллони гостей, среди которых были кроме французских чины венецианского дожа, великого герцога Тосканы, Сардинского короля с их женами и любовницами. Главное, всегда рядом с ней был Ипполит Шарль.

Ежедневно являвшиеся к ней курьеры с письмами от Наполеона начинали надоедать ей, поскольку отвлекали ее от Шарля. Правда, она беспокоилась о муже, но не потому, что он рисковал своей жизнью на войне. «Муж не то что любит меня – обожает, – писала она тогда из Милана в Париж Терезии Тальен. – *Боюсь, как бы он от этого не рехнулся*»[2]. Возможно, она сделала такое признание «Богородице Термидора», прочитав вот это письмо Наполеона: «Без тебя, твоего сердца и любви для твоего мужа нет ни счастья, ни жизни. Боже праведный! Как я был бы счастлив, если бы мог присутствовать при твоем очаровательном туалете и видеть твое плечико, твою белую упругую грудку <...>. Верь, не забываю я и маленькие прогулки в *темную рощицу*... Я целую тебя в нее тысячу раз и с нетерпением жду, когда окажусь там. Я весь – твой. Жизнь, счастье, наслаждение – все даешь мне только ты. Жить в Жозефине – значит жить в Елисейских полях. Целую тебя в губы, в глаза, в плечо, в грудь, везде, везде!»[3] Собственно, в каждом его письме, как заметил Ф. Массон, «дождь поцелуев, осыпающий каждый изгиб ее, боготворимого им тела»[4].

Между тем «вся армия, весь город», по мнению Гертруды Кирхейзен (должно быть, это явное преувеличение), скажу так, *многие* и в армии, и в городе Милане знали о прелюбодеянии мадам Бонапарт с каким-то капитанишкой. А близкие к Наполеону люди – и о равнодушии Жозефины к мужу («чудо-генералу»!). Среди этих людей оказались тогда в Милане не только брат Наполеона Жозеф, но и его сестра Полина, которая приехала к брату вместе с матерью и успела очаровать всю «когорту Бонапарта». Жозефина в те дни не могла без гримас ревности слышать, как солдаты ее мужа поют:

---

[1] Кастело А. Жозефина. Кн. 1. С. 159.
[2] Там же. С. 160. Курсив мой. – *Н. Т.*
[3] Там же. С. 171–172. Курсив мой. – *Н. Т.*
[4] Массон Ф. Указ. соч. С. 51.

Твердыни Бонапарт берет,
Полетта все сердца пленяет[1].

Что касается мамы Летиции, то она, с ее моральной строгостью, сразу невзлюбила ветреную Жозефину и упорно называла ее «мадам Богарне». Все они переживали за Наполеона и пытались открыть ему глаза на супружескую неверность его «маленького чудовища», вернуть его из «Елисейских полей» на миланскую землю.

Наполеона задевало, конечно, хладнодушие Жозефины. Писала она ему – как ранее из Парижа, так и теперь из Милана – редко и сдержанно. «Твои письма холодны, точно им по пятидесяти лет! – упрекает он ее с досадой и болью. – В них только дружеские чувства поздней поры жизни. Фуй, Жозефина!»[2] Но поверить в измену Жозефины, представить это себе он не мог – до тех пор пока не наступило 27 ноября 1796 г. Заглянем в тот день, чтобы закрыть тему «Наполеон и Жозефина в Италии».

Итак, 27 ноября, в субботу, счастливый после блистательной победы при Арколе, Наполеон приезжает в Милан. Буквально врывается во дворец Сербеллони, взлетает по лестнице на галерею второго этажа, где располагались их спальные комнаты и будуар Жозефины, и там узнает от прислуги: Жозефина уехала в Геную, где занимался тогда армейскими поставками капитан Шарль. Наполеон все понял. Сигналы его родных и друзей об измене Жозефины, казавшиеся ему ранее неправдоподобными, подтвердились. «Я лечу в твои покои, – пишет он ей в тот же день с горечью отчаяния, – я ведь бросил все, чтобы увидеть и обнять тебя. Но тебя здесь нет <...>. Я не прав, что требую от тебя любви, равной моей: можно ли требовать, чтобы кружева весили столько же, сколько золото? Но я все-таки заслуживаю уважения к себе и бережливости с твоей стороны»[3].

Все дни с 27 ноября до 1 декабря, когда Жозефина вернулась к нему в Милан из Генуи, расставшись там с Шарлем, Наполеон был сам не свой от пережитого потрясения. На него было страшно смотреть: «Бонапарт бледен, худ – кожа да кости, глаза у него блестят, как в лихорадке», – с тревогой говорил о нем прибывший к нему из Парижа от Директории генерал А. Ж. Г. Кларк[4].

По воспоминаниям герцогини Л. д'Абрантес, Наполеон будто бы даже «хотел убить своего соперника», но едва ли он мог унизить себя до такой степени. Как главнокомандующий он повелел расследовать

---

[1] Кастело А. Жозефина. Кн. 1. С. 180.
[2] Кирхейзен Гертруда. Цит. соч. С. 79.
[3] Кастело А. Жозефина. Кн. 1. С. 173–174.
[4] Там же. С. 174.

финансовые операции армейских поставщиков и, как только обнаружилась причастность капитана Шарля к мелкой афере с деньгами для армии, тот «был исключен из списка офицеров и отослан в Париж»[1].

Жозефина, вернувшись из Генуи и увидев, сколь мучительна боль Наполеона от ее измены, словно прозрела: бросилась к нему в объятия и с того дня стала нежна с ним, как никогда ранее. Но «коготь ревности (по выражению А. Кастело) уже оцарапал его сердце». На этот раз он простит ей измену и будет с ней вновь нежным и любящим. Но теперь без прежней страсти и поклонения. Еще недавно Жозефина писала о нем своей тетке Мари Эжени де Реноден: «Муж целыми днями восторгается мною, как будто я – божество»[2]. Теперь она перестала быть для него *божеством*. Он еще любит ее, но уже просто – как *женщину*.

Вернемся, однако, к боевым действиям Итальянской армии Наполеона Бонапарта летом и осенью 1796 г.

4. Триумф

Любовные страсти отвлекали Наполеона от его военных забот, но не настолько, чтобы притупилась в нем острота полководческой реакции на такие заботы. Он не терял контроля над положением дел на фронте, старался проникнуть в планы Д.-С. Вурмзера и настойчиво требовал у Директории подкреплений, обещанных ему в апреле, но так и не прибывших до августа. А тем временем Вурмзер, располагая двойным перевесом в силах, «приступил к выполнению своей миссии – с боями прийти на помощь Мантуе и затем выгнать французов из северной Италии»[3].

План австрийского наступления на Мантую составил начальник штаба Вурмзера, тогда еще полковник Франц Вейротер (1755–1806) – ученик знаменитого австрийского фельдмаршала Ф.-М. Ласси, будущий генерал, служивший в 1799 г. в штабе у А. В. Суворова, а в 1805 г., перед битвой при Аустерлице, у М. И. Кутузова. Согласно этому плану, австрийские войска должны были идти к Мантуе двумя колоннами, одну из которых численностью

---

[1] Кирхейзен Гертруда. Цит. соч. С. 81. В фильме режиссера Р. Хефрона «Наполеон и Жозефина. История любви» (США. 1987. 1–6 серии), где роль Наполеона сыграл Арман Ассанте, а Жозефины – Жаклин Биссет, очень зрелищно представлена такая сцена: Шарля по приказу Наполеона ведут на расстрел, а Жозефина умоляет мужа пощадить ее любовника.

[2] Кастело А. Жозефина. Кн. 1. С. 174.

[3] Чандлер Д. Цит. соч. С. 75.

в 32 тыс. человек возглавлял сам Вурмзер, а другую – около 20 тыс. человек – генерал Петер-Витус Кваждановић, еще один ветеран Семилетней войны. Две колонны, следуя *разными* дорогами, по замыслу Вейротера, должны были дезориентировать французское командование и обеспечить себе больше возможностей для любого маневра[1].

Наполеон, со своей стороны, задумал разбить обе австрийские колонны порознь. Для начала он 31 июля снял осаду Мантуи: по его приказу дивизия Серрюрье «сожгла осадные лафеты и платформы, побросала порох в воду, зарыла в землю снаряды, заклепала орудия»[2] и присоединилась к дивизиям Массена и Ожеро. Силами трех дивизий Наполеон ударил по колонне Кваждановича и в двух сражениях – 1 августа у Сало и 3 августа у Лонато – разгромил ее. Кстати, вечером 4 августа под Лонато случился трагикомический эпизод. Три батальона австрийцев (не менее 4 тыс. человек), поспешно отступая с поля боя, заблудились и вышли вновь к Лонато с противоположной стороны, когда Наполеон только что въехал туда с охраной из 1200 «гидов». Австрийцы прислали к нему парламентера с требованием сдать им город. О том, что́ и как было дальше, читаем в записках Наполеона.

«Наполеон приказал своему многолюдному штабу сесть на коней, затем привести к нему офицера-парламентера и развязать ему глаза среди шумного движения главной квартиры. “Скажите своему генералу, – заявил ему Наполеон, – что я даю ему восемь минут срока для того, чтобы сложить оружие. Он оказался в кольце французской армии. По прошествии этого времени пусть не надеется больше ни на что!” Измотанные и проплутавшие в течение двух дней, не уверенные в себе, не зная, что делать, эти 4000–5000 человек сложили оружие»[3].

А что же Вурмзер? 1 августа он со своей колонной вступил в Мантую и там долго радовался, увидев, в каком беспорядке французы оставили крепость (должно быть, как ему могло показаться, испугавшись его): повсюду – пустые траншеи, перевернутые и заклепанные орудия, обломки лафетов, платформ и различного оборудования. Пока он радовался, ему сообщили, что Кваждановић разбит у Сало и отступает к Кастильоне. Вурмзер тотчас выступил ему на помощь и уже на подходе к Кастильоне узнал о втором поражении Кваждановича при Лонато. Когда же войска Вурмзера, подбирая остатки колонны Кваждановича, подошли к Кастильоне, они встре-

[1] См. об этом: Клаузевиц К. Цит. соч. С. 72–73.
[2] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 121.
[3] Там же. С. 125.

тили здесь французскую армию, занявшую отличную позицию на высотах перед городом. Так, с утра 5 августа 1796 г. началась битва при Кастильоне.

На кастильонских высотах Наполеон выставил против Вурмзера 25 тыс. солдат. Еще 5 тыс. из дивизии Серрюрье скрытно, ночью совершили обходной маневр, чтобы утром ударить с тыла по левому флангу австрийцев. Вурмзер имел к началу битвы примерно 40 тыс., включая деморализованные части Кважданович. Битва началась с того, что французские дивизии Массена и Ожеро по приказу Наполеона сделали вид, будто они в нерешительности отступают, а когда Вурмзер бросил свои войска в атаку, дивизия Серрюрье обрушилась на них с тыла и с левого фланга. Австрийцы заколебались, и тут проявил себя «великим полководцем, чего никогда больше с ним не случалось»[1], Ожеро. Он так мощно ударил по центру австрийских боевых колонн и привел их в такое замешательство, что они начали беспорядочно отступать, причем сам Вурмзер со своим штабом и армейской казной едва не попал в плен. К вечеру битва закончилась разгромом австрийской армии. Потеряв больше 3 тыс. человек и 20 орудий, много знамен, Вурмзер отступил на север, к городу Тренто, в предгорье Альп, где он рассчитывал получить подкрепления.

Ожеро именно за подвиг при Кастильоне получит со временем от Наполеона жезл маршала Франции и титул *герцога Кастильонского*. Наполеон всегда благодарно помнил эту его заслугу и в ответ на критику последующих действий Ожеро со стороны многих авторитетов возражал: «Да, но не забывайте, что́ он сделал для нас при Кастильоне!»[2] Кстати, Ожеро после первой же его попытки в самом начале Итальянской кампании изобразить из себя фрондера присмирел и уже заискивал перед Наполеоном: «Не думайте плохо о вашем Ожеришке» (votre petit Augereau)[3].

Итак, от Кастильоне Вурмзер ушел на север, оставив Мантую без прикрытия. Наполеон тут же вновь блокировал крепость. В ходе кампании последовала трехнедельная пауза. За это время обе стороны получили подкрепления, что привело, по подсчетам К. Клаузевица, к численному равенству их армий: и Наполеон, и Вурмзер к началу сентября имели по 45 тыс. солдат[4]. Мантуя еще держалась, но уже из последних сил. Новый план гофкригсрата был таков: сам Вурмзер с 25 тыс. должен был идти прямо к Мантуе, что-

[1] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 271.
[2] Чандлер Д. Цит. соч. С. 76.
[3] Полевой Н. А. История Наполеона. СПб., 1844. Т. 2. С. 13.
[4] Клаузевиц К. Цит. соч. С. 93.

бы освободить ее из кольца французской блокады, а другая часть его армии под командованием генерала Пауля Давидовича (20 тыс.) – быть готовой ударить в тыл французам, если бы они попытались остановить Вурмзера. Таким образом, Наполеон вновь получил шанс (разумеется, при условии максимальной скорости маневра) разбить противника по частям.

Скорость, с которой Наполеон осуществлял фронтальные, обходные, фланговые и прочие маневры силами своей пехоты и тем более – кавалерии, изумляла современников и обрастала легендами. Очевидцы рассказывали, что в одном из скоростных маршей Наполеон «за три дня загнал насмерть пять лошадей»[1]. Не зря в одном из обращений к своим солдатам он в ответ на их ворчание («Мы выигрываем сражения не столько руками, сколько ногами») заявил: «Я предпочитаю добыть победу за счет ваших ног, нежели ценой вашей крови»[2]. Узнав о разобщенности между Вурмзером и Давидовичем, Наполеон от Мантуи стремительно вышел навстречу Давидовичу и 4 сентября разбил его у Ровередо. Вурмзер, узнав об этом, ускорил свой марш к Мантуе, но 8 сентября Наполеон преградил ему путь у Бассано. Здесь 20 тыс. французов (по данным К. Клаузевица) сразились с 18 тыс. австрийцев[3].

В битве при Бассано снова отличился Ж. Ланн. Ошеломляющей атакой он прорвал центр австрийской армии и ворвался в город. Полки Вурмзера обратились в бегство, а кавалерия И. Мюрата преследовала их, забирая пленных и трофеи. В тот же день Наполеон впервые отправил Жозефине кроме нежных строк о любви свой армейский бюллетень: «Взяты в плен 19 тыс. солдат неприятеля, моя дорогая подружка <...>. Вурмзеру с его армией – 5 тыс. пехотинцев и полторы тысячи кавалеристов – некуда деваться, кроме как вновь броситься к Мантуе»[4].

Можно не сомневаться в том, что Наполеон здесь сильно преувеличил победную цифирь (этим он будет грешить то и дело). Подсчеты специалистов-историков гораздо скромнее и ближе к истине: К. Клаузевиц насчитал при Бассано 2 тыс., а Д. Чандлер – 4 тыс. пленных австрийцев, плюс 30 – по Клаузевицу, а по Чандлеру – 35 орудий, захваченных французами[5].

Как бы то ни было, фельдмаршал Вурмзер вновь был разбит, бросился, как и предполагал Наполеон, к Мантуе и опять заперся там

---

[1] Чандлер Д. Цит. соч. С. 76.
[2] Цит. по: Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 113.
[3] Клаузевиц К. Цит. соч. С. 99.
[4] Цит. по: Кастело А. Бонапарт. С. 169.
[5] Ср.: Клаузевиц К. Цит. соч. С. 99; Чандлер Д. Цит. соч. С. 78.

(по словам Д. Чандлера, «Бонапарт загнал Вурмзера в каменный мешок»)[1]. Но второе пришествие Вурмзера в Мантую «оказалось сомнительным благодеянием для гарнизона: прибавилось ртов, и запасы продовольствия начали быстро таять; очень скоро гарнизон стал есть лошадей, а к Новому году от болезней и голода умирало по 150 человек в день»[2]. Над Вурмзером нависла угроза неизбежной капитуляции.

Тем временем Наполеон успевал заниматься политическими, государственными делами. Именно в сентябре–октябре 1796 г. он содействовал провозглашению на территории Италии Транспаданской и Циспаданской республик и в специальном послании к президенту Циспаданского конгресса приветствовал их[3]. Все это он делал вопреки предписаниям Директории «сохранять народы в прямой зависимости» от Франции и тем самым усугублял свои конфликты с Директорией. А. З. Манфред правомерно оспаривал мнение тех историков, которые изображают конфликты между Наполеоном и Директорией 1796–1797 гг. «как столкновения соперничающих честолюбий, <...> начало последующей борьбы генерала за власть». По мнению Альберта Захаровича, с которым трудно не согласиться, в то время Наполеон в Италии «вел исторически более прогрессивную политику <...>. В войне против могущественной Австрии он считал необходимым поднять против нее антифеодальные силы и приобрести для Франции союзника в лице итальянского национально-освободительного движения»[4]. С этой целью Наполеон, как заметил А. А. Жомини, «весь октябрь 1796 г. занимался внутренним устройством Италии»[5].

Речь в данном случае идет не только о провозглашении новых республик, но и о политической ориентации старых. Так, генуэзскому дожу, который поддерживал Англию, Наполеон пригрозил «двинуться на Геную» и вынудил его подписать 9 октября 1796 г. договор, очень выгодный для Франции. Генуэзская республика «обязалась уплатить 4 млн ливров, закрыть гавань свою для англичан и открыть через свои земли свободный пропуск и войскам, и транспортам Итальянской армии». Таким образом, считал Наполеон, Генуя стала «плацдармом» для его армии[6], а все наполеоновские переговоры

---

[1] Чандлер Д. Цит. соч. С. 79.
[2] Там же.
[3] См.: Correspondance de Napoléon. T. 2. № 1349. P. 286.
[4] Манфред А. З. Цит. соч. С. 148.
[5] Жомини А. Цит. соч. Ч. 1. С. 51.
[6] Там же. С. 55.

и договоры 1796–1797 гг. положили начало столь характерной для того времени *«дипломатии генералов»*.

Тогда же, в октябре 1796 г. премьер-министр Англии Уильям Питт Младший, впечатленный победами Наполеона, прислал в Париж своего доверенного дипломата лорда Джеймса-Гарриса Мальмсбери для переговоров о мире. Питт предложил заключить мир на условиях отказа обеих сторон от их завоеваний: Франция должна была отказаться от Голландии и Ломбардии, Англия – от французских колоний в Ост-Индии и Вест-Индии[1]. Любопытная деталь: «Мальмсбери, желая сохранить за Англией мыс Доброй Надежды, предлагал Франции взамен *остров Святой Елены*»[2]. Директория, однако, по инициативе двух своих членов – Ж. Б. Ребеля и Ф. О. Мерлена, – настроенных не в меру агрессивно, сорвала переговоры. Наполеон сожалел об этом: «Единственный представившийся случай остановить грозно возраставшее могущество Англии выгодным миром был таким образом упущен заносчивостью Ребеля и Мерлена»[3].

Несмотря на уже достигнутые поразительные успехи, Итальянская армия Наполеона оставалась стратегически и численно в трудном положении. «Едва разбивал я одну армию, на место ее являлась другая, – вспоминал Наполеон. – С каждым моим шагом в пределы Австрии силы неприятельские росли, мои убывали. Правительство Франции поступало со мной, как некогда Сенат Карфагенский с Ганнибалом»[4].

Да, пока Директория присылала Наполеону подкрепления редко и малыми частями, гофкригсрат снаряжал против него одну армию за другой: вслед за Ж.-П. Больё и Д. С. Вурмзером был задействован с новой армией третий фельдмаршал – И. Н. Альвинци (1735–1810), герой Семилетней войны, как и оба его предшественника. Наполеон так обрисовал обстоятельства, при которых был призван спасать Мантую, Вурмзера и честь Австрии фельдмаршал Альвинци. Цитирую его записки: «За всеми курьерами, привозившими в Вену известия об успехах эрцгерцога Карла (в Германии. – *Н. Т.*), приезжали следом курьеры от Вурмзера с донесениями только о его поражениях. Весь сентябрь венский двор провел в таких переходах от радости к печали <...>. Германия была спасена, но Италия потеряна

[1] См.: Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на Французскую революцию и Империю. М.; СПб., 2000. Т. 1. С. 358; Сорель А. Европа и Французская революция. СПб., 1906. Т. 5. С. 96–101.

[2] Жомини А. Цит. соч. Ч. 1. С. 83.

[3] Там же. С. 84.

[4] Там же. С. 65.

<...>. Придворный военный совет понимал, что нужно предпринять чрезвычайные усилия. Он собрал *две армии* (! – *Н. Т.*): одну во Фриуле, другую в Тироле, отдал их под командование фельдмаршала Альвинци и приказал ему спешить на спасение Мантуи и освобождение Вурмзера»[1].

Фельдмаршал Иосиф Николас фон Альвинци считался тогда первым стратегом Австрийской империи (он преподавал военную науку императору Францу). Альвинци объединил под своим командованием силы двух армий, стянул все возможные резервы и повел 60-тысячное войско на соединение с Вурмзером, который был заперт в Мантуе с примерно 25 тыс. человек. Наполеон имел тогда немногим больше 40 тыс. Хитроумно маневрируя, сбивая с толку противника стремительными перемещениями отдельных частей своей армии, он вынудил фельдмаршала рассредоточить свои силы и навязал ему генеральное сражение лишь при небольшом численном превосходстве с его стороны: 20 тыс. французов против 24 тыс. австрийцев[2].

Место этой баталии (деревня Арколе юго-восточнее Вероны) и дата (15–17 ноября 1796 г.) с тех пор навсегда вошли в историю войн и военного искусства. Кульминационным моментом битвы стал бой за Аркольский мост. Наполеон заранее рассчитал: взяв этот мост, французы могут по болотной, почти непроходимой долине р. Адидже выйти в тыл австрийской армии, что обеспечит им победу, ибо заставит австрийцев сражаться с перевернутым фронтом. Но мост защищала австрийская артиллерия – «так, что под картечным огнем, почти в упор, не только человеку, мыши нельзя было пробежать»[3]. После того как две атаки на мост гренадеров из дивизии Ожеро были отбиты, Наполеон сам схватил знамя и повел солдат в очередную атаку. Рядом с ним шли генералы Ж. Ланн и Ж.-Б. Мюирон (адъютант главнокомандующего). Вокруг них по обе стороны моста падали убитые и раненые. Ланн, заслоняя собой Наполеона, был трижды ранен, Мюирон – убит. Сам Наполеон в сутолоке атаки упал с моста в воду. Солдаты и бывший с ним рядом брат Людовик едва успели его спасти. Но и эта, третья, атака на Аркольский мост была отбита.

«Мост не был взят. Значит, подвиг Бонапарта был бесполезен? – рассуждал об этом Д. С. Мережковский. – Нет, полезен в высшей степени: он поднял дух солдат на высоту небывалую; вождь перелил

---

[1] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 141. Курсив мой. – *Н. Т.*

[2] См.: Лашук А. Цит. соч. С. 57. В разных источниках приводятся и другие данные: например, 47 тыс. австрийцев против 20 тыс. французов (Советская историческая энциклопедия. М., 1961. Т. 1. С. 737).

[3] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 146.

свою отвагу в них <...>, зажег их сердца о свое, как зажигают свечу о свечу»[1]. Действительно, теперь им уже ничто не могло противостоять. Они взяли Аркольский мост (на этот раз их вел вперед израненый Ланн), деморализовали противника ударом с тыла одновременно с ударом в лоб и на третий день битвы принудили Альвинци к беспорядочному отступлению.

По разным данным, за три дня при Арколе австрийцы потеряли не менее 7 тыс. человек, но и потери французов превысили 4 тыс.[2] Еще ни одна победа в Итальянской кампании 1796 г. не доставалась Наполеону ценой стольких усилий и потерь. Она и по значению стала одной из главных, решающих, переломных. Дэвид Чандлер посчитал ее даже «высшей точкой кампании»[3]. Имя Наполеона зазвучало в Европе еще громче, слава его засияла еще ярче. Картина Антуана Гро (ученика великого Ж. Л. Давида) «Генерал Бонапарт на Аркольском мосту», написанная, можно сказать, по свежим следам в 1797–1798 гг., сразу обрела мировую известность.

Сам Наполеон (надо отдать ему должное) сохранял благодарную память о своих соратниках – героях Арколе. Когда ему, уже по возвращении в Париж, вручат на память об итальянском триумфе знамя, с которым он был под Арколе, он перешлет его Ланну с таким письмом: «Под Арколе был момент, когда неопределенность победы потребовала максимальной отваги от командиров. Покрытый кровью и тремя ужасными ранами, Вы тогда покинули перевязочный пункт, решив победить или умереть. Я постоянно видел Вас в первых рядах храбрецов. Именно Вы первым во главе колонны смертников переправились через Адидже. Вам и принадлежит честь быть хранителем этого славного знамени»[4].

Вдове своего адъютанта Мюирона Наполеон отправил трогательное письмо сразу после его гибели: «Мюирон убит возле меня на поле сражения под Арколе. Вы лишились нежно любимого супруга, а я – человека, к которому давно уже питал искреннюю дружбу. Отчизна теряет, однако, еще более, чем мы оба, со смертью офицера, отличавшегося столько же своим талантами, как и редким мужеством. Если я смогу быть чем-нибудь полезным Вам или его ребенку, прошу Вас всецело на меня рассчитывать»[5]. Позднее именем

---

[1] Там же.

[2] Ср.: Чандлер Д. Цит. соч. С. 85; Лашук А. Цит. соч. С. 57; Богданович М. И. Указ. соч. С. 74; Бешанов В. В. Шестьдесят сражений Наполеона. Минск, 2000. С. 57.

[3] Чандлер Д. Цит. соч. С. 85.

[4] Цит. по: Людвиг Э. Цит. соч. С. 105.

[5] Correspondance de Napoléon. T. 2. № 1199. С. 153.

Мюирона Наполеон назовет корабль, на котором он возвратится во Францию из Египта. А в предсмертном завещании оставит его семье 100 тыс. франков[1].

После Аркольской битвы в ходе боевых действий на итальянском фронте вновь наступила пауза. Продолжались лишь рекогносцировки, мелкие стычки, да Вурмзер предпринял неудачную вылазку из Мантуи. Пока Наполеон с трудом вытребовал у Директории подкрепления в 7 тыс. человек, Венский двор оперативно снял с берегов Рейна и прислал Альвинци три свежие дивизии численностью до 20 тыс. человек. «Что бы только не совершил Наполеон, если бы его поддерживало такое правительство!» – восклицал по этому поводу Стендаль[2].

За время этой паузы обострилась странная, пугавших окружающих болезнь Наполеона. Его мучил жар, под глазами обозначились черные круги, а бледные щеки впали; весь он «так пожелтел, что аж страшно», – говорили о нем его солдаты. Впрочем, австрийцы и французы-роялисты, узнав о его болезни, радовались («он так желт, что на него приятно смотреть!») и пили «за его скорую смерть». Друзья Наполеона «полагали тогда, что он отравлен. Ему самому приходила в голову эта мысль; поскольку болезнь казалась неизлечимой, он продолжал (через “не могу”) выполнять свой долг, мало думая о своем здоровье»[3].

Лишь спустя долгое время, личный врач Наполеона с 1801 г., будущий академик Жан Никола Корвизар (1755–1821) распознал странную болезнь своего пациента и сумел излечить ее. Выяснилось, что еще под Тулоном в декабре 1793 г. Наполеон, после того как на одной из его батарей все канониры погибли, решил сам зарядить орудие и взялся за банник[4]. О том, что было дальше, читаем у Стендаля: «Случилось так, что до него этот банник держал в руках канонир-наводчик, болевший чесоткой. Вскоре тело Наполеона покрылось коростой. Необычайно чистоплотный по природе, он быстро избавился от нее. Но это и было плохо: следовало предоставить болезнь ее естественному течению. Болезненное начало, не вполне изгнанное, перекинулось на желудок. На ночлеге среди болота вблизи Мантуи он вдобавок схватил лихорадку <...>. После Арколе физические силы молодого полководца, казалось, стали угасать, но духовная мощь придавала ему энергию, с каждым днем вызывавшую все большее

[1] Маршан Л.-Ж. Наполеон Годы изгнания. М., 2003. С. 759.

[2] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 287.

[3] Там же. С. 304.

[4] Банник – цилиндрическая щетка с длинной ручкой для чистки и смазки орудийного ствола.

изумление»[1]. Именно так: вся Европа с изумлением будет судить о том, что́ он сотворит при Риволи.

А пока Наполеон, превозмогая болезнь и буквально выбивая у Директории подкрепления, готовился дать отпор новому походу Альвинци. Обстоятельства, при которых он узнал, когда и куда выступили войска Альвинци, похожи на исторический детектив. В плен к французам попал «очень толковый тайный агент, посланный из Вены в Мантую». Его запугали и заставили выдать бумагу, спрятанную в крохотном шарике из воска, которую он проглотил. То было собственноручное письмо императора Франца к Вурмзеру. Император приказывал фельдмаршалу продержаться еще несколько дней и сообщал, что к нему на помощь уже выступила свежая армия под командованием Альвинци[2].

К середине января 1797 г. у Наполеона на всем театре боевых действий в Италии было 45 тыс. человек против примерно 65 тыс. у Альвинци плюс 25-тысячный гарнизон Мантуи. Но посредством искусных и, как всегда, невероятно быстрых маневров Наполеон сумел преградить путь к Мантуе главным силам Альвинци на выгодной для себя позиции и при таком раскладе сил, который французов устраивал: их было 22 тыс., австрийцев – 28 тыс.[3]

Местом очередного сражения (а это была, по выражению Стендаля, «бессмертная битва»[4]) стал пленительный ландшафт возле городка Риволи – плато над озером Гарда, берега которого были покрыты оливковыми, каштановыми и апельсиновыми деревьями во всей их красе. Здесь в двухневном кровопролитии 14–15 января 1797 г. во многом решилась судьба всей Итальянской кампании Наполеона.

С раннего утра 14 января в атаку на плато, занятое французами, австрийцы пошли тремя колоннами. Дивизия Б. К. Жубера, при которой находился главнокомандующий, еле сдерживала натиск противника. Сам Наполеон не один раз оказывался среди неприятельских солдат, «под ним были ранены несколько лошадей»[5]. Но в критический момент, как было задумано Наполеоном, последовал контрудар по наступающим колоннам австрийцев силами пехотной дивизии А. Массена и кавалерийских эскадронов полковника, буду-

---

[1] Там же. С. 305.

[2] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 214; О'Мира Б. Голос с острова Святой Елены. Мемуары. М., 2004. С. 400–401.

[3] См.: Клаузевиц К. Цит. соч. С. 147, 149; Лашук А. Цит. соч. С. 64; Чандлер Д. Цит. соч. С. 87–88.

[4] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 264.

[5] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 219.

щего генерала и графа Империи, геройски погибшего в знаменитой битве при Ваграме Антуана Луи Шарля Лассаля. Австрийские колонны дрогнули и были сброшены в ущелье. Наполеон потом скажет: «Победу при Риволи выиграли Массена. Жубер, Лассаль и я»[1].

Правда, на следующий день Альвинци с остатком разбитых и частью свежих войск попытался было возобновить сражение, но к тому времени (опять-таки в момент, заранее предусмотренный) вышел в тыл австрийцам со своим кавалерийским резервом и внезапно атаковал их полковник и тоже будущий генерал Жан-Пьер-Антуан Рей. После этого битва превратилась «в избиение оказавшихся в ловушке австрийских батальонов»[2].

За два дня битвы у Риволи австрийцы потеряли, по данным К. Клаузевица и Д. Чандлера, 14 тыс. человек[3]. Цифра австрийских потерь у А. З. Манфреда (только пленных – «более 20 тыс.») явно преувеличена, хотя и в меньшей степени, чем у А. Кастело (24 тыс. пленных)[4]. Даже Наполеон, склонный преувеличивать потери неприятеля, насчитал только 7 тыс. пленных[5]. Трофеями французов стали 12 орудий и 24 знамени. Кстати, когда один из героев битвы Лассаль поднес Наполеону охапку этих знамен, главнокомандующий, сам тяжело больной, видя, что полковник еле держится на ногах от усталости, сказал ему с улыбкой: «Ложись-ка на них, Лассаль, и поспи. Ты это вполне заслужил!»[6]

В тот же вечер 15 января, сразу по окончании битвы Наполеон пишет Жозефине: «Я побил неприятеля <...>. Умираю от усталости. Умоляю тебя выехать немедленно в Верону. Ты так нужна мне! Кажется, я серьезно заболел. Тысяча поцелуев! Я лежу в кровати»[7].

Однако уже наутро «умиравший от усталости» опять был в седле. Он узнал, что австрийский генерал Антонио Провера, однажды (14 апреля 1796 г.) уже капитулировавший перед французами в замке Коссария, теперь с отдельным корпусом из армии Альвинци спешит на помощь Вурмзеру в Мантую. Нужно было его опередить. Оставив Жубера и Рея преследовать разбитые войска Альвинци, Наполеон с дивизией Массена (безусловно, лучшей из всех) устремился к Мантуе, затребовав туда же дивизии Ожеро и Серрюрье. Вурмзер сделал очередную вылазку из Мантуи, чтобы соединиться

---

[1] Dictionnaire Napoléon. P., 1999. T. 2. P. 155.
[2] Лашук А. Цит. соч. С. 64.
[3] Клаузевиц К. Цит. соч. С. 153; Чандлер Д. Цит. соч. С. 89.
[4] Манфред А. З. Цит. соч. С. 149; Кастело А. Жозефина. Кн. 1. С. 181.
[5] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 219.
[6] Кастело А. Бонапарт. С. 179.
[7] Letters of Napoleon to Josephine... P. 78–79.

с Проверой, но опоздал: раньше Проверы к месту его предполагаемого соединения с Вурмзером – у дворцового ансамбля герцога Мантуанского под названием *Фаворит* – подоспел Наполеон во главе дивизии Массена. 17 января здесь произошло жаркое сражение, по ходу которого к Вурмзеру присоединился Провера, но зато к Массена – Ожеро и Серрюрье. В итоге Вурмзер был отброшен в Мантую, а Провера вновь, как и в апреле, капитулировал с 6 тыс. солдат и офицеров[1].

Фаворит дополнил собой и подчеркнул триумф Риволи. Мало того, в тот же день, 17 января, Жубер, преследовавший остатки войск Альвинци, при селении Ла Корона недалеко от Риволи взял еще 5 тыс. пленных. В общей же сложности за четырехдневную «кампанию» 14–17 января 1797 г. «гордая Австрийская империя потеряла 24 тыс. солдат и офицеров пленными, 12 тыс. убитыми и ранеными, 60 орудий и 24 знамени, в том числе вышитые рукой императрицы знамена венских добровольцев»[2]. Авторитетный российский дипломат граф Г. Д. Моцениго доносил из Флоренции в Петербург: «Буонапарте, в течение четырех дней почти уничтоживший императорские войска в Италии, вступил триумфатором в Верону». Поскольку теперь всеобщее внимание не только в Италии, но и в Европе было приковано к судьбе Мантуи, Моцениго уверенно предсказал, что Мантуя долго не продержится и что «ее падение сразу почувствует вся Италия!»[3]. Так и произошло.

После Фаворита фельдмаршал Вурмзер продержался лишь две недели, пока его изголодавшийся гарнизон не съел всех своих лошадей. В святой для всех христиан праздник Сретения – 2 февраля 1797 г. – в церквах Мантуи колокола зазвонили необычно: крепость сдалась. Солдаты гарнизона, еще державшиеся на ногах (15 тыс. по К. Клаузевицу и 16 – по Д. Чандлеру) сдали оружие. Кроме того, пленниками французов стали еще 7 тыс. больных, а в числе трофеев впечатляли 300 орудий (по данным А. А. Жомини, даже 350).

Наполеон доверил честь принять капитуляцию Мантуи старейшему из своих генералов – Серрюрье, обязав его соблюсти редкое в таких ситуациях почтение к пленному фельдмаршалу. Вурмзер получил право свободно выйти из крепости с отрядом в 500 вооруженных солдат при 6 орудиях[4].

---

[1] Подробно см.: Клаузевиц К. Цит. соч. С. 153–158; Лашук А. Цит. соч. С. 64–66.

[2] Лашук А. Цит. соч. С. 66.

[3] Цит. по: Манфред А. З. Цит. соч. С. 150.

[4] См.: Клаузевиц К. Цит. соч. С. 165.

Тем временем Наполеон, не дожидаясь, когда будет оформлена капитуляция Мантуи, пошел с частью своих войск на Рим, через Римини, а благодарный Вурмзер отправил ему вдогонку письмо, которое, по признанию Наполеона, спасло ему жизнь. Вот как рассказывал об этом император на острове Святой Елены своему врачу Б. О'Мира: «Когда я отправлялся в Римини, меня догнал курьер с письмом от Вурмзера, который сообщал мне о плане моего отравления и о месте, где это должно было произойти. Попытка отравить меня, подготовленная канальями священниками, должна была быть осуществлена в Римини. По всей вероятности, эта попытка увенчалась бы успехом, если бы не эта информация Вурмзера»[1].

Тот факт, что Наполеон уклонился от столь лестного для него церемониала принять сдачу в плен неприятельского фельдмаршала, свидетельствовал о его скромности. Достойно вели себя в покорившейся Мантуе и его солдаты. Только Вальтер Скотт обнаружил (если не домыслил) какие-то данные о том, что они «пытались содрать со стен и увезти в благословенную Францию знаменитые фрески Тициана, изображавшие борьбу богов и титанов. К счастью для Тициана и Италии, это оказалось неисполнимо – и боги и титаны остались на их родных стенах»[2].

Падение Мантуи практически завершило освобождение Северной Италии от австрийского господства и всколыхнуло всю страну. Однако вывод А. З. Манфреда, что будто бы «отныне *вся* Италия лежала у ног победителей»[3], несколько поспешен. На очереди была еще Папская область.

Папа Римский Пий VI (в миру Джованни Анджело Браски) вел тогда проанглийскую политику, предавал анафеме Французскую революцию и даже попустительствовал избиению в Риме 13 января 1793 г. посланника Франции А. Бассевиля. Теперь, в январе 1797 г., Лазар Карно от имени Директории настойчиво предлагал генералу Бонапарту идти на Рим, «разбить этот трон глупости» и «водрузить над столицей Италии штандарт свободы»[4].

В первых числах февраля Наполеон с двумя отрядами общей численностью в 5 тыс. человек под командованием Ж. Ланна и К. П. Викто́ра (тоже будущего маршала) *перешел* – в буквальном смысле – *Рубикон*. Папские войска, попытавшиеся остановить французов, были с легкостью для Ланна и Виктора отброшены и «бежали от французов с такой быстротой, что посланный в погоню за ними

---

[1] О'Мира Б. Указ. соч. С. 402.
[2] Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 112.
[3] Манфред А. З. Цит. соч. С. 150. Курсив мой. – *Н. Т.*
[4] Цит. по: Кастело А. Бонапарт. С. 181.

Жюно не смог их догнать в продолжение двух часов, но, догнав, часть изрубил, часть же взял в плен»[1]. 12 февраля Пий VI в письме к Наполеону запросил мира. Наполеон ответил согласием, причем Вальтер Скотт, не упускавший случая съязвить по его адресу, назвал его письмо к папе «сверхпочтительным, ласково-вежливым, которое смахивает на светскость того разбойника, что всегда желал спокойной ночи своим ограбленным жертвам»[2].

Мирные переговоры Наполеон начал 16 февраля в Толентино (на подходе к Риму) с тремя назначенными папой кардиналами. Вот что пишет об этом Андре Кастело: «В строгом, даже суровом на вид дворце Паризани и сегодня вам покажут зал и комнату Наполеона, где он работал с этими “попами” и где ему приходилось напяливать на себя устрашающую маску и разговаривать с ними в “тоне страшилища”. Выдвинутые им условия оказались настолько жесткими, что кардинал Маттеи (племянник папы) даже опустился перед ним на колени»[3]. Намеренно устрашив кардиналов сверхжесткостью своих требований, Наполеон затем смягчил их – совсем немного, но перепуганные кардиналы радовались и такому смягчению. По условиям договора папа римский передавал во владение Франции Болонью, Феррару, Романью и Анкону помимо контрибуции в 15 млн ливров и предметов искусства, а также закрывал все порты Папской области для английских судов[4].

«Почему Наполеон уже тогда не сделал того, что он совершит несколько лет спустя? Почему он не занял Рим, не арестовал папу?» – такие вопросы поставил Е. В. Тарле и сам же дал убедительный ответ. Во-первых, «еще предстояли мирные переговоры с Австрией, а слишком крутой поступок с папой мог взволновать католическое население Италии и создать тем самым для Наполеона необеспеченный тыл». А во-вторых, Наполеон уже тогда допускал, что станет повелителем Франции и что папа Римский был бы для него полезен как «духовный повелитель многих миллионов людей в самой Франции», ибо «всякий, кто думает об утверждении своей власти над этими миллионами, должен считаться с их суевериями»[5].

Итак, Папская область преклонила колени перед Наполеоном. Вот теперь стало ясно, что вся Италия – у ног французского «чудо-генерала», который уже готовился идти походом на Вену. Австрийская империя, естественно, не могла с этим мириться и ис-

---

[1] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 48.
[2] Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 124.
[3] Кастело А. Бонапарт. С. 182.
[4] Текст договора см.: Correspondance de Napoléon. T. 2. P. 444–449.
[5] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 49–50.

пользовала свой последний шанс для спасения престижа и самого бытия Австрии как великой державы. Все при Венском дворе понимали, что роль спасителя мог сыграть только один человек – эрцгерцог Карл, сын одного императора Австрии (Леопольда II) и брат другого (Франца I), племянник французской королевы Марии-Антуанетты, в 25 лет уже фельдмаршал. Он победоносно завершил кампанию 1796 г. на Рейне, разбил и армию Ж. В. Моро под Раштадтом и армию Ж. Б. Журдана под Амбергом и Вюрцбургом, сорвав таким образом французские планы вторжения в Австрию из Германии и устранив от Австрии эту угрозу. Теперь гофкригсрат ждал от эрцгерцога устранения такой же угрозы из Италии: он должен был «отомстить за Больё, за Вурмзера, за Альвинци и вновь завоевать Мантую, Ломбардию и Италию»[1].

Едва Наполеон успел подписать мирный договор с папой, как ему пришлось обратить все свои силы против эрцгерцога Карла, который уже 7 февраля прибыл в Инсбрук, на границу с Италией. В течение двух недель оба полководца ждали и стягивали к себе подкрепления. К Наполеону были отправлены с Рейна две дивизии – генералов Ж. Б. Ж. Бернадота (тогда еще не посватавшегося к Дезире Клари) и Антуана Гийома Дельмаса. Общую численность его войск к началу кампании против эрцгерцога Карла историки называют поразному: от 50 тыс. человек у А. Лашука до 79 тыс. у К. Клаузевица[2]. Клаузевиц ссылался при этом на самого Наполеона, не учитывая важной детали: Наполеон действительно рассчитывал на 79 тыс. человек, включая обещанные ему контингенты сардинцев и венецианцев, которые, однако, к нему не присоединились, оставив его с армией в 60 тыс. штыков и сабель; хуже того, 10 тыс. из них он должен был оставить в резерве на случай диверсий со стороны «недоброжелателей венецианской олигархии»[3]. Что касается эрцгерцога Карла, то он к началу кампании смог задействовать тоже едва ли более 50 тыс. человек[4].

Наполеон и на этот раз, как обычно, стал действовать на опережение. 16 марта 1797 г. он с главными силами подступил к р. Тальяменто, на противоположном берегу которой эрцгерцог Карл дожидался подхода резервной гренадерской дивизии. Воспользовавшись тем, что река мелководна, Наполеон бросил через нее вброд кавалерию Мюрата и пехоту генерала К.-Э. Гюйо. Они начали сражение, которое продолжалось несколько часов, уже при уча-

[1] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 176.
[2] Клаузевиц К. Цит. соч. С. 174; Лашук А. Цит. соч. С. 66.
[3] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 235–236.
[4] Там же. С. 237; Чандлер Д. Цит. соч. С. 91.

стии всех войск из дивизий Серрюрье, Бернадота и Массена подоспевшего позже всех. К концу дня эрцгерцог был побежден. Он стал отступать за р. Изонцо, фактически оставляя пределы Италии. Преследуя его, авангарды Наполеона достигли альпийского перевала Земмеринг. До Вены им оставалось по военным меркам рукой подать – около 100 км[1].

В столице Габсбургов началась паника. Австрийский императорский двор с лихорадочной поспешностью оставил Вену. Дунай был запружен судами, на которых перевозили в Венгрию дворцовые сокровища и личные драгоценности монаршей семьи. Туда же, как можно дальше от мест возможных сражений, отправили малолетних принцев и принцесс (эрцгерцогов и эрцгерцогинь). Среди них была и пятилетняя дочь императора Франца Мария-Луиза – будущая супруга Наполеона и французская императрица[2].

31 марта Наполеон, что называется, с позиции силы предложил в личном письме к эрцгерцогу Карлу начать мирные переговоры. «Господин главнокомандующий! – обращался "чудо-генерал" Франции к австрийскому принцу. – Наши храбрые солдаты ведут войну, но желают мира <...>. Не довольно ли мы истребили людей и причинили зла несчастному человечеству за последние шесть лет? Со всех сторон слышатся призывы к миру. Европа, поднявшая оружие против Французской республики, сложила его. Осталась одна ваша нация, а между тем предстоит еще большее кровопролитие, чем когда-либо. Все в начале этой кампании предвещает его. Каков бы ни был исход, мы уничтожим еще тысячи людей. Не лучше ли кончить все это миром? Все должно иметь свой предел, даже ненависть. Директория Французской республики дала знать Его Величеству Императору (Австрии. – *Н. Т.*) о своем желании положить конец войне, приводящей в отчаяние оба наших народа. Вмешательство Лондонского двора стало здесь помехой. Неужели у нас нет никакой надежды договориться, неужели мы с вами должны из-за выгод и пристрастий нации, которой чужды бедствия войны (речь идет об Англии. – *Н. Т.*), продолжить резню между собой?»[3]

Эрцгерцог Карл ответил 1 апреля уклончиво: «Конечно, господин главнокомандующий, ведя войну и следуя долгу и чести, я желаю, так же, как и Вы, мира для счастья наших народов и человечества. Тем не менее, находясь на посту, который мне вверен, я не считаю себя вправе ни входить в рассмотрение, ни положить предел ссоре

[1] Подробно об этом см.: Клаузевиц К. Цит. соч. С. 180–186; Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 240–248; Лашук А. Цит. соч. С. 68.

[2] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 248.

[3] Там же. С. 249–250.

между воюющими сторонами. Я не получал от Его Величества императора никаких полномочий для ведения переговоров, и вы потому найдете естественным, что я не вступаю с вами ни в какие переговоры, ожидая распоряжений свыше относительно такого важного вопроса, не входящего, по существу, в мою компетенцию. Каковы бы ни были, впрочем, будущие судьбы войны или надежды на мир, прошу вас быть уверенным, господин генерал, в моем глубоком уважении к Вам»[1].

Наполеон понял, что надо гнать австрийские войска до самой Вены, пока Габсбурги сами не запросят мира. Думается, в письме эрцгерцога Карла его задела ссылка на то, что эрцгерцог, имперский принц, родной брат самого императора, не имеет полномочий «свыше» для мирных переговоров. Наполеон-то, по рангу всего лишь рядовой генерал, один из многих, готов был вести любые переговоры без всяких полномочий свыше, по ситуационной необходимости и собственному разумению. Как бы то ни было, он возобновил преследование войск эрцгерцога Карла, наращивая свою наступательную мощь, и 2 апреля, в 3 часа пополудни, у г. Неймаркта настиг изготовившуюся к обороне армию эрцгерцога. Первой пошла в атаку дивизия Массена, за ней – другие, с яростным воодушевлением, предвкушая скорый конец войны. Австрийцы дрогнули. По воспоминаниям Наполеона, «эрцгерцог Карл рисковал собой, но бесполезно: его войска были отброшены», потеряв 3 тыс. человек убитыми и ранеными, 1200 – пленными, 6 орудий и 5 знамен[2].

Неотступно следуя за вновь отступившим эрцгерцогом, Наполеон 7 апреля вошел в г. Леобен. Отсюда перед ним открывался прямой путь к столице Австрии. Паника в Вене росла: «Ганнибал у ворот! Бонапарт завтра будет здесь!» Уже не только правящие верхи, но и все вообще горожане, «так долго жившие спокойной и размеренной жизнью, были в страхе, ожидая приближения непобедимого врага»[3]. Да, Наполеон разгромил одну за другой четыре армии, которые Австрия посылала против него во главе с лучшими полководцами империи – тремя фельдмаршалами и эрцгерцогом, будущим генералиссимусом. Теперь ей оставалось только просить мира, что она и сделала.

В тот же день, 7 апреля, когда Наполеон вступил в Леобен, к нему прибыли два парламентера: начальник штаба эрцгерцога Карла генерал-лейтенант Иоганн Бельгард (будущий фельдмаршал и президент гофкригсрата) и генерал-майор Максимилиан Мерфельдт (впо-

[1] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 250–251.
[2] Там же. С. 251.
[3] Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 135.

следствии австрийский посол в Петербурге и пленник Наполеона в «битве народов» под Лейпцигом). Наполеон согласился подписать с ними перемирие на 5 дней, а 13 апреля тот же Мерфельдт и посол Неаполя в Вене маркиз Марцио-Мастрилли Галло (фаворит австрийской императрицы) уже с необходимыми полномочиями *свыше*, от императора, повели с Наполеоном переговоры о мире.

Собственно, Директория уполномочила вести такие переговоры генерала А. Ж. Г. Кларка. По данным В. Скотта, Кларк имел задание не только наблюдать за действиями Бонапарта, но даже «арестовать его, если возникнут сомнения в его верности французскому правительству»[1]. Однако Наполеон не стал дожидаться прибытия Кларка в Леобен из Турина, где тот выполнял другие поручения Директории. Сделав вид, что, кроме него, никто от Франции не уполномочен вести переговоры, он пригласил австрийских уполномоченных приступить к делу: «...он просто-напросто не изъявил ни малейшего сомнения, что имеет на это полное право»[2]. Не усомнились в этом и генерал Мерфельдт с маркизом Галло.

Переговоры в Леобене Наполеон вел корректно, но подчеркнуто с позиции силы. Австрийцы это почувствовали сразу, как только предложили записать в первой статье мирного договора (в порядке комплимента французам), что император Австрии *признает* Французскую республику. «Вычеркнем это, – заявил Наполеон. – Республика сияет, как солнце, собственным светом. Только слепцы не замечают этого»[3].

Договор был подписан 18 апреля в замке Эггенвальд, под Леобеном. Его условия считались предварительными и подлежали обсуждению и ратификации с обеих сторон на высшем уровне. Но, по сути дела, обе стороны понимали, что главные пункты, согласованные в Леобене, останутся неизменными. Австрия отказалась от Бельгии, входившей в состав Австрийской империи со времен войны за т. н. Испанское наследство (1701–1714 гг.), и от всех своих владений в северной Италии. Зато Наполеон, щадя самолюбие Габсбургов, не стал настаивать на отторжении от них рейнских земель и даже (в секретной статье договора!) обещал передать Австрии часть территории Венецианской республики[4].

Текст Леобенских статей был доставлен в Париж членам Директории. Эту почетную миссию Наполеон доверил самому заслу-

---

[1] Там же. С. 137.

[2] Там же.

[3] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 255.

[4] Текст Леобенских статей см.: Correspondance de Napoléon. T. 2. P. 648–653.

женному из своих боевых соратников по Итальянской кампании – Андре Массена. Директория отреагировала на самоуправство своего «чудо-генерала» с нервным раздражением. Леобенский договор ее не устраивал. Она ведь требовала присоединить к Франции Рейнскую область, а Габсбургам в компенсацию вернуть Ломбардию. Директория попыталась одернуть развоевавшегося дипломата Бонапарта и поставить его на место как своего прислужника. Наполеон ответил ей резким письмом от 31 мая 1797 г.: «Вы упрекаете итальянскую армию, которая, преодолев все трудности и препятствия, пошла на Вену и вынудила австрийское правительство признать Республику <...>. И вы ставите Бонапарту в вину подписание мира с Австрией! Я вас предупреждаю, а я говорю от имени пятидесяти тысяч солдат: время, когда трусливые адвокаты и злосчастные болтуны отправляли на гильотину солдат, прошло. И, если вы вынудите их, солдаты Италии придут в Клиши (пригород Парижа. – *Н. Т.*) во главе с их генералом. И тогда – горе вам!»[1]

Комментируя этот текст, Анри Лашук заметил: «Согласно республиканскому календарю через два года, пять месяцев и девять дней один осенний день будет называться 18 брюмера»[2]. Директория, естественно, не знала, но уже могла опасливо предполагать, что́ последует во Франции через два с половиной года. Поэтому она, как говорят в таких случаях, проглотила пилюлю, и вместо того, чтобы сбить спесь с Бонапарта, сама поджала хвост, поздравляя его с очередными победами и одобрила Леобенский договор именно как предварительный, т. е. еще не о мире, фактически – о *перемирии*. А пока все время от подписания Леобенских статей до заключения мира в Кампоформио, т. е. ровно шесть месяцев, с 18 апреля до 18 октября, Наполеон энергично занимался не только итальянскими, но и сугубо французскими делами.

В Италии Наполеон был в то время повелителем, с властным потенциалом монарха или диктатора. «Это – Юлий Цезарь в Галлии», – сказал о нем Альбер Сорель[3]. За два месяца после Леобенского соглашения наш герой по-хозяйски перекроил политическую карту Италии на республиканский и, главное, французский манер. Начал же он с того, что припугнул, наказал и фактически упразднил средневековую олигархическую республику в Венеции.

Дело в том, что 19 апреля, на Пасхальную седмицу, французское торговое судно «Освободитель Италии», спасаясь от двух австрийских военных кораблей, вошло в гавань венецианской крепости Лидо

[1] Цит. по: Лашук А. Цит. соч. С. 72.
[2] Там же.
[3] Сорель А. Указ. соч. Т. 5. С. 145.

и было обстреляно венецианцами с крепостных батарей. Судно было потоплено, а капитан и часть экипажа погибли. Спохватившись, Сенат Венеции предложил Наполеону денежную компенсацию за погибших. Наполеон ответил: «Если бы вы могли предложить мне все сокровища Перу, если бы вы устлали золотом всю вашу землю, то и тогда бы вы не в состоянии были искупить французской крови, столь вероломно вами пролитой!»[1] 2 мая Наполеон объявил Венеции войну.

Собственно, войны как таковой не понадобилось. Как только французские войска под командованием генерала Луи Барагэ д'Илье (будущего губернатора Смоленска в 1812 г. и Берлина в 1813 г.) вступили в Венецию, местный дож запросил пощады. «Я не могу Вас принять, с Вас каплет французская кровь!» – письменно ответил Наполеон на его просьбу об аудиенции. Последний, 120-й по счету, уже девятостолетний дож Венеции Лодовико Манин, сдавая город Наполеону, упал замертво[2]. Так, после одиннадцати столетий разносторонне-кипучей жизни Венецианская республика прекратила свое существование.

Покончив с Венецией, Наполеон занялся устройством и переустройством новых республик. 6 июня в Генуе он инициировал провозглашение Лигурийской республики и фактически продиктовал ей Конституцию по образцу французской 1795 г. К концу июня по инициативе Наполеона созданные им осенью 1796 г. Транспаданская и Циспаданская республики объединились в Цизальпинскую республику (от лат. Cisalpinus – находящийся по эту сторону, т. е. к югу от Альп). И здесь моделью для республиканской конституции послужила конституция Французской республики 1795 г. Она была введена в действие 30 июня 1797 г. Из пяти членов Директории, которая возглавила Цизальпинскую республику по этой конституции, четырех Наполеон предложил сразу, а пятого он же «обещал назначить в скором времени»[3]. При этом он подталкивал и Цизальпинскую, и Лигурийскую республики к тому, чтобы они стали «основой будущей единой Италии» именно республиканского, профранцузского типа.

С весны 1797 г. в роскошном дворце Момбелло под Миланом Наполеон устроил то ли *подобие* монаршего двора, как отзывались о нем Ф. Массон, А. Кастело, А. З. Манфред, то ли именно двор. «Чудо-генерал» жил тогда во дворце «как монарх и имел настоящий двор – здесь нет преувеличения, – полагает А. Ю. Иванов, и можно

---

[1] Цит. по: Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 140.
[2] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 51; Людвиг Э. Цит. соч. С. 86.
[3] Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 149.

с ним согласиться. – Генерал Республики – формально один из многих – удерживал подле себя австрийского посланника и папского представителя, посланников королей неаполитанского и сардинского, республик Генуэзской и Венецианской, герцога Пармского и швейцарских кантонов, нескольких германских государей. Там были все генералы, власти Цизальпинской республики, депутаты городов. Множество курьеров из европейских столиц прибывали и отъезжали ежечасно»[1].

Во дворце шли переговоры, решались военно-стратегические и политические вопросы, от которых зависели судьбы Европы, но там изумляли современников и грандиозные увеселения. «То был веселый, блестящий двор, искрящийся молодостью, смехом, шутками, вином в хрустальных гранях бокалов, улыбками женщин, – двор генерала армии победителей»[2].

Царила там Жозефина, царила, по язвительному сравнению ее биографа, «с той же элегантной легкостью, с которой наставляла мужу рога со своим Шарлем, а тот ничего не видел»[3]. Впрочем, после того как 1 июня в Момбелло прибыла мадам Летиция с тремя дочерьми, царственные лавры Жозефины стала оспаривать Полина Бонапарт, которая, как никто, умела кружить головы всем особям мужского пола. Наполеон поспешил выдать сестру-чаровницу замуж, именно тогда, летом 1797 г., в Момбелло сосватав ей своего друга, блестящего офицера, героя Тулона и Риволи, полковника Виктора Эммануила Леклерка, которому он в качестве свадебного подарка, пожаловал генеральские эполеты (а Полине – 40 тыс. ливров приданого).

Кстати, в деньгах Наполеон уже давно и навсегда перестал нуждаться. Итальянская кампания, безусловно, обогатила его, хотя он и не рвался к богатству и роскоши так, как большинство его боевых соратников (в особенности Массена и Ожеро). Часто, но не всегда отказывался он от щедрых подношений (звонкой монетой и натурой) итальянской знати. Директория Цизальпинской республики подарила ему и дворец Момбелло, выкупив его у прежнего владельца за 1 млн ливров. Наполеон (думается, по ласковому совету Жозефины) принял этот дар. Что касается денег, то на острове Святой Елены он подсчитает: вся его добыча в Италии не превышала 300 000 франков[4]. Один из самых осведомленных его биографов

---

[1] Иванов А. Ю. Тайны египетской экспедиции Наполеона. М., 2004. С. 7.
[2] Манфред А. З. Цит. соч. С. 158.
[3] Кастело А. Бонапарт. С. 190.
[4] Las Cases E. Le memorial de Sainte-Hélène. P., 1894. T. 1. P. 115.

Фредерик Массон заметил, что здесь, по всей видимости, император пропустил один ноль[1].

На приемах и балах в Момбелло присутствовали не только военные и политики, дипломаты и банкиры, чиновные хлыщи и светские дамы. Наполеон принимал во дворце знаменитых ученых (математика Г. Монжа, химика К. Л. Бертолле), писателей, музыкантов и артистов, удивляя их всех, как впоследствии удивил великого И. В. Гете, своими познаниями в разных областях науки, литературы, искусства[2].

Среди разного рода празднеств случилась в Момбелло и трагедия – для Жозефины, а для Наполеона – трагикомедия. Вот как рассказывает о ней Андре Кастело: «Могучий пес повара на заре одного рокового дня загрыз маленького Фортюне, который, к радости Бонапарта, раньше обычного соскочил с постели хозяйки». Пока Жозефина оплакивала своего любимца, ей достали новую моську. Повар тут же поклялся Наполеону, что «будет отныне держать своего пса на прочной привязи, но генерал отсоветовал ему это делать, велев выпускать “убийцу” на волю в те часы, когда будет гулять новый мопс, такой же сварливый и охочий до икр Наполеона, как и злополучный Фортюне».

Из Момбелло, держа в поле зрения всю Италию, Наполеон зорко следил и за положением дел во Франции. К весне 1797 г. режим французской Директории зашатался, ибо пять директоров восстановили против себя чуть ли не всех и вся. Они поселились в историческом Люксембургском дворце со своими семьями и предавались там увеселениям и оргиям. «Достоинство высших правителей было опошлено, – вспоминал о них Наполеон. – Это одинаково коробило и низы, и верхи общества»[3]. Но главное, все директора, кроме Лазара Карно, а в особенности Баррас погрязли в коррупции, лихоимстве и казнокрадстве. К тому же, напомню читателю, все пятеро голосовали в 1793 г. за казнь короля. Поэтому роялисты воспринимали их как прямых врагов, «цареубийц», а республиканцы – как переродившихся соратников, которых лучше для страны убрать, чем поддержать. В результате стал зреть обширный заговор и справа и отчасти слева против «пяти люксембургских вельмож».

---

[1] Masson F. Napoléon et sa famille. P., 1897. T. 1. P. 211.

[2] И. В. Гете, который лично знал Наполеона и общался с ним, свидетельствовал: «Такого, что могло бы поставить его в тупик, попросту не существовало» (Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1986. С. 307).

[3] Наполеон. Избр. произведения. С. 233.

После того как в мае 1797 г. состоялись очередные, предусмотренные Конституцией 1795 г., выборы в законодательное собрание – Совет старейшин и Совет пятисот, – Директория оказалась на краю гибели. В оба совета были избраны лишь 34 республиканца против 226 роялистов[1]. Избранные депутаты назначили председателем Совета старейшин роялиста, маркиза Франсуа Барбе-Марбуа, а председателем Совета пятисот – генерала Шарля Пишегрю.

Пишегрю к тому времени был одним из самых популярных военачальников Франции. Именно он в 1794 г. завоевал Голландию. Но никто в Париже не знал о том, что стало известно Наполеону. Однажды майским вечером 1797 г. в Милане Наполеон получил эстафету от Ж. Б. Ж. Бернадота, дивизия которого стояла тогда в Триесте. Курьер из Триеста примчался к Наполеону с портфелем, в котором находилось сенсационное содержимое: секретнейшие документы и рапорт Бернадота об их происхождении. Портфель был изъят у графа Луи Александра д'Антрега – роялиста и агента Бурбонов, который «стоял во главе всех шпионских и мятежных заговоров против французской армии»[2]. Среди прочих бумаг д'Антрега Наполеон обнаружил и такие, в которых черным по белому говорилось о государственной *измене* Пишегрю, вплоть до подробностей его тайных переговоров с агентом главы французской контрреволюционной эмиграции, будущего короля Людовика XVIII Луи Фош-Борелем[3].

Получив столь спасительную для Директории информацию, Наполеон не спешил отправлять ее Баррасу и К°. Во-первых, он не очень-то хотел спасать такое правительство, хотя и понимал, что приход к власти роялистов стал бы еще большим злом. А кроме того, и это главное, в бумагах д'Антрега обнаружилась деталь, которая могла скомпрометировать самого Наполеона. Вот что пишет об этом Е. В. Тарле: «В одной из бумаг (и притом в самой важной для обвинения Пишегрю) другой агент Бурбонов, Монгайяр[4], между прочим рассказывал, что он побывал в Италии у Бонапарта в главной квартире его армии и пытался с ним тоже вести переговоры. Хотя ничего больше и не было, кроме этих ничего не значащих строк, хотя Монгайяр и мог под каким-нибудь предлогом действительно побы-

---

[1] См.: Собуль А. Первая республика. 1792–1804. М., 1974. С. 256.

[2] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 282.

[3] Подробно об этом см.: Там же. С. 282–283; Тарле Е. В. Цит. соч. С. 52–54.

[4] Монгайяр Жан-Габриэль-Морис (1761–1841) – граф, секретный агент Бурбонов, автор тенденциозных «Souvenirs du comte de Montgaillard» (P., 1895).

вать под чужим именем у Бонапарта, но генерал Бонапарт решил, что лучше эти строки уничтожить, чтобы не ослаблять впечатления касательно Пишегрю. Он приказал доставить к себе д'Антрега и предложил ему тут же переписать этот документ, выпустив нужные строки, и подписать его, грозя иначе расправиться с ним. Д'Антрег мигом сделал все, что от него требовалось, и был спустя некоторое время выпущен (т. е. ему было устроено мнимое "бегство" из-под стражи)»[1].

При этом д'Антрег в благодарность за то, что ему сохранена жизнь, дал слово не вредить Наполеону, но, как сказано в записках Наполеона, слова своего не сдержал. «Вскоре появилось нечто вроде памфлета, который им распространялся по всей Германии и Италии. Он описывал в нем ужасную камеру, в которую будто бы был заключен, пытки, которым был подвергнут, отвагу, которую он проявил, и опасности, каким подвергался, освобождаясь из заточения. В Милане он возбудил всеобщее негодование, ибо там видели его прилюдно, на прогулках, на спектаклях, пользующимся полной свободой»[2].

К тому моменту, когда от Наполеона в Директорию были доставлены бумаги д'Антрега, Поль Баррас, казалось бы не склонный ни при каких обстоятельствах унывать, уже прогнозировал себе и своим коллегам фатальное будущее: «...скоро мы будем болтаться на виселицах!» Дело в том, что роялистское большинство Законодательного собрания приступило к политической экзекуции над Директорией, потребовав для начала, чтобы она отчиталась в расходах. «Куда ушло золото, поступившее из Италии? Почему казна всегда пуста? То были вопросы, на которые Директория даже при всей дьявольской изобретательности Барраса не могла дать ответа»[3]. Каждому из директоров уже мерещился эшафот, когда они получили из той же Италии, после стольких миллионов, теперь еще и спасительные бумаги.

Директория воспрянула духом, но не была уверена, что сумеет убедить Законодательный корпус в измене Пишегрю и опереться при этом на войска парижского гарнизона. Поэтому она обратилась к Наполеону с просьбой о помощи или, точнее, о спасении. Баррас признавался, что он и его коллеги «были бы счастливы снова увидеть в их среде генерала, так прекрасно действовавшего 13 вандемьера»[4].

---

[1] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 54.

[2] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 283. В дальнейшем Л. А. д'Антрег служил России (в 1803–1807 гг. был советником русской миссии в Дрездене) и Англии. 22 июля 1812 г. он и его жена были зарезаны в их загородном доме около Лондона собственным слугой, который после этого застрелился (Dictionnaire Napoléon. P., 1999. T. 1. P. 105).

[3] Манфред А. З. Цит. соч. С. 162.

[4] Там же. С. 163.

Сам Наполеон отказался доставить директорам счастье «увидеть его в их среде», дав им понять, что он уже не «генерал Вандемьер» и не желает компрометировать себя и свою мировую славу героя Мантуи и Арколе, Риволи и Леобена уличной расправой над соотечественниками[1]. Но все-таки вместо себя он прислал с отрядом солдат самого подходящего для таких расправ своего соратника – отважного и откровенного солдафона Ожеро. 7 августа этот сын лакея, ставший генералом (а потом еще и маршалом, и герцогом), приехал в Париж и сразу же по-солдафонски откровенно доложил членам Директории: «Я прибыл сюда, чтобы уничтожить всех роялистов!» Карно отреагировал на этот доклад с неприязнью: «Какой отъявленный разбойник!»[2] Оказалось, что Директория уже не едина: двое директоров – Карно и Франсуа Бартелеми, заменивший в первом составе Директории ничтожного Летурнера, – осторожничали и не хотели крайних, «уничтожающих» мер ни слева, ни справа. Зато трое остальных во главе с Баррасом (их сразу назвали «триумвирами») были убеждены, что сохранят себе жизнь и власть только крайними мерами.

Как бы то ни было, далее все пошло по сценарию «триумвиров», с которым Наполеон согласился, а воплотил этот сценарий в жизнь «разбойник» Ожеро, которого «триумвиры» срочно назначили командующим войсками Парижского военного округа. 18 фрюктидора (4 сентября) 1797 г. отряд Ожеро и приданные ему части парижского гарнизона общей численностью в 10 тыс. человек окружили Тюильрийский дворец, где заседали оба Совета. Ожеро объявил всех роялистов арестованными. Никто из них не оказал ни малейшего сопротивления. Дворцовая гвардия трусливо сложила оружие. Прозвучали только робкие выкрики кого-то из депутатов: «А где право закона?» В ответ на них «один из офицеров Ожеро, имя которого не сохранилось в истории, произнес поистине историческую фразу: «Закон? Это сабля!»[3]

Затем началась массовая чистка Законодательного корпуса. Пишегрю, уличенный в измене, и «около дюжины» (по подсчетам А. Собуля) наиболее близких к нему депутатов первыми были отправлены в самую зловещую из тюрем Парижа под названием «Тампль» (т. е. «Храм»). Баррас, торжествуя победу, приказал арестовать и своих бывших коллег – Бартелеми и Карно. Первый из них был схвачен, но второму (его кто-то известил о предстоящем аресте) удалось бежать. Фридрих Кирхейзен так описал его побег: «Карно

[1] Наполеон. Избр. произведения. С. 240.
[2] Кастело А. Бонапарт. С. 194; Манфред А. З. Цит. соч. С. 164.
[3] Манфред А. З. Цит. соч. С. 164.

заранее раздобыл ключ к маленькой потайной двери Люксембургского сада. Теперь он воспользовался случаем и выпрыгнул из окна своей квартиры в нижнем этаже прямо в сад. Оттуда через потайную дверь он благополучно выбрался на свободу, ибо там не было стражи. Пробыв некоторое время у своего друга, он скрылся в Женеву»[1]. Добавлю к этому, что в эмиграции Карно проведет больше двух лет. Когда же Наполеон придет к власти, он немедленно вернет Карно на родину и назначит его своим военным министром.

А пока в результате переворота 18 фрюктидора 209 депутатов-роялистов были приговорены к изгнанию и сосланы в отдаленнейшую французскую колонию Гвиана (на северо-востоке Южной Америки) с губительным климатом, из-за которого ее называли «сухой гильотиной»[2]. Туда же был доставлен и Пишегрю, однако он изловчится бежать оттуда в Англию, а в 1803 г. примет участие в заговоре против Наполеона, что приведет его, как мы еще увидим, к трагической гибели.

Сокрушив роялистскую оппозицию, Директория стала наводить в стране удобный для нее «порядок». Вместо Карно и Бартелеми были призваны более послушные и менее амбициозные министры – внутренних дел (Николя-Луи Франсуа) и юстиции (Филипп-Антуан Мерлен), а главное, Директория расширила собственные полномочия, узаконив для себя «право осуществлять чистку судов и администрации и по своему усмотрению объявлять в стране осадное положение»[3]. Были восстановлены только что (за полторы недели до 18 фрюктидора) отмененные репрессивные меры против эмигрантов и духовенства: «...эмигранты под страхом смертной казни должны были в двухнедельный срок покинуть Францию, а вернувшиеся из ссылки священники были вновь изгнаны»[4]. Глядя на все это, простой люд безмолвствовал, поскольку ненавидел роялистов еще больше, чем Директорию, и готов был даже приветствовать расправу с роялистами. «Мой генерал! – докладывал в те дни Ожеро Наполеону. – В Париже полное спокойствие, и политический кризис, который считался таким ужасным, перерос в настоящий праздник»[5].

Е. В. Тарле, не скрывая иронии, так подытожил все происшедшее 18 фрюктидора: «Директория победила, республика была спасена, и победоносный генерал Бонапарт из своего далекого итальянского лагеря горячо поздравлял Директорию (которую он уничтожил спу-

---

[1] Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 246.
[2] См. там же. С. 248.
[3] Собуль А. Указ. соч. С. 261.
[4] Там же.
[5] Цит. по: Кастело А. Бонапарт. С. 194.

стя два года) со спасением республики (которую он уничтожил спустя семь лет)»[1]. Да, скажу от себя без иронии: всему – свое время!

Из той победы, которую Директория одержала 18 фрюктидора, Наполеон извлек для себя двойную выгоду. С одной стороны, он заключил, что Директория в благодарность за все, что он для нее сделал *бумагами* д'Антрега и *саблей* Ожеро (хотя, в принципе, она никогда никому и ни за что не была благодарной), больше не будет мешать ему в мирных переговорах с Австрией. С другой же стороны, Наполеон рассчитывал, что теперь и Австрия не станет затягивать переговоры. До сих пор австрийские верхи тянули время, надеясь, что падет Директория, к власти во Франции вернутся Бурбоны и добровольно откажутся от завоеваний правительства «цареубийц». Переворот 18 фрюктидора развеял эти надежды. К тому же Наполеон искусно подтолкнул Габсбургов к сговорчивости, потребовав от короля Сардинии, чтобы тот предоставил ему в счет контрибуции 10 тыс. солдат, ссылаясь при этом на «вероятность возобновления военных действий против Австрии»[2].

Как Наполеон рассчитывал, так все и вышло. 20 сентября император Франц прислал ему личное письмо с предложением незамедлительно возобновить переговоры – от перемирия к миру. Наполеон ответил согласием, не обращаясь за санкцией к Директории. И переговоры начались в итальянском городе Удине 27 сентября 1797 г. Австрию представлял, пожалуй, лучший в то время дипломат империи, с 1784 г. посол в России и будущий министр иностранных дел, граф Людвиг Кобенцль (1753–1809). Массивный и неуклюжий внешне (Наполеон назвал его «белым медведем»), Кобенцль как дипломат был напорист, хотя и спесив. С первых же заседаний Наполеон решил поставить его на место. Хотя Кобенцлю от Вены до Удине путь был далек, а Наполеону от Милана – рукой подать, именно Наполеон опоздал на сутки к началу переговоров, заставив доверенное лицо императора Австрии томиться в ожидании. Мало того, на первое заседание Наполеон «пришел, сопровождаемый огромной свитой генералов и офицеров, гремевших саблями, давая понять своему собеседнику, что в переговорах двух равноправных сторон все-таки есть победители и побежденные»[3].

За столом переговоров дипломат Кобенцль попытался было переиграть Наполеона, торгуясь с ним по каждому пункту каждой статьи, хитрил, льстил, прельщал, но тут коса нашла на камень; Кобенцль даже плакался императору Францу на то, что ему еще не приходилось

[1] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 55.
[2] Цит. по: Манфред А. З. Цит. соч. С. 166.
[3] Там же. С. 176.

встречать «такого сутягу и такого бессовестного человека, как генерал Бонапарт»[1]. Когда же граф заупрямился, не желая подписывать очередную статью о территориальных потерях Австрии, Наполеон устроил ему знаменитую скандальную сцену, запечатленную во многих источниках[2]. Он стал буквально орать на Кобенцля: «Ваша империя – это старая распутница, которая привыкла, чтобы все ее насиловали! Вы забываете, что Франция победила, а вы побеждены! Торгуетесь здесь со мной и забываете, что окружены моими гренадерами!» С этими словами Наполеон швырнул на пол привезенный Кобенцлем великолепный фарфоровый сервиз – подарок графу от российской императрицы Екатерины Великой. Сервиз разбился вдребезги. «Вот что я сделаю с вашей империей!» – яростно пригрозил Наполеон, отшвыривая от себя осколки сервиза, и вышел вон. Потрясенный Кобенцль тут же подписал все пункты спорной статьи, а в донесении императору Францу вновь пожаловался на поведение «корсиканского чудовища»: «Он вел себя как сумасшедший!»

Вот так необычно Наполеон демонстрировал в Удине свои «дипломатические способности, не уступавшие, по мнению многих авторитетов той эпохи, его военному гению»[3]. 17 октября договор был подписан, но не в Кампоформио (на полпути между резиденциями обеих сторон), как заранее было условлено и как об этом сообщается даже в солидных научных трудах[4]. Дело в том, что Кобенцль, уже перепуганный и боявшийся нового взрыва ярости со стороны Наполеона, прибыл к нему в его резиденцию Пассариано, и там они подписали договор. Таким образом, «хотя ни Бонапарт, ни Кобенцль так и не были в Кампоформио, договор, положивший конец пятилетней войне между Австрийской империей и Французской республикой, вошел в историю под именем Кампоформийского мира»[5].

Пожалуй, главным, самым выигрышным для Франции условием договора стал выход Австрии из войны, после чего первая антифранцузская коалиция распалась: Пруссия уже не хотела больше поставлять для нее «пушечное мясо», а Россия еще не успела к ней присоединиться; оставалась в состоянии войны с Францией одна Англия, но ей пришлось заново сколачивать вторую коалицию. Террито-

---

[1] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 56.

[2] См., например: Там же; Манфред А. З. Цит. соч. С. 169; Кастело А. Бонапарт. С. 198.

[3] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 56.

[4] См., например: Слоон В. Новое жизнеописание Наполеона I. М., 1997. Т. 1. С. 350; Тарле Е. В. Цит. соч. С. 56; История дипломатии. М., 1959. Т. 1. С. 455.

[5] Манфред А. З. Цит. соч. С. 170. Ср.: Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 313.

риальные завоевания Франции и, соответственно, потери Австрии, зафиксированные в Леобене, теперь были подтверждены: Австрия уступала Франции Бельгию и всю Северную Италию, признавала Цизальпинскую республику, соглашалась на передачу Франции левого берега Рейна, но в порядке некоторой компенсации получала часть территории бывшей Венецианской республики и Баварии[1].

Любопытный факт: хотя переговоры в Удине шли иной раз «под барабанный бой» (выражение Наполеона)[2] и несмотря на инцидент с драгоценным сервизом Екатерины Великой, Наполеон, прощаясь с Кобенцлем, сумел расположить к себе зложелательного австрийского дипломата самокритичной оценкой своего очень уж не дипломатичного поведения. «Знаете, – сказал он Кобенцлю с улыбкой, – я солдат, привыкший ежедневно рисковать своей жизнью. К тому же я еще молод и пока не научился проявлять сдержанность, как положено дипломатам...» «Они дружески обнялись», – пишет об этой сцене Андре Кастело. И добавляет: «Они еще встретятся»[3]. Да, в феврале 1801 г. , на переговорах во французском городе Люневиле, после того как Австрия начнет новую войну против Франции и Наполеон вновь разгромит ее при Маренго.

26 октября генерал Л. А. Бертье и академик Г. Монж доставили текст Кампоформийского договора в Париж «пяти королям», как величали тогда парижане (разумеется, иронически) членов Директории. Их реакция на этот (как и прежде на Леобенский) договор была резко отрицательной. Директории не нравилось, во-первых, самоуправство Наполеона, который зачастую действовал, не считаясь с ее директивами, а такие условия договора, как признание Цизальпинской республики и уступка Австрии части земель бывшей республики Венецианской, раздражали ее. Директория не стала бы ратифицировать такой договор, если бы не видела, как возликовали, узнав о нем, оба законодательных совета и вся страна, уже измученная пятилетней войной и жаждавшая мира. «Мы многое потеряли бы в глазах общественного мнения, если бы отказались от ратификации», – признавал член Директории Л. М. Ларевельер-Лепо[4]. Как подметил А. З. Манфред, пришлось директорам, «скрепя сердце и спрятав кулаки в карманах, сделать вид, что они счастливы миром», который добыл для них генерал Бонапарт своей шпагой[5].

---

[1] Текст договора см.: Martens Ch., Cussy F. Recueil manuel et pratique de traites, conventions et autres actes diplomatiques. Lpz., 1846. T. 2. P. 148–151.

[2] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 312.

[3] Кастело А. Бонапарт. С. 200.

[4] Там же.

[5] Манфред А. З. Цит. соч. С. 173.

Впрочем, предстояла еще одна переговорная процедура для утверждения статьи Кампоформийского мира, которая закрепляла за Францией левый берег Рейна. Здесь формально требовалось согласие мелких германских государств, входивших в т. н. Священную римскую империю. К концу XVIII в. эта средневековая империя, основанная еще в 962 г., превратилась уже в конгломерат независимых держав под чисто символическим контролем Австрии (именно австрийский император и был императором Священной Римской империи). Великий российский юрист В. Д. Спасович считал Священную Римскую империю последних лет ее существования (упразднена в 1806 г.) примером исторического мифа, поскольку она «не была ни священной, ни римской, ни империей»[1]. Чтобы соблюсти дипломатический декорум, Австрия предложила созвать конгресс с участием кроме австрийских и французских еще и представителей от Пруссии и ряда карликовых государств, которые формально входили в Священную Римскую империю. Директория, естественно, назначила первым уполномоченным от Франции Наполеона – сделала это со сложным чувством, которое Альбер Сорель определил так: «Директора одновременно считали его, Бонапарта, человеком незаменимым и неудобным и хотели, чтобы он был не там, где в данный момент находится, а в другом месте»[2].

Так, Наполеон из Милана, где он тогда находился, отбыл «в другое место», а именно в г. Раштадт (Южный Баден). Там 30 ноября 1797 г. открылся международный конгресс. Наполеон повел себя в Раштадте как победитель, не терпящий никаких возражений. Сразу после того как левый берег Рейна с крепостью Майнц был признан французским (а с этого началась работа конгресса), Наполеон объявил о своем отъезде, хотя конгресс заседал еще не один месяц.

7 декабря Наполеон вернулся в Париж после без малого двух лет отсутствия, сделавших его мировой знаменитостью. Он, безусловно, ждал что народ Французской республики встретит его с еще большим ликованием, чем то, с которым провожали его народы Италии и Швейцарии. Повсюду – в Милане и Мантуе, в Женеве и Лозанне – его засыпали цветами, воспевали в стихах, превозносили как полубога. «Цезарь поработил Италию, а ты вернул ей свободу!» – пели ему женщины Лозанны, а в Берне, который он проезжал поздней ночью, его тем не менее ждали вереницы ярко освещенных экипажей

[1] Спасович В. Д. Семь судебных речей по уголовным делам (1877–1887). Берлин, 1900. С. 98.

[2] Сорель А. Цит. соч. Т. 5. С. 222.

и массы людей с восторженными приветствиями: «Да здравствует Бонапарт! Да здравствует миротворец!»[1]

Но то, как встретил Наполеона Париж, превзошло все его ожидания. «Несметные толпы народа запрудили улицы. Казалось, все население столицы вышло приветствовать человека, чье имя в последнее время не сходило с уст»[2]. Народ пел и плясал при виде своего «чудо-генерала», витрины всех магазинов были украшены его портретами, ликующие парижане приветственно размахивали не только платками и флажками, но и листками специального выпуска газеты, которая так и называлась: «Газета Бонапарта и добропорядочных людей». Не только эта, но и другие газеты величали Наполеона уже «сверхчеловеком». По всему было видно, что Наполеон к тому времени уже «взял штурмом сердце нации»[3].

В те декабрьские дни только одно огорчало Наполеона – только одно, но как нельзя более: с ним не было Жозефины. Скорее всего, это и было причиной его более чем сдержанной реакции на восторженную встречу, которую устроил ему парижский люд. «Народ с таким же восторгом бежал бы вокруг меня, если бы меня везли на эшафот», – ворчливо сказал он тогда друзьям[4]. А его Жозефина задержалась на три недели в городке Невер на Луаре, где ее ждал и провел с ней очередной «сезон любви» красавчик Ипполит Шарль. Только 2 января 1798 г. Жозефина вернулась в Париж к своим апартаментам на улице Шантерен, которую как раз накануне городской муниципалитет повелел называть улицей Победы в честь ее мужа[5].

Жозефина в то время едва ли могла себе представить, как и за что славят Наполеона не только Франция, Италия и Швейцария, но и вся Европа с громким эхо по всему миру. Итальянская кампания 1796–1797 гг. сразу поставила его в ряд величайших военных гениев. «Ни один из полководцев древнего или нового мира не одержал столько великих побед в такой короткий срок <...>. За один год молодой человек 26 лет от роду затмил таких полководцев, как Александр Македонский, Цезарь, Ганнибал, Фридрих Великий»[6]. Это сказал Стендаль – горячий поклонник Наполеона. Можно считать, что он впал в преувеличение, как бы проецируя на 1796–1797 гг. блеск последующих триумфов своего кумира. Но вот вполне ней-

---

[1] Цит. по: Манфред А. З. Цит. соч. С. 175.

[2] Там же. С. 171.

[3] Кирхейзен Ф. Цит. соч. С. 11; Людвиг Э. Цит. соч. С. 76; Кастело А. Бонапарт. С. 180; Тюлар Ж. Наполеон, или миф о «Спасителе». М., 1996. С. 74.

[4] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 59.

[5] Подробно см.: Кастело А. Жозефина. Т. 1. С. 192–194.

[6] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 11.

тральный и в то же время внимательный и компетентный современник из лагеря, враждебного Наполеону, российский генералиссимус А. В. Суворов под впечатлением именно Итальянской кампании тех лет так определил тройку величайших полководцев мира: Цезарь, Ганнибал, Бонапарт[1]. «О, как шагает этот юный Бонапарт! – восхищался Суворов в октябре 1796 г. – Он герой, он чудо-богатырь, он колдун!»[2]

Итальянский поход для Наполеона – это, как подметил Стендаль (и с ним соглашались и В. Скотт, и Д. С. Мережковский, и А. З. Манфред), «самая чистая, самая блестящая пора его жизни»[3]. Дело не только в том, что тогда впервые во всю мощь проявился его полководческий дар: умение превратить «скопище оборванцев» в первоклассную армию, глубина замысла, точность расчета, непредсказуемость и ошеломляющая быстрота маневра, позволявшая ему неожиданно для противника возникать и наносить решающий удар в решающий момент на решающем участке любой операции, его *повсюдность* – все это изумляло и своих, и чужих. Дело еще в том, что Итальянскую армию Наполеона вдохновляли идеалы свободы, равенства и братства. Ее генералы дружили с офицерами, а офицеры – с солдатами, причем старые солдаты и молодые офицеры были друг с другом на «ты». Все они любили друг друга, пели одни песни, ели из одного котла, жаждали славы, наслаждались жизнью (вином, яствами, женщинами), но готовы были умереть за Францию. «Сорок тысяч Наполеонов в миниатюре», – сказал о них замечательный российский историк А. С. Трачевский[4].

Сам Наполеон, бывший тогда моложе всех своих генералов, жил не только разумом, но и сердцем. В его походном чемоданчике хранились книги Вольтера и Руссо, ум был озабочен судьбами Франции, Европы и мира, а в сердце царила Жозефина (вспомним, что ее долгожданному приезду к нему в Италию он радовался больше, чем самой блестящей из своих побед). Винсент Кронин заметил, что Жозефина, «вдохновляя Наполеона, сама в каком-то смысле была душой Итальянской кампании».

Но радости жизни и любви не мешали Наполеону оставаться прежде всего воином. Десятки раз за время Итальянской кампании он смотрел в глаза смерти. Запечатленный кистью Антуана Гро, всемир-

---

[1] Суворов в сообщениях профессоров Николаевской Академии Генерального штаба. СПб., 1900. Кн. 1. С. 20.

[2] Суворов А. В. Письма. М., 1986. С. 312.

[3] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 11; Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 146; Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 148; Манфред А. З. Цит. соч. С. 134.

[4] Трачевский А. С. Цит. соч. С. 93.

но известный эпизод битвы при Арколе, когда генерал Бонапарт со знаменем в руках бросился впереди своих солдат на Аркольский мост под австрийские пули, не был единственным. В боях Итальянской кампании под Наполеоном было убито 19 лошадей. Доблестный Ж. Ланн дважды спасал ему жизнь. Погибли его боевые друзья – Ж. Б. Мюирон, А. Ф. Лагарп, Ф. Шове, И. Стенжель. Можно понять, почему солдаты боготворили своего «маленького капрала». Когда он обдумывал что-то, «вокруг Наполеона царило глубокое молчание, – вспоминал Стендаль. – Рассказывают, что во время самых великих его сражений в том месте, где он находился, можно было, если не считать гула канонады, дальней или близкой, услышать полет осы – люди боялись кашлянуть»[1].

Оспаривая мнение Стендаля, будто с Итальянской кампанией «кончились героические времена Наполеона»[2], Д. С. Мережковский, может быть, излишне патетически, но, в принципе, верно утверждал: «Нет, не кончились; в жизни Наполеона героическое кончится только с самой жизнью, но оно уже будет иным. Этого непрерывного чуда полета, этой утренней свежести, юности, громокипящего кубка весенних гроз и Оссиановой грусти, почти неземной, и чистоты жертвенной – уже не будет. Будет выше полет, лучезарнее полдень, грознее гроза, царственнее пурпур заката, святее звездные тайны ночей и жертва жертвенней, – но *этого* уже не будет никогда»[3].

Директория, при всей ее опасливой неприязни к Наполеону, которую откровенно выразил один из ее комиссаров Ф.-М. Суси («Я не вижу для Бонапарта иного конца, как только престол или эшафот»[4]), не могла не учитывать феноменальной популярности генерала-триумфатора. Поэтому 10 декабря, вновь «скрепя сердце и спрятав кулаки в карманах», она устроила Наполеону торжественный прием в Люксембургском дворце. «Директора охотно свели бы с ним счеты, – верно замечает А. З. Манфред, – но в тот момент, когда он стал самым популярным человеком в стране, они были бессильны; им не оставалось ничего другого, как приятно улыбаться ему и льстить»[5].

Поскольку же *нельзя* было обойтись без улыбок и лести, Директория стала маскировать свое неприятие Бонапарта сугубой помпезностью дворцового приема. Двор Люксембургского дворца заполнили в ожидании генерала высшие гражданские и военные чины Республики, депутаты Совета старейшин и Совета пятисот, ми-

---

[1] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 276.
[2] Там же. С. 321.
[3] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 60.
[4] Цит. по: Слоон В. Указ. соч. Т. 1. С. 355.
[5] Манфред А. З. Цит. соч. С. 173.

нистры, отечественные и зарубежные дипломаты, финансисты, ученые, литераторы и, конечно же, все пять директоров в парадных, шитых золотом красных мантиях, в голубых фраках, брюках из белого шелка и шляпах с невообразимыми перьями. Как только Наполеон появился у дворцовых ворот, все встали, хор Парижской консерватории запел Гимн Свободе. Под звуки гимна Наполеон, в сопровождении генералов Л. А. Бертье и Б. К. Жубера, которые несли очередной груз трофейных знамен, проследовал к «Алтарю Отечества». Там, стоя, ждали его директора и министры.

С приветственной речью к Наполеону обратился по поручению Директории министр иностранных дел Шарль Морис Талейран, который, как никто, умел говорить изысканно и льстиво, что он доказал и на этот раз. Наполеон ответил на его затянувшееся восхваление «триумфатора войны и мира» короткой здравицей в честь Революции, Директории и своих солдат, после чего еще более льстивую речь произнес Баррас. Он даже возвысил Бонапарта над Цезарем: «Тот принес на нашу землю рабство и разрушение; Вы принесли его античной родине свободу и благополучие»[1].

На этом приеме торжества во Франции по случаю триумфального возвращения Наполеона из Италии не закончились. Ведь Наполеон «становился тогда не только идолом солдат, пугалом тиранов, надеждой народов, но и божком передовой интеллигенции»[2]. 25 декабря *Национальный Институт* (высшее научное учреждение во Франции, соответствующее нашей Академии наук) избрал Наполеона одним из его членов, которых доныне называют «бессмертными». На единственное место по отделению физико-математических наук, освободившееся после эмиграции и исключения Л. Карно, претендовали 12 кандидатов. Наполеон получил абсолютное большинство голосов – 305 (его ближайший конкурент, инженер-генерал А. Дийон – 166)[3].

Наполеон был тронут таким вниманием к нему светил научного мира. «Голосование выдающихся ученых, членов Института оказало мне честь, – заявил он на приеме после его избрания. – Я сознаю, что прежде чем встать вровень с ними, мне придется еще долгое время оставаться их учеником»[4]. Такая скромность гениального полководца только украсила его репутацию в среде ученых. Он с удовольствием общался с ними. Газета «Narrateur» («Рассказчик») свидетельствовала, что Бонапарт «поражал всех широтой и разнообразием сво-

---

[1] Barras P. Mémoires... P., 1895. T. 3. P. 120–121.
[2] Трачевский А. С. Цит. соч. С. 98.
[3] Кастело А. Бонапарт. С. 207.
[4] Цит. по: Манфред А. З. Цит. соч. С. 177.

их познаний»: свободно рассуждал о математике с академиками Ж. Л. Лагранжем и П. С. Лапласом, о метафизике – с одним из трех будущих консулов Французской республики Э. Ж. Сьейесом, о поэзии – с будущим академиком Мари-Жозефом Шенье (братом знаменитого Андре Шенье, казненного якобинцами в 1794 г.), о политике – с бывшим комиссаром Конвента Ж.-А. Галлуа, о юриспруденции – с членом Совета пятисот П. К. Ф. Доно[1]. Отныне он не только в письмах и служебных бумагах ставил рядом со своим именем «член Института», но даже приказы по армии подписывал так: «Бонапарт, член Национального Института, командующий армией». «Звание члена Института, – справедливо подчеркивает А. З. Манфред, – он ставил выше должности командующего армией»[2].

Завершал тогда череду торжеств в честь Наполеона многолюдный прием в особняке Министерства иностранных дел под названием Галифе с приглашением около 500 особ из республиканской (военной, политической, научной, литературной) элиты 3 января 1798 г. Устроил этот прием Талейран. Он как нельзя более постарался угодить Бонапарту и его супруге. Каждого из приглашенных гостей хитрый лис просил не появляться в одежде английского производства. Витую лестницу он приказал украсить цветами, залы – гирляндами, а дворцовый сад декорировать под военный лагерь: были раскинуты палатки, шеренги солдат всех родов войск в новенькой форме выстроились по стойке «смирно», а над ними огнем горел клич: «Да здравствует Республика!»[3]

Бал в Галифе продолжался до 7 часов утра. Царила на нем (как и прежде – в Момбелло и где угодно) Жозефина, а самым примечательным его эпизодом стал неожиданный для всех диалог Наполеона с мадам Анной Луизой Жерменой де Сталь (1766–1817 гг.).

Разносторонне талантливая (и крайне амбициозная) женщина, дочь крупнейшего французского финансиста, бывшего министра Людовика XVI Жака Неккера, уже к 1797 г. известная во Франции, а позднее европейски знаменитая писательница, мадам де Сталь, судя по ее восторженным письмам к отцу, была той зимой 1797–1798 гг. без ума от «корсиканца со стальными глазами»[4]. Поскольку Талейран был ей очень обязан (именно де Сталь уговорила Барраса назначить его министром иностранных дел), он пригласил ее на бал 3 января и познакомил с Наполеоном. Должно быть, она решила в тот вечер

---

[1] Кастело А. Бонапарт. С. 207.

[2] Манфред А. З. Цит. соч. С. 178.

[3] См.: Борисов Ю. В. Шарль Морис Талейран. М., 1986. С. 125.

[4] См. Манфред А. З. Цит. соч. С. 179. Подробно: Guillemin H. Madam de Staël, B. Konstant et Napoléon. P., 1959.

обольстить прославленного «корсиканца» и сразу же в краткой, но не по-женски пафосной речи восславила его. Наполеон слушал и смотрел на нее бесстрастно. Тогда де Сталь, не теряя надежды заинтересовать его собою, задала ему вопрос, который явно был подготовлен заранее: «Скажите, генерал, какую из женщин, здравствующих или ранее живших, вы назвали бы первой женщиной в мире?» Наполеон на мгновенье задумался, все вокруг притихли, и де Сталь, возможно, успела предвкусить свое торжество: вот сейчас этот баловень судьбы назовет ее имя! Ответ Наполеона ошеломил и оскорбил ее: «Ту женщину, сударыня, которая родила больше всего детей!»[1] Так в один день Наполеон – этот кумир мадам де Сталь (которая, кстати говоря, *не имела детей*), словно в сказке, обернулся ее врагом. Отныне и на всю жизнь.

Мы видели, как *держался* генерал Бонапарт в ореоле мировой славы: по-разному, но всегда уверенно, как правило, жестко, а иногда и нежно или грубо, под огнем врага, в дипломатической дуэли, на торжественном приеме, в общении с женщинами. Сохранились краткие, но выразительные свидетельства и подробные рассказы очевидцев о том, как он *выглядел* в то «громокипящее» время его полководческого взлета. Ш. М. Талейран, впервые увидевший Наполеона как раз по возвращении его из Италии, вспоминал: «Его внешность показалась мне привлекательной; двадцать выигранных сражений так идут к молодости, к прекрасному взору, к бледности, к несколько утомленному виду»[2]. Подробнее обрисовал Наполеона той поры герцог Франческо Мельци: «Язык, мысли, манеры – все в нем поражало, все было своеобразно <...>. От природы вспыльчивый, решительный, порывистый, резкий, он в совершенстве умел быть обворожительным и посредством искусно рассчитанной почтительности и лестной для людей фамильярности очаровывать тех, кого хотел привлечь к себе»[3].

Один из самых кропотливых наполеоноведов Артур Шюке отмечал у своего героя не изжитую еще и к 1797 г. слабость, которая могла шокировать его недоброжелателей. То были речевые следы его корсиканского происхождения. Он с трудом овладевал фонетическими тонкостями французской речи, сбиваясь на корсиканский (т. е. итальянский) выговор. Так, слово «пехота» (infanterie) он произносил, как «ребятня» (enfanterie), а значение слов «armistice» (пе-

[1] Las Cases E. Le memorial de Sainte-Hélène. T. 2. P. 174.

[2] Талейран Ш. М. Мемуары. Старый режим. Великая революция. Империя. Реставрация. М., 1959. С. 152.

[3] Цит. по: Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 15–16.

ремирие) и «amnistie» (амнистия) долго путал[1]. Впрочем, на взгляд его почитателей такая, внешне даже забавная, слабость не вредила ему, а придавала дополнительный, слегка экзотический шарм.

Итак, 1796–1797 гг. стали для Наполеона Бонапарта воистину триумфальными, причем не только в чисто военном, но и в политическом отношении. Он не зря говорил в Италии одному из близких друзей: «Здесь я – больше государь, чем генерал»[2]. Максимально используя свою власть и свой авторитет и руководствуясь при этом республиканскими и просветительскими идеями, он уничтожил в Северной Италии феодальные порядки и очень искусно, посредством *реформ* с привлечением широких слоев итальянского общества, конституировал гораздо более прогрессивный режим, близкий к тому, который утвердился *революционным* путем во Франции.

В то же время Наполеон как завоеватель не стеснялся облагать феодальные верхи покоренных земель контрибуциями, от которых страдали, конечно, и подневольные низы. А. Жомини подсчитал, что всего из Италии было изъято более 120 млн ливров контрибуций, плюс на еще 200 млн «тянули» шедевры мирового искусства, вывезенные из Рима, Флоренции и Пармы для музеев Парижа. Мало того, в Генуе, Ливорно и Венеции Наполеон реквизировал несколько морских судов и такие запасы пеньки и строевого корабельного леса, которые существенно поддержали французский флот, уже приходивший в упадок[3].

И все-таки в глазах современников Наполеон Бонапарт возвышался, несоизмеримо ни с кем, в первую очередь как военачальник, превзошедший всех и каждого полководец. Казалось, дальше и выше достигнутой им вершины на военном поприще нет ходу. Но в его голове, которую не могли вскружить никакие триумфы, уже зарождались планы нового, еще более дерзновенного полета.

---

[1] Chuquet A. La jeunesse de Napoléon... 1897. T. 2. P. 12.
[2] См.: Тарле Е. В. Цит. соч. С. 58.
[3] См.: Жомини А. Цит. соч. Т. 1. С. 95.

Глава V
ЕГИПЕТ

Все вероятности были против нас,
а за нас – ни одной.
Маршал О. Ф. Мармон
о Египетском походе Наполеона

1. Подготовка

Эдмон Лепеллетье, автор десяти исторических романов о Наполеоне, воспринимал египетский поход своего героя как «настоящую сказку из “Тысячи и одной ночи”»[1]. Многое в том, что задумывал Наполеон и что успел совершить за время своей экспедиции в Египет, действительно выглядит сказочным. Современники, причем не только из числа недоброжелателей, считали эту экспедицию авантюрой, а то и просто «безумной затеей». Но сам Наполеон никогда и ничего не затевал без ума, руководствуясь таким правилом: «Я измеряю свои мечты по компасу рассудка»[2].

После всех торжеств в честь своего итальянского триумфа Наполеон чувствовал себя в Париже неприкаянным. И разумом, и сердцем он стремился только к великим свершениям, но во Франции не видел для себя должной перспективы. Режим Директории его раздражал. Он уже тогда взвешивал все «за» и «против» собственного прихода к власти. Возглавить страну в 28 лет он был готов, но конституционным путем, через членство в Директории, не мог по возрасту[3], а свергать Директорию, учинить в стране государственный переворот считал несвоевременным. «Достаточно че-

[1] Лепеллетье Э. А. Тайна Наполеона. М., 1992. Сб. 1. С. 202.
[2] Цит. по: Кастело А. Бонапарт. М., 2004. С. 213.
[3] Согласно французской Конституции 1795 г. членом Директории мог быть избран лишь гражданин не моложе 40 лет.

столюбивый, чтобы стремиться к высшим степеням, – вспоминал о нем в той ситуации Ш. М. Талейран, – он не был достаточно слеп, чтобы верить в возможность достижения их во Франции без особого стечения обстоятельств, которое пока нельзя было считать ни близким, ни даже вероятным»[1].

Впрочем, тесной для Наполеона уже тогда становилась не только Франция, но и вся Европа. Если верить Л. А. Бурьенну, он говорил: «Европа – это кротовая нора. Великие державы и великие перевороты существовали только на Востоке»[2]. Поскольку он понимал, что Директория, при всей ее одиозности в глазах большинства французов, еще не созрела для государственного переворота, его поход на Восток сулил ему двойной выигрыш: Директория за время его отсутствия могла еще глубже погрязнуть в пороках и лиходействе, а он тем временем успел бы стяжать новые лавры как военачальник и политик. «Мостовые Парижа жгут мне подошвы», – мрачно шутил он в начале 1798 г.[3]

Но Восток манил Наполеона не сам по себе. Наполеон, конечно же, учитывал неизбежность борьбы, что называется, не на жизнь, а на смерть, с Англией – главным врагом Французской республики. Поэтому он и выбрал театром военных действий для своей следующей кампании Египет. Разумеется, здесь принимались в расчет и *общие* соображения: географическое и стратегическое положение Египта на перепутье важнейших (торговых, культурных, религиозных) связей между Западом и Востоком, но самым важным в этих соображениях был конкретный расчет ударить отсюда, из Египта, по сокровищнице Англии, каковой уже тогда стала ее колония – Индия. Именно оттуда, из Индии, главным образом Англия черпала свои материальные ресурсы, позволившие ей финансировать одну за другой семь (!) антифранцузских коалиций. Создав операционную базу в Египте, Наполеон считал возможным «двинуть на Индию 50-тысячное войско и вызвать восстание маратхов, индусов, мусульман – словом, всех притесняемых (Англией. – *Н. Т.*) народов в этой обширной стране»[4]. Подчеркну, что Наполеон еще летом 1797 г. (16 августа), в разгар итальянской кампании, так ориентировал Директорию:

---

[1] Талейран Ш. М. Мемуары. Старый режим. Великая революция. Империя. Реставрация. М., 1959. С. 151.

[2] Бурьен [Л. А.]. Записки о Наполеоне, Директории, Консульстве, Империи и восстановлении Бурбонов. СПб., 1834. Т. 1. Ч. 2. С. 41.

[3] Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. М., 2000. С. 141.

[4] Жомини А. Политическая и военная жизнь Наполеона. 3-е изд. СПб., 1844. Т. 1. С. 102.

«Недалеко то время, когда мы поймем, что для действительного сокрушения Англии нам надо овладеть Египтом»[1].

Прежде чем решиться на экспедицию в Египет, генерал Бонапарт основательно изучил географию, историю, национальные, религиозные и чисто житейские особенности этой страны и ее соседей. Его биографы отмечают, что он «увлеченно», «с жадностью» штурмовал исследование Г. Т. Ф. Рейналя о европейцах «в обеих Индиях», «Историю арабов» А. Мариньи, «Мемуары о тюрках и татарах» барона М. де Тота[2]. И, конечно, он знал – в той или иной мере – о «египетских» планах своих предшественников. Ведь еще в XIV в. советник французского короля Филиппа IV Красивого Пьер Дюбуа предлагал своему государю овладеть Египтом, а с XVII в. такие предложения – еще трем королям Франции! – периодически возобновлялись. Так, в 1672 г. великий философ Г. В. Лейбниц (основатель и первый президент Берлинской Академии наук, подсказавший, кстати, Петру I мысль об основании такой же академии в Петербурге) пытался заинтересовать египетским проектом Людовика XIV, но тот был слишком занят борьбой с европейскими коалициями, чтобы заниматься еще и Египтом. При Людовике XV, в 1738 г., министр иностранных дел Р.-Л. д'Аржансон выступал с идеей прорыть Суэцкий канал, а всемогущий министр (иностранных дел, военный и морской) Людовика XVI герцог Э. Ф. Шуазель в 1769 г. рассматривал план захвата и колонизации Египта, но посол Франции в Константинополе граф Ш. Г. де Верженн убедил короля не портить отношения с Турцией. Дело в том, что Турецкая (Османская) империя формально еще владела Египтом (с 1517 г.), хотя уже начала терять контроль над ним, уступая нараставшему засилью местных феодалов-мамлюков.

Очень своевременно и выигрышно для Наполеона поддержал его египетский проект Шарль Морис Талейран – поддержал талантливо, как все (хорошее или дурное), что он делал. Министром иностранных дел Талейран стал 16 июля 1797 г. исключительно благодаря хлопотам перед П. Баррасом его очередной (из длинного ряда до нее и после нее) любовницы Жермены де Сталь. Кстати, сам Талейран умолял тогда мадам де Сталь разжалобить Барраса, ссылаясь на то, что «ему, Талейрану, жить нечем и если его не назначат министром иностранных дел, то он принужден будет немедленно утопиться в Сене, ибо у него в кармане осталось всего десять

---

[1] Correspondance de Napoléon. P., 1859. T. 3. № 2103. P. 235.

[2] См.: Чандлер Д. Цит. соч. С. 141; Слоон В. Новое жизнеописание Наполеона I. М., 1897. Т. 1. С. 371; Иванов А. Ю. Тайны египетской экспедиции Наполеона. М., 2004. С. 18.

луидоров»[1]. В то время Директория полным составом терпеть не могла Талейрана: «...трое директоров считали его взяточником, – констатирует Е. В. Тарле, – четвертый считал его вором и взяточником, а пятый (Ребель) – изменником, вором и взяточником»[2]. Но Баррас, отчасти по наводке мадам де Сталь (которая была в числе и его любовниц), а главное, собственным умом сообразил, что Талейран может оказаться полезным для него дипломатом, и не без труда уговорил других директоров доверить ему портфель министра иностранных дел.

Как дипломат Талейран оправдал доверие Директории легко и быстро – в ходе переговоров 1797 г. с Австрией, Пруссией, Неаполитанским королевством. Еще легче и быстрее обретал он личные (преимущественно материальные) выгоды посредством взяток, которые он брал виртуозно и неисчислимо, а также еще одним способом, о котором хорошо сказал Е. В. Тарле: «Через своих любовниц и своих друзей, и через друзей своих любовниц, и через любовниц своих друзей Талейран почти беспроигрышно играл на бирже»[3]. В общем, к 14 февраля 1798 г., когда Талейран выступил перед Директорией с докладом «О завоевании Египта», он был для всех директоров хотя и взяточником (как любой из них), но уже достаточно изощренным политиком, с мнением которого приходилось считаться. А мнение Талейрана было однозначным: египетский проект Бонапарта, впервые представленный – со всеми обоснованиями – в письме к Директории от 16 августа 1797 г., надо поддержать[4].

Директория согласилась с его мнением. Директора понимали и военную, и политическую выгоду от возможного завоевания Египта, поскольку это позволило бы компенсировать утрату колоний Франции в Вест-Индии, овладеть древними торговыми путями в Аравию и далее – в Индию и даже установить связь с антибританскими силами в Индии, особенно с правителем княжества Майсур на юге Индостанского полуострова Типу Султаном[5]. К тому же мозг каждого из директоров – и в первую очередь Барраса – сверлила задняя мысль отделаться от сверхпопулярного и слишком честолюбивого полководца в лице Бонапарта, который уже имел наглость говорить (правда, в узком кругу, но с широкими связями), что он *«разучился повиноваться»*. «Только бы спровадить его подальше! –

---

[1] Тарле Е. В. Талейран // Соч.: В 12 т. М., 1961. Т. 11. С. 48.
[2] Там же. С. 46.
[3] Там же. С. 50.
[4] См. об этом: Борисов Ю. В. Шарль Морис Талейран. М., 1986. С. 109.
[5] См.: Чандлер Д. Цит. соч. С. 142–143.

мечтательно рассуждали директора. – А лучше всего, если там его и прикончат»[1].

Но очень уж заманчивой для Директории была идея вооруженного вторжения непосредственно в Англию. Высадить мощный десант на Британские острова планировал еще Лазар Карно в бытность свою членом Директории. Теперь Баррас и К° решили повременить с Египтом и проверить, насколько реален этот план, возложив ответственность за его выполнение на плечи Бонапарта: получится – будет хорошо не только Наполеону, но и Директории; не заладится – плохо будет только Бонапарту. Поэтому 26 октября 1797 г. Директория назначила генерала Бонапарта главнокомандующим Английской армией, как называлась тогда совокупность всех войск на северном побережье Франции общей численностью в 120 тыс. человек.

Получив такое назначение с конкретной целью реализовать план Карно, Наполеон с 8 февраля 1798 г. предпринял всеобъемлющую инспекцию сил и возможностей для вторжения в Англию. Он понимал, что запланированная операция в случае успеха возвысит и международный авторитет Французской республики, и его собственную славу, но в случае неудачи опозорит и Францию, и его самого. Он мог и догадываться о намерении Директории подставить его под заведомо проигрышный вариант, втянуть в гибельную операцию и обесславить. Вместе с Ж. Ланном, Ж. Сулковским и Л. А. Бурьеном Наполеон инкогнито объездил все прибрежные порты – Булонь, Кале, Дюнкерк, Ньюпорт, Остенде, Антверпен, – везде вникая во все, что касалось подготовки к операции. По воспоминаниям Бурьена, он повсюду «терпеливо, вдумчиво, тактично, но с присущим ему напором расспрашивал матросов, рыбаков и даже контрабандистов, внимательно их выслушивал»[2] и, разумеется, извлекал из их ответов нужные для него сведения.

Результат инспекции был таков: Наполеон убедился а том, что операция с высадкой десанта на Британские острова абсолютно нереальна, пока французский флот не сможет господствовать в водах Ла-Манша. А. З. Манфред обратил внимание на то, что наиболее проницательные современники понимали тогда, сколь неисполнима идея французского вторжения в Англию. Русский посланник в Турции (позднее член Негласного комитета при Александре I) князь В. П. Кочубей так писал 9 декабря 1797 г. о Наполеоне: «Может

[1] Лэдвиг Э. Наполеон. М., 1998. С. 108.
[2] Бурьен [Л. А.]. Цит. соч. Т. 1. Ч. 2. С. 34.

быть, я ошибаюсь, но полагаю, что он не будет настолько глуп, чтобы взять на себя задачу, которая запятнает его великую славу»[1].

17 февраля Наполеон вернулся в Париж, доложил Директории, что план Карно – это химера, и повторил свои доводы в пользу египетского проекта. Поскольку тремя днями ранее Талейран выступил перед Директорией тоже с «египетскими соображениями», директорам пришлось переориентироваться с Англии на Египет. В конце концов египетский проект, хотя и вряд ли мог помочь осуществлению их идеи разгромить Англию, зато давал возможность избавиться от Бонапарта: чем дальше он будет от Франции, тем хуже для него и лучше для Директории. 5 марта 1798 г. Директория приняла решение снарядить военную экспедицию в Египет и назначить генерала Бонапарта главнокомандующим всеми (и сухопутными, и морскими) вооруженными силами экспедиции, которые получили название *Восточная армия.*

С того дня подготовка экспедиции полностью, от начала до конца, была в руках Наполеона. Он лично вникал буквально во все и вся, включая не только военные, но и хозяйственные, технические, житейские мелочи, всем руководил, не уставая требовать от Директории своевременной доставки выделенных на экспедицию средств. Прежде всего он тщательно подбирал кадровый состав экспедиции – генералов, офицеров, солдат, а также... ученых.

По мнению А. С. Трачевского и А. З. Манфреда, Наполеон увез с собой в Египет лучших, «самых талантливых» генералов, весь «цвет французской армии»[2]. Это явное преувеличение. Наполеон не взял с собой А. Массена, Ж. Б. Журдана, Ж. В. Моро, Ж. Бернадота, Б. Жубера, М. Нея, Н. Сульта, Ф. Ж. Лефевра, Ж. Э. Макдональда – гораздо более талантливых военачальников, чем отправившиеся в Египет А. Жюно, О. Мармон, А. Андреосси, К.-А. Вобуа, Ж. Ф. Мену, С. Каффарелли, Ф. Мирер. Но Жюно и другие были для Наполеона более надежными. Вместе с тем он взял с собой и выдающихся генералов, которые не уступали никому из оставшихся. Это, в первую очередь, высокоодаренный, неустрашимый и благородный воин (Наполеон считал его лучшим «во всей армии»[3]) Луи Шарль Антуан Дезе и устрашающе взрывной, с интеллектом философа и темпераментом матадора, богатырь, красавец и сорви-голова Жан

---

[1] Цит. по: Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. 4-е изд. М., 1986. С. 182.

[2] Трачевский А. С. Наполеон I. Первые шаги и Консульство (1769–1804). М., 1907. С. 149; Манфред А. З. Цит. соч. С. 188. К такому же мнению склонялся В. Слоон в его указ. соч. (Т. 1. С. 372).

[3] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. М., 2003. С. 424.

Батист Клебер[1], а также будущие знаменитости, пока еще молодые, но тем не менее успевшие блеснуть не в одном сражении, – Жан Ланн, Иоахим Мюрат, Виктор Леклерк, Луи Николя Даву, Жан Батист Бессьер. Наполеон выбирал их по способностям, вне зависимости от того, что Ланн, Дезе и Бессьер были его друзьями, Мюрат и Леклерк – верными слугами, а Клебер и Даву недолюбливали его.

Взял он с собой в Египет в качестве своего адъютанта и Евгения Богарне (сына Жозефины от первого брака), которому тогда еще не исполнилось 17 лет.

В то же время Наполеон чуть не поодиночке отбирал для Египта солдат из тех, с которыми воевал в Италии. Вот как сказано об этом отборе у Е. В. Тарле: «Наполеон знал громадное количество солдат индивидуально <...>. Знал, что этот солдат храбр и стоек, но пьяница, а вот этот очень умен и сообразителен, но быстро утомляется, потому что болен грыжей <...>. А для египетского похода, для войны под палящим солнцем, при 50° и больше жары, для переходов по раскаленным необъятным песчаным пустыням без воды и тени нужны были именно отборные по выносливости люди»[2].

Уникальной особенностью *военного* похода Бонапарта в Египет стало участие в нем многолюдного десанта ученых, литераторов, художников, музыкантов, всего 167 человек[3]. Среди них были и такие светила науки, как математики Гаспар Монж и Жан-Батист Фурье, химик Клод Луи Бертолле, зоолог Этьен Жоффруа Сент-Илер, астроном Пьер Франсуа Андре Мешен, физик и механик Николя Жак Конте, искусствовед Виван Денон, медики Доминик Жан Ларрей и Рене Николя Деженетт; ряд молодых, но впоследствии известных ученых – ботаник Алир Раффно Делиль, географ Франсуа Жомар, востоковед Амеде Эмилиен Жобер и др., – в общем, «целый университет», как заметил Эмиль Людвиг. Вместе с ними украшали собой экспедицию художник Анри Жозеф Редуте, архитектор Жан Батист Лепэр, драматург Антуан Венсан Арно, поэт Франсуа Огюст Парсеваль-Гранмезон, пианист и музыковед Гийом Андре Вийото.

Наполеон выбирал каждого из них лично, с той же свойственной ему тщательностью, с какой отбирал генералов, офицеров и солдат.

---

[1] «Когда я видел Клебера на лошади, – вспоминал о нем Наполеон, – перед глазами моими вставали герои Гомера. Ничего не было прекраснее его в день сражения» (Наполеон Бонапарт. Императорские максимы. М., 2003. С. 249). Но вот Лазар Гош почему-то считал, что Клебер – это «воин с жалом гадюки» (Сорель А. Европа и Французская революция. СПб., 1906. Т. 5. С. 246).

[2] Тарле Е. В. Наполеон. М., 1992. С. 68.

[3] Подробно см.: Иванов А. Ю. Указ. соч. С. 20–24, 285, 296–301.

При этом только один из них знал, куда и с какой целью последует за Бонапартом, – Монж. Тот поначалу даже засомневался: отпустит ли его жена – неизвестно куда, зачем и, может быть, надолго. Тогда Наполеон сам «“взял на абордаж” жену ученого, и под его непреодолимым напором мадам Монж вынуждена была скрепя сердце согласиться», а сам месье Монж удовлетворенно сострил: «Вот и я превратился в аргонавта»[1]. Остальные деятели науки, литературы, искусства согласились на приглашение Наполеона не раздумывая. «Мы не знали, куда поведет нас Бонапарт, – вспоминал один из них, – но хотели, чтобы он нас повел». Виван Денон так сказал о себе, явно выражая их общее мнение: «Одного слова героя, командующего экспедицией, для меня достаточно, чтобы решиться. Он обещал, что доставит меня обратно в целости и сохранности, я не сомневаюсь в этом»[2].

Под стать интеллектуальному блоку египетской экспедиции была подобрана большая (550 томов) библиотека. Ее формировал Жан Батист Сэй – тогда еще молодой, а впоследствии получивший европейскую известность экономист, но все научные книги для библиотеки отбирал сам Наполеон[3]. Здесь были древние мифы, Библия, Новый Завет и Коран, сочинения Гомера, Плутарха, Фукидида, Полибия, Тита Ливия, Тацита, Вольтера, Руссо, Монтескье, Рейналя, Фридриха Великого, художественная классика Вергилия, Оссиана, Тассо, Лафонтена, Фенелона, Мармонтеля, Лесажа, Гете и даже сборники для легкого чтения (один из них так и назывался: «Избранные *легкие* стихотворения», а другой – «Образцовые произведения французского театра»).

В массе всевозможных хлопот Наполеон не забывал и о дипломатической подстраховке экспедиции. Он договорился с Талейраном, что сразу после отплытия экспедиционной армии из Тулона тот сменит министерский портфель на место чрезвычайного и полномочного посла в Константинополе (более удобное для личных интриг) и постарается сохранить видимость мирных, почти дружественных отношений между Францией и Турцией на время завоевания Египта. «Это достаточно головоломное дело мог с полным успехом выполнить именно Талейран, – справедливо заключает Е. В. Тарле. – Так надеялся Бонапарт. Обещание было Талейраном дано, но исполнено не было, и никогда Талейран в Турции до конца своих дней не побывал»[4].

---

[1] Кастело А. Цит. соч. С. 215; Иванов А. Ю. Указ. соч. С. 24.
[2] Цит. по: Иванов А. Ю. Указ. соч. С. 24.
[3] См.: Correspondance de Napoléon. Т. 4. № 2458, 2459. P. 37, 38.
[4] Тарле Е. В. Талейран. С. 58.

Вопрос о том, почему Талейран обманул, т. е. фактически предал тогда Наполеона, детально рассмотрен в классическом труде Е. В. Тарле[1]. Дело в том, что французские историки Г. Лакур-Гайе (кстати, автор трехтомной биографии Талейрана), Р. Гюйо, Булэ де ла Мерт объясняли отказ министра исполнить обещание, данное Наполеону, либо нежеланием удаляться из Парижа, когда предстояли выборы на вакантное место члена Директории, либо боязнью подвергнуться в восточном Константинополе непредвиденными опасностям. Но профессор Колумбийского университета США К. Л. Локк в противовес французам выдвинул свою, оправдательную для Талейрана версию: дескать, Талейран успешно вел деловые переговоры с американцами, и потому отпала необходимость его назначения в Константинополь, хотя Директория искренне этого желала, а Талейран тоже вполне добросовестно хотел сдержать обещание, которое он дал Наполеону.

Тарле считал более убедительной французскую версию. Он подчеркнул, что для Талейрана такие «приемы и ухватки», как пообещать и не сделать, были привычны, и заключил: «Конечно, нарушив слово, Талейран учинил очень большое коварство по отношению к своему другу (? – *Н. Т.*) Бонапарту. Генерал так правильно это и понял. Это было первое по отношению к нему предательство со стороны Талейрана. Оно оказалось первым, но далеко не последним»[2]. С таким заключением вполне (если не считать спорной квалификации Талейрана как *друга* Наполеона) можно согласиться.

Тем временем Наполеон, удовлетворенный договоренностью с Талейраном, форсировал подготовку экспедиции в Египет, попрежнему вникая в малейшие детали: лично проверял каждый фунт любого груза для каждого корабля! «Если прочитать приказы Наполеона, рассылаемые им по всем направлениям, – удивлялся Андре Кастело, – то можно рехнуться, столько там всего перечислено, вплоть до количества пар чулок, выдаваемых каждому участнику похода»[3]. В служебной записке к Директории 5 марта 1798 г. Наполеон объявил итоговую сумму расходов на экспедицию: от 8 до 9 млн ливров[4]. 26 марта он письменно уведомил министра внутренних дел: «Я прошу Вас отдать приказ гражданам, список которых прилагается, чтобы они были готовы к отъезду в любой момент по получении моего распоряжения»[5].

---

[1] Там же. С. 58–59.
[2] Там же. С. 59.
[3] Кастело А. Цит. соч. С. 214.
[4] Correspondance de Napoléon. Т. 4. № 2426. P. 4.
[5] Там же. № 2453. P. 34.

Вот этот момент тогда еще держался в строжайшей тайне. Более того, вся подготовка египетского похода тщательно маскировалась. «Никогда еще, – читаем у А. Жомини, – такие огромные приготовления не были произведены так скрытно»[1]. Слухи о том, что Директория готовит какую-то морскую экспедицию, ползли по всей Европе. Всегда алчные до сенсаций журналисты подхватывали их и приукрашивали баснословными, зачастую взаимоисключающими подробностями. В Англии хорошо знали, что южно-французские порты заняты военными приготовлениями, что туда беспрерывно прибывают войска и что возглавляет готовящуюся экспедицию генерал Бонапарт, а это само по себе уже очень многое значит. Но *куда* предполагается снарядить экспедицию? К Сицилии? К Мальте? Сам Наполеон содействовал распространению слухов, что он намерен пройти Гибралтарский пролив, обогнуть Испанию и осуществить высадку десанта в Ирландии. За его войсками в Тулоне сохранялось название «Английская армия». Чтобы отвлечь внимание англичан от египетского проекта, была предпринята даже «тактическая диверсия» против Ирландии, когда группа французских кораблей совершила рекогносцировочный рейс к ирландским берегам[2]. Все это беспокоило, если не сказать пугало, правителей Англии до такой степени, что боевой адмирал лорд Г. Коллингвуд 28 января 1798 г. сделал паническое заявление: «Вопрос не только в том, кто останется победителем. Но сохраним ли мы еще самостоятельность; суждено ли вообще Великобритании числиться впредь в списке европейских держав»[3].

Поразительно, но в самой Франции даже военный министр Б. Шерер «до последних дней не был в курсе дел» экспедиции[4]. А вот английская разведка все-таки сумела раскрыть тайну египетского проекта. Один ее агент во Франкфурте, а другой – в Ливорно собрали из разных источников и доложили британскому правительству данные о том, что целями экспедиции Бонапарта являются Мальта и Александрия[5]. Встревоженное Адмиралтейство Англии 3 мая распорядилось снарядить отряд из трех *линейных* (больших, тяжелых, хорошо вооруженных) кораблей и нескольких легких скоростных фрегатов под командованием контр-адмирала Г. Нельсона для наблюдения за всем, что происходило тогда в Тулоне.

---

[1] Жомини А. Цит. соч. Т. 1. С. 104.

[2] См.: Манфред А. З. Цит. соч. С. 187–188; Чандлер Д. Цит. соч. С. 143.

[3] Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на Французскую революцию и империю. М., 2002. Т. 1 (1793–1802). С. 378.

[4] Манфред А. З. Цит. соч. С. 187.

[5] См.: Чандлер Д. Цит. соч. С. 145.

До середины мая в порту и на рейде Тулона сосредоточились, по разным данным, 13 военных и от 320 до 400 транспортных судов, готовых к отплытию[1]. Они приняли на борт, по тем же данным, от 30 до 55 тыс. солдат. Цифра «30 тыс.» у Е. В. Тарле[2] явно занижена. Даже Наполеон, не склонный преувеличивать численность своих войск, называл бóльшую цифру: 32 тыс.[3] Д. Чандлер обоснованно полагает, что «вся экспедиция включала в себя вместе с гражданскими лицами почти 38 000 человек», а что касается 55 тысяч, то «эта завышенная оценка, видимо, включает и моряков»[4] (т. е. корабельные экипажи).

Кроме участников экспедиции и моряков на корабли поднялись почти 300 женщин (маркитантки, прачки, сподручницы). Вместе с ними готовы были отплыть жены и возлюбленные многих лиц из состава экспедиции, но Наполеон приказал им остаться на берегу до прибытия специального конвоя. «Один-два офицера не повиновались этому приказу и тайком провели своих жен на борт, – пишет об этом Д. Чандлер. – Среди офицеров был и некий драгунский лейтенант Фуре, которому со временем пришлось горько пожалеть о том, что он взял с собой молодую жену – пригожую и веселую Беллилот, переодетую в военный мундир»[5].

Наполеон тоже собирался взять с собой в Египет свою Жозефину. Она уже была с ним в Тулоне, но в последний момент, как и перед Италией, пожаловалась на ухудшение своего здоровья и заявила, что ей необходимо поехать на воды в Пломбьер «полечиться». Наполеон, конечно же, внял ее жалобам (ведь он тогда еще не знал, что Жозефина останется в Париже, – не в Пломбьере, а именно в Париже, – ради встреч с Ипполитом Шарлем, который после увольнения из армии занялся криминальной торговлей). Супруги договорились, что Наполеон, как только завоюет Египет, пришлет за Жозефиной фрегат, и она приедет к нему[6].

10 мая главнокомандующий провел контрольный смотр экспедиционных войск и выступил перед ними, как всегда, с пламенной ре-

---

[1] Ср.: Тарле Е. В. Наполеон. С. 68; Кастело А. Цит. соч. С. 218; Людвиг Э. Цит. соч. С. 110; Иванов А. Ю. Цит. соч. С. 282; Борисов Ю. В. Указ. соч. С. 108; Лашук А. Наполеон. Походы и битвы. 1796–1815. М., 2004. С. 78.

[2] Тарле Е. В. Соч.: В 12 т. М., 1959. Т. 7. С. 65. В отдельном издании шедевра Тарле «Наполеон» 1992 г. допущена неоговоренная опечатка: «300 тысяч» (С. 68).

[3] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 423.

[4] Чандлер Д. Цит. соч. С. 144.

[5] Жену лейтенанта Фуре звали Маргарита-Полина. «Bellilot» (миловидная, хорошенькая) – прозвище, которое дали ей в Египте.

[6] См.: Кастело А. Цит. соч. С. 219; Массон Ф. Наполеон и женщины. М., 1912. С. 58; Кирхейзен Г. Женщины вокруг Наполеона. М., 1997. С. 82.

чью: «Офицеры! Солдаты! Вот уже два года я командую вами. Было время, когда вы находились на побережье Генуи, влачили жалкое существование. У вас ничего не было, и вам приходилось, чтобы выжить, все продавать – даже свои часы. Я пообещал вам покончить с нищетой и повел вас в Италию. Там вы получили все, что только могли пожелать. Я сдержал свое слово?»

В ответ раздалось тысячеголосое: «Да!» «Теперь, – продолжал Наполеон, – я поведу вас в страну, где ваши подвиги превзойдут все, что вы уже совершили и чему удивляется мир. Вы окажете там своей родине такую услугу, которую она вправе ожидать от непобедимой армии. Обещаю вам, что каждый солдат, вернувшись из этого похода, получит столько денег, сколько нужно, чтобы купить шесть арпанов[1] земли!»[2]

«Да здравствует республика!» – кричали ему в ответ его воины, радуясь началу похода в страну, которую он, кстати, так и не назвал.

Рано утром 19 мая Наполеон во главе своего штаба, с генералами и адъютантами, поднялся по 32 ступеням на капитанский мостик флагманского корабля «Орион». Оттуда он долго смотрел на Жозефину, которая с берега помахивала ему платочком, более дорогим для него, чем любое знамя. А в самый момент отплытия главнокомандующий приказал отправить в Директорию радостное для Барраса и К° сообщение: «Семь часов утра. Наша легкая (?! – *Н. Т.*) эскадра выходит в море. Мимо идут конвойные корабли, и мы тоже поднимаем якорь. Погода очень хорошая»[3].

Впереди был Египет...

2. От Тулона до Каира

Из Тулонской гавани к берегам Египта военно-ученая экспедиция генерала Бонапарта добиралась 45 суток, трижды избежав за это время смертельной опасности (вот сюжет для захватывающего романа!). «Все вероятности были против нас, а за нас – ни одной. С легким сердцем мы шли почти на верную гибель», – вспоминал генерал и (в то время) близкий друг Наполеона О. Ф. Мармон[4]. «Верную гибель» сулил французам английский флот, господствовавший на Средиземном море. Он и количественно, и, главное, качественно (быстроходностью, маневренностью, вооружением) несравнимо превосходил французские корабли. Миновать встречи с ним за полтора

---

[1] Арпан – французская земельная мера, равная 0,422 га.

[2] Цит. по: Кастело А. Цит. соч. С. 219.

[3] Там же.

[4] Mémoires du duc de Raguse de 1792 a 1832. P., 1857. T. 1. P. 356.

месяца пути из Франции в Египет было почти невозможно. Наполеон максимально использовал это «почти». Но помог ему и «Его Августейшее Величество *случай*».

Все началось с того, что Наполеон распустил очень правдоподобный слух о своем намерении пройти через Гибралтар в Ирландию, дезориентируя таким образом английское Адмиралтейство. Чтобы перехватить и уничтожить его экспедицию, у Гибралтара долго дежурила эскадра, которой командовал к тому времени уже однорукий и одноглазый сэр Горацио Нельсон – самый выдающийся в истории Англии (по мнению англичан, и в мировой истории) флотоводец. Имя его уже тогда гремело по всей Европе. «Он был король морей, мститель англичан, спаситель королей», – писал о нем великий французский историк Альбер Сорель[1]. Простояв напрасно у Гибралтара, Нельсон получил от Адмиралтейства новый приказ с учетом данных английской разведки – сторожить экспедицию Бонапарта у Тулонской гавани. Он отбыл к Тулону с небольшим отрядом военных судов и обещанием от Адмиралтейства любых подкреплений. Но в единоборство «кита и слона» вмешалась, сыграв за Наполеона и против Нельсона, морская стихия.

«Если бы это не была история, – изумлялся Д. С. Мережковский, – этому никто не поверил бы, как волшебной сказке. В нужный день, час, минуту...»[2] Прерываю здесь цитату из Мережковского: конечно, минуту и час Дмитрий Сергеевич назвал ради красного словца, но день оказался действительно самым нужным. Эскадра Нельсона приблизилась к Тулону 17 мая, но в тот день, 19-го, когда корабли с войсками Наполеона вышли из Тулонской гавани, на британские суда обрушился шквальный мистраль (северо-западный ветер), смерч ураганной силы. Он сорвал мачту с флагманского корабля Нельсона «Вэнгард» (Авангард) и рассеял всю его эскадру, причинив ей серьезные повреждения. Нельсон вынужден был отбуксировать пострадавшие суда к Сен-Пьерскому рейду у побережья Сардинии и там заняться их ремонтом[3]. Тем временем 9 июня экспедиция Наполеона прибыла к острову Мальта.

Поразительно, что даже в условиях, когда участники экспедиции ежедневно в течение трех недель готовились к смертельно опасному для них нападению английского флота, они могли отдыхать и развлекаться. Ведь никто из них не знал о том, что́ натворил мистраль с эскадрой Нельсона. Кстати, лишь немногие (генералы да ученые, некоторые офицеры) знали об истинных целях экспедиции.

---

[1] Сорель А. Цит. соч. Т. 5. С. 282.
[2] Мережковский Д. С. Наполеон. М., 1993. С. 150.
[3] См.: Мэхэн А. Т. Цит. соч. Т. 1. С. 381; Чандлер Д. Цит. соч. С. 146.

Солдатская масса могла только предполагать, куда вновь повел ее за собой «чудо-генерал» Бонапарт – в Сицилию или в Неаполь, а возможно, и дальше.

А пока на пути от Тулона до Мальты, за обедом или до и после обеда, в кают-компании главнокомандующего разгорались дискуссии по всевозможным вопросам – от математики и химии до религии и суеверий. По воспоминаниям Л. А. Бурьена, Наполеон предлагал обсудить такие темы, как возраст Земли, возможно ли ее разрушение от всемирного потопа или огня, обитаемы ли другие планеты; «часто расспрашивал своих собеседников по поводу предчувствий – верны ли они или сплошь заблуждения, а также очень интересовали его толкования снов»[1]. Пожалуй, самым азартным был спор о сотворении мира, когда приходилось выбирать одну из трех точек зрения: Бог есть и участвует в наших делах; он есть, но не участвует; или его просто нет? Наполеон ставил под сомнение и фанатичную набожность и агрессивное безбожие. Он мог высмеять раболепные ссылки верующих «на все – воля Божья». Но вот однажды ночью, слушая на палубе «Ориона» саморекламу воинствующих атеистов, он спросил, указывая на звездную россыпь неба: «Ну а кто, по вашему, сотворил все это?»[2]

Ученые и литераторы спорили между собой (и с главнокомандующим!) увлеченно, но генералов куда больше, чем все научные споры, увлекала карточная игра. Иногда к игрокам присоединялся и Наполеон, причем «жульничал напропалую», и озадачивая, и развлекая тем самым своих партнеров. Впрочем, выигрыш свой он по окончании партии, не скупясь, отдавал, «и его делили поровну между всеми игроками»[3].

Итак, счастливо избежав столкновения с эскадрой Нельсона в самом начале пути, корабли Наполеона достигли берегов Мальты. В то время Мальта оставалась (с 1530 г.) владением рыцарского ордена иоаннитов, который называл себя также Мальтийским орденом[4]. После Французской революции великий магистр ордена Эммануил Роган порвал отношения с Францией и установил дружественные – как политические, так и экономические – связи с Англией, а в ноябре 1797 г. его преемник Фердинанд Гомпеш испросил для Мальты протекторат у другого врага Франции – Российской империи. Самодержец всея Руси Павел I принял в дополнение к 50 географи-

---

[1] Бурьен [Л. А.]. Цит. соч. Т. 1. Ч. 2. С. 69.

[2] Там же. Т. 2. Ч. 3. С. 217.

[3] Там же. Т. 2. Ч. 3. С. 7; Кастело А. Цит. соч. С. 268.

[4] См. о нем: Cassagnac P. Histoire de l'Ordre souverain de St. Jean de Jérusalem... P., 1963.

ческим компонентам своего титула 51-й: Великий магистр Державного ордена Святого Иоанна Иерусалимского[1]. Поскольку Мальта перешла в стан врагов Франции, а ведь она занимала очень важное (политически, экономически и стратегически) положение в Европе, располагая лучшим на Средиземном море портом Ла Валетта, Наполеон, по его словам, «решился овладеть островом, но лишь в том случае, если это удастся сделать без ущерба для достижения основной цели»[2].

Наполеону это удалось, хотя укрепления Мальты считались неприступными. После недолгой рекогносцировки Наполеон рискнул высадить на остров десант в 3 тыс. человек, который сам лично и возглавил. «Военных действий, можно сказать, не было, – пишет об этом Д. Чандлер. – Древний дух ордена Святого Иоанна, когда-то бича ислама, давно обрел склонность к покою и уютному житью»[3]. Ценою жизни трех убитых рыцарями солдат Наполеон овладел островом и, по своему обыкновению, стал насаждать в этом средневековом феодальном с элементами рабовладения государстве буржуазно-демократические, республиканские порядки. По подсчетам А. Кастело, «за неделю пребывания на Мальте Бонапарт со скоростью циклона продиктовал 168 распоряжений»[4]. В результате он разрушил одряхлевшие устои рыцарского режима и кардинально преобразовал все стороны жизни Мальты[5].

Отныне феодальные права и привилегии рыцарей, церковников, купцов ликвидировались. Рабство отменялось, а 600 турецких невольников обрели свободу и возвращались на родину. Орден иоаннитов был упразднен, а все его члены высланы с Мальты, за исключением 34 добровольцев, принятых на французскую службу. Сокровища ордена, накопленные за 500 лет, были экспроприированы, что пополнило казну египетской экспедиции на 7 млн ливров. Наполеон перестроил и экономику, и систему народного образования на Мальте по французскому образцу, открыв сразу 15 начальных школ, а напоследок создал на острове новую администрацию. Ее возглавил в качестве коменданта 50-летний генерал К.-А. Вобуа, и при нем был оставлен гарнизон из 4 тыс. человек (чтобы довести числен-

---

[1] Шильдер Н. К. Император Павел I. СПб., 1901. Приложение. С. 208 (все 50 компонентов самодержавного титула здесь перечислены).

[2] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 429.

[3] Чандлер Д. Цит. соч. С. 146.

[4] Кастело А. Цит. соч. С. 223.

[5] См. об этом: Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 439; Кастело А. Цит. соч. С. 223; Чандлер Д. Цит. соч. С. 146; Иванов А. Ю. Цит. соч. С. 41.

ность гарнизона до 8 тыс., были затребованы еще 4 тыс. солдат из Тулона, Генуи, Чивита-Веккии и с Корсики). 17 июня, перед отплытием из Ла Валетты, Наполеон в письме к Директории так подытожил все им содеянное: «Мы находимся в центре Средиземноморья, в этом самом укрепленном месте Европы, и кто осмелится выбить нас оттуда, тому придется дорого заплатить за такую попытку»[1]. Позднее он объяснял: «Если бы я не завладел Мальтою, англичане не преминули бы взять ее; пост этот был необходим для сохранения наших сообщений с Францией»[2].

19 июня, ровно через месяц после отплытия из Тулона, Восточная армия оставила Мальту. Много лет спустя Наполеон так вспоминал о тех днях, когда его солдаты гадали о возможном пути их дальнейшего следования: «Собираемся ли возвысить снова Афины или Спарту? Будет ли трехцветное знамя водружено на серале (дворце турецкого султана. – *Н. Т.*) или на пирамидах и развалинах древних Фив? Или же направимся в Индию? Эти сомнения перекликались с сомнениями Нельсона»[3].

Да, Нельсон в то время, уже закончив ремонт своей эскадры и получив подкрепления, с отрядом в 14 боевых судов начал рыскать по Средиземному морю в поисках французской экспедиции[4]. Он узнал от генуэзских торговцев, что Наполеон был на Мальте, и далее французские корабли ушли куда-то в южном направлении. Нельсон сообразил, что французы пойдут к Египту, и помчался вслед за ними. Подвела его скорость кораблей английской эскадры, которая была вдвое выше, чем у французских судов. В ночь с 22 на 23 июня эскадра Нельсона обогнала французов севернее острова Крит, не заметив издалека во тьме французские корабли, которые по приказу Наполеона предусмотрительно держались близко к берегу. В результате Нельсон подоспел к Александрии на 48 часов раньше французов, и там, естественно, ни о каком Бонапарте никто ничего не слышал. Тогда Нельсон устремился в Константинополь, рассудив, что Бонапарту, если его нет в Египте, плыть дальше некуда. Тем временем 1 июля флотилия Наполеона встала на якорь у Александрийского порта. Так расчет, риск и фортуна помогли Наполеону избежать гибельной для него при тех обстоятельствах встречи с Нельсоном.

Наполеон, конечно же, сразу узнал о недавнем заходе в Египет Нельсона и мог предполагать, что английская эскадра, может быть

---

[1] Correspondance de Napoléon. T. 4. № 2676. P. 226.
[2] Жомини А. Цит. соч. Т. 1. С. 104.
[3] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 440.
[4] Подробно об этом см.: Мэхэн А. Т. Цит. соч. Т. 1. С. 384–388.

и даже скоро, сюда вернется. Поэтому он стал спешить с высадкой своей почти 40-тысячной армии и разгрузкой чуть ли не 400 транспортных судов. Командующий его флотом адмирал Ф. П. Брюэс предложил переждать непогоду, для чего понадобилось бы часов двенадцать. Наполеон воскликнул: «Нельзя нам попусту терять время!» и приказал выгружаться немедленно возле Марабу, отказавшись от более удобной, но отдаленной якорной стоянки в Абукирской бухте. Перед высадкой он отдал приказ, в котором говорилось: «Солдаты! Вы наносите Англии наиболее чувствительный удар, перед тем как нанести ей удар смертельный <...>. Город, который лежит перед вами и в который вы вступите завтра, построен Александром!!!»[1] (он любил в минуты особых волнений ставить по три и более восклицательных знака).

2 июля, еще до рассвета, Наполеон первым ступил на древнюю землю Египта. За ним последовали генералы и отборные части войск из дивизий Ж. Б. Клебера и Л. Ш. А. Дезе. Головной французский патруль был атакован воинами племени хенади – наиболее свирепыми из местных арабов. Они убили патрульного офицера, отсекли ему голову и с торжеством стали возить ее, насаженную на копье, по улицам Александрии, вызывая восторг у одних и ужас у других горожан. Наполеон, поднявшийся на «колонну Помпея»[2], увидел оттуда, что творится в городе, который основал Александр Македонский и где уже две тысячи лет сохранялась гробница с его прахом (правда, ее *точное* местонахождение до сих пор не установлено). Он немедленно приказал своим гренадерам идти на штурм крепостных укреплений Александрии. Арабские защитники крепости (стрелки и канониры) оборонялись вяло, а после того, как Наполеон дал знать их шейхам (предводителям), что городу грозит разрушение, они сдались. В этом бою был ранен Клебер.

Наполеон въехал в город уже в сопровождении шейхов и быстро успокоил впавших было в панику горожан. По всей Александрии были расклеены и розданы жителям прокламации от его имени на французском, арабском и турецком языках, в которых объявлялось самое главное: «Народ Египта! Бог, от которого зависит все, сказал: “Царству мамлюков пришел конец”. Вам скажут, что я пришел погубить религию ислама. Не верьте этому! Я люблю Пророка и Коран и пришел восстановить ваши права <...>. Трижды счастливы будут

---

[1] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 458.

[2] Эта колонна было воздвигнута у стен Александрии на месте захоронения Гнея Помпея Великого, убитого египтянами в 48 г. до н. э. после его поражения от Юлия Цезаря в битве при Фарсале.

те, кто останутся нейтральными, у них будет время узнать нас. Горе безумцам, которые поднимут на нас оружие, – они погибнут!»[1]

Штурм Александрии стоил французам людских потерь: 300 солдат, убитыми и ранеными. Наполеон по праву завоевателя взыскал с местных шейхов тягловой силой: шейхи предоставили ему лошадей, вьючных ослов и верблюдов с погонщиками. Отдохнув два дня, пять из шести дивизий Восточной армии 4 июля пошли на Каир. В Александрии остался гарнизон численностью до 9 тыс. человек под командованием Клебера. Он еще не оправился от ранения и остался там в качестве коменданта.

Шестидневный переход войск Наполеона по пути от Александрии в Каир до берегов Нила через Ливийскую пустыню поверг в ужас всех участников перехода – от рядовых солдат до генералов. Никто их них ранее не мог и вообразить себе ничего подобного. Люди, одетые по-европейски, обремененные походным снаряжением, шли по раскаленной, выжженной солнцем пустыне, – как им казалось, «в адовом пекле», – почти все время без глотка воды (весь ее запас, взятый в Александрии, выпили в первый же день). Поскольку лошади и верблюды были задействованы под орудия и обозы с боевым и научным оборудованием, все – от солдат до главнокомандующего – шли пешком. Их мучили зной и жажда, водяные миражи, офтальмия (т. е. временная слепота), приступы помешательства. Иные из них сошли с ума, несколько человек (в том числе генерал Ф. Мирер) покончили с собой. Были даже случаи дезертирства, в войсках начался ропот, грозивший перейти в бунт[2].

В довершение всех бед французам не давали ни минуты отдыха конные бедуины (кочевники), то и дело наскакивавшие на экспедицию в любое время суток и так же неуловимо исчезавшие в песках. «Французские колонны, окруженные бедуинами, напоминали эскадры, за которыми следуют акулы», – вспоминал об этом переходе Наполеон[3]. Если бедуинам удавалось захватить кого-то из французов (отставших или дезертиров) в плен, они варварски их истязали: отрезали носы, уши, рубили головы и т. п.

Ропот недовольства в войсках был тем сильнее, что солдаты, побывавшие с Бонапартом в Италии, были настроены на славные победы, богатую добычу, лицезрение красот Востока, о которых они так

---

[1] Correspondance de Napoléon. T. 4. № 2723. P. 269–271.

[2] Подробно см.: Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 466–468; Чандлер Д. Цит. соч. С. 148–149; Лашук А. Указ. соч. С. 82–85; Иванов А. Ю. Цит. соч. С. 47–50.

[3] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 466.

много знали понаслышке. Теперь только железная воля и непререкаемый авторитет Наполеона удерживали их от бунта. Стоило ему появиться среди недовольных и ропщущих, «чтобы все затихло, и люди снова шли за ним покорно, как тени за душеводителем Гермесом, в пылающий ад»[1].

Наконец утром 10 июля французы увидели перед собой долгожданные воды Нила, что вызвало у них буквально пароксизм ликования. Солдаты и генералы, профессора и академики, не раздеваясь, бросались в реку, чтобы освежиться, и благодарили всех богов Запада и Востока, а главное, своего «чудо-генерала» за то, что пришел конец их мучениям.

Далее, вплоть до пирамид, французы шли по левому берегу Нила уже легко, почти весело, хотя 13 июля у деревни Шубра-хит им пришлось выдержать первый бой с кавалерией мамлюков. Наполеон построил свои войска в четыре каре с артиллерией внутри каждого из них. Желая обезопасить научную экспедицию и обоз, он скомандовал: «Ослов и ученых – в середину!» А затем приказал армейскому оркестру играть «Марсельезу», зная, как эта музыка поднимает дух его солдат. Как только конные мамлюков лавиной пошли в атаку, из каре, заглушая и дикий рев нападавших, и музыку оборонявшихся, грянули артиллерийские орудия. Первые ряды мамлюков были сметены орудийным огнем в пыль, а остальные с еще более дикими воплями отхлынули от каре и, вздымая тучи песка, скрылись. «Так, – напишет об этом Александр Дюма, – в первый раз со времени крестовых походов Восток оказался лицом к лицу с Западом».

Теперь Каир был уже близок. А в Каире мамлюки готовились к тому, чтобы разгромить пришлых гяуров (иноверцев). Номинальный правитель Египта турецкий паша Абу Бекр созвал Диван – совет каирской знати. Верховодили в нем фактические хозяева страны, вожди мамлюков дуумвиры Мурад-бей (1750–1801) и Ибрагим-бей (1735–1816). Они были настроены только на победу, учитывая, что у гяуров нет кавалерии и их пехотинцы не смогут противостоять таким, как мамлюки, первоклассным воинам на лучших в мире арабских скакунах. «Будем рубить им головы, как арбузы на бахче!» – хвастался Мурад-бей. А Ибрагим-бей поднял дух мамлюков таким описанием нечестивых пришельцев: «Неверные, которые пришли сюда сражаться с нами, имеют ногти длиной в один фут, огромные пасти и свирепые глаза. Это дикари, обуреваемые Иблисом (дьяволом. – *Н. Т.*), и они идут в бой скованные цепями»[2].

---

[1] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 151.

[2] Цит. по: Чандлер Д. Цит. соч. С. 149.

На заре 21 июля 1798 г. перед французами предстала сказочно красивая и пугающая картина, словно видение из «Тысячи и одной ночи»: слева – Каир с его четырьмя сотнями минаретов и величественной мечетью X века Аль-Азхар, справа – исполинские треугольники древних пирамид. А впереди уже с нетерпением ждали готовые к битве войска правоверных дуумвиров. Ждать им пришлось недолго: в тот же день, 21 июля, историческая битва у пирамид началась и закончилась.

Соотношение сил перед битвой в разных источниках определяется по-разному. Наполеон считал, что Мурад-бей имел здесь, кроме 12-тысячной кавалерии мамлюков, еще и пехоту из 20 тыс. арабов, янычар (турок), феллахов (египетских ополченцев) и 8 тыс. бедуинов[1]. Д. Чандлер, хотя и фиксирует подсчеты «некоторых авторов», согласно которым численность войск Мурад-бея «превышала 40 тыс.», соглашается с Ф. Кирхейзеном в том, что едва ли Мурад-бей имел в тот день больше 6 тыс. мамлюков и 15 тыс. феллахов[2]. Вторую, резервную, линию боевого порядка египтян составляла пехота Ибрагим-бея, которая даже не успела принять участие в сражении. Наполеон, по его данным, располагал в день битвы такими силами: 20 тыс. человек и 42 орудия[3].

Битва при пирамидах возымела неповторимый, словно театрализованный антураж. «Правый берег Нила, – вспоминал Наполеон, – был покрыт всем населением Каира – мужчинами, женщинами, детьми, которые поспешили туда, чтобы наблюдать за битвой»[4]. То было не простое любопытство: мамлюки успели внушить им, что в случае поражения они «сделаются рабами» дьявольских пришельцев[5].

В 3 часа пополудни многотысячная кавалерия мамлюков, сверкая на солнце сталью, золотом, бриллиантами, алмазными перьями своих нарядов и оглашая все вокруг столь диким ревом, что он леденил кровь – и воинов, и, еще более, зрителей, пошла в атаку. К тому моменту Наполеон уже выстроил свои колонны, как он это сделал у Шубра-хита, в пять дивизионных каре с орудиями по углам и в центре. Не известно, играл ли оркестр в тот день «Марсельезу», но прозвучало его историческое обращение к войскам перед сражением: *«Солдаты! Сорок веков смотрят на вас с высоты этих пирамид!»* Комментируя эту фразу, знаменитый английский историк Арнольд

---

[1] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 477.
[2] Чандлер Д. Цит. соч. С. 150.
[3] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 473.
[4] Там же. С. 477.
[5] Там же.

Тойнби отметил: «Наполеон сознавал, что прикоснулся к струне, звук которой способен тронуть даже невежественное сердце самого грубого солдата <...>. Можно быть уверенным, что Мурад-бей и не подумал подбодрить своих нелюбознательных товарищей аналогичным напоминанием»[1].

Первый и главный удар мамлюков приняла на себя дивизия генерала Дезе. Хотя прицельный огонь ее стрелков и канониров буквально скосил первую волну атакующих, мамлюки успели проскочить между двумя каре – Дезе и молодого генерала Ж. Л. Э. Ренье – и попытались атаковать их с тыла. Но тем временем дивизия старейшего в армии, 54-летнего генерала Ш. Ф. Дюгуа, при которой находился сам Наполеон, совершила маневр, позволивший ей «открыть артиллерийский огонь в хвост мамлюкам»[2]. После этого бой превратился в бойню. Красочно описал ее Д. С. Мережковский: «Мамлюки, когда поняли, что участь их решена, точно взбесились; сделав последний выстрел из пистолета, нанеся последний удар ятаганом[3], кидали оружие в лицо победителям и сами кидались на штыки, хватали их голыми руками, грызли зубами и, падая и умирая у ног солдат, все еще старались укусить их за ноги. Так издыхала дикая вольность Азии у ног просвещенной Европы <...>. И на все это “смотрели сорок веков с высоты пирамид”»[4].

К вечеру, но еще засветло, битва закончилась. Мурад-бей с остатками своей конницы (дотоле под его личным командованием непобедимой) бежал, минуя Каир, в Средний Египет. Видя, что мамлюки разгромлены, янычары, феллахи и прочая пехота Мурад-бея тоже обратилась в бегство под огнем французов – кто в пустыню, а кто на лодках или даже вплавь через Нил в Каир, вслед за толпами горожан, только что предвкушавших радость победы, а теперь обезумевших от страха.

Потери сторон в битве при пирамидах несопоставимы. По данным разных источников, Мурад-бей потерял убитыми, ранеными, утонувшими и пленными до 10 тыс. человек, Наполеон – 29 человек убитыми и 260 ранеными[5].

---

[1] Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991. С. 620–621.

[2] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 478–479.

[3] Ятаган – османское холодное оружие, от сабли его отличает более короткая, двояковыгнутая форма клинка.

[4] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 152.

[5] Ср.: Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 480; Чандлер Д. Цит. соч. С. 151; Лашук А. Указ. соч. С. 90; Иванов А. Ю. Цит. соч. С. 61. Данные В. Кронина («Наполеон уничтожил или взял в плен целую армию численностью в 24 000 человек») грешат явным преувеличением: Кронин В. Наполеон. М., 2008. С. 180.

Такой знаток военного искусства, как Дэвид Чандлер, считает одной из главных причин разгрома мамлюков их «средневековую тактику». Дело в том, что они «признавали только три перестроения – построиться для атаки, ринуться в атаку и (если счастье не улыбалось им) ускакать. Такая примитивная тактика имела мало шансов на успех против огневой мощи и дисциплины французских каре»[1]. Не зря именно после битвы при пирамидах египтяне дали Наполеону прозвище *Султан Кебир*, что значило Огненный Царь. Эмиль Людвиг заметил: «Это его третье имя, такое же фантастическое, как этот поход».

Между тем в ночь на 22 июля Ибрагим-бей со своей пехотой, оказавшейся в битве просто не у дел, покинул Каир и ушел на восток, а наутро шейхи Каира приняли решение сдать город иноверцам. В тот же день Наполеон обратился с прокламацией к «народу Каира». «Я пришел, чтобы уничтожить род мамлюков и защитить коренное население страны, – объявлял вождь иноверцев правоверным гражданам. – Пусть все, кто охвачен страхом, успокоятся, а все, кто удалился, вернутся в свои дома <...>. Не бойтесь за ваши семьи, жилища, имущество и особенно за религию Пророка, которого я люблю. Чтобы не было тревоги и установилось спокойствие, будет созван Диван из семи лиц, которые соберутся в мечети Аль-Азхар»[2].

23 и 24 июля Наполеон принимал у себя в походном лагере многочисленные депутации от каирской знати, выражавшей ему свою покорность, а 25-го торжественно въехал в Каир. Городской люд встречал новоявленного Султана Кебира уже спокойно и уважительно; чванливые мамлюки впали в состояние безысходного страха; зато французы, забыв о тяготах перехода через Ливийскую пустыню, радовались, как дети, своим победам. Не помнили себя от радости солдаты и офицеры, генералы и ученые египетской экспедиции, а их главнокомандующий в тот день всеобщего торжества был сам не свой от горя. Сердце ему разбила новость, которую не стал таить от него верный Жюно.

Да, прославленный к тому времени еще больше прежнего, уже не только на Западе, но и на Востоке, готовый вызвать к себе свою Жозефину в завоеванный Каир, Наполеон лишь теперь узнал от Жюно то, что знали и о чем сплетничали очень многие в Париже и кое-кто в египетской экспедиции: Жозефина изменяет ему все с тем же Ипполитом Шарлем. Выяснилось, что она устроила своего любовника пайщиком в общество торговли съестными припасами

[1] Чандлер Д. Цит. соч. С. 151.

[2] Correspondance de Napoléon. T. 4. № 2818. P. 341.

и целые дни (ночи, разумеется, тоже) проводила с ним у себя в пригородном замке Мальмезон, так что соседи думали, будто «с мадам Бонапарт живет ее сын»[1].

Реакция Наполеона на все рассказанное Жюно была невероятно болезненной. По воспоминаниям Л. А. Бурьена, бывшего свидетелем их разговора, Наполеон просто рвал и метал, бил себя кулаком по голове и выкрикивал бессвязные фразы: «О женщины!.. Жозефина! Так обмануть меня!.. Она... Горе им! Я истреблю все это племя вертопрахов и блондинчиков! А с ней – развод! Да, развод! Всенародный, скандальный развод!»[2] Бурьен попытался было успокоить Наполеона, говоря о его славе, но тот отреагировал на такие слова, как ужаленный: «Ах, моя слава! Да чего только я не отдал бы за то, чтобы сказанное Жюно было несправедливо!»[3] Не тогда ли вырвалась у него эта фраза: «Брак – дело, чуждое природе»?[4]

О том, как Наполеон в те дни был душевно опустошен и подавлен, свидетельствует письмо, которое он написал брату Жозефу 26 июля: «Присмотри мне где-нибудь сельский домишко, под Парижем либо в Бургундии. Я рассчитываю провести там взаперти всю зиму. Мне опостылела человеческая природа. Хочу одиночества и безлюдья. Величие меня утомляет. Чувства во мне иссохли. Слава приелась. В 28 лет я все исчерпал, и мне не остается ничего другого, как сделаться законченным эгоистом»[5].

Это письмо было перехвачено англичанами из эскадры Г. Нельсона и переправлено не в Париж, а в Лондон. Там 24 ноября 1798 г. газета «Morning chronicle» опубликовала его на французском и английском языках. Так вся Европа узнала, что всемирно знаменитый «чудо-генерал» и «Огненный Царь» – *рогоносец*. Что помогло тогда Наполеону пережить его личную трагедию? Только круговорот тысяч и тысяч дел по созданию в Египте основ для новой, современной цивилизации. В эти дела он и погрузился с головой.

3. Наполеон – Султан Кебир

Напомню читателю, что перед тем, как предпринять египетскую экспедицию, Наполеон изучил историю и национальные (включая

---

[1] См. об этом: Кастело А. Жозефина. СПб., 1994. Кн. 1. С. 214–215; Кирхейзен Г. Указ. соч. С. 83–84; Чандлер Д. Цит. соч. С. 151–152; Иванов А. Ю. Цит. соч. С. 85–88.

[2] Бурьен [Л. А.] Цит. соч. Т. 2. Ч. 3. С. 197.

[3] Там же. С. 199.

[4] Кастело А. Бонапарт. С. 217.

[5] Цит. по: Кастело А. Бонапарт. С. 233.

религиозные) особенности населения Египта, а также опыт своих предшественников. Еще до похода в Египет он понимал, что главным препятствием на его пути к любым свершениям будет религия, ислам. Даже на острове Святой Елены Наполеон вспоминал прогноз, сделанный в 1788 г. французским просветителем Константеном Франсуа Вольнеем (которому, кстати, Наполеон, став императором, пожалует титул графа): «Чтобы утвердиться в Египте, придется выдержать три войны: первую – против Англии, вторую – против Турции, а третью – наиболее трудную из всех – против мусульман, составляющих все население этой страны. Последняя потребует таких жертв, что ее, быть может, надо рассматривать как *непреодолимое* препятствие»[1].

Теперь, после побед у Шубра-хита и пирамид, став хозяином Александрии и Каира, Наполеон все-таки считал положение французов в Египте непрочным. «Их только терпели правоверные, которые, будучи ошеломленными стремительностью событий, уступили силе, но уже оплакивали торжество иноверцев, присутствие которых оскверняло священные воды, – объяснял Наполеон. – Они стенали от позора, который это присутствие навлекало на "первый ключ" священной Каабе*; имамы напыщенно декламировали те стихи Корана, которые наиболее враждебны неверным»[2].

Война с Англией представлялась Наполеону неизбежной и долгой, а с Турцией он даже предполагал разрешить все миром, поскольку она сама намеревалась подавить самоуправство мамлюков в Египте. Но религиозную войну с мусульманами Наполеон исключал безусловно. Он, конечно же, учитывал печальный опыт восьми крестовых походов с 1096 по 1270 г., когда крестоносцы, хотя и добивались отдельных успехов (в первом, четвертом и шестом походах), так и не достигли главного – христианизировать народы Востока, включая Египет. Наполеон решил действовать на Востоке принципиально иначе, чем все его европейские предшественники: не преследовать и не подавлять ислам, а привлечь его на свою сторону, в какой-то мере даже подстроиться (временно) под него. С этой целью он артистично использовал авторитетнейший идеологический центр египетского мусульманства – самый знаменитый на Востоке университет мечети Аль-Азхар, основанный еще в XII в. легендарным правителем Египта и грозой крестоносцев Юсуфом Салах-ад-Дином (Саладином). Шестьдесят улемов (докторов богословия) это-

---

[1] Цит. по: Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 506. Курсив мой. – *Н. Т.*

* Кааба – мусульманский храм-святыня в Мекке (Саудовская Аравия).

[2] Там же. С. 506–507.

го университета формировали тогда общественное мнение не только в Египте, но и за его пределами.

«Наполеон не упустил ничего из того, что могло привлечь их на его сторону, польстить им», – читаем в воспоминаниях самого Наполеона[1]. Ежедневно, перед началом утренней молитвенной службы, он приглашал их к себе во дворец на площади Эзбекия. Вместе с улемами прибывали муфтии, шерифы, имамы – вожди различных родов и сект с множеством слуг, заполняя собой всю площадь, центральную в городе. Французская стража брала перед ними на караул и с почетом впускала во дворец, а там в главном зале адъютанты главнокомандующего и переводчики, оказывая гостям высокие почести, угощали их шербетом и кофе. Наполеон появлялся в зале не сразу, но всякий раз непременно «усаживался на диване рядом с ними и старался внушить им доверие к себе обсуждением Корана, приглашая их разъяснить ему наиболее важные места» и восхищаясь при этом личностью пророка Магомета[2]. Польщенные таким приемом богомольные старцы отправлялись в мечеть и там успокаивали свою многолюдную паству эмоциональными проповедями о веротерпимости и гуманности Султана Кебира. Тем самым они, по словам Наполеона, «оказывали французской армии подлинные услуги»[3].

Французские солдаты после революции 1789 г. не исполняли обрядов какой-либо религии. Они вовсе не бывали в церквах – ни во Франции, ни в Италии, ни теперь в Египте. Улемы заметили это и не преминули истолковать в свою пользу: пусть французы – не мусульмане, но они и не идолопоклонники, а поскольку Султан Кебир почитает идеи пророка Магомета и его самого как личность, то не исключена возможность склонить и лично Бонапарта и его войско в мусульманскую веру. Глава улемов шейх Эль-Шаркун – вероятно, по договоренности с другими улемами, а может быть, и по инициативе кого-то из них – на одном из обсуждений Корана во дворце у французов прямо, без обиняков, предложил Наполеону: «Вы хотите пользоваться покровительством Пророка, он любит вас <...>. Вы не идолопоклонник. Сделайтесь мусульманином. 100 000 египтян и 100 000 арабов из Аравии, Медины, Мекки сомкнутся вокруг вас. Под вашим водительством и дисциплинированные на ваш манер, они завоюют Восток, и вы восстановите родину Пророка во всей ее славе»[4]. «В то же мгновенье, – вспоминает об этом Наполеон, – стар-

[1] Там же. С. 507.
[2] Там же. С. 508.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 510.

ческие лица осветила улыбка, и все пали передо мной ниц, призывая ко мне покровительство небес»[1].

Согласиться на такое предложение Наполеон, конечно, не мог. Но и отказать улемам сразу, без прений, было бы некорректно. Поэтому он вступил с ними в прения, заявив: «Есть две большие трудности, препятствующие тому, чтобы я и моя армия сделались мусульманами: первое – это обрезание, вторая – вино. Мои солдаты приучены к вину с детства. Я никогда не смогу убедить их отказаться от него»[2]. Улемы, муфтии, шейхи и прочие занялись поисками ходов к устранению этих трудностей. Они «вспомнили», что обрезание было лишь рекомендовано, но не введено Пророком, и поэтому можно быть мусульманином, не будучи обрезанным. Что же касается вина, то мусульмане могут пить его, хоть и впадать при этом в грех, но здесь тоже есть выход: искупать свои грехи добрыми делами. Прения продолжались больше недели, и египтянам уже казалось, что Бонапарт готов стать мусульманином, как это сделал один из его соратников, 48-летний генерал Жак Франсуа Мену, который женился на мусульманке (дочери местного цирюльника) и принял ислам под именем Абдаллах Жак, после чего зачастил на молитвы в мечеть.

Весь этот процесс религиозного, даже чисто житейского сближения французов с египтянами был внезапно осложнен, а затем и сорван в результате катастрофы, которая постигла французский флот 1 августа 1798 г. у мыса Абукир. В тот день адмирал Г. Нельсон добился своего: он уничтожил французскую эскадру, используя и превосходство своих кораблей в мощи и маневренности, и свой талант флотоводца, а также беспечность французского адмирала Ф. П. Брюэса. Дело в том, что сразу по прибытии в Александрию Наполеон приказал Брюэсу поставить все его корабли на якорь в Александрийском порту. Это обеспечивало бы им относительную безопасность и к тому же позволяло усилить экипажи военных судов за счет 1500 матросов конвоя. Но Брюэс, усмотрев недостаток воды в гавани Александрии, оставался на открытом рейде Абукира, безрассудно подставив свою эскадру под удар англичан[3].

Удар последовал к вечеру 1 августа. По выражению Д. С. Мережковского, Нельсон напал на Брюэса, как «ястреб на курочку»[4]. Четырнадцать линейных кораблей Нельсона стремительной атакой застали врасплох 17 французских судов (13 линейных и 4 фрегата) – громоздких и неповоротливых по сравнению с ан-

---

[1] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 510.
[2] Там же. С. 511.
[3] Подробно см.: Там же. С. 490–496.
[4] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 152.

глийскими и опрометчиво растянутых параллельно берегу, но вдалеке от него, – так что английские корабли пошли в атаку на них и с моря, и со стороны берега. Французские моряки, дезориентированные внезапностью нападения и оказавшиеся между двух огней, сражались храбро, но не так умело, как англичане, – ведь у них не было своего Нельсона. Адмирал Брюэс, раненный в руку и в голову, отказался спуститься на перевязочный пункт и был убит пушечным ядром на капитанском мостике. Геройски погиб командир флагманского корабля «Орион» Люк-Жюльен Казабьянка. С ним был его малолетний сын. Увидев, что пламя охватывает корабль, отец попытался спасти сына и привязал его к плавающей в море *стеньге* (просторному колену одной из мачт). Но тут раздался страшный взрыв, при котором погибли и сам Казабьянка с трехцветным знаменем республики в руках, и его мальчик[1].

Итоги битвы стали для французов трагическими. Они потеряли 13 кораблей из 17 и более 3 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными, тогда как англичане сохранили все свои суда, хотя многие из них были повреждены, а их людские потери не превышали 900 человек убитыми и ранеными. Главное, французская эскадра перестала существовать, а сухопутные войска Бонапарта в Египте были отрезаны от Европы, от родной Франции и, по всей вероятности, обречены на гибель. Заглядывая в будущее, Д. С. Мережковский с присущей ему афористичностью заключил: «Абукир – отец Трафальгара, дед Ватерлоо»[2].

В такой ситуации, узнав о страшных подробностях Абукирского побоища, Наполеон не потерял головы. Он даже стал говорить соратникам, впавшим было в уныние при первой же вести о трагедии Абукира, что можно остаться и стать великими на Востоке: «Теперь мы просто вынуждены совершать великие подвиги. И мы их совершим. Надо основать здесь великую империю – и она будет нами основана. Моря, на которых мы более не господа, отделяют нас от родины, но никакие моря не отделяют нас ни от Африки, ни от Азии»[3].

Едва ли сам Наполеон верил тому, о чем говорил, скорее хотел утешить расстроенных соратников, поднять их упавший боевой дух. Как бы то ни было, он с удвоенной энергией взялся за преобразование Египта. Продолжая курс на религиозное сближение с египтянами, он не только демонстрировал перед улемами и шейхами лояль-

---

[1] Ср.: Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 500–501; Мэхэн А. Т. Цит. соч. Т. 1. С. 400–409; Лашук А. Указ. соч. С. 90–91; Иванов А. Ю. Цит. соч. С. 72–74.

[2] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 152.

[3] Цит. по: Иванов А. Ю. Цит. соч. С. 76–77.

ность исламу, но и позаботился о них, закрепив за ними все их привилегии, и даже, по его собственному признанию, «окружил их еще большим почетом, чем тот, которым они пользовались раньше»[1].

Мало того, Наполеон шокировал своих соратников и приятно удивил самих шейхов изысканным вниманием к их женам. Начал он свою галантную заботу с главной из них – жены Мурад-бея Нафисы, которая, кстати, раньше была женой правителя Египта Али-бея, убитого в 1773 г. «Султан Кебир» направил к ней своего пасынка Евгения Богарне, чтобы выразить ей почтение и вручить фирман (т. е. высочайший указ), закреплявший за ней все ее имущество, включая гарем «из полусотни женщин всех национальностей и цветов кожи»[2]. Успокоив и обрадовав таким образом жену Мурад-бея, Наполеон использовал в своих интересах ее влияние на других жен египетской знати. Когда им стало известно о необычном, диковинном для Востока джентльменстве Султана Кебира, они стали испрашивать у него аудиенции, и он принимал их в своем дворце. «Они являлись, окруженные многочисленной свитой, – вспоминал Наполеон. – Лица их были закрыты в соответствии с обычаем страны. Невозможно было судить о том, насколько они красивы, но маленькие ручки, тонкая талия, мелодичный голос, манеры как следствие благосостояния и хорошего воспитания, раскрывали их сан и положение в свете. Они целовали руку Султана Кебира, подносили ее к своему лбу и сердцу, усаживались на дорогих шелковых подушках и заводили разговор, в котором проявляли столько же ловкости и кокетства, сколько могли бы проявить наши европейские женщины, получившее наилучшее воспитание, чтобы добиться того, за чем пришли»[3]. А добивались они немногого. Прослышав о том, как деликатно, заботливо, нежно обращается генерал Мену со своей женой-мусульманкой в г. Розетта, все женщины Розетты направили в Каир Султану Кебиру «петицию с просьбой приказать египтянам во всем Египте обходиться с ними по обычаю французов»[4].

Наполеон многое делал и для того, чтобы завоевать симпатии простых египтян. С этой целью он сам, его штаб и французский гарнизон Каира приняли участие в традиционном празднике Нила. С 18 августа 1798 г. в течение трех дней примерно 200 тыс. египтян веселились на берегах Нила и городских улицах. Наполеон в сопровождении своих генералов, членов Дивана и прочих шейхов прибыл к специально приготовленному для главных торжеств павильону, а

[1] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 483.
[2] Там же. С. 482.
[3] Там же. С. 519–520.
[4] Там же. С. 520.

части французских войск в парадной форме прошли перед ним церемониальным маршем. Затем в павильоне был сервирован роскошный обед для египетской и французской элиты, о котором можно сказать, что он «прошел в теплой дружеской атмосфере»[1].

Большое и выгодное для французов впечатление произвел на всех египтян случай, когда Наполеону доложили в присутствии «собрания великих шейхов», что арабы племени биллис убили в египетской деревне одного феллаха. «Султан Кебир» разгневался и выслал отряд из 300 кавалеристов с приказом изловить и наказать убийц. Один из шейхов, видя гнев и сострадание Наполеона, спросил его: «Почему ты так сердишься? Разве убитый феллах – твой родственник?». «Да, – ответил "Султан Кебир", – все подвластные мне – мои дети!» Услышав это, главный шейх Эль-Шаркун воскликнул: «Тайиб! Тайиб![2] Ты говоришь, как Пророк!» Спустя каких-нибудь полчаса Эль-Шаркун уже рассказывал о мудром величии Султана Кебира в главной мечети города, заполненной народом[3].

Много лет спустя, на острове Святой Елены в разговоре со своим врачом Б. О'Мира Наполеон вспоминал: «Говорили, что я принял мусульманскую веру в Египте. Дело совсем не в этом. Я никогда не следовал догматам этой религии. Я никогда не молился в мечетях. Я никогда не воздерживался от вина, так же как и никогда не совершал обрезания и никогда не исповедовал это. Я лишь заявлял, что мы были друзьями мусульман, и я уважал Магомета, их пророка. Это истинная правда, и я поныне уважаю его»[4].

Веротерпимость и уважение Наполеона к Корану помогали ему обеспечивать порядок, необходимый для буржуазных реформ в Египте, но, как подметил Е. В. Тарле, были для того времени настолько «чрезвычайным новшеством», что в 1806 г. Святейший Синод Российской империи, объявляя Наполеона предтечей антихриста, намекал в качестве одного из аргументов на его покровительство исламу в Египте[5].

Но до 1806 г. было еще далеко, а пока «Султан Кебир» успел многое сделать для преобразования Египта на французский манер (разумеется, в меру возможного). Анри Лашук верно заметил, что именно в Египте Наполеон «впервые обнаружил гений будущего главы государства»[6]. Он искусно, сочетая такт и напористость, убедил чле-

---

[1] См.: Там же. С. 513–514; Кастело А. Бонапарт. С. 241–242.
[2] Превосходно! (араб.).
[3] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 521.
[4] О'Мира Б. Голос с острова Святой Елены. Мемуары. М., 2004. С. 279.
[5] Тарле Е. В. Наполеон. С. 72.
[6] Лашук А. Указ. соч. С. 93.

нов Дивана (собственно, подобранных им самим из числа наиболее влиятельных улемов и шейхов) в необходимости более цивилизованного, чем при османах и мамлюках, порядка в стране. Законодательство и суд были нацелены на обеспечение «двух великих благ – безопасности для личности и для имущества»[1]. Во всех провинциях начала действовать новая администрация, а именно департаменты (как во Франции), которыми управляли начальники французских гарнизонов, но при непременном участии совещательного органа из семи местных именитых граждан, подотчетных Большому дивану в Каире. Повсюду был положен предел судебным поборам, отменены пытки. Французская администрация сумела преодолеть финансовый хаос. Налоги отныне распределялись с непривычной для египтян равномерностью и справедливостью, хотя и с большей, чем прежде, жесткостью в сроках уплаты.

Многое было сделано для городского и дорожного благоустройства. Наполеон впервые учредил регулярное почтовое сообщение в Египте, пустил в ход дилижансы между Каиром и Александрией. В Каире он основал монетный двор, начал строительство госпиталя для бедных на 300 коек, приказал установить на главных улицах египетской столицы ночные фонари.

Вместе с тем Наполеон при помощи своих коллег-ученых энергично занялся топографическим обследованием средиземноморского побережья Египта. По его заданию специалисты-топографы и солдаты изыскивали любую возможность для прорытия каналов и последующей ирригации, чтобы регулировать течение Нила, расширить площадь орошаемых земель и сделать Нил более плодородной рекой. Даже в изгнании на острове Святой Елены он увлеченно рассказывал своему врачу Б. О'Мира, что «намерен был осуществить строительство двух каналов, ведущих из Красного моря, один – к Нилу в район Каира, а другой – к Средиземному морю»[2].

Из трудов Диодора Сицилийского Наполеон хорошо знал о древнем канале, соединявшем реку Нил с Красным морем еще за 2 тыс. лет до н. э. Позднее неоднократно, вплоть до VIII в. канал то приходил в запустение, то восстанавливался, пока в 776 г. не был засыпан. Теперь Наполеон загорелся идеей прорыть новый канал через Суэцкий перешеек и решил обследовать трассу древнего канала. Вместе с академиками-теоретиками (Монжем и Бертолле), инженерами, генералами и офицерами он выехал на берег Красного моря,

[1] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 523; Чандлер Д. Цит. соч. С. 153; Лашук А. Цит. соч. С. 94–95.

[2] О'Мира Б. Цит. соч. С. 280.

первым – раньше инженеров и академиков – обнаружил и осмотрел сохранившиеся остатки «канала фараонов», как его называли[1]. Инженер Жан Батист Лепэр получил от него задание измерить уровни грунта на Суэцком перешейке для соединения двух морей и немедленно приступил к подготовительным работам. Хотя после неудачного похода Наполеона в Сирию пришлось эти работы свернуть, подготовленные Лепэром расчеты остались, как признают специалисты, «самым авторитетным мнением по данному вопросу в течение пятидесяти лет. И все наброски, чертежи и зарисовки, сделанные учеными под его руководством, полвека спустя будут в целом подтверждены работами Фердинанда Лессепса»[2], под руководством которого в 1859–1869 гг. (к 100-летию со дня рождения Наполеона) сооружен ныне действующий Суэцкий канал.

Особо значимым вкладом египетской экспедиции Наполеона в мировую цивилизацию стали ее научные исследования. 22 августа 1798 г. Наполеон учредил в Каире Институт Египта наподобие Института Франции (Французской академии наук) с целью «содействовать прогрессу и просвещению в Египте»[3]. Институт подразделялся на четыре секции – математическую, физическую, политической экономии и изящных искусств – по 12 членов в каждой. Президентом Института был избран академик Гаспар Монж. Он председательствовал на первом собрании членов всех секций, а заместителем его стал Наполеон, которому в дальнейшем приходилось нередко и председательствовать. Член Института географ Е.-Ф. Жомар вспоминал, что Наполеон как председатель на институтских собраниях «в блестящих и живых импровизациях необыкновенно тонко ставил вопросы, зондировал глубину невыясненных сторон и указывал вернейший способ исследования. Все проекты его обнаруживали в нем зоркость и проницательность»[4].

Институт Египта разместился в одном из лучших дворцов Каира неподалеку от резиденции Султана Кебира и открыл там свои лаборатории, библиотеку, типографию, кабинет физики. В институтской типографии для египтян печатали словарь и грамматику, а также две газеты на французском языке: «Египетская декада» и «Курьер Египта». Из научных открытий Института наибольшее значение имела находка *Розеттского камня* – базальтовой плиты II века до н. э. с текстами на древнеегипетском (иероглифами) и древнегрече-

---

[1] См.: Лашук А. Цит. соч. С. 97; Иванов А. Ю. Цит. соч. С. 107–109.

[2] Иванов А. Ю. Цит. соч. С. 110.

[3] Подробно об Институте Египта см.: Лашук А. Цит. соч. С. 96–98; Иванов А. Ю. Цит. соч. С. 64–68, 78–80.

[4] Цит. по: Лашук А. Цит. соч. С. 97.

ском языках[1]. Этот камень послужил ключом к расшифровке иероглифической письменности[2]. Вообще Институт вел исследования по всем направлениям, представленным в его секциях. Так, создатель начертательной геометрии академик Монж, опираясь на законы преломления и отражения света, дал научное объяснение эффекту миражей, которые воспринимались египтянами как призраки стран, исчезнувших с планеты. Великий хирург, будущий президент Парижской Академии наук Доминик Жан Ларрей и его коллега Рене Николя Деженетт исследовали причины чумы и трахомы, от которой ослепла половина населения Египта и против которой французские врачи нашли действенные меры лечения. Этьен Жоффруа Сент-Илер изучал местную фауну, Клод Луи Бертолле – свойства каустической соды, которую древние египтяне использовали при мумификации тел своих фараонов. Другие ученые досконально исследовали геологию и минералы, историю и географию Египта, а живописец Мишель Риго писал портреты шейхов, членов Большого Дивана в Каире, иные из которых «считались потомками самого пророка Магомета»[3].

По сути, трудами участников египетской экспедиции Наполеона было проведено «гигантское обследование всей страны»[4], итоги которого публиковались с 1809 по 1828 г. в 24-томном (10 томов текста и 14 – иллюстраций) «Описании Египта».

Ученые Института были очень популярны в Египте и среди местного населения, и среди французских солдат. Гениальный зоолог и палеонтолог академик Жорж Кювье, который не участвовал в египетской экспедиции, но был при Наполеоне одним из самых авторитетных ученых, в своем «Похвальном слове» памяти Бертолле так писал о пребывании и Бертолле, и Монжа в Египте: «Имена их получили в армии громкую известность. Монж и Бертолле были так популярны между солдатами, и имена их до того привыкли произносить вместе, что в армии многие полагали, что имена эти принадлежат одному человеку. В начале кампании ходила легенда о том, что именно “Монж-Бертолле” и был тем “негодяем”, который подсказал Бонапарту несчастную мысль сунуться в эту “проклятую страну”»[5].

---

[1] На Розеттском камне (плите из гранодиодорита) были выбиты три идентичных по смыслу текста: два на древнеегипетском языке, начертанные древнеегипетскими иероглифами и египетским демотическим письмом, и один – на древнегреческом языке. – *Примеч. ред.*

[2] См. о нем: Шампольон Ж.-Ф. О египетском иероглифическом алфавите. Л., 1950.

[3] Иванов А. Ю. Цит. соч. С. 79.

[4] Чандлер Д. Цит. соч. С. 153.

[5] Цит. по: Лашук А. Цит. соч. С. 98.

В общем, все, что успели сделать ученые из экспедиции Наполеона в Египте, положило начало фундаментальному изучению этой прародины человечества. Нельзя не согласиться с выводом Дэвида Чандлера: «Французское военное завоевание Египта было недолговечным, но работа ученых оказалась ценной на века»[1].

Но никакие политические, социальные, хозяйственные, научные проблемы не могли отвлечь Наполеона от военных забот. Прежде всего он решил уничтожить отряды мамлюков под командованием Мурад-бея, которые совершали разбойничьи набеги на египтян, сотрудничавших где бы ни было и как бы ни было с французами. Решение этой нелегкой задачи Наполеон доверил самому талантливому и лично близкому к нему из всех его соратников – Луи Шарлю Антуану Дезе. Тот справился с ней как нельзя лучше.

С августа 1798 до марта 1799 г. Дезе во главе отряда численностью не более 5 тыс. человек гонялся за мамлюками Мурад-бея вниз и вверх по Нилу, настигая и громя их, несмотря на то что Мурад-бей часто получал подкрепления из Аравии и в боях с Дезе под Самхудом 22 января и Кене 12 февраля имел численное превосходство. В конце концов Мурад-бей с жалкими остатками своего воинства бежал в Аравию, а генерал Дезе с триумфом вернулся в Каир. Здесь он получил в награду от Наполеона чудо-саблю, украшенную драгоценными камнями и с выгравированной надписью: «Покорителю Верхнего Египта»[2]. Эта сабля была у Дезе в тот славный и роковой для него день 14 июня 1800 г., когда он пал смертью храбрых, обеспечив победу Наполеона в исторической битве при Маренго.

Закрепившись в Египте, Наполеон принимал всевозможные меры к повышению боеспособности своих войск. По его заданию член Института «глава воздухоплавателей» Николя-Жак Конте создал в Каире специальную механическую мастерскую, в которой изготовлялись боеприпасы и оружие. Присматриваясь к местным особенностям, Наполеон всячески старался использовать их для нужд Восточной армии. Так, он учредил новый, невиданный в Европе вид кавалерии – на верблюдах. Такая идея пришла ему в голову после забавного случая возле Суэца. Наполеон увидел там перед палаткой какого-то шейха двух оседланных верблюдов. Желая убедиться, насколько верны рассказы египтян о верблюжьей резвости и покладистости, он приказал двум своим адъютантам, Евгению Богарне и Эдуарду Кольберу, сесть на верблюдов и пустить их в карьер. «Едва мы очутились в седле, – вспоминал Кольбер, – как Бонапарт с хлы-

[1] Чандлер Д. Цит. соч. С. 153.
[2] См.: Лашук А. Цит. соч. С. 92–93.

стом в руке пришпорил свою лошадь и бросился за нами в погоню, но не смог нас догнать, хотя под ним была превосходная лошадь. Шутка эта имела серьезные последствия. Пораженный легкостью верблюдов и убедившись в их выносливости, он решил воспользоваться ими для своей армии»[1].

В результате был учрежден состоявший из четырех эскадронов полк «дромадеров», в котором лошади были заменены верблюдами. Он успешно повел борьбу с набегами арабских племен («шакалов пустыни», как их называли), а кроме того, использовался для экспедиций вглубь пустынь, военной разведки и связи, доставки срочных приказов и донесений[2]. С потерей Египта полк «дромадеров» пришлось упразднить. Сохранился лишь эскадрон кавалерии мамлюков, сформированный из местных воинов после строжайшего отбора. Этот эскадрон входил в состав Консульской, а затем Императорской гвардии до 1814 г., напоминая живописностью своих по-восточному экзотических костюмов о египетской экспедиции 1798–1799 гг.

После морской катастрофы при Абукире весь август, сентябрь и три недели октября французам в Египте казалось, как недавно в Италии, что теперь у них все идет в лучшем виде, словно в песне «Ça ira!»[3]. Поэтому вспыхнувший 21 октября 1798 г. в Каире массовый бунт стал для них удручающей неожиданностью. Между тем он имел под собой вполне объяснимые причины и зрел исподволь, но неуклонно, все время после Абукира.

Дело в том, что блестящая победа английского флота в битве при Абукире вызвала подъем антифранцузских настроений повсюду, где для этого была почва. Египет, на глазах у которого, можно сказать, произошла битва, отреагировал раньше других стран. Здесь, во-первых, Наполеон вызвал недовольство у местного населения тем, что он разоружил его и обложил налогами, а также выставил для обороны Каира артиллерийские батареи, глядя на которые жители города боялись, как бы французы не повернули свои орудия против них. Но главное, разгром французского флота изменил политическую ситуацию в самом Египте и вокруг него. Ведь Наполеон после битвы при пирамидах сделал лестные предложения разгромленным вождям мамлюков – Ибрагим-бею и Мурад-бею: первому – сохранить за ним и его мамлюками право собственности на все, что они

---

[1] Лашук А. Цит. соч. С. 95.

[2] См. там же. С. 96, 910–911.

[3] «Ça ira!» (*франц.*): «Пойдут дела на лад!» – одна из самых знаменитых песен Великой французской революции; до появления «Марсельезы». – *Примеч. ред.*

имели, и платить им (самому Ибрагим-бею как генералу!) жалованье за счет Французской республики; второму кроме всего того же еще и даровать пост губернатора одной из провинций Египта с перспективой стать суверенным государем в Сирии. Оба бея поначалу согласились, но после битвы при Абукире отказались принять предложения Наполеона, откровенно сославшись на то, что «уничтожение французской эскадры изменило положение дел: не имея более возможности получать подкрепления, будучи со всех сторон окруженными врагами, французы закончат тем, что будут побеждены»[1].

Ни Ибрагим-бей, ни Мурад-бей сами по себе не смогли бы существенно повредить Наполеону в Египте. Но английские дипломаты и разведывательная агентура успешно настраивали против французов турецкого султана Селима III и его наместника в Сирии Джеззар-пашу. Каир полнился слухами о том, что готовится вторжение сирийских и даже турецких войск в Египет. Очарованные Наполеоном улемы и шейхи стали разочаровываться в нем (от страха перед турками), а Большой Диван все заметнее начал предпочитать Франции Англию, ибо если не видел, то слышал, как европейские державы, включая Турцию и Россию, ополчаются против Французской республики и сколачивают против нее по инициативе и на золото Англии новую, уже вторую (из семи!), коалицию. 8 сентября 1798 г. Турция объявила войну Франции, причем французский посланник Пьер Рюффен был заточен в зловещую тюрьму «Семь башен», об ужасах которой европейцы были наслышаны со времен Средневековья. Вскоре по улицам Каира стали распространяться прокламации султана, подстрекавшие египтян к бунту против иноверцев.

В такой обстановке накопившееся среди населения Египта недовольство французской оккупацией, подогреваемое Англией и Турцией, привело к взрыву: 21 октября в Каире вспыхнуло восстание[2]. Фанатически настроенные толпы мусульман взялись за припрятанное до тех пор оружие. Первым делом они напали на Главный штаб Восточной армии, разгромили его помещение и зверски избили оказавшихся там офицеров. Комендант города генерал Доменик Дюпюи, который вышел со своим караулом к бунтовщикам, чтобы утихомирить их, был убит на месте. Вожаки бунта тут же пустили «слух о том, что Султан Кебир убит, что французы сбросили маски миротворцев и избивают правоверных»[3]. Бунт распространялся по

---

[1] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 503–504.

[2] Подробно о нем см.: Там же. С. 522–535; Лашук А. Цит. соч. С. 99–101; Иванов А. Ю. Цит. соч. С. 100–106; Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Египет в период экспедиции Бонапарта (1798–1801). М., 1962. С. 101–107.

[3] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 528.

городу, поперек улиц на пути к великой мечети Аль-Азхар уже были воздвигнуты баррикады.

Наполеон узнал о каирском восстании, будучи на другом берегу Нила в Гизе, где осматривал местный арсенал. Его реакция была быстрой и жесткой. Он приказал командующему артиллерией генералу Э. Доммартену задействовать против бунтовщиков орудия. Доммартен с высоты «форта Дюпюи» открыл артиллерийский огонь по баррикадам, защитники которых, объятые ужасом, сбежались к мечети, норовя укрыться в ней от огня. Казалось, бунт уже подавлен. Но в этот момент на окрестности Каира напали отряды арабов-бедуинов. Наполеон оставил на время в покое укрывшихся в мечети столичных бунтовщиков и бросил против бедуинов два отряда своей кавалерии. Одним из них командовал генерал Александр Дюма де ля Пайетри (сын маркиза и его чернокожей рабыни, отец автора «Трех мушкетеров»), а другим – любимый адъютант Наполеона, «польский Сен-Жюст» Юзеф Сулковский.

Отряд Сулковского разогнал бедуинов и очистил от них все окрестности Каира, но сам Сулковский в конце боя погиб «ужасной смертью», как сообщал об этом Наполеон в письме к Директории[1]: «...под ним убили лошадь, он упал на землю и был пронзен десятком копий»[2]. Наполеон очень ценил Сулковского как «многообещающего офицера» и считал его смерть «чувствительной потерей» для армии[3]. Попытки ряда польских литераторов от Стефана Жеромского до Мариана Брандыса доказать, вслед за первым (французским!) биографом Сулковского Ортансом Сент-Альбеном, что Наполеон умышленно послал своего адъютанта на верную смерть, поскольку якобы усматривал в нем «политического противника» и даже «личного соперника»[4], нельзя принимать всерьез.

На следующий день после гибели Сулковского генерал Дюма завершил начатый им разгром бедуинов. Их жалкие остатки скрылись в пустыне. Теперь наступила очередь 7–8 тысяч (по данным Наполеона) бунтовщиков, укрывшихся в мечети Аль-Азхар. Они попытались было совершить вылазку и овладеть батареей «форта Дюпюи», но были отброшены. Вслед за тем Наполеон дал сигнал к атаке четырем заранее подготовленным колоннам, которые взяли мечеть штурмом. «К семи часам вечера 23 октября, – вспоминал Наполеон, – все успокоилось. Огонь прекратился»[5]. Бунт был подавлен.

---

[1] Цит. по: Брандыс М. Исторические повести. М., 1975. С. 183.
[2] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 530.
[3] Там же.
[4] См. об этом: Брандыс М. Цит. соч. С. 324–325.
[5] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 530.

Расправа с повстанцами, по признанию французов, отличалась «самым ужасным кровопролитием»[1]. «Наполеон карал их коварство с жестокостью, у них же заимствованной», – подчеркивал Стендаль[2]. Действительно, взбунтовавшиеся фанатики не только избивали и расстреливали схваченных ими французов. Пять или шесть инженерных офицеров они обезглавили и «головы их носили по улицам, а затем повесили на двери главной мечети»[3]. Наполеон ответил адекватными мерами, но в гораздо больших масштабах. «Каждый день я приказываю отрубить пять-шесть голов на улицах Каира», – докладывал он Директории. А своего начальника штаба Л. А. Бертье поощрял: «Вы хорошо сделали, что приказали отрубить головы всем взятым в плен с оружием в руках»[4]. В одном из восставших селений Наполеон приказал обезглавить всех мужчин. Вскоре после этого «на главной площади Каира, – читаем у Е. В. Тарле, – появились ослы, навьюченные мешками. Мешки были раскрыты, и по площади покатились головы казненных <...>. Эти зверские меры, судя по свидетельствам очевидцев, на время страшно терроризировали население»[5].

Вместе с тем Наполеон подчеркнуто демонстративно проявлял великодушие по отношению к смирившимся шейхам и простым горожанам, которые слезно просили пощады. Даже его соратники недовольно возроптали, когда он помиловал одного из главных зачинщиков и вожаков бунта шейха Эль-Садаля. Шейх явился к Наполеону с «поздравлениями» по случаю его победы над бунтовщиками и, униженно кланяясь, вдруг схватил и поцеловал его руку. Присутствовавший здесь генерал Клебер спросил, кто этот старик, такой смущенный и робкий. «Это вождь восстания», – ответил Наполеон[6]. Клебер удивился: «Как?! И вы не прикажете его расстрелять?» «Нет, – назидательно объяснил генералу Наполеон, – этот народ слишком чужд нам и нашим обычаям. Я предпочитаю, чтобы у него были вожди вроде этого, который не может ни сесть на коня, ни действовать саблей, чем видеть во главе его таких людей, как Мурад-бей. Смерть этого бессильного старца не принесет нам никакой пользы и будет иметь для нас более гибельные последствия, чем вы предполагаете»[7].

---

[1] Жомини А. Цит. соч. Т. 1. С. 109.

[2] Стендаль. Собр. соч. М.; Л., 1950. Т. 14. С. 18.

[3] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 528.

[4] Цит. по: Иванов А. Ю. Цит. соч. С. 104–105.

[5] Тарле Е. В. Наполеон. С. 74.

[6] Подробно об этой сцене см.: Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 533; Лашук А. Цит. соч. С. 100–101; Иванов А. Ю. Цит. соч. С. 105–106.

[7] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 533.

На острове Святой Елены Наполеон вспоминал: «События, происшедшие спустя два года, напомнили об этом разговоре»[1]. Он имел в виду тот факт, что летом 1800 г. именно шейха Эль-Садаля Клебер приказал избить палками, после чего фанатик-мусульманин Сулейман Эль-Галеби заколол Клебера кинжалом.

Жертвы каирского восстания, главным образом со стороны самих повстанцев, были немалыми: по разным данным, погибли от 2 до 5 тысяч мусульман и от 50 до 300 человек у французов[2]. Расстрелы и казни бунтовщиков, их отрубленные и выставленные на улицах головы устрашили местное население – всех, от простолюдинов до шейхов. А Наполеон сразу после расправы с восставшими принял перепуганных шейхов и обратился к ним с таким предостережением: «Я знаю, что многие из вас проявили слабость, но хочу верить, что ни один не является преступником. Неблагодарность и бунт – это то, что Пророк осуждает более всего <...>. Пусть каждый день в Каире проходят обычные богослужения. Мечеть Аль-Азхар была взята штурмом, в ней текла кровь. Идите и очистите ее! Все священные книги были сохранены моими солдатами – вот они, я возвращаю их вам. Тех, кого постигла смерть, достаточно для моей мести. Скажите народу Каира, что я останусь милостивым и милосердным <...>. Я прощаю всем, но хорошенько объясните им: все, что произошло и еще произойдет, давно уже записано в книге Истины, и никто не в силах остановить меня: это все равно, что пытаться остановить судьбу!»[3]

Итак, кровавые битвы, слава побед и горечь потери флота, повседневные заботы о нуждах армии и грандиозное преобразование завоеванной страны, научные изыскания, груз политических, социальных, религиозных проблем, наконец страшный бунт и карательный террор против бунтовщиков – все это не могло излечить Наполеона от мук ревности при неотвязных, изо дня в день, думах о Жозефине, все еще любимой и желанной. И он попытался перебороть свою ревность по принципу «клин – клином», т. е. прелюбодеянием с другой женщиной, завести себе любовницу.

Поначалу «Султан Кебир» пошел на такой эксперимент, который отвадил его от подобных ходов на всю жизнь. В его голове родилась

---

[1] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 533.

[2] Ср.: Там же. С. 531; Кастело А. Бонапарт. С. 243; Лашук А. Цит. соч. С. 100; Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов. М., 1995. Т. 1. С. 190; Чандлер Д. Цит. соч. С. 154. «Только один Бог может считать, сколько людей погибло в эти дни», – гласит хроника Абд ар-Рахмана ал-Джабарти (С. 107).

[3] Цит. по: Иванов А. Ю. Цит. соч. С. 105.

фантазия развлечься близостью с азиатскими женщинами, как это делали тогда многие офицеры. «Ему приводят полдюжины азиаток, – пишет об этом Фредерик Массон, – но их манеры, жирные тела отталкивают его. Он не прикасается к ним и тотчас же отсылает их обратно. С этого времени нет ему равного по брезгливости, по чувствительности ко всяким запахам, по необычайной чуткости и впечатлительности»[1].

После этого эксперимента Наполеон нашел себе (или ему нашли) избранницу, удовлетворявшую его самым высоким требованиям. Таковой оказалась юная Маргарита-Полина Фуре, Беллилот, как ее называли французы, – то ли от имени ее отца (Беллиль), то ли от сочетания французских слов «belle» – красивая и «bellote» – миловидная[2]. Ей тогда не было еще и двадцати. Француженка, из простой семьи (дочь часового мастера и кухарки), она была на редкость хороша собой: обольстительно нежная, веселая, кокетливая, певунья и танцовщица, с чудными голубыми глазами и роскошными светлыми волосами, которые, как говорил о ней генерал Ж. Полен, «могли бы закутать ее всю, как золотая мантия, если бы она носила их распущенными, а он мог кое-что знать об этом, потому что был впоследствии ее возлюбленным»[3].

В «египетском Тиволи», как называли тогда французы увеселительный парк для солдат и офицеров Восточной армии (наподобие парижского), Беллилот всегда – на балах, обедах, концертах – привлекала к себе всеобщее внимание. И солдаты, и офицеры, все поголовно, были влюблены в нее и завидовали ее мужу, почти столь же юному лейтенанту, который посадил ее на корабль в Тулоне под видом солдата, одетой в мундир конного егеря. Теперь эта, по лестному для нее определению Андре Кастело, «новоявленная Жанна д'Арк» красовалась перед посетителями «египетского Тиволи» в мундире конно-егерского полка, который, кстати, очень шел к ее стройной фигурке.

Сам ли Наполеон обратил на нее внимание, или, как подмечено у Ф. Массона, ему помогли адъютанты, но так или иначе Беллилот была приглашена – одна, без мужа – на обед к военному коменданту Каира, тогда еще здравствующему генералу Дюпюи. Здесь была разыграна сцена, которую в деталях, картинно описали, по воспоминаниям очевидцев, многие биографы Наполеона. Беллилот, одетая

---

[1] Массон Ф. Указ. соч. С. 60.

[2] Подробно о романе Наполеона с М.-П. Фуре см.: Массон Ф. Указ. соч. С. 61–65; Кирхейзен Г. Указ. соч. С. 104–111; Кастело А. Бонапарт. С. 238–239; Иванов А. Ю. Цит. соч. С. 88–91.

[3] Кирхейзен Г. Указ. соч. С. 104.

в нарядное белое платье из индийского муслина, очаровательная как никогда, была душой собравшегося у Дюпюи избранного общества из высших офицеров, генералов и академиков. Она сидела рядом с генералом Жюно, который ухаживал за ней, казалось, даже излишне почтительно. К концу обеда, когда уже подавали кофе, дверь распахнулась и в обеденный зал вошел обычно сверхзанятый самыми серьезными делами главнокомандующий, генерал Бонапарт. Он с благодарностью принял от Жюно чашку кофе и стал медленно есть апельсин, не сводя при этом глаз с Беллилот. Все заметили, что она смущенно зарделась от его пристального жгучего взгляда. Наполеон выпил свой кофе, поднялся, еще раз окинул взглядом красавицу в белом муслине и вышел. Дальше последовало самое интересное (и главное) из всего задуманного на тот вечер.

Жюно галантно предложил Беллилот чашечку кофе и вдруг «нечаянно» пролил его на белый муслин. За столом – общее замешательство, «ахи» и «охи», но Жюно, рассыпаясь в извинениях, быстро находит выход. Он предлагает Беллилот подняться в комнату этажом выше, где она найдет кувшин с водой, чтобы смыть пятно, и там же сможет просушить платье. Беллилот взбежала по лестнице на второй этаж, вошла в ту комнату и сразу увидела там не только кувшин с водой, но и... генерала Бонапарта. Когда они оба после долгого отсутствия спустились в зал, их встретили аплодисментами и криками «Браво!». Надо полагать, больше всех, кроме самого Наполеона, был доволен Жюно.

Так начался роман главнокомандующего Восточной армией с женой его младшего офицера, лейтенанта. Беллилот, естественно, сразу влюбилась в молодого, но уже всемирно прославленного гения, да и Наполеон казался, на взгляд окружающих, тоже по-настоящему влюбленным. Но что делать с ее мужем? О, как он мешал им обоим!

Наполеон придумал (может быть, по подсказке того же Жюно или Бертье) отправить лейтенанта Фуре якобы с почетной и секретнейшей миссией во Францию. Бертье вызвал его к себе и уведомил о поручении главнокомандующего: «Мой дорогой Фуре, вы счастливее нас всех. Вы скоро увидите Францию. Главнокомандующий облекает вас полным доверием и поручает вам передать Директории секретные депеши»[1]. Когда же Фуре изъявил желание взять с собой жену, Бертье сумел отговорить его, доказав, сколь реальной для них будет опасность попасть в руки англичан. Собственно, и Бертье, и сам Наполеон рассчитывали именно на то, что Фуре попадет в плен к англичанам. Поэтому и под видом «секретных депеш» снабдили его

[1] Кирхейзен Г. Указ. соч. С. 106.

текстами документов, давно опубликованных в Париже. Все вышло отчасти так, а частью совсем не так, как хотели бы Наполеон, Бертье и теперь уже сама Беллилот. 29 декабря 1798 г. Фуре отплыл на легком судне «Le Chasseur» («Охотник») и уже на следующий день был пленен англичанами. Но англичане, агентурно осведомленные о прелюбодеянии «рогоносца Бонапарта», сами вернули Фуре обратно в Египет, пожелав ему на прощание «удачи в борьбе с тираном за свои попранные супружеские права»[1].

Узнав таким образом об измене жены, Фуре – неожиданно для Наполеона и Беллилот – объявился в Каире и устроил изменнице такую сцену супружеской ревности, что она потребовала развода. Спешно и «не по форме», решением военного комиссара, развод был содеян. После этого бывшая мадам Фуре, вернув себе девичью фамилию Белиль, повела себя совершенно открыто как фаворитка главнокомандующего. Она появлялась вместе с ним на всех приемах и даже гарцевала в его свите на арабском скакуне, обученном специально для нее, причем теперь облачалась в форму не просто егерскую, а генеральскую, с треуголкой на пышноволосой головке. «Вот наша генеральша», – говорили о ней солдаты, а генералы называли ее «Клеопатрой».

Можно себе представить, как переживал, глядя на все это, адъютант Наполеона Евгений Богарне – сын Жозефины. Наполеон со своей стороны чувствовал себя неловко, прелюбодействуя с Беллилот фактически на глазах у Евгения. В конце концов греховодник-отчим спровадил своего пасынка в отпуск.

О том, как и чем закончился роман «Султана Кебира» с новоявленной Клеопатрой, речь впереди. А пока Наполеон все более убеждался в непрочности своего оккупационного режима на территории Египта. Любовные утехи с прелестной авантюристкой, которую его солдаты прозвали не только «Клеопатрой» и «Жанной д'Арк», но и «Богоматерью Востока» («Notre Dame de l'Orient»), помогли ему на время унять муки ревности в связи с изменой Жозефины, но не отвлекали от политических и военных забот. Расчет Наполеона революционизировать народные массы Египта и опереться на них как внутри, так и за пределами этой древней страны не оправдался. Его призывы к свободе, равенству и братству не доходили до сознания «низов», отсталых, запуганных и задавленных беями. «Низы» только покорялись – любой силе. «Бонапарт оказался в Египте – и это стало трагедией всего похода – в социальном вакууме», – справедливо за-

[1] Кастело А. Бонапарт. С. 239.

ключил А. З. Манфред[1]. Плохо верилось после этого, что другие народы Востока от Египта до Индии воспримут идеи Французской революции с воодушевлением.

Но, несмотря ни на какие просчеты и сомнения, Наполеон не падал духом. Более того. Узнав о том, что 5 декабря 1798 г. Турция заключила союз с Россией и ускоренно готовит две армии к походу на Египет, Наполеон, как обычно, решил, действовать на опережение. Он учитывал, исходя из агентурных данных, что одна из турецких армий вступит в дело гораздо раньше другой; она должна соединиться в Сирии с войсками Джеззар-паши и потом идти через Синайскую пустыню на Каир. Поэтому Наполеон спланировал свои действия таким образом: «...взять инициативу в свои руки, самому перейти через пустыню, громить сирийскую армию по мере подхода ее различных (турецких и собственно сирийских. – *Н. Т.*) дивизий, овладеть всеми крепостями (Аль-Ариш, Газа, Яффа, Сен-Жан д'Акр), вооружить христиан Сирии, а затем действовать по обстоятельствам», – но с прицелом на Индию, куда он рассчитывал «прибыть в марте 1800 г. с 40-тысячной армией»[2].

Вступление Турции в войну против Франции на стороне второй коалиции не было для Наполеона неожиданностью, но стало большой неприятностью, осложнившей все его восточные планы. К тому же один из аргументов, на которые ссылался турецкий султан Селим III, готовясь к «освобождению Египта», задевал его лично: «Человек по имени Буонапарте, выдающий себя за французского генерала, начал войну в турецкой провинции Египет»[3]. Впрочем, на отношениях Селима III с Наполеоном мог бы при ином стечении обстоятельств сказаться еще один личный мотив, а именно давняя дружба и даже родство главной из жен Селима с женой Наполеона. Вот что сообщает об этом Андре Кастело: «Фаворитка Селима III была дальней родственницей и подругой Жозефины по пансиону, которая, так же как и будущая императрица, родилась на острове Мартиника. Ее звали Эмме дю Бюк де Риверни, и ее захватили в плен алжирские корсары, когда она направлялась в Европу, и предложили в качестве добычи командиру крестоносцев, который и сделал ее султаншей Валиде. Интересно отметить, что и ей, и Жозефине цыганка Элима нагадала, что они обе станут королевами»[4].

Итак, Наполеон решил идти из Египта далее на Восток, навстречу турецким войскам, к крепости Сен-Жак д'Акр, которая считалась

---

[1] Манфред А. З. Цит. соч. С. 192.
[2] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 579.
[3] Цит. по: Кастело А. Бонапарт. С. 247.
[4] Там же.

тогда ключом к Индии. Мог ли он в те дни предположить, что оборону крепости возглавит бывший его однокашник по военному училищу в Париже Антуан Ле Пикар де Фелиппо? Конечно, нет.

4. Сен-Жан д'Акр

9 февраля 1799 г. французские войска выступили в поход из Каира через Синайскую пустыню в Сирию. К тому времени общая численность Восточной армии составляла вместе с нестроевыми 29 700 человек. Из них Наполеон взял с собою в поход 13 тыс. с двенадцатью генералами, в числе которых были Клебер, Ланн, Мюрат, Жюно, Доммартен, Каффарелли. Это и была теперь Сирийская (третья после Итальянской и Восточной) армия Наполеона. Остальные войска с девятью генералами, включая Дезе, Даву, Мармона и Лассаля, он оставил для контроля над Египтом[1].

Незадолго до выступления в сирийский поход, 25 января, Наполеон отправил гонца в Индию с письмом к правителю княжества Майсур Типу Султану. В письме говорилось: «Вы, наверное, уже осведомлены о моем прибытии к берегам Красного моря с неисчислимой и непобедимой армией, исполненной желания освободить вас от оков английского гнета». А. З. Манфред так прокомментировал это письмо: «Неисчислимая армия? Конечно, это только гипербола. Но если она сможет дойти до берегов Инда и Ганга, кто может сомневаться в том, что она действительно станет неисчислимой?»[2]

Под впечатлением французских побед в Египте Типу Султан вновь взялся за оружие против англичан и просил Директорию Франции прислать ему подкрепление в 1500 солдат и флот «во имя старинной дружбы, связывающей его с Францией, которая будет длиться, пока солнце и луна будут светить на небе»[3]. Однако ни Директория, ни Наполеон не смогли помочь вождю антибританской оппозиции в Индии. 4 мая 1799 г. при штурме английскими войсками столицы Майсура Типу Султан был убит.

Итак, Сирийская армия Наполеона шла против турок, нацеливаясь на крепость Сен-Жан д'Акр. Переход через пустыню Синая французы перенесли легче, чем в июне 1798 г., когда шли через Ливийскую пустыню, – не столько из-за времени года (февральская жара почти не уступала июньской), сколько благодаря обретенному опыту и более основательной подготовке.

---

[1] См.: Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 580–581; Чандлер Д. Цит. соч. С. 155–156.

[2] Манфред А. З. Цит. соч. С. 196–197.

[3] Цит. по: Лашук А. Цит. соч. С. 101.

Первой из крепостей на пути французов в Сирию стал форт Аль-Ариш. Его гарнизон составляли кроме турок мамлюки Ибрагим-бея и албанцы. Они сражались отчаянно, но после того как орудия Доммартена пробили ядрами брешь в стене форта и французы пошли на штурм, гарнизон капитулировал. Он «сложил оружие, – читаем в записках Наполеона, – выдал лошадей, поклялся отправиться в Багдад через пустыню, не поднимать оружие против Франции на протяжении этой войны и не возвращаться в течение года ни в Египет, ни в Сирию»[1]. Захваченные в Аль-Арише знамена были отправлены в Каир.

Следующая крепость Газа, которую когда-то осаждал Александр Македонский и был здесь тяжело ранен, сдалась почти без боя. 1 марта Наполеон был уже в Рамаллахе – древней столице арабской Палестины, разместил в городе свой штаб, а себе облюбовал келью францисканского монастыря. Эту «небольшую побеленную известью комнатку до сих пор с гордостью показывают туристам», – писал о ней в конце XX в. Андре Кастело[2].

Со стен Рамаллаха французы увидели башни следующей турецкой крепости, одной из древнейших в мире, Яффы (ныне часть Тель-Авива). По библейскому преданию, именно Яффа была родиной пророка Ионы – того самого, кого будто бы проглотил кит, способный реально глотать лишь рыбу. С Яффой связаны и два эпизода из жизни Наполеона, растиражированные литературой на разных языках и всех жанров – от исторической науки до лирической поэзии.

Все началось с того, что 4 марта французы осадили Яффу. Наполеон предложил коменданту крепости Абдаллаху сдаться на почетных условиях, обещая «свободный выход гарнизону и покровительство городу». В случае отказа он предуведомил коменданта о «тех бедах, которые обрушатся на город, если он будет взят штурмом»[3]. Эти условия передали коменданту офицер-парламентер и трубач. Турки впустили офицера и трубача к себе, но вместо ответа обезглавили обоих, головы их, насаженные на пики, выставили на двух самых больших башнях крепости, а трупы сбросили со стен к подножью французских осадных батарей[4]. Артиллерия французов немедленно открыла огонь по стенам и башням Яффы, а в образовавшиеся бреши пехота пошла на штурм. Первым ворвался в крепость впереди солдат из своей дивизии генерал Ланн. На улицах Яффы на-

---

[1] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 586.
[2] Кастело А. Бонапарт. С. 248.
[3] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 594.
[4] См.: Лашук А. Цит. соч. С. 102.

чалась кровавая резня. Французы, охваченные жаждой мести, не щадили никого и ничего. «Ярость солдат достигла предела, – вспоминал об этом Наполеон. – Они перебили всех. Яффа была разграблена и пережила все ужасы, достающиеся на долю города, взятого штурмом»[1].

Кстати, в тот момент, когда Наполеон давал сигнал к началу штурма, турецкая пуля сбила с него шляпу и, просвистев над головой, поразила насмерть стоявшего за ним высокорослого полковника[2]. Так малый рост спас жизнь величайшему из великих полководцев в начале его полководческого взлета.

К полуночи с 4 на 5 марта Наполеон приказал своим озверевшим солдатам прекратить резню. Ему доложили, что в главной цитадели города укрылись до 3 тыс. турецких воинов и что цитадель окружена со всех сторон. Надо ли ее штурмовать? Наполеон послал к цитадели двух своих адъютантов – Евгения Богарне и Антуана Круазье, чтобы они предложили туркам сдаться. Те ответили: «Мы сдадимся, если нам сохранят жизнь». Адъютанты Наполеона согласились на это, разоружили турок и препроводили их к своему шефу. Тот был озадачен и разгневан, как нельзя более. «Что это вы придумали?! – кричал он на своего пасынка. – Что мне с ними делать? Чем кормить? Куда и на чем отправлять? В Египет или во Францию?!»[3]

К тому же выяснилось, что из 2500 пленных больше 800 человек – люди из гарнизона Аль-Ариша, взятые в плен и отпущенные французами под их клятву «не поднимать оружия против Франции». Теперь они оказались клятвопреступниками и, безусловно, подлежали смертной казни. Но как быть с остальными? Наполеон созвал на совет всех командиров дивизий. Совещались три дня. Одни предлагали отпустить пленников, поскольку им *обещано* сохранение жизни. Другие возражали: «Они тут же примкнут к своим головорезам, и мы будем расплачиваться собственными жизнями за то, что сохранили им жизнь». На четвертый день Наполеон принял решение, которое в разных источниках трактуется по-разному.

Смысл решения был однозначным: пленных расстрелять. Но всех ли? И если не всех, то сколько? Сам Наполеон утверждал, что были расстреляны только 800 или 900 клятвопреступников из Аль-Ариша[4]. В. Скотт, А. Лашук, А. Кастело полагали, что число расстрелянных доходило до 2–3 тыс., но не более, поскольку египтян и ал-

---

[1] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 595. Подробно о том же: Лашук А. Цит. соч. С. 102–103; Тарле Е. В. Наполеон. С. 74–75.

[2] См.: Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 594–595.

[3] Кастело А. Бонапарт. С. 349–350; Иванов А. Ю. Цит. соч. С. 137–138.

[4] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 595.

банцев Наполеон велел отпустить «по домам»[1], а по мнению Д. Чандлера и Е. В. Тарле, французы расстреляли *всех*, причем назывались цифры в 4 тыс. человек и более[2], хотя другие источники совокупно убеждают нас в том, что такого количества пленных в Яффе вообще не было. Кстати, турецкий комендант Яффы Абдаллах пал ниц перед Наполеоном и, оказав французам какие-то «услуги», сумел вымолить себе пощаду[3].

Так или иначе, 8 марта 1799 г. всех приговоренных к смерти пленников вывели связанными на морской берег и расстреляли. Солдаты и офицеры Наполеона, исполнявшие этот приговор, испытали тогда неизгладимое, на всю жизнь, нравственное потрясение. «Никому не пожелаю пережить то, что пережили в тот день мы», – вспоминал один из них. Сам Наполеон признал в письме к Директории: «Никогда еще война не казалась мне такою мерзостью!» Наиболее самокритично высказался будущий казначей империи А. Пейрюс: «Такой пример разнузданной жестокости заставит наших врагов больше никогда не доверять французскому милосердию, и рано или поздно кровь этих несчастных трех тысяч падет на нас»[4].

По меткому заключению Андре Кастело, «кровь этих жертв пала на французов уже в следующий день»[5]. Он имел в виду эпидемию чумы, которая поразила Сирийскую армию Наполеона именно в Яффе. Но к чуме мы еще вернемся. Здесь же уместно сопоставить *разные* оценки расправы, которую учинил Наполеон над военнопленными в Яффе, историками. Тот факт, что расправа была чрезвычайно жестокой, признают все, даже французы, не исключая самого Наполеона. Но была ли она оправдана и если да, то в какой мере? Вальтер Скотт раньше всех (из историков) заклеймил ее как «кровавое преступление, которое всегда пребудет несмываемым пятном в биографии Наполеона»[6]. С ним солидарны американец Виллиан Слоон и еще один англичанин Дэвид Чандлер[7]. А вот француз Анри Лашук, немец Эмиль Людвиг, россиянин Александр Трачевский и даже англичанин Винсент Кронин оправдывали же-

---

[1] Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 194; Лашук А. Цит. соч. С. 104; Кастело А. Бонапарт. С. 250.

[2] Слоон В. Цит. соч. Т. 1. С. 389; Чандлер Д. Цит. соч. С. 157; Тарле Е. В. Наполеон. С. 75.

[3] См. об этом: Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 595.

[4] Цит. по: Кастело А. Бонапарт. С. 251; Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 154; Тарле Е. В. Наполеон. С. 75.

[5] Кастело А. Бонапарт. С. 251.

[6] Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 195.

[7] Слоон В. Цит. соч. Т. 1. С. 389; Чандлер Д. Цит. соч. С. 157.

стокость Наполеона «вынужденными обстоятельствами»[1]. При этом они учитывали важный момент, который отметил в свое время Стендаль: ответственность за расстрел пленников «нельзя целиком возлагать на одного главнокомандующего. Решение было принято на военном совете, в котором участвовали Бертье, Клебер, Ланн, Бон, Каффарелли и еще несколько генералов»[2]. Здесь важно учесть и тот факт, что адъютанты Наполеона (Богарне и Круазье) явно превысили свои полномочия, пообещав сохранить туркам жизнь, и тем самым подставили своего шефа под особенно жестокий суд современников и потомков.

В новейшей отечественной литературе убедительно, подлинно диалектически расценил беспощадность Наполеона по отношению к пленникам в Яффе А. Ю. Иванов: «Не потому, что жесток, а затем, что по-другому нельзя»[3].

Как бы то ни было, расстрел двух или трех тысяч военнопленных-турок сам по себе, вне зависимости от доводов «за» и «против», ужасен, и он лег пятном на репутации Наполеона как первое из трех самых варварских его дел (вторым будет расправа с герцогом Энгиенским, третьим – приказ о взрыве московского Кремля).

Зато другой эпизод в той же Яффе, напротив, привлек к Наполеону симпатии как историков, так и поэтов мира, включая И. В. Гете и российских классиков – А. С. Пушкина, М. И. Цветаеву и В. В. Маяковского. Страшная вспышка чумы быстро унесла жизни от 700 до 800 солдат. Чумная зараза распространялась в армии. Госпитали были переполнены, санитары в страхе дезертировали. 11 марта Наполеон в сопровождении своего перепуганного штаба осмотрел чумные госпитали. «Он сделал то, чего ни один полководец до него не делал, – читаем у Стендаля. – Посетил лазареты, где лежали чумные больные, беседовал с ними, выслушивал их жалобы, лично проверял, в какой мере врачи исполняют свой долг»[4]. «Наполеон играл и с жизнью, и со смертью, – пишет об этом А. Кастело. – С тем же спокойствием, с которым накануне отдавал приказ о массовой казни, он рисковал собственной жизнью»[5]. Главный врач Сирийской армии Рене Николя Деженетт свидетельствовал: «В узкой, заставленной комнатушке он помог поднять тело умершего солдата, гряз-

---

[1] Лашук А. Цит. соч. С. 103; Людвиг Э. Цит. соч. С. 122; Трачевский А. С. Цит. соч. С. 193; Кронин В. Цит. соч. С. 194.

[2] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 20.

[3] Иванов А. Ю. Цит. соч. С. 137–139, 144.

[4] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 20.

[5] Кастело А. Бонапарт. С. 251.

ные лохмотья которого были пропитаны содержимым вскрывшегося чумного бубона[1]»[2].

Сам Наполеон объяснял свой визит в чумной госпиталь желанием доказать больным, «наиболее потерявшим присутствие духа, что они страдают обычной, незаразной болезнью». Он даже приказал «оперировать нескольких больных в своем присутствии»[3]. Все это он делал, как было подмечено И. В. Гете, «дабы явить другим пример, что болезнь можно преодолеть, преодолев страх перед нею»[4].

Этот факт, засвидетельствованный очевидцами и запечатленный, кстати сказать, на известной картине Антуана Гро «Наполеон в госпитале чумных в Яффе», получил мировой резонанс. В стихотворении А. С. Пушкина «Герой» Поэт на вопрос Друга о Наполеоне «Когда ж твой ум он поражает своею чудною звездой?» ответил: «не в бою» и «не на троне», а в чумном госпитале.

Одров я вижу длинный строй,
Лежит на каждом труп живой,
Клейменный мощною чумою,
Царицею болезней... Он,
Не бранной смертью окружен,
Нахмурясь ходит меж одрами,
И хладно руку жмет чуме,
И в погибающем уме
Рождает бодрость... Небесами
Клянусь: кто жизнию своей
Играл пред сумрачным недугом,
Чтоб ободрить угасший взор,
Клянусь, тот будет небу другом,
Каков бы ни был приговор
Земли слепой[5].

С этими строками Пушкина согласилась Марина Цветаева – в статье «Пушкин и Пугачев», а В. В. Маяковский воспел подвиг Наполеона, ободрявшего больных чумой, «смелостью смерть поправ», – воспел в стихотворении «Я и Наполеон»[6].

---

[1] Бубон – лимфатический узел, увеличенный вследствие воспаления.

[2] Там же.

[3] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 597.

[4] Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1986. С. 307.

[5] Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1981. Т. 2. С. 190–191.

[6] Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7 т. М., 1994. Т. 5. С. 521; Маяковский В. В. Стихотворения и поэмы. М., 2007. С. 58.

Оставив больных (не только чумой) и раненых солдат в лазаретах Яффы, один из которых был открыт в монастыре братии Ордена Святой земли, Наполеон повел Сирийскую армию далее на северо-восток – к Сен-Жан д'Акру. Перед выступлением в поход (судя по записям Наполеона, еще до 8 марта, т. е. до расстрела турецких военнопленных) он отправил одного за другим двух гонцов с письмом к Джеззар-паше. Этот 63-летний наместник турецкого султана в Сирии избрал Сен-Жан д'Акр своей опорной базой. Кстати, турки называли крепость Аккрой, а ныне это город Акка в Израиле.

Джеззар-паша (1720–1804), по происхождению босниец, а по имени Ахмет, начал свою карьеру, будучи рабом у правителя Египта Али-бея, и выдвинулся за счет беспощадного истребления всех своих конкурентов с крайней, просто звериной жестокостью, которая и доставила ему прозвище «джеззар», что значит «палач» или «мясник». Такое прозвище ему понравилось, и он сделал его своим именем[1]. Вот как вспоминал о нем участник походов в Египет и Сирию, в прошлом один из лидеров термидорианского Конвента, а в будущем Государственного совета Первой империи граф Антуан Тибодо: «Этот жестокий и предприимчивый человек, управлявший всем в Сен-Жан д'Акре на правах визиря, одновременно был министром, канцлером, казначеем и секретарем <...>. Этот оригинал принимал аудиенции, сидя на простом ковре, в комнате без всякой мебели. Около него были разложены неизменные его атрибуты – пистолет, карабин, топор и кривая сабля <...>. Большая часть его слуг была им изувечена. У одного не было уха, у другого глаза, у третьего руки и т. д. Тайна его гарема никому не была доступна, никто не знал числа его жен. Всякая женщина, однажды попавшая в эту таинственную тюрьму, навсегда исчезала для мира. Он собственноручно убивал из них каждую, верность которой вызывала в нем малейшее сомнение»[2].

В письме к Джеззару Наполеон предлагал мир и дружбу, угрожая в противном случае «злом» расправы. «Станьте моим другом, будьте недругом мамлюков и англичан, – гласил текст письма, – и я сделаю Вам столько же добра, сколько причинил и могу еще причинить зла <...> 8 марта я двинусь на Сен-Жан д'Акр. Мне необходимо получить ваш ответ до наступления этого дня»[3]. Джеззар-паша первому гонцу ничего не ответил, но отпустил его, а второго приказал убить[4]. Теперь

---

[1] Подробно о нем см.: Лашук А. Цит. соч. С. 105; Чандлер Д. Цит. соч. С. 158.

[2] Цит. по: Лашук А. Цит. соч. С. 105.

[3] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 598.

[4] См.: Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 195–196.

французские солдаты шли на Сен-Жан д'Акр с тем же чувством мести «за своих», как это было в Яффе.

19 марта войска Наполеона подошли к Сен-Жан д'Акру и стали лагерем на склонах горы Турон, обложив крепость. Наполеон знал, что во время трехлетней (1191–1194 гг.) осады ее крестоносцами лагерь осаждающих находился на тех же склонах. Едва ли он ожидал, что его осада затянется на 62 дня – с 19 марта по 21 мая, поскольку отзывался об укреплениях Сен-Жан д'Акра презрительно: «une bicoque» – «избушка на курьих ножках». Но 19 марта он столкнулся здесь с тремя неожиданностями, из которых каждая представлялась неприятнее других.

Наполеон сразу же с высокого холма, который носил имя Ричарда Львиное сердце, а ныне носит имя самого Наполеона, увидел, что в крепости не только укреплены старые башни, но и воздвигнута вдоль крепостных стен новая линия укреплений, оснащенная, как оказалось, артиллерийскими батареями из 250 орудий. К тому времени он узнал и другое: в номинальном подчинении у Джеззар-паши руководят обороной крепости два выдающихся специалиста, лично известных Наполеону.

Первым из них был военный инженер Антуан Ле Пикар де Фелиппо (1768–1799), который окончил Парижское военное училище в одном классе с Наполеоном (то был класс академика Г. Монжа), причем в один день с ним держал выпускной экзамен по математике у другого академика – П. С. Лапласа. С началом революции родовитый дворянин и роялист де Фелиппо эмигрировал, но в 1797 г. после переворота 18 фрюктидора ненадолго вернулся во Францию и здесь 21 апреля 1798 г. совершил беспримерно дерзкую акцию, последствия которой больно ударили по Французской Республике и лично по Наполеону. Де Фелиппо и два его сообщника, переодетые в жандармскую форму, явились к начальнику тюрьмы Тампль (главной в Париже) и предъявили ему подложный, но очень искусно имитированный приказ Директории передать им содержавшегося в тюрьме опаснейшего врага Франции – английского офицера, будущего адмирала У. С. Смита, взятого в плен под Тулоном[1]. Начальник тюрьмы выполнил этот «приказ», а когда тюремные и все прочие власти, вплоть до самой Директории, спохватились и всполошились, преступников уже и след простыл. Так де Фелиппо чуть ли не из самого ада раздобыл для Джеззар-паши второго, столь же, если не еще более ценного помощника.

[1] Подробно об этом см.: Манфред А. З. Цит. соч. С. 189–190.

Уильям Сидней Смит (1764–1840), по выражению А. З. Манфреда, «один из последних представителей вымирающего племени британских пиратов», который «мог бы по праву считаться законным наследником» самого Френсиса Дрейка[1], моряк не только английского, но также шведского и турецкого флотов, отсидевший четыре года во французской тюрьме, а потом заседавший в английском парламенте (а на Венском конгрессе 1815 г. представлявший экскороля Швеции Густава-Адольфа IV), этот злой гений Наполеона, противостоявший ему еще в Тулоне, теперь вновь встал на его пути.

Дело в том – и это оказалось для Наполеона главной, трагической для него неожиданностью, – что 18 марта, за день до подхода Сирийской армии к Сен-Жан д'Акру, английская эскадра, которой командовал Сидней Смит, перехватила морские транспорты французов. Добычей англичан стали запасы продовольствия, амуниция, боеприпасы, а главное – 40 тяжелых осадных орудий. Наполеон отправил их к Сен-Жан д'Акру морем, полагая, что доставить туда артиллерию сухим путем, через глубокие пески Синайской пустыни, было бы гораздо труднее и дольше.

Если бы Смит не успел перехватить французские транспорты, Наполеон овладел бы Сен-Жан д'Акром без труда. Его тяжелые орудия «в 24 часа сравняли бы с землей» укрепления Джеззар-паши и де Фелиппо[2]. Но теперь все обернулось так, что войска Наполеона, штурмуя крепость, попали под огонь собственной артиллерии. Поэтому Наполеон категорически утверждал, что Смит в мартовские дни 1799 г. «спас Джеззар-пашу»[3]. Несколько преувеличенно, но красиво и очень близко к истине звучит здесь вывод Д. С. Мережковского: «Бонапарт понял, что Акр – конец Синайской кампании, так же как Абукир – Египетской: снова море победило сушу»[4].

Да, позднее Наполеон признавал, что именно Сен-Жан д'Акр положил конец его расчетам на успех похода в Индию. Но тогда, в марте 1799 г., несмотря на несчастное для него стечение обстоятельств, он еще надеялся овладеть крепостью. 28 марта французы взорвали мину под главной башней и пошли на штурм ее поврежденных стен, но были отбиты. Джеззар-паша руководил обороной крепости и «тут же щедро награждал своих воинов за каждую голову неверного, положенную к его ногам»[5].

---

[1] Там же. С. 190.
[2] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 623.
[3] Там же.
[4] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 154.
[5] Чандлер Д. Цит. соч. С. 159.

Сам Наполеон в тот день едва не погиб. К его ногам упал снаряд с английского корабля – из эскадры Сиднея Смита, которая поддерживала артиллерийским огнем защитников Сен-Жан д'Акра. «Два солдата, стоявшие рядом, – вспоминал об этом Наполеон, – схватили снаряд и, отбросив его, тесно прижались ко мне, один спереди, а другой сбоку, образовав из своих тел защитное прикрытие, чтобы ослабить разрушительное действие снаряда, который взорвался и засыпал нас песком. Мы свалились в воронку, образованную в результате взрыва. Один из солдат был ранен. Обоих солдат я произвел в офицеры»[1].

Раненого в тот день солдата звали Пьер Доменил. В 1812 г. он будет уже генералом и в Бородинской битве потеряет ногу, но останется на военной службе, а в 1814 г., будучи комендантом города Венсенн под Парижем, так ответит на предложение русских войск сдать город: «Я сделаю это сразу после того, как вы вернете мне мою ногу!»[2]

Наполеон в аналитических записках о Египетской и Сирийской кампаниях разделял время осады Сен-Жан д'Акра на два периода: с 19 марта по 24 апреля (36 дней) и с 25 апреля по 20 мая (26 дней)[3]. В первом из них французы предприняли один штурм, закончившийся неудачей, но успешно отразили десять (!) вылазок осажденных. Мало того, 16 апреля они разгромили в сражении у горы Фавор армию Дамасского паши, которая шла на помощь защитникам Сен-Жан д'Акра.

Вот как это было. Генерал Клебер с отрядом в 2500 человек, разведывая возможные пути подхода дамасских войск, к ночи с 15 на 16 апреля обнаружил перед собой всю их массу численностью до 25 тыс. конных и 10 тыс. пеших воинов. Он немедленно дал знать об этом Наполеону, а тот с дивизией генерала Бона и четырьмя орудиями, пройдя за ночь 25 миль (33 км), наутро увидел в подзорную трубу, как у подножия горы Фавор два французских каре отбиваются от наседавших на них полчищ турок и арабов[4]. Наполеон орудийным и ружейным огнем атаковал противника с тыла. Не ожидавшие такого поворота событий полки азиатов, включая кавалерию старого знакомца французов Ибрагим-бея, обратились в бегство под улюлюканье и смех обрадованных солдат Клебера.

---

[1] О'Мира Б. Цит. соч. С. 140.

[2] Там же; Наполеон на острове Святой Елены // Русский архив. 1912. № 1. С. 134.

[3] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 608.

[4] Подробно см.: Там же. С. 619–621; Чандлер Д. Цит. соч. С. 159; Лашук А. Цит. соч. С. 108–110; Иванов А. Ю. Цит. соч. С. 157–159.

Турки и арабы потеряли в тот день больше 5 тыс. человек, Клебер – 200–300, Наполеон – 3 или 4. Таковы данные Наполеона. Д. Чандлер и А. Лашук насчитали в отряде Наполеона лишь двух убитых и 60 раненых[1].

Ночь после «феерической», по выражению А. Ю. Иванова, победы в битве при Фаворе, которую А. С. Трачевский назвал «сказочной»[2], Наполеон провел в Назарете, где, согласно Евангелию, прошли детство и отрочество Иисуса Христа. Позднее он вспоминал, как его солдаты «с интересом побывали на месте, где Олоферну отрубили голову»[3], и вообще чувствовали себя в тех местах, о которых знали с детства из Евангелия, как дома. Один из них торжественно похоронил у стен Назаретского монастыря свой палец, оторванный турецкой пулей. «Не знаю, что будет с моим трупом, – сказал он на этой "церемонии", – но мой палец всегда будет покоиться в Земле обетованной»[4].

19 апреля Наполеон с войсками Клебера и Бона вернулся к Сен-Жан д'Акру и возобновил осаду крепости. Джеззар-паша, узнав о трагедии Фавора, впал в отчаяние. Он уже погрузил на суда свои сокровища и еще не казненных к тому времени жен и заговорил с де Фелиппо о капитуляции. Де Фелиппо, однако, смог убедить его, что победа будет за ними – надо только продержаться до прибытия морем из Турции еще одной, Родосской, армии[5]. Впрочем, сам де Фелиппо до победы не дожил. Будучи в чине полковника *английской* службы, этот *француз* 1 мая 1799 г. скончался в *турецкой* крепости Сен-Жан д'Акр от солнечного удара.

Второй период осады выдался еще более интенсивным с обеих сторон: за 26 дней – еще два неудачных штурма и двенадцать (!) губительных для осажденных вылазок[6]. 7 мая французы предприняли *генеральный* штурм крепости, поскольку на подходе к ней была замечена флотилия из 30–40 судов с войсками Родосской армии. Наполеон решил попытаться взять крепость, прежде чем высадятся родоссцы. Возглавил новый штурм генерал Ланн. Он построил своих солдат в три штурмовые колонны. Все они после мощной артиллерийской подготовки ворвались в крепость одновременно, но через разные бреши, и там попали под не менее губительный ответный

---

[1] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 619; Лашук А. Цит. соч. С. 110; Чандлер Д. Цит. соч. С. 159.

[2] Трачевский А. С. Цит. соч. С. 154; Иванов А. Ю. Цит. соч. С. 157.

[3] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 621.

[4] Цит. по: Кастело А. Бонапарт. С. 255.

[5] См.: Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 625.

[6] См. там же. С. 608–609.

огонь. Тем временем с крепостного рейда высаживались и сразу вступали в бой передовые части Родосской армии. К ночи с 7 на 8 мая французы оставили бóльшую часть уже занятых было кварталов и забаррикадировались в главной башне, водрузив на ней трехцветный флаг своей Республики. «Этим, – полагает А. Т. Мэхэн, – отметилась высшая степень успеха, достигнутого Бонапартом в Сирийской экспедиции»[1].

На рассвете 9 мая турки числом до 8 тыс. человек сделали вылазку с двух плацдармов – у морских ворот и у дворца паши. Теперь они едва ли сомневались в том, что захватят батареи французов и принудят их снять осаду. Но Наполеон, искусно маневрируя всеми родами войск, окружил и отрезал от крепости трехтысячную колонну турок, заставив ее сложить оружие. Другая, такой же численности, колонна была уничтожена артиллерийской атакой. Вернулись в крепость не более 2 тыс. турок. Французы тут же возобновили штурм и снова овладели частью городских укреплений. Разгорелись уличные бои, в ходе которых был убит генерал Франсуа Рамбо, а Ланн ранен.

Бои на улицах Сен-Жан д'Акра шли несколько дней, причем был смертельно ранен еще один французский генерал, Луи Андре Бон. 13 мая Наполеон отозвал из крепости своих солдат и принял решение снять осаду. Главной причиной такого решения были даже не чисто военные причины. Конечно, Наполеон учитывал и потери в людях, причем не только от неприятельских ядер и пуль, но и от вспышек чумы, и недостаток боеприпасов. Дело дошло до того, что он платил солдатам, если они подбирали турецкие и английские ядра для своих орудий (5 су – за каждое ядро)[2]. А неприятель тем временем, несмотря на тяжкие потери, не становился слабее, ибо Сидней Смит с моря непрерывно пополнял гарнизоны крепости продовольствием, боеприпасами и людьми, доставив туда 20 тыс. штыков[3]. Смит прислал даже во французский лагерь прокламации с призывом к солдатам Наполеона переходить на сторону англичан и турок. Когда же он узнал, что Наполеон называет его «сумасшедшим», то официально вызвал французского главнокомандующего... на дуэль. Не зря один из французских офицеров, характеризуя Смита, сказал, что в нем «уживается вместе с рыцарством какое-то шарлатанство»[4]. Наполеон в ответ на вызов Смита презрительно заявил, что «для этого нужно воскресить» Джона Мальборо – величайшего из англий-

---

[1] Мэхэн А. Т. Цит. соч. Т. 1. С. 448–449.

[2] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 609.

[3] См.: Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 154; Мэхэн А. Т. Цит. соч. Т. 1. С. 449; Манфред А. З. Цит. соч. С. 200.

[4] Цит. по: Мэхэн А. Т. Цит. соч. Т. 1. С. 439.

ских полководцев прошлого, но добавил, что «готов вместо себя прислать к Смиту одного из своих гренадеров»[1].

Итак, дефицит в людях, боеприпасах, продовольствии при избытке всего этого у противника был очень важным, но не главным мотивом, заставившим Наполеона снять осаду Сен-Жан д'Акра. Главное, что Наполеон узнал 13 мая от пленных англичан и турок из Родосской армии: вторая коалиция европейских держав (на этот раз с участием России и Турции, только что воевавших между собой) начала войну против Франции. Наполеон решил, что теперь «операции Восточной армии становятся второстепенными», и «стал думать только о средствах возвращения во Францию»[2].

Свое решение снять осаду Сен-Жан д'Акра Наполеон замаскировал, по его собственным словам, «*удвоением силы огня*: вся осадная артиллерия непрерывно стреляла в течение шести дней, сравняв с землей все укрепления мечети и дворца паши»[3]. Тем временем раненые и больные французы, а также пленные турки и англичане, госпитали и обозы эвакуировались через Яффу в Каир. С утра 20 мая французские войска бесшумно оставили позиции у стен так и не поддавшейся им крепости и потянулись вдоль морского берега в обратный путь. «Осажденные обнаружили снятие осады только 21-го днем, – вспоминал Наполеон. – Радость их была тем более велика, что они считали свое положение отчаянным и боялись, что город будет взят штурмом. Совершенно не имея кавалерии, Джеззар не смог преследовать французскую армию»[4].

21 мая на первом привале после Сен-Жан д'Акра у г. Хайфа был оглашен приказ Наполеона по армии. Стараясь поднять дух своих заметно деморализованных солдат, главнокомандующий восславил их победы: «Вы овладели всеми крепостями, которые защищают колодцы пустыни. Вы рассеяли в битве у горы Фавор орды, сбежавшиеся со всей Азии в надежде на ограбление Египта <...>. Вы в течение трех месяцев вели войну в сердце Сирии, захватили 40 орудий, 50 знамен, 6000 пленных, сравняли с землей укрепления Газы, Яффы, Хайфы, д'Акра». Но причину отступления, т. е. фактически проигрыша сирийской кампании, Наполеон объяснил своим воинам, как никогда до 1812 г., неубедительно, если не сказать больше: *непонятно*. «Нам предстоит вернуться в Египет, – говорилось в приказе. – *Наступление времени, благоприятного для высадки войск, требует моего возвращения туда*»[5].

---

[1] Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 199.
[2] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 628.
[3] Там же. Курсив мой. – *Н. Т.*
[4] Там же. С. 629.
[5] См. полный текст приказа: Там же. С. 629–630.

Следующий привал французов – в г. Яффа, где ранее уже случились два происшествия на их пути к Сен-Жан д'Акру, вошедшие в мировую историю и литературу, – был омрачен инцидентом, тоже получившим широкий резонанс в мировой литературе о Наполеоне. Речь идет о судьбе больных чумой, число которых в разных источниках называется по-разному: 7, 11, 50 и даже 100 человек[1]. Встал вопрос, брать ли их с собой, рискуя заразить здоровых солдат, или оставить на скорую и, возможно, мучительную смерть от рук извергов Джеззар-паши. Наполеон приказал было начальнику медицинской части Р. Н. Деженетту дать им сильную дозу опиума, заявив при этом, что «это лучше, чем оставить их во власти турок». Но Деженетт возразил, что его дело – лечить людей, а не убивать их. Наполеон задумался: как быть?

По совокупности разных данных можно заключить, что Наполеон отменил свой приказ. Зачумленные солдаты были оставлены в госпитале Яффы и оказались в плену у турок и англичан. Даже такой недоброжелатель Наполеона, как Вальтер Скотт, был уверен, что такого приказа не было. «Если бы Бонапарт действительно отдал такой приказ, – читаем у Скотта, – то Сидней Смит (он и нашел позднее в госпитале тех солдат, о которых шла речь) наверняка не умолчал бы о таком факте. Их распря с Наполеоном заставила бы его это сделать, но Сидней Смит ничего подобного никогда не говорил»[2].

Отступали французы от Сен-Жан д'Акра в гораздо более тяжких условиях, нежели те, при которых они двумя месяцами ранее наступали. Теперь к раскаленным и сыпучим пескам, палящему солнцу, удушающей жаре, невыносимым мукам жажды, вспышкам чумы прибавился упадок духа от неудачных попыток овладеть турецкой «избушкой на курьих ножках». Наполеон приказал отдать своих лошадей под фургоны для больных и раненых, а всем здоровым – идти пешком. Когда его конюший осведомился, какую из лошадей оставить для главнокомандующего, он стал орать на него: «Всем идти пешком, черт побери! Я первый пойду. Вы что – не поняли приказа? Вон!»[3]

«За этот и подобные поступки, – обобщал Е. В. Тарле, – солдаты больше любили и на старости лет чаще вспоминали Наполеона, чем

---

[1] См.: Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 632; Стендаль Собр. соч. Т. 14. С. 21; Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 201–203; Слоон В. Цит. соч. Т. 1. С. 394; Людвиг Э. Цит. соч. С. 124; Кастело А. Бонапарт. С. 259; Иванов А. Ю. Цит. соч. С. 164–165.

[2] Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 202.

[3] См. об этом: Кастело А. Бонапарт. С. 258; Тарле Е. В. Наполеон. С. 76; Иванов А. Ю. Цит. соч. С. 167.

за все его победы и завоевания. Он это очень хорошо знал и никогда в подобных случаях не колебался; и никто из наблюдавших его не мог впоследствии решить, что́ и когда тут было непосредственным движением, а что – наигранно и обдуманно. Могло быть одновременно и то, и другое, как это случается с великими актерами»[1]. Так или иначе, здесь Наполеон поступил подобно одному из его любимых героев – Александру Великому, когда Александр возвращался из Индии через пустыню, и его воины, сами изнемогавшие от жажды, принесли ему в шлеме остатки воды, он поблагодарил их и на глазах у всех вылил воду, не притронувшись к ней. «Это придало всему войску столько сил, словно вода, вылитая Александром, оказалась питьем для всех»,– заметил один из первых биографов Александра Квинт Аппий Флавий Арриан[2].

Уже на подходе к Каиру Наполеон провел «тщательную перекличку» кадрового состава армии. Налицо оказалось 11 133 чел., из которых 1500 – раненых (среди них 85 – «с ампутированными конечностями»)[3]. Поскольку в поход на Сен-Жан д'Акр Наполеон повел 13 тыс., число убитых, умерших от чумы и пленных французов, судя по итогам переклички, не должно было превышать 2 тыс. человек. Но некоторые историки полагают, что только убитых и умерших (не считая пленных, число которых правда, едва ли достигало полутора десятков) было 2200[4]. Что касается турок, то они за два месяца осады Сен-Жан д'Акра потеряли в общей сложности (убитыми, ранеными, умершими от чумы и пленными) 10 тыс. человек, плюс потери Дамасской армии, разгромленной в битве при горе Фавор (еще 5 тыс.)[5].

Наполеон особенно переживал две из своих потерь. Погибли в Сирии его первоклассный переводчик, востоковед Жан Мишель Вантюр де Пароди и, главное, боевой генерал, начальник инженерных войск и личный друг главнокомандующего Луи-Мари-Жозеф Каффарелли. Этот «сорви-голова» в генеральском чине потерял ногу на Рейне, когда служил офицером Самбро-Маасской армии, и в Египет за Наполеоном отправился с деревянным протезом, что не мешало ему сражаться с исключительной храбростью, которая удивляла и влекла к нему солдат. Он был прост с ними, допуская по отношению к себе с их стороны шутки и фамильярность. Однажды,

---

[1] Тарле Е. В. Наполеон. С. 76.

[2] Арриан. Поход Александра. М., 1993. С. 215.

[3] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 633.

[4] Чандлер Д. Цит. соч. С. 161; Иванов А. Ю. Цит. соч. С. 165.

[5] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 631; Лашук А. Цит. соч. С. 113.

когда он стал говорить солдатам, затосковавшим по Родине, что и в Египте хорошо, один из них воскликнул: «Вам-то что! У вас одна нога во Франции!»[1]

20 апреля под Сен-Жан д'Акром Каффарелли был тяжело ранен. Теперь врачи ампутировали ему руку, но спасти его не смогли: он умер после шести дней страданий и бреда, сразу после того как Наполеон навестил его в лазарете в последний раз[2]. В записках на острове Святой Елены Наполеон вспоминал о нем так: «Это был хороший человек, бравый солдат, верный друг, отличный гражданин»[3].

Разумеется, непобедимый дотоле «чудо-генерал» Бонапарт очень тяжело переживал постигшую его неудачу у Сен-Жан д'Акра. Это было его первое поражение – первое из четырех, которые он как полководец потерпел за всю свою жизнь, выиграв при этом больше 50 сражений (вторым проигрышем станет для него Асперн в 1809 г., третьим – Лейпциг в 1813, четвертым и последним – Ватерлоо в 1815 г.). Но не это главное. Главное в том, что рухнули его, пожалуй, слишком далеко идущие восточные планы. Через много лет на Святой Елене он признавался Э. Лас Казу: «Если бы Сен-Жан д'Акр был взят французской армией, это повлекло бы за собой великую революцию на Востоке, главнокомандующий армией создал бы там государство, и судьба Франции сложилась бы совсем иначе»[4]. Да, если бы этот «ключ к Индии» был взят... Но теперь все мечты о «великой революции на Востоке» пришлось оставить. «Полет моего воображения оборвался в Сен-Жан д'Акре», – так будет он досадовать и многие годы спустя[5].

А. З. Манфред выдвинул интересную, но спорную гипотезу о причинах неудачи сирийской и в целом египетской кампании Наполеона. По его мнению, «пагубно влиял и на французских солдат, и на самого Бонапарта *завоевательный* характер войны в Египте <...>. Под палящими лучами африканского солнца, в изнуряющих походах по раскаленным пескам пустыни – *во имя чего? ради чего?* – блекли или, может, даже испарялись революционные чувства, верность республиканским принципам, революционный патриотизм, воодушевлявшие еще недавно тех же солдат в итальянской кампании»[6].

Против этой гипотезы есть два существенных возражения. Во-первых, египетская кампания для французов имела не только завое-

---

[1] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 476.
[2] См. там же. С. 630.
[3] Там же. С. 425–426.
[4] Las Cases E. Le mémotial de Sainte-Hélène. P., 1894. T. 1. P. 141.
[5] Цит. по: Кастело А. Бонапарт. С. 259.
[6] Манфред А. З. Цит. соч. С. 193–194. Курсив мой. – *Н. Т.*

вательный, но и *освободительный* характер: французские солдаты пришли с Наполеоном в Египет во имя и ради освобождения египтян от феодально-средневекового гнета мамлюков и ради устройства на прародине человечества современных форм цивилизации. Они и в Сирию навстречу туркам шли не только ради завоеваний, но и во имя защиты уже преобразуемого на французский манер Египта от турецкой агрессии. Это – первое. Во-вторых, блистательные победоносные кампании Наполеона 1805–1807 гг. тоже ведь заключали в себе (наряду с оборонительным) *завоевательный* компонент, но разве сказался он *пагубно* на самом Наполеоне и его солдатах? Конечно, нет.

Думается, причины египетского фиаско Бонапарта надо искать в географической, природной, национальной, религиозной, социальной *специфике региона*, плюс в чисто военных и даже технических моментах. Пагубно влияла на французов в Египте и Сирии совокупность таких факторов, как экзотика и удаленность театра военных действий, тяготы жутких переходов через пустыни с вспышками чумы, национальные предрассудки, уходившие корнями во времена фараонов, непостижимость мусульманских канонов и обрядов, забитость населения, еще не готового к восприятию европейских норм жизни. Кроме того, положение армии Наполеона усугубила потеря флота и, как следствие, изоляция французов в Египте без надежды на подкрепление из Франции.

Наполеон сумеет, несмотря ни на что, вновь поднять моральный дух своей армии, который, казалось, необратимо упал после Сен-Жан д'Акра. Для этого ему потребуется мобилизовать все возможные пути и средства налаживания дисциплины и всю силу своего личного, феноменально магнетического влияния на солдатскую массу.

А пока 14 июня 1799 г. 11 тыс. участников похода к Сен-Жан д'Акру вступили в Каир, соединились с войсками, оставленными здесь на время того похода, и таким образом вернулись из статуса Сирийской в статус Восточной армии. Уже в те дни их настроение и, соответственно, боевой дух стали заметно меняться к лучшему. Наполеон вспоминал об этом очень эмоционально: «Французы, вернувшиеся из Сирии, испытали при виде Каира такое же удовлетворение, какое испытали бы при виде своей Родины»[1].

[1] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 634.

5. От Каира до Фрежюса

В Каире теперь Наполеон провел целый месяц. Его солдаты – возвращенцы из-под Сен-Жан д'Акра за это время отдохнули и восстановили свою боеспособность. «Полки восполнили убыль большим числом людей, находившихся в запасных частях или выписанных из госпиталей, – читаем в записках Наполеона. – Были сформированы четыре роты из тяжелораненых и инвалидов с ампутированными конечностями; им была поручена оборона цитадели и башен. Кавалерия занялась пополнением конского состава (за счет арабских скакунов. – *Н. Т.*), артиллерия доукомплектовывалась»[1].

Простой люд Каира встретил возвращение «Султана Кебира» с покорностью (как он мог встретить и Джеззара-пашу), а светская и религиозная элита – даже с подобострастием. Старейший и авторитетнейший шейх Эль-Бакри при вступлении Наполеона в город подарил ему на глазах многотысячной толпы зевак «великолепного черного арабского скакуна с чепраком, расшитым золотом, украшенным жемчугом и драгоценными камнями. Лошадь на поводу вел юный мамлюк, раб шейха, подаренный вместе с лошадью»[2].

Так в жизнь Наполеона вошел его телохранитель-оруженосец Рустам Унанян (1782–1845), армянин, родившийся в Грузии. Он верно прослужил Наполеону с 1799 по 1814 г. и оставил интересные мемуары[3], а современный армянский писатель Арутюн Амирханян написал о нем превосходный исторический роман с использованием документальных материалов из пяти архивохранилищ России, а также из государственных и частных библиотек Парижа, Берлина, Мюнхена, Брюсселя, Москвы и Еревана[4].

Первый разговор Наполеона с Рустамом был таков. Наполеон спросил, может ли 17-летний мамлюк рубить врагов саблей. «Да, могу, – ответил Рустам. – Я уже зарубил несколько арабов». – «Очень хорошо. Как тебя зовут?» – «Яхья». – «Но это ведь турецкое имя. Как тебя звали на родине, в Грузии?» – «Рустам». – «Вот и теперь будут называть тебя как прежде – Рустам. Турецкое имя забудь». И Наполеон тут же подарил Рустаму саблю с золотыми и серебряными узорами и шестью крупными алмазами на эфесе, пару пистолетов с золотыми украшениями, а потом и отличного арабского коня с кра-

---

[1] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 634.

[2] Кастело А. Бонапарт. С. 260.

[3] Souvenirs de Roustam, mamelouk de Napoléon. P., 1911.

[4] Амирханян А. Т. Наполеон, каким его знал телохранитель-оруженосец Рустам. М., 2004. 704 с.

сивым турецким седлом[1]. Можно представить себе, как – раз и навсегда – покорило юного слугу, *раба*, такое внимание к нему могущественного Султана Кебира.

Принимая все меры к восстановлению боеспособности личного состава Восточной армии, Наполеон в то же время настойчиво требовал от Директории подкреплений. В письме к Директории от 28 июня он назвал общую цифру потерь Восточной армии (5344 чел.), запрашивал для возмещения такого урона еще 6 тыс. солдат, но добавил, что, если ему пришлют 15 тыс., он дойдет с ними куда угодно – хоть до самого Константинополя. При этом, естественно, он просил дослать ему орудия и боеприпасы[2]. Директория на эти, как и на предыдущие просьбы своего «чудо-генерала» из Египта о подкреплениях, ничего не ответила. Раздражение Наполеона против «бездарей-адвокатов», как называл он членов Директории (хотя из пяти директоров адвокатами были только двое – Л. Ж. Гойе и П. Рожер-Дюко), давно уже нарастало и теперь становилось нетерпимым.

В таком состоянии духа Наполеон узнал, что 11 июля турецкий флот из 90 транспортных судов в сопровождении боевой английской эскадры осточертевшего всем французам Сиднея Смита бросил якорь в Абукирской бухте и высадил на берег 18 тыс. янычаров (отборной пехоты). Командовал ими сераскир, т. е. фактический правитель Румелии (турецкой провинции на Балканах) Мустафа-паша. С ходу захватив французские прибрежные батареи, турки осадили порт Абукир. Мустафа-паша, не имея на тот момент кавалерии, ждал подхода к нему конных соединений мамлюков, чтобы потом наступать на Каир, а пока вел осаду Абукирского форта вяло. Этим воспользовался Наполеон – как всегда, виртуозно.

Думал ли он с первых минут, как только узнал о высадке турок, какой шанс (исторически-символичный!) посылает ему судьба? Ведь новая битва ждет его в той самой Абукирской бухте, где год назад, в такой же летний день, 1 августа, был уничтожен его флот, что обесчестило, а главное, отрезало его от Франции, изолировало в Египте. Теперь он может уничтожить очередную турецкую армию и этой победой не только обезопасить Египет от агрессии со стороны Турции, но и смыть с французского знамени бесчестье прошлого Абукира. Да, он не мог не думать об этом, когда с лихорадочной поспешностью и жаждой мщения снарядил и 16 июля повел 10 тыс. пеших и конных воинов с артиллерией к Абукиру.

---

[1] См.: Кастело А. Бонапарт. С. 260–261.

[2] Correspondance de Napoléon. T. 5. № 4225. P. 622.

18 июля турки овладели фортом Абукир. В тот момент они уже знали о наступлении войск Наполеона, но еще не дождались своей кавалерии. Поэтому они спешно готовились к обороне. Абукирский полуостров имеет форму треугольника, вершиной которого является форт. Вокруг форта разбросаны холмы «Колодезь», «Шейх» и самый высокий – «Визирь». Турецкие янычары закрепились и на холмах и, у их подножия, в трех линиях окопов. Когда Наполеон утром 25 июля подступил к позициям янычар, он легко смог определить наметанным глазом и сильные, и слабые стороны их укреплений с учетом, разумеется, отменной храбрости и жестокости, но очень слабой выучки и недостатка смекалки, что всегда отличало турок.

В течение двух часов две армии стояли молча и мирно, как бы присматриваясь друг к другу. В подзорную трубу Наполеон успел заметить на холме «Визирь» большую группу в ярких одеждах. То был Мустафа-паша с многолюдной свитой и с ним рядом – сэр Сидней Смит во главе нескольких английских офицеров на правах заместителя и советника Мустафы. Вероятно, увидев все это, Наполеон обратился к своим солдатам перед атакой с такими словами: «Англия заставляет нас совершать подвиги, и мы их совершим!»[1]

Тут же он сказал стоявшему рядом Мюрату: «Эта баталия решит судьбу мира». Мюрат возразил: «По крайней мере, судьбу этой армии». Вальтер Скотт верно заметил, что Мюрат «не понял тайной мысли Наполеона», ибо Наполеон думал тогда «не об одном предстоящем сражении, даже не о судьбе Египта, но уже о будущем Европы, куда он собирался вернуться. А это было бы невозможно, не одержи он в очередной раз победы»[2].

Битва началась к середине дня 25 июля с артиллерийской канонады[3]. Тяжелые орудия французов открыли ураганный и, главное, прицельный огонь по скоплениям турок на холмах и по их окопам, вырытым наспех и ненадежно. Турецкая артиллерия отстреливалась, но она была слабее французской, а ее канониры не столь искусны, как французы. В результате турки под огнем дьявольских гяуров стали терять выдержку, занервничали и дрогнули. Воспользовавшись их замешательством, кавалерия Мюрата по знаку Наполеона лихо обскакала правый фланг первой линии турецких окопов и прорвалась в тыл янычарам. Тем временем Ланн, получив приказ Наполеона

---

[1] См.: Бешанов В. В. Шестьдесят сражений Наполеона. Минск, 2000. С. 101.

[2] Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 204. О том же: Тюлар Ж. Мюрат, или Пробуждение нации. М., 1993. С. 64–65.

[3] Подробно о битве при Абукире 25 июля 1799 г. см.: Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 648–651; Лашук А. Цит. соч. С. 117–121; Бешанов В. В. Указ. соч. С. 100–104.

«Пленных не брать!», повел свою пехоту во фронтальную атаку. Гренадеры Ланна рассыпным строем под беспорядочным огнем турок ворвались в первую линию их окопов и погнали деморализованных янычар ко второй линии, но там их встретили кавалеристы Мюрата. Спасаясь от яростных ударов французской кавалерии и пехоты, янычары бежали ко второй линии своих окопов, мешая тем самым их защитникам стрелять во французов, ибо впереди неверных мчались к ним свои.

Сопротивление защитников второй и третьей линий турецких окопов было сломлено в течение часа. Они обратились в бегство, но бежать им было некуда, кроме как в море. Поддались начавшейся панике и турецкие воины на холмах. Все, не исключая сэра Сиднея Смита и его офицеров, бросились к морю в надежде на свои (турецкие ли, английские) суда. Отчаянно, можно сказать героически, сражался лишь элитный полк из 1000 янычар во главе с самим Мустафой. Он не без успеха пытался отбить атаку кавалерии Мюрата, причем Мустафа-паша собственноручно, то ли выстрелом из пистолета, то ли ударом сабли (по данным из разных источников), ранил будущего зятя Наполеона в голову. Правда, Мюрат в ответ рубанул турецкого сераскира саблей по руке, отхватив от нее два пальца, и взял его в плен[1]. Тем временем обезумевшие от страха янычары бежали к морю, падая на бегу десятками и сотнями от французских пуль и сабель, а те, кому удалось дорваться до моря, тонули в морской пучине.

Итоги Абукирской битвы 1799 г. поразительны: 18-тысячная турецкая армия была уничтожена почти полностью. Только утонувших оказалось 10–11 тыс. «Тысячи тюрбанов и шалей, которые море выбросило потом на берег, – вспоминал Наполеон, – вот все, что осталось от этих храбрых янычар». Спаслись не более 1200 человек[2]. Среди уцелевших был и командир отдельного отряда албанцев Мухаммед-Али (1769–1849) – будущий правитель Египта 1805–1848 гг., основатель последней в Египте царской династии, которая управляла страной до 1952 г.[3] Французы потеряли, по разным данным, всего лишь 200–220 человек убитыми и 550 (или 750) – ранеными[4].

---

[1] Ср.: Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 650; Кастело А. Бонапарт. С. 262; Тюлар Ж. Мюрат. С. 63–64.

[2] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 649–651; Лашук А. Цит. соч. С. 121; Тарле Е. В. Наполеон. С. 77.

[3] См.: Кастело А. Бонапарт. С. 262.

[4] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 651; Жомини А. Цит. соч. Т. 1. С. 113; Лашук А. Цит. соч. С. 121; Кастело А. Бонапарт. С. 263; Чандлер Д. Цит. соч. С. 162.

Вопреки приказу Наполеона пленные все же были взяты (точнее сказать, они *сдались* в плен). Среди них был сам Мустафа-паша. Едва не попал в плен и Сидней Смит: раненый, он с трудом успел добраться до своего катера, и затем на катере до флагманского корабля своей эскадры. Трофеями победителей стали 100 турецких знамен (в том числе три бунчука сераскира как символы его власти), 32 орудия, 120 зарядных ящиков, все шатры и обозы, 400 лошадей[1].

В счастливый для французов день этой победы главный недоброжелатель Наполеона из числа его боевых соратников генерал Клебер бросился к нему в объятия со словами: «Вы велики, как мир!»[2] (другой фрондер – генерал Даву – пришел к такому мнению еще раньше). «Эта битва – одна из прекраснейших, какие я только видел: от всей высадившейся неприятельской армии не спасся ни один человек», – так с чувством не свойственной ему жестокой радости и с обычным для него преувеличением и без того великого достижения уведомлял Наполеон Директорию о феномене Абукира[3].

Можно было понять это чувство генерала Бонапарта после всего, что он пережил между Сен-Жан д'Акром и Абукиром. Сначала досадная, первая в его полководческой карьере неудача, крах чуть ли не главной его надежды на поход в Индию, возникшая вдруг угроза даже его контролю над Египтом, а затем – блистательная победа (в том самом Абукире, где год назад был уничтожен англичанами его флот), безоговорочное покорение Египта и возможность для новой попытки пройти далее на Восток. Казалось, пора забыть о Сен-Жан д'Акре и вновь думать об Индии. Но теперь все мысли Наполеона были нацелены на возвращение во Францию.

Е. В. Тарле ошибался, полагая, что отъезд Наполеона из Египта был «внезапным, никем не предвиденным событием», поскольку он, «долгие месяцы отрезанный от всякого сообщения с Европой, <...> из случайно попавшей в его руки газеты узнал потрясающую новость» о победах войск второй антифранцузской коалиции (в частности, русских «чудо-богатырей» А. В. Суворова) и о грозящем вторжении коалиционеров во Францию[4]. Евгений Викторович знал (хотя бы из классической монографии А. Вандаля), что Директория 18 сентября 1799 г. письменно приглашала генерала Бонапарта к *«скорейшему возвращению»* на родину, но ни один из трех курьеров, посланных в Египет с текстом этого письма, не достиг места назначения –

---

[1] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 650.
[2] Кастело А. Бонапарт. С. 263.
[3] Тарле Е. В. Наполеон. С. 77.
[4] Там же.

все они были перехвачены англичанами[1]. Но ведь еще Вальтер Скотт в первой четверти и Виллиан Слоон в последней четверти XIX в. ввели в научный обиход засвидетельствованный участниками и современниками событий факт, который затем удостоверяли и А. Лашук, и Д. Чандлер, и А. З. Манфред: Наполеон был хорошо информирован о положении дел в Европе из разных источников. Во-первых, Сидней Смит по крайней мере с июня 1799 г. подсовывал французам различные газеты («La Gazette de Francfort», «Courrier francais de Londres»), «полные описаниями бед, постигших Францию на других фронтах»[2]. А кроме того, как заметил еще В. Скотт, «Наполеон и без газет Сиднея Смита уже знал о положении во Франции и в Европе»[3]. Может быть, самый надежный для него канал связи (через Геную и Тунис) обеспечивал ему брат Жозеф, на воспоминания которого ссылался В. Слоон[4]. Тем или иным путем, но Наполеон был осведомлен и о сентябрьском обращении к нему Директории с просьбой срочно возвращаться в Париж[5].

Цели и расчеты, с которыми Наполеон возвращался из Египта во Францию, всегда вызывали споры у его биографов и других исследователей той эпохи. Такие авторы, как Альбер Вандаль и Е. В. Тарле, категорически утверждали, что «Наполеон отплыл из Египта с твердым и непоколебимым намерением низвергнуть Директорию и овладеть верховной властью в государстве»[6]. Таково же, в принципе, мнение французов Луи Мадлена и Андре Кастело, немца Эмиля Людвига и россиян – А. К. Дживелегова и А. Ю. Иванова. Последний расценил отъезд Наполеона из Египта фигурально: «*Его* Италия, *его* Египет. Скоро и Франция станет *его женщиной*»[7].

В научный обиход вошла и такая трактовка, восходящая к самому Наполеону: он был «призван» спасти Францию, «назначен судьбой» к возвращению из Египта[8]. При этом Наполеон «мог сомневаться,

---

[1] Вандаль А. Возвышение Бонапарта. Ростов н/Д., 1995. С. 181. Курсив мой. – *Н. Т.*

[2] Чандлер Д. Цит. соч. С. 161. О том же: Лашук А. Цит. соч. С. 122; Манфред А. З. Цит. соч. С. 225–226.

[3] Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 206.

[4] Слоон В. Цит. соч. Т. 1. С. 397.

[5] См. там же. С. 398. Слоон здесь почему-то датирует это обращение 26 мая.

[6] Вандаль А. Цит. соч. С. 240; Тарле Е. В. Наполеон. С. 80.

[7] Madelin L. Histoire du Consulat et de l'Empire. P., 1937. T. 2. P. 314–318; Кастело А. Бонапарт. С. 265; Людвиг Э. Цит. соч. С. 125; Иванов А. Ю. Цит. соч. С. 173; Дживелегов А. К. Александр I и Наполеон. М., 1915. С. 77.

[8] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 656; Беллок Х. Наполеон. Эпизоды жизни. М., 2005. С. 15, 142; Лашук А. Цит. соч. С. 124; Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 156.

что же станет наградой его отваги – трон или эшафот»[1]. Конечно же, он рисковал – не в первый и далеко не в последний раз – карьерой, репутацией, жизнью.

Есть, однако, и принципиально иная версия, которая исходит от Вальтера Скотта и закрепилась главным образом в англоязычной литературе: Бонапарт – «дезертир», «беглец», который поспешно унес ноги из Египта, торопясь «спасти себя» от неминуемого поражения, гибели или плена[2].

Наиболее подробно и убежденно, но не убедительно, развернул эту версию советский историк А. З. Манфред. Отвергнув мнение Вандаля и Тарле на том основании, что они излишне доверяют объяснениям самого Наполеона, Альберт Захарович избрал для себя опорой... воспоминания Л. А. Бурьенна, достоверность которых ставят под сомнение самые разные авторитеты, включая англичан[3]. Доверившись Бурьенну, Манфред увлеченно рассуждал о том, как Бонапарт «бежал из Египта, чтобы спасти себя»[4]: на с. 226–230 он пять раз «жалует» Наполеона званием «беглеца». Для Манфреда характерно, что он, подробно описав победу Нельсона при Абукире над французским флотом 1 августа 1798 г. (с. 194–195), отвел не менее блестящей победе Наполеона при том же Абукире над турецкой армией 25 июля 1799 г. всего *одну строку* в сноске на с. 226, причем назвал эту победу «частичной».

Что касается фактов, то в основание своей версии Манфред приводил только один из них: Наполеон будто бы оставил свою Восточную армию «в крайне тяжелом состоянии»[5]. Но ведь те же Стендаль и Лашук, Вандаль и Тарле оценивали состояние Восточной армии как «вполне удовлетворительное» и даже «прекрасное»[6], что подтверждает и ход событий в Египте после отъезда Наполеона. Оставленный в качестве главнокомандующего этой армией генерал Ж. Б. Клебер разгромил в битве при Гелиополисе 20 марта 1800 г. новую, 70-тысячную, турецкую армию и выгнал ее остатки из Египта[7].

---

[1] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 23.

[2] Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 209; Слоон В. Цит. соч. Т. 1. С. 396, 399; Чандлер Д. Цит. соч. С. 163. В. Кронин, хотя и не обвиняет Наполеона в дезертирстве, не верит и тому, что еще в Египте «Наполеон уже решил сделаться правителем Франции» (Кронин В. Цит. соч. С. 199, 550).

[3] Ср., напр.: Слоон В. Цит. соч. Т. 1. С. 127; Dictionnaire Napol on. Sous la direction de Jean Tulard. P., 1999. Т. 1. P. 306.

[4] Манфред А. З. Цит. соч. С. 224–232.

[5] Там же. С. 229.

[6] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 22; Вандаль А. Цит. соч. С. 232; Лашук А. Цит. соч. С. 122–123; Тарле Е. В. Наполеон. С. 77.

[7] Подробно о Клебере см.: Klaeber H, Leben und Taten des... Jean Baptist Kleber. Dresden, 1900.

Только после того как Клебер пал от руки фанатика-убийцы и его заменил бездарный генерал Ж. Ф. Мену, французы стали терпеть в Египте поражения.

Кстати, почему Наполеон оставил вместо себя именно Клебера? Можно сказать – по старшинству. Из лучших генералов Восточной армии (таких как Дезе, Ланн, Мюрат, Бертье, Ренье) 46-летний Клебер был действительно старшим и по возрасту, и по военно-командному опыту: только он один из всех соратников Наполеона еще до Египта командовал, причем неоднократно, армиями – Самбро-Маасской, Рейнской, 1-й Западной.

Обстоятельства, при которых главнокомандующий Бонапарт оставлял Восточную армию на попечение Клебера, позволяют негативно судить о воинской этике и человеческой порядочности главнокомандующего, что и делают некоторые, особенно английские историки. Дело в том, что перед отплытием из Египта, назначенным на 24 августа 1799 г., Наполеон 19 августа приказал своим ведущим генералам срочно прибыть в Александрию. Однако Дезе и Клебер не успели этого сделать. Наполеон, по его собственной версии, не мог задержаться с отплытием из Александрии, поскольку был замечен английский бриг, который следил за погрузкой в александрийском порту на четырех французских судах каких-то людей с поклажей, а затем взял курс на Кипр с вероятной целью уведомить об этом английскую эскадру. Поэтому Наполеон, не теряя времени, «передал генералу Мену инструкции для генерала Клебера и приказ генералу Дезе вернуться во Францию, воспользовавшись зимней непогодой»[1].

Инструкции Клеберу были конкретны и обстоятельны: новый главнокомандующий должен был тщательно оберегать ключевые пункты обороны Египта – порт Александрию и крепость Аль-Ариш до прибытия (обязательного и скорого) подкреплений из Франции, «достаточных для восполнения потерь»[2]. «Если же вследствие непредвиденных обстоятельств, – прямо говорилось в заключение, – все усилия окажутся безрезультатными и вы до мая (1800 г. – *Н. Т.*) не получите ни помощи, ни известий из Франции и если, несмотря на все принятые меры, чума будет продолжаться и унесет более полутора тысяч человек, <...> вы будете вправе заключить мир с Оттоманской Портой*[3], даже если главным условием его будет эвакуация из Египта».

---

[1] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 671.

[2] Полный текст инструкции см.: Correspondance de Napol on. Т. 5. № 4374. P. 734–735.

[3] * Оттоманская Порта, Османская империя – официальные названия султанской Турции.

Таким образом, Клебер был наделен теми же фактически неограниченными (в пределах Египта) полномочиями, какие ранее имел сам Наполеон. А. З. Манфред усмотрел в словах Наполеона о возможной эвакуации из Египта «жгучий стыд» и неблаговидный ход с целью переложить на Клебера «выполнение этой тягостной и унизительной задачи»[1]. По мнению же Стендаля, Наполеон, поставивший перед собой куда более важную и трудную задачу – спасти Францию, не мог стыдиться своих инструкций ни перед армией, ни перед генералом Клебером; единственное, в чем можно его упрекнуть: «...он не учел того, что Клебер мог быть убит, в результате чего командование перешло к бесталанному генералу Мену»[2].

Другое дело, что Наполеон вдруг поставил Клебера перед фактом его назначения главнокомандующим вместо себя, не обсудив его с ним в подробностях перед своим отъездом. Клебер и раньше недолюбливал слишком амбициозного и властолюбивого Бонапарта. Теперь же, уязвленный бесцеремонностью его заочного назначения, он пришел в ярость и 26 сентября 1799 г. обратился к Директории с жалобой на то, что «этот типчик» («ce petit bougre»), как он назвал Наполеона, оставил армию с пустой казной и долгом в 7 млн франков[3]. Эта жалоба Клебера была перехвачена англичанами. Директория ее не получила. Но Наполеон узнает о ней из английских газет, уже будучи первым консулом Франции.

Судьба же самого Клебера оказалась трагической[4]. Он не сумел ладить, как это удавалось Наполеону, с мусульманскими шейхами, действовал излишне прямолинейно и жестко, а когда приказал бить палками и заточить в тюрьму за непослушание шейха Эль-Садаля, тем самым восстановил против себя не только знать, но и простой люд Египта. В такой ситуации турецкий султан Селим III объявил Клебера «разрушителем религии пророка» и пообещал все земные блага тому, кто «во имя Аллаха» убьет «разрушителя». 14 июня 1800 г. «волю Аллаха» исполнил 24-летний сирийский писец Сулейман Эль-Галеби.

В тот день Эль-Галеби, одетый в лохмотья, приблизился к генералу Клеберу, который шел по центральной площади Каира в сопровождении лишь своего друга, архитектора Ж.-К. Протена. Писец рухнул перед генералом на колени, всем своим видом изображая мольбу о какой-то милости. Клебер нагнулся к нему и в тот же миг убийца

---

[1] Манфред А. З. Цит. соч. С. 228.

[2] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 22.

[3] Чандлер Д. Цит. соч. С. 163; Иванов А. Ю. Цит. соч. С. 192–193.

[4] Подробно см.: Маршан Л.-Ж. Наполеон. Годы изгнания. М., 2003. С. 535–536; Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 316; Иванов А. Ю. Цит. соч. С. 197–198.

вонзил ему в грудь кинжал. Клебер упал замертво со словами «меня убили...». Протен стал звать на помощь и тоже получил от убийцы кинжальный удар. Но спастись Эль-Галеби не удалось. Он был схвачен и подвергнут ужасной казни: ему сожгли правую руку и посадили его на кол, после чего он еще жил четыре часа в жесточайших мучениях.

Заявление американского историка В. Слоона (без ссылки на какой-либо источник) о том, что Наполеон, будучи уже первым консулом, главой Французской республики, якобы отреагировал на смерть Клебера радостно: «Одним соперником меньше!»[1], едва ли кто из других специалистов примет всерьез.

Простившись в Александрии со всеми своими генералами (кроме двух лучших – Дезе и Клебера), Наполеон обратился к армии, которую оставлял в Египте, с последним приказом. Текст его, как справедливо заметил Эмиль Людвиг, был, в отличие от всех предыдущих армейских приказов Наполеона, «сух и краток». Вот он: «Солдаты! Известия, полученные из Европы, побудили меня уехать во Францию. Я оставляю главнокомандующим армией генерала Клебера. Вы скоро получите вести обо мне[2]. Мне горько покидать солдат, которых я люблю, но это отсутствие будет только временным. Начальник, которого я оставляю вам, пользуется доверием правительства и моим»[3].

Если Клебер воспринял отъезд Наполеона с крайним раздражением, а другие генералы – озадаченно, но послушно, то солдатская масса, возможно, от уверенности, что Наполеон быстро съездит во Францию и обратно за подкреплением, откликнулась на последний приказ главнокомандующего с веселым юмором: у него появилось даже новое прозвище – «генерал Bonattrapre», то есть «Большой Хитрюга»[4].

24 августа 1799 г., в 9 часов вечера, Наполеон с Александрийского рейда отбыл из Египта в обратный путь – к берегам Франции. Он взял с собой 200 гидов, т. е. бойцов личной охраны и полтора десятка соратников, скорее всего заранее отобранных, но приглашенных в последний момент перед отплытием. То были генералы – Ж. Ланн, Л. А.Бертье, И. Мюрат, Ж. Б. Бессьер, О. Ф. Л. Мармон, А. Ф. Андреосси, адъютанты – Е. Богарне, Ж. К. М. Дюрок, А. М. Лавалетт, секретарь Наполеона Л. А. Бурьенн, мамлюк Рустам

---

[1] Слоон В. Цит. соч. Т. 1. С. 400.

[2] Не слышится ли в этих словах намек на то, что генерал Бонапарт скоро возглавит Францию?

[3] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 672.

[4] Кастело А. Бонапарт. С. 266.

Унанян, а также два ученых-академика (Г. Монж и К. Л. Бертолле), поэт Ф. О. Парсеваль-Гранмезон и критик-искусствовед В. Денон[1]. «Какая славная добыча для английской эскадры!» – комментирует этот перечень Андре Кастело[2].

Но свою египетскую фаворитку, новоявленную «Клеопатру» и «Богоматерь Востока», Маргариту-Полину Фуре (Беллилот) Наполеон с собою не взял. «Меня в море могут перехватить англичане, – объяснил он фаворитке, – а тебе нужно заботиться о моей славе. Что скажут люди, если обнаружат на моем корабле любовницу?»[3] Наполеон предложил своей «Клеопатре» вернуться во Францию на следующем судне, которое готовилось к отплытию, и оставил ей на дорогу 1000 луидоров. Беллилот вместе с генералом Жюно и несколькими учеными из Института Египта отправилась в путь на нейтральном корабле «Америка», но этот корабль, несмотря на нейтральный флаг, был пиратски захвачен англичанами. Дальнейшая судьба Беллилот прослежена в специальных монографиях Фредерика Массона и Гертруды Кирхейзен[4].

Недолго пробыв в плену у англичан (которые относились к ней по-французски галантно), Беллилот вернулась во Францию незадолго до или вскоре после 18 брюмера. Ее попытки добиться встречи с Наполеоном были неудачны: Первый консул отказался принять недавнюю фаворитку. Но, прекратив раз и навсегда личные отношения с нею, он щедро благоустроил ее жизнь: купил ей роскошный дом, подыскал заботливого мужа из перспективных военных чиновников – кавалера Пьера-Анри де Раншу и оказывал супружеской чете денежную поддержку. Впрочем, и после второго замужества Беллилот постоянно обзаводилась любовниками. Прожила она 90 лет (скончалась 18 марта 1869 г.) и перед смертью сожгла все письма, которые писал ей в Египте и Сирии генерал Бонапарт.

Итак, вечером 24 августа Наполеон отплыл из Александрии с риском потерять все, включая собственную жизнь, и с верой в свою счастливую звезду. «Как непохоже это плавание на то, первое, 15 месяцев назад! – восклицал Эмиль Людвиг. – Было 400 кораблей, теперь их два»[5]. Точнее говоря, кораблей теперь было четыре, но чисто военных – только два венецианских фрегата. По воспоминаниям Наполеона, они «были красивы, велики, хорошо вооружены и спо-

---

[1] См. их перечень: Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 672; Чандлер Д. Цит. соч. С. 163.

[2] Кастело А. Бонапарт. С. 267.

[3] Там же. С. 264.

[4] См.: Массон Ф. Указ. соч. С. 65–75; Кирхейзен Г. Указ. соч. С. 108–111.

[5] Людвиг Э. Цит. соч. С. 126.

собны выдержать бой»[1]. Однако фрегатам недоставало скорости. Поэтому «в компанию» к ним были взяты две маленькие *шебеки*[2] с подводными частями, обшитыми медью. «Они были быстроходны. Ими предполагалось воспользоваться в случае преследования превосходящими силами, с тем что фрегаты отвлекут на себя внимание вражеских судов»[3].

Первый фрегат назывался «Мюирон» – в честь Жана-Батиста Мюирона (1774–1796), 22-летнего генерала и адъютанта Наполеона, который был убит в исторической битве при Арколе, прикрыв собственным телом главнокомандующего. На этом корабле отплыли из Александрии сам Наполеон, Бертье, Бессьер, Монж, Бертолле, Бурьенн, адъютанты Наполеона, мамлюк Рустам и половина солдат охраны. Второй фрегат, «Каррер», был назван именем артиллерийского генерала Луи Каррера, убитого в сражении под Неймарком весной 1797 г. Здесь разместились Ланн, Мюрат, Мармон, Андреосси, Парсеваль и Денон с другой половиной гидов.

Весь путь от Египта до Франции фрегаты и шебеки Наполеона прошли за 47 дней, с 24 августа по 9 октября. «Сорок семь суток огромного напряжения, – писал об этом А. З. Манфред, – сосредоточения воли, чувства, желаний на одном – пройти, проскользнуть незамеченными мимо неусыпной английской сторожевой охраны, сорок семь суток ожидания, приглушенных сомнений, страхов, надежд...»[4]

Каждые из этих 47 дней и ночей генерал Бонапарт и его спутники были готовы в любой момент стать жертвами нападения английской эскадры. Однажды в кают-компании «Мюирона» Наполеон обратился к соратникам со зловещим предупреждением: «Что вы предпримете, если англичане нас обнаружат? Ввяжетесь в бой? Невозможно. Сдадитесь? К этому вы не более склонны, чем я. Следовательно, остается лишь одно: в случае необходимости взорвать корабли». Все слушали главнокомандующего молча. Стоявший с ним рядом академик Монж был мертвенно бледен. Наполеон взглянул на него и сказал ему с улыбкой: «Эту задачу я поручаю выполнить вам». «Когда через несколько дней, – читаем у Эмиля Людвига, – они обнаруживают прямо по курсу какой-то корабль и ошибочно принимают его за английский, Монж вдруг исчезает. Позже оказывается, что он стоит у двери порохового погреба. Таким был авторитет Бонапарта»[5].

---

[1] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 672.

[2] Шебека (*франц.* chébec) – легкое трехмачтовое парусно-весельное судно транспортного назначения.

[3] Там же.

[4] Манфред А. З. Цит. соч. С. 234.

[5] Людвиг Э. Цит. соч. С. 127.

1 октября «Мюирон» вошел в порт Аяччо – родного города Наполеона. Весть о нежданном прибытии на родину всемирно прославленного земляка мгновенно разнеслась чуть не по всему острову. Толпы людей сбежались в гавань. Многие, не имея терпения дождаться своего кумира на берегу, бросались в лодки и, обгоняя друг друга, плыли к «Мюирону». Когда же Наполеон сошел на берег, люди из бурлящей толпы выкрикивали приветствия, тянули к нему руки и едва ли не каждый выдавал себя за его родственника[1]. Пожилая женщина в черном воззвала к нему: «Curo figlio!» («Сынок, дорогой!»). Наполеон узнал ее и крикнул в ответ: «Madre!» («Мама!»). То была его кормилица Камилла Илари.

В связи с непогодой покорителям Египта пришлось задержаться в родительском доме Наполеона, где разместился весь его штаб, на целую неделю. За это время в Аяччо у Наполеона собрались с жалобами друг на друга главы всех общин острова. Наполеон, по его словам, «употребил свое влияние, чтобы примирить враждующие партии и успокоить разгоревшиеся страсти»[2].

Только 8 октября флотилия во главе с «Мюироном» снова двинулась в путь. С капитанского мостика «Мюирона» Наполеон долго – последний раз в жизни! – провожал взглядом родной город и отчий дом. А к вечеру того же дня в лучах заходящего солнца французы увидели на горизонте словно бы свою смерть – английскую эскадру из 14 боевых кораблей.

Контр-адмирал Оноре Гантом, которому Наполеон доверил командование всей своей флотилией, хотел было повернуть назад, к берегам Корсики. «Нет! – возразил Наполеон. – Это значило бы идти в Англию А я ищу дорогу во Францию». Маленькая флотилия шла вперед прежним курсом. В сумерках и в ночной тьме на нее с английских кораблей не обратили внимания, а поутру французы радовались очередной улыбке фортуны: английская эскадра на всех парусах уходила от них к северу, ибо «англичанам и в голову не пришло, что два легких венецианских фрегата и два сопровождающих их суденышка пришли с Востока; они полагали, что перед ними итальянские рыбачьи суда»[3].

Еще один день пути, и – на рассвете 9 октября 1799 г. генерал Бонапарт с шестью другими генералами, тремя адъютантами, двумя учеными-академиками плюс еще два члена Института Египта, секретарем и двумя сотнями человек личной охраны высадился на

---

[1] См. об этом: Кастело А. Бонапарт. С. 268–269; Людвиг Э. Цит. соч. С. 127–128; Иванов А. Ю. Цит. соч. С. 180–181.

[2] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 673.

[3] См.: Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 208; Кастело А. Бонапарт. С. 269.

Лазурном берегу Франции в небольшом порту Фрежюс между Тулоном и Ниццей. Египетская экспедиция Бонапарта стала историей. Хорошо сказал об этом А. З. Манфред: «То, что еще вчера представлялось бесконечно трудным, почти непреодолимым, было пройдено. В этом фатальном счете – одно против девяносто девяти – выиграло одно. Это был большой, огромный, почти неправдоподобный выигрыш»[1].

Выигрыш был, разумеется, не только в спасении Бонапарта и К°, оставивших армию в Египте. Наполеон был вправе, хотя и с преувеличенным самолюбием, так заявить о себе: «Он отплыл из Тулона 19 мая 1798 г. Следовательно, он находился вне Европы 16 месяцев и 20 дней. За этот короткий срок он овладел Мальтой, завоевал Нижний и Верхний Египет; уничтожил две турецкие армии, захватил их командующего, обоз, полевую артиллерию; опустошил Палестину и Галилею и заложил прочный фундамент великолепнейшей колонии. Он привел науки и искусства к их колыбели»[2].

Здесь, однако, следует учесть, какой ценой были достигнуты эти успехи. Ведь Наполеон потерял за время египетской экспедиции 5,5 тыс. солдат. Погибли пять его генералов (Л. М. Ж. Каффарелли, Л. А. Бон, Ф. Рамбо, Д. Дюпюи, Ф. Мирер), адмирал Ф. П. Брюэс и четыре адъютанта главнокомандующего (Ю. Сулковский, А. Круазье, Т. П. Жюльен, А. Гиберт). Далее, уже после отъезда Наполеона, оставленная в Египте под командованием Ж. Б. Клебера, а затем возглавленная Ж. Ф. Мену 14-тысячная армия 1 сентября 1801 г. капитулировала перед англичанами, после чего французы потеряли и Верхний, и Нижний Египет. Таким образом, плоды этих военных побед, прославивших Наполеона как великого полководца, политически были сведены к нулю. Но остался, помимо классических образцов военного искусства (таких как при пирамидах и Абукире), навеки ценный опыт ученых-соратников Наполеона, положивших начало развитию новой и очень перспективной комплексной науки – египтологии.

---

[1] Манфред А. З. Цит. соч. С. 234.

[2] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. С. 674.

Глава VI
COUP D'ÉTAT*

Подниматься выше, выше – таков закон
и роковое свойство его натуры.
А. Вандаль о Наполеоне

18 брюмера спасло Францию.
М. Ж. П. Лафайет

1. Франция без Бонапарта

Пока генерал Бонапарт творил в Египте чудеса, похожие на сказку из «Тысячи и одной ночи», покинутая им Франция жила в нужде, горестях и тревоге. Если крупные буржуа, спекулянты и казнокрады могли быть довольны жизнью, то простой люд голодал и жаждал для себя перемен к лучшему: «Мы хотим такого режима, при котором "едят"» (un régime ou l'on mange). «Эту фразу полицейские агенты Директории частенько подслушивали в предместьях Парижа и докладывали своему обеспокоенному начальству»[1]. По воспоминаниям современника, если кто из простолюдинов и доволен был, то «как тот человек, что, упавши с башни Собора Парижской Богоматери, кричал на лету: "Пока недурно, лишь бы и дальше так!"» (Cela va bien pouvre que cela dure)[2].

Даже «партия новых богачей», как называли тогда во Франции подрядчиков, разжиревших на поставках и спекуляциях, не была уверена в завтрашнем дне перед угрозой всеобъемлющего финансо-

* Государственный переворот.
[1] Тарле Е. В. Наполеон. М., 1992. С. 81–82.
[2] Вандаль А. Возвышение Бонапарта. Ростов н/Дону, 1995. С. 43.

вого банкротства: бюджетный дефицит в стране достигал к 1799 г. 300 млн ливров[1].

Социальную, экономическую да и политическую напряженность во Франции усугублял бандитизм, который за годы правления Директории обрел невиданные ранее масштабы. Опасность для республиканских основ государства и его граждан исходила, как и прежде, не только от *шуанов*[2]. Они по наущению собственных дворян-роялистов и католических священников, а также с помощью (советами, деньгами, транспортом и оружием) Англии еще в 1793 г. восстали против Французской Республики, ввергнув ее в междоусобную войну[3]. Была и другая опасность – со стороны многочисленных банд из бродяг, дезертиров, беглых каторжников, которые разбойничали на больших дорогах, «врывались и в дома для убийств и вымогательства денег», а иные из них, *шофферы* (chauffeurs[4]), «специализировались» как истязатели: «поджаривали над огнем пятки своим жертвам с целью выпытать у них, где спрятано золото»[5].

В духовной жизни Республики странно и болезненно переплелось, казалось бы, несовместимое: с одной стороны – разнузданное буйство прессы, которая, не останавливаясь ни перед чем, извращала, клеветала, обливала ядом и грязью все и вся – от глобальных проблем до интимнейших подробностей частной жизни; с другой – абсурдные запреты на любое напоминание о какой бы то ни было *монархии*. Так, Директория распорядилась, чтобы в постановке оперы композитора Э. Н. Мегюля «Адриан» заглавный герой, император Древнего Рима Публий Элий Адриан, выходил на сцену «в простой *генеральской* (?! – *Н. Т.*) форме, без императорских регалий»[6].

В то же время «перешла всякие границы, достигла верха смехотворной нелепости», по выражению А. Вандаля, «антирелигиозная мания»: было запрещено соблюдать пост и звонить в колокола, есть рыбу (как «католическую пропаганду»); священников ссылали за тридевять земель, вплоть до Гвианы (в Южной Америке») не только

---

[1] Там же. С. 63, 80.

[2] Chouans – от франц. chat-huant, т. е. сова, крик которой был для шуанов условным сигналом. Так называли мятежников – главным образом из темной крестьянской массы на западе Франции, преимущественно в провинциях Бретань и Вандея.

[3] Подробно об этом см. в замечательном историческом романе О. Бальзака «Шуаны, или Бретань в 1799 году».

[4] Chauffeurs – истопники, кочегары (*франц.*), в этом контексте – «поджигатели». – *Примеч. ред.*

[5] Вандаль А. Цит. соч. С. 31, 33.

[6] Там же. С. 50–51, 105–106. Курсив мой. – *Н. Т.*

за «причастность к контрреволюции», но и за «изгнание бесов» из людских душ и т. д.[1]

В таких условиях по всей стране наблюдалось скандальное падение нравов, à la Содом и Гоморра. «Боже! – восклицал епископ Ле-Коз. – Насколько развращено наше общество! Повсюду блуд, прелюбодеяние, кровосмешение, отравления, убийства!»[2]

Но еще больше тягот повседневной жизни над разными слоями населения Франции довлел страх перед внешней опасностью. К весне 1799 г. положение Французской Республики в Европе стало угрожающим. Войска держав второй антифранцузской коалиции наступали на всех фронтах. Ж. Б. Журдан был отброшен за Рейн, Ж. В. Моро и Б. Шерер разбиты в Италии. Герцог Йоркский (сын короля Англии Георга III) во главе англо-русской армии готовился ударить по Франции из Голландии. В Пьемонт вторглись «чудо-богатыри» А. В. Суворова. 15 августа 1799 г. Суворов разбил французскую армию в битве при Нови и открыл себе путь через Швейцарию на Париж. Известие об этом повергло власти и население Франции в состояние, близкое к панике. Вот что писал об этом А. З. Манфред: «С часу на час ожидали вторжения русских войск во Францию. На юге страны предприимчивые люди спешно выучивали фразы на русском языке. В Марселе женщины вводили новые моды – шляпы à la Суворов. Вступление русских на французскую землю казалось неотвратимым»[3]. А эрцгерцог Карл с облегчением писал в те дни своему брату, императору Австрии Францу I: «Какое счастье, что Бонапарт в Египте!»[4]

Ни Директория, ни Законодательное собрание (Совет старейшин и Совет пятисот) не знали тогда, что делать. 13 сентября 1799 г. на заседании Совета пятисот якобински настроенный герой битвы при Флерюсе генерал Журдан предложил объявить *«отечество в опасности»*. Пятьсот депутатов завели споры, едва не приведшие к рукопашной схватке тех, кто был «за», с теми, кто «против». Поименное голосование дало такие результаты: за предложение Журдана – 171, против – 245[5]. Впрочем, реальная власть и ответственность за судьбу отечества в тот критический момент была в руках не столько 750 депутатов обеих палат Законодательного собрания, сколько пяти членов Директории. Кстати, 18 июня 1799 г. состав Директории в оче-

---

[1] Вандаль А. Цит. соч. Там же. С. 38–44.
[2] Цит. по: Кастело А. Бонапарт. М., 2004. С. 277.
[3] Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. 4-е изд. М., 1986. С. 212.
[4] Сорель А. Европа и Французская революция. СПб., 1906. Т. 5. С. 351.
[5] См.: Манфред А. З. Цит. соч. С. 214.

редной раз, согласно Конституции 1795 г., обновился. Познакомимся с ним поближе.

Из первого состава директоров, т. е. с ноября 1795 г., остался только один, самый изощренный и порочный из политиков того времени во Франции, а может быть, и в целом мире – Поль-Франсуа-Жан-Николя Баррас (1755–1829). К этому времени он был на вершине своей одиозной известности: «...развращенный до мозга костей, весь изъеденный пороками, необузданный и утонченный в наслаждениях, знаток вина, женщин, всего изящного, он всегда приберегал для себя раздушенные барыши (profits parfumés) и розы власти». Эту колоритную характеристику Барраса Альбер Вандаль расцвечивает эффектной концовкой: «Предатель по натуре, он лгал с упоением, продаваясь каждому и обманывая всех; то была душа публичной женщины в теле красивого мужчины»[1].

Но как бы ни был изощрен, умудрен и изворотлив Баррас на политической сцене, в последнем составе Директории он уступал в этом политику еще более изворотливому, оттеснившему его на второй план (на что, конечно, досадовал). То был аббат Эмманюэль Жозеф Сьейес (1748–1836) – один из авторов исторической Декларации прав человека и гражданина 1789 г. и Конституции 1795 г. Он как никто умел и приноравливаться к обстоятельствам, и приспосабливать их к себе, меняя убеждения от якобинских до чуть ли не роялистских и оставаясь все время, при любых виражах истории, политически на виду, но и не высовываясь сверх меры. «Из тех, кто начинал вместе с ним политический путь в 1789 г., из настоящих людей с горячей кровью, а не с водой в жилах, никто не сохранился: кто раньше, кто позже – все сложили головы. А осторожный, молчаливый, бесшумно ступавший Сьейес всех пережил; он прошел через кипящий поток, не замочив ног, без единого ушиба, без одной царапины, – читаем о нем у А. З. Манфреда. – Как он это сумел? Широко известен его ответ на вопрос о том, что́ он делал в то бурное и грозное время: “J·ai vécu” (Я оставался жив), – ответил Сьейес»[2].

Такая «бесшумность» при высоком полете давалась Сьейесу нелегко. Его тщеславие страдало от мании преследования. Якобинский террор напугал его на всю жизнь. Незадолго до смерти почти 90-летний Сьейес встревоженно повторял: «Если придет господин Робеспьер, скажите ему, что меня нет дома»[3].

Личность Сьейеса всегда вызывала интерес у историков, причем иные его оценки даже со стороны общепризнанных авторитетов вы-

[1] Вандаль А. Цит. соч. С. 22, 23.
[2] Манфред А. З. Цит. соч. С. 204.
[3] Там же. С. 206.

глядят спорными. «Тщеславный, алчный и слабохарактерный интриган, готовый прислониться ко всякой силе, умевшей вознаграждать его усердие», – так судил о нем А. С. Трачевский[1]. Думается, все же считать Сьейеса слабохарактерным несправедливо. А вот с мнением Е. В. Тарле о Сьейесе как о «надутом резонере», который «был не то что просто эгоистом, а был, если можно так выразиться, почтительно влюблен в самого себя»[2], нельзя не согласиться. Собственно, все пять директоров подходили под определение, которое дала им герцогиня Лаура д'Абрантес: «...чудовищный сброд безначалия, тиранства и слабости»[3]. Сьейес вполне мог согласиться с таким определением в отношении четырех своих коллег, но себя он ставил выше их всех и вообще кого бы то ни было.

Да, если Баррас, при всей его одиозности, все-таки был незаурядной личностью, то остальные три директора – и бывший министр юстиции, самый (если не единственный) честный из директоров, но недалекий Луи-Жером Гойе (1746–1830); и в прошлом председатель Совета старейшин, пугливый конъюнктурщик Пьер Роже Дюко (1754–1816), который благоговейно подслуживался к Сьейесу; и Жан-Франсуа Мулен (1752–1810), совершенно безвестный генерал, «угрюмое ничтожество», по мнению А. Вандаля[4], – все они были настолько безлики, что их как политических деятелей современники просто не брали в расчет.

Трое безликих директоров вели себя по крайней мере скромно, не шокируя парижан, как это делал «султанчик» Директории Баррас, который «окружал себя роскошью, выставляя ее напоказ»: разодетый в шелка, бархат и кружева всех цветов радуги, он устраивал шикарные приемы и в собственном замке в Гробуа, и на даче в Сюрэне: «когда он катил туда в экипаже, запряженном булаными лошадьми в серебряной сбруе, парижане говорили, что он, должно быть, много наворовал, чтобы так пускать пыль в глаза»[5].

Впрочем, репутация «неслыханной продажности» (по выражению современника[6]), столь характерная для Барраса, пятнала всю Директорию. Главное же, ее правление воспринималось большинством французов как опостылевшее зло, «посмертная тирания

---

[1] Трачевский А. С. Наполеон I. Первые шаги и Консульство (1769–1804). М., 1907. С. 169.

[2] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 85.

[3] Д'Абрантес Л. Записки герцогини Абрантес, или исторические воспоминания... М., 1837. Т. 1. С. 20.

[4] Вандаль А. Цит. соч. С. 97.

[5] Там же. С. 21–22.

[6] Там же. С. 20.

Конвента»[1]. Вот что писал об этом один из честнейших политиков того времени, герой трех революций Нового и Старого Света маркиз М. Ж.П. де Лафайет: «Представьте себе это скопище индивидуумов, которые путем политических и социальных преступлений захватили все должности и места. Самые низкие из них награбили себе состояние <...>. Представьте себе затем толпу низших должностных лиц, творивших каждый в своей коммуне и святотатства, и насилия, хоть они и прикрывались республиканским флагом. Вот чем, в сущности, сделалась Французская республика»[2].

Против такого режима были настроены и «низы», и «верхи» – как «слева», так и «справа». Даже крупная буржуазия, которая, собственно, обеспечила приход Директории к власти и поначалу щедро ее финансировала, теперь перешла в оппозицию к ней, убедившись в том, что Директория защищает «интересы узкой клики, а не буржуазии в целом»[3].

Очевидную шаткость режима Директории стали осознавать и сами директора. Необходимость срочно искать пути и средства к упрочению власти в стране и к собственному спасению раньше всех понял самый проницательный и предусмотрительный из директоров – Сьейес. Инстинкт самосохранения подсказывал ему, что Директория обречена погибнуть, и, чтобы не пойти ко дну вместе с ней, а вновь, как это было всегда, остаться на плаву, нужно устроить очередной coup d'État, который усилил бы центральную власть, – разумеется, с ним, Сьейесом, на самом ее верху. К лету 1799 г. в результате «обычной перетасовки директоров» (по наблюдению А. Вандаля[4]) он стал на четыре месяца президентом Директории и уже в этом качестве приступил к осуществлению своего плана. А план был мудреным. Олигархическая ли республика или ограниченная монархия – для Сьейеса значения не имело. Его генеральная идея, в которой он усматривал единственную возможность не только спасти отечество и себя самого, но и возвысить себя вместе с отечеством, заключалась в следующем: «Должна быть одна голова и одна сабля, которая должна подчиняться этой голове»[5]. Роль головы он, конечно, предназначал себе. Оставалось подыскать достойного кандидата на роль *сабли*, и тут Сьейесу пришлось долго перебирать различные варианты, ибо

---

[1] Там же. С. 8.

[2] Mémoires, correspondance et manuscripts du general Lafayette, publiés par sa famille. Bruxelles, 1838. T. 5. P. 105.

[3] Манфред А. З. Цит. соч. С. 221. О том же см.: Тарле Е. В. Цит. соч. С. 84.

[4] Вандаль А. Цит. соч. С. 128.

[5] История Франции: В 3 т. М., 1973. Т. 2. С. 110.

требовался искусный, удачливый и популярный военачальник, а таких во Франции тогда было много.

Правда, к тому времени командный состав французской армии понес ощутимые потери. Скоропостижно, при невыясненных обстоятельствах, умер Луи Лазар Гош – самый талантливый из полководцев Французской республики после Бонапарта. Альбер Сорель полагал, что Гош был «единственным человеком, который при жизни Бонапарта мог преградить дорогу Бонапарту и отвести течение французской революции к другому склону горы»[1]. Погиб в бою с австрийцами Франсуа-Северин Марсо. Два Шарля – Дюмурье и Пишегрю – изменили Родине. Однако нельзя согласиться с мнением Альфонса Олара, будто к 1799 г. «гильотина погубила всех возможных соперников» Наполеона и «сделала из Бонапарта, и без того уже очень возвышавшегося над окружающими, настоящего великана, за которым никого больше не было видно»[2]. Из одаренных военачальников, ставших жертвами гильотины, можно назвать лишь Адама Филиппа де Кюстина, Франсуа Жозефа Вестермана и Жана-Николя Гушара, но ни один из них «не тянул» до уровня ни Гоша и Марсо, ни Дюмурье и Пишегрю. Зато оставались в строю первоклассные таланты, из которых Сьейесу нелегко было выбрать самую достойную и надежную «саблю».

Трудность заключалась в том, что помимо военных талантов и популярности Сьейес хотел бы видеть в своем избраннике и силу характера, и покладистость в отношениях с ним, Сьейесом, и умеренность в убеждениях, желательно ни крайне левых, ни слишком правых. Ж. Б. Журдан и Ж. Б. Бернадот не подходили под его расчеты из-за своего якобинского экстремизма, А. Массена был излишне прямолинеен, Ж. Э. Макдональд чересчур уклончив. Генерал маркиз Лафайет, которого Сьейес несколько опасался как возможного конкурента, но и не терял из виду на роль «сабли», оставался в изгнании, хотя и недалеком (в Нидерландах). Наконец, три блистательных военачальника – «чудо-генерал» Бонапарт, а с ним Л. Ш. А. Дезе и Ж. Б. Клебер – были так далеко от Франции и так рисковали там собой, что Сьейес не надеялся на их возвращение. Таким образом, реальными, по разумению Сьейеса, оставались две кандидатуры: Жана Виктора Моро и Бартелеми Катрин Жубера.

Начал Сьейес с Жубера. Это был еще молодой, едва достигший 30 лет, но уже прославленный генерал, один из главных героев

---

[1] Сорель А. Цит. соч. Т. 5. С. 185.

[2] Олар А. Политическая история Французской революции. М., 1938. С. 839.

Итальянской кампании 1796–1797 гг., а после отъезда Наполеона в Египет главнокомандующий сначала Итальянской армией, а затем и 17-й, т. е. Парижским гарнизоном. Он устраивал Сьейеса во всех отношениях и сходился с президентом Директории в намерении либо упразднить Директорию, либо подмять ее под себя. Недоставало Жуберу разве только военной славы. Чтобы компенсировать этот недостаток своего избранника, Сьейес решил послать его в Италию против А. В. Суворова.

Дело в том, что еще 17–19 июня 1799 г. в трехдневной битве на р. Треббия русско-австрийские войска, которыми командовал Суворов, разбили французскую армию Ж. Э. Макдональда и закрепили за собой Северную Италию, угрожая вторжением во Францию. Жубер должен был остановить и победить дотоле непобедимого Суворова, что обеспечило бы ему репутацию спасителя отечества. Далее предполагалось, что он, осиянный славой, вернется в Париж, разгонит Директорию вкупе с обеими законодательными палатами и поможет Сьейесу реализовать идеи новой полуолигархической-полумонархической конституции, проект которой уже был у Сьейеса в кармане[1].

В отличие от последнего сам Жубер больше думал не о грядущем государственном перевороте, во все детали которого Сьейес едва ли его посвящал, а о боевых подвигах и лаврах национального героя. Он был честолюбив, как и его кумир Наполеон Бонапарт, и даже свой отъезд на войну в Италию по редкостному, почти мистическому совпадению, обставил à la Наполеон. За считаные дни до отъезда он сыграл свадьбу с девицей де Монтолон, племянницей знаменитого маркиза Ш.-Л.-Г. Семонвиля[2], и «после нескольких дней, проведенных в объятиях жены, вырвался из сладостных оков и помчался в бой, унося с собою талисман – ее портрет»[3]. Прощаясь с женой, Жубер обещал скоро вернуться – победителем или мертвым, и, как мы увидим, сдержал обещание (но как ?!). 4 августа он прибыл в Итальянскую армию, принял главное командование у генерала Моро и 15 августа у города Нови в области Пьемонт вступил в сражение с русско-австрийской армией Суворова. Жубер имел в тот

---

[1] Подробно о заговорщическом «дуэте» Сьейес – Жубер см.: Вандаль А. Цит. соч. С. 118–119, 127–128; Манфред А. З. Цит. соч. С. 209–212.

[2] Семонвиль Шарль-Луи-Гюг (1759–1839) – маркиз и пэр Франции, служивший на высоких постах всем режимам от Людовика XVI до Луи-Филиппа. Отчим генерала графа Ш. Т. Монтолона, который последовал за Наполеоном на остров Святой Елены и там, как выяснилось лишь в недавнее время, отравил императора.

[3] Вандаль А. Цит. соч. С. 127.

день 38 тыс. солдат, Суворов – 65 тыс. Буквально в первые же минуты битвы Жубер был сражен насмерть шальной пулей. Вновь возглавивший Итальянскую армию Моро не смог спасти ее от разгрома.

Жубер вернулся в Париж, как обещал, скоро. Но – мертвым. Мало того, битва при Нови пошатнула и полководческую репутацию Моро, который при всех его дарованиях военачальника, хладнокровного и мужественного на поле битвы, «боялся политики и считал себя неспособным к ней; как только затевалось что-нибудь в области внутренней жизни страны, он добровольно отступал на второй план»[1]. Между тем именно после Нови положение Французской республики стало критическим. Напомню читателю: генерал Журдан предложил объявить отечество в опасности. Что было делать Сьейесу, который, по выражению Вальтера Скотта, «стал подобен голове без рук»?[2] На что и на кого рассчитывать?

По данным разных источников, обобщенных в трудах А. Вандаля и А. З. Манфреда, не только Сьейес, но и вся Директория, а вместе с ней многие министры, генералы и депутаты обоих парламентских советов стали лихорадочно искать какие-либо, вплоть до экзотических, казусных, меры спасения. В ночь с 15 на 16 сентября, через два дня после того как Совет пятисот отказался объявить отечество в опасности, Директория провела экстренное совещание. В нем приняли участие все пять директоров, все (!) министры – от военного до финансов, 10 генералов и 20 депутатов обоих Советов. А. З. Манфред обнаружил в архиве внешней политики России письмо от 20 сентября 1799 г. из Парижа в Петербург «двух роялистов, пожелавших скрыть свои имена», с информацией об этом совещании. В этом письме говорилось: «Все единодушно пришли к убеждению, что далее невозможно сохранять Республику и что, следовательно, необходимо заняться восстановлением монархии и решением вопроса о монархе. Одни предлагали младшего принца Орлеанского[3], другие – испанского инфанта[4], третьи – герцога Йоркского[5], иные – герцога Брауншвейгского[6]. Сьейес, который, как президент Директории, за-

---

[1] Вандаль А. Цит. соч. С. 120.

[2] Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов. М., 1995. Т. 1. С. 224.

[3] Луи-Филипп Эгалите (1773–1850) – сын старшего герцога Орлеанского, Филиппа, будущий (в 1830–1848 гг.) король Франции.

[4] Имеется в виду сын короля Испании Карла IV и будущий (в 1808 и 1814–1833 гг.) король Фердинанд VII.

[5] Йоркский герцог, Фредерик Август (1763–1827) – сын короля Англии Георга III.

[6] Брауншвейгский герцог, Карл Вильгельм Фердинанд (1735–1806) – главнокомандующий войсками 1-й антифранцузской коалиции.

ключал последним, убеждал совещание, что единственный способ достичь мира – это пригласить законного монарха, что могущественный Павел I это всегда бы поддержал без слов[1] и что без Людовика XVIII войны и волнения будут бесконечны»[2].

В другом сообщении из Парижа в Петербург от 22 сентября 1799 г. говорилось, что «план аббата Сьейеса – посадить на трон герцога Орлеанского»[3]. Публикуя эти документы, А. З. Манфред оговорился: он считал, что к ним «нужно отнестись критически, и трудно установить, какую долю истины они отражают»[4]. Но тот факт, что Сьейес и К° искали оптимальный вариант выхода из кризиса, очевиден. Такой авторитетный и осведомленный современник, как бывший в те дни министром юстиции, а впоследствии – второй консул Франции Жан Жак Режи Камбасерес, прямо свидетельствовал: «Сьейес прислушивался к предложениям, исходившим от герцога Орлеанского; в то время другом и поверенным Сьейеса был Талейран, и *переговоры с агентами герцога* велись через его посредничество»[5]. Комментируя это свидетельство, Вандаль заключает: «Во всех интригах того времени видна рука Талейрана; она служит между ними связующим звеном, примеряет и мешает вместе все комбинации».

Может быть, именно Талейран подсказал Сьейесу, а возможно, они продумали сообща оригинальную идею: учредить во Франции *«королевскую власть революционного изделия»*, которая была бы «из всех реакций наименее реакционной»[6]. Так два бывших аббата, по существу, предвосхитили наполеоновскую идею coup d'État 18 брюмера. Впрочем, тогда они еще не рассчитывали на генерала Бонапарта, предпочитая пригласить на трон «революционного изделия» кого-либо из державных особ – как французских, так и чужеземных. Но при этом не исключался изначальный вариант Сьейеса: подбором для «головы» (Директории) сильной, надежной и послушной ему лично «сабли».

После гибели Жубера в качестве таковой Сьейес попытался использовать генерала Моро. К вечеру 13 октября он ждал только что прибывшего из Италии генерала у себя в Люксембургском дворце. «Захватив Моро, тотчас по приезде, пока он не успел еще осмотреть-

---

[1] Павел I в то время покровительствовал Людовику XVIII, который жил с 1797 г. в России на содержании у царского двора.

[2] Цит. по: Манфред А. З. Цит. соч. С. 213.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 214.

[5] Цит. по: Вандаль А. Цит. соч. С. 124–125. Курсив мой. – *Н. Т.*

[6] Там же. С. 123, 125. Курсив мой. – *Н. Т.*

ся, Сьейес рассчитывал победить его колебания и уговорить его стать во главе переворота», – так описывал их встречу А. Вандаль. Но в тот момент, когда Моро вошел в кабинет президента Директории, Сьейесу принесли сенсационное известие: Бонапарт возвратился из Египта во Францию! Моро тут же воскликнул: «Вот тот, кто вам нужен! Он вам устроит переворот гораздо лучше меня!»[1]

2. Канун переворота

Правительство и народ Франции отреагировали на возвращение Наполеона из Египта диаметрально по-разному, что и следовало ожидать. Еще когда Наполеон был в Египте, авторитетный юрист Французской революции, бывший заместитель прокурора Парижской Коммуны[2] 1792 г. Пьер Франсуа Реаль писал о нем в тюрьму своему знаменитому единомышленнику Филиппо Микеле Буонарроти: «Этого человека ненавидит правительство и обожает народ»[3].

Первая реакция Директории, а также близких к ней министров и депутатов на ошеломляющую новость «Бонапарт во Франции!» была патологически нервозной. По воспоминаниям П. Барраса, Сьейес на расширенном заседании Директории с участием депутатов Законодательного собрания поставил на обсуждение вопрос о том, что генерал Бонапарт вернулся без разрешения правительства и, главное, без армии. Директор Мулен тут же сделал из этого факта логичный вывод: следовательно, главнокомандующий Восточной армией должен быть осужден как дезертир. Депутат Совета пятисот, адвокат с очень длинными именем и фамилией Антуан-Жак-Клод-Жозеф Буле де ла Мерт пошел еще дальше: «В таком случае я готов лично разоблачить Бонапарта завтра на трибуне Совета и объявить его вне закона!» Сьейес с присущей ему осмотрительностью заметил: «Это повлечет за собой расстрел, что чревато нежелательными последствиями, даже если Бонапарт его заслужил». Буле де ла Мерт стоял на своем: «Это детали, в которые я не желаю вникать. Если мы объявим Бонапарта вне закона, будет ли он гильотинирован, расстрелян или повешен, – это лишь способ исполнения приговора. Мне наплевать на это!»[4]

---

[1] Вандаль А. Цит. соч. С. 231–232.

[2] Парижская Коммуна (*франц.* Commune de Paris) – муниципальное правление города Парижа, с 1789 года до 9 термидора (27 июля) 1794 года. – *Примеч. ред.*

[3] Цит. по: История Франции: В 3 т. Т. 2. С. 111.

[4] Mémoires de Barras, membre du Directoire. P., 1896. T. 4. P. 29. О том же см.: Кастело А. Указ. соч. С. 276; Манфред А. З. Цит. соч. С. 217. Наполеон не

Обсуждение идеи Буле де ла Мерта выдалось столь бурным, как, пожалуй, никогда за время существования Директории. В конце концов все задавались одним и тем же вопросом: а как реагирует на возвращение Бонапарта народ? Поступавшие со дня на день и от часа к часу в течение всего времени пути Наполеона от Фрежюса до Парижа сообщения свидетельствовали о столь повсеместной и единодушной реакции «низов», что директора, министры и депутаты решили вместо того, чтобы отправить генерала Бонапарта на эшафот, устроить ему торжественный прием в Люксембургском дворце.

Да, народ Парижа и всей Франции встречал Наполеона с невообразимым восторгом. Столица, по свидетельствам очевидцев, «как бы внезапно сошла с ума от радости»[1]. Генерал П.-Ш. Тьебо видел в те дни, как толпы народа собирались на улицах и в садах Пале-Рояля «вокруг какого-нибудь знающего человека, слушали его затаив дыхание, а затем кидались врассыпную распространять новость дальше»[2]. «Войска парижского гарнизона вышли на улицу, как только была получена весть о высадке Бонапарта, и с музыкой прошли по городу. И нельзя было вполне точно уяснить, кто именно дал приказ об этом. И был ли вообще дан такой приказ, или дело сделалось без приказа?»[3]

Во всех театрах Парижа о возвращении Наполеона торжественно возвещали со сцен, а в ответ раздавались аплодисменты, крики «браво!», громыхал бешеный топот ликующих зрителей. Этот «общий сердечный порыв, расцвет душ», по выражению А. Вандаля, охватил весь Париж. Юный Пьер Жан Беранже, будущий классик французской поэзии, вспоминал: «Когда разнеслась ошеломляющая весть о неожиданном возвращении Бонапарта, я был в нашем кабинете для чтения, где находились тогда более 30 читателей. Все как один поднялись, издавая долго не смолкавшие клики <...>. Один только он, этот великий человек, мог вырвать Францию из той пропасти, в которую Директория низвергла ее. Мне было 19 лет, и казалось, что все стали такими же молодыми, ибо все думали, как и я»[4].

Париж сочувственно воспринял в те дни весть о том, что́ и как случилось с депутатом Совета старейшин Бодэном Арденнским –

мог не знать об этих выступлениях Буле де ла Мерта. Тем не менее он, став Первым Консулом, а затем императором Франции, не возражал против избрания адвоката членом Государственного Совета и даже привлек его к редактированию Гражданского кодекса (Code Napoléon). См.: Dictionnaire Napoléon. Fayard, 1999. T. 1. P. 290.

[1] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 83.

[2] Цит. по: Вандаль А. Цит. соч. С. 233.

[3] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 83–84.

[4] Беранже П. Ж. Моя биография // Соч. М., 1957. С. 511.

близким другом Сьейеса. Когда Сьейес сообщил ему о возвращении Наполеона из Египта, Бодэн, «опьянев, почти одурев от радости, помчался к своим коллегам поделиться счастливой вестью. На другой день утром, поднявшись с постели, он вдруг свалился на пол и умер. Разнесся слух, что он умер от радости»[1]. Такой «порыв радости», поразивший насмерть Бодэна, испытали тогда, как заметил А. Вандаль, и многие другие депутаты. Именно на радостях по случаю возвращения Наполеона «в лучах его славы» Совет пятисот избрал своим президентом его брата Люсьена[2].

Тем временем в провинции на всем пути Наполеона от Фрежюса до Парижа несметные толпы крестьян и горожан выходили ему навстречу, приветствуя как «спасителя». Всюду были «торжественные встречи, восторженные речи, иллюминации, манифестации, делегации, – читаем об этом у Е. В. Тарле. – Не только сам Бонапарт, но и никто вообще не мог себе перед этим даже и вообразить ничего подобного»[3]. Генерал А. М. Марбо вспоминал, что при первом же слухе о приближении Бонапарта все города, деревни, отдельные усадьбы, почтовые станции расцвечивались флагами, а горожане и селяне украшали себя национальными кокардами и выстраивались на его пути трехцветными шпалерами[4]. Простой люд по всей стране распевал «Бонапартку» – песню, сложенную в честь Наполеона, а в Провансе ему кричали: «Мы сделаем вас королем!»[5]

«Возвращение Бонапарта было восходящим солнцем: все взоры устремились на него», – вспоминал о тех днях О. Ф. Мармон[6]. Действительно, А. Вандаль имел все основания заключить, что в те дни во Франции «была непоколебимой одна только репутация, из ряда вон выходящая, колоссальная, несравненная – репутация Бонапарта <...>. Франция на миг как бы слилась в одно целое; одно имя, одна надежда снова объединили нацию»[7]. «Все верят, что за ним по пятам следуют слава, мир и счастье», – писали о нем французские газеты[8].

Все это, конечно же, благоприятствовало намерению Наполеона взять в стране верховную власть. Но за 47 суток, пока он плыл из Египта, международное положение Франции коренным образом из-

---

[1] Вандаль А. Цит. соч. С. 232 (здесь же – авторское примечание: «По частным сведениям, сохранившимся в семейных преданиях»).

[2] Там же. С. 237–238; Кронин В. Наполеон. Биография. М., 2008. С. 205.

[3] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 83–84.

[4] См.: Мемуары генерала барона де Марбо. М., 2005. С. 38–39.

[5] Mémoires du duc de Raguse de 1792 a 1832. P., 1857. T. 2. P. 51.

[6] Ibid. P. 88.

[7] Вандаль А. Цит. соч. С. 219, 234.

[8] Цит. по: Людвиг Э. Наполеон. М., 1998. С. 130.

менилось – и к лучшему. 26 сентября 1799 г. А. Массена разгромил под Цюрихом русский корпус А. М. Римского-Корсакова, вынудив тем самым А. В. Суворова уйти из Швейцарии, куда российский генералиссимус пришел, чтобы соединиться с Римским-Корсаковым для совместного похода на Париж. После этого Россия вышла из войны с Францией. А неделей ранее в битве при Бергене в Голландии генерал Г. М. А. Брюн (как и Массена, будущий маршал Наполеона) разбил англо-русскую армию под командованием герцога Йоркского. Хотя угроза границам Франции со стороны Англии, Австрии и Неаполитанского королевства сохранялась, теперь она существенно ослабела. Наполеон уже не мог бросить в лицо Директории обвинение, которое побуждало его к захвату власти: «Что вы сделали с Францией без меня?»

А. З. Манфред пришел к такому выводу: «Республика была вне опасности» и «не нуждалась больше в спасителе»[1]. Трудно с этим согласиться. Более убедительным представляется точка зрения А. Вандаля: «Грозившая опасность рассеялась, но ведь война продолжалась. Враг был отодвинут, но не покорен». Поэтому, по его мнению, Франции нужен был «прежде всего меч, обращенный против внешнего врага, непогрешимый и несокрушимый, под охраной которого можно будет, наконец, отбросить страх и ожить – вот каков был смысл грандиозной народной овации, устроенной Бонапарту»[2]. Ведь Франция к тому времени, когда Наполеон возвратился из Египта, уже знала о победах и Массена, и Брюна. Тем не менее она, по выражению герцогини Л. д'Абрантес, «кинулась в объятия генерала Бонапарта»[3].

Как бы то ни было, в новой международной обстановке Наполеон больше, чем считал нужным ранее, стал заниматься обеспечением конституционной видимости переворота. Но прежде всех политических забот он решил упорядочить свои семейные дела, а именно вырвать из сердца это «маленькое чудовище» Жозефину и оформить развод с нею.

11 октября 1799 г. Жозефина обедала в Люксембургском дворце у члена Директории Луи-Жерома Гойе, который покровительствовал ей и был бы не прочь стать ее любовником, хотя имел жену, детей и разницу в возрасте с Жозефиной почти в 20 лет. «Как раз во время этого обеда и свалилась на них, – пишет о Жозефине и Гойе Фредерик Массон, – новость о том, что Бонапарт высадился

[1] Манфред А. З. Цит. соч. С. 235.
[2] Вандаль А. Цит. соч. С. 234–235.
[3] Д'Абрантес Л. Цит. соч. Т. 5. С. 345.

у Фрежюса и едет в Париж»[1]. Жозефина испугалась: в ее отношениях с Гойе не было пока ничего скандального, но от сына Евгения она уже знала, что Наполеон осведомлен об Ипполите Шарле, с которым она вновь изменила мужу, и теперь муж хочет развода, который в планы Жозефины не входил. Каким бы прельстительным ни был юный Ипполит, ради него терять прославленного на весь мир мужа, который, казалось, сгинул с глаз ее навсегда и вдруг неожиданно объявился вновь, она не хотела.

В тот же день Жозефина при содействии Гойе затребовала почтовых лошадей. Вот как описал ее настрой и намерения в те дни Ф. Массон: «Она хочет лететь навстречу выходцу с того света и вместо всяких объяснений пасть в его объятья, разбудить в нем угасшую любовь, подчинить его себе, как любовнице, въехать в его карете в Париж, рука об руку с ним явиться на улицу Шантерен и вместе с ним принять одураченных Бонапартов (т. е. братьев и сестер Наполеона. – *Н. Т.*), которые и на этот раз не посмеют все ему рассказать, а если и вздумают рассказывать, то Наполеон не станет их слушать»[2].

Хитроумный план Жозефины рухнул из-за сущего пустяка: Жозефина с дочерью Гортензией помчалась на почтовых к Лиону по Бурбонской дороге и разминулась с Наполеоном, который проследовал через Лион в Париж по дороге Бургундской. Оказалось, что она, наводя по пути в Лион справки у многочисленных курьеров, перепутала (может быть, чисто фонетически) *Бургундскую* дорогу с *Бурбонской*. В результате, когда Жозефина, совершенно павшая духом, вернулась в Париж на улицу Шантерен, или, как теперь ее чаще называли, улицу Победы, Наполеон был уже двое суток, с утра 16 октября, дома и все это время выслушивал рассказы братьев, сестер и мамы Летиции об измене его «маленького чудовища». Кстати, вернулся он домой поистине «гол, как сокол»: «весь его багаж, следовавший за ним на некотором расстоянии от самого Фрежюса, был захвачен бандитами»[3].

В тот момент, когда Жозефина появилась у дверей их особняка на улице Шантерен, она увидела, что дворецкий выставил, по приказу Наполеона, все ее вещи в привратницкую, а входная дверь в домашние апартаменты заперта[4]. Жозефина забарабанила в эту дверь кулачками. На пороге появился дворецкий.

---

[1] Массон Ф. Наполеон и женщины. М., 1912. С. 78.

[2] Там же. С. 79.

[3] Вандаль А. Цит. соч. С. 241.

[4] Следующая сцена подробно описана в соч. Ф. Массона, Г. Кирхейзен и А. Кастело.

– Мадам! – объявил он ей подчеркнуто сухо. – Генерал распорядился вас в дом более не пускать!

Жозефина оттолкнула дворецкого, ворвалась в вестибюль особняка, кинулась вверх по лестнице к спальным покоям, повернула на их двери золоченую ручку. Дверь была заперта на ключ изнутри. Вся в слезах, Жозефина долго умоляла Наполеона открыть ей дверь, впустить ее к нему, клялась ему в любви. Наполеон в ответ не проронил ни слова. Три дня он не выходил из спальни и не показывался ей на глаза.

Женская находчивость подсказала Жозефине единственно спасительный ход. Она знала, как привязан Наполеон к ее детям от первого брака – и к Евгению, и к Гортензии. Взяв из обоих, плачущих, за руки и сама, обливаясь слезами, Жозефина, полная раскаяния, упала на колени перед дверью запертой спальни с мольбой о прощении. Этого испытания «чудо-генерал» не выдержал. Он открыл дверь, предстал перед женой и ее детьми тоже в слезах и... заключил их в объятия.

Наполеон простил Жозефину, но не забыл ее измены. Теперь он уже не испытывал к ней прежней страсти и меньше думал о супружеской верности. Жозефина осталась его женой, но из возлюбленной превратилась в друга, с которым он даже делился иногда секретами своих любовных похождений. И судить о ней стал более трезво: «У тебя прекрасное сердце, но слабый разум; ты глубоко чувствуешь, но плохо рассуждаешь», – напишет он ей 1 февраля 1807 г.[1] Не правда ли, очень похоже на обращение А. С. Пушкина к его Натали: «Какая ты дура, мой ангел!»[2]

Восстановив порядок в семье, Наполеон занялся подготовкой государственного переворота, чтобы вся Франция стала ему покорной, как его Жозефина.

А. З. Манфред полагал, что «Бонапарт, когда он в октябре, спасаясь от неотвратимого краха в Египте, приехал в Париж, отнюдь не был обуреваем идеей государственного переворота, ему было не до того; он был озабочен мыслью, как избежать возмездия за самовольное бегство из армии, брошенной им на произвол судьбы». Только со временем, считал Манфред, «Бонапарт стал присматриваться или, вернее, прислушиваться», понял, что «его втягивают в борьбу», и, наконец, позволил себя втянуть в coup d'État [3].

Такая версия как нельзя более противоречит не только мнению А. Вандаля, Е. В. Тарле и других историков, основанному на капи-

---

[1] Letters of Napoleon to Josephine. New York, 1928. P. 138.
[2] Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1981. Т. 10. С. 128.
[3] Манфред А. З. Цит. соч. С. 238–239.

тальной источниковой базе, но и всему складу характера Наполеона, которого всегда отличали невероятная целеустремленность и готовность к любому риску ради достижения цели. Ну никак не вяжется с нашим представлением о *таком* Наполеоне манфредовский образ трусливого дезертира, озабоченного лишь мыслью, как ему «избежать возмездия» за свою трусость!

Конечно, при всей своей целеустремленности Наполеон никогда, в октябрьские дни 1799 г. тоже, не терял головы. Как подметил Е. В. Тарле, «преждевременно показывать львиные когти ему было незачем»[1]. Но цель его была определена (захват власти в стране), и он шел тогда к этой цели без страха и сомненья, хотя и без лишней суеты, обдуманно и уверенно.

Столь же малоубедительна другая версия А. З. Манфреда: Наполеон перед 18 брюмера будто бы лишь «поддакивал и принимал» все, что предлагали ему другие устроители coup d'État, и «получил все (от других! – *Н. Т.*) в совершенно готовом виде»[2]. Скорее наоборот: именно Бонапарт устроил все так, как задумал. Для этого ему пришлось мобилизовать максимально возможные силы и средства, используя, разумеется, те идеи Сьейеса, а может быть, и чьи-то еще, которые его устраивали.

Начал он с того, что разобрался в соотношении политических сил в стране. Главное, Наполеон учитывал, что его кредит в общественном мнении Республики выше, чем у кого бы то ни было. Если члены Директории, депутаты обоих Советов, министры и генералы противоборствовали друг с другом с разных позиций, от роялистских до якобинских, Наполеон действовал как бы сам по себе. «Выбора между партиями он не делал, – так утверждает А. Вандаль. – Сила его была именно в том, что он не имел партии; он хотел быть избранником всей Франции, а не одной какой-нибудь фракции»[3].

Прежде всего Наполеон прощупал позиции и, что называется, поставил на место каждого из директоров. Барраса как наиболее дискредитированного и повсеместно ненавидимого он артистически, сочетая военную жесткость с дипломатической обходительностью, убедил подать в отставку. Некогда всесильный директор согласился удалиться в свое поместье, куда и был отправлен не то под охраной, не то под конвоем сотни драгун, которых специально отбирал для такого деликатного поручения сам Наполеон. Двое самых никчемных директоров – Гойе и Мулен – были на время переворота попросту

[1] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 87.
[2] Манфред А. З. Цит. соч. С. 239, 242.
[3] Вандаль А. Цит. соч. С. 245.

изолированы. Еще два директора – Сьейес и Роже Дюко – приняли участие в перевороте.

Собственно, Роже Дюко оказался в одной компании с Наполеоном только потому, что был приятелем Сьейеса. А вот Сьейес все еще верил в свою судьбу главного творца грядущего coup d'État и надеялся – как *«голова»* – использовать Наполеона в качестве своей надежной *«сабли»*. Он прямо говорил Роже Дюко: «Я готов идти плечом к плечу с генералом Бонапартом, потому что из всех солдат он больше всех похож на гражданина»[1]. Наполеон, в свою очередь, готов был сотрудничать с таким многоопытным «гражданином», как Сьейес, считал это сотрудничество полезным для себя и потому вплоть до 18 брюмера не лишал его сладких иллюзий относительно будущего.

Гораздо сложнее, чем с директорами, было для Наполеона разобраться с генералами, министрами и особенно – с депутатами Советов. Из генералов его больше всех интересовал – как возможный союзник или противник – Жан Виктор Моро, самый авторитетный, пожалуй, после смерти Лазара Гоша военачальник в стране после Наполеона, хотя и лишенный должной силы характера, политического чутья и личного обаяния; «у него была репутация, но не было популярности»[2].

До возвращения из Египта Наполеон не был лично знаком с Моро и никогда не видел его. Теперь же он встретился с ним на обеде у директора Гойе сразу после своего примирения с Жозефиной, был изысканно (как он умел, к удивлению многих) любезен и сразу расположил Моро к себе. «Он очень ловко, – читаем об этом у А. Вандаля, – преподнес косвенный комплимент Моро, похвалив его офицеров: "Генерал, несколько ваших лейтенантов были со мною в Египте, – прекрасные офицеры!"»[3]. На следующий день, по воспоминаниям герцогини Л. д'Абрантес (возможно, со слов ее мужа, адъютанта Наполеона Андоша Жюно), Наполеон «поехал к Моро и подарил ему превосходную саблю из дамасской стали, украшенную бриллиантами и принадлежавшую некогда Мурад-бею»[4]. После этого Моро заявил, что явится по первому сигналу на переворот, как на службу. А. Вандаль так прокомментировал это заявление: «Это не значит, что он не завидовал Бонапарту, но завидовал ему по-своему, не посягая на его гражданское первенство. Втайне он надеялся, что Бонапарт, бросившись в политику, где он легко мог, как столько других, запу-

---

[1] Кронин В. Указ. соч. С. 204.
[2] Вандаль А. Цит. соч. С. 276.
[3] Там же. С. 276–277.
[4] Д'Абрантес Л. Цит. соч. Т. 2. С. 359.

таться и погибнуть, избавит его от опасного соперника в командовании армиями»[1].

В отличие от Моро, другой авторитетный генерал – Жан Батист Жюль Бернадот – был менее прославлен на войне, но более заметен в политике (с июля по сентябрь 1799 г. он занимал даже пост военного министра Республики). Бывший солдат революции, ярый республиканец и якобинец (в юности сделал себе татуировку на груди «Смерть королям!», не зная, что со временем станет... королем Швеции), он, казалось, должен был бы поддержать Наполеона как своего родственника: вспомним, что Бернадот и Жозеф Бонапарт были женаты на родных сестрах. Но, как справедливо подметил А. Вандаль, «в сущности, на этого quasi-родственника можно было положиться меньше, чем на кого бы то ни было. Он не мог простить себе, что, имея возможность захватить в свои руки власть в бытность свою министром, по недостатку характера пропустил случай; согласится ли он облегчить другому такой захват?»[2]

Желая склонить Бернадота на свою сторону, Наполеон не только по-родственному уговаривал его, но и установил над ним чуть ли не домашний надзор со стороны его жены (и бывшей своей возлюбленной) Дезире Клари, но Бернадот не шел на откровенность, ускользая от каких-либо обещаний и братьям Бонапарта, и собственной жене. В результате все время до переворота и в дни его он «оставался в стороне, тревожно следя за всем происходившим, слишком нерешительный, чтобы пойти наперекор, и слишком честолюбивый, чтобы подчиниться»[3].

Подобно Бернадоту, перед 18 брюмера отошли в сторону, выжидая, чья возьмет, генералы Ж. Б. Журдан и П. Ф. Ожеро, которых, кстати, как и Бернадота, Наполеон сделает маршалами империи. Зато сами вызвались помочь Наполеону его боевой соратник по Итальянской кампании 1796–1797 гг., генерал и будущий маршал империи Ф. Серрюрье, талантливый генерал-республиканец и тоже будущий маршал Наполеона Ж. Э. Макдональд, недавно уступивший А. В. Суворову в трехдневной битве на р. Треббия, а также бывший (в 1793 г.) военный министр якобинцев и будущий маршал Бурбонов П. Бернонвиль.

В подготовке переворота Наполеон вполне мог положиться на преданных ему генералов: И. Мюрата и В. Леклерка (женатых на его сестрах – Каролине и Полине), Ж. Ланна, А. Бертье, Ф. Ж. Лефевра, О. Ф. Мармона. Они помогали Наполеону зондировать настроения

[1] Вандаль А. Цит. соч. С. 277.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 278.

и намерения колеблющихся, а главное, оперативно исполняли любые, даже самые конфиденциальные его поручения.

Впрочем, и с генералами (вообще с военными чинами) Наполеон добивался взаимопонимания легче, нежели с политиками, поскольку его репутация именно в военных кругах была запредельно высокой. Бóльшая часть парижского гарнизона готова была идти за ним в огонь и в воду. Он был кумиром не только для войск, которым довелось сражаться под его командованием, но и для многих из остальных, хотя бы только наслышанных о победах этого «чудо-генерала».

Что касается политиков, то они не столь высоко ценили полководческую славу Наполеона и по сравнению с военными оказались более осторожными и менее уступчивыми. В общении с теми из них, кого Наполеон считал нужным склонить к участию в перевороте или, напротив, изолировать, он проявил себя столь же изощренным дипломатом, сколь и психологом. В таких, экстремальных ситуациях многое решал его поразительный дар чуть ли не гипнотического воздействия на людей и умение привлечь их на свою сторону. Вот что писал об этом А. Вандаль: «Говоря с политиками, он играл, как мячиком, их низким соперничеством между собою, их вероломством и мелочностью, эксплуатируя все, что только можно было эксплуатировать; плут высшего полета, он умел превзойти их в лукавстве. У каждого своего собеседника он умел докопаться до преобладающей страсти, благородной или низменной, хорошей или дурной, до чувствительной струнки и, играя на ней, завладевал всем человеком»[1].

Результат не замедлил сказаться. Главным приобретением Наполеона в мире политиков стал Шарль Морис Талейран. Тот как никто знал, по выражению Е. В. Тарле, «все ходы и выходы, все пружины правительственного механизма Директории, все ее слабые стороны и уязвимые места обороны»[2]. Поэтому Наполеон принял его к себе в услужение, хотя и не мог забыть, как он однажды предал его (но не мог и знать, что Талейран предаст его еще трижды!). Талейран со своей стороны оставил пост министра иностранных дел, «сделав все возможное, чтобы его заменил (на всякий случай. – *Н. Т.*) старый друг» Ш. Ф. Рейнгардт[3], а для себя рассчитывая на большее в случае удачного coup d'État. По поручению Наполеона Талейран взял на себя все переговоры с гражданскими авторитетами, включая финансовых воротил, искал и находил у них деньги: один Жан-Пьер Колло, банкир и личный друг Талейрана, принес Наполеону 500 тыс., по данным Е. В. Тарле, или даже 2 млн франков, по сведениям

[1] Там же. С. 246.
[2] Тарле Е. В. Талейран // Собр. соч.: В 12 т. М., 1961. Т. 11. С. 59–60.
[3] Борисов Ю. В. Шарль Морис Талейран. М., 1986. С. 128.

Ю. В. Борисова[1]. Не без посредничества Талейрана буквально «кинулись к Бонапарту»[2] в поисках спасения от надвигавшегося по вине Директории финансового краха и другие банкиры и подрядчики, в числе коих был и крупнейший из них – Габриэль Жюльен Уврар, который вскоре прослывет «финансовым Наполеоном». Кинулись они к Наполеону, естественно, с финансовой поддержкой.

Наконец, именно Талейран выполнил деликатную миссию – передать от Наполеона Баррасу за его согласие уйти в отставку чек на сумму, о которой Е. В. Тарле в 1939 г. писал, что размеры ее «до сих пор не установлены в точности» (Ю. В. Борисов называет суммы от одного до трех миллионов франков)[3]. Впрочем, современники событий и некоторые историки полагают, что этот чек Талейран «по забывчивости» оставил у себя, когда понял, что Баррас и без чека согласен на отставку[4].

В те же октябрьские дни 1799 г. Наполеон приобрел другого, едва ли менее ценного союзника, чем Талейран, – недавно (20 июля) назначенного министра полиции Жозефа Фуше. Политик, столь же прожженный, как и Талейран, но еще более одиозный, «стервятник», «революционный хамелеон» и «человек обстоятельств», по мнению осведомленных современников[5], он вслед за Талейраном сам предложил Наполеону свои услуги, но в подготовке государственного переворота занял особую позицию. Этот якобинец и террорист 1793 г. боялся реставрации Бурбонов, не верил в прочность режима Директории и не был вполне уверен в успехе Бонапарта. Поэтому он, прислуживая Наполеону, осторожничал: крепко держал в руках свою полицию, но не пускал ее в ход, «надеясь между низвергнутой Директорией и неудавшимся переворотом один уцелеть и остаться хозяином положения»[6]. Очень выразительно сказал об этом Стефан Цвейг: «Только молчанием предает Фуше Директорию, только молчанием связан он с Бонапартом, и он выжидает, выжидает, выжидает»[7]. Наполеон со своей стороны черпал у Фуше нужную для себя информацию, но сам предусмотрительно не делился с ним подробностями ни окончательного плана переворота, ни сроков его осуществления[8].

---

[1] См.: Борисов Ю. В. Шарль Морис Талейран. С. 133; Тарле Е. В. Наполеон. С. 87.

[2] Вандаль А. Цит. соч. С. 279.

[3] Тарле Е. В. Талейран. С. 60; Борисов Ю. В. Цит. соч. С. 133.

[4] См.: Борисов Ю. В. Цит. соч. С. 133.

[5] Цит. по: Егоров А. А. Фуше. Ростов н/Дону, 1998. С. 5.

[6] Вандаль А. Цит. соч. С. 286.

[7] Цвейг С. Жозеф Фуше // Собр. соч.: В 7 т. М., 1963. Т. 7. С. 493.

[8] См. об этом: Вандаль А. Цит. соч. С. 286.

Среди союзников и помощников Наполеона перед 18 брюмера были и очень разные знаменитости. Готов был поддержать его маркиз Мари Жозеф Поль Лафайет, все еще находившийся в изгнании, откуда он поздравил Наполеона с возвращением из Египта «от имени свободы и Отечества» (кстати жена Лафайета Адриена, жившая в Париже, «была у Бонапарта, и он принял ее любезно»)[1]. Непосредственно же участвовал в подготовке и свершении переворота 18 брюмера и получил за это от Наполеона в 1800 г. звание бригадного генерала видный военный деятель, историк и писатель Пьер-Амбруаз-Франсуа Шодерло де Лакло (1741–1803 гг.) – автор всемирно известного романа «Опасные связи», впервые изданного еще в 1782 г.[2]

Но самыми близкими и верными помощниками Наполеона были два его брата – Жозеф и Люсьен. Первый из них, кстати, помог Наполеону нейтрализовать Бернадота с его опасными для заговорщиков амбициями, а Люсьен как президент Совета пятисот контролировал ситуацию в Законодательном собрании – ведь там среди депутатов были и сторонники, и противники Наполеона, которые если не знали, то «чуяли заговор» (по выражению Е. В. Тарле). Действительно же знали все подробности общего замысла и конкретных планов грядущего переворота, пожалуй, только Жозеф и Люсьен.

Поначалу Наполеон предполагал осуществить переворот без насилия, фактически конституционным путем: войти в состав Директории, чтобы ее руками изменить Конституцию, а затем распустить ее. «Легче было бы нанести удар, утвердившись в центре правительства, чем оперировать извне», – так комментировал изначальный замысел Наполеона А. Вандаль[3]. Наполеон стал зондировать почву для своего замысла у Луи Жерома Гойе, который к тому времени сменил Сьейеса в статусе президента Директории. Гойе разъяснил 30-летнему претенденту, что по Конституции членами Директории могут стать только лица не моложе сорока лет. «Итак, – съязвил Наполеон, – вы держитесь правила, которое лишает Республику талантливых людей?» – «На мой взгляд, генерал, – возразил Гойе, – не может быть никаких оправданий для изменения Конституции». – «Вы цепляетесь за букву закона, которая бьет напо-

[1] Там же. С. 271; Черкасов П. П. Лафайет. Политическая биография. М., 1991. С. 267.

[2] См.: Dictionnaire Napoléon. T. 2. P. 125–126.

[3] Вандаль А. Цит. соч. С. 251.

вал!» – заключил Наполеон, понимая, что путь к власти через избрание в Директорию для него закрыт[1].

После этой «консультации» с Гойе (в один из первых же дней по возвращении из Египта в Париж) Наполеон сделал ставку на силу, хотя и будет стараться все время до захвата власти свести насилие к минимуму. Теперь его главным союзником и советником в подготовке переворота стал Сьейес. Вместе с ним (разумеется, не без учета «подсказок» со стороны других заговорщиков) и был выработан конкретный план coup d'État. Вот его главные пункты[2].

Почин переворота, как это ни парадоксально, *в согласии с действующей Конституцией* должен был взять на себя Совет старейшин, верхняя палата Законодательного собрания, где, в отличие от нижней палаты – Совета пятисот, бонапартисты располагали большинством депутатских мест. Именно Совету старейшин, как это было предусмотрено Конституцией, предстояло сделать первый шаг – объявить о существовании некоего антиправительственного заговора и перенести заседания обоих Советов в Сен-Клу, пригород Парижа. О сущности и масштабах заговора Наполеон и его конфиденты решили депутатам не говорить, но припугнуть их его опасностью, чтобы *под этим предлогом* опять-таки в соответствии с Конституцией переместить оба Совета в более безопасное место, за пределы столицы, где они могли бы спокойно работать и где, конечно же, их можно было бы спокойнее разогнать. Эта деталь плана, как заметил А. Вандаль, «была хороша тем, что лишала якобинцев Совета пятисот поддержки их союзников – черни», т. е. якобински настроенных парижских «низов».

Далее предполагалось, что в тот же день Совет старейшин назначит генерала Бонапарта главнокомандующим внутренними войсками якобы для обеспечения такой меры, как переезд депутатского корпуса в Сен-Клу, и для того, чтобы пресечь заговор. На совместном же заседании оба Совета должны были вотировать большинством голосов изменение режима в стране. Что касается концепции нового режима, то Наполеон и Сьейес согласовали ее лишь в общих чертах и не без разногласий. Согласились они, как говорится, целиком и полностью в том, что будущий режим должен стать *переход-*

---

[1] Кронин В. Цит. соч. С. 203. Ш. М. Талейран почему-то считал, что даже если бы не было возрастного ограничения, «звание члена Директории его (Наполеона. – *Н. Т.*) ни к чему бы не привело» (Талейран Ш. М. Мемуары. Старый режим. Великая революция. Империя. Реставрация. М., 1959. С. 158).

[2] Подробно см. в цит. соч. А. Вандаля (С. 266–269), Е. В. Тарле (С. 89–90), А. З. Манфреда (С. 242–244), В. Кронина (С. 204–205) и др.

ным, с *временным* правительством. «Решено было, – резюмирует А. Вандаль, – поставить во главе правления двух-трех КОНСУЛОВ и дать им в помощь миниатюрный парламент, одну-две законодательные комиссии, которые по соглашению с ними выработают новую конституцию и передадут ее на утверждение плебисцита»[1].

Имена двух консулов напрашивались сами собой – Бонапарт и Сьейес, а между ними, как подытоживал описание прений между заговорщиками в штаб-квартире Наполеона тот же Вандаль, «можно будет посадить в качестве затычки Роже Дюко, чтобы ослабить толчки и подбить ватой острые углы»[2].

Итак, к моменту государственного переворота 18 брюмера все нити заговора против Директории были сплетены, а сами директора практически нейтрализованы. Преданные Наполеону генералы ручались за готовность своих войск к любому повороту событий, но – в пользу заговора. За считаные дни до назначенного часа заговорщики в окружении Наполеона уже потирали руки: «Груша созрела!» Круг лиц, целиком посвященных в тайну coup d'État, оставался очень узким буквально до последнего дня. Большинство так или иначе посвященных в заговор довольствовалось тем, что Бонапарт и Сьейес «объясняли каждому предназначенную ему лично роль в ансамбле и какой услуги от него ожидали. Робким говорили, что учреждений коснутся лишь слегка и сулили, что в будущем они сохранят свои места или найдут себе новые»[3].

Когда заканчивался день 17 брюмера (по «нормальному» календарю 8 ноября), едва ли кто из участников уже подготовленного coup d'État подсчитывал, что со дня возвращения Наполеона из Египта в Париж Директория кое-как просуществовала 23 дня и влачить дальше свое порочное существование ей осталось всего один день. После того как все было рассчитано с первого и до последнего хода, силы мобилизованы, роли распределены, Наполеон исполнил переворот как по нотам, если не считать одной заминки, случившейся, впрочем, как мы увидим, на второй день переворота.

3. 18 брюмера

Государственный переворот, в результате которого Наполеон на полтора десятилетия вперед обрел неограниченную власть над Францией, а вместе с ней вскоре и над значительной частью Европы, вошел в мировую историю – просто для краткости – под названием

[1] Вандаль А. Цит. соч. С. 268.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 284–285.

«18 брюмера», но в действительности 18 брюмера (9 ноября) он был только начат. Решающие события произошли на следующий день – 19 брюмера, т. е. 10 ноября 1799 г.[1]

Утро 18 брюмера в Париже выдалось пасмурным и холодным. Едва рассвело, в двухэтажном особняке супругов Бонапарт начали собираться их ближайшие родственники, друзья и союзники. Напомню читателю, что этот особняк располагался на улице Шантерен, переименованной после итальянской компании Наполеона в улицу Победы. Жозефина купила его сразу же после свадьбы с Наполеоном (разумеется, на деньги мужа) у великого Франсуа Жозефа Тальма – первого актера Франции[2], и теперь здесь находилась штаб-квартира вдохновителей и организаторов coup d'État. Уже к 6 часам утра сюда прибыли братья Наполеона – Жозеф и Луи, генералы Моро, Ланн, Бертье, Мюрат, Леклерк, Макдональд, Мармон, Бернонвиль, а также полковник (будущий маршал Франции), корсиканец Орас Себастиани. Комендант Парижа генерал Лефевр, прибывший одним из первых, засомневался, надо ли устранять Директорию, но получив от Наполеона в дар великолепную саблю, которая была с Наполеоном в битве при Пирамидах, воспрянул духом и объявил: «Я готов швырнуть всю эту адвокатскую сволочь в реку!»[3]

Все обитатели и гости особняка ждали сигнала к действию из Тюильри, где с 8 часов утра должен был заседать Совет старейшин. Он открыл свое заседание даже несколько раньше, примерно в 7.30. Председательствовал бонапартистски настроенный Луи Николя Лемерсье – будущий граф империи. Первым, как на то и рассчитывали заговорщики, взял слово *их человек* – депутат Матье Огюстен Корне, впоследствии тоже граф Наполеона, а затем еще и пэр Людовика XVIII. Он припугнул, если не сказать испугал, старейшин заявлением о наличии какого-то, похожего на якобинский и очень опасного заговора против Республики. «Последствия заговора могут быть ужасны! – восклицал Корне. – Республика погибнет, и скелет ее достанется коршунам, которые будут вырывать друг у друга обглоданные члены!..»[4] Столь зловещий, сколь и абстрактный прогноз Корне проиллюстрировал ссылкой на конкретный факт, явно выду-

---

[1] Наиболее подробно все происшедшее 18 и 19 брюмера прослежено в цит. соч. А. Вандаля (С. 295–385), а также А. Кастело (С. 306–320), А. З. Манфреда (С. 246–265) и в кн. Д. С. Мережковского «Наполеон» (М., 1993. С. 157–171).

[2] См.: Тальма Ф. Ж. Мемуары. М.; Л., 1931. С. 288–289, 365–366.

[3] Цит. по: Кронин В. Цит. соч. С. 206.

[4] Цит. по: Вандаль А. Цит. соч. С. 297.

манный, но уже растиражированный газетами: «Заговорщики из провинции толпами идут в Париж, чтобы присоединиться к тем, у кого давно уже припасены меч и кинжал на главную власть в стране»[1].

Пока старейшины приходили в себя от шока после заявления Корне, выступил по сценарию бонапартистов их второй конфидент – Клод Амбруаз Ренье, будущий министр и герцог империи. Он предложил старейшинам ввиду грозящей опасности мятежа принять два декрета: первый – о переводе Законодательного корпуса из Парижа в Сен-Клу и второй – о назначении генерала Бонапарта главнокомандующим войсками, расквартированными в Париже и окрестностях, чтобы обезопасить таким образом и перевод обоих Советов в более спокойное место, и дальнейшую их жизнедеятельность. Старейшины, еще не оправившиеся от шока, тут же приняли оба декрета *единогласно*.

В 8 часов утра тот же Корне и еще один депутат по фамилии Баральон прибыли в особняк Бонапартов и торжественно вручили Наполеону тексты только что принятых декретов. Теперь Наполеон мог сам приступить к своему coup d'État.

Без промедления, не теряя ни минуты, Наполеон, уже облеченный властью главнокомандующего, разослал по разным адресам массу заранее приготовленных распоряжений: все войска стянуть к важнейшим политическим и стратегическим объектам столицы; Ланну – охранять Тюильри, Мюрату – Бурбонский дворец, где заседал Совет пятисот, Мармону – Версаль. Лефевра Наполеон оставил при себе как «старшего своего заместителя»[2]. Сам он нарядился в генеральский мундир, сел на коня и повел за собой свой, пока еще малолюдный кортеж к Тюильри, присоединяя к себе по пути стрелковые батальоны Леклерка, гренадеров Лефевра, кавалерийские эскадроны Себастиани. То было эффектное зрелище: впереди «чудо-генерал» Бонапарт, которого узнавали все, даже если они никогда не видели его, но были наслышаны, а за ним – поминутно растущие колонны войск с бряцаньем оружия, сверканием стали и золота, красиво развевавшимися султанами.

Очевидцы свидетельствовали, что в те утренние часы все кварталы, прилегавшие к Тюильрийскому дворцу и саду, уже кишели народом: «...на порогах домов, на улицах люди изумленно переглядывались, спрашивая друг у друга, что́ это значит; затем любопытство погнало всех на место действия», к Тюильри, вокруг которого собрались

[1] Там же.
[2] Там же. С. 301, 324.

бесчисленные толпы горожан, повсюду царило веселое оживление. «Физиономия Парижа, – писал об этом А. Вандаль, – была скорее праздничная, чем такая, как в дни революции. Каждый, однако, понимал, что дело идет о низвержении существующей власти. Говорили: "Директория рухнула" и радовались при этой мысли»[1].

Около 10 часов утра Наполеон во главе войсковых колонн прибыл к Тюильрийскому саду. Он расставил войска вдоль садовой решетки, сошел с коня и со свитой из нескольких генералов и офицеров (с Лефевром, Бертье, Леклерком, Себастиани) прошел через сад ко дворцу. Во дворце его ждали и с почетом провели в зал заседаний. Там старейшины в красных тогах античного образца, с подчеркнутой сенаторской важностью уже приготовились его слушать.

Наполеон, хотя и был в окружении своих боевых соратников, чувствовал себя перед парламентским собранием (как это заметили очевидцы) неуверенно: с какой радостью он предпочел бы увидеть перед собой боевые колонны солдат вместо этих скамей, заполненных надутыми и раскрашенными манекенами! Но ему удалось взять себя в руки и с видимым усилием произнести краткую, наполеоновски выразительную речь: «Республика гибнет! Вы сами признали это, сами издали декрет, который должен спасти ее... С помощью всех друзей свободы – и тех, кто основал Республику, и тех, кто ее защищал, – я отстою ее! Мы хотим республику, основанную на свободе и равенстве, на священных принципах народного представительства, и мы ее будем иметь. Клянусь!»[2]

Все генералы и офицеры свиты в один голос подхватили клятву своего вождя: «Клянемся!», а с трибун Совета старейшин в ответ грянул гром рукоплесканий.

Наполеон вышел из зала заседаний в сад к войскам, принимая на ходу поздравления от своих приверженцев; они ликовали, ибо до сих пор все шло как нельзя лучше. На выходе из сада, уже перед войсками, генерал увидел Франсуа Бото, который служил секретарем у Барраса и был его доверенным лицом, а теперь зачем-то пытался протиснуться сквозь толпу собравшихся вокруг Тюильри зевак к Наполеону. Тут же последовала сцена, описанная в разнообразных источниках. Наполеон, по-видимому, как заметил Д. С. Мережковский, «избрал Бото козлом отпущения за грехи Директории»[3]. Обращаясь к секретарю Барраса, но гневно и так громко, что его слышали шеренги войск и толпы народа, он произнес свою знаменитую речь:

---

[1] Вандаль А. Цит. соч. С. 303.
[2] Там же. С. 307; Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 161.
[3] Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 161.

«Что вы сделали с Францией, которую я оставил вам в таком блестящем состоянии? Я вам оставил мир – я нахожу войну! Я вам оставил победы – нахожу поражения. Я вам оставил миллионы из Италии, а нахожу грабительские законы и нищету! Что вы сделали с сотней тысяч французов, сподвижников моей славы? Они мертвы!..»[1]

А. З. Манфред верно подчеркивал, что с этой речью Наполеон обращался не к жалкому Бото и не к Баррасу, уже выдворенному с политической арены, даже не к своим войскам и не к толпам народа, которые приветствовали его несмолкаемым кличем «Виват Бонапарт! Виват республика!»; он уже «ощущал себя на подиуме всемирного форума, на сцене мирового театра, он обращался к миллионной, необозримой – настоящей и будущей – аудитории, он говорил в века»[2].

Закончив речь, Наполеон вновь сел на коня и провел смотр войск, собравшихся вокруг Тюильри. Объезжая ряды солдат, он воодушевлял их напоминанием о прошлых победах и верой в победы грядущие, буквально исторгал у них клятвы в верности и обещал возвратить республике ее блеск и величие. Войска отвечали ему громовым приветствием: «Да здравствует республика! Да здравствует Бонапарт!»

После такого триумфа легко было понять бонапартистов, которые еще до конца дня 18 брюмера готовы были праздновать полную и окончательную победу своего кумира, видя, как готовы идти за ним в огонь и в воду его войска и как он устранил Директорию, а Совет старейшин подмял под себя. Но самые проницательные из них, в первую очередь Сьейес, а главное сам Наполеон, не позволяли себе расслабиться, понимая, что пока еще *ничего* не решено и *все* решится завтра.

Дело в том, что на противоположном берегу Сены в Бурбонском дворце заседал другой Совет – пятисот, нижняя палата Законодательного собрания. Совет пятисот имел право законодательной инициативы, т. ч. мог принимать любые законы, которые Совет старейшин затем обсуждал, утверждал или отклонял. Но расстановка политических сил в Совете пятисот была совершенно иной, нежели у старейшин: больше 200 якобинцев, решительно настроенных против «генеральского своеволия», множество колеблющихся и лишь малая часть депутатов, готовых поддержать coup d'État.

---

[1] Mémoires du duc de Raguse... T. 2. P. 95–96. Ср: Вандаль А. Цит. соч. С. 308–309; Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 162; Тарле Е. В. Наполеон. С. 90; Манфред А. З. Цит. соч. С. 249.

[2] Манфред А. З. Цит. соч. С. 249.

Утреннее заседание Совета пятисот 18 брюмера открылось значительно позднее, чем в Совете старейшин, – между 11 и 12 часами. Председательское кресло занял президент Совета Люсьен Бонапарт. Не обращая внимания на попытки якобинцев выяснить сейчас же, что́ означают парламентские слухи о каком-то заговоре, он дал слово секретарю. Тот прочел декрет Совета старейшин о переводе обеих палат Законодательного собрания в Сен-Клу. Люсьен сразу же прервал заседание, отложив его, согласно декрету, на завтра, когда обе палаты соберутся в Сен-Клу.

Депутаты-якобинцы не стали возражать против декрета верхней палаты, но занялись обсуждением и согласованием возможных действий на следующий день. Тут подсуетился Бернадот. В отличие от других генералов-якобинцев, Журдана и Ожеро, он не мог примириться с тем, что Бонапарт сыграет ту самую роль, которая так манила его самого. Поэтому Бернадот предложил якобинцам такую идею: пусть Совет пятисот в соответствии с декретом Совета старейшин назначит Бернадота командующим войсками на равных правах с Бонапартом, что приведет к созданию дуумвирата: рядом с генералом старейшин – генерал пятисот. «Итак, – комментировал эту идею дуумвирата А. Вандаль, – Бернадот питал необычайную надежду – подняться с помощью парламентского декрета на одну высоту с Бонапартом, стать с ним рядом, на равной ноге, с задней мыслью устранить его, если обстоятельства сложатся благоприятно, остаться одному хозяином положения и распоряжаться им»[1].

По совокупности данных из разных источников Альбер Вандаль заключил, что якобинцы в Совете пятисот «*приняли к сведению*» предложение Бернадота, хотя и «не видно, чтобы большинство депутатов усвоило себе его идею». Как бы то ни было, «они решили бороться» за свое status-quo, а поскольку «они были добрые бойцы, смелые и упорные, весьма способные силой овладеть парламентским собранием», то представляли собой «крупную опасность» для бонапартистов[2].

Верные Наполеону члены («брюмерианцы», как стали называть их в те дни) Совета пятисот, безусловно, информировали его – так или иначе – об этой «крупной опасности». Владея такой информацией, он понимал, что подчинить себе нижнюю палату законодателей будет гораздо труднее, а конституционно договориться с ней практически невозможно. Сьейес разделял его опасения и от страха перед возможной неудачей заговора, что грозило и его голове, и его «сабле» гильотиной, предложил единственное, как он полагал, радикальное

[1] Вандаль А. Цит. соч. С. 332.
[2] Там же. С. 332–333.

средство успешно осуществить coup d'État: немедленно арестовать якобинских вожаков и тем самым обезглавить оппозицию. Наполеон отказался наотрез.

«Было бы ребячеством объяснять этот отказ щепетильностью по отношению к Конституции или чрезмерным уважением к личной свободе, – так разъяснял позицию Наполеона А. Вандаль, и с ним нельзя не согласиться. – Истинная причина разногласия крылась в том, что Сьейес держался революционных традиций. Бонапарт же все хотел сделать по-новому <...>. Сьейес не допускал, что революцию можно довести до конца, не прибегая к революционным приемам. Бонапарт был достаточно уверен в себе, в своем могуществе, в своей неотразимости, чтобы позволить себе обойтись без крайних мер, чтобы присоединить к своей силе красивую декорацию – роскошь великодушия. Все слишком крутые меры, казалось ему, исказили бы картину им организованного переворота и шли вразрез с его собственным взглядом на свое возвышение; главной его задачей было добиться власти не только без кровопролития, но и без борьбы, без насилия, чтобы прежние авторитеты и партии всюду сами сошли со сцены»[1].

Уверенность в себе, в своей неотразимости всегда сочеталась у Наполеона с готовностью к любому риску, но и не исключала (на всякий случай!) осмотрительности. Так и теперь: он не мог бы даже подумать о том, что затеял Сьейес (частным образом, негласно нанял для себя экипаж и приказал кучеру держать лошадей наготове так, чтобы в любой момент, если дело обернется плохо, бежать из Парижа[2]). Но и Наполеон, при всей своей уверенности в успехе, соблюдал необходимый минимум осторожности. В ночь на 19 брюмера он, ложась спать, сказал Л. А. Бурьену: «Ну, сегодня было не так уж плохо. Посмотрим, что будет завтра», и положил возле себя заряженный пистолет[3].

Тем временем всю ночь с 18 на 19 преданные Наполеону войска держались настороже. Ланн, охранявший политический центр Парижа – дворец Тюильри, приказал своим солдатам спать вооруженными, не снимая сапог. Париж в те часы казался то ли уныло спокойным, то ли настороженным: улицы города с вечера были пусты, проливной дождь в промозглой тьме угнетал парижан, вызывая у них ощущение сырости, холода, неопределенности.

---

[1] Там же. 329–330.

[2] См.: Там же. С. 339; Беллок Х. Наполеон. Эпизоды жизни. М., 2005. С. 148.

[3] Бурьен Л. А. Записки о Наполеоне, Директории, Консульстве, Империи и восстановлении Бурбонов. СПб., 1834. Т. 2. Ч. 3. С. 76.

4. 19 брюмера

К воскресному утру 19 брюмера (10 ноября) дождь в Париже закончился, но погода оставалась ненастной – под стать настроению большинства, пожалуй, политиков из обоих лагерей.

Наполеон, как и накануне, еще в предрассветные часы поднял на ноги свой штаб, отдавая приказы, инструкции, советы, предупреждения. Малонадежные части войск, не служившие ранее под его командованием, оставили в столице и заперли в казармах. Преданные ему войска Наполеон приказал рассредоточить и в Париже и в Сен-Клу. Командовать всеми соединениями пехоты и кавалерии в Сен-Клу он поручил генералу Ж. М. Серрюрье.

Сам Наполеон выехал из Парижа в Сен-Клу в карете. Его сопровождали генералы, адъютанты и эскадрон кавалерии. Перед отъездом он простился с Жозефиной. Она в тот час была как никогда нежна и встревожена. «Когда он садился в карету, чтобы ехать навстречу судьбе в Сен-Клу, – пишет об их прощании Андре Кастело, – она, стоя у окна, разрыдалась. Кем она будет завтра? Либо королевой Франции, как предсказала ей гадалка, либо вдовой расстрелянного генерала»[1].

Наполеон в то утро будто бы не единожды повторял и боевым соратникам и даже самой Жозефине, что их ждет *«не женское дело»*[2]. Но, думается, в те часы он не мог не испытывать благодарности к Жозефине за то, что она помогала ему готовить это «не женское дело» своими женскими чарами, вдохновляя на борьбу его сторонников и усыпляя бдительность противников – таких, как президент Директории Гойе.

Проезжая «навстречу судьбе» по улицам Парижа, Наполеон мог быть доволен, видя, как приветствует его проснувшийся спозаранку столичный люд. Но даже в самом близком его окружении были и такие заговорщики, кто, подобно Сьейесу, мрачно прогнозировал любой, даже гибельный для себя исход своего «не женского дела». Так, вслед за Наполеоном, в отдельном экипаже ехали его секретарь Л. А. Бурьен и адъютант А.-М. Лавалетт. На площади Согласия, у зловещего места казни Бурьен сказал своему спутнику: «Мы будем ночевать сегодня в Люксембургском дворце или сложим головы здесь»[3].

Тем временем якобинцы в Совете пятисот готовились дать бой «генеральским выскочкам», причем иные из них, как уверяла одна из

---

[1] Кастело А. Цит. соч. С. 307.
[2] Там же; Вандаль А. Цит. соч. С. 339.
[3] Бурьен Л. А. Цит. соч. Т. 2. Ч. 3. С. 78.

парижских газет, «подкрепляли себя обильными возлияниями». Более всех «подкреплялся» депутат Гюг Дестрем – «великан» и «колосс», как его называли, атлет громадного роста и неимоверной физической силы, который (мы это увидим) громко заявит о себе в кульминационный момент 19 брюмера. Войдя навеселе в зал заседаний, он похвастался перед коллегами цитированием великого якобинца Жоржа Дантона: «Смотрите, у меня еще голова на плечах!» – «Это не лучшее из того, что ты имеешь», – заметил его приятель[1].

Заседание Совета пятисот открылось в 13 часов пополудни. Открыл его президент Совета Люсьен Бонапарт. Первым занял трибуну «свой» для бонапартистов депутат Шарль Годен. Он предложил назначить особую *комиссию*, которая проверила бы, насколько реальна опасность заговора против республики, изыскала бы меры к ее устранению и представила Совету отчет об этих мерах, но до тех пор, пока отчет не представлен, обсуждать ситуацию на собраниях всего Совета нет смысла. Со стороны брюмерианцев то была, как заметил А. Вандаль, «парламентская уловка: на комиссию легче воздействовать, чем на целое собрание, легче склонить ее к учреждению консульства», да к тому же пока Совет пятисот держал паузу, другой, более послушный бонапартистам Совет старейшин мог продолжить и успешно завершить начатую 18 брюмера смену государственного строя во Франции[2].

Однако на эту уловку якобинцы не поддались. Они буквально взрываются яростью – сплоченно и агрессивно: оратора прерывают бранью и сгоняют с трибуны, а сами толпой осаждают ее с ревом: «Никакой диктатуры! Конституция или смерть!» Президент Люсьен тщетно пытается воздействовать на депутатов и призвать их к порядку. Тогда умеренный депутат Жозеф Дебрей, чтобы если уж не погасить, то хотя бы умерить страсти, предложил заново, каждому по очереди и поименно, присягнуть конституции. Большинство Совета откликнулось на это предложение громом аплодисментов.

Процедура повторной (неожиданно оказавшейся столь желанной) присяги депутатов в Совете пятисот началась тут же, еще до 14 часов, но не закончилась и к 16. Тем временем Совет старейшин дважды откладывал свои заседания, поскольку не получал от своих пятисот коллег никаких резолюций. Дело в том, что по конституции верхняя палата Законодательного собрания была вправе лишь обсуждать, утверждать или отвергать резолюции нижней палаты. Сам по себе Совет старейшин мог лишь переводить Законодательный

[1] Цит. по: Вандаль А. Цит. соч. С. 341.
[2] Там же. С. 346–347.

корпус с места на место, что он накануне и сделал. Тем самым исключительное право инициативы, предоставленное старейшинам, они исчерпали. А что дальше? Либо ждать, что́ придумают депутаты в Совете пятисот, либо превысить свои полномочия и пойти на coup d'État! Для второго варианта, на который, собственно, и рассчитывал Наполеон, в Совете старейшин у него недоставало сторонников, а у тех, кто хотел бы его поддержать, – смелости.

Итак, Совет пятисот час за часом переприсягал, а Совет старейшин ждал, что за этой процедурой последует. День клонился к вечеру, и Наполеон начал терять терпение. Во главе своего штаба из военачальников и политиков, среди которых были два члена Директории (Сьейес и Роже Дюко), он с утра расположился в большом кабинете по соседству с залом заседаний Совета старейшин на первом этаже Сен-Клудского дворца. Сюда к нему весь день чуть ли не поминутно входили депутаты-брюмерианцы и его адъютанты с новостями или за инструкциями. Новости были, как правило, безрадостные, а к концу дня подоспела и тревожная: будто бы якобинцы из Совета пятисот «послали эмиссаров в Париж, чтобы взбунтовать предместье»[1]. Терпению Наполеона пришел конец. Он решил, как и накануне, лично вмешаться в ход событий, чтобы развернуть его в нужную сторону и форсировать.

К 16 часам Наполеон вошел в зал заседаний Совета старейшин. Его сопровождали брат Жозеф, генерал Л. А. Бертье, секретарь Л. А. Бурьен и несколько адъютантов. Старейшины встретили генерала столь же напыщенно, как и днем ранее, но еще более настороженно. Он же при виде 250 одетых в красные тоги идолообразных фигур с каменными лицами вновь испытал чувство неловкости и неуверенности в себе, которое вообще не было ему свойственно, но в те дни и только в обращении к парламентариям проявлялось так, что даже шокировало очевидцев[2]. И в этот раз, как и накануне, речь его была сбивчивой, нервной – без присущей ему точности, ясности, убедительности, хотя, по совокупности свидетельств, и не настолько, чтобы он, как уверяет нас А. Кастело, «бредил», «лопотал» и «нес ахинею»[3].

«Граждане! – обратился он к старейшинам. – Вы стоите на краю вулкана. Позвольте мне говорить с откровенностью воина... На меня клевещут, говорят о Цезаре и Кромвеле, о каком-то военном прави-

---

[1] Вандаль А. Цит. соч. С. 353.

[2] Подробно об этом см.: Там же. С. 354–358; Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 164–165; Манфред А. З. Цит. соч. С. 251–252; Кронин В. Цит. соч. С. 208–209; Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 234–235.

[3] Кастело А. Цит. соч. С. 311–312.

тельстве... Если бы я его хотел, разве поспешил бы я сюда, чтобы поддержать народных представителей? Время не терпит. У Республики нет больше правительства. Остается только Совет старейшин. Вы должны безотлагательно принять меры. Я здесь, чтобы выполнить ваш приказ. Спасем Республику! Спасем свободу!»

«А конституция?» – выкрикнул кто-то из депутатов. «Конституция? – подхватил Наполеон и после паузы заговорил жестко. – Вы сами уничтожили ее акциями 18 фрюктидора, 22 флореаля, 30 прериаля[1]. Ее уже никто не уважает».

Услышав громкий ропот недовольства, Наполеон попытался смягчить сказанное и польстить старейшинам, чтобы добиться взаимопонимания: «Я рассчитываю только на Совет старейшин и не надеюсь на Совет пятисот, где есть люди, которые желали бы вернуть нам Конвент, революционные комитеты и эшафоты, где заседают теперь вожди этой партии».

Однако ропот в зале не утихал, и тогда Наполеон по-военному сорвался на угрожающий тон: «Если погибнет свобода, на вас падет ответственность за это перед вселенной, потомством, Францией и вашими семьями!» С этими словами он вышел из зала заседаний, и вся его свита, естественно, последовала за ним.

Выйдя в лабиринт коридоров, разделявших залы заседаний двух Советов, Наполеон вдруг поручил Бурьенну отправить нарочного к Жозефине, чтобы успокоить ее (мол, все идет хорошо – «Ça ira!»), а потом, к удивлению его соратников и последующих историков, направился... в зал Совета пятисот. Для чего? С какой целью? Что ему понадобилось в палате, которую он только что обвинил и оскорбил? А. З. Манфреда такие вопросы поставили в тупик[2], но А. Вандаль и Д. С. Мережковский нашли резонный, как мне кажется, ответ: Наполеон, «повинуясь своему боевому темпераменту, своему инстинкту нападения, кинулся на препятствие не столько в надежде сразу сбросить его с дороги, сколько встряхнуть его и расколоть на части», после чего навязать противнику свою волю; это было похоже на его риск при Арколе: «как тогда он кинулся на мост, под картечный огонь, так теперь кидается в якобинское пекло, в Совет пятисот»[3].

К тому моменту, когда Наполеон появился перед Советом пятисот, обстановка в Совете была накалена до предела и действительно напоминала «якобинское пекло». Малые числом и оттого слабые ду-

---

[1] Здесь имеются в виду три конфликта между Директорией и Законодательным собранием 1797, 1798 и 1799 г.

[2] Манфред А. З. Цит. соч. С. 252.

[3] Вандаль А. Цит. соч. С. 359.

хом брюмерианцы сникли, два генерала (будущие маршалы империи) – герой исторической битвы при Флёрюсе Ж. Б. Журдан и боевой соратник Наполеона по Итальянской кампании П. Ф. Ш. Ожеро – держали нейтралитет, а якобинское большинство просто буйствовало. Его вожаки требовали от президента Совета Люсьена Бонапарта ответа на три вопроса: где доказательства, что раскрыт некий заговор против Республики? Для чего оба Совета «сосланы в деревню»? С какой целью Бонапарт получает чрезвычайные полномочия?

Наполеон вошел в зал заседаний Совета пятисот один, сунув под мышку свой любимый, украшенный серебром хлыст. Свита в составе генералов Лефевра и Мюрата, нескольких адъютантов и гренадеров, которая сопровождала его, когда он шел по коридорам из одного Совета в другой, осталась по его приказу за дверью. Депутаты-якобинцы, как только увидели генерала, пришли в ярость[1]. Они повскакивали с мест и, перепрыгивая через скамьи, рванулись к трибуне, куда направлялся Наполеон. Здесь депутаты подступили к нему с оглушительным ревом:

– Долой диктатора! Долой тирана!

Самые агрессивные толкали его, пытались схватить за горло. Великан Дестрем уже был готов пустить в ход свои пудовые кулаки, а Бартелеми Арена (земляк и старый недруг всех Бонапартов) норовил ударить Наполеона кинжалом, когда в зал ворвались Лефевр (мало уступавший своими габаритами Дестрему), Мюрат, наполеоновские адъютанты и гренадеры. Завязалась рукопашная потасовка, форменный кулачный бой, хотя, по некоторым данным, гренадеры против кулаков Дестрема пустили в ход ружейные приклады. Разъяренные законодатели, пользуясь численным превосходством, не уступали ни адъютантам, ни гренадерам, ни самим генералам.

– Вне закона! – старались они перекричать друг друга. – Вне закона!

Наполеон, первый и последний раз в своей жизни оказавшийся в такой ситуации, перед необузданной яростью толпы, был шокирован. Гренадеры буквально вырвали его из рук озверевших депутатов и помогли выбраться из зала. Подоспевший к нему (на всякий случай) Ожеро кольнул его: «В хорошенькое положеньице вы себя по-

[1] Подробно об этом см.: Вандаль А. Цит. соч. С. 360–361; Тарле Е. В. Наполеон. С. 93–94; Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 165–166; Кастело А. Цит. соч. С. 311–313; Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 236–237; Беллок Х. Указ. соч. С. 152–153; Кронин В. Цит. соч. С. 209–210.

ставили!» – «При Арколе было еще хуже! – отвечал Наполеон. – Сиди смирно! Сейчас все изменится!»[1]

Теперь Наполеон мог рассчитывать только на грубую силу. Но в зале заседаний оставался Люсьен, все еще пытавшийся образумить разбушевавшихся депутатов. Надо было вызволить его оттуда. Меньше десяти минут понадобилось гренадерам 79-го линейного полка, чтобы вломиться в зал и буквально вынести оттуда президента Совета на руках, «словно мощи», во двор. Наполеон тем временем сел на коня, предстал уже готовым к заключительному раунду coup d'État перед фронтом застывших у дворца гренадеров и драгун и сказал им несколько слов, как *только он* мог говорить с солдатами: «В Совете пятисот собрались заговорщики. Они угрожают мне, Республике, народу. Солдаты, могу ли я положиться на вас?» В ответ ему по солдатским рядам вновь, как это было днем ранее, неслось громовое «виват!»: «Виват Бонапарт! Виват Республика!»

Оказавшийся рядом с Наполеоном Люсьен «поддал жару», пустив в ход любимый прием брата: «Куй железо, пока горячо». Гарцуя на коне между шеренгами воинов и толпами народа, он произнес зажигательную речь: «Генералы, солдаты, граждане! Террористы в Совете пятисот, наглые разбойники, подкупленные Англией, возмутились против Совета старейшин и предлагают объявить вне закона главнокомандующего нашими войсками <...>. Они уже не представители народа, а представители кинжала!» Особенно эффектной была концовка речи: Люсьен приставил обнаженную шпагу острием к груди Наполеона и патетически, à la Тальма, воскликнул: «Клянусь, я собственной рукой убью моего брата, если он посягнет на свободу Франции!»[2]

Войска и народ встретили заявление Люсьена с восторгом. Наполеон понял, что настал его судьбоносный час. Он дал знак

---

[1] Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 237. Все биографы Наполеона и многие другие историки ломали головы над тем, как объяснить его «растерянность», видимую «беспомощность» в тот момент coup d'État, когда он вдруг решил выступить с речью перед сенаторами. А. Вандаль и Д. С. Мережковский, Е. В. Тарле и А. З. Манфред готовы были признать, что Бонапарт тогда «оробел» (Вандаль А. Цит. соч. С. 360–361; Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 165; Манфред А. З. Цит. соч. С. 279–280; Тарле Е. В. Наполеон. С. 93), хотя они знали: Наполеон много раз и до и после 18 брюмера, в самых угрожающих ситуациях, доказывал, что он никого и ничего не боится. Эмиль Людвиг предложил свое (думается, самое убедительное) объяснение той «растерянности» и «беспомощности»: «он должен приказывать, а просить он не умеет» (Людвиг Э. Цит. соч. С. 144–145).

[2] Цит. по: Вандаль А. Цит. соч. С. 371; Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 168.

Мюрату, тот – Леклерку. Все вокруг моментально пришло в движение. Барабаны прогрохотали сигнал «в атаку!». Две колонны гренадеров – одна вслед за Мюратом, другая за Леклерком – под барабанный бой и с ружьями наперевес, ощетинившись штыками, вломились в зал заседаний Совета пятисот. Перекрывая дробь барабанов, загремел голос Мюрата: «Вышвырните-ка мне всю эту свору вон!» – голос, который звучал в ушах очевидцев этой сцены «не только в первые минуты, но и не был забыт многими из них, как мы знаем из воспоминаний, всю их жизнь»[1].

Депутаты, вмиг потеряв всякую респектабельность, со всех ног бросились из зала – и в двери, и в окна. Путаясь ногами в своих царственных тогах, они прыгали из окон с криками «Да здравствует Республика!» Во дворе и дворцовом саду они наталкивались на солдат, которые провожали их («господ-адвокатов», «убийц» генерала Бонапарта, «подлых наймитов Англии») бранью, свистом, улюлюканьем. Депутаты бежали дальше через двор, через сад, теряя на бегу свои тоги, шарфы и знаки отличия. «По этим отрепьям тог, валявшимся на земле, в канавах, повисшим на кустах, изорванным и жалким, можно было шаг за шагом проследить великое бегство парламентариев», – с грустной иронией писал А. Вандаль[2].

Мюрат уже через пять минут доложил Наполеону, что «помещение очищено». Пришло время поставить трагикомическую точку в разыгранной драме. Наполеон приказал собрать сколько-нибудь депутатов, еще не успевших спрятаться. Их ловили в кабачках, на постоялых дворах и прямо на дорогах и приводили обратно во дворец. Точное их число неизвестно: «тридцать, пятьдесят, самое большее сто»[3]. Депутатам было велено оформить это собрание как «заседание Совета пятисот» и принять декрет, по которому обе палаты Законодательного собрания подлежали самороспуску, а вся власть над республикой вручалась трем *консулам* – Бонапарту, Сьейесу и Роже Дюко. Декрет был «принят» единогласно. Вслед за тем и Совет старейшин, уже информированный о судьбе нижней палаты, вотировал тот же декрет без прений.

Простой люд Парижа и Сен-Клу, воочию наблюдавший за ходом coup d'État 18–19 брюмера, явно сочувствовал бонапартистам, а депутатов бранил и высмеивал. «Народ отрекся от них, не узнавая своих избранников в этом шумливом сброде после целого ряда перево-

[1] Тарле Е. В. Наполеон. С. 94.

[2] Вандаль А. Цит. соч. С. 374. См. также: Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 169.

[3] Вандаль А. Цит. соч. С. 378.

ротов» 1797–1799 гг., констатировал А. Вандаль[1]. В театрах Парижа на всех вечерних спектаклях 19 ноября читали со сцены прокламацию министра полиции Ж. Фуше, оперативно расклеенную по улицам города. В ней сообщалось, что генерал Бонапарт, разоблачивший антиреспубликанский заговор депутатов Совета пятисот, едва не стал жертвой заговорщиков; «гений Республики спас генерала», он возвращается в Париж, а «Законодательный корпус принял все меры, чтобы утвердить триумф и славу Республики»[2].

Тем временем уже к ночи с 19 на 20 брюмера по Версальской дороге из Сен-Клу в Париж возвращались войска, охранявшие, а потом разогнавшие «шумливый сброд» народных избранников. Солдаты пели «Ça ira!», очень довольные, что они, как им думалось, спасли Революцию и Республику.

Когда наутро парижане, а затем и все французы узнали, что вслед за Директорией канули в вечность Совет старейшин и Совет пятисот и что возглавили страну три консула, они восприняли это известие спокойно. Все было ясно, кроме одного: зачем Бонапарту пристяжные?

Итак, «Восемнадцатое брюмера» генерала Бонапарта свершилось. За два дня государственного переворота не прозвучало ни одного выстрела, ни один человек не был убит, ранен или даже арестован. Но переворот был эпохальный, хотя трактуют его с тех пор и поныне поразному. Советские историки большей частью (включая самого выдающегося из них – Е. В. Тарле) поддерживали ленинско-сталинский тезис о том, что Наполеон «задушил революцию» и установил «контрреволюционную диктатуру»[3]. Французские исследователи в своем большинстве склоняются к точке зрения А. Вандаля: контрреволюция во Франции наступила уже давно – особенно с 18 фрюктидора (4 сентября) 1797 г., когда три члена Директории (П. Ф. Баррас, Л. М. Ларевельер-Лепо и Ж. Б. Ребель) установили в стране чрезвычайное положение, лишив полномочий 209 депутатов Законодательного собрания, закрыв 42 газеты и отдав под надзор полиции все остальные. Бонапарт же «был последней картой революции; правящая группа революционеров поставила на него, рассчитывая, не выйдет ли Вашингтон. Но вышел Цезарь»[4].

---

[1] Там же. С. 373.

[2] Цит. по: Манфред А. З. Цит. соч. С. 255.

[3] Манфред А. З. Цит. соч. С. 263–264; Тарле Е. В. Наполеон. С. 99–100; Туган-Барановский Д. М. Наполеон и власть. Эпоха Консульства. Балашов, 1993. С. 36.

[4] Вандаль А. Цит. соч. С. 37–38, 264.

Думается, истину, как часто бывает, надо искать между крайними точками зрения. С одной стороны, coup d'État 18 брюмера был контрреволюционным, поскольку была нарушена действующая конституция Французской Республики, была ликвидирована законная парламентская структура, что имело следствием установление авторитарного режима. Но с другой стороны, переворот остановил начавшийся еще 9 термидора 1794 г. и ускорившийся с 18 фрюктидора 1797 г. процесс сползания Республики вправо, к возможной реставрации феодализма. Не зря один из крупнейших деятелей революции генерал М. Ж. П. Лафайет написал тогда Наполеону: «18 брюмера спасло Францию»[1]. В этом смысле 1799 был генетически связан с 1789 годом. Брюмер изменял, опрокидывал, разрушал многое, но – в рамках революционного наследия. В конце концов – согласимся с авторитетным мнением Альбера Собуля! – и личную диктатуру Наполеона, «как бы гениален ни был ее носитель, удалось навязать революционной нации, только сохранив основные завоевания 1789 г.»[2]. Впрочем, задолго до Собуля очень емко, афористично выразил ту же мысль один из величайших поэтов XIX века Адам Мицкевич: «Наполеон – это революция, ставшая законной властью»[3].

---

[1] Цит. по: Олар А. Политическая история Французской революции. С. 912.

[2] Собуль А. Первая Республика. 1792–1804. М., 1974. С. 306.

[3] Мицкевич А. Собр. соч.: В 5 т. М., 1954. Т. 5. С. 129.

Глава VII
ГРАЖДАНИН ПЕРВЫЙ КОНСУЛ

– Что нам дает Конституция?
– Она дает Бонапарта.
Французы о Конституции 1799 г.

1. «Революция закончилась»

Именно Наполеон предложил назвать новых правителей Французской Республики консулами (вместо скомпрометированных «директоров»), заимствуя этот термин из любимой им античной истории. Пока не была принята новая конституция, все три консула считались временными и равными. Председательствовали они на своих заседаниях, чередуясь, по алфавиту. Такой порядок был принят тоже по предложению Наполеона. Вначале не было и намека на чью-либо диктатуру – военную тем более. Наполеон даже сменил свой генеральский мундир на цивильный сюртук, о чем не преминули оповестить граждан Республики все газеты. Его стали называть *«гражданин Бонапарт»*. Внешне он вел себя скромно и выделялся среди консулов только мощью интеллекта, воли, характера, но выделился так быстро и сильно, что после первого же заседания консул Сьейес сказал консулу Роже Дюко: «Вот у нас есть и господин! Бонапарт все знает, все хочет и все может»[1].

В мировой (особенно советской) историографии было весьма ходовым мнение о том, что Наполеон сразу, буквально с вечера 19 брюмера 1799 г., был облечен абсолютной властью. Вот как писал Е. В. Тарле: он «превратился на 15 лет в ничем не ограниченного повелителя французского народа. То обстоятельство, что первые пять лет этого периода он называл себя первым консулом, а последние де-

[1] Трачевский А. С. Наполеон I. Первые шаги и консульство (1769–1804). М., 1907. С. 179.

сять лет – императором и что соответственно Франция сначала называлась республикой, а потом империей, ничего по сути дела не меняло <...> в природе военной диктатуры Наполеона»[1]. Факты, однако, не подтверждают столь категоричного вывода. Напротив, если Наполеон и «конфисковал в свою пользу Республику» (по меткому выражению А. Олара[2]), произошло это отнюдь не сразу. Совокупность самых значимых фактов заставляет нас согласиться с Альбером Сорелем, который утверждал, что «Бонапарт забирал власть мало-помалу»[3].

Первые полтора месяца консульства во Франции ушли на разработку новой (уже четвертой с 1791 г.) конституции. Проекты ее готовили искушенные в таких делах специалисты – бывшие депутаты Совета пятисот Клод-Франсуа Дону и Буле де ла Мерт, граф и профессор-экономист Пьер Луи Редерер, но главным образом Сьейес. На заседаниях специальной комиссии, которая занималась обсуждением этих проектов, Наполеон вел себя активно, но демократично, как первый среди равных: одни проекты он поддержал, другие оспорил и только один из них высмеял. Странную, на первый взгляд, идею «расщепления» законодательной власти на четыре коллегиальных органа (Государственный совет, Сенат, Трибунат и Законодательное жюри) Наполеон поддержал, но высказался за то, чтобы восстановить всеобщее (для мужчин с 21 года) избирательное право. Оно было даровано французам по Конституции 1793 г., но Конституция 1795 г. предоставила право голоса только собственникам. Что касается исполнительной власти, то Сьейес предлагал создать орган из трех *равноправных* членов. Наполеон выступил против, сославшись на то, что члены Директории были равноправными, но «ничего не сделали кроме того, что съели друг друга». Решено было записать в конституции, что первый консул наделяется правом решающего голоса, а два других – совещательного.

Когда же комиссия начала обсуждать идею Сьейеса относительно «Великого электора», Наполеон дал волю своему сарказму. Дело в том, что «Великий электор» (Grand electeur) должен был, по этой идее, стать первым лицом в государстве, а именно назначать консулов и через их посредство править страной. Его резиденцией предполагалось сделать Версальский дворец. Оклад «Великого электора» составил бы пять миллионов франков в год. Он жил бы в роскоши с монаршими почестями и лишь подписывал плоды творчества кон-

---

[1] Тарле Е. В. Наполеон. М., 1992. С. 99–100; История Франции: В 3 т. М., 1973. Т. 2. С. 116.

[2] Олар А. Политическая история Французской революции. М., 1938. С. 834.

[3] Сорель А. Европа и Французская революция. СПб., 1906. Т. 6. С. 2.

сулов. Услышав все это, Наполеон буквально расхохотался. «Ваш Великий электор, – заявил он Сьейесу, – напоминает свинью, поставленную на откорм. Кто рискнет играть такую смешную роль?»[1] Веселый смех Наполеона поддержали все члены комиссии – разумеется, кроме Сьейеса.

Новая, четвертая конституция Франции была опубликована 24 декабря 1799 г. и представлена на утверждение путем плебисцита – всенародного голосования граждан Республики. Итоги голосования впечатляли: «за» – 3 011 007, «против» – 1 562[2].

Конституция VIII года (так она называлась согласно точке отсчета – с 1792 г.) состояла всего из 95 статей, тогда как в предыдущей конституции их было почти вчетверо больше – 377. По воспоминаниям П. Л. Редерера, Наполеон заранее объявил (может быть, пошутил?): «Конституция должна быть краткой и неясной»[3]. В готовом тексте Конституции 1799 г. первое из этих двух условий было соблюдено абсолютно, но и второе – заметно. «Неясности» было более всего в том, что касалось «расщепления» законодательных функций. Они были поделены между четырьмя коллегиями: Государственный совет готовил законопроекты, Трибунат их обсуждал (будучи вправе высказывать свое мнение, но без права отвергать какой-либо проект), Законодательный корпус их одобрял или отвергал, а Сенат проверял конституционность принятых законов[4]. Все, казалось бы, демократично, но не вполне ясно, поскольку полномочия каждой коллегии не были прописаны с должной конкретностью и в них сохранялись лазейки для вмешательства исполнительной власти.

Три консула, но главным образом первый активно воздействовали на выборы законодательных органов. Выборы, хотя и считались всеобщими, оказались трехступенчатыми: в каждом избирательном округе составлялись «списки доверенных», т. е. $^1/_{10}$ части граждан, общее число которых по всей стране едва достигало 600 тыс.; из доверенных выделялась десятая часть особо доверенных, 60 тыс. изби-

---

[1] Roederer P.-L. Oeuvres publiées par son fils le baron A.-M. Roederer. P., 1854. T. 3. P. 303–304.

[2] См.: Тарле Е. В. Цит. соч. С. 103 и др.; Тюлар Ж. Наполеон, или миф о «Спасителе». М., 1996. С. 99. Французский историк К. Ланглуа и российский – Д. М. Туган-Барановский считают, что официальные итоги плебисцита были фальсифицированы (см.: Туган-Барановский Д. М. Наполеон и власть. Эпоха консульства. Балашов, 1993. С. 276), но едва ли такая фальсификация искажала истинное соотношение «за» и «против» сколько-нибудь серьезно.

[3] Roederer P.-L. Op. cit. T. 3. P. 428.

[4] См.: Constitutions et documents politiques par M. Diverger. P., 1960. P. 72–73.

рателей, а из этих последних составлялся «третий список» граждан, уже подлежавших избранию[1].

Используя такую систему, консулы подбирали надлежащий состав каждой из четырех законодательных палат. Наполеон предпочтительно контролировал выборы Государственного совета, в котором он сам, как правило, председательствовал. Стендаль не напрасно шутил, что «Наполеон собрал в своем Государственном совете 50 наименее глупых французов». Среди них были П. Л. Редерер, генералы Г. М. Э. Брюн и О. Ф. Мармон, прокурор революции граф П.-Ф. Реаль, ученый академик (химик) и будущий министр внутренних дел Ж.-А. Шапталь, будущий герцог и министр иностранных дел Ж. Б. Шампаньи. А вот состав Сената комплектовал преимущественно Сьейес: именно он (правда, с помощью Роже Дюко, а главное, по согласованию с Наполеоном) подобрал 29 первых сенаторов, которые, в свою очередь, выбрали еще 29. Здесь оказалось еще больше знакомых лиц, чем в Государственном совете: ученые-академики П. С. Лаплас, Г. Монж, К. Л. Бертолле, Ж. Л. Лагранж, просветитель и ориенталист К. Ф. Вольней, генералы Ф. Э. К. Келлерман и Ж. М. Ф. Серрюрье, адмирал Л. А. Бугенвиль. Законодательный корпус украшали имена европейски знаменитого аббата-республиканца А. Грегуара и «первого гренадера Франции» (как его тогда называли) Т. М. Латура д'Оверня. Даже в Трибунате, который, по язвительному замечанию Стендаля, «имел право говорить, но не голосовать»[2], заседали, среди прочих, авторитетный политик и литератор Б. Констан, экономист Ж. Б. Сэй, поэт и драматург, будущий (с 1803 г.) академик Мари Жозеф Шенье.

Верховную исполнительную власть по Конституции 1799 г. делили три консула – делили очень неравно. Фактически всей полнотой власти в Республике был наделен первый консул, а два других получали только право совещательного голоса, причем в самом тексте конституции (39-я статья) было записано, что первым консулом на 10 лет (!) назначается гражданин Бонапарт, а вторым и третьим – граждане Камбасерес и Лебрен.

Первый консул сам подобрал второго и третьего. Жан-Жак-Режи Камбасерес (1853–1824) был первоклассным законоведом. Наполеон так говорил о нем в 1812 г. одному из самых близких своих соратников, бывшему послу в Петербурге и будущему министру иностранных дел А. О. Л. Коленкуру: «Это человек, всегда дающий дельные

[1] Constitutions et documents politiques par M. Diverger. P. 70–71.

[2] Стендаль. Собр. соч. М.; Л., 1950. Т. 14. С. 33. В 1807 г. Наполеон, уже будучи императором, вообще упразднит Трибунат за ненадобностью.

советы, и выдающийся юрист <...>. Светлый и справедливый ум <...>. Один из людей, наиболее заслуживающих уважения»[1]. Герцогиня Л. д'Абрантес (жена генерала А. Жюно) вспоминала о Камбасересе: «Благороден, прямодушен и чрезвычайно благосклонен в обращении; за то все любили его»[2]. В прошлом якобинец, член и даже президент революционного Конвента, голосовавший за казнь Людовика XVI (т. е. «цареубийца» для роялистов), Камбасерес был по складу характера добросердечен, «очень заботился о своей внешности, носил вычурный парик с локонами в три ряда, пользовался лорнетом, двигался медленно и с достоинством и держал великолепный стол. Он говаривал: "Страна управляется хорошими зваными обедами"»[3].

Поскольку Камбасерес политически был левым, Наполеон, чтобы уравновесить его, стал подыскивать на должность третьего консула кого-то из правых и прямо сказал об этом Камбасересу: «Давайте сговоримся относительно третьего консула. Нам нужен человек, который, не будучи совершенно чуждым революции, поддерживал бы сношения с остатками прежнего общества и мог бы успокоить их насчет будущего»[4].

Результатом такого «сговора» стала кандидатура Лебрена. Шарль Франсуа Лебрен (1739–1824) считался роялистом, хотя и пассивным. Он еще при Людовике XV служил в министерстве финансов, а затем удалился от государственных дел, чтобы заняться переводами Гомера. Наполеон навел о нем справки, познакомился с ним и, по выражению В. Кронина, «открыл в нем финансового волшебника»; «он часто посещал Лебрена по вечерам после работы, садился к нему на кровать (Лебрен был вдовцом) и знакомился с тайнами учетных ставок, облигаций и государственного долга»[5]. Так гражданин Бонапарт стал сотрудничать и с левыми, и с правыми, а своему государственному секретарю Г. Б. Маре сказал: «Один охраняет меня слева, другой – справа. Я открываю широкую дорогу, по которой могут идти к своей цели все»[6].

Законодательная инициатива по Конституции 1799 г. принадлежала первому консулу. Это при нем состоял Государственный совет,

---

[1] Коленкур А. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. М., 1943. С. 328–329.

[2] Д'Абрантес Л. Записки герцогини д'Абрантес или исторические воспоминания... М., 1835. Т. 1. С. 102; Т. 9. С. 216.

[3] Кронин В. Наполеон. Биография. М., 2008. С. 214–215.

[4] Цит. по: Вандаль А. Возвышение Бонапарта. Ростов н/Д., 1995. С. 496.

[5] Кронин В. Цит. соч. С. 215.

[6] Цит. по: Собуль А. Первая республика. 1792–1804. М., 1974. С. 321.

специально назначенный для того, чтобы готовить законопроекты. «Так как первый консул почти всегда председательствовал на заседаниях Государственного совета, – вспоминал член Совета граф А. де Планси, – этот факт давал некоторым повод считать, что это раболепный орган, во всем повинующийся ему. Могу лично подтвердить противоположное. Самые просвещенные люди Франции, специалисты, которые входили в его состав, обсуждали все возникавшие там вопросы совершенно свободно, и никто никогда не прерывал их дискуссий. Бонапарт всегда внимательно их слушал и старался извлечь для себя максимальную выгоду из их знаний, не обращая никакого внимания на их политические пристрастия»[1].

Первый консул мог обратиться к одному из членов Совета: «Ну, вы, якобинец, изложите нам свои мысли», и затем – к другому: «А нука, вы, роялист, не соизволите ли растолковать, что вы имеете в виду?» Если кто-нибудь ему просто поддакивал, он сердился: «Вы здесь, граждане, не для того, чтобы соглашаться с моим мнением, а для того, чтобы высказывать свое. Потом я сравню его с моим и погляжу, какое лучше»[2].

Заседания Государственного совета иной раз продолжались с вечера до утра и обрастали легендами. Так, иные советники и министры, которых первый консул регулярно приглашал для консультаций в Совет, физически не выдерживали чудовищной нагрузки и от изнеможения роняли головы на стол. Наполеон весело подбадривал их: «Граждане! Очнитесь: ведь только два часа утра! Надо отрабатывать деньги, которые платит нам французский народ!»[3]

Впрочем, А. Кастело, ссылаясь на воспоминания очевидцев, предал гласности и такой факт (если не легенду): проработав ночь напролет, первый консул тоже мог заснуть в разгар заседания Совета. То был «сон командующего на посту». В таких случаях все советники (надо полагать, с большим удовольствием) «бесшумно выходили из зала»[4].

Согласно Конституции 1799 г. механизм выработки законов был запрограммирован следующим образом: Государственный совет, обычно под председательством первого консула[5], готовил законопроект; первый консул вносил его для обсуждения в Трибунат, а далее законопроект утверждал Законодательный корпус и подтверждал

---

[1] Цит. по: Кастело А. Бонапарт. М., 2004. С. 408.

[2] Людвиг Э. Наполеон. М., 1998. С. 155.

[3] Там же; Кастело А. Цит. соч. С. 408–409.

[4] Кастело А. Цит. соч. С. 409.

[5] Председательствовал в Государственном совете (даже в присутствии Наполеона) и второй консул – Ж. Ж. Камбасерес.

Сенат. При этом Сенат был вправе утвердить мнение первого консула даже вопреки Трибунату и Законодательному корпусу. Российский историк Н. А. Полевой недоумевал по этому поводу: «Что же значил Сенат, куда назначал членов первый консул, и что значили Трибунат и Корпус, если Сенат отвергал их несогласие?»[1] Позднее А. Олар так оценил принятие Конституции 1799 г.: «Это был опять государственный переворот, причем несравненно более важный, чем переворот 18–19 брюмера, потому что прямым его последствием была единоличная власть»[2].

Здесь Олар явно преувеличивал, а Полевой даже несколько утрировал суть дела. Все-таки четыре законодательные коллегии вместе взятые частично ограничивали прерогативы первого консула. Например, объявить войну, заключить мирный договор, принять бюджет, осуществить денежную эмиссию он мог только с санкции законодателей[3], а среди них в то время были и его идейные оппоненты – как слева, так и справа. Между тем репутация Наполеона во Франции после 18–19 брюмера была столь высока, что при желании он вполне мог уже тогда обеспечить себе неограниченные властные полномочия. Не напрасно он говорил: «Когда я пришел в правительство, нация бросилась к моим ногам. Я взял себе меньше власти, чем мне предлагали»[4].

Разумеется, и по Конституции 1799 г. первый консул был почти всесилен. О втором и третьем консулах тогда говорили, что они – всего лишь «две ручки его кресла». Именно он назначал министров, а фактически, хотя и по согласованию с министрами, также префектов, супрефектов, мэров, судей, не обращая внимания на их происхождение и любые оттенки политических настроений. «Я беру, – говорил он, – всех, у кого есть способность и желание идти со мной <...>. Люблю честных людей всех оттенков <...>»[5]. А. З. Манфред так комментировал подход Наполеона к подбору кадров: «Он проявлял своего рода жадность к талантам, он их разыскивал, у него был на них зоркий глаз <...>. В Англии XIX века о некоторых кабинетах – о министерстве Эбердина или Гладстона – наполовину иронически, наполовину всерьез принято было говорить: “министерство всех талантов”. Если это выражение имело какой-либо смысл, то с наиболь-

---

[1] Полевой Н. А. История Наполеона. СПб., 1844. Т. 2. С. 53.

[2] История XIX века / под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. М., 1905. Т. 1. С. 5 (автор главы – А. Олар).

[3] См.: Constitutions et documents politiques. P. 73.

[4] Цит. по: Вейдер Б. Наполеон. Триумф, трагедия, убийство. М., 2005. С. 61.

[5] Thibaudeau A.-C. Mémoires. P., 1893. T. 1. P. 115.

шим основанием оно могло быть применено к руководящему штабу консульства и частично империи, к окружению Бонапарта»[1].

Правда, А. З. Манфред делает существенную оговорку: «Так было в начале, позже он (Наполеон. – *Н. Т.*) стал относиться к талантливым людям иначе». Ранее А. К. Дживелегов, ссылаясь на Ф. Стендаля и Ж. А. Шапталя, заключил даже, что Наполеон «со времени коронации окружал себя ничтожествами»[2]. Но Стендаль выразился не столь категорично: Наполеон после коронации «стал отдавать предпочтение людям посредственным»[3], а что касается Шапталя, уволенного Наполеоном с поста министра внутренних дел, то его вывод («Наполеону нужны были слуги, а не советники»[4]) мог быть продиктован уязвленным самолюбием. Мы еще увидим, когда познакомимся с Наполеоном-императором, что и после коронации в его (особенно военном) окружении преобладали яркие таланты[5], хотя с течением времени и становился заметным их дефицит: одни соратники теряли доверие Наполеона, другие предавали его, третьи погибали в боях.

Вернемся, однако, к тому, как в 1799 г. первый консул Французской Республики гражданин Бонапарт подбирал кадры чиновничьей элиты. Самыми выдающимися из министров Наполеона по чисто деловым качествам, по своему профессионализму были два человека, самых одиозных в нравственном отношении. Они уже знакомы читателю. Познакомимся с ними поближе.

Министерство иностранных дел вновь (после режима Директории) возглавил Шарль Морис Талейран-Перигор (1754–1838; вторая фамилия – от одного из четырех титулов его отца). Аббат, генеральный викарий, епископ до революции и президент Национального собрания после, вальяжный (хотя и хромой с раннего детства) ари-

---

[1] Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. 4-е изд. М., 1986. С. 359–360.

[2] Дживелегов А. К. Александр I и Наполеон. Исторические очерки. М., 1915. С. 51.

[3] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 323.

[4] Chaptal J. A. Mes souvenirs sur Napoléon. P., 1893. P. 226.

[5] Достаточно перечислить кроме 26-ти маршалов Наполеона еще таких его генералов, как А. Ш. Лассаль, А. Друо, Л. П. Монбрен, Ш.-Э. Гюден, генерал-интендант П. А. Дарю, воин и дипломат, с 1805 г. обер-гофмаршал Ж. К. М. Дюрок, корифей военной медицины Д. Ж. Ларрей. А. З. Манфред сделал вывод, применимый ко времени и до, и после коронации Наполеона: «В том деле, которое Бонапарт считал своей основной профессией, – в военном деле, в руководстве армией, – он сумел объединить вокруг себя столько талантов, такое созвездие первоклассных дарований, подобного которому история Франции не знала ни раньше, ни позже» (Манфред А. З. Цит. соч. С. 360). От себя скажу: история не только Франции, но и всего мира.

стократ, щеголявший необыкновенно изысканными манерами, он отличался блестящим умом, высочайшим даром прирожденного дипломата и уникальной порочностью; нравственно в нем, по выражению В. Гюго, «все хромало, как и он сам»[1]. «Слуга всех господ», который всю свою жизнь продавал тех, кто его покупал, присягнувший на своем веку 14 правительствам, Талейран был всем своим хозяевам нужен, каждому из них помог и снискал себе репутацию патриарха буржуазной дипломатии. Наполеон презирал его как личность, обозвал Талейрана однажды на дворцовом приеме «дерьмом в шелковых чулках»[2], но терпел его возле себя на министерском посту с 1799 по 1807 г. и пожаловал титул князя Беневентского, поскольку считал «самым способным из своих министров». Кстати, кроме интеллекта Наполеон ценил в Талейране феноменальную работоспособность: при кажущейся (внешне) физической изнеженности тот обладал железным здоровьем и мог, трудясь, не спать по двое-трое суток, сохраняя при этом бодрость духа и ясность ума.

По инициативе Талейрана Министерство иностранных дел сразу было поставлено в исключительное положение. Все другие министры отчитывались о делах своих ведомств перед совещанием трех консулов. Талейран же «сказал Бонапарту, что портфель иностранных дел, секретных по самой своей природе, нельзя открывать на совещаниях и что ему следует оставить *только за собой* рассмотрение этих дел – их должен направлять и решать сам глава правительства. Он понял пользу этого указания, – вспоминал Талейран, – <...>. Сразу было установлено, что я буду иметь дело только с первым консулом»[3].

Из духовного сословия вышел и другой уникум – Жозеф Фуше (1759–1820). До революции учитель церковной школы, он стал «цареубийцей», комиссаром якобинского Конвента, другом (!) Максимильена Робеспьера (чуть не женился на его родной сестре Шарлотте), а затем термидорианцем; с 1795 г. успел подружиться с коммунистом-утопистом Гракхом Бабёфом, но вовремя «раздружился» и вместо эшафота (куда угодил Бабёф) оказался... в кресле министра полиции. Наполеон застал его в этом кресле и держал там почти все время консульства и империи лишь с перерывами в 1802–1804 и 1811–1814 гг., сделал его герцогом Отрантским, хотя прези-

---

[1] Цит. по: Борисов Ю. В. Шарль Морис Талейран. М., 1986. С. 9.

[2] По воспоминаниям Б. О'Мира, некая «знаменитая дама» выразилась по адресу Талейрана еще энергичнее: «дерьмо в заднице свиньи» (О'Мира Б. Голос с острова Святой Елены. Мемуары. М., 2004. С. 434).

[3] Талейран Ш. М. Мемуары. Старый режим. Великая революция. Империя. Реставрация. М., 1959. С. 160–161.

рал человеческие качества Фуше, как и Талейрана. Внешне полная противоположность Талейрану («ходячий мертвец», который, однако, «почти так же, как деньги и полицию, любил свою чудовищно уродливую жену»[1]), Фуше был таким же прирожденным сыщиком, как тот – дипломатом. «Тысячеглазый, бдительный калькулятор» с «безграничной, почти магической осведомленностью»[2], Фуше всегда умел «просунуть хвост, где голова не лезет». Он тоже помог Наполеону, но в конце концов, как и Талейран, предал его. Показательно, что эти два феномена, раньше всех подмечавшие *всякое начало конца*, терпеть не могли друг друга, и Талейран очень переживал, узнав, что Фуше называют «Талейраном сволочи»[3].

Фуше, подобно Талейрану, тоже проявил инициативу в том, чтобы сделать свое министерство особо значимым, и Наполеон согласился с ним. По сравнению с временем Директории структура и функции полицейского ведомства были расширены: появилось новое подразделение – *«тайная полиция»* – с филиалом не только в Париже, но и во всех департаментах Республики, а жандармерия была изъята из ведения Военного министерства и подчинена Министерству полиции[4]. В общем, как подметил Е. В. Тарле, Фуше стал «“творцом” провокаторской и сыщицкой системы, которой впоследствии тщетно пытались следовать ученики и подражатели, неаполитанские Делькаретто, русские Бенкендорфы и Дубельты, австрийские Седльницкие»[5]. Такой профессионал, естественно, был просто необходим для первого консула, а особенно позднее, для императора Наполеона. Именно поэтому (согласимся с А. З. Манфредом) «Бонапарт к тому яркому созвездию блистательных талантов, которые должны были лишь усиливать его собственное сияние, не колеблясь, присоединил и темную тень Фуше»[6].

В то же время Наполеон понимал, что и за самим Фуше нужен глаз да глаз. «Чтобы обезопасить себя с этой стороны, – читаем

---

[1] Алданов М. А. Заговор... М., 1989. С. 137. Зато жена Талейрана Катрин Ноэль Ворль (1762–1835) была «сказочно красива», хотя и «на редкость глупа» (Шатобриан Ф. Р. Замогильные записки. М., 1995. С. 637, примеч.).

[2] Цвейг С. Жозеф Фуше // Собр. соч.: В 7 т. М., 1963. Т. 4. С. 519, 526.

[3] Алданов М. А. Цит. соч. С. 143.

[4] См.: Туган-Барановский Д. М. Указ. соч. С. 86.

[5] Тарле Е. В. Цит. Соч. С. 113. Делькаретто – шеф тайной полиции в неаполитанском королевстве. Бенкендорф Александр Христофорович (1783–1844) – первый шеф жандармов в России. Дубельт Леонтий Васильевич (1792–1862) – начальник штаба Отдельного корпуса жандармов и управляющий III Отделением. Седльницкий Леопольд (1787–1871) – граф, шеф тайной полиции в Австрийской империи.

[6] Манфред А. З. Цит. соч. С. 363.

у Е. В. Тарле, – первый консул завел доверенных шпионов с узко очерченной задачей: шпионить за самим Фуше. А чтобы точнее уловить момент, когда Фуше это заметит и постарается их подкупить, Бонапарт держал еще и третью серию шпионов, функция которых была следить за шпионами, наблюдающими за Фуше»[1].

Дальше – больше: в 1801 г. Наполеон учредил своего рода личную полицию для всеобъемлющего наблюдения за Фуше и теми (вокруг Фуше) шпионами, которые шпионили друг за другом. Ее возглавил Анн Жан Мари Рене Савари (1774–1833) – бывший адъютант генерала Л. Ш. А. Дезе, генерал и будущий (с 1808 г.) герцог де Ровиго. С 1800 г., после гибели Дезе, он стал одним из ближайших соратников Наполеона. Беззаветно преданный Наполеону Савари как профессионал (воин, дипломат, сыщик) и как личность заслужил, в отличие от Фуше, добрые отзывы о себе различных людей. Вот запись о нем в дневнике Стендаля от 17 июня 1810 г.: «Прекрасная фигура и лицо, отражающее благородную душу и вместе с тем простоту <...>. Питаю к нему слабость»[2]. Арман Коленкур вспоминал о Савари так: «Он, бесспорно, являлся тем министром полиции, который более всякого другого говорил правду императору»[3]. Сам Наполеон считал, что Савари – «гораздо лучший человек и не такой инквизитор, как Фуше», «с характером и самостоятельными взглядами», даже с «добрым сердцем», но «слишком корыстолюбив» («его часто надували бы, если бы я его не останавливал»)[4].

Именно Савари официально заменял Фуше на посту министра государственной полиции, когда тот увольнялся в отставку, а по возвращении Фуше из отставки на министерский пост вновь возглавлял слежку лично за ним, за его ведомством и за теми, кто следил за Фуше. Кстати, такое многообразие полицейской слежки было тогда в Европе нередким явлением. Царская Россия при Александре I превзошла в этом отношении наполеоновскую Францию. Так, с 1810 г. в России функционировало официальное Министерство полиции, но наряду с ним – особая служба сыска, которая находилась в ведении alter ego царя, всесильного временщика А. А. Аракчеева, и даже петербургский военный генерал-губернатор граф М. А. Милорадович имел свою шпионскую агентуру. Царизм не удовлетворился таким трехзвездием тайных полиций и в 1821 г., вскоре после бунта в лейб-гвардии Семеновском полку, учредил специальную полицию в армии, а на Украине была задействована отдельная шпионско-сыскная

[1] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 110.
[2] Стендаль. Собр. соч. Т. 15. С. 379.
[3] Коленкур А. Мемуары. С. 65.
[4] Там же. С. 329.

агентура начальника южных военных поселений графа И. О. Витта. Сыск стал настолько всеохватывающим, что сам Аракчеев подозревал за собой негласное наблюдение. Декабрист Г. С. Батеньков вспоминал о том времени: «Все подведены уже были под один уровень невозмутимого бессилия, и все зависели от многочисленных тайных полиций»[1].

Здесь уместно сказать о принципиальной разнице в подходах Наполеона и Александра I к использованию правительственных кадров. Если Наполеон сохранял при деле умных министров вроде Талейрана и Фуше, даже если не доверял им, то Александр самого умного из своих министров – М. М. Сперанского (единственного министра, который был умнее самого царя) – устранил, как только потерял доверие к нему, и больше не допускал к министерским постам умных чиновников, предпочитая угодливых. В Тильзите Александр не без удивления слушал рассказы Наполеона о том, как тот использовал своих соратников, «предпочитая не обращать внимания на их недостатки, чем отказываться извлекать пользу из их достоинств, лучше объездить их, чем сокрушить»[2].

Все преемники Фуше и Талейрана – министр полиции Савари, министры иностранных дел Ж. Б. Шампаньи, Г. Б. Маре и А. Коленкур – выгодно отличались порядочностью и добросовестностью, но уступали князю Беневентскому и герцогу Отрантскому как профессионалы. Вообще из всех членов правительства времен консульства и империи вполне удовлетворял Наполеона и деловыми, и нравственными качествами, пожалуй, только *бессменный* министр финансов М.-М.-Ш. Годен (Л. Н. Карно и Л. Н. Даву занимали министерские посты очень недолго).

Мартин-Мишель-Шарль Годен (1756–1841) был рекомендован Наполеону главным авторитетом в области финансов третьим консулом Ш. Ф. Лебреном и оказался еще бóльшим «финансовым волшебником», чем сам Лебрен[3]. Опыт финансиста был у него на зависть и соперникам, и коллегам: он еще до революции отменно служил помощником генерального контролера финансов, а в 1791–1795 гг. занимал должность комиссара национального казначейства. Политической активности он никогда не проявлял, но был нетерпим к нравственно нечистоплотным политикам. Поэтому дваж-

---

[1] Цит. по: Окунь С. Б. Очерки истории СССР. Конец XVIII – первая четверть XIX в. Л., 1956. С. 300.

[2] Цит. по: Вандаль А. Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время первой империи. СПб., 1910. Т. 1. С. 84.

[3] См. о нем: Dictionnaire Napoléon. Fayard, 1999. T. 1. P. 853–854; Mémoires, souvenirs, opinions et écrits du duc de Gaëte. P., 1826.

ды (в 1796 и 1798 г.) он отказывался от предложений Директории занять пост министра финансов. В брюмерианском заговоре Годен не участвовал, но 19 брюмера на заседании Совета пятисот в Сен-Клу именно он первым поддержал бонапартистов[1].

Наполеон сразу разглядел в Годене незаменимого специалиста по руководству финансами и никогда не пожалел о своем выборе. Ведь к моменту coup d'État 18–19 брюмера государственная казна Франции была разорена. Годен прямо свидетельствовал: «20 брюмера VIII (т. е. 1799) года финансов во Франции практически не существовало»[2]. Однако Годен, максимально используя все возможности, которые предоставил ему Наполеон, в короткий срок, как мы увидим, восстановил и упрочил благополучие страны. Наполеон высоко ценил Годена, пожаловал ему титул герцога Гаэтского и очень тепло вспоминал о нем в изгнании на острове Святой Елены: «Все, что можно было сделать в короткое время, чтобы уничтожить злоупотребления порочного режима и вернуть уважение к кредиту и денежному обращению, министр Годен сделал. Это был администратор способный и исполнительный <...>. Все то, что он предложил в первое же время, он затем поддерживал и развивал в течение пятнадцати лет своего разумного администрирования»[3].

Важнейший пост министра внутренних дел Наполеон доверил своему школьному учителю, великому математику и физику академику Пьеру-Симону Лапласу, который, однако, в политике оказался настолько же неискушен, насколько умудрен был в науке. Поэтому уже 24 декабря 1799 г. Наполеон перевел Лапласа из министров в сенаторы, хотя и сохранил к нему привычный с самого детства пиетет и одарил его позднее (в 1808 г.) графским титулом. Вместо Лапласа Наполеон поставил во главе Министерства внутренних дел своего брата Люсьена (отчасти с целью контроля – под видом сотрудничества – над ведомством Фуше), но Люсьен, претендовавший на большее, вскоре стал конфликтовать со своим могущественным братом и со всем его окружением.

Первым в эпоху консульства военным министром Французской Республики стал один из самых верных и близких соратников Наполеона генерал (будущий маршал Франции) Луи Александр Бертье. Он был уже представлен читателю в главе об Итальянской кампании 1796–1797 гг. Здесь подчеркну, что Бертье, как оценивал его (вполне справедливо) Карл Маркс, это «образец штабного офи-

---

[1] См.: Туган-Барановский Д. М. Указ. соч. С. 129.
[2] Цит. по: Туган-Барановский Д. М. Указ. соч. С. 128.
[3] Correspondance de Napoléon. P., 1869. T. 30. P. 330.

цера», «упорный и энергичный, наделенный геркулесовским здоровьем, что позволяло ему работать по восемь ночей подряд, обладавший изумительной памятью на все, что касалось деталей военного дела, <...> быстрый в исполнении, так что на него всегда можно было положиться, аккуратный и точный, <...> живой телеграф своего начальника на поле сражения и его неутомимо пишущий автомат за рабочим столом»[1]. Все эти качества Бертье с блеском проявит на посту начальника Генерального штаба (1805–1814 гг.), но для исполнения обязанностей военного министра ему явно недоставало силы характера. Поэтому Наполеон уже 2 апреля 1800 г. переместил Бертье из Военного министерства на должность командующего Резервной армией, а военным министром назначил знаменитого Лазара Николя Карно (1753–1823).

Карно как военный министр, конечно, был не чета ни Бертье, ни вообще кому бы то ни было. Убежденный республиканец, бывший член революционного Конвента и Комитета общественного спасения, а в 1796–1797 гг. президент Директории, он с 1793 г. неизменно и фактически единолично руководил вооруженными силами Республики (сформировал 14 армий и по праву заслужил от официальной пропаганды титул «Организатор победы»). После государственного переворота 18 фрюктидора (4 сентября) 1797 г., спасаясь от расправы, Карно, как мы помним, бежал в Швейцарию и больше двух лет провел в изгнании. Сразу после 18 брюмера Наполеон вернул его во Францию и 2 апреля 1800 г. поручил ему управление Военным министерством. Однако республиканский радикализм Карно помешал его сотрудничеству с Наполеоном. Он проницательно уличит первого консула в стремлении к диктатуре и в знак протеста уже 8 октября того года подаст в отставку, а с 1802 по 1807 г., будучи членом Трибуната, возьмет на себя смелость открыто выступать против введения и пожизненного консулата, и особенно – империи.

Правда (заглянем немного вперед), в 1814 г. Карно сам предложит свои услуги Наполеону, получит ответственную должность министра внутренних дел и титул пэра Франции, но после «Ста дней» и вторичного отречения Наполеона будет изгнан из отечества по декрету Людовика XVIII от 24 июля 1815 г. и последние восемь лет жизни проведет на чужбине, в Магдебурге (Пруссия).

Несмотря на скорые замены Лапласа и Бертье, Наполеон в принципе не любил менять своих министров (Карно ушел с министерского поста по собственному желанию). Такая его «стойкость», по сар-

[1] Маркс К. Бертье // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 14. С. 96.

кастическому замечанию Л. А. Бурьенна, «с одной стороны, дала Годену время учредить в управлении финансами порядок, никогда до него не существовавший, а с другой стороны, допустила Декре привести в беспримерное расстройство управление флотом»[1]. Здесь Бурьенн судит так же предвзято, как и в большинстве случаев. Бессменный в 1801–1814 гг. и даже в течение всех «Ста дней» 1815 г. морской министр вице-адмирал Дени Декре (1761–1820), разумеется, не был в своем деле таким «волшебником», как Годен, но дело знал и флот «в беспримерное расстройство» не приводил. Напротив, Декре привел французский флот, расстроенный после катастроф 1799 г. при Абукире и 1805 г. при Трафальгаре, в относительный порядок (при нем были спущены на воду 93 линейных корабля и 63 фрегата, заложены новые верфи, улучшилась подготовка военно-морских кадров), но, конечно же, по сравнению с лучшим в мире английским флотом многого достигнуть не мог[2].

С самого начала своего консульства Наполеон приступил к реформированию местных органов власти, не всегда считаясь с Конституцией 1799 г. из-за ее (заданных им самим) «краткости» и «неясности». Он, во-первых, использовал свое *конституционное* право упразднить *выборность* местных властей, а затем взял под контроль их *назначение*: в департаментах – префектов, ниже, в округах, – супрефектов, в отдельных городах и коммунах (деревнях) – мэров. Формально, по Конституции, всех этих местных правителей назначал министр внутренних дел, но практически он делал это только по согласованию и с одобрения первого консула. Наполеон при этом следил, чтобы все кандидаты (особенно в префекты) соответствовали таким критериям, как профессионализм, опыт и распорядительность, независимо от их политических воззрений. В итоге первый после 18 брюмера состав префектов насчитывал 98 политически разнородных персон – от «бывших аристократов» до «бывших террористов», включая 15 членов Учредительного и 16 – Законодательного собраний 1789–1792 гг., 19 членов Конвента, 5 – Совета старейшин и 21 – Совета пятисот[3].

Каждый из префектов единолично и полновластно управлял департаментом. Наполеон полушутя-полувсерьез говорил о них: «Как

---

[1] Бурьенн Л. А. Записки о Наполеоне, директории, консульстве, Империи и восстановлении Бурбонов. СПб., 1834. Т. 3. Ч. 5. С. 28.

[2] См. о нем: Dictionnaire Napoléon. T. 1. P. 621–622; Залесский К. А. Наполеоновские войны. 1799–1815. Биографический энциклопедический словарь. М., 2003. С. 458–459.

[3] Godechot J. Les institutions de la France sous la Révolution et de l'Empire. P., 1951. P. 509–510.

только они оказываются в 100 лье (один лье = 4,4 км. – *Н. Т.*) от столицы, они обретают большую власть, чем я»[1].

С той же профессиональной тщательностью и вне зависимости от «идеологии» подбирались кадры супрефектов (всего – 402, по числу округов) и мэров. Среди них тоже оказывались политики разной окраски – и ретрограды, и консерваторы, и революционеры, как, например, Жан Батист Друэ (1763–1824), тот самый, кто 21 июня 1791 г. задержал в местечке Варенн короля Людовика XVI, пытавшегося бежать из Франции, а затем участвовал в «заговоре равных» вместе с Г. Бабёфом и лишь чудом избежал гильотины[2].

Что касается судей, то, согласно Конституции 1799 г., мировые судьи, бывшие нижним звеном судебной системы, *избирались* на три года, но всех остальных судей для гражданских, уголовных и кассационных инстанций *назначал* первый консул. Он же назначил генеральным прокурором Мерлена Дуэ, который, хотя и снискал себе прозвище «Поступь гиены», обладал, по мнению Ж. Тюлара, «исключительными познаниями в юриспруденции»[3]. К судебным чинам Наполеон предъявлял те же требования, что и ко всем прочим. Когда к нему на прием впервые явились только что назначенные судьи, он обратился к ним с таким напутствием: «Никогда не рассматривайте, к какой партии принадлежал человек, который ищет у вас правосудия»[4]. В целом, по Конституции 1799 г., судебная власть обретала не столько независимость, сколько подобие независимости от исполнительной и законодательной власти.

Итак, 18–19 брюмера в результате coup d'État победил, а спустя всего полтора месяца был конституирован во Франции новый режим, о природе которого до сих пор не кончаются споры историков, политологов, литераторов. Марк Алданов выразился с присущей ему живописностью: «Первому консулу достался в наследство от Директории большой публичный дом. Бонапарт медленно и верно перестраивает его в казарму»[5]. Да, военный элемент во властных структурах консульства был заметен: сам Наполеон – генерал, даже послы Франции в различных странах – генералы: Ж. Ланн в Португалии, Ж. Э. Ж. Макдональд в Дании, Г. М. Э. Брюн в Турции, А. Ф. Андреосси в Англии. Но все-таки надо признать, что этот военный элемент был невелик: среди сотен депутатов законодательных палат генералы составляли лишь единицы. Из всех министров кон-

---

[1] Цит. по: Вейдер Б. Наполеон. С. 63.
[2] Godechot J. Op. cit. P. 515.
[3] Тюлар Ж. Указ. соч. С. 104.
[4] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 109.
[5] Алданов М. А. Цит. соч. С. 27.

сульства и империи только военный министр был генерал и морской – адмирал. Как тут не вспомнить для сравнения, что в России при Николае I не только военное и морское ведомства, но и министерства внутренних дел, финансов, путей сообщения, почтовый департамент возглавляли генералы, а Министерство просвещения – адмирал (А. С. Шишков); даже во главе церкви, на пост обер-прокурора Святейшего Синода был назначен гусарский полковник, лихой наездник Н. А. Протасов, который по-военному распоряжался церковными делами и дослужился на этом поприще до генерала.

Повторю: военный элемент в государственной системе консульства был налицо, но, кроме того, что он был невелик, в тех, характерных для Франции к 1799 г., условиях революционного хаоса оказался полезным. Если Франция после 18 брюмера и напоминала казарму, то весьма благоустроенную. В кратчайший срок Наполеон упорядочил и, как нельзя более для того времени, упрочил режим власти, обеспечив защиту гражданских прав населения. «Каждому была ясна необходимость твердой власти – такая твердая власть была создана, – писал о том времени Стендаль. – <...>. Правительство Наполеона одинаково охраняло всех тех, кто повиновался законам, и беспощадно карало всех тех, кто дерзал их нарушать»[1].

Отчасти уже тогда в полномочиях первого консула можно было усмотреть намеки на военную диктатуру, но только отчасти. Автор специальной монографии «Наполеон и власть» Д. М. Туган-Барановский, полагавший, что переворот 18 брюмера привел именно «к установлению военной диктатуры», признавал главное: режим Наполеона «способствовал закреплению решающих завоеваний революции в социально-экономической области»[2]. Действительно, Конституция 1799 г. закрепила все основные завоевания революции: гражданское равенство всех французов, отмену сословий, феодальных привилегий и повинностей, буржуазное право собственности с наделением крестьян землей, свободу предпринимательства.

Сам Наполеон имел все основания заявить 15 декабря 1799 г., на следующий же день, после того как была принята *его* Конституция, в своем обращении к нации: «Революция оформилась в тех принципах, которые она провозгласила. *Революция закончилась*»[3]. А вот с выводом авторитетного французского историка Жака Годшо, полагавшего, что 18 брюмера привело к удушению демократии и что

---

[1] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 31. Непонятно, почему здесь же (С. 29) Стендаль утверждает, будто «генерал Бонапарт был чрезвычайно невежествен в искусстве управления».

[2] Туган-Барановский Д. М. Цит. соч. С. 252, 256–257.

[3] Correspondance de Napoléon. P.,1861. T. 6. № 4422. P. 32.

«французский народ в первые два года консульства ничего из себя не представлял, а в дальнейшем он значил столь же мало»[1], согласиться трудно.

Вся совокупность разнообразных источников свидетельствует о стремлении Наполеона с первых же его шагов как политического лидера нации и противника партийной разделенности сплотить вокруг себя большинство французов под *национальным* знаменем. Его кредо звучало столь же призывно, сколь и бескомпромиссно: «Ни красных колпаков, ни красных каблуков!»[2] Посмотрим далее, как он реализует это свое кредо.

2. Внутренняя политика

В результате coup d'État 18 брюмера и согласно Конституции 1799 г., фактически продиктованной им самим, Наполеон сосредоточил в своих руках почти самодержавную власть. Тем не менее он еще ряд лет сохранял и даже укреплял республиканские традиции. Парадоксально, но факт: даже после коронации 1804 г. Наполеон подписывался на всех декретах как *«император Французской республики»*, и только 1 января 1809 г. слова «Французская республика», которые чеканились на монетах, были заменены словами «Французская империя»[3].

Руководствуясь своим кредо «Ни красных колпаков, ни красных каблуков!», первый консул в числе первоочередных дел взялся за решение вопроса об эмиграции – этой, как он считал, «одной из главных язв государства»[4]. Дело в том, что после революции 1789 г. из Франции начался массовый отток эмигрантов разного происхождения – главным образом, конечно, дворян. Революционные конвульсии 1793–1797 гг. (террор якобинцев, перевороты 9 термидора и 18 фрюктидора) добавили к старым новые волны беженцев – не только роялистов, но и республиканцев. Общее их число специалисты определяют примерно в 200 тыс. человек из 30 миллионов французов[5]. Директория была по отношению к ним непримирима: в 1797 г., вскоре после 18 фрюктидора, она приняла декрет о смертной казни любого эмигранта, обнаруженного на территории респу-

---

[1] Godechot J. Op. cit. P. 488.

[2] Красный колпак был символом якобинцев, красные каблуки – принадлежностью туалета аристократов, роялистов.

[3] Олар А. Цит. соч. С. 943–944.

[4] Цит. по: Франчески М., Вейдер Б. Наполеон под прицелом старых монархий. М., 2008. С. 44.

[5] Там же. С. 43.

блики, а к концу 1799 г. с этой целью утвердила «чудовищный специальный список всех эмигрантов»[1].

Наполеон первым делом, на экстренном совещании консулов, отменил репрессивные приказы министра полиции Ж. Фуше, который явно переусердствовал в своем стремлении понравиться новой власти. По его приказам (если бы их одобрили консулы) подлежали высылке во Французскую Гвиану 37 известных республиканцев, в том числе личные, как полагал Фуше, враги Наполеона – Гюг Дестрем и Жозеф Арена. Мало того, Фуше приказал арестовать еще 27 бывших своих единомышленников-якобинцев из числа депутатов Совета пятисот, среди которых оказался генерал Ж. Б. Журдан; им грозила более легкая ссылка – в департамент Нижняя Шаранта, на западе Франции[2].

Отменив приказы Фуше (при полном согласии других консулов), Наполеон распорядился освободить арестованных республиканцев, а генералу Журдану 24 ноября 1799 г. написал дружеское письмо, в котором выразил надежду на сотрудничество с «триумфатором Флерюса»[3].

Еще до того как была провозглашена всеобщая амнистия эмигрантам, Наполеон вернул во Францию таких изгнанников – героев революции, как Л. Н. Карно и М. Ж. Лафайет. Но если Карно принял от первого консула, хотя и ненадолго, пост военного министра, то Лафайет, усмотрев в намерениях и действиях Наполеона тягу к «самовластию», отказался от сотрудничества с ним, отклонив все его предложения – войти в Сенат, принять только что учрежденную высшую награду Франции, а именно орден Почетного легиона, и, наконец, стать послом в США, где президентствовал старый друг Лафайета Томас Джефферсон[4].

Всеобщая политическая амнистия была объявлена 26 апреля 1802 г. Она не распространялась лишь на тех, кто боролся против Республики с оружием в руках. Сразу же началось массовое возвращение на родину эмигрантов обоего пола, разных взглядов, сословных категорий и возрастов. В первые же дни, по подсчетам специалистов, границу перешли более 50 тыс. возвращенцев[5]. «Французы не проявляют особой злопамятности к сбившимся с пути – лишь бы их

---

[1] Там же. С. 44.

[2] См.: Туган-Барановский Д. М. Цит. соч. С. 105–106; Манфред А. З. Цит. соч. С. 268.

[3] Correspondance de Napoléon. T. 6. № 4397. P. 14.

[4] См.: Черкасов П. П. Лафайет. Политическая биография. М., 1991. С. 272–276.

[5] Франчески М., Вейдер Б. Цит. соч. С. 45.

руки не были обагрены родной кровью, – читаем об этом в новейшем исследовании Бена Вейдера и Мишеля Франчески. – Вот любопытное свидетельство эмигрантки из "бывших", мадам де Буань: на пограничном контрольном посту, где она появляется не в лучшей, как ей казалось, форме, служащий начинает задавать ей анкетные вопросы, но старший по должности прерывает его: "Покороче! Пишите просто: «Прелестна, как ангел»". Тут мадам де Буань осознает, что она действительно вернулась домой!»[1]

Так «гниющая язва эмиграции» (по выражению Б. Вейдера и М. Франчески) была залечена. Очень многие из бывших эмигрантов интегрировались в государственные и воинские структуры, религиозные службы и дипломатические представительства, хотя (за исключением Карно) и не на высшие посты[2]. Был среди них и школьный друг Наполеона Александр де Мази. Полагая, что тот в эмиграции, скорее всего, обеднел, первый консул послал ему вексель на 10 000 франков с дружеской припиской: «Де Мази, когда-то ты давал мне деньги взаймы, теперь – моя очередь»[3].

Уважение к Республике и к революции все время консульства подчеркивалось везде и во всем. По инициативе Наполеона была вычеркнута из списка народных празднеств годовщина казни Людовика XVI, как событие отнюдь не праздничного толка, но зато дни взятия Бастилии (14 июля 1789 г.) и провозглашения Французской республики (20 сентября 1792 г.) праздновались с гораздо большей торжественностью, чем при Директории. Показательно для того времени, что Наполеон «настоял на исключении из состава Института Франции – высшая и редко применяемая мера наказания! – одного из влиятельных ее членов за то, что он посмел в своих сочинениях очернить революцию»[4].

В парадной галерее дворца Тюильри (резиденции консула) были установлены скульптурные портреты не только Александра Македонского, Ганнибала, Сципиона, Цезаря, великого Анри Тюренна (самого выдающегося из французских военачальников прошлого) и Фридриха Великого, но и Демосфена, Цицерона, Брута (рядом с портретом убитого им Цезаря), Д. Вашингтона, О. Мирабо, Ф. Марсо. Тот факт, что сестре вождя Французской революции Максимильена Робеспьера Шарлотте первый консул назначил пожизненную пенсию в 3600 франков, был тогда широко разреклами-

---

[1] Франчески М., Вейдер Б. Цит. соч. С. 45–46.
[2] См. об этом: Émigrés // Dictionnaire Napoléon. T. 1. P. 717–719.
[3] Кронин В. Цит. соч. С. 254.
[4] Манфред А. З. Цит. соч. С. 288.

рован, а вот о том, что вдовы казненных Ж. П. Марата, Г. Бабёфа и прокурора парижской Коммуны П. Г. Шометта сидят в тюрьме, знали немногие (кстати сказать, у вдовы Шометта консульская полиция изъяла больше 50 экземпляров памфлета против «узурпатора Бонапарта»)[1].

Роскошный Версальский дворец первый консул *подарил* солдатам-инвалидам, ветеранам Республики. «Бывшая обитель королей, – гласит написанный им декрет трех консулов от 28 ноября 1799 г., – должна стать спальней солдат, проливавших свою кровь, чтобы низвергнуть монархов»[2]. «Не следует забывать, – справедливо заметил по этому поводу А. З. Манфред, – что французская армия в те годы была на $^{9}/_{10}$ крестьянской. Жак-простак с деревянной ногой в покоях Марии-Антуанетты или в зеркальной галерее французских королей – что могло быть популярнее подобной правительственной меры в крестьянской стране? И армия, и деревня рукоплескали “маленькому капралу”, приписывая ему одному закон, так льстивший наивному тщеславию крестьян»[3].

Точно так же льстили тщеславию крестьян, солдат и вообще большинства нации факты дружеской переписки первого консула с боевыми соратниками *любого*, даже самого низкого ранга. Вот, к примеру, его ответ на обращение к нему простого сержанта: «Я получил твое письмо, *любезнейший товарищ*. Знаю твои заслуги. Ты один из храбрых гренадеров нашей армии. Твое имя внесено в список ста храбрецов, которых я приказал наградить почетными саблями. Все солдаты твоей полубригады находят тебя более всего достойным этой награды. *Мне очень бы хотелось с тобой свидеться*. Военный министр пришлет тебе предписание явиться в Париж»[4].

Здесь уместно вспомнить историю Жана Тереля, 300-летие со дня рождения которого было отмечено во Франции весной 1984 г. Терель родился в 1684 г. и прослужил во французской армии... три века, с конца XVII по начало XIX: начал службу 15-летним в 1699 г., а в 1777г. 93-х лет от роду получил от Людовика XVI чин капитана и был на время забыт, но в 1802 г. Наполеон узнал о нем и формально освободил его от военной службы, разумеется, с пожизненной пенсией. Умер Жан Терель в 1807 г. в возрасте 123 лет[5].

---

[1] См.: Олар А. Цит. соч. С. 876.

[2] Correspondance de Napoléon. T. 6. № 4404. P. 18.

[3] Манфред А. З. Цит. соч. С. 268–269.

[4] Цит. по: Слоон В. Новое жизнеописание Наполеона I. М., 1997. Т. 1. С. 488 (курсив мой. – *Н. Т.*).

[5] См.: Шушанский Н. Века в армии // Комсомольская правда. 1984. 5 марта. С. 4.

Первый консул старался внушить соотечественникам уважение к республиканским ценностям не только собственного отечества, но и всего мира. Именно во Франции, как нигде в Старом свете, была почтена трауром смерть 14 декабря 1799 г. первого президента Соединенных Штатов Америки Джорджа Вашингтона. Наполеон обратился к французским войскам с приказом: «Солдаты! Вашингтон умер. Память его будет всегда драгоценна французскому народу, так же как всем свободным людям Нового и Старого Света и особенно воинам Французской республики. Первый консул приказывает, чтобы в продолжение десяти дней черный креп обвивал все знамена Республики»[1].

Однако, прославляя статус и традиции Республики как особой (лучшей!) формы государственного устройства, консульский режим осуждал крайности якобинского террора. Д. М. Туган-Барановский первым из российских историков обратил внимание на трехтомное, по сути, специальное издание (еще до коронации Наполеона) хроники под названием «Исторические картины Французской революции». В ней подробно рассмотрен весь ход событий от взятия Бастилии до 18 брюмера включительно, причем революция и Республика возвеличены, но якобинцы за то, что они использовали и революцию, и Республику «в целях насилия», осуждены[2].

В то же время Наполеон как фактический глава государства проявлял терпимость и великодушие к роялистам. Самых опасных из них, прямых врагов Республики, трепетавших за тюремными стенами в ожидании смертной казни, он не стал казнить, а всего лишь выслал из страны. Так он разыграл роль великого Цезаря, историю которого не только хорошо знал, но и позднее сам написал (в изгнании, на острове Святой Елены). Этот момент попытался использовать глава роялистской эмиграции будущий король Франции Людовик XVIII. Ему показалось, что генерал Бонапарт может сыграть для французов роль английского генерала Джорджа Монка, который в 1660 г. помог изгнанной из Англии королевской династии Стюартов вернуться на престол и уничтожить – с тех пор и навсегда (доныне) – республику.

20 февраля 1800 г. Людовик прислал Наполеону письмо, в котором предлагал генералу и консулу Республики жезл коннетабля (верховного главнокомандующего) *королевской* Франции, если он поможет Бурбонам вновь занять отчий трон. «Возвратите Франции короля ее, и будущие поколения благословят Вашу память!» – взывал

[1] Correspondance de Napoléon. T. 6. № 4573. P. 151.
[2] Туган-Барановский Д. М. Цит. соч. С. 239–240.

будущий король к будущему императору[1]. Наполеон не откликнулся на этот призыв. Тем не менее летом 1800 г., уже после битвы при Маренго, Людовик направил ему второе письмо с какими-то вымученными комплиментами и с тем же предложением сыграть роль Монка. На этот раз, 7 сентября, Наполеон ответил Людовику: «Я получил Ваше письмо. Благодарю Вас за любезности, которые Вы мне говорите. Вы не должны желать возвращения во Францию: Вам пришлось бы пройти через сто тысяч трупов. Пожертвуйте Вашими интересами покою и счастью Франции – история зачтет Вам это!»[2] «Это письмо, – комментирует обмен письмами между будущими монархами Эмиль Людвиг, – написано с таким придворным изяществом, что кажется принадлежащим перу законного принца, а написанное Бурбоном, напротив, напоминает стиль неуклюжего выскочки»[3].

Стремясь как можно оперативнее и прочнее консолидировать вокруг себя нацию (на республиканской основе) и более того – создать внутри этой основы дополнительную, особо прочную социальную опору для своего режима – самого прогрессивного и демократического в Европе того времени, но с элементами диктатуры, – Наполеон придумал учредить 19 мая 1802 г. нечто среднее между бонапартистской *партией*, *«милицией режима»* (по выражению А. Собуля) и новой, *«народной знатью»* (выражение А. Дюма-отца)[4]. Назвать это новшество Наполеон предложил (и большинство французов с ним, естественно, согласилось) Орденом Почетного легиона, заимствуя «легион» из древнеримской атрибутики и, вероятно, вспоминая при этом великие легионы Цезаря.

Здесь пока имеется в виду не наградной знак отличия (кстати, с тех пор и поныне – высшая награда Франции), а именно особый слой социальной элиты, не только преданной ему лично, но и опоры для бонапартизма. Само понятие «бонапартизм» трактовалось у нас с марксистских позиций излишне широко, с применением его не только к Наполеону I, но и к Наполеону III, а также к О. Бисмарку, П. А. Столыпину, А. Ф. Керенскому, как «форма правления, которая вырастает из контрреволюционности буржуазии в обстановке демократических преобразований и демократической революции» и «сочетает социальную демагогию с политикой удушения демократических свобод»[5]. Факты в целом – при всем их многообразии – свиде-

---

[1] Цит. по: Бурьенн Л. А. Цит. соч. Т. 2. Ч. 4. С. 70.

[2] Correspondance de Napoléon. Т. 6. № 5090. P. 574.

[3] Людвиг Э. Цит. соч. С. 172.

[4] Собуль А. Цит. соч. С. 342; Дюма А. Наполеон. М., 1992. С. 218.

[5] Ленин В. И. Пол. собр. соч. 5-е изд. Т. 34. С. 83; БСЭ. 3-е изд. М., 1970. Т. 3. С. 551; СИЭ. М., 1962. Т. 2. С. 610; Жилин П. А. Фельдмаршал М. И. Кутузов. М., 1988. С. 75.

тельствуют, что французская буржуазия на рубеже XVIII–XIX вв. еще не была контрреволюционной; бонапартистский режим формировался не в «обстановке демократической революции», а после нее; «социальной демагогии» у Наполеона было отнюдь не больше, чем у других правителей Европы, а что касается «удушения демократических свобод», то здесь, как мы еще увидим, Наполеон грешен несравнимо меньше, чем кто-либо из европейских владык его времени.

Вернемся теперь к Ордену Почетного легиона. Еще при феодальном режиме во Франции существовали несколько духовно-рыцарских орденов – союзов со своими уставами, обетами, знаками отличия и прочими сословными привилегиями – начиная с Ордена Святого Михаила, основанного в 1469 г. Многие французы, особенно из числа республиканцев-радикалов, восприняли Орден Почетного легиона как подобие аристократических лиг прошлого и, стало быть, рождение новой аристократии. Так, в частности, судили авторитетные в то время генералы Ж. В. Моро, Ж. Б. Журдан, Л. Н. Карно. Поэтому Наполеон старался всячески подчеркнуть республиканизм своего Ордена. Устав Почетного легиона обязывал его членов бороться против любых попыток «восстановления феодального строя и связанных с ним привилегий» и, соответственно, присягать на верность «служению Республики, сохранению в целостности ее территории, защите ее правительства, ее законов и той собственности, которая санкционирована ими»[1].

Более того, Наполеон с самого начала создавал Орден Почетного легиона так, чтобы все видели, сколь несправедливы толки о закрытом, кастовом характере Ордена. Когда член Государственного Совета Матье Дюма предложил награждать орденом Почетного легиона как знаком отличия только военных чинов, первый консул решительно возразил: «Если мы сделаем различие между военными и гражданскими почестями, то создадим два Ордена, в то время как нация – одна. А если мы будем награждать только солдат, то поступим еще хуже, ибо тогда нация просто исчезнет»[2]. Точно так же Наполеон отклонил предложения других советников ввести градацию степеней ордена для разных чиновничьих должностей. В итоге всех обсуждений Орден Почетного легиона оказался именно таким, каким задумал и хотел его видеть Наполеон, – единым и доступным для всех граждан Республики.

Настораживали и отталкивали крайних республиканцев предусмотренные статусом Ордена привилегии для его членов – не только

[1] Цит. по: Собуль А. Цит. соч. С. 343.
[2] Цит. по: Кронин В. Цит. соч. С. 252–253.

политические, но и материальные. Почетный легион разделялся на 15 когорт (и здесь древнеримская атрибутика!) – по 350 легионеров, 30 офицеров, 20 командоров и семь гроссмейстеров в каждой. Все они *считались кавалерами* Ордена и каждый из них получал строго дифференцированное жалованье: гроссмейстеру – 5 тыс. франков в год, командору – 2 тыс., офицеру – 1 тыс., рядовому легионеру – 250 франков[1]. Кроме денежных выплат кавалеры Ордена имели льготы в отношении карьерного роста, хотя и не могли передавать свои права по наследству.

Немудрено, что при голосовании в законодательных палатах об Ордене Почетного легиона разгорелись жаркие споры. В Госсовете «за» выступили 14, «против» – 10 парламентариев. В конечном счете Законодательный корпус одобрил проект Ордена 166 голосами против 110[2]. Так, с немалым трудом, Орден пробивался сверху к «низам» через парламентские барьеры. Зато в «низах» – военных и гражданских – он сразу обрел и сохраняет доныне (!), уже повсеместно, вплоть до «верхов», исключительную популярность. За первые два года, еще до коронации Наполеона, орденские знаки Почетного легиона получили 9 тыс. французов, а к 1808 г. – 20 275[3]. Лишь единицы – такие, как два героя войны за независимость в Северной Америке генерал, маркиз М. Ж. Лафайет и маршал граф Ж. Б. Рошамбо, – отказались от этой награды.

Первый во Франции торжественный церемониал награждения орденом Почетного легиона состоялся 15 июля 1804 г. (уже после того как Наполеон был провозглашен императором) – во дворе парижского Дома инвалидов, там, где теперь, в наше время, президент Франции вручает награды кавалерам этого ордена.

Реформируя и укрепляя политические основы Французской республики, Наполеон в то же время не меньше внимания уделял экономике. Первый консул как глава реформированного государственного аппарата быстро ликвидировал разрушительные, словно после землетрясения, следы режима Директории. Прежде всего он наладил (если не сказать возродил) бюджет страны, который Директория буквально развалила. Придя к власти, Наполеон обнаружил в государственной казне всего-навсего 167 тыс. франков – сумма по тому времени и в масштабах великой державы ничтожно малая, что и дало основание Ш. Годену при вступлении в должность министра финан-

---

[1] Подробно см.: Бочоришвили К. Г. Орден Почетного Легиона при Наполеоне I // Французский ежегодник. 1981. М., 1983. С. 210–220.

[2] Тюлар Ж. Указ. соч. С. 139.

[3] Там же. С. 139–140. В. Кронин в его цит. соч. (С. 253) насчитал при Наполеоне 30 тыс. кавалеров ордена Почетного легиона.

сов заявить, что на тот момент «финансов во Франции фактически не существовало».

Невероятно, но факт: за один год Наполеон упорядочил налоговую систему в стране, обуздал казнокрадство и спекуляцию, пресек финансовые злоупотребления. 6 января 1800 г. был учрежден знаменитый Французский банк – с тех пор и поныне неизменно один из самых стабильных в мире. Уже к 1802 г. поступления в бюджет Республики составили 500 млн франков, к 1804 г. – 769 млн[1]. Столь быстрое «финансовое оздоровление» Франции Жан Тюлар по праву назвал «сенсационным»[2].

Как добился Наполеон таких результатов в такой короткий срок? Что ему помогло? Конечно, он опирался на обновленную или заново созданную (по его же инициативе и под его руководством) администрацию, а в первую очередь – на таких «финансовых волшебников», как Ф. Лебрен и Ш. Годен. Но ведь и сам первый консул разбирался в вопросах экономики лучше любого из глав государств его времени. Выдающийся экономист, профессор Тюбингенского университета в Германии Фридрих Лист (1789–1846) находил у Наполеона «больше государственной мудрости, чем у всех современных ему писателей-экономистов во всех их произведениях». «Во всяком случае, если это было и не так, – комментировал вывод Листа Е. В. Тарле, – то самому Наполеону всегда казалось, что это именно так; и в строгом соответствии с таким убеждением он и поступал»[3].

Первым делом Наполеон мобилизовал на обслуживание своего режима крупнейших финансистов Республики. Среди них уже тогда выделялись трое: Жан Бартелеми Ле Куто де Кантеле (1746–1818), будущий граф де Френель, семья которого возглавляла несколько международных банков; Жак Лаффит (1767–1844) – с 1830 по 1831 г., министр финансов и глава правительства Франции, и, конечно же, один из самых богатых людей Европы Габриэль-Жюльен Уврар (1770–1846), прозванный «финансовым Наполеоном». Все они после революционного хаоса были заинтересованы в политической стабильности и потому охотно поддержали Наполеона, тогда как Директорию третировали (банкир Ж.-П. Колло говорил о ней: «пять призраков власти»[4]).

Вскоре после 18 брюмера Наполеон собрал у себя самых крупных банкиров и коммерсантов Франции на совещание, где заявил: «Я об-

---

[1] Собуль А. Цит. соч. С. 322–323.

[2] Тюлар. Ж. Цит. соч. С. 106.

[3] Тарле Е. В. Континентальная блокада // Соч.: В 12 т. М., 1958. Т. 3. С. 90.

[4] Бурьенн Л. А. Цит. соч. Т. 2. Ч. 4. С. 130.

ращаюсь к тем людям, которые благодаря своему состоянию и кредиту, плодам промышленной деятельности, соединенной с добропорядочностью, могут способствовать торжеству революции, что наконец даст французам правительство, пользующееся уважением как со стороны друзей, так и со стороны врагов Республики. Все должно воодушевлять вас к тому, чтобы предпринять самые благородные усилия <...>. Объединимся же и сплотимся!»[1] Толстосумы откликнулись на этот призыв и единодушно решили предоставить новому правительству кредит на 12 млн франков золотом[2].

Однако сознавая, сколь важна поддержка со стороны толстосумов, Наполеон всегда относился к ним с недоверием, ценил их, но не уважал. Вот что говорил он о них П. Л. Редереру: «Нельзя, чтобы знатность происходила из богатства. Кто такой богач? Скупщик национальных имуществ, поставщик, спекулянт – короче, вор. Как же основывать на богатстве знатность?»[3] Подозревая в любом из них вора, казнокрада, спекулянта, Наполеон, еще будучи первым консулом, а в особенности став императором, старался держать их всех, что называется, в ежовых рукавицах. «Тяжелую руку нового властителя некоторые спекулянты и казнокрады почувствовали очень скоро, – писал об этом, пожалуй, наиболее выдающийся знаток экономической политики Наполеона Е. В. Тарле. – Он подержал в тюрьме знаменитого в те времена поставщика и хищника Уврара, возбудил преследование против ряда других, приказал строжайше проверять счета, задержал выплаты, показавшиеся ему малообоснованными. Он несколько раз прибегал к такому приему: сажал финансиста в тюрьму, когда была уверенность в совершенном им мошенничестве, независимо от того, успел или не успел тот ловко замести следы, и держал его там, пока тот не соглашался выпустить свою добычу»[4].

Воровство, казнокрадство Наполеон не прощал даже близким людям. Так, после 18 брюмера начал воровать его школьный приятель и (с 1797 г.) личный секретарь Луи Антуан Бурьенн, вообще отличавшийся, по словам Наполеона, «сорочьими повадками». В январе 1802 г. Наполеон поручил ему купить для Гортензии Богарне в качестве подарка к ее свадьбе с Луи Бонапартом дом в Париже. Бурьенн купил его за 500 тыс. франков, а счет Наполеону выставил на миллион. Мало того, Бурьенн докладывал каким-то «заинтересованным

---

[1] Цит. по: Туган-Барановский Д. М. Цит. соч. С. 104–105.

[2] Там же. С. 105.

[3] Цит. по: Иванов А. Ю. Тайны египетской экспедиции Наполеона. М., 2004. С. 205.

[4] Тарле Е. В. Наполеон. С. 108.

сторонам» конфиденциальные подробности из жизни Наполеона за 25 тыс. франков в месяц[1]. Наполеон уволил его с должности секретаря канцелярии первого консула (сказав при этом: «Чтоб я вас больше здесь не видел!») и отправил рядовым чиновником в Гамбург, где тот был уличен в хищениях на сумму в 2 млн франков. Наполеон вновь уволил Бурьенна и приказал ему вернуть в государственную казну хотя бы половину ворованных денег[2]. Бурьенн попал в опалу, а после падения империи стал мстить Наполеону в своих 10-томных мемуарах, написанных с помощью литератора-авантюриста Ш. М. де Вильмаре. Умер Бурьенн 7 февраля 1834 г. в доме для умалишенных, но еще при его жизни, в 1830 г., граф Буле де ля Мерт с группой соавторов издал в Брюсселе разоблачительную книгу из 720 страниц под названием «Бурьенн и его ошибки»[3].

Возрождая и укрепляя бюджет страны, Наполеон с первых же шагов в качестве первого консула стремился максимально субсидировать важнейшие отрасли экономики. Е. В. Тарле, приступая к разбору документов, легших в основу его капитального труда «Континентальная блокада», по его собственному признанию, «предполагал a priori, что и в делах, касающихся промышленности, Наполеон проявлял ту же огромную работоспособность, быстроту и силу соображения, умение извлечь существенное из массы мелочей, ту же непреклонную волю, которую <...> он проявлял и в других делах <...>. Но действительность все же на этот раз превзошла ожидания. Трудно себе представить, до какой степени обширно, непрестанно, беспокойно было его вмешательство во все, касавшееся интересов промышленности. Ничто не могло отвлечь его надолго от этих вопросов. Готовится новая отчаянная борьба с Австрией, но Наполеон среди приготовлений к ней находит время гневливо указать министру внутренних дел, что нужно выписывать баранов-мериносов, а не овец, ибо этого требуют нужды шерстяной промышленности <...>. Он не довольствуется постоянными вопросами и резолюциями по поводу уже представленных ему докладов. Очень часто он лично возбуждает дела и требует докладов. Не нужно ли запретить вывоз шелка-сырца из Италии в Германию, чтобы лионские мануфактуры не нуждались в сырье? Хватит ли сырья для сахарных заводов? Чем именно пернамбукский хлопок выше того, что приходит из Георгии?»[4]

---

[1] Кронин В. Цит. соч. С. 548–549.

[2] См. об этом: там же. С. 549; Маркс К. Бурьенн // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 14. С. 120–121.

[3] См.: Кронин В. Цит. соч. С. 549.

[4] Тарле Е. В. Континентальная блокада. С. 83–84. Пернамбуку – штат и город в Бразилии. Георгия (Джорджия) – штат на юго-востоке США.

При этом Наполеон всегда проявлял особую заботу о техническом совершенствовании промышленного производства. Преимущество машин перед ручным трудом от считал такой же азбучной истиной, как то, что *«солнце дает больше света, нежели свеча»*[1]. Первый консул поощрял изобретения (буквально обласкал Ж. М. Жаккара – создателя ткацкой машины, значительно облегчившей труд ткачей) и карал выдачу за рубеж и даже внутри страны технических секретов: по ст. 418 Уголовного кодекса за это полагалось наказание от штрафа в 20 тыс. франков до двух лет тюрьмы[2]. В связи с этим трудно понять, почему Наполеон не оценил такое изобретение, как первый в мире пароход, продемонстрированный в 1803 г. на реке Сене знаменитым американцем Робертом Фултоном. Не получив признания и поддержки от правительства Франции, Фултон вернулся в США, где и начал строить, вполне успешно, пароход за пароходом[3].

Как бы то ни было, экономика и в первую очередь – промышленность Франции в годы консульства шла вперед невиданными ранее темпами. Уже в 1800 г. по инициативе Наполеона было создано «Общество поощрения национальной промышленности». К руководству Обществом Наполеон привлек крупнейших ученых – Г. Монжа, К. Л. Бертолле, Ж. А. Шапталя, Н. Ж. Конте. В 1802 г. была создана Торговая палата, в 1803 г. – Палата мануфактур. Мировой резонанс вызвала открывшаяся в 1801 г. в Париже первая национальная промышленная выставка, которая, по справедливому заключению А. З. Манфреда, «показала, что и во французской промышленности вслед за Англией наступает время технического переворота»[4]. Не зря министр-академик Шапталь считал возможным говорить о «процветании» и даже «совершенстве», которого достигла промышленность Франции при Наполеоне уже в годы консульства[5]. Такой подъем продолжался и в годы империи, когда стали расти доходы в государственную казну за счет многочисленных контрибуций и реквизиций из других стран, но примерно в той же пропорции росли и военные расходы. Бен Вейдер в своей книге приводит такие данные: добыча каменного угля возросла с 250 тыс. тонн в 1794 г. до

---

[1] Это выражение Наполеона Е. В. Тарле нашел в одном из его писем к Ж. Камбасересу: Тарле Е. В. Континентальная блокада. С. 79, 519.

[2] Там же. С. 79–80.

[3] Подробно об этом см.: Уилсон М. Американские ученые и изобретатели. М., 1964. С. 20–29.

[4] Манфред А. З. Цит. соч. С. 366.

[5] Chaptal J. A. Op. cit. P. 287.

800 тыс. тонн в 1814, производство чугуна за те же годы – с 60 тыс. до 112 тыс. тонн, каменной соли – с 40 тыс. до 150 тыс. тонн[1].

Тем временем рабочий люд – непосредственный созидатель всех этих благ – жил в условиях очень жестких. Скандальный плод Великой революции – закон Ле Шапелье[2] от 14 июня 1791 г., который запрещал любое объединение рабочих (включая профсоюзы) и стачки – сохранял силу и при якобинской диктатуре, и при Директории, и при Наполеоне и далее, вплоть до 1864 г., когда отменит его... Наполеон III. Это поразительно, если учесть, что самого Ле Шапелье якобинцы гильотинировали в феврале 1794 г. по обвинению в *контрреволюционной* деятельности.

12 апреля 1803 г. Наполеон подписал новый закон, подтверждавший запрет стачек и прав рабочих на объединение в профсоюзы, а 1 декабря того же года – еще и закон о «рабочих книжках», который ставил рабочего в унизительную зависимость от хозяина: в случае экономического конфликта между первым и вторым правительство априори защищало интересы последних, держась принципа «хозяин всегда прав»[3]. При этом, однако, Наполеон всегда – и в годы консульства, и в период империи – старался не доводить положение рабочих до крайности. Он прямо говорил Ж. А. Шапталю: «Боюсь рабочих восстаний из-за недостатка хлеба. Я бы меньше боялся сражения против 200 тыс. человек»[4].

Поэтому Наполеон так заботился о занятости рабочих, делая все возможное, чтобы гарантировать им хотя бы прожиточный минимум и не допустить безработицы. «Дать им работу и хлеба, побольше и подешевле!» – постоянно напоминает первый консул о рабочих центральным и местным властям. «Зима будет суровой, мясо дорогим, – предупреждает он мэра Парижа перед новым 1800 годом. – Мы должны обеспечить всех парижан рабочими местами». В то же время он обязывает и министра внутренних дел: «Мы должны создать новые рабочие места, особенно в этом месяце перед праздниками. Сделайте заказ, чтобы 2000 рабочих из Сент-Антуана изготовили стулья, комоды, кресла. Жду ваших предложений завтра, дабы можно было тут же приступить к делу»[5]. Не забывает Наполеон и о хлебе: цена на хлеб во Франции, и без того невысокая в начале консульства,

---

[1] Вейдер. Б. Наполеон. С. 122.

[2] Ле Шапелье Исаак Рене Ги (1754–1794) – адвокат, член Национального Учредительного собрания Франции, умеренный либерал.

[3] Подробно см.: Тарле Е. В. Рабочий класс во Франции в эпоху революции // Собр. соч.: В 12 т. М., 1957. Т. 2. С. 559–560.

[4] Chaptal J. A. Op. cit. P. 284–285.

[5] Цит. по: Людвиг Э. Цит. соч. С. 174.

упала с 12 су за фунт в 1803 г. до 9 су в 1804[1]. Характерен и такой факт: когда первому консулу подали проект указа о запрещении входить в парк у дворца Тюильри людям в рабочей одежде, он «перечеркнул его и разрешил вход в парк всем без исключения»[2].

Не удивительно, что рабочие, давно жаждавшие конца тех бед, которые были унаследованы от Директории, а в первую очередь – конца войны, безработицы и голода, восприняли режим консульства, возвеличенный авторитетом «гражданина Бонапарта», как благо. Полиция, следившая за настроением различных слоев населения страны, сообщала летом 1800 г.: «...наилучший дух царит среди рабочих»[3].

Главной социальной опорой консульского и затем имперского режима Наполеона была буржуазия (не только городская, но и сельская), класс постреволюционных собственников, включая имущее крестьянство. Конституция 1799 г. закрепила за крестьянами право владеть землей, которую они приобрели во время революции, отняв ее у своих бывших господ, феодалов. В земледелии, как и в промышленности, Наполеон заботился об экономическом прогрессе, щедро поощряя технические нововведения. Так, он лично вручил орден Почетного легиона «изобретателю сахара из свеклы» банкиру Жюлю-Полю-Бенжамену Делессерту (1773–1847) и приказал засадить свеклой 100 тыс. гектаров, а фармацевта Антуана-Огюста Парментье (1737–1813) возвел в баронское звание за то, что тот внедрил во Франции картофель[4].

Наряду с экономикой исключительно важную роль во внутренней политике консульства играло образование. В этой сфере первый консул столкнулся с трудностями не меньшими, если не большими, чем в экономике. Образованием в королевской Франции ведала религиозная администрация, а в результате массового с 1789 г. исхода из страны (внутри страны – из жизни) священнослужителей большинство учебных заведений остались без преподавателей, и к 1799 г. французская молодежь «блистала скандальным невежеством»[5]. На одном из первых же заседаний Государственного совета Наполеон заявил: «Из всех областей управления самая важная – народное образование. От этого зависит все – и настоящее, и будущее. Народное образование должно быть разумным и классическим»[6].

---

[1] Тюлар Ж. Цит. соч. С. 140.
[2] Людвиг Э. Цит. соч. С. 174.
[3] Цит. по: Тарле Е. В. Рабочий класс во Франции... С. 557.
[4] См.: Вейдер Б. Наполеон. С. 120.
[5] Там же. С. 111.
[6] Цит. по: Вейдер Б. Наполеон. С. 111.

Сказано – сделано. Именно Наполеон, еще до того, как стал императором, начав почти с нуля, создал, а в годы империи постоянно совершенствовал «разумную и классическую», в основном сохраняющуюся поныне (!), систему начального, среднего и высшего образования во Франции[1]. Начальное образование по закону от 1 мая 1802 г. он передал в ведение местных коммун, а среднее и высшее конструировал под государственным, фактически под своим *личным* контролем. Функции ведомства по управлению высшей и средней школой выполнял «L'Université», во главе которого стоял «Grand Maître» (Великий магистр) с полномочиями министра образования. Вместо старых университетов, которые были закрыты во время революции как «очаги религиозной схоластики», Наполеон открывал специализированные вузы для подготовки инженеров, юристов, педагогов, чиновников любого профиля (административных, судебных, финансовых, военных) и др. Средние школы (лицеи, колледжи) открывались главным образом для того, чтобы готовить младших офицеров и государственных служащих, которые могли в дальнейшем с целью карьерного роста получать после среднего еще и высшее образование.

Нельзя не согласиться с Беном Вейдером в том, что «только с помощью цифр можно составить представление о масштабах этих преобразований, доведенных до конца первым консулом и, далее, императором. За 15 лет число лицеев возросло с 9 до 46, частных средних школ, контролируемых государством, – с 300 до 1200; колледжей, заново созданных, к 1815 г. станет 370. В 1814 г. Франция насчитывала 37 академий, 13 теологических вузов, 17 – юридических, 9 – медицинских, 31 – языка и литературы, 17 – естественных наук»[2]. Что касается начального образования, то, по подсчетам Эмиля Людвига, уже через три года после 18 брюмера Франция имела 4500 народных школ[3].

Не отвлекаясь от решения насущных правовых, социально-экономических, образовательных проблем, Наполеон в первые же полтора года своего консульства сумел решить и одну из самых острых проблем – бандитизма, обезопасить Республику от разбойничьих шаек. Зверский разгул этих шаек, главным образом на дорогах южной и центральной Франции, обрел в последние годы правления Директории характер социального, если не сказать национального, бедствия. Вооруженные бандиты разбойничали на больших дорогах,

---

[1] Подробно об этом см.: Тарле Е. В. Наполеон. С. 142–143; Вейдер Б. Наполеон. С. 110–115.

[2] Вейдер Б. Наполеон. С. 112–113.

[3] Людвиг Э. Цит. соч. С. 175.

останавливали кареты, дилижансы, фургоны и не только грабили пассажиров, но чаще всего их убивали; нападали и на деревни, захватывали людей, изуверски (с «поджариванием» пяток на медленном огне) пытали их, требуя золота и драгоценностей. Иной раз с той же целью крупные банды совершали разбойничьи налеты и на города. «Эти шайки, – читаем у Е. В. Тарле, – прикрывались знаменем Бурбонов; их люди якобы мстили за ниспровергнутый королевский трон и католический алтарь»[1]. Тот факт, что почти все они были заурядными уголовниками – бродягами, дезертирами, беглыми арестантами и каторжниками, эти люди, естественно, не рекламировали.

Е. В. Тарле особо подчеркнул оперативность и результативность мер, принятых Наполеоном против бандитизма: хотя «развал и беспорядок в полицейском аппарате к концу правления Директории делали эти шайки почти неуязвимыми и “подвиги” их безнаказанными», первый консул «расправился с разбоем в каких-нибудь полгода»[2]. Он действовал, презрев всякое милосердие по отношению к бандитам. Его директивы карательным отрядам были предельно жестокими: не брать в плен, расстреливать захваченных бандитов на месте, казнить не только тех, кто грабит и убивает, но и тех, кто перепокупает и перепродает награбленное, и даже полицейских чинов, которые попустительствуют грабителям и убийцам. Результат сказался быстро и был впечатляющим: к лету 1800 г. повсеместно (кроме Вандеи, о ней речь впереди) на всех дорогах, в городах и деревнях воцарились тишина и порядок. Теперь «один вид жандармов, набиравшихся Наполеоном из числа лучших его солдат, устрашающе действовал на преступников», – писал о том времени Стендаль[3].

Е. В. Тарле именно в связи с очищением Франции в 1799–1800 гг. от разбойничьих банд заключил, что Наполеон *всегда* «решительно предпочитал скорее покарать десять невиновных, чем пощадить или упустить из рук одного виновного», и что он «скорее простил бы, если бы о нем распространяли слух, что он зверь, чем возводили бы на него *напраслину, будто он добр*»[4]. В этом Евгений Викторович, судя по свидетельствам из самых разных источников, существенно ошибается. Конечно, исследования Артура Леви («Душевные качества Наполеона») и академика Фредерика Массона («Наполеон I в придворной и домашней жизни») можно расценить как предвзятую апологию Наполеона. Но ведь даже в них, помимо слащавых комментариев, есть неоспоримо засвидетельствованные очевидцами *факты*,

---

[1] Тарле Е. В. Наполеон. С. 104.
[2] Там же. С. 105.
[3] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 32.
[4] Тарле Е. В. Наполеон. С. 106. Курсив мой. – *Н. Т.*

которые говорят, что Наполеон – не только не зверь, но и как человек по своей природе, говоря словами его личного секретаря барона А.-Ж.-Ф. Фэна, «не был зол, но был естественно добр». Главное же, подобными свидетельствами изобилуют многие источники. Преимущественно на основании таких фактов Д. С. Мережковский составил в своей книге о Наполеоне отдельный параграф под названием «Злой или добрый?»[1].

Да, по отношению к разбойничьим бандам, французским заговорщикам-террористам (о них пойдет речь особо) или египетским фанатикам-бунтовщикам Наполеон был жесток, но расправлялся с ними адекватно их жестокости. Запятнали его репутацию два расстрела: *трех тысяч* пленных турок 8 марта 1799 г. под Яффой и, как ни странно, воспринятый общественным мнением как еще более одиозный, чем расправа в Яффе, расстрел *одного* герцога Энгиенского 20 марта 1804 г. в Венсенском замке. Оба этих расстрела – очевидные, непростительные злодеяния. И все-таки даже в этих случаях нельзя закрывать глаза на смягчающие обстоятельства. Ведь массовый расстрел турок, как мы видели, был спровоцирован адъютантами Наполеона и навязан ему именно силою обстоятельств, которым он уступил после трехдневного их обсуждения на военном совете, а что касается герцога Энгиенского (о нем и его судьбе мы еще поговорим), то он стал жертвой такого сплетения закономерностей и случайностей, где не все зависело от злой или доброй воли Наполеона.

Зато вопиют о себе, требуя нашего внимания, другие факты. Вспомним, как Наполеон 13 вандемьера 1795 г., при стрельбе в мятежников-роялистов на улицах Парижа после первых двух залпов, *во избежание лишних жертв*, приказал заряжать пушки только порохом, без снарядов, т. е. пугать и разгонять мятежников холостыми выстрелами. Сравним: в России 14 декабря 1825 г. Николай I, расстреливая мятежные полки декабристов, и не подумал о такой относительно гуманной мере. А тот, восславленный корифеями мировой культуры, факт, когда 11 марта 1799 г. Наполеон с риском для собственной жизни посетил чумной госпиталь в Яффе, чтобы ободрить больных солдат, – разве не есть свидетельство гуманной, *доброй* воли главнокомандующего? И не о том ли говорит приказ Наполеона во время отступления из Сен-Жан д'Акра отдать всех лошадей, включая его собственную, под фургоны для больных и раненых, а здоровым солдатам, офицерам и генералам, а также самому главнокомандующему идти через выжженную пустыню пешком?

---

[1] Мережковский Д. С. Наполеон. М., 1993. С. 46–64.

Общеизвестно, как почитал Наполеон своих родителей – папу Карло и маму Летицию, как смолоду, еще с лейтенантского чина, всегда заботился о своих трех сестрах и четырех братьях (кроме Люсьена, с которым, хоть и временно, но подолгу был в ссоре). Он мог быть верным и заботливым другом. Память о погибших друзьях – таких как Ж. Б. Мюирон, Л. Ш. А. Дезе, Ж. Ланн, Ж. Б. Бессьер, М. Ж. К. Дюрок, гибель которых он горько оплакивал, – Наполеон хранил до конца своих дней и не забыл об их семьях в своем завещании. Да что там друзья! – барон А. Ж. Ф. Фэн с удивлением узнал о том, что Наполеон всю жизнь содержит свою старую кормилицу Камиллу Илари (это еще не удивительно) и выплачивает из собственного кармана персональные пенсии сестре Максимильена Робеспьера и... кормилице короля Людовика XVI[1]. «Так просто и чудно примирил он в сердце своем палача с жертвою», – комментировал этот факт Д. С. Мережковский[2].

На войне, по воспоминаниям того же барона Фэна, «первым делом его (Наполеона. – *Н. Т.*) после всякого сражения была забота о раненых. Сам обходил поле, приказывал подбирать своих и чужих одинаково; сам наблюдал, чтобы делались перевязки тем, кому они еще не были сделаны, и чтобы все до последнего перенесены были на амбулаторные пункты или в ближайшие госпитали»[3]. Заглянем в 1812 г., на поле Бородинской битвы. Хорошо известен цитированный и пересказанный в разных источниках эпизод из воспоминаний наполеоновского адъютанта и будущего члена Французской Академии графа Ф. де Сегюра: когда Наполеон со своим штабом объезжал поле сражения, уже оставленное русскими, «нога одной из лошадей наступила на раненого и вырвала у него крик, последний признак жизни и страдания. Император в гневе стал бранить штабных за то, что они не заботятся о раненых. Кто-то, чтобы успокоить его, заметил, что это русский солдат. Но император с живостью возразил, что после победы нет врагов, а есть только люди! Затем он разогнал офицеров, сопровождавших его, повелев им оказать помощь всем тем, чьи крики раздавались в разных концах поля»[4].

---

[1] Fain A. J. Mémoires du baron Fain, premier secrétaire du cabinet de l'empereur. P., 1909. P. 95.

[2] Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 62.

[3] Fain A. J. Op. cit. P. 253.

[4] Сегюр Ф. Поход в Россию. Мемуары адъютанта. М., 2002. С. 110–111. Филипп де Сегюр (1780–1873) – внук маршала Франции и военного министра при Людовике XVI Ф. А. де Сегюра и сын графа Л. Ф. де Сегюра, французского посланника при дворе Екатерины II.

Потрясающую историю записал Э. Лас Каз на острове Святой Елены со слов Наполеона. Император вспомнил тогда, как после одного из сражений Итальянской кампании 1796–1797 гг. (какого именно, забыл) в тихую лунную ночь он с группой офицеров обходил поле боя, с которого еще не успели подобрать убитых, и вдруг увидел и услышал собаку. Она выла над трупом своего хозяина. Когда офицеры подошли к ней поближе, она бросилась было к ним, потом отпрянула назад к трупу и стала лизать его лицо, тут же – опять к ним, и так много раз, не переставая выть, «как будто призывая на помощь или требуя мщения, – вспоминал Наполеон. – Никогда ничто ни на одном поле битвы не производило на меня такого впечатления <...>. Этот человек, подумал я, всеми покинут, кроме собаки. Какой урок дает людям природа в лице этого животного! В самом деле, что такое человек и какая тайна в чувствах его? Я, командовавший в стольких сражениях и спокойно смотревший на гибель стольких людей, был потрясен этим жалобным воем собаки»[1]. Д. С. Мережковский, ссылаясь на того же Э. Лас Каза, М. Марбо и Ф. де Сегюра, добавляет к этой сцене другую: «Вот и сам Наполеон воет, как собака, как Ахиллес над Патроклом, – над маршалом Ланном, когда под Эсслингом раздробило ему обе ноги ядром. И ночью, один, в императорской ставке, когда ему подали ужин, ест через силу и плачет, и слезы капают в суп»[2].

Как и любому человеку, Наполеону не было чуждо ничто человеческое, включая добро и зло. Чем крупнее, масштабнее человеческая личность, тем заметнее в ней и достоинства, и пороки, а Наполеон был уникально масштабной личностью. Все в нем было крупно, значимо, броско – и хорошее и дурное, и добро и зло. Но судим мы его исключительно как политика, мало или вовсе не интересуясь им как человеком. Между тем все зло, за которое можно его судить, Наполеон сотворил именно как политик. В политике он был, по его собственному признанию, то львом, то лисицей, но в повседневном общении с разными (не только близкими) людьми в нем проявлялся добрый человек, а то и ребенок, по-корсикански бойкий и шаловливый. Он мог, будучи уже императором, в гостях у маршала Ж. Б. Бессьера, развлекаться детской игрой, как это делают «пятнадцатилетние мальчишки», а на острове Святой Елены так очаровал 14-летнюю англичанку Бетси Бэлкомб, что она, поначалу боявшаяся его, поскольку наслушалась о нем как о «людоеде-чудовище», через несколько дней после первой встречи уже играла, ша-

[1] Las-Cases E. Le memorial de Sainte-Hélène. P., 1894. T. 1. P. 312.
[2] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 60.

лила с ним, как с ровесником, и не могла забыть этих игр до глубокой старости[1]. Д. С. Мережковский справедливо заметил, что этой наполеоновой «детскости» (в широком смысле – как доброты) *не понимают* такие критики Наполеона, как «безнадежно взрослый Ипполит Тэн и безнадежно тоскующий о детстве Лев Толстой»[2]. Не понял этого или, может быть, не захотел понять и Е. В. Тарле.

Обратимся теперь к Вандее. Здесь все было гораздо серьезнее и опаснее для Французской республики, чем уголовный бандитизм на дорогах. С 1793 г. на северо-западе Франции шла настоящая гражданская война, которая условно называется «вандейской», хотя кроме Вандеи она охватила еще соседние с нею провинции – Анжу, Бретань и Нижнюю Нормандию[3]. Восстали тогда против Республики местные (преимущественно из Вандеи и Бретани) крестьяне, так называемые шуаны, которые отличались фанатичной религиозностью и слепо верили своим приходским священникам, а те очень искусно настроили их против антирелигиозной политики якобинцев и вообще против всего и вся, что связано с Республикой. Религиозность шуанов переплелась с роялизмом в единое целое: казненный король Людовик XVI был в их представлении не только «помазанником Божьим», но и мучеником за христианскую веру. Священники и роялисты-дворяне мобилизовали и вооружили (не столько на свои, сколько на английские деньги) целую армию – 40 тысяч бойцов[4]. Кстати, Англия, кроме денег, снабжала шуанов продовольствием, снаряжением, инструкторами и даже «пушечным мясом»: в июле 1795 г. английская эскадра высадила на полуостров Киберон (в Бретани) несколько тысяч французских эмигрантов, готовых сразиться «за Бога и короля»[5].

Шуаны Вандеи и Бретани были не просто фанатиками, но и мастерами войны на истребление с безбожниками-республиканцами. Оноре Бальзак писал о них: «Жители этих мест беднее мыслями, чем могикане, краснокожие Северной Америки, но столь же сильны духом, столь же хитры и выносливы, как они»[6]. Сражались они с республиканскими войсками отчаянно. Только к лету 1795 г. один из луч-

---

[1] Б. Бэлкомб (в замужестве Авелл) в 1849 г. опубликовала свои воспоминания о Наполеоне на острове Святой Елены. Подробно о них см.: Вейдер Б., Хэпгуд Д. Кто убил Наполеона? М., 1992. С. 204–213, 264–265.

[2] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 64.

[3] См. об этом специальное исследование: Пискунова Е. П. Приход к власти Наполеона Бонапарта и окончание вандейской войны // Вестник Вол. ГУ. Сер. 4. История. Философия. Вып. 1. 1996. С. 21–28.

[4] См.: Туган-Барановский Д. М. Цит. соч. С. 124.

[5] Франчески М., Вейдер Б. Цит. соч. С. 49.

[6] Бальзак О. Собр. соч.: В 24 т. М., 1960. Т. 16. С. 129–130.

ших полководцев Республики Л. Гош, сочетая насилие с переговорами, был близок к замирению Вандеи, но Конвент переместил его на Рейн для более важного дела – войны с Австрией, где тот вскоре умер, не дожив и до 30 лет, а тем временем гражданская война в Вандее и соседних провинциях разгорелась с новой силой. Незадолго до 18 брюмера шуаны после ряда побед над республиканскими войсками взяли город Нант. Их вожаки заговорили о близкой реставрации Бурбонов.

Наполеон буквально с первых же дней после прихода к власти вынужден был заняться, наряду с массой других проблем, и проблемой Вандеи. Он сделал ставку не столько на подавление, сколько на замирение. Первый шаг к этому он сделал 9 декабря 1799 г. Дело в том, что 14 ноября того же года, через пять дней после 18 брюмера, близ Кале потерпел крушение английский корабль, на борту которого находился очередной десант роялистов-эмигрантов. Все они были арестованы. 9 декабря Наполеон распорядился: «...вне права народа воспользоваться несчастьем кораблекрушения, чтобы предать справедливому гневу законов несчастных, избежавших стихии волн»[1]. По его приказу все эмигранты были освобождены из-под ареста и высланы с территории Республики.

Вслед за тем и немедленно первый консул вступил в переговоры с вождями шуанов. 25 декабря 1799 г. он принял в Люксембургском дворце Ги де Невиля – тайного представителя самого графа д'Артуа[2], а 27 декабря – вместе с де Невилем еще и генерала Луи д'Андинье. Наполеон предложил шуанам сложить оружие и признать Конституцию 1799 г., а со своей стороны обещал им восстановить религиозные службы, списать с них недоимки, гарантировать политическую амнистию. Шуаны настаивали на реставрации Бурбонов, но первый консул был категоричен: «Бурбоны не имеют больше никаких шансов. Они забыты». Переговоры закончились безрезультатно, и Наполеон сразу (заранее предусмотрев такой поворот) перешел от переговоров к силовому давлению[3].

10 января 1800 г. первый консул обнародовал прокламацию, которая гласила, что прекращение гражданской войны реально лишь при условии капитуляции мятежников: «Занести вооруженную руку над Францией способны теперь только люди без веры и родины, веро-

---

[1] Цит. по: Пискунова Е. П. Указ. соч. С. 23.

[2] Шарль (Карл) д'Артуа (1757–1836) – родной брат двух королей – Людовика XVI и Людовика XVIII – и сам король Франции в 1824–1830 гг., глава французской контрреволюционной эмиграции на рубеже XVIII–XIX вв.

[3] См. об этом: Пискунова Е. П. Указ. соч. С. 25–27; Тюлар Ж. Цит. соч. С. 108.

ломные орудия внешнего врага»[1]. Одной из первых жертв нового, подчеркнуто карательного, поворота в отношении первого консула к шуанам стал один из их главарей Луи де Фротте. Он получил паспорт для проезда в Париж на встречу с первым консулом, но в то же время отправил письмо к шуанам с требованием не покоряться. Французские жандармы, узнав об этом, в ночь с 15 на 16 февраля 1800 г. арестовали Фротте. Руководивший этой операцией генерал Ф. Ж. Лефевр (будущий маршал Франции) приказал его расстрелять, и «эта экзекуция была поставлена в упрек лично Бонапарту»[2], поскольку Л. А. Бурьенн запустил в обиход бытующую до сих пор версию о том, что расстрелять Фротте повелел сам Наполеон[3]. Между тем первый консул объяснил свою роль в расправе над Фротте с исчерпывающей ясностью: «Я не отдавал такого приказа, однако не могу сказать, что огорчен его казнью»[4].

Впрочем, расстрел Фротте был лишь заключительным актом карательной кампании республиканских войск против шуанов. Дело в том, что как раз к середине февраля генерал Г. М. Э. Брюн (еще один будущий маршал), назначенный 14 января главнокомандующим Внутренней армией, подавил главные очаги сопротивления мятежников в Бретани и Вандее. Теперь уже шуаны предложили возобновить переговоры. На этот раз Наполеон пригласил в Париж для личной встречи самого популярного среди шуанов их предводителя – Жоржа Кадудаля. Сын простого крестьянина, богатырь, «Голиаф», как называли его шуаны, с минимумом интеллекта, но с максимумом физической силы и «с сердцем тигра»[5], он был фанатически одержим религиозно-роялистскими иллюзиями и с 1793 г. всегда был «заводилой» у мятежников, проявляя в боях с республиканцами крайнюю жестокость. Летом 1794 г. он был арестован, но тут случился (27 июля) термидорианский переворот, и Кадудаль вышел на свободу, а затем эмигрировал в Англию. Оттуда он вернулся по весне 1799 г., чтобы возглавить девятый вал мятежа шуанов. И вот он получил приглашение на встречу с первым консулом, который при этом гарантировал Кадудалю, независимо от исхода переговоров, личную безопасность на все время его пребывания в Париже и свободное возвращение к собратьям по оружию.

---

[1] Цит. по: Тюлар Ж. Цит. соч. С. 109.
[2] Tulard J. Frotté // Dictionnaire Napoléon. T. 1. P. 839.
[3] См. Туган-Барановский Д. М. Цит. соч. С. 124, 282.
[4] Цит. по: Тюлар Ж. Цит. соч. С. 109.
[5] Марбо М. Мемуары генерала барона де Марбо. М., 2005. С. 123.

Наполеон принял Кадудаля 5 марта 1800 г. в Люксембургском дворце. Первый консул (приземистый, худощавый, далеко не атлет) несколько часов вел острый диалог *наедине* с тигроподобным, могучим, как Геркулес, врагом. Адъютанты Наполеона, толпившиеся в соседнем зале, были в панике: они знали, что Кадудаль готов «за Бога и Короля» на любое злодеяние и даже на самопожертвование.

«Почему он не убил Бонапарта? – задал такой вопрос Е. В. Тарле и сам ответил на него. – Исключительно потому, что в тот момент он был еще под властью той вскоре исчезнувшей иллюзии, которая с самого начала карьеры Бонапарта сбивала с толку роялистов. Им все казалось, что молодому прославленному полководцу суждено сыграть роль генерала Монка»[1].

Действительно, ко времени переговоров с Кадудалем Наполеон еще не ответил на первое письмо Людовика XVIII, призвавшего его сыграть роль Монка, а знаменитый отказ первого консула от такой роли в ответ на второе письмо («Вам пришлось бы пройти через сто тысяч трупов...») последует лишь в сентябре 1800 г. Теперь же Наполеон предлагал Кадудалю отказаться от войны против своей Республики и перейти на службу к ней в армию с *генеральским чином* (!), чтобы воевать только против внешних врагов. Кадудаль отверг эти предложения и свободно (как было ему гарантировано) вернулся в Вандею. Наполеон вновь перешел от дипломатии к насилию.

В течение следующих месяцев гражданская война в Вандее и соседних департаментах неуклонно угасала. Попытки Кадудаля оживить мятеж шуанов не удались. Сам Кадудаль вынужден был довольствоваться партизанскими набегами мелких и разрозненных банд на отставшие группы солдат Республики. Боеспособность шуанов и свойственная им ранее сила духа слабели под воздействием ряда причин: в первую очередь, это были, конечно, растущие успехи республиканских войск под командованием Брюна и Ж. Б. Бернадота, но также и обещание амнистии со стороны Наполеона, его терпимость к религии и еще сохранявшаяся надежда шуанов на него как на второго Монка. Вкупе эти факторы сказались, хотя и не сразу, но решающим образом: в мае 1801 г. республиканская армия подавила уже едва тлевший последний очаг организованного сопротивления шуанов в Вандее[2].

Едва ли не самой трудной проблемой внутренней политики для первого консула стала проблема религиозная: как разрешить конфликты и упорядочить отношения между светской властью и церко-

[1] Тарле Е. В. Наполеон. С. 107.

[2] Си.: Пискунова Е. П. Цит. соч. С. 28.

вью, между верующими и атеистами, а среди верующих – между приверженцами разных конфессий? Сам Наполеон, по мнению его авторитетнейших биографов, «если и не был убежденным атеистом, то во всяком случае его можно назвать весьма равнодушным и довольно нерешительным деистом»[1]. В своей религиозной политике он руководствовался не догматами веры, а сугубо деловым расчетом на объединение и сплочение нации. Религию же он рассматривал как испытанное веками средство такого объединения, поскольку она обеспечивает моральную устойчивость общества. «Никакое общество не может существовать без морали, а настоящая мораль немыслима вне религии, – заявил он в обращении к миланскому духовенству 5 июня 1800 г. – Следовательно, прочную и постоянную опору дает государству только религия. Общество, лишенное веры, похоже на корабль, лишенный компаса»[2].

Между тем Французская революция подвергла религию и ее служителей, причем не только господствовавшей во Франции католической веры, но и всех вообще конфессий, небывалым прежде гонениям[3]. Начало им положил 2 ноября 1789 г. декрет Учредительного собрания о национализации всего церковного имущества (принятый, кстати, по инициативе Ш. М. Талейрана, который был в то время епископом Отенским). Вслед за тем по закону от 19 июня 1790 г. – этой «Гражданской конституции духовенства»[4] церковь была поставлена на службу государству, а все ее пастыри, от приходских священников до епископов, становились госслужащими и как таковые избирались прихожанами. 13 апреля 1791 г. глава католической церкви папа римский Пий VI предал «богохульные» законы революции анафеме, но тем самым лишь еще более ожесточил гонителей религии. В 1793 г. из Франции были изгнаны все священнослужители, отказавшиеся присягнуть Конституции, изгнаны с угрозой смертной казни для каждого из тех, кто останется на территории Республики. Гильотинировали в те годы священников, как всех и всяких преступников, а кроме того, повсюду, но главным образом в Париже, закры-

---

[1] Тарле Е. В. Наполеон. С. 140. Ср.: Тюлар Ж. Цит. соч. С. 114–115. А. З. Манфред (безоговорочно) и Д. М. Туган-Барановский (с оговорками) объявили, что Наполеон «вообще не был» религиозным, верующим человеком: Манфред А. З. Цит. соч. С. 355; Туган-Барановский Д. М. Цит. соч. С. 184.

[2] Цит. по: История XIX века / под ред. Э. Лависса и А. Раамбо. Т. 1. С. 164–165.

[3] Подробно см.: Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. М., 1977. Т. 1. Кн. 2. Гл. VI–VII.

[4] Тюлар Ж. Цит. соч. С. 113.

вались храмы, разрушались колокольни, сжигались молитвенные книги и даже мощи святых.

К тому моменту, когда Наполеон возглавил Францию, страна, по мнению французских историков, «переживала в религиозном отношении период совершенной анархии»[1], которую усугубили смерть (29 августа 1799 г.) папы римского Пия VI и затянувшаяся пауза с избранием (21 марта 1800 г.) нового папы – Пия VII. В миру он был графом Грегорио Луиджи Барнаба Кьярамонти. Как личность Пий VII предстает в литературе по-разному: у Э. Лависса и А. Рамбо – это «миролюбивый и мягкий по натуре» политик, «готовый идти на все уступки, совместимые с его властью»[2]; у Е. В. Тарле – «пронырливый интриган», который «панически боялся Наполеона и считал его насильником и грабителем», а Наполеон со своей стороны «не верил ни одному слову» такого папы[3]. Впрочем, первый консул понимал, что убедить, сбить с толку, а то и запугать «святого отца» ему будет легче, чем сломить неизбежную оппозицию любым уступкам церкви со стороны его собственного, чиновничьего и военного, окружения, привыкшего за годы революции и Республики к анархистскому безбожию. Зато он верил, что народ Франции абсолютным большинством поддержит его курс на примирение и согласие государства с церковью, атеистов с верующими, католиков с протестантами и т. д.

Итак, гражданин Бонапарт приступил к решению религиозных проблем, исходя из общенациональных интересов. Анри Жомини так излагал ход его мысли: «Счел нужным восстановить католическую веру по тем же причинам, которые за два столетия перед тем убедили Генриха IV принять ее[4]. Но если необходимо возвратить служителей церкви, то не менее необходимо обуздать их честолюбие»[5]. Французский историк Э. Шеннон так комментировал эту мысль первого консула: «Революция пыталась сокрушить церковь, но безуспешно, а Бонапарт не хотел, чтобы церковь разрушила государство. Оставался только один исход: заключить конкордат»[6], т. е. договор между Французской республикой и папой римским о положении католической церкви во Франции.

---

[1] История XIX века. Т. 1. С. 164.

[2] Там же. С. 165.

[3] Тарле Е. В. Наполеон. С. 140–141, 165–166.

[4] Генрих IV (1553–1610) – король Франции с 1589 г., родоначальник династии Бурбонов. Был ранее главой протестантов (гугенотов), но ради национального единения принял католичество, заявив: «Париж стоит мессы».

[5] Жомини А. Политическая и военная жизнь Наполеона. СПб., 1840. Т. 1. С. 197.

[6] История XIX века. Т. 1. С. 165 (автор главы – Э. Шеннон).

Сам Наполеон с исчерпывающей доходчивостью разъяснил свою политику по отношению к религии в речи на заседании Государственного совета 11 августа 1800 г.: «Моя политика – это управление людьми согласно воле большинства. Это форма признания суверенитета народа. Проявив себя как католик, я выиграл войну в Вандее; проявив себя как мусульманин, я закрепился в Египте; проявив себя как ультрамонтан[1], я завоевал умы в Италии. Если бы я управлял еврейским народом, то восстановил бы храм Соломона»[2].

Переговоры о заключении конкордата начались в Париже 6 ноября 1800 г. Их вели специальные уполномоченные от Консульства и папства под личным контролем пронырливого, но трусливого Пия VII и напористого в дипломатической изощренности Бонапарта. 15 июля 1801 г. подготовленный текст конкордата подписал в Париже Наполеон, а 15 августа (в день рождения Наполеона!) в Риме – Пий VII. Далее первому консулу потребовалось восемь месяцев, чтобы провести конкордат через законодательные палаты, вопреки категорическим возражениям оппозиции, и 15 апреля 1802 г. обнародовать его как закон Французской республики.

В преамбуле к 17 статьям конкордата говорилось: «Католическая религия является религией значительного большинства французских граждан» (но не государственной религией, как это было до революции)[3]. Отныне по всей стране вновь было разрешено беспрепятственное богослужение, но теперь епископов и архиепископов назначал по своему усмотрению первый консул, а папа римский лишь после этого посвящал в сан назначенное лицо (Ст. 4–5). Все священнослужители от епископов до кюре («низших церковников») должны были присягать на верность первому консулу (Ст. 6–7), а государство – выплачивать им жалованье как чиновникам (Ст. 14). По настоянию Наполеона конкордат обязал не только Пия VII, но и его преемников никогда, ни при каких условиях и «каким бы то ни было образом» не требовать возвращения Церкви конфискованных у нее земель и прочих имуществ (Ст. 13). А в дополнительной, т. н. «органической статье» конкордата от 8 апреля 1802 г. первый консул довольно бесцеремонно поставил «Его Святейшество» на место: «Никакие буллы, рескрипты, мандаты или другие послания

---

[1] Ультрамонтан – католик, отстаивающий право папы Римского вмешиваться не только в религиозные, но и в светские дела любого католического государства.

[2] Цит. по: Франчески М., Вейдер Б. Цит. соч. С. 56.

[3] Полный текст конкордата воспроизведен по французским первоисточникам в цит. соч. Д. М. Туган-Барановского. С. 185–187.

Римского двора <...> не могут быть получены, опубликованы или исполнены во Франции без разрешения правительства».

Другая «органическая статья» гарантировала французам свободу вероисповеданий в духе следующего указания первого консула: «Ни один человек не вправе сказать другому человеку: “Ты должен исповедовать такую-то религию и т. д.”»[1].

18 апреля 1802 г., в день Святой Пасхи, впервые за последние девять лет в Париже состоялось торжественное богослужение. На нем был объявлен и молитвенно восславлен конкордат. Местом торжества стал вновь открытый для богослужений собор Парижской Богоматери (Notre-Dame de Paris). Здесь собралось огромное число верующих и просто любопытных. Наполеон спросил генерала А. Г. Дельмаса, как ему показалось это торжество. Генерал ответил: «Очень красивая арлекинада! Жаль только, что недостает сегодня миллиона людей, сложивших головы для искоренения того, что вы теперь восстанавливаете»[2].

Дельмас выразил общее мнение республикански настроенных соратников Наполеона. Ученые из Национального института, побывавшие вместе с ним в Египте, офицеры и генералы, воспитанные в духе отрицания Церкви как оплота тиранов, – все они возражали против примирения с Церковью. Первый консул выходил из себя, слушая такие возражения. С Дельмасом он поссорился на десять лет[3]. Важнее эмоций всех ученых и генералов были для него собственные расчеты: на то, что французскому народу необходим религиозный мир и что Церковь станет важной опорой государства, а священнослужители – его (как выразился американский историк У. Д. Дюран) «духовной жандармерией»[4]. Время показало, что ни в том, ни в другом он не ошибся. Летом 1802 г. церковные колокола, молчавшие девять лет, зазвонили по всей Франции и звонят доныне.

Сам Наполеон вспоминал на острове Святой Елены: «Мне было труднее восстановить религию, чем выиграть сражение»[5]. Зато и светские, и духовные его соратники и современники (пусть иные

---

[1] Вандаль А. Возвышение Бонапарта. С. 529.

[2] Д’Абрантес Л. Записки... Т. 6. С. 57; Тюлар Ж. Цит. соч. С. 119. По другим данным, так ответил Наполеону генерал П. Ф. Ш. Ожеро (Кастело А. Цит. соч. С. 403; Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 175) либо генерал Ж. Ланн (Делдерфилд Р. Ф. Маршалы Наполеона. М., 2001. С. 142).

[3] Антуан Гийом Дельмас (1767–1813) был уволен в отставку 16 мая 1802 г., возвращен на военную службу 10 апреля 1813 г. и погиб в исторической «битве народов» под Лейпцигом.

[4] Durant W. D. The Age of Napoleon. New York, 1975. P. 183.

[5] Цит. по: Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 175.

только со временем) воздали ему как творцу конкордата должное. Святейший глава католицизма Пий VII в 1813 г. авторитетно заявил: «Мы должны помнить, что после Бога ему, Наполеону, религия преимущественно обязана своим восстановлением. Конкордат есть христианское и героическое дело спасения»...[1]

При всем стремлении Наполеона к национальному единству всегда и везде, будь то политика, экономика или религия, и при том, что он даровал Франции ряд прогрессивных нововведений, главным из которых стал его гражданский кодекс, речь о котором еще впереди, уже в годы его консульства отчетливо проявлялись черты диктатуры и деспотизма с обязательным для всякого диктатора и деспота подавлением оппозиции. Раньше и сильнее всего этот его деспотизм выразился по отношению к печати. Е. В. Тарле несколько преувеличенно, но в принципе верно определил контроль Наполеона над прессой как «идеальное, законченное уничтожение всяких признаков независимого печатного слова», хотя и насчитал к 1811 г. во Франции 205 периодических изданий[2].

Наполеон всегда различал меру опасности для себя и своего режима той или иной оппозиции. Все зависело, как он полагал, от меры ее воздействия на политическое сознание нации. Он был терпим к деловой критике его политического курса в тиши законодательных палат и не принимал всерьез крикливую оппозицию со стороны Э. Ж. Сьейеса и ему подобных, ибо Сьейес, фигурально говоря, «сжимал кулаки, но прятал руки в карманы – на большее его смелости не хватало»[3]. А вот оппозиция прессы раздражала первого консула и озлобляла.

Наполеон понимал как, может быть, никто из современников силу прессы. Именно он назвал ее «шестой державой», как бы на равных с пятью великими державами того времени: Францией, Англией, Россией, Австрией и Пруссией. Поэтому его стремление обуздать прессу и поставить ее, как и церковь, себе на службу было естественным. Первый шаг к этому Наполеон сделал 17 января 1800 г. В тот день был обнародован декрет, который запрещал 60 из 73 парижских газет. С этого декрета, считают авторитетные французские историки, и «открывается эра деспотизма» в наполеоновской Франции[4].

Существует мнение (в частности, его разделял А. З. Манфред), что мысль о запрещении столичных газет подсказал Наполеону

---

[1] Там же. С. 176.

[2] Тарле Е. В. Печать во Франции при Наполеоне I // Соч.: В 12 т. М., 1958. Т. 4. С. 509, 543.

[3] Манфред А. З. Цит. соч. С. 283.

[4] История XIX века. Т. 1. С. 11 (автор главы – А. Олар).

Ж. Фуше в специальной записке, в которой тот утверждал: «Газеты всегда были застрельщиками революций, они их возвещали, подготавливали, а затем делали неизбежными. *Малое количество изданий легче контролировать и проще заставлять работать на упрочение конституционной власти*»[1]. Правда, Манфред резонно замечает: «...не следует забывать, что Фуше решался высказывать предположения или советы, только будучи твердо уверенным, что они соответствуют желаниям патрона». В данном случае совет Фуше вполне соответствовал взглядам первого консула, который запрещал газеты «не потому, что они были опасны или оппозиционны, но потому, что их было слишком много, а чем газет меньше, тем лучше»[2].

Как бы то ни было, декрет от 17 января 1800 г., хотя и принятый как *временная* мера («пока продолжается война»), поставил прессу под жесткий контроль властей на весь период консульства и империи. При этом обоснование единовременного запрета более 80 % парижских газет звучало издевательски: «...часть (! – *Н. Т.*) газет служит орудием в руках врагов Республики»[3]. Теперь вне контроля остались лишь нелегальные памфлеты, которые тут же начали призывать всех недовольных к «уничтожению тирана» (в качестве примера Жан Тюлар сослался на «опус» М. Метжа «Турок и французский воин», приглашавший всех французов стать «тысячами Брутов»)[4].

Крайне негативные оценки большинства историков (особенно Е. В. Тарле) драконовской сути декрета 17 января справедливы. Однако, соглашаясь с ними, надо учитывать и два смягчающих обстоятельства. С одной стороны, 13 газет, уцелевших после декрета, были лучшими в Париже[5] (среди них крупнейшая из газет того времени – «Moniteur» и «Gazette de France» – старейшая из всех французских газет), а с другой стороны, условия политической, экономической, психологической войны с европейскими коалициями, главным образом с Англией, наводнившей Европу не только деньгами и оружием, но и антинаполеоновской литературой, отчасти все же оправдывали жесткий надзор французского правительства над собственной прессой.

---

[1] Манфред А. З. Цит. соч. С. 284; Тюлар Ж. Цит. соч. С. 111.

[2] Тарле Е. В. Печать во Франции... С. 502–503.

[3] Подробно об этом см.: Там же. С. 502–505.

[4] Тюлар Ж. Цит. соч. С. 111. О М. Метже см.: Dictionnaire Napoléon.. Т. 2. Р. 308; Туган-Барановский Д. М. Наполеон и республиканцы. Саратов, 1980. С. 37–38, 48–49.

[5] Все тринадцать перечислены в «Истории XIX века» (Т. 1. С. 11).

Более того, даже при наличии явных признаков авторитарного режима во внутренней политике первого консула он как деспот далеко отставал от феодальных монархов Европы – российского, прусского, австрийского и других. «Правил тиран, но произвола было мало», – так оценил Стендаль правление Наполеона в годы империи[1]. В период же консульства, до 1804 г., и тирании еще не было. Наполеоновский деспотизм уже проступал сквозь его конституционное облачение, но был пока что терпим – и сам по себе, и благодаря репутации Наполеона как «устроителя революционного хаоса», гениального законодателя и администратора. В конце концов разве не прав был Карл Маркс, рассудив, что «легче переносить деспотизм гения, чем деспотизм идиота»?[2]

Как же сам Наполеон понимал и объяснял природу собственного деспотизма? Он был абсолютно убежден в объективной необходимости своих мер и старался убедить в этом всех – и современников, и потомков. Вот что он говорил об исторической обусловленности переворота 1799 г.: «О 18 брюмера рассуждают метафизически и долго еще будут рассуждать: не нарушены ли законы, не совершено ли преступление. Но в лучшем случае это отвлеченности, которые годятся только для книг, для трибуны и бесполезны перед лицом всевластной необходимости; это все равно, что обвинить моряка, срубившего мачты, дабы спастись от кораблекрушения. Созидатели этого великого переворота могли бы ответить своим обвинителям, как тот древний римлянин: оправдание наше в том, что мы спасли отечество. Возблагодарим же богов!»[3]

Первый консул не просто декларировал, он стремился реализовать идею общенационального (без дележа на роялистов и якобинцев) единения французов, разумеется, во главе с ним самим. Он знал, что эта идея импонировала большинству нации, и, как никто, умел обосновать и возвеличить ее. «Присоединяйтесь все к народу! – призывал он своих оппонентов в письме к одному из них, бывшему депутату Совета пятисот Ж.-Ф. Бейтсу вскоре после 18 брюмера. – Простое звание французского гражданина стоит несравненно выше, чем прозвища роялистов, якобинцев, фельянов[4] и еще тысячи и одного наименования, которые убаюкивают дух клик и в течение деся-

---

[1] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 33.

[2] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 563; Т. 6. С. 163.

[3] Цит. по: Туган-Барановский Д. М. Наполеон и власть. С. 233. «Древний римлянин» – Марк Туллий Цицерон, который в 63 г. до н. э. оправдывал бессудную расправу над участниками заговора Луция Сергия Катилины необходимостью спасти отечество (прим. В. Н. Парфенова).

[4] Фельяны – сторонники конституционной монархии во Франции.

ти лет ускоряют ход нации к пропасти, от чего пришло время ее навсегда спасти»[1]. Можно понять Д. М. Туган-Барановского, который под впечатлением этих строк вспомнил слова генерала Г. Гурго: «Иногда Наполеон говорил как простой смертный, а иногда – как Бог»[2].

Очень помогала Наполеону в его стремлении к национальному единству официальная пропаганда, которую он искусно направлял и контролировал. Впрочем, она служила ему не только из угодливых соображений, как своему хозяину, но и потому, что видела и осязала поддержку его курса большинством нации. Повсеместно, от финансовых воротил до простого люда, все больше успеха имели восхваления первого консула – и в деловой прозе, и в незатейливых стихах. Характерные примеры приводит Ж. Тюлар. Так, солидная газета «Journal de Paris» сообщала: «На редкость могучий организм первого консула позволяет ему работать по 18 часов в сутки и на протяжении этих 18 часов концентрировать свое внимание на одном деле или же равномерно распределять его на двадцать дел так, что сложность какого-либо из них или утомление от него не идут в ущерб другим». Дополняли эту картину вирши «скромного узника ремесленной школы»:

Он возвратит нам скоро
И славу, и свободу –
Надежда и опора
Французского народа[3].

Поддержка национального большинства главным образом и обеспечила первому консулу победу над политической оппозицией. Внутри страны оппозиция при Наполеоне никогда не представляла собой существенной угрозы его режиму, хотя и готовила время от времени заговоры и террористические акты. В первые месяцы консульства она была уже многообразной, но все-таки слабой, поскольку роялисты в то время держались выжидательно. Только после того как Наполеон 7 сентября 1800 г. отверг повторное обращение к нему Людовика XVIII и стало ясно, что первый консул не желает стать «Монком белых лилий»[4], в роялистских кругах «решено было его убить»[5].

---

[1] Correspondance de Napoléon. T. 6. № 4398. P. 11.

[2] Туган-Барановский Д. М. Наполеон и власть. С. 234.

[3] Тюлар Ж. Цит. соч. С. 133–134.

[4] Белые лилии – атрибут герба королевской династии Бурбонов во Франции.

[5] Тарле Е. В. Наполеон. С. 127; Манфред А. З. Цит. соч. С. 348.

Активнее действовали в зимние и весенние месяцы 1799–1800 гг. якобинцы: они проводили тайные собрания в домах энтузиастов и ветеранов революции (предпочтительно у Мари-Клодины Дюфлок – вдовы генерального прокурора парижской Коммуны П. Г. Шометта, тоже якобинца, гильотинированного в 1794 г. ... якобинцами), распространяли в рабочих предместьях памфлеты М. Метжа с призывом к восстанию и, по агентурным данным консульской полиции, «возлагали определенные надежды на уничтожение современного правительства»[1], но предпринять что-либо практически не успели.

С якобинцами пытались наладить контакт для совместных выступлений против бонапартистского режима т. н. бабувисты, т. е. соратники коммуниста-утописта Гракха Бабёфа, казненного за подготовку вооруженного восстания против Директории в 1797 г. Среди них выделялись Феликс Лепелетье и особенно Филиппо Микеле Буонарроти.

Близкий друг юности Наполеона, а теперь его политический антагонист, заслуживший позднее особый респект от вождя всемирного анархизма М. А. Бакунина как «величайший конспиратор XIX столетия»[2], Буонарроти встретил день 18 брюмера в тюрьме форта Шербур. Он и четверо его друзей были приговорены по делу Бабёфа к пожизненному заключению и с приходом к власти Наполеона стали апеллировать к нему, добиваясь своей реабилитации. Первый консул, однако, не спешил с их реабилитацией. Лишь в марте 1800 г. он распорядился перевести бабувистов из тюрьмы на остров Олерон под надзор полиции, которая быстро уличила их в связях с местными якобинцами[3]. Впрочем, каких-либо опасных для консульства последствий эти связи не имели.

Гораздо больше забот и тревог доставляла Наполеону парламентская оппозиция, главным образом в Трибунате. Здесь в январе 1800 г. председателем палаты был избран бескомпромиссный республиканец Франсуа Дону. На радостях по такому случаю другой заступник Республики Оноре Дюверье заявил: «Если кто-либо осмелится заговорить здесь о двухнедельном кумире, мы напомним всем, что эти стены были свидетелями падения полуторатысячелетнего кумира»[4] (т. е. Французской монархии, история которой заняла 481–1792 гг.) Когда же депутат Жан Риуф помянул добром Бонапарта, сравнив его

---

[1] Цит. по: Туган-Барановский Д. М. Наполеон и власть. С. 115.

[2] Бакунин М. А. Полн. Собр. соч. [СПб., 1907]. Т. 1. С. 65.

[3] Подробно см.: Туган-Барановский Д. М. Наполеон и республиканцы. С. 159–160.

[4] Цит. по: Тюлар Ж. Цит. соч. С. 130.

с Ганнибалом, голос оратора заглушил ропот неодобрения. Большинство Трибуната выступило против законов о чрезвычайных мерах, государственных займах, мировых судах, которые инициировал первый консул. Наполеон был в ярости: «Эту свору метафизиков давно пора утопить. Настоящие паразиты, забившиеся в складки моей одежды. Уж не думают ли они, что я позволю поступить с собой, как с ЛюдовикомXVI?»[1] Воспользовавшись подоспевшим сроком обновления на 1/5 состава Трибуната, первый консул поручил второму (Ж. Ж. Камбасересу) заменить наиболее рьяных оппозиционеров лояльными депутатами, что Камбасерес и обеспечил. В результате обновления и Дону, и Дюверье, и фактический лидер оппозиции Бенжамен Констан остались за бортом Трибуната.

Но, конечно же, наибольшую опасность для режима консульства таила в себе военная оппозиция. При всем том, что Наполеон именно в армии пользовался колоссальным, ни с кем не сравнимым авторитетом, военные круги, настроенные до фанатизма республикански (в частности, благодаря победам Наполеона над армиями антифранцузской коалиции), усматривали в режиме консульства возврат к монархии и не хотели допустить такого возврата даже со стороны Наполеона. Nota bene: речь идет о *командном* составе войск Республики. Ж. Тюлар справедливо подчеркивает: «Заговоры стали привилегией офицерства. Солдаты в них не участвовали»[2]. Разумеется, и офицеры и генералы далеко не все встали в оппозицию к Наполеону, но нашлись среди них и такие. Судя по данным из разных источников, Г. М. Брюн – генерал и будущий маршал империи, а в прошлом друг таких корифеев революции, как Ж. Дантон и К. Демулен, – сговаривался с генералом К. Ф. Мале «арестовать Бонапарта, когда тот приедет в Дижонский лагерь (начальником которого был Мале. – *Н. Т.*) инспектировать войска»[3]. Бонапарт, однако, в Дижон не приехал.

Тем временем генерал Ж. В. Моро превратил в один из центров военной оппозиции свой дом в Париже на ул. Анжу. Здесь собирались, вели подстрекательские разговоры и, возможно, строили планы заговора против Наполеона популярные генералы А. Массена, Ж. Э. Макдональд, П. Ф. Ш. Ожеро (все трое – будущие наполеоновские маршалы), К. Ж. Лекурб, М. Дюма и др. Самым авторитетным из них был Моро. Военная оппозиция считала его своим лидером. Полиция докладывала первому консулу о каких-то связях Моро с якобинцами, о распространении в Париже прокламаций: «Да здрав-

[1] Тюлар Ж. Цит. соч. С. 131.
[2] Там же. С. 132.
[3] Туган-Барановский Д. М. Наполеон и республиканцы. С. 111–112.

ствует Моро! К черту правительство!»[1] Но, как верно подметил Д. М. Туган-Барановский, «для лидера какого-либо тайного заговора Моро вел себя слишком открыто. Он демонстративно отказался войти в состав Почетного легиона, не присутствовал на торжественном богослужении по случаю конкордата, отвергал все приглашения Наполеона и его попытки как-то договориться»[2]. В результате консульская полиция не смогла уличить Моро и его единомышленников ни в чем противоправительственном. Оговорюсь: не смогла уличить *пока*. Но впереди был еще 1804 г.

Значительно более серьезным оказался другой очаг военной оппозиции в штабе Рейнской армии, которой в то время командовал Ж. Б. Бернадот. Весной 1800 г. здесь «тлел заговор под названием "горшки с маслом"; эти горшки использовались для нелегальной транспортировки антибонапартистских памфлетов»[3]. Возглавлял заговор начальник штаба армии генерал Э. Ф. Симон, а среди участников заговора были также генерал А. Г. Дельмас и адъютант Бернадота Адольф Марбо – родной брат генерала барона Марселена Марбо, автора интереснейших мемуаров. Кстати, Марселен Марбо категорически утверждал, что в заговоре Симона участвовал и сам Бернадот[4]. Заговорщики начали было распространять воззвания к армии и к обществу, написанные Симоном в таком духе: «Тиран узурпировал власть. Кто этот тиран? – Бонапарт!»[5], но не успели предпринять ничего более. В июне 1800 г. почти все они были арестованы.

Генерал Симон взял всю вину на себя, заявив, что он – единственный организатор заговора, но отделался лишь ссылкой в провинцию Шампань, а в 1809 г. был возвращен на военную службу с генеральским чином[6]. А что Бернадот? Ничего! Наполеон, ради бывшей своей возлюбленной Дезире Клари, которая, после того как он оставил ее, вышла замуж за Бернадота, просто закрыл глаза на все обвинения, предъявленные Бернадоту в ходе следствия о «горшках с маслом».

Здесь уместно обратиться к вопросу о масштабах правительственных репрессий в годы консульства. Подробнее речь об этом пойдет далее, в связи с покушениями на жизнь Наполеона. Но уже по данным о первых выпадах и заговорах политической оппозиции (не считая *гражданской войны* в Вандее, это особый факт: на войне, как на войне!) можно заключить, что карательные меры первого консула не

---

[1] Там же. С. 84–85.
[2] Там же. С. 85.
[3] Тюлар Ж. Цит. соч. С. 132.
[4] См.: Марбо М. Цит. соч. С. 98.
[5] Цит. по: Туган-Барановский Д. М. Наполеон и республиканцы. С. 74.
[6] См. о нем: Simon E.-F. // Dictionnaire Napoléon. T. 2. P. 772.

отличались ни размахом, ни жестокостью. Что же касается служителей культа, то с ними Наполеон, учитывая религиозные чувства большинства нации, старался быть обходительным. «Великая терпимость к священникам и покровительство простому люду!» – внушал он 14 января 1800 г. командующему Западной армией Г. М. Брюну[1], когда тот сражался с повстанцами Вандеи. Нельзя не согласиться с выводом Д. М. Туган-Барановского, который более чем кто-либо занимался исследованием карательной политики Наполеона до 1804 г. Вот его вывод: «Каких-либо массовых репрессий в связи с раскрытыми заговорами правительство не проводило. Но также не было, подчеркнем, и широкого сопротивления»[2].

Итак, внутри страны первый консул Французской республики Наполеон Бонапарт использовал захваченную власть в первую очередь для того, чтобы обеспечить стабильность, порядок, социальные и правовые гарантии – все, в чем особенно нуждалась нация и что должно было, по мысли Наполеона, объединить «низы» и «верхи» вопреки партийным распрям. В итоге всех своих первоочередных акций он сумел сохранить основные завоевания революции (равенство всех граждан перед законом, представительное правление, ликвидация феодальных повинностей и передача земель крестьянам, личная свобода человека как гражданина и собственника). «Революционный хаос» был если и не устранен, то упорядочен.

Столь же значимую и необходимую задачу Наполеон сделал первоочередной и в области внешней политики. Он знал, что не только его народ, но и все вообще народы Европы буквально жаждут *мира*.

3. Война и мир

Уже 25 декабря 1799 г., едва вступив в должность первого консула, гражданин Бонапарт обратился к императору Австрии Францу I и королю Англии Георгу III с рождественскими посланиями, в которых предлагал обоим монархам мир.

Третий из королей Ганноверской династии в Англии Георг III (1738–1820) правил страной без малого 40 лет, хотя не был еще очень старым. Впрочем, к 60 годам он стал уже равно медлительным и физически, и умственно, особенно в письме: злоупотреблял громоздким слогом, «используя двадцать слов там, где другому достало бы и десяти»[3]. К тому же Георг III с 1788 г. периодически страдал вспышками безумия, так что придворные вынуждены были надевать

[1] Correspondance de Napoléon. T. 6. № 4523. P. 110.
[2] Туган-Барановский Д. М. Наполеон и власть. С. 167.
[3] Кронин В. Цит. соч. С. 277.

на него смирительную рубаху, а в 1811 г., по случаю его сумасшествия, при нем будет назначен регент, принц Уэльский (с 1820 г. – король Георг IV).

Итак, в рождественском послании 1799 г. Георгу III Наполеон предложил заключить между Францией и Англией мир. «Война уже в течение восьми лет разоряет четыре части света, – напоминал первый консул королю. – Неужели она должна стать вечной? Разве нет никакого способа ее остановить? Почему две самые просвещенные нации Европы <...> приносят в жертву пустому тщеславию свою торговлю, собственность, процветание своих стран? Почему мы отказываемся признать, что мир – это первая необходимость для человечества и самая высокая слава?»[1]

Процитирую далее замечательного *английского* историка Винсента Кронина: «Первым деянием короля Англии в первый день нового столетия было сесть в Виндзоре за стол и собственноручно написать Гренвилу[2] о том, что он думает по поводу "письма корсиканского тирана". Положительно невозможно входить в контакт с "новым нечестивым, самозваным аристократом", и он не опустится до ответа на письмо. Гренвил должен составить письменный ответ – но не письмо! – Талейрану, но не "тирану". Гренвил немедленно разразился высокопарной и бестактной нотацией с требованием восстановить во Франции Бурбонов»[3]. Наполеон продиктовал Талейрану жесткий ответ: английское условие «так же неприлично, как если бы Франция потребовала восстановить в Англии Стюартов»[4].

Реакция английских «верхов» на мирную инициативу Наполеона была резко негативной. Премьер-министр Уильям Питт Младший (1753–1806), сын премьер-министра Уильяма Пита Старшего (1708–1778), вдохновитель и организатор трех кряду антифранцузских коалиций, выступил в английском парламенте с яростной филиппикой против лидера Франции: «Якобинство Робеспьера, Барраса, пяти директоров, триумвирата <...> целиком остается в человеке, который воспитан и вскормлен в недрах якобинства, который в одно и то же время есть и сын и защитник всех этих жестокостей»[5]. В Англии началась истерическая кампания нападок

---

[1] Correspondance de Napoléon. T. 6. № 4445. P. 46.

[2] Уильяи Уиндхэм, лорд Гренвил (1759–1834) – министр иностранных дел Англии 1791–1801 гг., двоюродный брат премьер-министра Уильяма Пита Младшего.

[3] Кронин В. Цит. соч. С. 279.

[4] Correspondance de Napoléon. T. 6. № 4530. P. 119. Стюарты – королевская династия в Англии, прекратившаяся в 1714 г. со смертью Анны Стюарт.

[5] Цит. по: Сорель А. Цит. соч. Т. 6. С. 30.

на Бонапарта: пресса обзывала его «французским пугалом» и «тигром, которого выпустили на волю, чтобы он мог сожрать человечество», печатала карикатуры с изображением первого консула «верхом на сатане»[1]. Мир с таким сатанинским всадником, порождением и воплощением Французской революции пугал английских аристократов больше, чем война с ним. Один из них, Эдмунд Бёрк так и писал Уильяму Гренвилу: «Самое ужасное – это не вражда с Францией, а дружба с ней. Ее влияние, ее пример, распространение ее доктрин – вот ее самое ужасное оружие»[2].

Реакция имперского двора Австрии на приглашение Наполеона к переговорам о мире была менее эмоциональной, но столь же непримиримой: никаких переговоров! Франц I не проявил интереса к посланию первого консула, которое, кстати, заканчивалось такими словами: «Я далек от всякой жажды пустой славы, и моим главным желанием является остановить потоки крови, которые неизбежно прольются на войне»[3].

Насколько искренними были миротворческие обращения первого консула к монархам Англии и Австрии и рассчитывал ли он на успех своих инициатив? Историки судят об этом по-разному. Так, Чарльз Исдейл вслед за Вальтером Скоттом полагает, что для Наполеона «постоянная (! – *Н. Т.*) война являлась насущной потребностью», и его мирные предложения «вряд ли имели серьезный характер»[4]. В капитальной советской «Истории дипломатии» допускалась какая-то мера искренности со стороны Наполеона, но с оговоркой: «Бонапарт, понятно, нисколько не надеялся, что его противники пойдут навстречу сделанным им по отдельности мирным предложениям»[5]. Думается, точнее было бы сказать: Бонапарт *предполагал*, что его противники не пойдут ему навстречу. Пожалуй, наиболее убедительна здесь точка зрения А. З. Манфреда: «Наполеон перелагал ответственность за все последующее на других. Он сделал все, что мог, – первым протянул руку примирения»[6].

Итак, призыв Наполеона к властителям Англии и Австрии заключить мир был отвергнут на глазах у всей Европы. Главные в то время противники Франции не колебались перед выбором «мир или вой-

---

[1] Кронин В. Цит. соч. С. 279, 282.

[2] Там же. С. 280.

[3] Correspondance de Napoléon. T. 6. № 4446. P. 47.

[4] Исдейл Ч. Наполеоновские войны. Ростов н/Д., 1997. С. 28, 34. Ср.: Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов. М., 1995. Т. 1. С. 263.

[5] История дипломатии: В 5 т. 2-е изд. М., 1959. Т. 1. С. 460.

[6] Манфред А. З. Цит. соч. С. 290.

на»: конечно, война! Впрочем, и Наполеон, предлагая мир, тоже был готов и к войне, тем более что войны он никогда не боялся.

Международная обстановка к 1800 г. имела для Франции свои плюсы и минусы по сравнению с 1798 г., когда Наполеон отбыл в Египет, а в Европе сложилась вторая антифранцузская коалиция. С одной стороны, за то время, пока Наполеон был в Египте, Франция лишилась почти всех плодов его блистательной Итальянской кампании 1796–1797 гг., потеряв практически всю Италию, Ионические острова и Мальту. Но, с другой стороны, вторая коалиция тоже ослабела: Россия после победы А. Массена над русскими войсками А. М. Римского-Корсакова под Цюрихом 26 сентября 1799 г., а Турция, после того как Ж. Б. Клебер разгромил ее армию под Гелиополисом 20 марта 1800 г., вышли из коалиции; активная участница первой коалиции Пруссия на этот раз предпочла политику невмешательства, а Неаполитанское королевство, как и прежде, являло собой лишь вспомогательный резерв Австрийской империи. Таким образом, реально в 1800 г. Франции предстояло вести (точнее, продолжать) войну с двумя противниками – Англией и Австрией. Вновь, как это повторялось с 1792 по 1815 г. в составе всех семи антифранцузских коалиций, Англия будет поставлять на войну против Франции главным образом материальное обеспечение (оружие, снаряжение, продовольствие, валюту), Австрия – «пушечное мясо».

К тому моменту, когда Наполеон получил отказ в ответ на свою мирную инициативу, он уже знал, где, с кем и как ему придется воевать. Его план кампании 1800 г. был загадочен и дерзок, но, как всегда, тщательно продуман. Наполеон хорошо знал театр военных действий, где должна была решиться судьба кампании. Это могла быть только Северная Италия. Именно там были сосредоточены главные силы Австрии – 128-тысячная армия под командованием барона Михаэля Фридриха Бенедикта Меласа (1729–1806). Он был одним из старейших (ему шел 71-й год) и опытнейших австрийских военачальников, отличился еще в Семилетней войне против войск Фридриха Великого как адъютант знаменитого фельдмаршала Л. Дауна, а в 1799 г. возглавлял австрийские войска в составе союзной русско-австрийской армии под общим командованием А. В. Суворова и участвовал в исторических, победоносных для союзников битвах у р. Треббия и под г. Нови. Кстати, Суворов отзывался о Меласе одобрительно: «честный, добрый старик», «действует похвально»[1].

[1] А. В. Суворов. Письма. М., 1986. С. 334, 348.

Специалисты-историки оценивают Меласа по-разному. Если В. Скотт, Х. Беллок, А. Лашук, Д. С. Мережковский считали его «смелым солдатом и мастером маневра», «хорошим командиром», «отличным офицером» и даже «отличным стратегом»[1], то Е. В. Тарле судил о нем очень строго: «исправный генерал-исполнитель, штабной службист, один из тех исправных генералов, которых так часто и так страшно и до и после 1800 г. бил Наполеон и которые не переставали все время с горечью доказывать, что он делает это не по правилам»[2].

К 1800 г. Меласс имел воинское звание генерала от кавалерии, т. е. *полного* генерала, последнее перед фельдмаршальским, выше которого он уже не поднимался, хотя иные, включая даже авторитетные, источники ошибочно величают его фельдмаршалом[3].

Итак, главным театром военных действий вновь, как и в 1796–1797 гг., когда Наполеон разгромил войска первой коалиции, становилась Северная Италия. Другой фронт, на Рейне, и в этот раз оказался менее значимым. Там Рейнская, наиболее многочисленная (120 тыс. человек) и наилучшим образом обеспеченная из всех французских армий, под командованием генерала Ж. В. Моро противостояла 108-тысячной австрийской армии генерала барона П. фон Края. Оба они, и Моро и фон Край, сверх меры осторожничали и, по сути, лишь сковывали инициативу друг друга, избегая малейшего риска.

Вернемся теперь к плану кампании 1800 г., согласно которому Наполеон начал и выиграл эту кампанию. Е. В. Тарле верно заметил, что «у него было правило, которому он всегда неизменно следовал: не считать неприятеля глупее самого себя, пока его не испытал на деле; предполагать с его стороны не менее разумные поступки, чем в данном положении совершил бы сам <...>. Следуя своему правилу, Наполеон действовал против Меласа так, как если бы Мелас был Наполеоном, а Мелас действовал против Наполеона так, как если бы Наполеон был Меласом»[4].

Ситуация в кампании 1800 г. осложнялась для Наполеона тем, что он как первый консул по Конституции не имел полномочий для командования армией – ни Рейнской, ни Итальянской. Кстати, вто-

---

[1] Скотт. В. Цит. соч. Т. 1. С. 276; Беллок Х. Наполеон. Эпизоды жизни. М., 2005. С. 157; Лашук А. Наполеон. Походы и битвы 1796–1815. М., 2004. С. 133; Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 173.

[2] Тарле Е. В. Наполеон. С. 119.

[3] БСЭ. 3-е изд. М., 1974. Т. 15. С. 362; СИЭ. М., 1966. Т. 9. С. 73; Манфред А. З. Цит. соч. С. 292.

[4] Тарле Е. В. Наполеон. С. 119.

рая насчитывала всего 30 тыс. человек, бóльшая часть которых (18 тыс.) под командованием генерала А. Массена была осаждена в Генуе. Наполеон решил собрать новую, резервную, армию, назначить ее формальным главнокомандующим генерала Л. А. Бертье, а самому официально лишь «сопровождать» ее, но фактически возглавить. Он знал, что Мелас сосредоточил все свое внимание на Генуе, где Массена героической обороной этого города отвлекал на себя главные силы австрийцев. Наполеон задумал в кратчайшие сроки форсировать Альпы, ударить по войскам Меласа с тыла, разгромить их и принудить «опрокинутого навзничь противника» (выражение А. З. Манфреда) к заключению мира. По воспоминаниям Л. А. Бурьенна, Наполеон заранее, еще в Париже, лежа в полный рост на картах Италии, разостланных по полу, воткнул булавку в то место, где было указана деревня Сан-Джулиано в 4 км от Маренго и определил: «Я дам бой Меласу вот здесь, на этой равнине». «Такая проницательность и точность, достойные современного компьютера, – комментирует этот эпизод Д. Чандлер, – тогда не были замечены, но секретарь вспомнил об этом три месяца спустя»[1], т. е. в день битвы при Маренго.

Реализовать такой план можно было лишь при условии строжайшей секретности, непредсказуемости и быстроты. В то время предметом общего внимания специалистов в самой Франции и за рубежом была Рейнская армия Моро, которая, по слухам, готовилась вторгнуться в Германию с последующим маршем на Вену. Такие слухи циркулировали повсеместно и своей доступностью озадачивали и дезориентировали агентов иностранных разведок. А тем временем в городе Дижон на юго-востоке Франции тихо, без всякого шума, стала формироваться другая армия, которую в узком кругу осведомленных лиц называли «резервной», но о которой вне этого круга никто ничего не знал и даже не слышал[2]. Сугубая секретность дижонского лагеря как раз и привлекла к нему жгучий интерес журналистов, наблюдателей, шпионов. Они заподозрили, что именно в Дижоне формируется главная армия Республики. Наполеон на это и рассчитывал: по его замыслу дижонская «армия» была всего лишь камуфляжем.

Такой камуфляж удался первому консулу как нельзя лучше. Когда английские и австрийские агенты проникли в Дижон, они увидели, что там действительно формируется армия – та самая (как им

---

[1] Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. М., 2000. С. 181.

[2] Подробно об этом см.: Манфред А. З. Цит. соч. С. 290–292; Лашук А. Указ. соч. С. 136–137.

показалось), *резервная*: налицо был многолюдный штаб и 7–8 тыс. солдат, новобранцев и отставников, из которых многие были калеки. Шпионы и журналисты тут же сделали из этой армии посмешище, особенно после того как 6 мая первый консул лично прибыл в Дижон, якобы на смотр резервистов. Отчеты об этом смотре «полетели через Бретань, Женеву и Базель в Лондон и Вену. Европу наводнили карикатуры, – читаем в мемуарных заметках Наполеона "Маренго". – Одна из них изображала двенадцатилетнего мальчика с ружьем рядом с инвалидом на деревянных ногах. Подпись под этой карикатурой гласила: "Резервная армия Бонапарта"»[1]. Венский гофкригсрат предписал Меласу «не принимать такую армию в расчет». В ставке Меласа стали ехидничать над тем, что военная тайна Наполеона разгадана: «Резервная армия, которой нас так пугают, – просто сброд из 7 или 8 тысяч человек, юных рекрутов и пожилых инвалидов, с помощью которых нас хотели обмануть и заставить снять осаду Генуи»[2].

Между тем пока в английских салонах и австрийских штабах высмеивали резервную «банду» Наполеона из инвалидов на деревянных ногах, к юго-восточной границе Франции из разных мест разными дорогами спешили отлично подготовленные войска. Подлинно резервная армия формировалась не в Дижоне и вообще не в каком-то отдельном пункте. Ее составили семь дивизий, сформированные тайно и порознь в различных местах, которые в заранее назначенное время соединились в одном, тоже заблаговременно указанном месте у швейцарской границы. Их общая численность составляла, по разным данным, 35–40 тыс. человек[3].

13 мая 1800 г. Наполеон вместе с Бертье прибыл в Лозанну, где уже находился авангард резервной армии под командованием Ж. Ланна. Обязанности первого консула он возложил перед отъездом из Парижа на Ж. Ж. Камбасереса. В Лозанне Наполеон взял на себя командование армией, а Бертье занял привычную для него должность начальника штаба.

Теперь, когда разрозненные соединения резервной армии были собраны в ударный кулак, им предстояло форсировать Альпы как можно быстрее и в неожиданном для противника месте. Наполеон избрал самый короткий, но и самый трудный путь – через перевал Сен-Бернар, на высоте до 3 км. Он воодушевлял своих генералов, ссылаясь на исторический пример: 2 тысячи лет назад именно этим

---

[1] Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. Избр. произведения. М., 2003. С. 755.

[2] Там же. С. 756.

[3] См.: Лашук А. Указ. соч. С. 139, 142.

путем шел через Альпы великий Ганнибал, причем вел с собой еще боевых слонов. Генералы если и воодушевлялись таким примером, то с оговоркой: ведь у Ганнибала не было артиллерии, а им придется втаскивать на обледенелые трехкилометровые кручи и потом спускать вниз тяжелые орудия.

Мелас считал переход войск Наполеона через Сен-Бернар практически невозможным и не оставил там серьезного заслона. Трудно сказать, предусмотрел ли первый консул такую оплошность противника, но его альпийский переход был действительно почти за гранью возможного[1]. В лютый мороз и метель, под угрозой снежных и горных обвалов «солдаты штурмовали кручи, как крепости: становились друг другу на плечи, образуя живую лестницу, и карабкались на отвесные скалы; хватаясь за острые камни руками, сдирали с них кожу, ломали ногти, окровавливали пальцы»[2]. Орудия снимали с лафетов и вкладывали в корытообразно выдолбленные сосны; канониры впрягались в них и тащили на веревках, каждую пушку – по 100 человек. Не только люди, но и мулы и лошади сбивали в кровь ноги и не могли идти. «Многие из этих несчастных животных ложились на снег и молча ждали смерти, – вспоминал очевидец, капитан Жан Рош Куанье. – Некоторые молодые солдаты готовы были последовать их примеру, но, завидя Бонапарта, орали от радости и плелись дальше»[3].

Сам Наполеон, который ехал верхом на муле (а не на лихом коне, как изобразил его в знаменитой на весь мир картине Жак Луи Давид), чуть не погиб на вершине перевала: «мул оступился под ним на краю бездны и, если бы проводник не удержал его за повод, полетел бы в нее вместе с всадником»[4]. Кстати, спуск оказался еще более трудным, чем подъем: люди, лошади, мулы нередко срывались с обледенелых скал и падали в пропасти вместе с оружием (включая пушки), снаряжением, продовольствием.

Наконец, 22 мая резервная армия неудержимой лавиной скатилась с альпийских высот в долину реки По. «Мы упали с небес, как молния, – писал об этом Наполеон брату Жозефу. – Противник не ждал нас и, вероятно, не может поверить в это»[5]. Жалкий заслон австрийцев у южного подножия Сен-Бернара французы буквально смели со своего пути и вышли в тыл главным силам Меласа. Если

---

[1] Подробно см.: Манфред А. З. Цит. соч. С. 293–294; Кастело А. Цит. соч. С. 363–365; Лашук А. Указ. соч. С. 142–145.

[2] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 173.

[3] Цит. по: Лашук А. Указ. соч. С. 143.

[4] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 173.

[5] Correspondance de Napoléon. T. 6. № 4836. P. 388.

Мелас и ожидал встретить в Италии «скопище хромоногих стариков» из Дижона, то еще не скоро и не от Сен-Бернара, а со стороны Генуи. Поэтому он торопился взять Геную, не отвлекаясь от нее на Сен-Бернар, и в тот день, 2 июня, когда Наполеон уже вступил в Милан, австрийский главнокомандующий («отличный стратег!») все еще полагал, что первый консул в Париже. «Невероятное оказалось явью, – писал об этом А. З. Манфред, – смеяться надо было уже не над французами»[1].

Правда, 4 июня Массена в Генуе капитулировал, но – с почетом. Во-первых, он выполнил стоявшую перед ним задачу отвлечь на себя все силы и все внимание Меласа, пока резервная армия Наполеона форсирует Альпы. А кроме того, условия капитуляции были для Массена на редкость почетными: он обязался эвакуировать город и вывести весь свой гарнизон с оружием и обозами за линию фронта австрийских войск, после чего был вправе вновь участвовать в военных действиях[2].

Тем временем в Милане Наполеон провозгласил восстановление Цизальпинской республики и ее законов, отмененных австрийцами. Он воссоздал и все органы власти, которые были учреждены по его инициативе в 1796 г., но ликвидированы во время австрийской оккупации 1799–1800 гг. Соответственно, все (в первую очередь карательные) постановления австрийских властей, все их антидемократические законы были «громогласно», как подчеркнул А. З. Манфред, отменены. В бюллетене резервной армии от 3 июня 1800 г. Наполеон осудил произвол и насилие австрийской военщины на территории Италии и обратился к своим соотечественникам с таким предупреждением: «Необходимо, чтобы французский народ знал, какую судьбу готовят ему монархи Европы, если контрреволюция восторжествует»[3].

Население Милана, пережившее год австрийского господства, восприняло политические акции Наполеона как возврат из средневековья к современной цивилизации. Замечательный историк Джорджо Канделоро, автор пятитомной «Истории современной Италии», переведенной на русский язык, так писал о событиях в Милане летом 1800 г.: «Приход французов был встречен всем населением, включая духовенство и знать, с еще большим (чем даже в 1796 г. – *Н. Т.*) энтузиазмом»[4].

---

[1] Манфред А. З. Цит. соч. С. 294.
[2] См.: Чандлер Д. Цит. соч. С. 188; Лашук А. Указ. соч. С. 148.
[3] Correspondance de Napoléon. Т. 6. № 4864. P. 413.
[4] Канделоро Д. История современной Италии. М., 1958. Т. 1. С. 357.

Но как бы ни были важны проблемы *мира*, которыми был занят Наполеон в Милане, главной для него в те июньские дни 1800 г. оставалась проблема *войны* с Австрией. Между тем за шесть дней (с 2 по 7 июня) реформ в Милане первый консул был дезориентирован данными своей разведки о передвижении войск Меласа. Собственно, ввел его в заблуждение шпион, двойной агент, который получал «гонорары» за ложную информацию и с французов, и с австрийцев. Онто и продал французам дезинформацию о намерении Меласа отступать то ли через Милан, то ли через Геную вон из Италии[1]. В тот момент главные силы Меласа находились у города Алессандрия примерно на полпути от Милана до Генуи. Наполеон решил перерезать Меласу все возможные пути отступления и ради этого вынужден был рассредоточить свои силы, правда, с таким расчетом (как он делал это всегда), чтобы в решающий момент и в решающем пункте успеть собрать их в ударный кулак. Следуя с главными силами из Милана на Геную, он отделял от себя части войск для контроля над возможными путями наступления или отступления противника. Мелас тем временем двинул свои войска разными дорогами от Алессандрии и Генуи к Милану, но был сбит с толку передвижениями французов и, наталкиваясь то здесь, то там на их аванпосты, стягивал свои части воедино.

В результате 9 июня у городка с красивым названием Монтебелло, по дороге от Милана к Алессандрии, авангард французов под командованием Жана Ланна столкнулся с австрийским авангардом, которым командовал фельдмаршал-лейтенант[2] барон Карл Питер Отт – еще один ветеран Семилетней войны и правая рука Меласа. Ланн имел всего 8 тыс. солдат против 20 тыс. у Отта. Австрийские войска имели превосходство и в артиллерии. Тем не менее Ланн, который в той кампании был, безусловно, правой рукой Наполеона, атаковал противника и одержал в битве при Монтебелло блестящую победу. Здесь – не в первый и далеко не в последний раз – Ланн лично вел своих гренадеров в атаку, был ранен, но до конца битвы оставался в строю. Австрийцы бежали с поля сражения, потеряв, по данным А. Лашука, 4 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными (Вальтер Скотт насчитал у них только пленных больше 5 тыс.)[3].

Это была первая выдающаяся победа в полководческой карьере Ланна, за которой последуют, уже в годы империи, Заальфельд,

---

[1] См.: Лашук А. Указ. соч. С. 153.

[2] Фельдмаршал-лейтенант – в Австрийской империи чин, соответствующий генерал-лейтенанту.

[3] См.: Там же. С. 151; Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 278.

Тудела, Сарагоса, Регенсбург. Со временем, в 1808 г., он будет удостоен титула герцога Монтебелло. А пока Наполеон тепло поздравил будущего герцога с победой. Ланн воспринял поздравление первого консула как должное. «Да, было жарковато, даже очень, – рассказывал он Наполеону о пережитом 9 июня. – Кости моих гренадер трещали от австрийских пуль, как трещат стекла витражей от крупных градин»[1].

Монтебелло можно считать своего рода прелюдией к исторической битве при Маренго, где спустя пять дней встретились главные силы Наполеона и Меласа. Победа Ланна подняла моральный дух французских войск и надломила его у австрийского воинства в решающий момент всей кампании. В этом смысле сражение между Ланном и Оттом при Мотебелло напоминает известный эпизод из русской истории – поединок Пересвета с Челубеем перед Куликовской битвой, но с еще более выигрышным для будущих победителей результатом.

Итак, 14 июня 1800 г. возле деревни Маренго грянула битва, в которой решалась судьба Франции, Австрии и второй антифранцузской коалиции. Эта, ранее безвестная, а с того дня всемирно знаменитая деревня находится посреди большой равнины между городами Алессандрией и Нови *рядом* с другой деревней, Сан-Джулиано, которую Наполеон заранее, еще перед началом кампании отметил на карте как место решающего сражения.

Соотношение сил к началу битвы при Маренго было явно в пользу австрийцев. Мелас к 14 июня стянул сюда все свои основные силы, их численность в разных источниках и литературе указывается по-разному: у Е. В. Тарле и А. Лашука – 30 тыс., у В. Скотта – 40 тыс., у А. З. Манфреда – 45 тыс. человек[2]. В то же время Наполеон к началу сражения недосчитался одной из своих пяти дивизий, которую направил к Нови, чтобы перекрыть Меласу стратегически важный путь для маневра. Кстати, командовал этой дивизией Луи Дезе, который буквально на днях, 10 июня, прибыл к Наполеону, вырвавшись из Египта и английского плена. В итоге, по тем же данным, утром 14 июня Наполеон располагал под Маренго всего от 20 до 23 тыс. солдат. Еще большее превосходство австрийцы имели в артиллерии: от 90 до 100 орудий против 15–18 у французов.

Битва началась вскоре после 6 часов утра. Австрийцы открыли убийственный огонь по французским позициям из всех своих ору-

---

[1] Цит. по: Кастело А. Цит. соч. С. 375.

[2] Тарле Е. В. Наполеон. С. 120–121; Манфред А. З. Цит. соч. С. 296–297; Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 280; Лашук А. Указ. соч. С. 154, 912–913.

дий и пошли в массированную атаку. Их численное превосходство и в пехоте, и в кавалерии, а главное, в артиллерии сказывалось со всей очевидностью. Французы, особенно корпус Ланна, занимавший центр позиции, стояли насмерть. Несколько австрийских атак были отбиты, но каждая следующая шла с нарастающей силой. К 10 часам утра французы вынуждены были отступать по всему фронту – без паники, сохраняя порядок, но отдавая противнику пядь за пядью. Даже консульская гвардия – этот, как ее называли, «гранитный редут», – расстреляв все патроны и ощетинившись штыками, начала отходить.

Наполеон в эти первые, самые трудные часы битвы, по наблюдению очевидцев, ни на минуту не терял самообладания. При первых же залпах австрийских орудий он послал гонцов к Дезе с приказом немедленно возвращаться. Далее он просто следил за ходом битвы, веруя в стойкость своих войск; иногда обращался к ним с ободряющими словами, но главное – ждал: стоя в окружении своих адъютантов и не замечая ядер, летящих над головой, он внешне спокойно поглаживал хлыстом мелкие камушки под ногами, но можно себе представить, с каким волнением, с какой тревогой за исход битвы *ждал*, когда подоспеет Дезе.

Когда уже все части резервной армии, включая консульскую гвардию, отступили, примчался на взмыленном коне адъютант Дезе, будущий герцог и министр полиции Рене Савари. Он доложил, что дивизия Дезе «летит» на выручку главным силам. Теперь Наполеон мог быть спокойным за все, что бы ни случилось. «Мужайтесь, солдаты! Держитесь! Резервы на подходе!» – кричал он своим отступающим воинам, которые понуро шли мимо него. Но у них, казалось, уже не было сил держаться. Они отвечали ему: «Да здравствует Бонапарт!» – без былого воодушевления.

К трем часам дня почти все поле сражения оказалось в руках австрийцев. Мелас, контуженный в голову, сменивший двух убитых под ним лошадей, но торжествующий, отправил в Вену курьера с реляцией, что он победил дотоле непобедимого Бонапарта. Сам он отбыл для лечения в Алессандрию, а своему начальнику штаба барону Антону фон Цаху поручил руководить преследованием разбитых французов. В это время и появился на поле битвы Дезе во главе пяти тысяч солдат своей дивизии.

С того момента весь ход сражения повернулся на 180^0. Свежие войска Дезе ударили в тыл наступавшим австрийским колоннам. Наполеон моментально воодушевил сражавшиеся из последних сил полки Ланна: «Хватит отступать! Вы знаете мой обычай – ночевать на поле битвы. Не робейте!» – и добавил, указывая на солдат Дезе:

«Вот мой резерв!»[1] Ланн тут же повел свой корпус в контратаку против австрийского центра. Тем временем Наполеон приказал своей кавалерии ударить по флангам противника. Командовал французской кавалерией при Маренго 29-летний генерал Франсуа Этьен Келлерман – сын героя исторической битвы при Вальми, будущего маршала и герцога Франсуа Этьена Кристофа Келлермана (а не сам герой Вальми, как считал ошибочно Х. Беллок[2]). Атаки Дезе и Келлермана и контратака Ланна ввергли австрийцев, только что испытавших триумф победы, в состояние паники. Бросая оружие, они ударились в повальное бегство. «Их гнали по всему полю, как стая гончих травит зайца», – писал о них Вальтер Скотт[3]. К 18 часам все было кончено: главная армия Австрийской империи фактически перестала существовать.

Потери сторон в битве при Маренго, как это часто бывает в таких случаях, определяются по-разному: австрийские – числом от 12 тыс.[4] до 19,5 тыс. человек[5], причем барон Цах был взят в плен; французские – от 3 тыс.[6] до 7 тыс.[7], включая убитых, раненых и пленных.

Для французов самой тяжелой потерей стала гибель Луи Дезе. Он был убит в первые же минуты, после того как повел в атаку своих солдат: австрийская пуля пробила ему грудь навылет. Падая с коня, он успел лишь сказать: «Это – смерть»[8]. Наполеон, узнав о его гибели, был безутешен. Вечером после битвы он со слезами воскликнул: «Как прекрасен был бы этот день, если бы я мог сегодня обнять Дезе!» Процитировав эти слова, Е. В. Тарле сообщает: «Только дважды боевые товарищи Наполеона видели слезы на его глазах после сражения. Второй раз это было несколько лет спустя, когда на его руках умирал маршал Ланн, у которого ядром оторвало обе ноги»[9]. Евгений Викторович не учел третьего случая, когда «боевые товарищи» видели, как Наполеон оплакивал своего друга и обергофмаршала М. Ж. К. Дюрока после боя под Гёрлицем 23 мая 1813 г.[10]

---

[1] Лашук А. Указ. соч. С. 161.
[2] Беллок Х. Указ. соч. С. 165.
[3] Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 283.
[4] Лашук А. Указ. соч. С. 163.
[5] Полевой Н. А. Цит. соч. Т. 2. С. 82.
[6] Манфред А. З. Цит. соч. С. 300.
[7] Лашук А. Указ. соч. С. 163.
[8] Манфред А. З. Цит. соч. С. 300. По другой версии, последним словом Дезе было: «Убили» (Беллок Х. Указ. соч. С. 165).
[9] Тарле Е. В. Наполеон. С. 121.
[10] См. об этом: Лашук А. Указ. соч. С. 627; Людвиг Э. Цит. соч. С. 376; Кастело А. Цит. соч. С. 387.

На следующий день после триумфа Маренго Наполеон отправил консулам Республики короткое письмо, которое заканчивалось такими словами: «Я в глубочайшей скорби из-за смерти человека, которого я любил и уважал больше всех»[1]. Первый консул велел похоронить Дезе в часовне монастыря на перевале Сен-Бернар. Тогда же при часовне был создан скромный музей, о котором Андре Кастело писал в 60-е годы XX в., что он еще сохраняется[2]. В Париже ровно через месяц после смерти Дезе была заложена в его честь и названа его именем новая набережная[3], а в Клермон-Ферране ему поставили памятник, который уже в наше время видел и описал А. З. Манфред[4].

А что Мелас? Может быть, он и шептал «в суеверном ужасе» по адресу Бонапарта: «Человек рока!»[5] А может, и ничего не шептал. Но был он так потрясен невообразимым для него оборотом в ходе битвы, что наутро 15 июня прислал в штаб Наполеона парламентеров с просьбой о перемирии. Австрийский главнокомандующий соглашался, если ему дозволят уйти с остатками его войск за Мантую, отдать французам все, чем владели австрийцы в Италии: Ломбардию, Пьемонт, Лигурию, вплоть до Генуи. В. Скотт назвал эти условия «капитуляцией» Австрии[6]. А. З. Манфред пошел еще дальше. Цитирую его: «Если бы у Меласа потребовали большего – отдать противнику и всю Австрию, до Вены, он, наверное, и на это согласился бы. Как полководец, как человек Мелас после Маренго перестал существовать»[7]. Это, конечно же, преувеличение.

Наполеон, естественно, принял австрийские предложения и в тот же день, 15 июня, подписал их вместе с Меласом. Более того, он выразил уважение австрийскому полководцу (вспомним: «честному, доброму старику», по мнению А В. Суворова) и подарил ему великолепную турецкую саблю – трофей из Египта. Мелас был польщен. «Как только между нашими странами будет заключен мир, ради чего я приложу все усилия, – просил он передать Наполеону через его адъютанта, – я обязательно встречусь с первым консулом в Париже лично»[8].

На следующий день, 16 июня, прямо с поля битвы Наполеон отправил свое, второе после 25 декабря 1799 г., письмо императору

---

[1] Correspondance de Napoléon. T. 6. № 4909. P. 453.
[2] Кастело А. Бонапарт. С. 379.
[3] См.: Бурьенн Л. А. Цит. соч. Т. 2. Ч. 4. С. 221.
[4] См.: Манфред А. З. Цит. соч. С. 300.
[5] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 174.
[6] Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 283.
[7] Манфред А. З. Цит. соч. С. 300.
[8] Цит. по: Лашук А. Указ. соч. С. 163.

Австрии Францу I. «Война стала реальностью, – говорилось в этом письме с явным напоминанием о том, как австрийский самодержец отклонил полгода назад мирную инициативу первого консула. – Тысячи французов и австрийцев погибли. Тысячи семей скорбят о погибших отцах, мужьях, сыновьях. На поле битвы под Маренго, посреди раненых и 15 000 тысяч убитых, заклинаю Ваше Величество услышать зов человечности <...>. На долю Вашего оружия выпало уже достаточно славы. Даруем же нашему поколению мир и спокойствие!»[1] Над этим письмом, в отличие от первого, декабрьского письма первого консула, австрийский двор и гофкригсрат задумались, а после полугодового вялого раздумья-сопротивления пошли на мир с Францией.

Победа Наполеона в битве при Маренго произвела на современников ошеломляющее впечатление. Она, по выражению А. С. Трачевского, «в один день погубила все успехи Суворова»[2]. Уточним: не только Суворова, но и эрцгерцога Карла и того же Меласа. Италия снова была в руках французов. Фактически то был конец второй антифранцузской коалиции, хотя после Маренго она еще держалась, точнее, *агонизировала* полгода. А. З. Манфред верно заметил, что «раскаты ставшей знаменитой битвы гремели тогда по всей Европе»[3]. В Австрии и Неаполитанском королевстве они вызвали панику. По воспоминаниям князя Адама Чарторыйского, который в то время был русским посланником в Сардинии, «английский консул (в Неаполе. – *Н. Т.*), только что женившийся на молодой прелестной особе, счел своим долгом бежать из Неаполя, как только узнал о поражении австрийцев при Маренго, бросив свою жену»[4]. А в Петербурге император Павел I радостно повторял в кругу придворных: «Ну что, видите, какую трепку задали австрийцам с тех пор, как из Италии ушли русские!»[5]

Не зря Наполеон много дет спустя вспоминал: «В моей жизни было три прекрасных дня: Маренго, Аустерлиц и Иена»[6]. Так он поставил Маренго в один ряд с величайшими из своих 50 побед – под Аустерлицем 2 декабря 1805 г., где были разгромлены русско-австрийские войска под командованием М. И. Кутузова в присутствии императоров России и Австрии, и 14 октября 1806 г. под Иеной, где

---

[1] Correspondance de Napoléon. T. 6. № 4914. P. 460–462.

[2] Трачевский А. С. Наполеон I. С. 295.

[3] Манфред А. З. Цит. соч. С. 300.

[4] Чарторыйский А. Мемуары. М., 1912. Т. 1. С. 194.

[5] Цит. по: Соколов О. В. Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа. 1799–1805 гг. М., 2006. Т. 1. С. 50.

[6] Наполеон Бонапарт. Императорские максимы. М., 2003. С. 173.

в один день с битвой при Ауэрштедте были фактически уничтожены вооруженные силы Пруссии во главе с Его Величеством королем, тремя Высочествами – племянниками Фридриха Великого и четырьмя фельдмаршалами.

Память о Маренго была Наполеону особенно дорога, поскольку здесь победа досталась ему с большим трудом. Синий плащ, который был на нем при Маренго, он хранил как драгоценность и на острове Святой Елены, до конца своих дней. Он даже своего боевого коня (нового, очень красивого, белой масти) назвал Маренго. Здесь, пожалуй, уместнее всего (хотя и отвлекаясь от Маренго) познакомить читателя с воспоминаниями Наполеона об одной из его лошадей: «Лошадь обладает памятью, знанием и чувством любви. Она отличает своего хозяина от слуг, хотя последние находятся с ней чаще. У меня самого была лошадь (а не Маренго ли? – *Н. Т.*), которая отличала меня от всех других людей, и, когда я сидел на ней, она ясно показывала свое понимание того, что ее всадник превосходит всех других, окружавших его, – показывала тем, что выделывала антраша и двигалась с гордо поднятой головой. Она также никому не позволяла оседлать себя, за исключением одного конюха, который постоянно ухаживал за ней. Когда конюх ехал на ней, то ее движения были совсем другими; казалось, она сознает, что позволила ехать на себе человеку, подчиненному ее хозяину. Когда я терял дорогу, то обычно бросал поводья, и она всегда находила правильный путь в местах, где я со всей своей наблюдательностью и хваленными познаниями не мог этого сделать»[1].

Память о битве при Маренго увековечена не только во Франции, где, кстати, есть улица Маренго в Париже, а всему миру известен рецепт приготовления «цыпленка à la Маренго». В Италии близ Алессандрии еще при Наполеоне была сооружена триумфальная колонна, сохранившаяся поныне, а рядом с ней – музей с мраморным бюстом Дезе. Даже в Африке, около Алжира, с 1833 г. существовал «сад Маренго», а в США десять городов (!) называются Маренго[2].

Когда речь заходит об историческом значении битвы при Маренго, исследователи нередко задаются вопросом: кто же выиграл эту битву – Наполеон Бонапарт или... (нет, не Мелас, конечно) Дезе? Например, Жан Тюлар прямо утверждает, что победой при Маренго «французы были обязаны вовремя подоспевшему Дезе, а не полководческому гению Бонапарта», и что в трактовках самого Наполеона «роль Дезе оказалась преуменьшенной, а заслуги первого консула –

[1] О'Мира Б. Цит. соч. С. 130.
[2] См.: Лашук А. Указ. соч. С. 168.

преувеличенными»[1]. Такова же точка зрения Эмиля Людвига и А. З. Манфреда[2]. Но тот же Людвиг признает как «утешение» для Бонапарта главное: «...план всей кампании и этой битвы разработал он один, а согласно этому плану Дезе и надлежало появиться в определенное время»[3]. Именно в этом и заключается суть дела, здесь собака зарыта: Наполеон спланировал генеральную битву (заранее определив даже ее место), все предусмотрел, сдерживал натиск превосходящих сил противника в ожидании Дезе, дождался его (зная, что он придет) и довел сражение до победы.

Итак, победа Наполеона при Маренго означала губительный удар по второй антифранцузской коалиции. Вместе с тем это был решающий шаг на пути к утверждению единоличной власти Наполеона во Франции. Х. Беллок, в принципе, верно определил, что «подлинное самодержавие Бонапарта начинается не с брюмера, а с Маренго»[4]. Д. С. Мережковский сказал об этом более высокопарно, с присущим ему пафосом и не без преувеличения: «Маренго, победа побед – Наполеонова солнца полдень»[5]. Чтобы лучше понять этот – не международный, а национальный – аспект значения битвы при Маренго, надо познакомиться не только с тем, как встретили Наполеона после Маренго во Франции (тогда говорили: «Франция обезумела от радости»), но и с тем, как себя вела, на что надеялась и что планировала в его отсутствие – до Маренго – оппозиция.

Сразу после Маренго Наполеон задержался на неделю в Милане, чтобы упорядочить массу дел по управлению воссозданной им Цизальпинской республикой. В частности, он наладил взаимоотношения новой республиканской администрации с католической церковью и официально присутствовал (в парадной форме) на торжественном молебне в Миланском соборе, а в Павию выезжал для того, чтобы вновь открыть там университет, основанный еще в 1390 г. и закрытый в 1799 г. австрийцами. Но 25 июня, оставив много начатых дел незаконченными, Наполеон неожиданно выехал из Милана и помчался в Париж.

«Что же заставило первого консула поспешить с возвращением?» – спрашивает А. З. Манфред и сам дает точный ответ на свой вопрос: «Дурные вести»[6]. Дело в том, что Наполеон, отправляясь в поход на войну, строго предписал второму консулу Ж. Ж. Кам-

---

[1] Тюлар Ж. Цит. соч. С. 122.
[2] См.: Людвиг Э. Цит. соч. С. 163; Манфред А. З. Цит. соч. С. 301.
[3] Людвиг Э. Цит. соч. С. 163.
[4] Беллок Х. Указ. соч. С. 166.
[5] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 174.
[6] Манфред А. З. Цит. соч. С. 340.

басересу и министру полиции Ж. Фуше следить за возможными происками оппозиции и напоминал об этом с театра военных действий[1]. Ни о каких фактах подобного рода ни Камбасерес, ни Фуше первому консулу не доложили, но из частных источников, которыми тот всегда располагал сверх официальных, ему стало известно, что Париж и чуть ли не вся Франция взбудоражены слухами о грядущих, причем скорых, переменах в судьбе Республики.

Напряженность ситуации, сложившейся таким образом в отсутствие Наполеона, очень выразительно обрисовал Е. В. Тарле. Надеюсь, моему читателю не покажется слишком длинной и, главное, скучной эта цитата из классической монографии Евгения Викторовича: «Во всей Франции было неспокойно. Роялисты ждали со дня на день гибели Бонапарта в альпийских пропастях; известно было также, что австрийская армия очень сильна и что ее артиллерия сильнее французской. Ходили слухи о близкой английской высадке в Вандее. Шуанские вожди, Кадудаль и его товарищи, считали реставрацию Бурбонов делом не только решенным, но и близким. Ждали только сигнала: известия о смерти Бонапарта или о поражении французской армии. В Европе, даже нейтральной, тоже с напряженным вниманием следили за развитием событий. Здесь тоже ждали победы австрийцев, чтобы примкнуть к коалиции против Франции. Бурбоны готовились к путешествию в Париж»[2].

В такой ситуации растерялись и заколебались даже консулы (второй и третий), министры правительства – Карно, Талейран, Фуше, даже родные Наполеона – брат Люсьен и сестра Элиза, которые заодно и с левыми, и с правыми оппозиционерами начали рассуждать о кардинальных переменах в случае, если первый консул проиграет войну или, хоть и выиграет ее, сам погибнет. А. З. Манфред не ошибался, а только преувеличивал то, что происходило на самом деле, говоря: «*Все, все* предавали, открещивались от Бонапарта еще раньше, чем он был побежден»[3].

20 июня в Париж прибыл невесть откуда курьер с кошмарным сообщением о *разгроме* Наполеона при Маренго. Ажиотаж во всех слоях общества достиг предела; одни радовались, другие горевали, третьи паниковали, задаваясь одним и тем же вопросом: что же и *кто же* будет теперь?[4] Активисты закулисной антибонапартистской возни (среди них воспрянул духом лидер «разочарованных брюмерианцев»

---

[1] См.: Correspondance de Napoléon. T. 6. № 4817. P. 372.

[2] Тарле Е. В. Наполеон. С. 120.

[3] Манфред А. З. Цит. соч. С. 342. Курсив мой. – *Н. Т.*

[4] Подробно об этом см.: Aulard A. Paris sous le Consulat. P., 1903. T. 1. P. 419–435.

Э. Ж. Сьейес), опять-таки по слухам, называли имена генерала Ш. Пишегрю, маркиза М. Ж. П. Лафайета и даже герцога Орлеанского[1].

Но через два дня, 22 июня, сначала к 11 часам один, за ним второй, а затем и третий курьеры доставили в Париж специальные известия о триумфе Бонапарта при Маренго. Теперь, словно отражение битвы 14 июня, все перевернулось: те, кто радовались, удрученно притихли; горевавшие возликовали, а поддавшиеся панике успокоились. Что касается консулов и министров, то они не столько почувствовали, сколько изобразили безмерную радость. Бонапарт был для них, безусловно, надежнее старых Бурбонов или новых фигурантов вроде Пишегрю с Лафайетом, но ведь они сознавали, что у каждого из них, как на Руси говорят, рыльце в пуху, а Бонапарт, если он не погиб, непременно обо всем узнает. Поэтому они, дабы усыпить бдительность первого консула и смягчить его отношение к ним фейерверком своей преданности, начали готовить более торжественную и пышную, чем даже в 1797 г., встречу.

Тем временем весть о возвращении Бонапарта живым, здоровым и непобедимым всколыхнула всю Францию[2]. Везде, от Парижа до самых дальних окраин, народ ликовал. В городах и селах мужчины, женщины, дети высыпали из домов на улицы с песнями, плясками и здравицами в честь Бонапарта. Париж вообще, по свидетельствам очевидцев, пребывал тогда «в состоянии сильнейшего опьянения» радостью, причем это наблюдалось повсеместно – и в банковских конторах, и в рабочих предместьях. Все (кроме ярых оппозиционеров, конечно) приветствовали первого консула как гаранта стабильности и порядка, который подавил революционную анархию, но обеспечил незыблемость приобретенной от революции собственности, а теперь и дарует нации мир.

Победа Бонапарта сказалась в те дни с такой силой, что толпы народа буквально набрасывались на тех, кто был или просто мог показаться равнодушным к нему. В таком отношении усматривали признак роялизма. «“Тут аристократы живут! Почему дом не иллюминирован?” – кричала толпа и била стекла в заподозренном доме. Несметная масса людей весь день (2 июля, когда Наполеон прибыл в Париж. – *Н. Т.*) простояла вокруг Тюильрийского дворца, приветственными криками вызывая Бонапарта. Но он не вышел на балкон»[3].

---

[1] Манфред А. З. Цит. соч. С. 341–342.

[2] Подробно см.: Кастело А. Бонапарт. С. 380–386; Тарле Е. В. Наполеон. С. 122–123.

[3] Тарле Е. В. Наполеон. С. 123.

Да, Наполеон еще по пути в Париж, из Лиона, отправил своему брату Люсьену (министру внутренних дел!) записку, показательную и для характера первого консула, и для того настроения, с которым он возвращался домой после триумфальной победы над внешним врагом. Вот ее полный текст: «Гражданин министр, я получил Ваше письмо. Прибуду в Париж внезапно. Не хочу никаких триумфальных арок, никаких торжественных церемоний. Я слишком высокого мнения о себе, чтобы всерьез воспринимать подобные безделушки. Мне не нужно иных триумфов, кроме общественного удовлетворения»[1].

Мы увидим еще, что Наполеон всегда, даже будучи императором, сторонился излишних, на его взгляд, торжеств и почестей. Но летом 1800 г. для его меланхолии после блистательной победы при Маренго были конкретные причины. Конечно, сказалось и его разочарование в людях (включая родных брата и сестру), которым он верил, а теперь узнал то, что констатировал, хотя и опять-таки с очевидным преувеличением, А. З. Манфред: «*Все, все* не колеблясь отрекались от него, все готовы были его предать и продать, ни на кого нельзя было положиться»[2]. Но, думается, сильнее всего угнетала в те дни первого консула нестерпимая боль от тяжелой утраты – смерти Дезе.

На следующий день по возвращении в Париж Наполеон показался с балкона дворца Тюильри толпам народа, которые не расходились с площади перед дворцом всю ночь. Принял он участие и в запланированных торжествах по случаю праздника 14 июля на Марсовом поле и на приеме по тому же случаю во дворце, где привел в восторг большинство из пяти тысяч приглашенных гостей своим тостом: «За единственного среди нас властителя – французский народ!»[3] Но все вокруг замечали, что первый консул стал холоднее и жестче в деловом общении, менее доверчивым и более требовательным к своим соратникам. А. З. Манфред ошибался, полагая, что он «ограничился лишь отстранением Карно с поста военного министра», а «в остальном все сохранилось по-прежнему»[4]. Собственно, Лазара Карно Наполеон по своей инициативе не отстранял, а удовлетворил (надо признать, с удовольствием и без промедления) его собственное прошение об отставке, но вот Люсьена Бонапарта уволил с должности министра внутренних дел и отправил послом в Мадрид[5].

---

[1] Correspondance de Napoléon. T. 6. № 4955. P. 492.
[2] Манфред А. З. Цит. соч. С. 343. Курсив мой. – *Н. Т.*
[3] Кастело А. Бонапарт. С. 384.
[4] Манфред А. З. Цит. соч. С. 344.
[5] См.: Dictionnaire Napoléon. T. 2. P. 227.

Главная забота Наполеона после Маренго заключалась в том, чтобы закрепить неустойчивый status quo перемирия с Австрией договором о *мире*. Мирные переговоры начались было во французском городке Люневиле. Французскую делегацию возглавляли Жозеф Бонапарт и Талейран, которые неукоснительно следовали указаниям первого консула, австрийскую – недавний соперник Наполеона в дипломатической дуэли 1797 г. при Кампоформио граф Людвиг Кобенцль, только что возглавивший Министерство иностранных дел Австрии. Едва начавшись, переговоры зашли в тупик: выяснилось, что по соглашению с Англией о субсидиях на военные цели Австрия до февраля 1801 г. не была вправе заключать сепаратные договоры.

Вялотекущие военные действия возобновились. В Италии заменивший Меласа фельдмаршал-лейтенант граф Г. Бельгард, а на Рейне барон П. Край осторожничали. Наполеон потребовал от своих генералов (на Рейне – Моро, а в Италии – Брюн) большей активности. Однако раньше всех проявил активность 18-летний (!) австрийский эрцгерцог Иоганн – пятый сын императора Леопольда II, родной брат императора Франца I и эрцгерцога Карла, тщеславный, но ограниченный, подобно Францу, и напрочь лишенный военных дарований, в противоположность Карлу. По инициативе гофкригсрата он заменил Края в качестве главнокомандующего австрийскими войсками на Рейне и по-мальчишески самонадеянно попытался изменить ход войны в пользу Австрии. 3 декабря 1800 г. он атаковал у деревни Гогенлинден в 30 км от Мюнхена Рейнскую армию Моро. Иоганн имел 57 тыс. солдат., Моро – 55 тыс. (кстати, среди соратников Моро выделялись тогда три будущих маршала Наполеона – Мишель Ней, Лоран Гувион Сен-Сир и Эммануэль Груши). Битва при Гогенлиндене закончилась блестящей победой французов – самой выдающейся в жизни Моро[1]. Австрийцы потеряли до 14 тыс. человек, французы – 2,5 тыс.

Теперь, когда Австрийская империя лишилась последних надежд на успешное продолжение войны, ей впору было становиться на колени перед Французской республикой. Император Франц вновь, как и в 1797 г., запросил мира. Переговоры в Люневиле возобновились, но теперь под еще более жестким прессингом со стороны Франции, чем прежде, до Гогенлиндена. Наполеон откровенно козырял и запугивал Франца неожиданно возникшей к тому времени и крепнувшей дружбой первого консула с российским императором Павлом I (подробно об этой дружбе речь пойдет в отдельном параграфе), давая понять тем самым, что Австрия может оказаться между двух огней –

[1] Подробно о ней см.: Лашук А. Указ. соч. С. 164–165.

и с запада и с востока. В такой ситуации австрийской стороне пришлось уступить буквально все, или, точнее, Наполеон в Люневиле получил «все, что он желал получить от Австрии»[1].

Люневильский мирный договор между Францией и Австрией был подписан 9 февраля 1801 г. Все его статьи – от первой до последней – были продиктованы Наполеоном, а подписали их Жозеф Бонапарт и Людвиг Кобенцль. Австрия подтверждала свой отказ (по Кампоформийскому договору) от Бельгии и Люксембурга; окончательно уступала Франции все германские владения на левом берегу Рейна; признавала независимыми (фактически зависимыми от Франции) четыре республики, созданные в результате побед Наполеона и других французских полководцев над феодальными коалициями, – Батавскую (т. е. Голландию), Гельветическую (Швейцарию)[2], Цизальпинскую (Ломбардию) и Лигурийскую (Геную). В дополнение к этим статьям Австрия молчаливо, не обмолвившись ни словом протеста, согласилась с тем, что французские войска заняли Пьемонт (основную часть союзного с Австрией Сардинского королевства) и остались в нем, как у себя дома.

Глава австрийской делегации в Люневиле граф Л. Кобенцль болезненно переживал фатальное унижение Австрии как великой державы. «Вот он, этот несчастный договор, который я должен был по необходимости подписать. Он ужасен и по форме и по содержанию», – так докладывал он Венскому двору[3]. Главного и самого умного дипломата Австрийской империи можно было понять: Люневильский договор нанес смертельный удар по гегемонистским амбициям Австрии в Европе и на ряд лет отодвинул ее в тень других держав. Кстати, ее последний остававшийся еще на Апеннинском полуострове союзник (в качестве младшего партнера), Неаполитанское королевство 18 марта 1801 г. подписало во Флоренции договор о мире с Францией, уступив французам два своих главных порта на юге Апеннин, Бриндизи и Тарент, и контроль над проливом Отранто между Апеннинами и Балканами[4].

Итак, от второй антифранцузской коалиции осталась, как это было уже в конце существования первой коалиции, одна Англия – неизменный, говоря по-нынешнему, *спонсор* всех семи коалиций против революционной и наполеоновской Франции. Она еще надеялась вовлечь в очередную коалицию старых союзников – Россию

---

[1] Тарле Е. В. Наполеон. С. 133.

[2] Латинское название Швейцарии – Гельвеция.

[3] Цит. по: Тарле Е. В. Наполеон. С. 133. Текст Люневильского договора см.: Clercq M., de. Recueil des traits de la France. P., 1880. T. 1. P. 424–429.

[4] См.: История XIX века. Т. 1. С. 262.

и Турцию. Наполеон поспешил лишить Англию этих надежд. Он учел тот факт, что сразу после Люневильского мира премьер-министр Англии, создатель и энтузиаст второй коалиции У. Питт Младший вынужден был уйти в отставку, а заменивший его лорд Генри Аддингтон стал склоняться от войны к миру. Тем временем Наполеон подготовил и в течение двух дней, 8 и 9 октября 1801 г., подписал мирные договоры – сначала с Россией, а потом с Турцией. По меткому выражению Винсента Кронина, «одну за другой он усадил за стол мирных переговоров Россию, Турцию, Австрию, а затем и Соединенные Штаты»[1]. Кронин допустил лишь одну хронологическую неточность: договор с правительством США о дипломатическом, правовом и торговом сотрудничестве Наполеон заключил еще 30 сентября 1800 г.[2]

Англия (организатор коалиций!) оказалась в совершенной изоляции. Правда, ей удалось за время с осени 1800 до осени 1801 г. захватить Мальту и принудить – 30 августа 1801 г. – к капитуляции главнокомандующего французскими войсками в Египте генерала Ж. Ф. Мену (на почетных условиях[3]), но для борьбы с Францией один на один, без союзников, у нее не было никаких шансов. Поэтому лорд Аддингтон сам предложил Наполеону приступить к мирным переговорам. Начались они 1 октября 1801 г. в Амьене на севере Франции. Англию представлял на них маркиз Чарльз Манн Корнваллис, Францию – и на этот раз Жозеф Бонапарт, в лице которого Наполеон ценил не столько дипломата, сколько породственному преданного ему, исполнительного, стопроцентно надежного соратника (кстати, не без дипломатических способностей).

Амьенский мир был подписан 27 марта 1802 г. на условиях, очень выгодных для Франции[4]. Англия признала все французские завоевания с 1792 г.: захват Бельгии и левого берега Рейна, создание «дочерних», профранцузских республик – Батавской, Гельветической, Цизальпинской, Лигурийской. Кроме того, она возвращала Франции и ее союзникам (Испании и Голландии) все колонии, которые успела захватить за десять лет войны, кроме Цейлона и Тринидада. Мальту Англия обязалась вернуть рыцарям Мальтийского ордена. Больно

---

[1] Кронин В. Цит. соч. С. 280.

[2] См.: Dictionnaire Napoléon. T. 2. P. 351.

[3] Войска Мену были перевезены во Францию на английских судах при сохранении оружия, знамен и багажа.

[4] См.: История дипломатии. Т. 1. С. 463; История XIX века. Т. 1. С. 41; Тарле Е. В. Наполеон. С. 135; Кронин В. Цит. соч. С. 281. Полный текст Амьенского договора см.: Martens G. F. Nouveau recueil des traits, d'alliance, de paix... Gött, 1808. V. 7. P. 404.

ударила по национальному самолюбию английских «верхов» статья договора, обязавшая Англию не вмешиваться во внутренние дела Голландии, Германии, Швейцарии и «дочерних» республик в Италии. «В общем, это было равносильно установлению принципа, что отныне Англии нет никакого дела до того, что происходит в Европе», – так истолковывается эта статья в коллективной «Истории XIX века» под редакцией Э. Лависса и А. Рамбо[1]. Георгу III пришлось отказаться от титула «король Франции», который веками, со времен Столетней войны, носили его предшественники. Прочие статьи Амьенского договора были менее значимы: Ионические острова получили статус «Республики семи островов» под совместным протекторатом Турции и России, а Египет, уже свободный от французских войск, был возвращен Турции.

Теряла ли что-нибудь Франция по этому договору? Да, она обязалась вывести свои войска из Рима, Неаполя и с острова Эльба (того самого, который станет местом первой ссылки Наполеона). Но все это выглядело сущим пустяком в сравнении с тем, что потеряла Англия. Амьен был выдающейся победой французской дипломатии над самым грозным и непримиримым врагом: «Франция, казалось, смирила свою соперницу, как и всех остальных своих врагов»[2]. В представлении Вальтера Скотта Амьенский трактат стал для Англии «подобен печально известному договору Циклопа с Улиссом, когда все права были у первого, а второму оставалось лишь одно – быть съеденным»[3]. Во всяком случае Ш. М. Талейран имел основания с гордостью заявить: «Менее чем в два с половиной года, т. е. с 18 брюмера (9 ноября 1799 г.) до 27 марта 1802 г. – дата заключения Амьенского мира, – Франция вышла из состояния унижения, в которое ее погрузила Директория, и заняла в Европе первое место»[4].

Реакция на Амьенский мир «верхов» и «низов» в Англии и Франции была, конечно же, разной, но нельзя сказать, что противоположной. Во Франции приветствовали Амьен практически все снизу доверху (кроме ненавистников консульского режима, для которых только его беды и неудачи были бы в радость). В Париже, в Бордо, в портовых городах севера и юга простой люд вновь, как после Маренго, ликовал. «Рабочие говорят о мире и о первом консуле с неподдельным энтузиазмом. Их вера в правительство не знает границ», – свидетельствовали очевидцы[5].

---

[1] История XIX века. Т. 1. С. 41.

[2] Там же; Тарле Е. В. Наполеон. С. 136.

[3] Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 329. Циклоп (Киклоп) и Улисс (Одиссей) – персонажи из поэмы Гомера «Одиссея».

[4] Талейран Ш. М. Мемуары. С. 164.

[5] Цит. по: Тюлар. Ж. Цит. соч. С. 126.

Правда, деловые круги, по тем же свидетельствам, реагировали на мир с Англией сдержанно. Зато политический олимп Республики и сам первый консул не скрывали своего торжества. Наполеон даже украсил свой туалетный столик бюстами Чарльза Джеймса Фокса – лидера английской партии мира и... адмирала Г. Нельсона, а с английским посланником Френсисом Джексоном весело шутил: «Если вы будете столь же старательно соблюдать мир, сколь умело вы ведете войну, он продлится долго»[1].

Народные «низы» радовались миру и в Англии. Лондонские простолюдины выпрягли лошадей из кареты генерала Ж. Б. Лористона (бывшего адъютанта Наполеона и будущего посла Французской империи в Петербурге, а затем маршала Франции), доставившего британцам новость о мире, и сами потащили карету по двум улицам ко дворцу Уайтхолл «под крики четырех тысяч глоток “Да здравствует Бонапарт!”»[2]. Но английские «верхи» были против мира с «корсиканским чудовищем» Бонапартом и очень скоро, как мы увидим, добились возобновления войны. Кстати, один из вожаков английской военщины, член палаты общин У. Кобетт назвал тех лондонцев, которые приветствовали Лористона, «сборищем свиней»[3]. Разве могла правящая верхушка Англии смириться с тем, что десятилетняя война, в ходе которой она израсходовала на субсидии союзникам по борьбе с Францией более 12,5 млн фунтов стерлингов (300 млн франков) и довела свой государственный долг до 160 млн ф. ст.[4], кончилась не просто миром, а торжеством Франции?

Недолгий мир с Англией Наполеон попытался использовать для решения колониальных проблем своей страны. По Амьенскому договору он вернул Франции захваченные было Англией французские колонии в Вест-Индии (Малые Антильские острова, берег Гвианы и восточную часть острова Гаити под названием Сан-Доминго). Но к тому времени контроль Франции над Сан-Доминго был сведен к минимуму. Хотя Конвент Французской республики в феврале 1794 г. отменил в Сан-Доминго рабство, местное, почти сплошь чернокожее население продолжало страдать от гнета колонизаторов. Восстание негров возглавил Франсуа Доминик Туссен-Лувертюр – бывший раб, вывезенный из Африки и служивший в Сан-Доминго кучером у француза-плантатора. Он сформировал повстанческую армию, которая успешно сражалась и с французскими, и с испанскими, и с английскими колониальными войсками в разных частях

[1] Цит. по: Кронин В. Цит. соч. С. 281.
[2] Там же. С. 281–282.
[3] Там же. С. 282.
[4] Полевой Н. А. Цит. соч. Т. 2. С. 112.

Гаити. В марте 1801 г. Наполеон предложил ему возглавить Сан-Доминго под протекторатом Франции в чине французского генерала. Туссен-Лувертюр, не отказываясь от такого предложения, пошел еще дальше. В июле того же 1801 г. этот «африканский Бонапарт» (как назвал его Вальтер Скотт) и «самый замечательный человек негритянского происхождения, какого только знает история»[1], провозгласил себя пожизненным правителем *независимого* Сан-Доминго. Теперь Наполеон положился на силу.

14 декабря 1801 г., когда уже начались предварительные переговоры о мире с Англией, из Франции в Сан-Доминго, пользуясь долгожданной свободой морских путей от английского контроля, отплыл экспедиционный корпус, численность которого в разных источниках варьируется: 10 тыс. человек у Е. В. Тарле, 20 тыс. у В. Скотта и В. Слоона, 25 тыс. у Ж. Тюлара, 35 тыс. у Э. Лависса и А. Рамбо. Командовал им Шарль Виктор Эммануэль Леклерк – боевой генерал, один из героев битвы при Гогенлиндене, муж Полины Бонапарт. Взял он с собою в столь дальний поход и свою избалованную безмятежным комфортом супругу.

Войска Леклерка высадились в Сан-Доминго к началу февраля 1802 г. Леклерк передал Туссену-Лувертюру письмо от Наполеона с предложением «покориться мощи Франции, получив взамен титул вице-губернатора»[2]. Туссен отказался. Начались военные действия. В течение двух месяцев (март–апрель 1802 г.) войска Леклерка подавили сопротивление туземцев. Туссен-Лувертюр был взят в плен, доставлен во Францию, заточен в тюрьму средневекового замка Жу на сыром плоскогорье Франш-Конте, где и умер весной 1803 г.

Вскоре после смерти Туссена в кругах, враждебных Наполеону, пошли слухи, будто первый консул приказал тайно казнить «африканского Бонапарта» в тюрьме. Наполеон с негодованием вспоминал об этих слухах даже на острове Святой Елены: «Ради чего я стал бы приказывать казнить негра после того, как он приехал во Францию? Если бы он умер в Сан-Доминго, тогда действительно можно было что-то подозревать. Но когда он благополучно прибыл во Францию, ради чего надо было его казнить?»[3]

Кстати сказать, уже в наше время, 25 марта 1983 г., французское правительство передало правительству Республики Гаити урну с прахом ее национального героя Туссена-Лувертюра[4].

---

[1] Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 354; Слоон В. Цит. соч. Т. 1. С. 519.
[2] Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 355.
[3] О'Мира Б. Цит. соч. С. 447.
[4] См.: Dictionnaire Napoléon. T. 2. P. 862.

Победа Леклерка над повстанцами Сан-Доминго оказалась хуже пирровой. Туссен-Лувертюр погиб, но, как подметил В. Слоон, «за него отомстили французам жара и зловредные испарения его родного острова»[1]. Ужасная эпидемия желтой лихорадки погубила две трети экспедиционного корпуса. Сам Леклерк и 15 его генералов стали ее жертвами. Полина положила в гроб с телом мужа прядь своих волос и немедленно отбыла во Францию, увозя гроб с собой[2]. Вслед за ней потянулись на родину (по решению первого консула) остатки французских войск. Так Франция потеряла богатейшую из своих колоний в Вест-Индии.

Много лет спустя, уже в изгнании, Наполеон с горечью признавал: «Одной из самых больших глупостей, в совершении которых меня можно было бы когда-либо обвинить, было решение отозвать армию из Сан-Доминго. Мне следовало обязательно помешать этому. Я допустил большую оплошность в том, что не объявил Сан-Доминго свободным, не признал правительство чернокожих и не послал французских офицеров, чтобы помогать этому правительству до заключения Амьенского мира. Если бы я это сделал, то это было бы созвучно принципам, которыми я руководствовался»[3].

Неудача в Сан-Доминго если и отразилась, то лишь в самой малой степени, на общенациональном восторге французов по случаю Амьенского мира. Сам Наполеон был, конечно же, раздосадован своей заокеанской неудачей, хотя, пожалуй, больше переживал не потерю Сан-Доминго, а смерть своего зятя, генерала Леклерка, – ведь не прошло и двух лет после славного и горького для него дня 14 июня 1800 г., когда (в один и тот же день!) в разных концах Земли погибли двое лучших его боевых соратников: в Италии – Дезе, в Египте – Клебер. Но, как бы то ни было, главным событием и для него, и для всей Франции стал тогда завоеванный им *мир*.

Разгром двух французских коалиций, которые с «утробной ненавистью» к революции[4] пытались вернуть Францию в средневековое, феодальное прошлое, поднял на небывалую высоту национальное самосознание граждан Французской республики и авторитет ее лидера. «Никогда еще слава первого консула не была так велика, – авторитетно заключал А. З. Манфред свой взгляд на Амьенский договор. – Ни одна самая триумфальная победа не принесла такой признательности соотечественников, такой искренней радости наро-

---

[1] Слоон В. Цит. соч. Т. 1. С. 520.
[2] См.: Иванов А. Ю. Двенадцать Бонапартов. М., 2006. С. 107.
[3] О'Мира Б. Цит. соч. С. 447.
[4] Франчески М., Вейдер Б. Цит. соч. С. 12–13.

да Франции, всех народов Европы, как день, остановивший войну»[1]. Все современники и потомки – свои и чужие, поклонники и враги – связывали дипломатические, как и военные, победы Французской республики с именем Наполеона Бонапарта. «Он сделался героем мира, как до того был героем войны»[2], вполне заслуженно и закономерно: ведь именно он сыграл главную роль в разгроме первой и второй феодальных коалиций и заставил коалиционные державы склониться к миру. Хорошо сказал об этом Д. С. Мережковский: «Бонапарт взял власть – дал мир»[3].

Но, как бы ни были велики достигнутые успехи в решении проблем войны и мира, первый консул даже в самые триумфальные для него дни 1802 г. жалел об одном упущении, крайне огорчительном для него, хотя и случившемся не по его вине. Он добивался не только мира, но и союза с крупнейшей из континентальных держав Европы – Россией, был близок к достижению этой цели и вдруг все, что он задумал и успешно осуществлял, рухнуло в одночасье. Посмотрим, как это было.

4. К союзу с Россией

Тяга к сближению (экономическому, военному, культурному) Франции и России в XVIII в. была взаимной. Она отвечала не только интересам, но и геополитическому и даже географическому положению обеих стран. Две крупнейшие – и по территории, и по населению – державы европейского континента заняли два ее противоположных конца: на востоке – Россия с необъятными землями и населением примерно в 36 млн человек[4], на западе – Франция, территориально почти в 30 раз уступавшая России, но превосходившая по этому показателю все остальные страны Европы, а по численности населения и Россию: 40 млн человек с учетом территорий, присоединенных в ходе коалиционных войн 1792–1797 гг.[5] Для сравнения: численность населения в Англии к началу XIX в. не превышала 10 млн человек; в Германии, разделенной на более чем 300 государств, было 20 млн; в Австрии вместе с Венгрией, Богемией,

---

[1] Манфред А. З. Цит. соч. С. 368.

[2] История XIX века. Т. 1. С. 41.

[3] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 174.

[4] По расчетам академика А. К. Шторха (1766–1835), на которые ссылается в своем «Курсе истории России XIX в.» А. А. Корнилов (изд. 1993. С. 25). Данные А. З. Манфреда (47 млн человек – без ссылки на источник) преувеличены.

[5] Соколов О. В. Цит. соч. Т. 1. С. 6.

Моравией и другими ее владениями – около 24 млн[1]. Союз между Францией и Россией сулил и той и другой стороне отличные перспективы, а именно контроль над положением всего и вся в Европе плюс надежная защита, фактически гарантия для России и Франции, связанных договоренностью о взаимной помощи, от наступления со стороны любого врага.

Вот почему задолго до Наполеона, по мере того как обострялась борьба великих держав за европейскую гегемонию, приведшая к Семилетней войне, французские политики потянулись на восток Европы, к России за дружбой и поддержкой. Еще в 1739–1744 гг. посол Людовика XV в Петербурге маркиз Жак Иоахим Шетарди, способствовавший, кстати сказать, воцарению Елизаветы Петровны, добивался желанного для Франции договора о союзе с Россией, но переусердствовал в интригах против вице-канцлера А. П. Бестужева-Рюмина и был выслан на родину ни с чем[2]. Что касается участия Франции в т. н. Версальском союзе с Россией и Австрией 1757–1761 гг. (во время Семилетней войны), то этот союз «не имел ни устойчивости, ни выгодности», поскольку Франция и Россия использовали его для разных целей – Франция против Англии, а Россия против Пруссии[3].

Лишь после долгого перерыва молодой, но, как вскоре выяснилось, первоклассный французский дипломат, с 1784 г. посол при дворе Екатерины II граф Луи Филипп де Сегюр (сын военного министра Людовика XVI, маркиза Ф. А. де Сегюра) вошел в доверие к Екатерине и добился заключения 11 января 1787 г. договора между Францией и Россией о дружбе, торговле и навигации. Этот договор стал «высшей точкой в русско-французских отношениях в XVIII в.»[4], и только революция 1789 г. во Франции надолго прервала столь удачно, казалось бы, начатый диалог двух великих держав.

Наполеону в его стремлении к союзу с Россией пришлось начинать с нуля. К тому времени, когда он возглавил Французскую республику, в Российской империи три года правил император Павел I, сын Екатерины II и Петра III. Личность его характеризуется в источниках и литературе, как правило, критически, либо даже саркастически. В представлении авторитетных историков (и отечественных, и зарубежных) он был самодур и чуть ли не сумасброд.

---

[1] Соколов О. В. Цит. соч. Т. 1. С. 6.

[2] См.: Черкасов П. П. Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775. М., 1995. С. 32–45.

[3] Там же. С. 127–128.

[4] Черкасов П. П. Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения 1774–1792. М., 2001. С. 302.

«Полусумасшедший Павел», – так охарактеризовал его Е. В. Тарле, а Казимир Валишевский в своем суждении о Павле пошел еще дальше: «...в том, что он говорил или делал, все было одним сплошным безумием», причем, как полагал Валишевский, это *«исторически установленное»* безумие Павла объяснялось тем, что он заразился «зловредным ядом» идей, распространявшихся из революционной Франции «по всему свету»[1]. «Его расстроенный рассудок мутится», – так представлял себе Павла Анри Труайя[2].

Менее негативно и, думается, более достоверно характеризовали личность Павла С. Ф. Платонов, Н. Я. Эйдельман и английская исследовательница Джанет Хартли, по мнению которых Павел отличался «эмоциональной неуравновешенностью, а не действительным помешательством», ему были свойственны «горячность и впечатлительность» в сочетании с «колоритом чего-то случайного, болезненного и капризного»[3]. Н. К. Шильдер имел основания заключить, что характеристика английского короля Карла I, которую Павел выписал для себя из «Истории Англии» Д. Юма, «вполне применима» к самому Павлу: «В речах и образе мыслей встречаешь ум и рассудительность, а на деле видишь часто безрассудство и неблагоразумие»[4].

Во всяком случае легенду о сумасшествии Павла I давно уже следовало отбросить – раз и навсегда. Пожалуй, главный аргумент против этой легенды – многочисленное (4 сына и 6 дочерей) и *вполне здоровое* потомство Павла.

Вместе с тем есть доля истины и в парадоксальном, на первый взгляд, наблюдении К. Ф. Валишевского: в Павле I «сидел тот же беспокойный дух, что и в Робеспьере, Дантоне и Бонапарте»[5]. Не зря авторитетнейшие политики и публицисты отмечали в характере российского самодержца черты донкихотства, т. е. рыцарски благородного и бескорыстного, но до комизма наивного стремления к неосуществимым идеалам. Наполеон прямо говорил о нем: «Русский Дон-Кихот!»[6], причем явно в романтическом смысле, а через полвека А. И. Герцен употребил то же сравнение остро критически: «Павел I

---

[1] Тарле Е. В. Наполеон. С. 530; Валишевский К. Ф. Сын великой Екатерины. Император Павел I. М., 1990. С. 501, 514–515. Курсив мой. – *Н. Т.*

[2] Труайя А. Александр I или Северный Сфинкс. М., 1997. С. 41.

[3] Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 641; Эйдельман Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия. М., 1986. С. 139; Хартли Д. М. Александр I. Ростов н/Д., 1998. С. 34.

[4] Шильдер Н. К. Император Павел Первый. М., 1996. С. 445–446.

[5] Валишевский К. Ф. Цит. соч. С. 40.

[6] Цит. по: Эйдельман Н. Я. Цит. соч. С. 72.

явил собой отвратительное и смехотворное зрелище коронованного Дон-Кихота»[1].

До того как Наполеон возглавил французское правительство, Павел воспринимал Францию как очаг революционной заразы и не только не был отравлен ее «зловонным ядом», а напротив, старался – вместе с другими феодальными монархами – эту заразу искоренить. Ради такой цели он проявил гораздо большую активность, чем Екатерина II, хотя и не сразу.

Заняв престол, Павел разослал европейским дворам ноту, в которой подчеркивал свою решимость бороться всемерно с «неистовой Французской республикой». Однако ему потребовалось время для задуманных реформ внутри страны и в собственной армии. А пока, готовясь к войне с «неистовой республикой», он заботливо собирал под свое крыло зубров ее эмиграции. Осенью 1797 г. он принял на русскую службу и расквартировал в Подолии отряд принца Л. Ж. Конде де Бурбона, а его сына – герцога Бурбонского и внука – герцога Энгиенского приютил с почестями в Петербурге. Тогда же Павел демонстративно произвел в генерал-фельдмаршалы Российской империи бежавшего от революции 79-летнего маршала королевской Франции герцога В. Ф. Брольо[2]. В декабре все того же 1797 г. Павел пригласил к себе и самого Людовика XVIII, который эмигрировал поначалу в Англию, но там его содержали прижимисто, а теперь он со своим двором из 80 человек был роскошно поселен в Митавском замке на ежегодную пенсию в 200 тыс. рублей[3] за счет русского народа и награжден высшим российским орденом – Св. Андрея Первозванного. Английский посол при Павле Чарльз Уитворт сообщал 3 января 1798 г. в Лондон, что предполагается даже брак великой княжны Александры Павловны с герцогом Энгиенским[4].

Наконец, в феврале 1799 г., уступая настойчивым просьбам союзников по второй антифранцузской коалиции (в первую очередь Англии и Австрии) Павел отправил в Италию на помощь 86-тысячной австрийской армии русские войска под командованием генерал-фельдмаршала А. В. Суворова численностью в 33 тыс. человек. Суворовские «чудо-богатыри» одержали ряд блестящих побед над

---

[1] Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1960. Т. 13. С. 238.

[2] См.: Бантыш-Каменский Д. Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. М., 1991. Ч. 2. С. 268.

[3] Сравним: на содержание офицера кавалергардов отводилось тогда в России 8 тыс. руб. в год (см.: Местр Ж., де. Петербургские письма 1803–1817. СПб., 1995. С. 135).

[4] См.: Валишевский К. Ф. Цит. соч. С. 299.

французскими войсками генералов Б. Шерера, Ж. В. Моро, Ж. Э. Макдональда, Б. Жубера и покрыли себя бессмертной славой, а самому фельдмаршалу Павел I присвоил высшее воинское звание генералиссимуса[1]. Но своекорыстные интриги гофкригсрата, который не столько помогал, сколько мешал Суворову, оставив его в Швейцарии без обещанной помощи, буквально разъярили Павла. 11 октября 1799 г. он расторг союз с Австрией и отозвал Суворова в Россию. Таким образом, Россия фактически вышла из антифранцузской коалиции. Когда же Павел прочел в перехваченной депеше Ч. Уитворта от 18 марта 1800 г. министру иностранных дел Англии барону У. В. Гренвилу отзыв о себе: «Император в полном смысле слова не в своем уме», – гнев императора обрушился и на англичан. 1 апреля 1800 г. Павел потребовал от английского правительства отозвать «кавалера Уитворта» (после затянувшихся объяснений тот был все-таки выдворен из России в июле)[2], а 13 апреля отозвал из Лондона и своего посла – графа С. Р. Воронцова, предписав ему отправиться «к во́дам, на континент»[3].

Все это в общих чертах, а многое и в подробностях Наполеон узнавал из разных источников. Кроме дипломатии, прессы и слухов он использовал свою, довольно необычную, платную агентуру в Петербурге. То были две «красотки», вкравшиеся в доверие к наиболее влиятельным особам петербургского двора, вплоть до самого Павла, и добывавшие, а затем доставлявшие Наполеону ценнейшую информацию[4]. Одна из них, актриса по фамилии Шевалье, стала фавориткой царского любимца графа И. П. Кутайсова[5], а возможно, и царя. На деньги Кутайсова (он был обер-шталмейстером императорского двора) Шевалье устраивала себе дорогие бенефисы для избранной публики, где заводила самые многообещающие с агентурной точки зрения связи. Впрочем, по воспоминаниям современников, близких к двору Павла, она сблизилась с петербургским

---

[1] Напомню читателю, что генералиссимусов за всю историю нашей страны было всего пятеро: А. С. Шеин (с 1696 г.), А. Д. Меншиков (1727), принц Антон Ульрих Брауншвейгский (1740), А. В. Суворов (1799), И. В. Сталин (1945).

[2] Манфред А. З. Цит. соч. С. 318, 715; Валишевский К. Ф. Цит. соч. С. 441.

[3] Валишевский К. Ф. Цит. соч. С. 440. Семен Романович Воронцов (1744–1832) – брат президента Российской Академии Е. Р. Дашковой (1743–1810), отец генерал-фельдмаршала М. С. Воронцова.

[4] Подробно об этом см.: Валишевский К. Ф. Цит. соч. С. 207–209, 482 (с использованием депеш французского посла в Пруссии генерала П. Бернонвиля Ш. М. Талейрану); Эйдельман Н. Я. Цит. соч. С. 195, 231–232.

[5] Иван Павлович Кутайсов (1759–1834) – отец героя Отечественной войны 1812 г. генерала графа А. И. Кутайсова.

военным губернатором графом П. А. фон дер Паленом (главарем заговора против Павла I!), не разглядев, естественно, в нем заговорщика, после чего, «сама того не подозревая, работала против своего шефа (Наполеона. – *Н. Т.*) и помогала Палену»[1].

Другая разведчица первого консула, некая Каролина де Бонейль (она же Аделаида Рифлон), «дочь золотаря-живодера из Буржа», как пишет К. Валишевский, была близка с вице-канцлером Н. П. Паниным, который ратовал за союз России с Англией против Франции, и одновременно с фактическим руководителем Коллегии иностранных дел Ф. В. Ростопчиным – сторонником русско-французского союза. Такой альянс позволял разведчице добывать и сообщать в Париж вдвойне полезную информацию.

Наполеон изыскивал и внимательно изучал любую возможность для сближения с Россией, не забывая об этом даже в страдное время перехода через Сен-Бернар и битвы при Маренго. Именно он первым из французских политиков сумел не только до конца уразуметь взаимную выгоду русско-французского союза, но и практически приступить к его созданию. Он все учел – и географическую удаленность России от Франции, что исключало территориальные конфликты между ними; и заманчивую возможность для обеих стран контролировать с двух концов Европы в союзе друг с другом положение дел на континенте; и, наконец, перспективы совместного удара по английскому владычеству в Индии, которая служила для Англии главным, неиссякаемым источником колониального обогащения.

Все взвесив, Наполеон начал действовать. Он точно выбрал момент, когда Павел I охладел к своим партнерам по антифранцузской коалиции и рассорился с ними. Первый шаг лидера Французской республики навстречу властителю Российской империи был равно эффектным и эффективным. 18 июля 1800 г. первый консул предложил – из уважения к «храбрым войскам» России – возвратить на родину безвозмездно и без всяких условий, с воинскими почестями, всех русских пленных числом в 6732, включая 134 генерала и штабофицера[2], причем выказал невиданную в истории войн любезность, распорядившись, чтобы им не только вернули оружие, знамена, личные вещи, но и выдали новенькие мундиры, сшитые за счет французской казны по форме их частей. Вслед за тем, учитывая тот факт, что

---

[1] Эйдельман Н. Я. Цит. соч. С. 231–232.

[2] Именно эти цифры указаны в специальной русско-французской конвенции от 9 (21) марта 1801 г.: Мартенс Ф. Ф. Собр. трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. СПб., 1884. Т. 13. С. 255. В литературе приводятся разные цифры от 6 тыс. (у Е. В. Тарле и А. З. Манфреда) до 9 тыс. (у В. Скотта).

Павел I с 1797 г. носил титул Великого магистра Мальтийского ордена, Наполеон послал ему в подарок реквизированный французами на Мальте (по пути в Египет) старинный меч, который еще в начале XVI в. папа римский Лев X подарил одному из магистров ордена.

В Петербурге и вообще в России великодушие первого консула Франции к русским военнопленным произвело самое благоприятное впечатление. Не сразу и не везде, но отчасти стало меняться к лучшему и восприятие россиянами Наполеона как личности. В августе 1800 г. петербуржцы узнали, что русский художник написал картину, «изображающую момент, когда Бонапарт устремился на мост у Лоди» (должно быть, художник имел в виду Аркольский мост), а «императрица (Мария Федоровна, супруга Павла I. – *Н. Т.*) купила картину за 600 рублей»[1].

Что касается самого императора Павла, то он был прямо-таки пленен рыцарскими жестами Бонапарта, которого еще недавно называл «корсиканским узурпатором», и, недолго думая, из врага обратился в его поклонника, тем более что ему импонировал *порядок*, наведенный Бонапартом во Франции. Самодержец всея Руси выставил в своем дворце напоказ бюст первого консула Французской республики и (по воспоминаниям кн. М. А. Нарышкиной) всякий раз, когда проходил мимо, снимал перед ним шляпу и говорил приближенным: «Салютуем сáмому великому генералу современности!»[2] На дворцовых приемах император пил за здоровье первого консула и говорил о его «добродетелях», довольный тем, что «он делает дела, и с ним можно иметь дело»[3].

Так была подготовлена почва и положено начало сближению республиканской Франции с царской Россией. Но обеим сторонам предстояло преодолеть немало затруднений, связанных с различием не только социального и государственного устройства двух великих держав, но также и с их политическими особенностями, традициями, предпочтениями. Здесь надо отдать должное Павлу I. Он тоже, как и Наполеон, смог оценить взаимные выгоды союза России с Францией, несмотря на все различия между ними, и противостоять антифранцузскому давлению как собственных, так и зарубежных политиков. В то же время внутри страны проанглийски настроенные сановники со своими приспешниками делали все, чтобы не допустить сближения с Францией. 9 сентября 1800 г. вице-канцлер Н. П. Панин[4] подал императору докладную записку о том, что инте-

---

[1] Цит. по: Соколов О. В. Цит. соч. Т. 1. С. 53.

[2] Цит. по: Кастело А. Бонапарт. С. 415.

[3] Валишевский К. Ф. Цит. соч. С. 434.

[4] Никита Петрович Панин (1770–1837) – сын генерал-аншефа, героя Семилетней войны Петра Ивановича Панина (1721–1789) и племянник Ники-

ресы и долг Российской империи требуют оказать немедленную военную помощь «Австрийской монархии, находящейся на краю пропасти»[1]. Фанатичным англоманом был российский посол в Лондоне С. Р. Воронцов, без устали пытавшийся заодно с Ч. Уитвортом склонить Павла I к единению с Англией. В этом рвении Воронцову и Уитворту всемерно (главным образом интригами) помогали три брата Зубовых – Платон (последний, 20-й по общепринятой хронологии, фаворит Екатерины II), Николай (зять генералиссимуса А. В. Суворова, один из убийц Павла I) и Валериан, а также их сестра О. А. Жеребцова, любовница Уитворта. Этой особе уместно посвятить отдельный абзац[2].

Ольга Александровна Жеребцова, урожденная Зубова (1766–1849), была вдовой генерал-поручика А. Г. Жеребцова, убитого в несчастной для русских войск битве под Бергеном в Голландии 19 сентября 1799 г. «Красавица, одаренная необыкновенным умом и мужским характером, – такой она была по словам А. И. Герцена, который был наслышан о ней и лично познакомился с нею, уже 70-летней, при Николае I. <...> У нее собирались заговорщики, она подстрекала их, через нее шли сношения с английским посольством»[3]. Перед самым убийством Павла I, уже заподозренная полицией, она успела бежать за границу, поселилась в Лондоне, блистала там «в замкнутом и недоступном обществе английской аристократии. Принц Валлийский, т. е. будущий король Георг IV, был у ее ног... Пышно и шумно шли годы ее заграничного житья, но шли и срывали цветок за цветком», а вместе со старостью, когда она вернулась в Россию, «началась для нее пустыня, удары судьбы»: ее сын погиб в Бородинской битве, а дочь рано умерла; правда, внучка ее удачно вышла замуж за шефа жандармов А. Ф. Орлова[4].

Обратимся теперь к давлению на Павла I (против союза с Францией) извне. В этом больше всех старались преуспеть верхи Австрийской империи, дважды (в 1797 и 1800 г.) разгромленной Наполеоном. Ее министр иностранных дел Л. Кобенцль униженно, через российского посла в Вене С. А. Колычева, домогался у Павла I «восстановления доброго согласия» и «тесного союза двух императорских дворов»[5]. Английское правительство пыталось воздейство-

---

ты Ивановича Панина (1718–1783) – президента Коллегии иностранных дел, воспитателя вел. кн. Павла Петровича (будущего императора Павла I).

[1] Цит. по: Манфред А. З. Цит. соч. С. 325.

[2] См. о ней: Адрианов С. А. Замечательная русская женщина Ольга Александровна Жеребцова // Исторический вестник. 1895. Т. 62.

[3] Герцен А. И. Былое и думы // Собр. соч.: В 8 т. М., 1975. Т. 5. С. 148.

[4] Там же. С. 148–149, 359.

[5] Цит. по: Манфред А. З. Цит. соч. С. 325.

вать на Павла с бóльшим достоинством и с чисто иезуитским коварством. А. З. Манфред проследил по материалам Архива внешней политики России, как английская дипломатия, предвкушая скорый захват Мальты, на которую претендовал и Павел I – Великий магистр Мальтийского ордена, лицемерно внушала Павлу для отвода глаз, что Англия не имеет никаких видов на... остров Корсику и что «завоевание Корсики имело бы большое значение для Его Императорского величества»[1]. «То был “дар данайцев”, – комментировал такую любезность Англии за чужой счет А. З. Манфред. – “Великодушно жертвуя” то, что ему не принадлежало, “предлагая” вместо Мальты французскую Корсику (родину Наполеона! – *Н. Т.*), британское правительство надеялось, если бы Россия попалась на эту удочку, навсегда поссорить ее с Францией»[2]. Однако Павел на эту «удочку» не попался. Очень помог ему в этом Наполеон.

Для первого консула ключевой приоритет его внешней политики был тогда однозначен: «Договор с Россией, которая должна стать главным и естественным союзником Франции», – так формулировал его по заданию Наполеона Талейран[3]. Н. П. Панин и Ф. В. Ростопчин подали российскому императору записки с противоположными рекомендациями. Если Панин выступал за союз с Австрией и Англией, то Ростопчин, подчеркнув искреннее стремление лидера Франции к миру («Истина сего доказывается всем его поведением»), крайне негативно оценил «алчность и дерзость» Англии: «Так, она вооружила попеременно угрозами, хитростью и деньгами все державы против Франции (Павел I здесь оставил пометку: «И нас грешных!» – *Н. Т.*) и выпускала их на театр войны единственно для достижения собственной цели»[4]. Вывод Ростопчина категоричен: необходим союз России с Францией. 2 октября 1800 г. Павел I одобрил эту записку («Дай Бог, чтоб по сему было!»[5]), а Панина уволил в отставку. Теперь сближение между Россией и Францией пошло в ускоренном темпе. Первым практическим шагом с российской стороны стала миссия Спренгпортена.

Барон Ирье Мауно Спренгпортен (1740–1819) – «полушвед, полуфинн на русской службе»[6] с генеральским чином, но с профранцузскими симпатиями, впоследствии первый губернатор Финляндии

---

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Цит. по: Соколов О. В. Цит. соч. Т. 1. С. 54.
[4] Записка графа Ф. В. Ростопчина // Русский архив. 1878. Т. 1. С. 105–106.
[5] Там же. С. 110.
[6] Манфред А. З. Цит. соч. С. 320.

в составе Российской империи, – был послан в Париж 21 ноября 1800 г. Поскольку проезд от Петербурга до Парижа занимал от 18 до 25 дней, Спренгпортен прибыл в столицу Франции 20 декабря – с остановкой в Брюсселе и далее с задержками в других городах.

Дело в том, что Наполеон повелел устроить российскому посланцу торжественную встречу. В Брюссель с этой целью выехал авторитетный генерал А. Ж. Г. Кларк, четырежды в разное время возглавлявший Военное министерство Франции, а по пути из Брюсселя к Парижу Спренгпортена встречали местные власти – непременно с воинскими почестями, под артиллерийские салюты. По прибытии в Париж Спренгпортен в первый же день был любезнейше принят сначала Талейраном, а потом и самим Бонапартом.

Формально миссия Спренгпортена имела скромную цель: принять русских пленных. Но, как явствует из текста полученной им от Павла I секретной инструкции[1], главными должны были стать и действительно стали переговоры о том, чтобы Франция и Россия «соединились и постоянно поддерживали дружественные отношения», не позволяя «другим странам (в первую очередь, конечно же, Англии. – *Н. Т.*) с *их стремлением к захвату и господству* повредить русско-французским интересам». Переговоры Спренгпортена с Наполеоном произвели на каждого из них настолько приятное впечатление полного взаимопонимания, что уже на следующий день первый консул написал личное письмо российскому императору, давно опубликованное и во французском оригинале и в русском переводе[2]. Текст этого письма, как и ответ на него Павла I, перепечатаны в новейшей монографии О. В. Соколова, полагающего, что их «нельзя не привести полностью»[3]. Соглашусь с Олегом Валерьевичем и надеюсь, что мой читатель согласится в том же со мной. Итак, вот письмо Наполеона Бонапарта Павлу I от 9 (21) декабря 1800 г.:

«Вчера я встретил с огромным удовольствием генерала Спренгпортена. Я поручил ему передать Вашему Императорскому Величеству, что как по политическим соображениям, так и из уважения к Вам я желаю, чтобы наши две великие нации соединились как можно скорее в прочном союзе.

В течение двенадцати месяцев я пытался дать мир и спокойствие Европе, но не смог этого сделать. Еще идет война без всякой необхо-

---

[1] Текст ее опубликован: Сборник Русского исторического общества (далее – РИО). СПб., 1890. Т. 70. С. 11–12.

[2] Оригинал письма см.: Correspondance de Napoléon. T. 6. № 5232. P. 679–680. Рус. пер.: Сборник РИО. Т. 70. С. 24–25.

[3] Соколов О. В. Цит. соч. Т. 1. С. 57.

димости и, как мне думается, только из-за подстрекательства английского правительства.

Через 24 часа после того, как Ваше Императорское Величество наделит какое-либо лицо, пользующееся Вашим доверием и знающее Ваши желания, особыми и неограниченными полномочиями, – на суше и на море воцарится спокойствие. Когда Англия, Германский император (т. е. император Австрии и Священной Римской империи. – *Н. Т.*) и другие державы убедятся, что воля и сила наших двух великих наций направлены к одной цели, оружие выпадет у них из рук, и современное поколение будет благословлять Ваше Императорское Величество за то, что Вы освободили его от ужасов войны и раздоров.

Если Ваше Императорское Величество разделяет эти чувства, в чем я не сомневаюсь, зная Ваш искренний и возвышенный характер, то, я думаю, приличие и достоинство требуют, чтобы одновременно были распределены границы различных государств и чтобы Европа узнала в тот же самый день о подписании мира между Францией и Россией и о взаимных обязательствах, принятых ими на себя для умиротворения всех государств.

Это твердое, откровенное и честное поведение может не понравиться некоторым кабинетам, но вызовет одобрение всех народов и потомства.

Я прошу Ваше Императорское Величество верить чувству особого уважения, которое я к Вам питаю. Чувства, выраженные в этом письме, служат тому самым высшим доказательством, какое я могу Вам представить.

Бонапарт».

Поразительный факт: ответное, каким его считают, послание Павла I Наполеону написано еще до того, как Павел получил и смог прочесть письмо Наполеона, но до чего созвучны их письма, сколь точно, будто телепатически, совпали их мысли и чувства! Цитирую письмо Павла I от 18 (30) декабря 1800 г.:

«Господин Первый Консул,

Долг тех, которым Бог вручил власть над народом, думать и заботиться об их благе. Поэтому я хотел бы предложить вам обсудить способы, с помощью которых мы могли бы прекратить те несчастья, которые уже в течение 11-ти лет разоряют всю Европу. Я не говорю и не хочу дискутировать ни о правах человека, ни о принципах, которыми руководствуются правительства различных стран. Постараемся вернуть миру спокойствие, в котором он так нуждается и которое, как думается, и есть основной закон, диктуемый нам Всевышним. Я готов слушать Вас и беседовать с Вами. Я тем более считаю себя

вправе предложить это, так как я был далек от борьбы и если я и участвовал в ней, то только как верный союзник тех, кто, увы, не выполнил своих обязательств. Вы знаете уже и узнаете еще, что я предлагаю и чего желаю. Но это еще не все. Я предлагаю Вам восстановить вместе со мной всеобщий мир, который, если мы того пожелаем, никто не сможет нарушить. Думаю, что достаточно сказано, чтобы Вы могли оценить мой образ мысли и мои чувства.

Да хранит Вас Господь.

Павел».

К тому времени, когда Наполеон и Павел обменялись такими письмами, Англия, руководствуясь стремлением «к захвату и господству», учинила очередной захват. Он оказался настолько болезненным для политических амбиций Наполеона и монаршего самолюбия Павла I, что ускорил сближение России и Франции, буквально подтолкнув их друг к другу. То был захват английскими войсками Мальты. Известие об этом повергло Павла, как выразился К. Валишевский, «в неистовство»[1]. Он повелел запретить всякий экспорт в Англию, наложить эмбарго на все английские суда, еще находившиеся в российских портах, секвестровать английские товары в российских магазинах, остановить долговые платежи английским купцам[2].

Теперь Павел не мог больше терпеть у себя в стране Людовика XVIII. 2 января 1801 г. («среди глубокой зимы», как заметил не без сострадания к Людовику Н. К. Шильдер) вождь французской контрреволюционной эмиграции был выдворен из Митавы с естественным прекращением назначенной было ему пенсии в 200 тыс. рублей[3].

15 (27) января Павел обратился к Наполеону уже с воинственным (против Англии) предложением: «Господин Первый Консул, я пользуюсь случаем, чтобы написать Вам письмо. Меня принуждает к этому поведение англичан не только по отношению к России, но и к другим государствам. Не мне указывать, что Вам следует делать, но я не могу не предложить Вам, нельзя ли предпринять или по крайней мере произвести что-нибудь на берегах Англии. В тот момент, когда она оказалась изолированной, это может дать надлежащий эффект»[4].

---

[1] Валишевский К. Ф. Цит. соч. С. 442.

[2] См.: Там же; Эйдельман Н. Я. Цит. соч. С. 208; Соколов О. В. Цит. соч. Т. 1. С. 59.

[3] Шильдер Н. К. Цит. соч. С. 403.

[4] Сборник РИО. Т. 70. С. 32–33.

Такое предложение могло только обрадовать первого консула и вдохновить на конкретные планы действий против Англии. Вот что он написал Павлу 27 февраля 1801 г.: «Самоуверенность и наглость англичан поистине беспримерны. Я подготовлю, как Ваше Величество, судя по всему, желает, 300–400 канонерских шлюпов в портах Фландрии, где я соберу армию. Я приказал, чтобы в Бретани была также сконцентрирована армия, которую можно разместить на кораблях Брестской эскадры. Десять кораблей из Бреста я послал на подкрепление Тулонской эскадры. Испания собирает эскадру в Кадисе, чтобы, если обстоятельства потребуют, эти эскадры могли соединиться с Черноморской эскадрой Вашего Величества. Но для этого, по-моему, необходимо иметь один порт на Сицилии, другой на Тарентском берегу. Однако наши эскадры не будут в безопасности, пока русские и французские войска не займут эти порты. Поэтому я хотел бы, чтобы главный порт Сицилии был занят русским гарнизоном, а один из портов на берегу Тарентского залива – французским». Кроме того, поскольку Египет еще оставался в руках французов, Наполеон попытался увлечь российского самодержца грандиозными перспективами для торговли: «Суэцкий канал, который соединит Индийский океан и Средиземное море, уже существует в проекте. Это задача несложная, ее можно решить в короткое время и это, без сомнения, принесет неисчислимые выгоды русской торговле. Если Ваше Величество все еще разделяет мнение, которое Вы часто высказывали, что часть северной торговли могла бы переместиться к югу, то Вы можете связать свое имя с великим предприятием, которое окажет огромное влияние на будущие судьбы континента»[1].

В трезвом, всегда расчетливом уме Наполеона рождались, одна за другой, все новые идеи, казавшиеся тогда фантастическими. Н. Я. Эйдельман обратил внимание на публикацию в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 26 февраля 1801 г. статьи «Из Парижа», явно инспирированной первым консулом. Анонимный автор мечтал о том, что Англии «не можно будет выгружать своих произведений ни на едином берегу, начиная от Зундского пролива до самых Дарданеллов». По этому поводу Эйдельман резонно заметил: «Идея континентальной блокады, как видно, сформулирована за шесть без малого лет до ее провозглашения»[2].

Но, как могло показаться, самой химерической из тех идей, которыми обменивались Наполеон и Павел I, была идея совместного похода российских и французских войск в Индию. Инициатором этой

[1] Там же. С. 37–40.
[2] Эйдельман Н. Я. Цит. соч. С. 222.

идеи был, судя по всему, Наполеон, хотя первым приступил к ее реализации Павел. Согласимся с К. Валишевским: «Бонапарт несомненно помышлял об этом походе и не нуждался в том, чтобы Павел внушил ему мысль о нем»[1]. С такой мыслью во Франции носились давно и многие. Валишевский установил – по данным архива французского МИД и другим источникам, – что, например, в 1776 г. министр финансов Людовика XVI Жак Неккер отказался субсидировать военную экспедицию в Индию; в 1782 г. сам Людовик XVI одобрил план кампании с целью разрушить Бомбей – главную базу английского господства в Западной Индии, но революция сорвала эту затею, а в 1799 г., накануне 18 брюмера, боевой моряк, соратник знаменитого адмирала П. А. Сюффрена Ш. Нагель представил Талейрану свой план похода в Индию[2]. Наполеон все это знал и обдумывал (между прочим, еще в Египте и позднее) свои варианты такого похода, когда русские войска уже выступили.

Да, 12 (24) января, за три дня до своего письма к Наполеону с предложением «предпринять что-нибудь на берегах Англии», Павел I повелел атаману Войска Донского генералу от кавалерии В. П. Орлову *немедленно* выступить через Хиву и Бухару в поход на Индию с казачьими полками численностью в 22 507 человек и с артиллерией из 24 орудий[3]. Правой рукой Орлова в этом походе стал его преемник, впоследствии прославленный на весь мир атаман Матвей Иванович Платов. Он оказался участником «индийского» похода казаков более чем неожиданно для себя самого. Арестованный по доносу кого-то из своих недругов, Платов был заточен в Петропавловскую крепость и отсидел там уже полгода, как вдруг его спешно извлекли из крепостного застенка и доставили прямиком в царский кабинет. Здесь сам император Павел I ошеломил его вопросом: знает ли он дорогу в Индию? Что за этим последовало, колоритно описал Е. В. Тарле: «Ничего абсолютно не понимая, но сообразив, что в случае отрицательного ответа его, вероятно, без промедления отвезут обратно в крепость, Платов поспешил ответить, что знает. Немедленно он был назначен начальником одного из четырех эшелонов Войска Донского, которому почти в полном составе приказано было идти в Индию»[4].

По совокупности данных из разных источников, включая мемуары весьма осведомленного шведского посла в России в 1792–1811 гг.

---

[1] Валишевский К. Ф. Цит. соч. С. 494.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 495–496; Шильдер Н. К. Цит. соч. С. 401. Н. Я. Эйдельман в его цит. соч. (С. 223) насчитывает у В. П. Орлова 30 тыс. казаков.

[4] Тарле Е. В. Наполеон. С. 131–132.

барона К. Л. Штединга, а также расследование советского историка Н. Я. Эйдельмана, можно заключить, что план русско-французского похода в Индию Павел и Наполеон согласовывали: составленный в Петербурге, он затем был отправлен в Париж на «апробование» и возвращен с уточнениями и дополнениями[1]. Кроме казачьего авангарда в походе на Индию предполагалось задействовать 70 тыс. солдат трех родов регулярных войск (пехоты, кавалерии, артиллерии) – поровну с российской и французской стороны: 35 тыс. французов под командованием Андре Массена (именно его кандидатуру предпочел Павел I) должны были пройти по Дунаю, через Черное море, Таганрог и Царицын к Астрахани и там, в устье Волги, соединиться с 35-тысячной русской армией. Далее объединенное российско-французское войско пересекло бы Каспий и высадилось в Астрабаде (ныне – Горган, на севере Ирана), открыв себе путь – через Герат и Кандагар – в главные области Индии.

Наполеон позаботился не только о военном, но и о научном обеспечении этого предприятия – по аналогии со своим египетским походом. Парижский план похода в Индию гласил: «Избранное общество ученых и всякого рода артистов должно принять участие в этой главной экспедиции. Правительство поручит им карты и планы, какие только есть о странах, через которые должна проходить союзная армия, а также наиболее уважаемые записки и сочинения, посвященные описанию тех краев». Предполагалось даже отправить вместе с войсками «фейерверочных мастеров», которые могли бы устроить в разных городах по пути от Ирана к Индии яркие празднества «для внушения жителям тех стран самого высокого понятия о России и Франции»[2].

Насколько реальным был индийский проект Наполеона и Павла I? Многие современники и последующие историки, включая К. Ф. Валишевского и Н. К. Шильдера, считали его нелепым и неосуществимым[3]. Сам Наполеон, однако, верил в его реальность: «Если бы Павел был жив, то к настоящему времени вы бы уже потеряли Индию», – говорил он своему врачу-англичанину Барри О'Мира на острове Святой Елены[4]. Пожалуй, прав был большой знаток темы С. Б. Окунь, мнение которого об индийском плане Наполеона и Павла поддержали такие авторитетные специалисты, как Н. Я. Эйдельман и уже в наше время О. В. Соколов: «Нельзя не

---

[1] См.: Mémoires posthumes du feldmaréchal comte de Stedingk. P., 1845. T. 2. P. 6–8; Эйдельман Н. Я. Цит. соч. С. 223–224.

[2] Цит. по: Соколов О. В. Цит. соч. Т. 1. С. 62.

[3] Валишевский К. Ф. Цит. соч. С. 496; Шильдер Н. К. Цит. соч. С. 402.

[4] О'Мира Б. Цит. соч. С 243.

признать, что по выбору операционного направления план этот был разработан как нельзя лучше. Этот путь являлся кратчайшим и наиболее удобным. Именно по этому пути в древности прошли фаланги Александра Македонского, а в 40-х годах XVIII века пронеслась конница Надир-шаха[1]. Учитывая небольшое количество английских войск в Индии, союз с Персией[2], к заключению которого были приняты меры, и, наконец, помощь и сочувствие индусов, на которые рассчитывали, следует также признать, что и численность экспедиционного корпуса была вполне достаточной»[3].

Самый факт дружеских переговоров первого консула Франции с российским императором и даже некоторые подробности их военных приготовлений были известны тем, против кого они готовились, – английским властям. Не забудем: в Петербурге активно, не щадя ни сил, ни денег, работала английская агентура, уже перераставшая в смертоносный заговор против Павла I. Главные участники заговора – три брата Зубовых, их сестра Жеребцова, верховод заговорщиков Пален (этот «Талейран, Фуше, Бернадот в одном лице», по выражению А. Сореля[4]) – готовы были умертвить своего государя и ради групповой корысти, и в интересах Англии. «К горлу императора, – читаем у А. З. Манфреда, – протягивались и длинные руки Уитворта»[5]. Подчеркну: не пустые руки! Именно через Уитворта английское правительство субсидировало заговор. Недавно О. В. Соколов привлек внимание отечественных специалистов к новейшему и весьма обстоятельному труду английской исследовательницы Элизабет Спэрроу о разведывательной агентуре Англии 1792–1815 гг. во Франции и России. Она неопровержимо доказала причастность «английских агентов и английских денег» к заговору против Павла I[6].

По сведениям близкого к царскому двору светлейшего кн. П. П. Лопухина (брата А. П. Гагариной – фаворитки Павла I), Жеребцова получила в Лондоне для главарей заговора «сумму, соответствующую двум миллионам рублей»[7].

---

[1] Афшар Надир-шах (1688–1747) – шах Ирана с 1736 г. В 1737–1739 гг. совершил поход в Индию и захватил Дели. Был убит в результате дворцового заговора.

[2] Персия – до 1935 г. официальное название Ирана.

[3] Окунь С. Б. История СССР. 1796–1825. Л., 1948. С. 86–87; Эйдельман Н. Я. Цит. соч. С. 225; Соколов О. В. Цит. соч. Т. 1. С. 62.

[4] Цит. по: Эйдельман Н. Я. Цит. соч. С. 186.

[5] Манфред А. З. Цит. соч. С. 338.

[6] См.: Sparrow E. Secret Services: British agents in France 1792–1815. Suffolk, 1999 (Secret Services, Assassination of Paul I. P. 223–240).

[7] Придворная и великосветская жизнь XVIII – начала XIX в. в рассказах П. П. Лопухина // Отечественные архивы. 1998. № 4. С. 63.

В последние два месяца жизни Павла I, когда готовился индийский проект России и Франции, а казаки уже выступили в поход на Индию, Лондон был охвачен беспокойством, близким к панике. «Тревога почти всеобщая», – докладывал оттуда в Берлин секретный прусский агент[1]. 2 февраля 1801 г. английский парламент в нервном стрессе заставил короля Георга III уволить в отставку премьер-министра У. Питта Младшего, самого влиятельного в стране политика, обвиненного в развале второй антифранцузской коалиции и внешнеполитической изоляции Англии. Все это побуждало английскую дипломатию и ее агентуру форсировать подготовку заговора против Павла I.

Зато Наполеон в те же месяцы был полон радужных надежд, предвкушая скорый (как предполагалось, по весне) совместный с Россией и губительный для Англии удар по английскому колониализму в Индии. «Все, что он обещал, все, что предсказывал, – писал о нем (имея в виду начало 1801 г.) А. З. Манфред, – все, все сбывалось, даже раньше, чем можно было ожидать»[2]. Действительно, переписка Наполеона в январе–феврале, будь то его послания Законодательным палатам от 9 января и 13 февраля или письма Ш. М. Талейрану от 20 или 27 января, брату Жозефу от 21 января, – вся полна оптимизма и воодушевления[3]. «Россия, Дания и Швеция все более раздражаются против Англии, и Англия – против этих держав», – с удовольствием пишет он Талейрану 4 февраля[4].

Правда, объявившийся 3 марта 1801 г. в Париже официальный посланник Российской империи, новый (после уволенного англомана Н. П. Панина) вице-канцлер С. А. Колычев тоже – неожиданно для Наполеона, а возможно и для Павла I, – оказался чуть ли не англоманом, во всяком случае – антифранцузом. Он сразу стал тормозить русско-французские переговоры о союзе, препираясь с Талейраном из-за каждого слова, а то и буквы, даже запятой. Наполеон в сердцах назвал его в письме к Талейрану «наглым и глупым»[5]. Но глупость и наглость посланника мало его беспокоили: что ему посланник, если он решал все основные вопросы в прямом и уже вполне дружественном диалоге с самим императором России?..

---

[1] Цит. по: Эйдельман Н. Я. Цит. соч. С. 226.

[2] Манфред А. З. Цит. соч. С. 337.

[3] См.: Correspondance de Napoléon. T. 6. № 5263. P. 701; № 5310. P. 735–736; № 5315. P. 738–740; № 5327. P. 745–748.

[4] Ibid. T. 7. № 5336. P. 4.

[5] Цит. по: Борисов Ю. В. Цит. соч. С. 173.

В общем, март, первый месяц той самой весны, когда Россия и Франция должны были приступить к решающим действиям по фронту от Дуная до Инда, сулил Наполеону и всей Франции успех, необходимый, по словам Наполеона, «для мира и всемирного счастья»[1]. День за днем проходили для первого консула в приятных заботах и радостном ожидании. В один из таких дней из Петербурга в Париж пришла ошеломляющая весть: император Павел I *убит*.

Да, в официальную версию о том, что 46-летний, физически здоровый и крепкий монарх умер своей смертью, «от апоплексического удара», и в России и за границей мало кто верил. Иностранная (в частности, французская) агентура дозналась незамедлительно: по свидетельству очевидца, «когда дипломатический корпус был допущен к телу (точнее, к гробу с телом Павла I; покойник лежал в шляпе, прикрывшей пролом его черепа, и с широким галстуком на раненой шее. – *Н. Т.*), французский посланник, проходя, нагнулся над гробом и, задев рукой за галстук императора, обнаружил красный след вокруг шеи»[2]. Быстро проговорились и участники заговора, причем, как подметила осведомленная современница тех событий княгиня Д. Х. Ливен (сестра первого российского шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа), «не только никто из заговорщиков не таился в совершенном злодеянии, но всякий торопился изложить свою версию о происшедшем и не прочь был даже в худшую сторону преувеличить свое личное участие в кровавом деле»: мол, спасали Россию[3].

Возможно, кто-то из них затесался в это «дело» и по соображениям патриотическим: «бей царя – спасай Россию!». Но главным мотивом для цареубийц была все-таки корысть – сословная, фамильная, личная и, конечно, материальная. Потому и «дело» их выдалось не просто кровавым, но изуверски жестоким. Описание цареубийства самими цареубийцами достойно пера Шекспира[4]. Первым ударил императора Николай Зубов – золотой табакеркой в висок. Павел устоял на ногах, но другие заговорщики остервенело набросились на него. «Его повалили на пол, били, топтали ногами, шпажным эфесом проломили ему голову и, наконец, задушили шарфом Скарятина», – так рассказывал об этом со слов очевидца генерал М. А. Фонвизин[5].

---

[1] Message au Senat, au Corps legislative et au Tribunat. 13 fevrier 1801 // Correspondance de Napoléon. T. 7. № 5362. P. 24.

[2] Цареубийство 11 марта 1801 г. СПб., 1907. С. 89.

[3] Там же. С. 195.

[4] Подробнейше, буквально по минутам, воссозданы детали убийства Павла I в цит. соч. Н. Я. Эйдельмана (Гл. 13).

[5] Фонвизин М. А. Соч. и письма. Т. 2. Соч. Иркутск, 1982. С. 142–143. Скарятин Яков Федорович (1780–1849) – в 1801 г. поручик, впоследствии полковник лейб-гвардии Измайловского полка.

Этот очередной[1] и последний в России дворцовый переворот заключал собой историю российской государственности XVIII в., примечательной, по определению французского маркиза А. де Кюстина, как «абсолютная монархия, умеряемая убийством»[2].

О том, что Павел I не просто умер в ночь на 12 марта, а был убит, Наполеон узнал одним из первых в Европе. Его всезнающие осведомители, которыми он обзавелся и в Петербурге благодаря шпионскому гению Ж. Фуше, информировали его о причастности к заговору против Павла англичан. По слухам, за несколько дней до 12 марта Наполеон уже знал о готовящемся цареубийстве, и «люди первого консула неслись будто бы из Парижа в Петербург – предупредить и уберечь Павла»[3], но не успели.

Известие о том, что Павел убит, потрясло Наполеона. «Говорят, – читаем об этом у Вальтера Скотта, – что первый раз в жизни у него вырвались слова: “Боже мой!”»[4]. Первый консул в те дни был таким безутешным и яростным, каким его никогда не видели. «Они промахнулись по мне 3-го нивоза в Париже[5], но попали в меня в Петербурге!» – кричал он, имея в виду англичан и российских англофилов, которые шарфом и табакеркой разрушили едва воздвигнутый им с таким искусством и такими трудами каркас русско-французского союза. Да, в ту мартовскую ночь, когда заговорщики ворвались в спальные покои императора Павла I, загублен был не только сам император, но вместе с ним в зародыше и русско-французский союз.

Официальная Англия восприняла убийство российского государя как божий дар – долгожданный и счастливый. Радовались цареубийству и российские англофилы, шокируя своей радостью нейтральную Европу. Характерный эпизод, героиней которого была Ольга Жеребцова, запечатлен, по рассказам самой героини, в «Былом и думах» А. И. Герцена. По пути из Петербурга в Лондон Жеребцова задержалась в Берлине, где и «получила, танцуя на бале у прусского короля, весть о том, что Павел I убит. Вовсе не скрывая радости, она с восторгом объявила новость всем находившимся в зале. Это до того

---

[1] С 1727 по 1801 г. в России произошли шесть дворцовых переворотов, были свергнуты три царя, два временщика и одна «правительница», причем все трое царей (Иван VI, Петр III и Павел I) были убиты.

[2] Кюстин А., де. Николаевская Россия. М., 1990. С. 85.

[3] Алданов М. А. Цит. соч. С. 341.

[4] Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 315.

[5] 3 нивоза (т. е. 24 декабря) 1800 г. – взрыв адской машины на улице Сен-Никез при покушении роялистов на первого консула, о чем речь еще впереди.

скандализировало прусского короля, что он велел ее выслать в двадцать четыре часа из Берлина»[1].

Убийство Павла I при всех его драматических последствиях (негативных для Франции и позитивных для Англии, а для России – и тех и других) не могло сбить Наполеона с его курса на союз между Францией и Россией, и он добьется этого союза, но какою ценой? – как недолгого перерыва между четырьмя (!) войнами с Россией. Возможно ли было предвидеть такой круговорот событий в 1801 г.?

5. Покой и воля?

«На свете счастья нет, но есть покой и воля», – эти слова А. С. Пушкина невольно приходят в голову, когда задумываешься о калейдоскопе побед и утрат, надежд и разочарований, вплоть до стресса на грани жизни и смерти, пережитых Наполеоном в 1800–1802 гг. Здесь и триумф Маренго, и Амьенский мир, власть и поклонение большинства нации, но здесь и гибель Дезе, и Леклерка, крах русско-французского союза, дворцовые интриги и семейные склоки (о них еще поговорим), а главное, как мы увидим, попытка за попыткой врагов первого консула убить его куда более зверским способом, чем тот (табакеркой и шарфом), которым убили Павла I. Что могло быть тогда для Наполеона заменой или аналогом счастья? – можно сказать, *покой* (т. е., в первую очередь, *мир* – в семье, в стране, на континенте, под личным контролем) и *воля* (достаток сил и возможностей для того, чтобы обеспечить и контролировать покой).

После гибели Павла I первоочередной задачей для Наполеона стало урегулирование отношений с Россией – заключить хотя бы договор о мире. Первый консул знал не только о тех (поименно), кто убивал Павла, но и о причастности нового царя Александра Павловича к заговору против отца. В первые же дни после 12 марта, когда Александр I появился на людях в сопровождении екатерининских, павловских и собственных присных, Каролина де Бонейль написала в Париж Жозефу Фуше: «Молодой император идет, предшествуемый убийцами его деда, сопровождаемый убийцами его отца и окруженный своими»[2]. Имена убийц Павла I, как и убийц Петра III, в Европе многие уже знали (сами убийцы этого почти не скрывали), а поскольку Александр I ни Зубовых, ни Палена и вообще никого из заговорщиков пальцем не тронул, оставив их при себе[3], европейские

[1] Герцен А. И. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. С. 148.

[2] Bignon L. Histoire de France depuis le 18 Brumaire. P., 1829. T. 1. P. 118.

[3] Лишь со временем, в июне 1801 г., по требованию матери-императрицы Марии Федоровны Александр I деликатно удалил от двора вожака заговор-

наблюдатели и тем более профессиональные шпионы логически вычислили факт его участия в заговоре.

Наполеон, учитывая наличие цареубийц в окружении нового царя, не тешил себя иллюзиями относительно русско-французского союза, но сделал все, чтобы добиться подписания мирного договора. Для начала он отправил в Петербург одного из самых близких своих друзей генерала Ж. К. М. Дюрока с официальным поручением присутствовать при коронации Александра I и с негласной, но главной задачей: прозондировать внешнеполитический курс нового самодержца, выведать, что представляет собой как личность Александр Павлович и куда он повернет Россию? Красавец с изысканнейшими манерами, буквально излучавший обаяние и доброжелательность («лучший из людей», по мнению Стендаля), Дюрок очаровал весь царский двор: за ним ухаживали и подражали ему, даже «прическа наподобие римской вошла в моду под названием à la Duroc»[1]. В результате удалось избежать разрыва между Россией и Францией и начать переговоры о заключении русско-французского *мирного* договора. Именно такой договор был тогда необходим и обеим сторонам: Наполеону – во избежание *войны* с Россией, Александру – во избежание *союза* с Францией.

Дело в том, что Дюрок выяснил со всей определенностью: на союз с Французской республикой Российская империя после убийства Павла I не пойдет. На вопрос первого консула, чего может ждать Франция от нового властителя России, Дюрок дал точный ответ: «...нечего надеяться и нечего опасаться»[2].

К тому времени международное положение России было, как никогда, устойчивым. Еще при Екатерине II были завоеваны просторные выходы в Балтийское и Черное моря, а в результате трех разделов Польши Россия обрела географическую и стратегическую базу для господства над Восточной Европой. Таким образом, по авторитетному заключению А. Е. Преснякова, «основные вопросы русской внешней политики были исчерпаны»[3]. Суворовские походы в Италию и Швейцарию при Павле совершались уже в интересах не столько самой России, сколько врагов Франции – феодальных коалиций во главе с буржуазной Англией. Павел сумел понять это и отозвал Суворова, порвал со второй коалицией. Александру же при-

---

щиков П. А. фон дер Палена, дав ему понять, чтобы тот попросился с поста петербургского военного губернатора.

[1] Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 120.

[2] Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1905. Т. 2. С. 57.

[3] Пресняков А. Е. Александр I. Пг., 1924. С. 8.

шлось чуть ли не всю свою внешнюю политику на протяжении десяти лет кряду приспосабливать или даже подчинять интересам пяти очередных (с третьей по седьмую) антифранцузских коалиций. Столь несовместимы были в представлении Александра I политические системы республиканской Франции и самодержавной России, а также (это выяснится в 1804 г.) сама *личность* Наполеона Бонапарта с личностью его, Александра.

Впрочем, первые шаги Александра Павловича в области внешней политики были осторожными. Он уже тогда проявил отличавшие его всю жизнь двуличие и дипломатическую оборотливость, побудившие А. С. Пушкина сказать о нем коротко: «...в лице и в жизни Арлекин», а шведского дипломата Г. Лагербьелке выразиться подробнее: по его словам, в политике Александр был «тонок, как кончик булавки, остер, как бритва, и фальшив, как пена морская»[1]. Казалось бы, в интересах русско-французской договоренности Александр заменил «наглого и глупого» С. А. Колычева другим послом – графом А. И. Морковым, который оказался менее глупым, но еще более наглым, и к тому же получил от царя инструкцию от 27 июня 1801 г. с таким наставлением: «Интересы моей империи заставляют меня желать прочного союза с венским, лондонским и берлинским дворами»[2]. А ведь в то время продолжалась война Англии с Францией! Морков, судя по тому, как он вел себя в Париже (даже заказывал местным оппозиционерам провокационные антиправительственные памфлеты[3]), не желал вообще никаких договоров с правительством «узурпатора», как он называл Наполеона в донесениях Александру[4]. Но Александр, в то время очень занятый внутренними реформами, предпочитал пока воздерживаться от конфликта даже с узурпатором. Так, 26 сентября (8 октября) 1801 г. в Париже Морков вынужден был подписать с Талейраном русско-французский мирный договор[5].

На тот момент договор удовлетворял обе стороны, как, пожалуй, максимум возможного. Не зря Наполеон терпел даже откровенное вредительство Моркова и демонстрировал перед Александром I свое

---

[1] Цит. по: Александр I и его приближенные до эпохи Сперанского. Неизданная глава из «Жизни графа Сперанского» барона М. А. Корфа // Русская старина. 1903. № 1. С. 25.

[2] Сборник РИО. Т. 70. С. 203.

[3] См. об этом: Соколов О. В. Цит. соч. Т. 1. С. 88.

[4] Сборник РИО. Т. 70. С. 280, 312, 315–317.

[5] См. полный текст договора, секретной конвенции от 28 сентября (10 октября) и пояснительной декларации к ней: Внешняя политика России XIX и начала XX века: Док-ты Российского мин-ва иностр. дел. М., 1960. Сер. I. Т. 1. С. 95–102.

стремление к миру, несмотря ни какие помехи. Не только воевать, но и ссориться тогда не входило в расчеты ни Наполеона, ни Александра, тем более что и Франция, и Россия были заняты урегулированием отношений с Англией. Поэтому российско-французский договор 1801 г. оформлял режим *мирного сосуществования* между Францией и Россией с обязательством не предпринимать «никаких враждебных действий между собой». Конкретные же статьи договора фиксировали status quo в континентальных интересах обеих держав, не ущемляя фактически ни ту, ни другую сторону: Россия признавала территориальные приобретения Франции, которые изначально не вредили интересам России, а Франция подтвердила свое (уже записанное во Флорентийском договоре от 28 марта 1801 г.) обязательство сохранять «целостность владений» Неаполитанского королевства, дружественного с Россией.

По мере того как решались внешнеполитические проблемы (в 1801 г. Люневильский договор о мире с Австрией и Парижский с Россией, а в 1802 г. Амьенский мирный договор с Англией), стабилизировалось положение дел внутри Франции, рос авторитет первого консула и крепла его власть. Это видели все – и поклонники, и противники, причем и те, и другие (с радостью или ненавистью) предрекали его восхождение на трон. Консульский двор постепенно обретал черты монаршего двора[1]. В полдень 19 февраля 1800 г. все три консула торжественно вселились в правительственный дворец Тюильри. Наполеон сразу занял там бывшие королевские апартаменты с кабинетом, спальными покоями, столовой, ванной, прихожей и двумя залами, в одном из которых он давал аудиенции, а в другом размещались его дежурные адъютанты, которые выполняли пока и функции придворных. Жозефина облюбовала для себя отдельные апартаменты в цокольном этаже дворца с бывшей спальней королевы Марии-Антуанетты.

В первые два года консульства дворцовый этикет был еще очень прост. Сохранялся республиканский церемониал с обращением друг к другу «citoyen» и «citoyenne» («гражданин» и «гражданка»). Кстати, именно Наполеон первым вернет в обиход обращение к дамам «madame», вместо «citoyenne». Вскоре наряду с республиканскими обычаями в Тюильри «начали сказываться новые, или, вернее, робко возвращаться старые нравы»[2]. Возобновились костюмированные балы в Grand Opera – чаще по дореволюционной традиции, но отчасти и с целью пародии.

---

[1] См. об этом: Наполеон. Годы величия. 1800–1804. В воспоминаниях секретаря К.-Ф. де Меневаля и камердинера Констана Вери. М., 2001. С. 28–31.

[2] История XIX века. Т. 1. С. 13.

Впечатляющим выдался блестящий прием для дипломатического корпуса, который устроил Ш. М. Талейран 26 февраля 1800 г. в бывшем тронном зале Тюильри. Здесь, по воспоминаниям камердинера Наполеона Констана Вери, «бросалось в глаза потрясающее богатство плюмажей, блеск бриллиантов и ослепительные наряды официальной одежды»[1]. Кульминацией приема стало явление Жозефины. Как только было объявлено (скромно, без титулов): «Гражданка Бонапарт», она вошла в зал, опираясь на руку Талейрана. «На ней, – вспоминал Констан, – было платье из белого муслина с короткими рукавами и жемчужное ожерелье. Она вышла к гостям с непокрытой головой; прекрасные косы, приведенные в порядок с очаровательной небрежностью, держались на голове с помощью черепахового гребешка. Приглушенный шум голосов, встретивший с нескрываемым одобрением ее появление в зале, самым ободряющим образом подействовал на госпожу Бонапарт, и никогда, думается мне, она не излучала всей фигурой подобного изящества и такого величия»[2].

Талейран представил Жозефине каждого из членов дипломатического корпуса, и только потом, *без всякого объявления,* в зале появился «гражданин первый консул» в простом мундире с трехцветным шарфом вокруг пояса и в сапогах. Простота его одежды и манер в обхождении с гостями – чопорными и разряженными в самые дорогие, перенасыщенные украшениями туалеты – озадачила гостей, как того роялиста, который, увидев Наполеона в кулуарах Государственного совета, «принял его за лакея и, только встретившись с ним взглядом, понял, с кем имеет дело»[3].

На взгляд некой «иностранки», которая имела представление и о королевском дворе, и о военно-революционном лагере, то, что она увидела в Тюильри при первом консуле, – «это был еще не совсем двор, но уже не лагерь»[4]. Настоящим дворцом тюильрийский «еще не совсем двор» стал исключительно благодаря Жозефине. Сам Наполеон вполне мог удовлетвориться и лагерем.

После октябрьской 1799 г. трагикомичной сцены на улице Шантерен, когда Жозефина, вся в слезах и держа за руки двоих, тоже плачущих детей, на коленях перед запертой дверью спальни Наполеона вымолила (точнее, даже выплакала) у него прощение за свой скандальный блуд с капитаном Шарлем, – после этого Наполеон продолжал любить ее, но уже иначе, чем прежде, без былой страсти, супружески-спокойно, скорее как самого близкого друга, нежели как

---

[1] Наполеон. Годы величия. С. 29.
[2] Там же. С. 29–30.
[3] Цит. по: Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 180.
[4] Кастело А. Жозефина. СПб., 1994. Кн. 1. С. 280.

возлюбленную. Теперь он видел то, что раньше скрашивали розовые очки его страстной влюбленности, ее недостатки и слабости: ветреность, расточительство, лицедейство, манера любую свою вину отрицать (в этом смысле, по выражению А. З. Манфреда, она «как бы родилась со словом “нет” на устах»[1]). Зато Наполеон продолжал ценить ее обаяние и поразительный дар располагать к себе людей. Главное же, он чувствовал, как бесконечно привязан к ней, хотя и без любовного жара, да и с ее стороны ощущал небывалое ранее притяжение к нему: ведь она с октября 1799 г. и мысли не допускала о каких-либо изменах, проникаясь к мужу все большим уважением, вплоть до поклонения, и (он мог бы воскликнуть: «Наконец-то!») всепоглощающей любовью.

Именно Жозефина, уверенно и красиво справляясь с ролью первой дамы Франции, сумела организовать и благоустроить консульский двор, помогая Наполеону своей женской мягкостью (а то и вкрадчивостью) сглаживать его жесткость в деловых контактах, особенно с дипломатами и банкирами. При этом Жозефина равно заботилась не только о Тюильри (где она, кстати, подобрала себе четырех фрейлин из старинных аристократических семей), но и о собственном загородном дворце Мальмезон. В Мальмезоне – в его покоях, садах и зоопарках, где резвились газели, серны и кенгуру, – супруги Бонапарт и все члены их семейного клана любили отдыхать от государственных и житейских забот. Здесь собирались выдающиеся литераторы и артисты на театральные вечера[2]. Жозефина играла для них на арфе, но чаще смотрела и слушала, как развлекают хозяев гости. Поэт Г. Легуве, драматург Ж. Ф. Дюси, знаменитый писатель Бернарден де Сен-Пьер (автор романа «Поль и Виргиния») читали перед Наполеоном и Жозефиной свои произведения, а в домашних спектаклях Мальмезона блистал корифей французского и мирового балета Шарль Луи Дидло (1767–1837), который в 1804 г. возглавит Петербургскую театральную школу, а среди его воспитанниц засияет воспетая Пушкиным балерина Авдотья Истомина.

Развлекались обитатели и гости Мальмезона по-разному. Наряду с шахматами и реверси (вид карточной игры) любили кавалеры и дамы консульского двора озорную игру в горелки. Сам первый консул участвовал в ней с мальчишеским азартом, причем обязательно плутовал, мешая другим бежать, сам раньше сигнала «горим!» срываясь с места. «В таких случаях, – вспоминала очевидица, будущая герцо-

[1] Манфред А. З. Цит. соч. С. 382.
[2] См.: Кастело А. Жозефина. Кн. 1. С. 304–305.

гиня Лаура д'Абрантес, – Наполеон сбрасывал сюртук и мчался как заяц, вернее, как та газель, которой он скармливал весь табак из своей табакерки, подуськивая ее гоняться за нами, и чертова скотина разрывала нам платье, а порой хватала нас за ноги... Однажды после обеда была хорошая погода. Первый консул скомандовал: "Играем в горелки!". И вот уже сюртук на земле, а покоритель мира носится, как старшеклассник»[1].

Нам трудно представить себе такого («как старшеклассник») Наполеона – первого консула Франции. Но не придумала же герцогиня д'Абрантес эти пассажи с игрой в горелки! Должно быть, и «покорителю мира» хотелось иной раз переключиться с мировых проблем на детское озорство, чтобы мозг и сердце могли отдохнуть от перегрузки, тем более что и в собственной стране, во дворце и в семье первого консула возникали такие проблемы, которые поддавались решениям с еще большим трудом, чем мировые. Самыми болезненными для Наполеона были житейские распри Жозефины с его мамой Летицией, братьями и сестрами, а его самого – с Жозефиной.

Собственно, взаимная неприязнь всего клана Бонапартов и Жозефины не таила в себе никаких загадок, изначально и до конца оставаясь понятной и неискоренимой. Мама Летиция, братья и сестры первого консула раз навсегда отказались признать Жозефину – эту «блудницу» и к тому же «старуху» – достойной парой их сыну и брату, демонстративно называя ее (за глаза, разумеется) не иначе как «гражданкой Богарне». Жозефина после неудачных попыток расположить их к себе стала отвечать им ледяной холодностью, а у Наполеона искала сочувствия и поддержки, но первый консул мог только потребовать от своих корсиканских сородичей, чтобы они не смели дурно отзываться о Жозефине в его присутствии. Главное же, он сводил общение Жозефины с мамой Летицией и ее чадами к минимуму. В остальном ему приходилось мириться с таким подобием кровной мести Бонапартов «гражданке Богарне».

Но вот с главным в его глазах недостатком самой Жозефины, а именно с ее расточительством, он мириться не захотел. Его, привыкшего смолоду к скромности, донельзя раздражала маниакальная страсть жены к роскоши. Когда он узнавал, что она купила себе за год больше 600 платьев (даже Мария-Антуанетта имела их не больше 170!) и 1000 пар перчаток, он приходил в бешенство и, случалось, швырял в камин ее драгоценнейшие индийские шали[2]. Однажды

---

[1] Кастело А. Жозефина. Кн. 1. С. 305.

[2] См.: Там же. Кн. 1. С. 262–264; Кн. 2. С. 161–163, 178; Кирхейзен Г. Женщины вокруг Наполеона. М., 1997. С. 89.

Жозефина призналась секретарю первого консула Л. А. Бурьенну, что накопила долгов на 1 млн 200 тыс. франков, но боится назвать Наполеону всю сумму долга и просит его оплатить 600 тыс.[1] Наполеон, «сперва потеряв дар речи от огромности суммы»[2], согласился погасить долг жены, но потребовал, чтобы впредь она не допускала подобного мотовства.

Что было делать Жозефине после такого требования? Ведь у нее оставались еще 600 тыс. франков долга, а хотелось и платьев, и шалей и, конечно же, изобилия драгоценностей еще больше, чем прежде. Так супруга первого консула Республики ввязалась в финансовые аферы торгового дома Гуассон через подставное лицо, которым стал ее давний поклонник, автор «Марсельезы» (с 1795 г. и по сей день национального гимна Франции) К. Ж. Руже де Лиль[3]. Афера, однако, полуоткрылась, и, хотя Жозефина в ответ на упреки мужа в мошенничестве долго твердила свое излюбленное «нет! нет! нет!..», Наполеон все-таки заставил ее признаться и покаяться, после чего вновь простил жену. Сгладило ли ее раскаяние и его прощение начавшийся разлад между ними и скрепило ли их супружеское согласие? Едва ли. Но Жозефина могла быть довольной и щедростью мужа, и его очередным прощением. Фредерик Массон, пожалуй, был прав, заметив по этому поводу, что «никогда еще женщине не платили лучше за то, что она обманула мужа».

Вообще, как ни любил Наполеон Жозефину, а позднее Марию Валевскую, он никогда не терял из-за них (не говоря уже о других женщинах), головы, ибо для него всегда, по точному определению Гертруды Кирхейзен, «самой первой возлюбленной было государство»[4]. Возможно, как раз после и под впечатлением супружеских измен Жозефины – с учетом ее куртизанского прошлого – Наполеон стал излишне строго судить всю женскую половину человечества, усматривая ее грехи в легкомыслии, непостоянстве и... болтливости. 30 октября 1800 г. после венчания приятельницы всех Бонапартов Лауры Пермон с генералом А. Жюно первый консул, едва поздравив ее, сказал внушительно: «Запомните: вы должны все видеть, все слышать и обо всем сразу же забывать. Прикажите вписать эти слова в ваш герб!»[5]

И в годы консульства, и во времена империи Наполеон был очень строг к соблюдению семейной морали и осуждал внебрачное сожи-

---

[1] Бурьенн Л. А. Цит. соч. Т. 2. Ч. 4. С. 29.
[2] Кастело А. Жозефина. Кн. 1. С. 262.
[3] См. там же. С. 265–266.
[4] Кирхейзен Г. Указ. соч. С. 4.
[5] Цит. по: Шедивы Я. Меттерних против Наполеона. М., 1991. С. 86.

тельство, столь распространенное тогда во Франции. «В своих взглядах на мораль, – отмечала Гертруда Кирхейзен, – он заходил так далеко, что не разрешил воздвигнуть памятник одной замечательной женщине, сделавшей Франции столько добра, знаменитой Агнессе Сорель, и только потому, что она была не женой, а возлюбленной короля»[1]. Сам Наполеон, пока не узнал, что Жозефина изменяет ему, свято хранил супружескую верность, не поддаваясь ни во Франции, ни в Италии, ни в Египте ни на какие соблазны. Когда же бдительные сородичи открыли ему глаза на то, что его жена, которую он, прославленный на весь мир «чудо-генерал», боготворит, блудит с ничтожным офицеришкой, Наполеон словно переродился. Отныне он будет обзаводиться любовницами и, пока не воссияет перед ним живой ангел в лице Марии Валевской, станет воспринимать всех вообще женщин снисходительно критически.

О любовницах Наполеона (В. Кронин насчитал их «общим числом семь») существует богатая литература, включая воспоминания его камердинера Констана и личного телохранителя мамлюка Рустама, а также монографии Ф. Массона и Г. Кирхейзен. Среди женщин, которые прошли через руки первого консула, были и заурядные красотки, вроде актрисы Терезы Бургуен или фрейлины Элеоноры Денюэль (которая, кстати, родит от него сына и, таким образом, даст ему понять, почему он и Жозефина не имеют общих детей, в нем ли причина, или в Жозефине?). Но были среди любовниц первого консула и незаурядные личности, как, например, итальянская оперная примадонна Джузеппина Грассини (ставшая впоследствии, по иронии судьбы, любовницей английского фельдмаршала герцога А. У. Веллингтона) и особенно звезда французского театра мадемуазель Жорж.

Маргерит Жозефин Веймер (1787–1867), театральный псевдоним Жорж по имени ее отца, в дружеском общении просто Жоржина, триумфально выступала на сценах не только Франции, но и России, Италии, Германии, Австрии, Турции[2]. Наполеон впервые увидел ее 28 ноября 1802 г. в «Комеди Франсез» на представлении трагедии Ж. Расина «Ифигения в Авлиде», где она сыграла роль Клитемнестры. То был ее дебют. *Пятнадцатилетняя* (!) актриса была, по описанию Ф. Массона «бесподобно прекрасна: голова, плечи, руки, тело – все просилось на картину» (Андре Моруа назвал ее кра-

[1] Кирхейзен Г. Цит. соч. С. 16.

[2] Подробно о ней см.: Кирхейзен Г. Цит. соч. С. 121–133; Массон Ф. Наполеон и женщины. Киев, 1990. С. 110–115; Жихарев С. П. Записки современника. Л., 1989. Т. 2 (ук.); Жорж // Театральная энциклопедия. М., 1963. Т. 2. С. 695–697 с библ.

соту «скульптурной»). Наполеон сразу увлекся актрисой и почти два года поддерживал с ней любовную связь, хотя и не баловал особым вниманием. То ли факт, то ли легенда: однажды Жорж попросила у Наполеона его портрет, и он протянул ей наполеондор (золотую монету со своим изображением), сказав: «Вот возьми. Говорят, я тут очень похож». Жорж интимно встречалась с Наполеоном до конца его консульского правления. А потом... «Он бросил меня, чтобы стать императором», – гордо скажет она впоследствии Александру Дюма (отцу)[1].

Судьба мадемуазель Жорж необычна. После многих лет европейской славы (в 1808–1812 гг. она часто гастролировала и подолгу жила в России, где была любовницей А. Х. Бенкендорфа – будущего шефа жандармов), умерла она на родине 80-летней, в нищете, и лишь в последний момент император Наполеон III спохватился и, в память о своем дяде, «заплатил за погребение Жоржины»[2].

Никого из своих любовниц (за исключением Валевской), даже мадемуазель Жорж, Наполеон не принимал всерьез, зачастую невольно, а то и намеренно обижая и унижая их своим равнодушием. Показателен запечатленный в разных источниках случай с премьершей «Комеди Франсез» Катрин Дюшенуа. Как-то вечером по приглашению первого консула Констан доставил ее в Тюильри. Наполеон был занят: правил и подписывал какие-то бумаги. «Пусть подождет», – сказал он камердинеру. Прошел час, пошел другой. Констан робко напомним хозяину: дама все еще ждет. «Пусть раздевается», – говорит первый консул, погруженный в работу. Дюшенуа повинуется. Но в приемной так холодно, что Констан тут же царапает дверь консульского кабинета, чтобы сказать об этом, и слышит небрежное: «Пусть ложится в постель». Еще через час Констан, уже по просьбе актрисы, вновь царапается к хозяину. Тот, не поднимая головы от бумаг, велит: «Пусть уезжает...»

От Констана и Рустама о таких или похожих случаях узнавали разные люди. Стендаль даже вычислил, что при этом «на самое существенное в свидании уходило не более трех минут»[3]. По мнению Ф. Массона, Наполеон «фанфаронит и надевает чуждую ему личину порока»[4]. Спрашивается, почему? Не потому ли, что он мстил своим фанфаронством *всем* женщинам за измену той *единственной*, которую считал достойной себя?

---

[1] Цит. по: Кастело А. Жозефина. Кн. 1. С. 293.
[2] Кирхейзен Г. Цит. соч. С. 133.
[3] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 97.
[4] Массон Ф. Указ. соч. С. 106.

Как бы то ни было, придворно-обывательская, а вслед за ней и прочая антибонапартистская молва, вплоть до зарубежной прессы, начала муссировать сплетни о любовных похождениях первого консула, измышляя и приписывая ему разврат с его падчерицей Гортензией и даже кровосмесительную связь с любимой сестрой Полиной. Серьезные исследователи, если и касаются этих сплетен, квалифицируют их как «инсинуацию» и «чудовищнейшую гипотезу»[1]. Даже Вальтер Скотт, не упускавший случая отметить в характере и поведении Наполеона любой порок, негодовал: «Дошли до того, что стали приписывать Полине [интимную] связь с ее собственным братом. Мы заявим, не колеблясь: обвинение слишком отвратительно, чтобы о нем упоминать»[2].

Итак, в первые же дни своего консульства Наполеон сумел реформировать и стабилизировать Францию как самое передовое и мощное государство в Европе. Личность его современники уже тогда воспринимали в ореоле могущества и славы. От полноты власти он стал даже лучше выглядеть. Еще недавно роялисты говорили о нем: «Он так желт, что на него приятно смотреть!» – и пили шампанское за его близкую смерть[3]. Теперь же, по свидетельству герцогини Л. д'Абрантес, «все, что было в нем костляво, желто, даже болезненно, округлилось, просветлело, украсилось»[4]. Вот таким запомнил Наполеона на приеме в Тюильри весной 1802 г. его непримиримый зложелатель Франсуа-Рене де Шатобриан: «Он улыбался ослепительно и ласково. Глаза его, красиво посаженные и изящно обрамленные бровями, бросали дивные взгляды, в которых еще не сквозило никакого лукавства, не было ничего театрального и деланого»[5].

После того как была проведена конституционная реформа, усмирена Вандея, затихла гражданская война в Республике, после Маренго и Гогенлиндена, мирных договоров с Австрией, Россией и Англией, первый консул мог считать, что все (или почти все) его дела – и внутренние, и внешние – устраиваются наилучшим образом. Это видели и ни за что не хотели с этим смириться экстремисты из радикальной оппозиции. Все свое внимание, все силы и средства они направляют на то, чтобы физически устранить, убить первого консула.

---

[1] Массон Ф. Цит. соч. С. 185; Кастело А. Бонапарт. С. 432; Повседневная жизнь Наполеона Бонапарта. М., 2006. С. 97.

[2] Цит. по: Повседневная жизнь Наполеона. С. 159.

[3] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 305.

[4] Д'Абрантес Л. Записки... Т. 1. С. 245.

[5] Шатобриан Ф. Р. Указ. соч. С. 194.

О многочисленных планах и попытках покушений на жизнь Наполеона – первого консула, а затем и императора – говорится в разнообразных источниках и исследованиях, включая фундаментальную монографию С. Ю. Нечаева[1]. Разработчиками таких планов и участниками покушений были экстремисты и левого толка (якобинцы), и правого (роялисты). В своих попытках убить первого консула якобинцы даже опередили роялистов. Для левых, ярых республиканцев он был неприемлем как душитель парламентской демократии и потенциальный тиран.

Еще летом 1800 г., вскоре после Маренго, сформировалась первая заговорщическая *боевая* группа из якобинцев, в которой наиболее авторитетным лицом был Жак Антуан Россиньоль – участник взятия Бастилии, с 1793 г. – генерал Французской республики[2]. Заговорщики планировали убить Наполеона ночью в Мальмезоне или по дороге из Тюильри в Мальмезон, устроили даже своих людей на работу в качестве специалистов по отделке мрамора в Мальмезонский дворец. Но в конце концов предпочли самый дерзкий вариант – покончить с первым консулом в одном из театров на спектакле, где консульская охрана никогда не превышала двух человек. Заговорщики, вооруженные кинжалами и пистолетами, намеревались перекрыть в театре все проходы и выходы (и на улицу, и на сцену), а по сигналу, каковым будут крики «Пожар!!», когда в театре начнется паника, проникнуть в ложу первого консула и убить его.

Этот заговор был раскрыт благодаря счастливой для Наполеона случайности и, конечно, полицейскому нюху Фуше. Сдали нервы у одного из заговорщиков, который дал понять агентам Фуше о возможности покушения на первого консула, после чего выявить все обстоятельства для полиции стало лишь делом техники. 14 сентября 1800 г. все участники заговора были арестованы. Однако Фуше вскоре стал получать сигналы о подготовке новых, еще более серьезных попыток лишить жизни первого консула. Оказалось, сигналы поступали не зря.

Теперь, к началу октября 1800 г., якобинцы создали более действенную боевую группу «эксклюзивов», как они себя называли, т. е. «исключительных», «нетерпимых», из шести человек[3]. Лидером группы С. Ю. Нечаев считает Джузеппе Черракки, хотя более убеди-

---

[1] Нечаев С. Ю. Наполеон. Заговоры и покушения. М., 2006. 304 с.

[2] См. об этом заговоре: Туган-Барановский Д. М. Наполеон и республиканцы. Саратов, 1980. С. 43, 46–48.

[3] Подробно об этом см.: Нечаев С. Ю. Указ. соч. С. 11–16; Туган-Барановский Д. М. Наполеон и республиканцы. С. 50–52; Беллок Х. Цит. соч. С. 168–174.

тельна точка зрения Д. М. Туган-Барановского (со ссылками на французские источники), который утверждал, что возглавлял группу другой Джузеппе (по-французски Жозеф) – Арена, родной брат депутата Совета пятисот Бартоломео Арена, который 19 брюмера 1799 г. уже пытался заколоть Наполеона кинжалом. Во всяком случае, оба они – и скульптор Черакки, учившийся у великого Антонио Кановы, и генерал Арена – участвовали осенью 1800 г. в заговоре с целью убить Наполеона, который, кстати, в годы своей корсиканской юности *дружил* и с Черакки, и с братьями Арена.

Сохранились в истории также имена остальных четырех «боевиков» из группы Арена и Черакки: талантливый художник Франсуа Топино-Лебрен (ученик гениального Жака Луи Давида), бывший секретарь Комитета общественного спасения Демервиль, нотариус Диана и отставной капитан Аррель. И этот заговор был раскрыт агентами Фуше, причем повторилась отчасти (более утрированно) история с предыдущим заговором.

Все началось с того, что капитан Аррель, согласный с другими заговорщиками в необходимости «свергнуть тирана», не захотел его убивать. Вот так вспоминал об Арреле сам «тиран»: «Этот капитан, поняв, что они твердо решили пролить мою кровь, несмотря на все его аргументы и настойчивые просьбы не делать этого, передал информацию об их именах и планах»[1]. А планы были просто разбойничьи: застрелить первого консула во время парада на площади Карусель или подложить ему бочку с порохом в подвал Тюильри, либо, если Наполеон согласится, «по старой дружбе», позировать Черакки для скульптурного портрета, заколоть его во время сеанса, жертвуя при этом собственной жизнью. Ведь «каждый из заговорщиков воображал себя Брутом, а меня новым Цезарем», – вспоминал Наполеон[2].

После долгих споров «эксклюзивы» сошлись на варианте, который ранее уже выбрали «боевики» Россиньоля, но неудачно: убить первого консула на спектакле в Театре Республики (будущий Grand Opera) 10 октября 1800 г. Но 20 сентября Аррель донес о готовящемся покушении префекту Парижа Д. Дюбуа, а тот доложил об этом Наполеону. Первый консул затребовал объяснений у Фуше. Оказалось, что всеведущий шеф полиции уже проник в сети якобинского заговора и, что называется, *пас* его участников, отслеживая каждый их шаг через посредство Бертрана Барера. Именно у этого, очень авторитетного в прошлом деятеля революции, депутата

[1] О'Мира Б. Цит. соч. С. 215.
[2] Там же. С. 214.

Конвента и члена всемогущего Комитета общественного спасения служил в 1793 г. секретарем теперешний заговорщик Демервиль, и потому Барер вошел в доверие к другим заговорщикам. «Политический хамелеон», по точному определению Д. М. Туган-Барановского, изловчившийся уживаться и с жирондистами, и с якобинцами, и с термидорианцами, и с брюмерианцами, он стал ценнейшим осведомителем для Фуше.

Итак, вечером 10 октября к началу спектакля по трагедии П. Корнеля «Гораций» Театр Республики был наводнен полицейскими агентами. Им не составило труда схватить в решающий момент прямо перед консульской ложей с оружием в руках Черакки и Диана, а через два дня и остальных «эксклюзивов». Аррель за содействие в раскрытии заговора был восстановлен на службе в звании капитана и назначен комендантом Венсенского замка. Все остальные предстали перед судом – скорым и беспощадным. 7 января 1801 г. начался, а через два дня уже закончился судебный процесс. Диана отделался длительным каторжным сроком, а Черакки, Арена, Топино-Лебрен и Демервиль были приговорены к смертной казни. 31 января 1801 г. они взошли на эшафот, под нож гильотины.

Столь быстро и легко удавшееся раскрытие вслед за первым еще и второго заговора вызвало во Франции, с одной стороны, рост доверия и сочувствия к первому консулу, олицетворявшему собой порядок и стабильность против хаоса, заговоров, покушений, а с другой – подозрения относительно Фуше. Е. В. Тарле (как, впрочем, и другие историки) обращал внимание на такой факт: современники утверждали, якобы сам Фуше был устроителем псевдозаговора и даже «снабдил заговорщиков оружием»[1], – разумеется, чтобы потом их разоблачить и таким образом еще выше поднять свой профессиональный авторитет. А. З. Манфред высказался об истории заговора Арена – Черакки с долей сомнения: «Не было ли это полицейской провокацией, подстроенной Фуше? Вопрос этот остался до конца не выясненным»[2].

Как бы то ни было, два *якобинских* заговора с покушениями на убийство крайне озлобили первого консула, и он санкционировал самые жестокие репрессии против якобинцев. Но еще до того как были осуждены и казнены якобинские «эксклюзивы», роялисты устроили теракт, в сравнении с которым заговоры якобинцев показались детской игрой. То был нашумевший на всю Европу взрыв «адской ма-

[1] Тарле Е. В. Наполеон. С. 127.

[2] Манфред А. З. Цит. соч. С. 345. О том же: Собуль А. Цит. соч. С. 331.

шины», когда сам Наполеон, а также его жена, падчерица, сестра и трое ближайших соратников уцелели только чудом[1].

Собственно, изобрел «адскую машину» (la machine infernale) тоже якобинец, инженер порохового завода Александр Шевалье. Его изобретение представляло собой железный бочонок, начиненный порохом и ядрами, с несколькими, искусно сконструированными взрывателями. Это «воспламеняющееся оружие» предполагалось использовать для покушения на первого консула, но Фуше своевременно узнал о пороховой затее экстремистов. В ночь с 7 на 8 ноября 1800 г. Шевалье и его сообщники были схвачены и заключены в главную парижскую тюрьму Тампль, а вскоре Шевалье был расстрелян.

Тем временем роялисты с целью убить Наполеона создали свою, гораздо более изобретательную и энергичную боевую группу, чем все якобинские вместе взятые. В нее вошли, по характеристике Винсента Кронина, «офицеры подпольной армии, действующей по приказам из Лондона во имя восстановления Людовика XVIII на французском троне»[2]. Среди них выделялись своей фанатичностью и активностью матерый 44-летний шуан Франсуа Карбон и два молодых бретонских дворянина – Пьер Робино де Сен-Режан и Пьер Пико де Лимоэлан (кстати, сын гильотинированного роялиста). Они были знакомы с Шевалье, узнали секрет его «адской машины» и сумели изготовить такую же. Самым ярым роялистом из них был Сен-Режан. Он в клочки разорвал послание Наполеона к шуанам об амнистии тем, кто сложит оружие. Именно он, после того как было решено взорвать карету Наполеона по пути в Театр Республики, определил, что лучшее место для покушения – улица Сен-Никез с наиболее удобным проездом к театру.

На 24 декабря 1800 г. в Театре Республики была объявлена премьера оратории корифея австрийской и мировой музыки Йозефа Гайдна «Сотворение мира» с участием знаменитого французского певца П. Ж. Гара. Предполагалось, как всегда в таких случаях, присутствие на премьере «гражданина первого консула». В тот вечер Жозефина провозилась с выбором деталей для своего туалета дольше обычного. Уже были поданы две кареты. В первой из них разместились сам Наполеон, два его генерала (Ж. Ланн и А. Бертье) и адъютант А. Лористон. Кучер второй кареты ждал появления Жозефины, Гортензии Богарне и Каролины Мюрат. Но Жозефина все никак не могла подобрать себе подходящую шаль. Когда она, наконец, появи-

---

[1] Подробно об этом см.: О'Мира Б. Цит. соч. С. 215–218; Наполеон. Годы величия. С. 37–41; Кронин В. Цит. соч. С. 294–297; Нечаев С. Ю. Указ. соч. С. 27–29, 38–45.

[2] Кронин В. Цит. соч. С. 294.

лась на выходе из дворца, Наполеон приказал своему кучеру Сезару: «Трогай!» Вторая карета тронулась вслед за первой спустя каких-то две-три минуты.

В те же минуты Карбон, Сен-Режан и Лимоэлан появились на улице Сен-Никез с повозкой, в которой был закреплен смертоносный бочонок, по виду из тех, что служили парижанам для хранения воды. Здесь террористы разделились. Сен-Режан, увидев 13-летнюю девочку по имени Пансоль (дочь бедной торговки булочками), уговорил ее за 12 су подержать под уздцы лошадь с повозкой, а сам приготовился зажечь фитиль «адской машины». Он рассчитал, что успеет, пока фитиль будет гореть до взрыва, скрыться за углом ближайшего дома. Лимоэлан встал на пересечении улицы Сен-Никез и площади Карусель, чтобы оттуда дать сигнал Сен-Режану, когда увидит карету первого консула. Что же касается Карбона, то он взял на себя роль наблюдателя и координатора.

Террористы все рассчитали точно. Жизнь малышки Пансоль и десятков прохожих, которые были обречены стать жертвами «адской машины», их не интересовала. Но помешали им непредвиденные случайности. Лимоэлан, увидев перед каретой Наполеона эскорт из двенадцати конных гренадеров, занервничал и промедлил дать сигнал Сен-Режану. Впрочем, тот – уже при виде гренадеров – не растерялся, поджег фитиль и метнулся за угол.

Кучер Наполеона увидел перед собой и повозку с бочонком, и девочку рядом с лошадью, но вместо того, чтобы придержать тройку своих лошадей, пустил их вскачь, рискуя опрокинуть повозку. Карета Наполеона проскочила вслед за гренадерами мимо повозки, а в следующее мгновение сзади нее раздался оглушительный взрыв – словно залп из сотни орудий.

По свидетельствам очевидцев, взрыв был так силен, что гренадеры едва усидели в седлах, но в консульской карете ни Наполеон, ни его спутники не получили ни царапины. Зато и повозка с бочонком, и бедная Пансоль с лошадью были разорваны на куски, а вместе с ними, по разным данным, погибли больше 20 прохожих, и до 60 были ранены, причем 40 домов разрушены или повреждены[1]. В. Кронин отмечал такой факт: «Женщине, которая встала в дверном проеме своей лавки, чтобы приветствовать Наполеона, оторвало груди, другая женщина ослепла»[2].

Карета Жозефины оказалась на месте покушения через несколько секунд после взрыва. Стекла кареты были выбиты взрывной волной

---

[1] Ср.: Собуль А. Цит. соч. С. 331; Слоон В. Цит. соч. Т. 1. С. 522.

[2] Кронин В. Цит. соч. С. 297.

и поранили плечи Гортензии. Жозефина ненадолго потеряла сознание, а Каролина, которая была на девятом месяце беременности, пережила столь ужасный стресс, что, по версии В. Кронина, «ребенок ее впоследствии станет эпилептиком»[1]. Если бы кучер Наполеона не погнал лошадей, а Жозефина не задержалась бы с выбором шали и не отстала от мужа, обе кареты были бы взорваны. Наполеон проехал раньше взрыва, Жозефина – позже на считаные секунды.

В театре первый консул проявил, по словам Л. А. Бурьенна, «наивеличайшее спокойствие», хотя «взрыв адской машины был услышан целым Парижем»[2]. Войдя в ложу, он будто бы сказал приближенным: «Эти ребята хотели меня взорвать. Дайте-ка мне либретто»[3]. Театральная публика, узнав об очередном покушении, устроила Наполеону овацию. Он отвечал на это сдержанным поклоном из своей ложи. До конца спектакля он оставался в театре с присущим ему самообладанием, всецело, казалось, погруженный в мир музыки (сидевшая рядом с ним Жозефина была близка к истерике, вся в слезах).

Но как только Наполеон из театра вернулся в Тюильри, он вызвал к себе Фуше и устроил ему головомойку за недосмотр. Уверенный, что и на этот раз пытались его убить якобинцы, первый консул потребовал, чтобы Фуше составил проскрипционный список известных или только предполагаемых якобинцев. Он даже открыто, на заседании Государственного совета 25 декабря, высказал подозрение против самого Фуше: «Не был ли он вождем заговорщиков?» «Фуше все считали человеком конченным, – пишет об этом А. З. Манфред, – но почему-то Бонапарт не спешил с его увольнением»[4]. Не спешил, конечно же, потому, что знал: Фуше разыщет и выдаст заговорщиков *любой ценой*, даже если он с ними заодно (в этом случае гений сыска мог выдать свою причастность к заговору за сыскную акцию).

Фуше не верил в якобинский след взрыва на Сен-Никез и, хотя он составил затребованный у него проскрипционный список из 130 *левых* имен, докопался и до *правых*, роялистских корней заговора с «адской машиной». Через три недели после взрыва были схвачены Карбон и Сен-Режан, причем первый из них выдал все, что знал, а знал он почти все. Таким образом Фуше смог доказать Наполеону, что взрыв «адской машины» – дело рук именно роялистов.

---

[1] Кронин В. Цит. соч. С. Ю. Нечаев (цит. соч. С. 62) считает первого сына Каролины «вполне здоровым» от рождения.

[2] Бурьенн Л. А. Цит. соч. Т. 2. Ч. 4. С. 189–190.

[3] Людвиг Э. Цит. соч. С. 176.

[4] Манфред А. З. Цит. соч. С. 347.

Карбон и Сен-Режан были казнены публично, на глазах у многолюдной толпы парижан 30 апреля 1801 г. Уже с эшафота Сен-Режан прокричал: «Люди добрые, мы умираем за короля!» (слышал бы его Людовик XVIII, а не эта толпа!). А вот Лимоэлан бежал под именем своего дяди де Кларильера в США. Там он принял сан священника и долго служил простым кюре в Чарльстоуне, по-видимому, замаливая свой грех перед Богом[1].

Итак, первая облава на «гражданина Бонапарта», устроенная террористами и слева, и справа, не удалась (вторую роялисты предпримут одни и лишь три года спустя). Зато она подтолкнула первого консула к тому, что он скорее всего сделал бы и при других обстоятельствах, но не столь явно и круто, а именно к перестройке управления страной в авторитарном духе. Только после этой облавы Наполеон устанавливает во Франции режим своей личной, фактически неограниченной, диктаторской власти.

Тому были две причины. Во-первых, покушения озлобили первого консула – и против левых, и против правых экстремистов. «Что я, собака, что ли, которую всякий прохожий на улице может убить?! – возмущался он после взрыва на Сен-Никез[2]. В то же время он понимал, что предотвратить подобные заговоры и покушения способна только всесильная и безупречно отлаженная система власти с опорой на поддержку абсолютного большинства нации. В роли национального лидера, который мог бы создать такую систему и стать в глазах соотечественников ее олицетворением, Наполеон видел только себя. Так началось его восхождение с позиции первого консула через пожизненное консульство к императорской короне.

---

[1] См.: Нечаев С. Ю. Цит. соч. С. 45–46; Беллок Х. Цит. соч. С. 178–179.

[2] Цит. по: Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 54.

Глава VIII
ПОЛУИМПЕРАТОР

Никто не в силах остановить меня:
это все равно, что остановить судьбу.
Наполеон о себе

1. Пожизненный консулат

Поклонники Наполеона из его современников, а к ним относилось подавляющее большинство французского народа, восхищались и военными, и мирными достижениями первого консула, проникаясь все большим доверием к его личности и к тому режиму, который он собой олицетворял. За первые три года консульства, особенно за время от Маренго до Амьена, национальное самосознание французов преодолело трагические последствия революционного хаоса, оптимистически возвысилось и окрепло. По выражению одного «знатока наполеоновской эпохи», «в период консульства все французы словно стали молодыми»[1]. Авторитетный современник, дипломат, герцог А.-Л. де Брольи уже много лет спустя утверждал: «...четыре года консульства, подобно десяти годам правления Генриха IV, являют собой лучшую, самую благородную фазу истории Франции»[2].

Поэтому легко понять то воодушевление, с которым центральные и местные органы власти и просто рядовые граждане Республики наперебой предлагали воздать первому консулу подобающие ему почести. Так, члены Трибуната носились с идеей объявить Наполеона «отцом народа» или «великим миротворцем», местные чиновники предлагали назвать его именем площади и улицы своих городов,

[1] Цит. по: Соколов О. В. Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа. 1799–1805 гг. М., 2006. Т. 1. С. 86.
[2] Там же.

а Генеральный совет департамента Сены постановил соорудить в Париже на площади Шатле триумфальную арку в честь «гражданина Бонапарта» – военачальника и миротворца. Наполеон отреагировал на это постановление в письме к членам Генерального совета от 24 декабря 1801 г.: «Предоставим будущему веку заботы об этом сооружении, если он ратифицирует Ваше доброе мнение обо мне»[1]. Неизменно отклонял он и все другие, такого же рода предложения возвеличить его имя, отклонял с постоянной оговоркой: «Эти почести не для живущих людей»[2].

Тем временем бонапартисты стали рационализировать свои предложения – от абстрактных почестей к конкретным (все выше и выше) атрибутам власти. 6 мая 1802 г. на заседании Трибуната депутат Ж. А. Шабо де л'Альер предложил обратиться к Сенату с просьбой выразить первому консулу «высшее общенациональное признание» (намек на максимально возможное продление срока его полномочий). Сенат, «обработанный (как полагает Ж. Тюлар) главарем сторонников Республики Жозефом Фуше»[3], решил продлить полномочия Наполеона только на 10 лет. Второй консул и «первый юрист страны» Ж. Ж. Камбасерес, проникнув, как никто другой, в суть вопроса о *сроках* консульских полномочий, посоветовал Наполеону согласиться с решением Сената, «если таковой будет воля народа»[4]. Этот совет заключал в себе тройной смысл: во-первых, Камбасерес предугадывал желание Наполеона властвовать бессрочно; во-вторых, он был уверен, что «воля народа» совпадает с желанием первого консула; а в-третьих, у Камбасереса имелась, что называется, «задняя мысль»: сделать так, «чтобы вместе с первым консулом тяготы власти всю жизнь делили второй и третий консулы»[5].

Наполеон, естественно, принял совет Камбасереса. Уверенный, что дальше все пойдет, как надо («ça ira!»), первый консул демонстративно отошел в сторону от спланированного хода событий, уехал к своей Жозефине в Мальмезон и оттуда ни во что не вмешивался относительно сроков его правления (занимался другими делами, отдыхал, развлекался игрой в горелки и т. д.).

Между тем 10 мая 1802 г. Камбасерес провел через Государственный совет решение вынести на всенародное голосование (плебисцит) два вопроса: «1) Должен ли первый консул стать пожизнен-

---

[1] Correspondance de Napoléon. P., 1861. T. 7. № 5900. P. 447.

[2] Roederer P.-L. Oeuvres publiées par son fils le baron A.-M. Roederer. P., 1854. T. 3. P. 428.

[3] Тюлар Ж. Наполеон, или миф о «Спасителе». М., 1996. С. 135.

[4] Там же.

[5] Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. 4-е изд. М., 1986. С. 372.

ным консулом? 2) Будет ли ему предоставлено право назначать себе преемника?»[1]

Плебисцит проводился в конце июля 1802 г. открытым голосованием: на каждый из вопросов надо было ответить «да» или «нет». Поэтому голосовавшие против рисковали нажить себе неприятности и даже, при случае, подвергнуться репрессиям. Самыми авторитетными из французов, которые тогда сказали первому консулу «нет», были Лазар Николя Карно и Мари Жозеф Поль Лафайет. Карно, как написал В. Скотт, будто бы при этом «заметил, что подписывает приговор к собственной ссылке»[2], а Лафайет обратился к Наполеону с укоризненным письмом: «Невозможно, чтобы Вы, генерал, человек неординарный, с которым никто не может сравниться, желали видеть результатом Революции, результатом стольких жертв, потоков крови, потрясений и подвигов режим самовластия»[3].

Смело голосовали в те дни против «режима самовластии» и рядовые французы. Так, в департаменте Сена некто Дюшен оставил на своем избирательном бюллетене такую запись: «Я говорю “нет”, как и подобает другу свободы, поскольку такое увековечивание власти в одних руках несовместимо с принципами разумного государственного устройства»[4]. Едва ли кто из них, от Карно и Лафайета до Дюшена и ему подобных, был за это хоть как-то наказан. Напротив, будучи уже пожизненным консулом, а затем императором, Наполеон неоднократно предлагал Карно и Лафайету высокие награды и должности, от которых Карно иногда, а Лафайет всегда отказывались. Собственно, ни в каких наказаниях для тех, кто тогда голосовал против Наполеона, не было ни нужды, ни смысла. Уж слишком велик был перевес голосов «за» над голосами «против».

Как и в случае плебисцита по Конституции 24 декабря 1799 г., был возможен (хотя и бесполезен) какой-то элемент фальсификации результатов голосования, но повлиять сколько-нибудь заметно на окончательный расклад голосов он не мог. Приняла участие в плебисците 1802 г. и армия, где авторитет первого консула был просто запредельным. Поэтому любой контроль над голосованием военных представлялся излишним. Впрочем, если верить члену Трибуната С.-С. Жирардену, которого цитирует Ж. Тюлар, случалось, что генерал мог «агитировать» своих солдат за Наполеона вот таким образом:

---

[1] Кастело А. Бонапарт. М., 2004. С. 419.

[2] Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов. М., 1995. Т. 1. С. 325.

[3] Цит. по: Черкасов П. П. Лафайет. Политическая биография. М., 1991. С. 274.

[4] Цит. по: Тюлар Ж. Цит. соч. С. 136.

«Он выстроил вверенных его попечению солдат и объявил: “Товарищи, речь идет о назначении генерала Бонапарта пожизненным консулом. Волеизъявление свободно. Однако должен предупредить вас, что первый же, кто не проголосует за пожизненное консульство, будет расстрелян на глазах у всего полка”»[1].

Итоги всенародного голосования о пожизненном консульстве Наполеона Бонапарта были таковы: 3 653 600 голосов (99,8 %!) «за» и 8 272 «против»[2]. В Париже из 63 255 выборщиков «против» проголосовали только 60 смельчаков. Сенсационными оказались результаты голосования в *мятежной* Вандее: 19 089 голосов «за» и всего 6 (шесть!) – «против»[3]. 2 августа Сенат под впечатлением итогов плебисцита единогласно утвердил назначение гражданина Бонапарта первым консулом Французской республики *пожизненно*. День его рождения – 15 августа – отныне был объявлен национальным праздником[4].

Еще через два дня, 4 августа, Сенат принял т. н. сенатус-консульт, принципиально важное дополнение к Конституции 1799 г. Оно получило известность под названием «Конституция X года» (от провозглашения Республики, т. е. 1802)[5], хотя А. З. Манфред с разумной осторожностью считает такое название «необоснованным»[6]. Как бы то ни было, теперь полномочия первого консула были расширены: он наделялся правом заключать международные договоры, отменять смертные вердикты судов, более жестко контролировать министров, назначать двух других консулов и даже представлять Сенату своего преемника. Кстати, функции второго и третьего консулов тоже стали пожизненными («Камбасерес не напрасно старался», – похвалил второго консула А. З. Манфред[7]).

В новом, расширенном и, главное, бессрочном, статусе первого консула Наполеон сразу стал укреплять всю вертикаль власти, всемерно (но не выходя за рамки сенатус-консульта) подминая ее под себя. Конституционные нормы и органы, созданные после 18 брюмера 1799 г., сохранялись, но теперь воля первого консула довлела над всеми нормами, а других консулов, парламентариев, министров, префектов, судей, которые и ранее считались не столько с законом,

---

[1] Там же.

[2] Dictionnaire Napoléon / Sous la direction de Jean Tulard. Fayard, 1999. T. 2. P. 514.

[3] Кастело А. Цит. соч. С. 421.

[4] Там же.

[5] См.: Dictionnaire... T. 2. P. 762; Соколов О. В. Цит. соч. С. 86.

[6] Манфред А. З. Цит. соч. С. 373.

[7] Там же.

сколько с его волей, он превратил в послушных ему чиновников. Министров он обязал представлять ему вместо личных докладов письменные отчеты (сохранил право личного доклада только для министра иностранных дел Талейрана), в Законодательном корпусе и Трибунате провел *квалификационную* «чистку», удалив оттуда соответственно 240 и 80 оппозиционеров, а Государственный совет приструнил и сделал простым оформителем (разумеется, после деловых прений) все той же воли первого консула.

Что касается Сената, то, с одной стороны, Наполеон облагодетельствовал его дополнительным правом вотировать в стране чрезвычайные меры, вплоть до роспуска Законодательного корпуса и Трибуната, но, с другой – ужесточил свой контроль над ним, наделив себя правом назначать сенаторами (в обход конституционных норм) «талантливых граждан» по личному усмотрению первого консула[1]. Заседания Сената стали более деловыми и менее говорливыми, поскольку Наполеон не любил парламентское многоглаголание. «Десяток говорунов, – считал он, – производит больше шума, нежели десять тысяч, которые молчат; в этом заключается средство к достижению успеха тех, кто лает с трибун»[2]. В общем, как подытожит первый консул в конфиденциальной беседе с братом Жозефом, «Сенат обрел свой вес в обмен на послушание правительству»[3]. Он мог бы также добавить: «Правительство – это я», но Жозеф, конечно же, понимал его без лишних слов.

Итак, после июльского плебисцита и августовского сенатус-консульта 1802 г. во Франции начался уже очевидный для современников переход от республиканской к монархической форме правления. Е. В. Тарле преувеличил лишь стартовую скорость этого перехода, сделав такой вывод: «Ясно было, что Франция превратилась в абсолютную монархию и что не сегодня завтра первый консул будет объявлен королем или императором»[4]. Не зря проницательная Жермена де Сталь язвила: «Этот убежавший из Египта Бонапарт думает, что он – фараон!»[5] А тайный агент Людовика XVIII тревожно информировал своего хозяина: «Бонапарт продолжает править с такими широкими полномочиями, которыми не пользовались даже наши короли»[6].

---

[1] Тюлар Ж. Цит. соч. С. 137.
[2] Наполеон Бонапарт. Императорские максимы. М., 2003. С. 171.
[3] Цит. по: Тюлар Ж. Цит. соч. С. 137.
[4] Тарле Е. В. Наполеон. М., 1992. С. 138.
[5] Кастело А. Цит. соч. С. 420.
[6] Там же. С. 422.

Да, в новых полномочиях, в словах и делах первого консула все отчетливее просматривались монархические атрибуты его власти. Изменялась и форма обращения к нему. Раньше он был для французов «гражданин Бонапарт» или «генерал Бонапарт». Теперь, впервые после детства и отрочества, выступает на первый план его имя: вместо *гражданина* и *генерала* Бонапарта вождем нации становится *Наполеон* Бонапарт. «От генерала Бонапарта перешли к Наполеону Бонапарту, – пишет об этом Ж. Тюлар. – Не за горами уже было то время, когда станут говорить Наполеон, предав Бонапарта забвению»[1].

В такой ситуации забурлил корсиканский клан Бонапартов во главе с «мамой Летицией». Сразу после того как первый консул получил пожизненный статус и право назначать себе преемника, его мама, братья и сестры стали строить планы на будущее, исходя из того, что Наполеон не имеет родных детей. Обсуждались главным образом два варианта: либо преемником Наполеона станет кто-то из его братьев (по корсиканским обычаям предпочтение должен был иметь старший из них, Жозеф), либо Наполеон разведется со своей «старой шлюхой» Жозефиной и женится на какой-нибудь заграничной принцессе, которая родит ему сына. Когда в придворных кругах от корсиканской родни Наполеона поползли слухи о скором разводе его с Жозефиной, «роялисты поспешили заявить, что первый консул не осмелится развестись с женой из соображений нравственности, он ее отравит!»[2]

Жозефина со своей стороны боялась тогда всего (может быть, кроме отравления), но как ничего другого – развода. Она понимала: поскольку Наполеон становится пожизненным властителем Франции, а власть его обретает наследственность, он захочет основать свою династию и ему потребуется наследник, которого она родить не может. Значит, неминуем развод, а с ним Жозефина потеряет не только любимого (да, после его возвращения из Египта уже очень любимого) мужа, но и весь комфорт «первой дамы» Французской республики. Поэтому она была решительно настроена против *наследственной* власти Бонапартов. По меткому определению А. З. Манфреда, «госпожа Бонапарт скоро стала известна как первая антибонапартистка во Франции»[3].

В своем «антибонапартизме» Жозефина рискнула завязать какие-то сомнительные связи с роялистами и даже с помощью Гортензии склоняла Наполеона к согласию на предложение Людовика XVIII

[1] Тюлар Ж. Цит. соч. С. 135.
[2] Кастело А. Цит. соч. С. 419–420.
[3] Манфред А. Х. Цит. соч. С. 383.

стать коннетаблем Бурбонов. Однажды Гортензия, помогая отчиму пристегнуть к его поясу турецкую саблю, вздохнула: «Шпага коннетабля пошла бы вам больше!» Наполеон отреагировал на вздох падчерицы и заодно на роялистские советы жены как на «бабий вздор», который нельзя принимать всерьез: «Эти чертовы бабы сошли с ума... Они стали ангелами-хранителями роялистов, но мне это безразлично – я на них не сержусь»[1].

Для успешного противодействия монархии Бонапартов Жозефина нуждалась в союзниках. Она нашла одного и, надо признать, очень сильного – Жозефа Фуше. Министр полиции, как бывший якобинец, был против любой монархии в принципе и отнюдь не по идейным, а исключительно по личным (если не сказать шкурным) соображениям: его прошлое лионского террориста грозило ему в случае возврата монархии как минимум изгнанием из высшего света.

Наполеон заметил и разгадал интригу Жозефины и Фуше. Меры – скорые и эффективные – он принял немедленно. 13 сентября 1802 г. первый консул ликвидировал Министерство полиции[2], но Фуше оставил при себе, в резерве, назначив его сенатором. Ликвидация же министерства мотивировалась политически гениально: дескать, консульский режим покончил с внутренними, партийными распрями и сплотил всех французов в «одну партию»; теперь такое министерство было бы попросту лишним. Что касается Жозефины, Наполеон, во-первых, заверил ее в нерасторжимости их брака (тогда, в 1802 г., он действительно и мысли не допускал о разводе), а во-вторых, предложил скрепить их союз брачными узами ее дочери Гортензии с его братом Людовиком, что и было сделано. Правда, этот брак без любви (Гортензия была влюблена в Мишеля Дюрока, а Людовик вообще никого не любил, кроме себя) оказался несчастливым, но плодом его – исторически значимым – стал будущий император Франции Наполеон III.

Став пожизненным консулом, Наполеон, как подчеркивают французские историки, «более не считал нужным разыгрывать из себя президента республики на американский лад, каким держал себя до сих пор»[3]. Ощутив себя уже фактически неограниченным властителем (хотя и – пока! – без монаршего титула), он стал более терпим к раболепной лести, которая росла вместе с увеличением числа и усердия льстецов. Так, новоиспеченный «Журнал защитников Отечества» изобретательно разъяснял своим читателям, что имя

---

[1] Кастело А. Жозефина. СПб., 1994. Кн. 1. С. 267–268.

[2] Correspondance... T. 8. № 6322.

[3] История XIX века / под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. М., 1905. Т. 1. С. 21 (автор главы – А. Олар).

Наполеон имеет греческие корни и означает «Долина льва»[1]. 15 августа 1802 г. впервые был торжественно отпразднован день рождения первого консула: Париж в тот день был ярко иллюминирован и украшен инициалами N. B., а в Тюильрийском дворце поразил очевидцев своим великолепием именинный бал.

Консульский двор все больше походил на монарший. Пышно, по-королевски, как никогда после революции, обставлялись дворцовые приемы. Боевые генералы какое-то время еще держались республиканской моды, являясь на прием или бал в сапогах или с саблями. Но после того как на параде 14 июля 1802 г. первый консул появился в костюме из красного лионского шелка и в позолоченных туфлях, очень скоро сабли и сапоги были вытеснены из дворцовых залов шпагами, шелковыми чулками и туфлями.

Характерную черту и главное отличие нового, консульского двора от старого, королевского А. Олар усмотрел в том, что, «хотя женщины и составляли украшение нового двора, они уже не имели в нем ни малейшего политического влияния или являлись всего лишь орудиями политики Бонапарта»[2].

В общем, по авторитетному мнению А. Олара, «внутреннюю историю консульства за время 1802–1804 гг. можно резюмировать в трех словах: личное правление Бонапарта»[3]. Но пожизненный первый консул не просто властвовал. Он *работал*, пожалуй, как никто из его современников и не только их них. Антуан-Мари Лавалетт, бывший при нем и адъютантом, и секретарем, как-то прикинул, что «за три года он делал больше, чем любой король мог бы сделать за 100 лет»[4]. Работоспособность Наполеона была фантастической. Он мог и среди ночи прервать сон, чтобы настрочить приказы или декреты, вдруг родившиеся в его голове, хотя спал он по норме, которую определил так: «Мужчина должен спать четыре часа, женщина – шесть часов; больше шести часов спят только дети и набитые дурни». Один из его ближайших соратников, П. Л. Редерер, свидетельствовал, что рабочий день первого консула составлял примерно 18 часов. В экстремальных ситуациях, для него нередких, он вообще обходился без сна целыми сутками.

Как глава государства Наполеон вникал буквально во все тонкости управления государственными делами – от разработки свода законов до уборки тротуаров в Фонтенбло, он знал лучше любого министра положение дел внутри каждого ведомства, а все, что знал,

---

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 22.
[4] Цит. по: Тэн И. Наполеон Бонапарт. М., 1912. С. 44.

помнил. Тем, кого это все изумляло, он объяснил, что разные дела и вопросы размещены у него в голове, как в шкафу, – строго по определенным ящикам: «Когда приходится прервать какую-нибудь работу, я просто закрываю один ящик и открываю другой. Они никогда не мешают друг другу, не стесняют меня и не утомляют. Хочется спать? Я закрываю все ящики и сплю»[1]. Сегодня о нем сказали бы: на плечах не голова, а компьютер! Беспощадный к себе самому, он и других (своих соратников, сотрудников, помощников) не жалел, выжимая из них все, что ему было нужно, – «для блага Франции», как он любил повторять. Впрочем, не только заботы о «благе Франции» и не столько страх перед наказанием или увольнением заставлял тогда чиновников всех рангов трудиться сверх всякой меры. Один из них, бывший аудитор Государственного совета, выделил еще один стимул, на что обратил внимание Е. В. Тарле. Оказывается, «у Наполеона было искусство увеличивать в людях преданность делу той фамильярностью, с которой он умел при случае обращаться с низшими, как с равными», и это его искусство «порождало у чиновников увлечение, равное тому, которое он порождал в армии. Люди истощались в работе точно так, как (другие) умирали на поле битвы»[2].

Да, все так и было, но едва ли кто из этих людей мог угнаться в работоспособности за самим первым консулом. Обычно он не имел времени даже поесть нормально. С этой «тягостной обязанностью» он разделывался не более чем за 15 минут, если это был обед в гостиной, а чаще – за 7–8 минут, если завтракал и ужинал у себя в кабинете или в спальне. Иностранные гости рассказывали, что Наполеон будто бы «обедал стоя», ибо присесть, да еще потом встать, у него не было времени[3]. Он даже устроил скандал своему повару Дюнану, который прежде служил Бурбонам и теперь, по привычке, приготовил изысканнейший обед для первого консула. «Ты заставляешь меня есть слишком много! – накинулся первый консул на повара. – Впредь готовь не больше двух блюд!»[4] А вот другой характерный случай: когда кто-то из друзей Наполеона посетовал перед ним на излишнюю скоротечность его обедов (люди не успевали поесть, как следует!), первый консул велел продлить время трапезы на несколько минут. Во время первого же «продленного обеда» П. Л. Редерер шутливо упрекнул Наполеона: «Вы теперь засиживаетесь за обеденным

---

[1] Цит. по: Тэн И. Наполеон Бонапарт. С. 24–25.

[2] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 138.

[3] См.: Д'Абрантес Л. Записки герцогини Абрантес или исторические воспоминания... М., 1836. Т. 5. С. 281.

[4] Кронин В. Наполеон. Биография. М., 2008. С. 223.

столом...» Первый консул отшутился с нескрываемым раздражением: «Это – результат развращения властью!»[1]

Кстати, раздражительность первого консула и особенно императора Наполеона стала темой множества серьезных исследований, исторических анекдотов и политических карикатур. Думается, ни современникам, ни историкам так и не удалось до конца разобраться в том, какова была природа этой раздражительности – искренность или притворство. Даже Е. В. Тарле не избежал противоречия с самим собой, заявив, что «быстро раздражающаяся» натура Наполеона «была склонна к порывам бешеного гнева», но подчеркнул через пару строк: «...вообще Наполеон великолепно владел собой»[2]. Далее Евгений Викторович признал оригинальную особенность вспышек «бешеного гнева» Наполеона: иногда «с определенными целями» (запугать, надавить, сбить с толку оппонента) он «*разыгрывал* искусственные сцены ярости, причем он проделывал это с таким высоким театральным талантом, с такой поразительно тонкой симуляцией, что только очень уж хорошо знавшие его зрители могли догадаться об этом комедиантстве, да и то не всегда, часто и они ошибались»[3].

По воспоминаниям графини К. Э. де Ремюза (статс-дамы при дворе Жозефины), сам Наполеон так объяснил свою гневливость епископу, ставшему дипломатом, Доминику Прадту: «Вы думаете, что я очень разгневан? Разуверьтесь: у меня гнев никогда не идет дальше этого», – и он провел рукой по шее, показывая, что волнение желчи никогда не смущает его ума[4]. В беседах со своим великим другом Ф.-Ж. Тальма Наполеон, уже будучи императором, очень продуманно выскажется против чрезмерности любых эмоций, будь то радость, гнев, отчаяние и т. д. «Вы порой приходите по утрам ко мне во дворец, – говорил император актеру. – Вы видите здесь принцесс, потерявших возлюбленных, князей, лишившихся своих государств, бывших королей, у которых войной отнят их высокий сан, полководцев, ждущих от меня или выпрашивающих короны. Вокруг – посрамленные самолюбия, возбужденное соперничество, катастрофы, страдания, таящиеся в глубине сердец, возмущение, вырывающееся наружу. Вот вам трагедия! Мой дворец полон ею. И я сам, разумеется, один из наиболее трагических персонажей нашего времени. И что же? Разве вы видите, как мы возносим руки к небу, принимаем величественные позы, издаем крики? Разумеется,

---

[1] Кастело А. Бонапарт. С. 328.
[2] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 154.
[3] Там же. С. 155. Курсив мой. – *Н. Т.*
[4] Мемуары г-жи де Ремюза (1802–1808 гг.). М., 1912. Т. 1. С. 71.

нет: мы разговариваем естественно, как каждый, побуждаемый корыстью или страстью»[1].

Здесь, пожалуй, уместно сказать о распространенных толках относительно «падучей болезни», припадкам которой якобы был подвержен Наполеон. Даже Л. А. Бурьенн, вообще не склонный оправдывать своего бывшего господина в каких-либо прегрешениях и слабостях, категорически опроверг подобные толки: «В продолжение более 11-ти лет, постоянно мною при нем проведенных, я никогда не видел в нем ни малейшего признака, хоть сколько-нибудь похожего на эту болезнь»[2].

При всей занятости самыми серьезными делами и при всей своей (пусть иногда притворной) раздражительности Наполеон всегда, был ли он консулом или императором, находил время для самых эксцентричных, вроде игры в горелки, развлечений. Особенно любил он в редкие часы досуга поиграть с детьми. Дети воистину были его слабостью. Он никогда не отказывал ребенку, посланному от кого бы то ни было с просьбой. В общении с детьми первый консул не прочь был потешиться, как со взрослыми, и однажды из-за этого попал впросак. Вот как описал эту сцену Андре Кастело.

– Послушайте, мадемуазель, – обратился Наполеон к пятилетней дочери своей сестры Элизы (девочку, кстати сказать, звали Наполеоне!), – мне ваши бонны сообщили, что сегодня ночью вы сделали пи-пи в кроватке.

Малышка, будущая графиня Камерата, с достоинством отпарировала:

– Дядюшка, если вам угодно говорить мне всякие глупости, то я лучше уйду...

«Вспоминая ее слова, – заканчивает Андре Кастело описание этой победы маленькой Наполеоне над великим Наполеоном, – все смеялись целый день»[3].

Осведомленные современники вспоминали, что первый консул еще очень любил крестить детей. Первыми его крестниками стали сын Жана Ланна *Наполеон* и дочь Андоша Жюно *Жозефина*[4].

Уму непостижимо, как Наполеон, даже при всей своей феноменальной работоспособности, успевал столько делать и еще отдыхать. А. З. Манфред нашел этому важное, хотя и не исчерпывающее объяснение: «Он все шире прибегал к помощи близких ему людей – дру-

---

[1] Цит. по: Дейч А. И. Франсуа Жозеф Тальма. М., 1973. С. 192–193.

[2] Бурьенн [Л. А.] Записки о Наполеоне, Директории, Консульстве, Империи и восстановлении Бурбонов. СПб., 1834. Т. 2. Ч. 3. С. 195.

[3] Кастело А. Бонапарт. С. 490–491.

[4] См.: Д'Абранстес Л. Указ. соч. Т. 6. С. 279.

зей юности, которым он полностью доверял»[1]. Сам Наполеон в 1801 г. выделил среди них Ж. Ланна, М. Дюрока, Ж. Б. Бессьера, А. Жюно, Л. А. Бертье, О. Ф. Мармона[2]. Все они уйдут от него трагически: трое первых погибнут в боях, Бертье и Жюно покончат с собой, а Мармон предаст. Ранее из близких друзей Наполеона пали в различных сражениях Ж. Б. Мюирон, А. Ф. Лагарп, Ф. Шове, Ю. Сулковский, М. Ж. Каффарелли, Л. Дезе. Пока они были живы, он щедро награждал их, был внимателен к их советам, терпим к упрекам и даже к обвинениям, особенно со стороны Ланна.

Жан Ланн, герцог де Монтебелло, был не только *«лучшим другом»* (именно так он назван в письме, которое Наполеон отправил вдове Ланна на другой день после его гибели)[3], единственным, кто имел право говорить первому консулу, а затем императору «ты»[4]. Ланна Наполеон считал «самым выдающимся» из своих военачальников: «...из всех моих генералов Монтебелло оказал мне наибольшее содействие, и я ставил его выше всех»[5]. Поэтому он всегда прислушивался к мнению Ланна и прощал ему любые, самые резкие возражения против деспотических мер в политике гражданина Бонапарта и позднее императора Наполеона. Поэтому и оплакивал Наполеон Ланна как никого из своих соратников и велел похоронить его в Пантеоне великих людей Франции, где Ланн покоится (единственный из всех 26 маршалов Наполеона!) поныне. Сообщение Р. Ф. Делдерфилда о том, что Ланн похоронен на кладбище Пер-Лашез[6], ошибочно.

Жена Ланна, рано (в 26 лет) овдовевшая, Луиза-Антуанетта Генёк, была первой статс-дамой Жозефины, а потом и новой жены Наполеона Марии-Луизы. Герцогиня д'Абрантес вспоминала о ней с восхищением: «прелестная женщина», «копия одной из прекраснейших дев Рафаэля»; «ее очень любили в Мальмезоне и в Тюильри, и она стоила этого, не только за своего мужа, но и за саму себя»[7]. После смерти Ланна Наполеон окружил ее особой заботой, уважительно «изъявлял ей предпочтение перед другими женщинами своего двора», часто сажал за обеденным столом рядом с собой, по правую руку[8] (слева от него садилась Жозефина).

---

[1] Манфред А. З. Цит. соч. С. 357.

[2] См.: Д'Абранстес Л. Указ. соч. Т. 5. С. 271.

[3] Willette L. Le maréchal Lannes. Un d'Artagnan sous l'Empire. P., 1979. P. 237.

[4] Повседневная жизнь Наполеона Бонапарта. М., 2006. С. 192.

[5] Наполеон Бонапарт. Цит. соч. С. 201; Willette L. Op. cit. P. 237.

[6] Делдерфилд Р. Ф. Маршалы Наполеона. М., 2001. С. 243.

[7] Д'Абрантес Л. Указ. соч. Т. 4. С. 317.

[8] Там же. Т. 6. С. 286.

Близким с юных лет другом Наполеона и вместе с тем надежным помощником и советником был великий медик, основоположник военно-полевой хирургии, будущий президент Академии наук Франции Жан-Доминик Ларрей. Он участвовал во всех военных кампаниях Наполеона от Тулона до Ватерлоо, но еще за год до знакомства с Наполеоном, в 1793 г., первым в мире организовал походные лазареты («амбулансы»), которые первый консул назвал «одним из самых благодетельных изобретений XVIII века»[1]. «Ларрей, – вспоминал о нем Наполеон на острове Святой Елены, – был исключительно честным человеком и лучшим другом солдат, какого я когда-либо знал <...>. В самую неприветливую погоду, в любое время дня и ночи Ларрея можно было найти среди раненых <...>. Он не давал покоя генералам и вытаскивал их из постели по ночам всегда, когда хотел обеспечить пристанище и помощь раненым и больным. Они все боялись его, так как знали, что он немедленно отправится ко мне с жалобой на них»[2]. Еще бы им не бояться! – ведь в таких случаях Наполеон (генерал ли, консул или император) не сомневался ни на йоту: Ларрей всегда прав.

Разумеется, кадры помощников и советников Наполеон подбирал не только из числа личных друзей. Вспомним, что ответственнейшие посты глав внешнего и полицейского ведомств он доверил Ш. М. Талейрану и Ж. Фуше, к личным качествам которых (кроме высочайшего профессионализма) он не питал ни малейшего доверия. Только из деловых соображений первый консул поставил во главе Министерства внутренних дел (вместо своего проштрафившегося брата Люсьена) графа Ж.-А. Шапталя, а на должность государственного секретаря, специально им учрежденную, назначил Гуго-Бернарда Маре, будущего герцога Бассано – идеального по старательности, оперативности, пунктуальности исполнителя, «своего рода Бертье гражданского ведомства»[3]. Награждал он за труд и успехи с равной щедростью и своих друзей, и неприятных ему лично службистов, как, впрочем, и наказывал за леность и неудачи равно тех и других, не разбирая, кто друг, а кто просто слуга. Случалось, Наполеон, подобно Петру Великому, применял к провинившимся соратникам и меры физического воздействия: министра юстиции К. А. Ренье он однажды повалил на диван и «пересчитал ему ребра» кулаком, а верного друга Бертье поколотил каминными щипцами.

---

[1] Подробно см.: Кассирский И. А. Ж. Д. Ларрей и скорая помощь на войне. М.; Л., 1939.

[2] О'Мира Б. Голос с острова Святой Елены. М., 2004. С. 482.

[3] Манфред А. З. Цит. соч. С. 358.

Теперь, поскольку речь идет о соратниках Наполеона, самое время помянуть такую побасенку, будто он *завидовал* многим из них и *боялся* их. Не только дилетанты, но и серьезные исследователи (Ж. Мишле, Г. Кирхейзен, Д. де Вильпен, М. Брандыс, А. С. Трачевский, А. К. Дживелегов) уведомляли своих читателей, что Наполеон завидовал Л. Гошу, Ж. В. Моро, даже собственным генералам и маршалам – Ж. Б. Клеберу, Л. Н. Даву, А. Массена, что он боялся того же Моро, М. Ж. П. Лафайета, мадам Ж. де Сталь и даже собственного адъютанта Ю. Сулковского[1]. Все это несерьезно. Сам Наполеон эти, дошедшие до него через ряд лет слухи о том, что он боялся Моро, воспринял как небылицу: «Конечно, я его не боялся. Во-первых, я никого не боюсь...»[2]

Разумеется, Наполеон был далеко не столь совершенен, чтобы считать, подобно герцогине д'Абрантес, столь нелестные упреки в его адрес «лаем, мяуканьем, кваканьем и карканьем над памятью великого человека, великого настолько, что если бы эти пигмеи вздумали измерить его высоту взглядом, у них сделалась бы болезнь шеи»[3]. Дело в том, что у Наполеона и дурные черты были *крупнее*, чем банальная зависть к отдельным людям или боязнь их. Главной его дурной чертой было властолюбие. Он так и говорил: «Моя любовница – власть». И добавлял к этому признанию важное объяснение: «Да, я люблю власть, но люблю ее как *художник*. Я ее люблю, как музыкант любит свою скрипку»[4].

Поклонники Наполеона в ответ на вопрос, что́ главным образом им двигало в его грандиозных свершениях, говорят: любовь к Франции. Да, он действительно любил Францию, но не столько саму по себе, сколько во главе с собой. Сильнее любви к Франции была все-таки его любовь к власти – над Францией и над всей Европой. Хорошо поняла это Марина Цветаева: «"Ради славы Франции и своей власти", – вот, в чистоте сердца, девиз Наполеона. Чтобы мир слушался Франции, а Франция – меня. Имя наполеоновской gloire – pouvoir. О личной славе (чистейшей словесности) он, как прежде всего – человек действия, не помышлял. Жечь себя с двух концов ради рокота толп и лепета поэтов, для этого он слишком презирал

---

[1] Мишле Ж. История XIX века. СПб., 1883. Т. 2. С. 71–72; Кирхейзен Г. Женщины вокруг Наполеона. М., 1997. С. 246; Вильпен Д. де. Сто дней или дух самопожертвования. М., 2003. С. 239; Брандыс М. Адъютант Бонапарта // Исторические повести. М., 1975. С. 325; Трачевский А. С. Наполеон I. Первые шаги и Консульство (1769–1804). М., 1907. С. 156, 280; Дживелегов А. К. Александр I и Наполеон. Исторические очерки. М., 1915. С. 117.

[2] Мемуары г-жи де Ремюза. Т. 1. С. 197.

[3] Д'Абрантес Л. Цит. соч. Т. 4. С. 248.

[4] Цит. по: Тэн И. Цит. соч. С. 47.

и толпу и поэтов. Цель Наполеона – власть, последствия добытой власти – слава»[1].

Свою безмерную еще до коронации власть Наполеон употреблял и во благо, и во зло человечеству. Он очищал авгиевы конюшни Франции и всей Европы от средневековых режимов, социального неравенства, крепостничества, инквизиции, но делал это, не гнушаясь преступными (хотя и обычными для того времени) средствами – насилием, железом и кровью. Из одной его ипостаси властолюбца вырастали еще две – деспота и агрессора.

Об особенностях агрессивной внешней политики Наполеона, когда ему приходилось в течение 15 лет отбиваться от агрессоров семи антифранцузских коалиций и все-таки самому прибегать к агрессии, подробно речь пойдет во втором томе моего исследования – *«Император Наполеон»*. Но и *гражданин Бонапарт*, будучи еще генералом Директории, а затем первым консулом, *по собственной инициативе*, как мы видели в двух его итальянских и египетской кампаниях, реформировал одни, ликвидировал другие и учреждал третьи («дочерние» по отношению к Франции) государственные образования – французского типа. Деспотизм его, для Франции несравненно менее тягостный, чем феодально-абсолютистские режимы России, Австрии, Пруссии, Испании, был настоящим бедствием для стран, завоеванных или поставленных в зависимость от Франции, потому что он унижал и попирал их *национальное* достоинство, даже если заменял феодальное бесправие самыми передовыми для того времени нормами буржуазного права.

Подчеркну: последствия его политики и его действий станут очевидными главным образом в годы империи, но сказываться они начали уже во времена консульства.

2. Мир и война

Амьенский мир с Англией и пожизненный консулат Наполеона стабилизировали, как никогда, и консульский режим, и общее социально-экономическое положение во Франции. «Даже злейшие враги Бонапарта, – читаем у В. Слоона, – признавали и до сих пор (имеется в виду конец XIX в. – *Н. Т.*) признают искренность поддержки, которую оказал ему народ в 1802 году». Его авторитет в условиях мира везде – снизу доверху (исключая лишь жалкое малолюдье оппозиции) – рос еще заметнее, чем даже в дни его военных триумфов.

---

[1] Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7 т. М., 1994. Т. 5. С. 287. По-французски gloire – слава, pouvoir – власть.

Не случайно один из ораторов в Трибунате, обращаясь к первому консулу, назвал его: «Ваше консульское величество!»[1]

Все это облегчало Наполеону решение любых задач как внутренней, так и внешней политики. Сразу после битвы при Маренго он занялся было экзотической проблемой Луизианы. Дело в том, что эта североамериканская территория, названная 9 апреля 1682 г. Луизианой в честь французского короля Людовика XIV, принадлежала тогда Франции. Она занимала всю западную часть бассейна Миссисипи, покрывая кроме нынешнего штата Луизиана еще 12 штатов США, и в пять раз превышала территорию Франции. В 1762 г. Людовик XV уступил Луизиану Испании, поскольку Франция, истощенная неудачной для нее Семилетней войной, оказалась не в состоянии сохранить свой контроль над нею.

Наполеон после Маренго счел возможным вернуть Луизиану Франции и сохраняя господство французов на Сан-Доминго, использовать ее для создания в Америке французской колониальной базы – в противовес домогательствам Англии там же, и на море и на суше. 1 октября 1800 г. через посредство своего доверенностного посланника в Мадриде генерала Л. А. Бертье он заключил с королем Испании Карлом IV в королевском дворце Сан-Ильдефонсо необычную секретную сделку: Испания возвратила Франции Луизиану в обмен на... *обещание* первого консула признать зависимое от Франции итальянское герцогство Тоскана королевством и передать его под скипетр зятю Карла IV[2]. Но удержать Сан-Доминго не удалось из-за несчастья с экспедиционным корпусом зятя Наполеона генерала В. Леклерка (напомню читателю: две трети корпуса, включая самого Леклерка и еще 15 его генералов, погибли от желтой лихорадки). Тем временем Англия из года в год наращивала свои военно-морские силы на подступах к Луизиане. В такой ситуации Наполеон сделал неожиданный ход, оставивший след не столько в истории Франции, сколько в истории Соединенных Штатов Америки.

Первый консул рассудил, что без Сан-Доминго французы не смогут противостоять возможной агрессии со стороны Англии против Луизианы. Однако уступить Луизиану Англии он не хотел и поэтому выигрышно для Франции (насколько это было возможно в тех условиях) использовал интерес к Луизиане, который проявляли США. Интерес последних был локальным: 8 марта 1803 г. президент

---

[1] Слоон В. Новое жизнеописание Наполеона I. Историческое соч. в 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 565.

[2] См.: История XIX века. Т. 1. С. 41–42; История дипломатии. М., 1959. Т. 1. С. 509.

Соединенных Штатов Томас Джефферсон (кстати, автор исторической Декларации независимости США) отправил в Париж своего специального уполномоченного Джеймса Монро – в будущем (с 1817 по 1825 г.) тоже президента США и автора *доктрины Монро*[1] – с поручением склонить Францию к продаже Соединенным Штатам города и порта Новый Орлеан в устье Миссисипи на крайнем юге Луизианы за 50 млн франков. Наполеон сделал американцам встречное предложение, которому они «не сразу могли поверить»: продать им за 60 млн *всю* Луизиану, что сразу вдвое увеличивало территорию США[2]. 30 апреля 1803 г. договор об этой грандиозной торговой сделке был подписан в Париже.

Правда, в порядке возмещения гражданам США их претензий к Франции Соединенные Штаты дополнительно уплатили 20 млн ливров, но в конечном счете они сочли эту сделку очень выгодной для себя. Франция – при сложившихся тогда обстоятельствах – тоже могла быть довольна. Зато правительство Англии, как вспоминал секретарь Наполеона К. Ф. Меневаль, «было чрезвычайно раздражено, узнав, что владельцами Луизианы стали американцы»[3].

Дипломатическую (с торговым оттенком) операцию под названием «Луизиана» Наполеон успел осуществить за считаные дни до разрыва с Англией. Да, мир между «Слоном и Китом», как тогда говорили, оказался недолгим: 10-летняя война после годичного перерыва возобновилась еще на 12 лет. Здесь остро встает сакраментальный вопрос: кто первым начал?

Наполеон был убежден, что виновником разрыва и зачинщиком новой войны, втянувшей в себя почти всю Европу, было английское правительство, и в этом заключалась большая доля правды, хотя и не вся. Правящие верхи Англии действительно были решительно против Амьенского мира с Францией, поскольку считали его для себя бесславным и даже позорным. Они поощряли и даже разжигали в стране антифранцузскую истерию, провоцируя возобновление войны. Можно понять, как изощрялись в ненависти к режиму и к самой личности первого консула эмигранты-роялисты, осыпая его на страницах своих газет в Лондоне бранью: «жалкий прихвостень Барраса», «палач Александрии», «изверг Каира», «авантюрист», «шарлатан»,

---

[1] В Доктрине Монро (1823 г.) сформулированы принципы американской внешней политики о взаимном невмешательстве США и европейских держав во внутренние дела друг друга.

[2] История дипломатии. Т. 1. С. 510.

[3] Наполеон. Годы величия (1800–1814). В воспоминаниях К. Ф. Меневаля и Констана Вери. М., 2001. С. 81.

«узурпатор», «тиран», «убийца»[1]. Но и официальный бомонд самой Англии не отставал от роялистской эмиграции в нападках на Французскую республику и ее первого консула. Так, лорд У. Гренвил (министр иностранных дел в кабинете своего двоюродного брата У. Питта Младшего) публично бичевал Наполеона «как тигра, готового поглотить человечество, а его правительство как банду разбойников»[2]. Газета «Times», признанный рупор английского правительства, 18 января 1803 г. опубликовала хвалебный, с обширными цитатами, отзыв о книге «История британской экспедиции в Египет» сэра Р. Т. Вильсона (того самого, который в 1812 г. станет официальным представителем Англии при штабе М. И. Кутузова). В книге описывались «ужасное варварство» и «кровавая бойня», которые учинил в Египте Наполеон Бонапарт, на века «запятнавший свое имя позором»[3].

Другая официозная газета «Morning post» от 1 февраля 1803 г. отличилась в глумлении над первым консулом, назвав его «не подпадающим ни под какие определения существом: полуафриканцем, полуевропейцем, средиземноморским мулатом». «Для английских карикатуристов, – отметил в связи с этой публикацией Винсент Кронин, – стало излюбленной манерой рисовать его (Наполеона. – *Н. Т.*) желтокожим пигмеем с огромным носом, так что капеллан английского посольства, прибывший в Париж, был несказанно удивлен, когда обнаружил, что Наполеон “хорошо сложен и красив”»[4].

Главное, Англия давала тогда пристанище французским роялистам во главе с их вождем Карлом д’Артуа (будущим королем Франции под именем Карл X) и, что еще важнее, вандейским мятежникам, бандитам-шуанам, заговорщикам-террористам, вроде Жоржа Кадудаля, неоднократно пытавшимся убить первого консула. «Их заговоры делались на английские деньги, на английских судах они ездили во Францию»[5].

Демонстративным, фактически провокационным вызовом французскому правительству стало решение английских верхов назначить своим чрезвычайным и полномочным послом в Париже Чарльза Уитворта. Если посол Французской республики в Лондоне Антуан

---

[1] Цит. по: Соколов О. В. Цит. соч. Т. 1. С. 102.

[2] Там же.

[3] Искюль С. Н. Предисловие к изд.: Вильсон Р. Т. Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонапарта в Россию и при отступлении французской армии в 1812 г. М., 2008. С. 10; Кронин В. Цит. соч. С. 285.

[4] Кронин В. Цит. соч. С. 287.

[5] История XIX века. Т. 1. С. 46.

Франсуа Андреосси был, по мнению англичанина В. Кронина, «настроен к Англии миролюбиво и благожелательно»[1], то Уитворт (кстати, близкий друг лорда Гренвила) открыто выступал против Амьенского мира и не скрывал своей патологической ненависти к Франции[2]. Для Наполеона всего нетерпимее был тот факт, что Уитворт финансировал убийство Павла I, загубив тем самым в зародыше франко-русский союз, а теперь этот спонсор цареубийц официально представлял в Париже Англию. «В его собственный дом засылают убийц!» – так, по мнению А. З. Манфреда, мог воспринять Наполеон прибытие в его резиденцию посла Уитворта[3]. К тому же Уитворт прибыл в Париж вместе с женой, надменной герцогиней Дорсет (которую даже англичане называли «спесивой дурой»), и эта супружеская чета «при любой возможности выказывала свое пренебрежение правлением консулов»[4].

Однако известная доля вины за разрыв Амьенского мира лежала и на первом консуле Франции. Воевать с Англией он не хотел – это вынужден был признать даже Уитворт. «Я замечаю у Бонапарта, – сообщал он в Лондон, – сильное желание продолжить переговоры и по возможности избежать разрыва»[5]. Но внешнеполитическая активность Наполеона даже в тех случаях, когда она непосредственно не затрагивала интересов Англии, настораживала, раздражала, а то и пугала английские власти – и не без оснований. Первый консул хозяйничал в Голландии, Пьемонте, Швейцарии как в «сторожевых» по отношению к Франции государствах, навязывал свою волю германским князьям. Когда же он приступил к созданию французской колониальной базы в Сан-Доминго и Луизиане, а в особенности после того, как в апреле 1803 г. командировал генерала Ш. М. Декана в Индию с заданием привлечь вождей индийских племен к совместной борьбе против англичан[6], партия войны в Англии забила тревогу.

Все это уже предвещало разрыв, но главным камнем преткновения в англо-французских отношениях и поводом к войне стал вопрос о Мальте. В соответствии с условиями Амьенского договора от 27 марта 1802 г. Англия обязалась к сентябрю того же года оставить

---

[1] Кронин В. Цит. соч. С. 283.

[2] Там же; Соколов О. В. Цит. соч. Т. 1. С. 101.

[3] Манфред А. З. Цит. соч. С. 385.

[4] Кронин В. Цит. соч. С. 283; О'Мира Б. Цит. соч. С. 399.

[5] Цит. по: Сорель А. Европа и Французская революция. СПб., 1906. Т. 6. С. 233.

[6] См.: Манфред А. З. Цит. соч. С. 385–386; История XIX века. Т. 1. С. 41–45.

Мальту, вернув ее Мальтийскому ордену, а Франция – эвакуировать свои войска из Таранто. Французы ушли из порта и залива Таранто досрочно, но англичане и в феврале 1803 г. еще оставались на Мальте. Король Георг III и его министры выказывали, по признанию лорда В. Бэкингема, «сильнейшее стремление к войне»[1] и не желали отказываться от Мальты, рассчитывая при этом на поддержку России.

Такой расчет имел под собой некоторые основания. Государственный канцлер и министр иностранных дел Российской империи граф А. Р. Воронцов 12 (24) марта 1803 г. специальной депешей обязал российского посла в Лондоне графа С. Р. Воронцова (своего родного брата) «удостоверить правительство аглийское, что мы не откажемся от общих мер с Англией, когда прямо убеждены будем, что момент опасности для спокойствия Европы приближается». К депеше была приложена записка Александра I: «Я нахожу, г-н граф, соображения, изложенные в вашей депеше к г-ну Вашему брату, совершенно справедливыми»[2].

С. Р. Воронцов, и ранее именно так «удостоверявший» англичан, теперь явно переусердствовал в этом. По авторитетному мнению А. М. Станиславской, он «столь рьяно уговаривал английское правительство не отдавать Мальту, что даже его англофильствующий брат, канцлер Александр Романович, остался недоволен»[3]. Зато английский министр иностранных дел граф Д. Р. Гоуксбери уверовал в то, что Россия одобряет позицию Англии относительно Мальты и поддержит ее в случае войны с Францией. Русский посол в Париже А. И. Морков уже 24 марта (5 апреля) 1803 г. уведомил А. Р. Воронцова: «Англия стремится скорее начать войну»[4], а французский посланник в Петербурге генерал Г. М. Гедувиль 12 (24) апреля информировал Ш. М. Талейрана, что сам Александр I «искренне желает» примирения Англии и Франции, но подвержен англофильскому влиянию Моркова и братьев Воронцовых[5].

В такой ситуации на дипломатическом приеме 13 марта 1803 г. Наполеон в присутствии двух сотен гостей устроил Чарльзу Уитворту знаменитую «сцену гнева», разыгранную, по мнению Е. В. Тарле, «в качестве последней пробы, последней попытки

---

[1] Цит. по: Кронин В. Цит. соч. С. 289.

[2] Внешняя политика России XIX и начала XX века. (далее – ВПР). Док-ты Министерства иностр. дел. М., 1960. Сер I. Т. 1. С. 395, 396.

[3] Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья. М., 1962. С. 242.

[4] ВПР. Сер. I. Т. 1. С. 403.

[5] См. там же. С. 419.

устрашения»[1]. Шагнув к Уитворту, он прикрикнул на него, словно на своего камердинера: «Итак, вы решились воевать?!» Потом, обращаясь уже ко всем присутствующим (А. Кастело выделяет: «к представителям России») и не скрывая раздражения, первый консул заявил: «Англичане хотят войны, но если они первыми обнажат меч, я последним вложу его в ножны!» Пока дипломаты приходили в себя от шока, вызванного этой, непривычной для них, «сценой гнева», Наполеон вновь обратился к Уитворту в еще более жестком тоне: «Нужно уважать статьи Амьенского договора! – гремел он, не давая послу вымолвить ни слова в ответ. – Горе тем, кто не уважает договоры! Они будут ответственны перед всей Европой!» Отвернувшись от Уитворта, первый консул почти прокричал: «Мальта или война!» – и с этими словами вышел из зала.

По окончании приема Жозеф Бонапарт сказал Наполеону: «Ты всех заставил дрожать»[2]. Может быть, и всех – кроме англичан. Граф Гоуксбери был только рад выставить именно Францию зачинщицей разрыва и новой войны. Через Уитворта он предъявил Талейрану оскорбительные для французской стороны условия, прямо назвав их «ультиматумом»: Франция должна отдать Англии Мальту на 10 лет и, кроме того, «освободить» Швейцарию и Голландию[3]. Получив отказ, Уитворт, заранее готовый к этому, 12 мая 1803 г. выехал из Парижа, а еще через четыре дня, 16 мая Англия объявила Франции войну, которая затянется до 1815 г.

Замечательный английский историк Винсент Кронин поставил вопрос: «Почему Англия начала войну?» – и дал на него убедительный ответ: «Вовсе не потому, что, как она сама заявляла, Наполеоном “овладели амбиции вселенской власти”, а потому, что Англию страшил мир. В мирное время у Англии не было в Европе средств давления на Францию, зато во время войны каждая континентальная держава была потенциальным союзником по коалиции»[4]. Такова была в то время позиция правящих верхов Англии. Кронин верно заметил, что влиятельные представители английской нации выступали против разрыва с Францией. Осудил этот разрыв лидер радикального крыла парламентской оппозиции Чарльз Джеймс Фокс, а выдающийся филантроп и аболиционист Уильям Уилберфорс (инициатор кампании за отмену работорговли в британских колониях и один из

[1] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 154. См. также об этой сцене: Соколов О. В. Цит. соч. Т. 1. С. 105; Кронин В. Цит. соч. С. 289–290; Кастело А. Бонапарт. С. 439–440.

[2] Кронин В. Цит. соч. С. 290.

[3] Там же. С. 290–291.

[4] Там же. С. 292.

основателей Общества борьбы с рабством) утверждал: «Мальта досталась слишком дорогой ценой, нарушено общественное доверие, а ценнее этого нет ничего»[1]. Но партия войны в Англии оказалась сильнее.

Учитывая, что Наполеон, занятый сложными проблемами обустройства Франции, тогда действительно не хотел войны (даже агент Бурбонов сообщал из Парижа в Лондон: «По всему видно, что Бонапарт решился на войну крайне неохотно»), Кронин пришел к важному, хотя и не бесспорному выводу: «Все войны, которые в дальнейшем придется вести Наполеону, были оборонительными в том смысле, что они были порождением войны с Англией»[2].

А. З. Манфред почему-то считал, что, хотя война между Англией и Францией 16 мая 1803 г. была объявлена, она какое-то время носила лишь экономический характер, но «собственно военных действий не было»[3]. Трудно согласиться с таким суждением. Как известно, «Англия тотчас открыла враждебные действия морским разбоем, по образцу всех больших войн, какие она вела в XVIII веке»: в разных морях были атакованы и захвачены 1200 французских и голландских торговых судов, взяты в плен их экипажи и конфискованы товары на общую сумму более 200 миллионов франков[4].

Наполеон со своей стороны в ответ на пиратский разбой англичан приказал арестовать всех английских подданных, оказавшихся на территории Франции и Италии, и конфисковать во всех портах этих двух стран, а также Голландии, английские корабли, запретил повсеместно покупать и продавать английские товары[5]. В то же время генерал Э. А. Мортье во главе 13-тысячного корпуса получил приказ оккупировать Ганновер – с 1714 г. наследственное владение английских королей на севере Германии. Выполняя приказ, Мортье за несколько дней вынудил капитулировать ганноверскую армию: «16 тыс. солдат и офицеров сложили оружие и были распущены по домам»[6].

Главное же, Наполеон спланировал и начал готовить *десант* через Ла-Манш в Англию, чтобы разгромить владычицу морей на ее земле и продиктовать ей условия мира в Лондоне. К концу июня 1803 г. он провел рекогносцировку берегов Ла-Манша и занялся созданием Булонского лагеря. Здесь, вокруг порта Булонь, предполага-

---

[1] Там же. С. 293.
[2] Там же.
[3] Манфред А. З. Цит. соч. С. 388.
[4] История XIX века. Т. 1. С. 47; Соколов О. В. Цит. соч. Т. 1. С. 107.
[5] См. там же.
[6] Соколов О. В. Цит. соч. Т. 1. С. 107.

лось сосредоточить армию в 150 тыс. человек и перебросить ее в Англию на легких транспортных судах общим числом более 2 тыс. Десантные суда строились на верфях и в мастерских по всей Франции – даже на причалах Сены в Париже. Тем временем к Булони отовсюду подтягивались войска. Работа по созданию Булонского лагеря буквально кипела. Наполеон был уверен в успехе задуманной операции. «Мне нужно только три дня туманной погоды, – говорил он в те дни, – и я буду господином Лондона, парламента, Английского банка»[1].

Англия оказалась в положении, более опасном, чем когда-либо с времен Вильгельма Завоевателя, т. е. с XI века. Не только правительство, но и все слои английского общества были в страшной тревоге. Известия о грандиозном размахе приготовлений Наполеона к десанту на Британские острова равно пугали министров и лавочников, лордов и простолюдинов – пугали *реальностью* нового завоевания Англии. Хорошо сказал об этом Е. В. Тарле: «Человек, который мог в 1798 г. ускользнуть с большой эскадрой и большой армией от английского флота, гонявшегося за ним по всему Средиземному морю, и благополучно высадить десант в Египте, да еще по дороге завоевать Мальту, – такой человек в самом деле может воспользоваться туманами, которых на Средиземном море бывает так мало, а на Ла-Манше так много, да и потребное время тут измеряется не месяцами, а скорее часами или немногими сутками»[2].

В поисках спасения Англия стала отчаянно звать на помощь своих континентальных партнеров по первой и второй коалициям. Те, однако, не спешили вновь взяться за оружие – даже на английские деньги. Австрия еще не оправилась от последствий двукратного разгрома, которому подверг ее Наполеон в 1797 и 1800 г. Австрийский министр иностранных дел И. Л. Кобенцль в ноябре 1803 г. заявил российскому поверенному в делах при Венском дворе И. О. Аншетту: «Субсидии, которые Англия предложила нам, когда она хотела недавно втянуть нас в наступательный союз против Франции, слишком незначительны. Но расчет делался из максимума того, что британское правительство может предоставить континентальным державам, которые решились бы ему помогать. Естественно, что нужно будет поделить эти субсидии с вами, а это очень мало»[3]. Уклонилась от «скорой помощи» Англии и Пруссия, что побудило С. Р. Воронцова (первого англофила среди россиян) обругать прусского короля Фридриха-Вильгельма III: «Этот недостойный на-

[1] Цит. по: Тарле Е. В. Цит. соч. С. 158.
[2] Там же.
[3] ВПР. Сер I. Т. 1. С. 549.

следник Фридриха [Великого] <...> будет делать все, что потребует Корсиканец»[1]. Что же касается России, то проанглийские настроения здесь активизировались в полную силу несколько позднее, с весны 1804 г., в связи с делом герцога Энгиенского, о чем речь еще впереди.

Итак, первый способ избежать угрозы нашествия Наполеона на Англию, а именно сколачивание очередной, третьей, антифранцузской коалиции, выбранный английскими верхами, пока не срабатывал. Был спешно найден второй. Дело в том, что (напомню читателю) Лондон был в то время главным прибежищем французских роялистов, эмигрантов, вообще всех врагов французской революции, республики и лично Наполеона. Все они, а в особенности граф Карл д'Артуа и Жорж Кадудаль, жаждали повторить (сколько бы то ни было раз) не удавшиеся ранее попытки физического устранения первого консула Франции. Английское правительство взяло организацию новой попытки такого рода под свой контроль, обеспечив операцию материально и агентурно – щедрым финансированием, транспортировкой террористов туда и обратно, связями в Париже, адресами, явками, убежищами. Через Уильяма Уиндхэма (лорда Гренвила) Кадудаль получил на расходы для убийства Наполеона «аккредитив в один миллион франков»[2]. «Заговор был обдуман и созрел в Лондоне, – подытоживал описание этого сюжета Е. В. Тарле. – Жорж Кадудаль должен был устранить первого консула: внезапно напасть на него в сопровождении нескольких вооруженных людей, когда он будет кататься верхом один возле своего загородного дворца в Мальмезоне, увезти его и убить»[3].

3. Последний заговор

Наполеон, по меткому определению А. З. Манфреда, был «человеком интуиции и своим интуитивным ощущениям доверял: они редко его обманывали»[4]. Казалось бы, новая война с Англией должна была вернуть французов к тревогам десятилетней борьбы с двумя коалициями 1792–1802 гг. Но спокойствие, воцарившееся во Франции после Амьенского мира, выглядело нерушимым. Интуиция подсказывала Наполеону, что оно обманчиво, и в этом есть часть его собственной вины. Дело в том, что, упразднив 13 сентября

---

[1] Архив князя Воронцова. М., 1876. Кн. 10. Ч. 3. С. 190.

[2] Кронин В. Цит. соч. С. 297–298. О том же: Durant W. J. The Age of Napoleon. New York, 1975. P. 190.

[3] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 160.

[4] Манфред А. З. Цит. соч. С. 390.

1802 г. Министерство полиции во главе с Ж. Фуше, первый консул тем самым невольно деморализовал полицейскую службу: ей стало недоставать той остроты сыскного нюха, которая отличала самого Фуше и которой заражались в общении со своим шефом его подшефные. Министр юстиции К.-А. Ренье, возглавивший полицейское ведомство, неоправданно благодушествовал.

Однажды в январе 1804 г. Наполеон просматривал агентурные сводки Министерства юстиции и обратил внимание на недопустимую оплошность военных юристов: два шуана, арестованные еще в октябре, до сих пор не допрошены. Первый консул потребовал допросить их немедленно. Результат был ошеломляющим.

Один из допрошенных, некто Керел, уже приговоренный к смертной казни, перед самым расстрелом, что называется, «раскололся» и 28 января дал сенсационные показания. По его словам, еще в ночь на 20 августа 1803 г. с английского корабля на пустынном побережье Нормандии близ Дьепа высадились вождь шуанов Жорж Кадудаль (этот «французский Махно», как оригинально выразился А. П. Никонов[1]) и отряд его головорезов. Их общее число в разных источниках варьируется от 50 до 70 человек. Из показаний Керела следовало, что эти люди (а Керел сам ранее был в их числе) конспиративно живут в Париже с намерением убить первого консула[2]. Наполеон немедленно, через голову проштрафившегося Ренье, поручил расследование дела бывшему заместителю прокурора Парижской Коммуны 1792–1793 гг. П. Г. Шометта и будущему (во время «Ста дней» 1815 г.) министру полиции, якобинцу Пьеру-Франсуа Реалю. Сам первый консул заранее принял меры предосторожности: перестал гулять и ходить в театр один, без охраны, как это случалось с ним (к неудовольствию родственников и соратников) после Амьенского мира.

Тем временем Реаль выполнил поручение Наполеона как нельзя лучше (не без везения, но ведь не зря сказано: везет сильному и счастливому!). Все началось с того, что у полуострова Бретань французы захватили английский бриг с вооруженными людьми. Весь его экипаж во главе с командиром был доставлен к префекту ближайшего департамента Морбиан, соратнику Наполеона по египетской экспедиции генералу Ж. Л. Жюльену де Бидону, а тот узнал в командире корабля старинного, со времен Египта, врага Франции – капитана Джона Уэсли Райта. Реаль приказал Жюльену допросить не только

[1] Никонов А. П. Наполеон: попытка № 2. СПб., 2008. С. 108.

[2] См.: Тюлар Ж. Цит. соч. С. 141; Манфред А. З. Цит. соч. С. 391; Кронин В. Цит. соч. С. 298.

самого Райта, но и весь экипаж, каждого матроса. Райт ничего и никого не выдал, но один из его моряков сознался, что «бриг высадил на берег нескольких французов, из которых ему особенно запомнился один, которого звали Пишегрю»[1]. Теперь стало ясно: заговор Кадудаля – это дело рук не только шуанов, но и, возможно, генеральской оппозиции.

Реаль начал «копать» дальше, и ему опять повезло: правая рука Кадудаля, офицер-роялист Атанас Буве де Лозье на первом допросе после ареста отказался от показаний и затем попытался было повеситься у себя в камере, но, когда стражники вытащили его, полуживого, из петли, разговорился. Теперь следствию удалось выявить конкретные планы и, главное, масштабы заговора. Кадудаль со своими людьми действительно преследовал одну цель – убийство первого консула. Они уже заказали себе гусарские мундиры, чтобы переодеться гусарами и принять участие в очередном военном параде на площади Карусель. То была идея *ряженых смертников*: «когда Наполеон будет проезжать мимо них, один из них подаст ему прошение, а другие – выхватят кинжалы и нанесут удары»[2]; что будет с ними в следующие минуты на площади, заполненной войсками, их, по-видимому, не интересовало.

Еще более неожиданной и угрожающей для государства оказалась информация, полученная в результате допроса Буве де Лозье, об участии в заговоре генералов – не только изменника Пишегрю, но и героя битвы при Гогенлиндене Моро. Как явствует из протоколов следствия по делу Буве де Лозье, которые цитирует Жан Тюлар, цели заговора были таковы: «реставрация Бурбонов; обработка Законодательного корпуса под руководством Пишегрю; организация парижского восстания, вдохновляемого присутствием принца[3]; насильственное свержение первого консула; представление принца армии, деидеологизация которой поручалась Моро»[4].

В отдельных публикациях с тех пор и доныне сохраняется версия о том, что показания у Буве де Лозье были выбиты пыткой. Сегодня эту версию поддерживает россиянин С. Ю. Нечаев, опираясь на авторитет американца В. Слоона[5]. Слухи о пытках, которым подвергался не Буве де Лозье, а якобы Пишегрю, были известны еще Стендалю,

---

[1] Стендаль. Собр. соч. М.; Л., 1950. Т. 14. С. 40.

[2] Кронин В. Цит. соч. С. 299.

[3] «Имя принца названо не было; речь могла идти об одном из представителей династии Бурбонов» (примеч. Ж. Тюлара).

[4] Тюлар Ж. Цит. соч. С. 141–142.

[5] См.: Нечаев С. Ю. Наполеон. Заговоры и покушения. М., 2006. С. 89–90; Слоон В. Цит. соч. Т. 1. С. 573.

который воспринял их с недоверием, подчеркнув при этом, что «бесчеловечный обычай пытки во Франции отменен со времени революции и что большинство европейских государей еще пользуются им при расследовании заговоров, направленных против них»[1]. Кстати, в России Александр I под впечатлением раскрывшихся ужасов Тайной экспедиции Екатерины Великой повелел 27 сентября 1801 г. пытку отменить, «чтоб самое название пытки, стыд и укоризну человечеству наносящее, изглажено было навсегда из памяти народной»[2].

Так или иначе, ранним утром 14 февраля 1804 г., когда Наполеон брился у себя в туалетной комнате, ему доложили о прибытии крайне взволнованного Реаля. Первый консул встретил его с бритвой в руках и чуть не порезался, слушая доклад Реаля о показаниях Буве де Лозье. Больше всего он был потрясен сообщением об участии в заговоре генералов Пишегрю и Моро.

Собственно, Шарль Пишегрю, бывший когда-то учителем Наполеона в Бриеннской военной школе, а затем прославленный военачальник Французской революции, получивший в 1794 г. от Конвента титул «спасителя отечества», через год отечеству изменил и был сослан за тридевять земель во Французскую Гвиану, но вот теперь бежал из ссылки, побывал в Лондоне и вместе с Кадудалем возглавил очередной роялистский заговор, чтобы на английские деньги (сакраментальное *«золото Питта»*) восстановить во Франции правление династии Бурбонов. Что же касается Моро, то его репутация у французов-республиканцев (особенно в военных кругах) была безупречной. После гибели Л. Л. Гоша, Ж. Б. Клебера и Л. Ш. А. Дезе он считался самым авторитетным из генералов Республики (разумеется, если не считать Наполеона).

Да, Моро как полководец терпел поражения от эрцгерцога Карла при Раштадте в 1796 г., от А. В. Суворова на р. Адда и при Нови в 1799 г., но австрийцев бил неоднократно, а его победа в исторической битве при Гогенлиндене обеспечила ему славу не только национальной, но и европейской знаменитости. Наполеон вспоминал о нем на острове Святой Елены: «Моро был любим народом и армией»[3].

Как бы то ни было, усердные розыски и аресты всех лиц, которых назвал в своих показаниях Буве де Лозье, начались со следующего же дня после доклада Реаля Наполеону, и первым, в ночь с 15 на 16 февраля, был арестован в своей квартире Жан Виктор Моро. Утром 16-го парижская официозная газета «Moniteur» поместила

---

[1] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 38.

[2] Цит. по: Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1904. Т. 2. С. 72–73.

[3] Цит. по: Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 44.

сообщение об аресте Моро в контексте устрашающей информации о том, что раскрыт англо-роялистский заговор с целью убить первого консула и вернуть к власти династию Бурбонов. Министр иностранных дел Неаполитанского королевства маркиз М. М. Галло, бывший тогда в Париже, свидетельствовал: «Общественное мнение потрясено, как если бы произошло землетрясение»[1]. Большинство французов, даже искренне преданных и сочувствовавших в те дни Наполеону, отказывалось верить в виновность Моро.

Тем временем в Англии вдохновители и спонсоры заговора старались поднять боевой дух заговорщиков, оставшихся без Моро, оптимистическими прогнозами. А. З. Манфред обратил внимание на две информации из Лондона в газете «Московские ведомости» от 23 марта 1804 г.: на Лондонской бирже уже две недели каждое утро объявляли, что Наполеон благополучно убит, а по городу Лондону было расклеено следующее «извещение: "Поелику убиение Буонапарта и возведение на престол Людовика XVIII воспоследует в непродолжительном времени, то большая часть французов возвратится во Францию; посему сочинитель сего извещения предлагает свои услуги в звании учителя языков"»[2]. Наполеон, естественно, обо всем этом знал и, как подчеркнуто у А. З. Манфреда, «поспешил напомнить, что он не из пугливых. 19 февраля он явился в Оперу; могло казаться, что его интересует только то, что происходит на сцене»[3].

Истинная роль генерала Моро в англо-роялистском заговоре 1803–1804 гг. оценивается неоднозначно. Винсент Кронин, основываясь на показаниях Буве де Лозье, считал так: «Моро готов был возглавить заговор, но только для того, чтобы самому стать военным диктатором. Он не хотел никакого короля»[4]. Такая версия, рожденная по ходу следствия о заговоре, естественно, стала официальной. Наполеон придерживался ее даже в изгнании на острове Святой Елены. Вот что говорил он тогда своему врачу Барри О'Мира: «Моро в беседе с двумя другими заговорщиками (Кадудалем и Пишегрю. – *Н. Т.*) настаивал на том, что следует прежде всего убить меня; что, когда меня уберут, он получит огромную власть и влияние над армией, но до тех пор, пока я буду жив, он ничего сделать не сможет»[5].

В наши дни новоявленный «развенчатель» Наполеона С. Ю. Нечаев утверждает, что, поскольку «версия о претензиях генерала Моро на диктаторство исходила от самого Наполеона», она «не

---

[1] Цит. по: Манфред А. З. Цит. соч. С. 392.
[2] Манфред А. З. Цит. соч. С. 392–393.
[3] Там же. С. 393.
[4] Кронин В. Цит. соч. С. 299.
[5] О'Мира Б. Цит. соч. С. 172.

выдерживает никакой критики». «У самого Моро и мысли не было ни о каком диктаторстве», – продолжает Нечаев с такой категоричностью, как если бы он был очевидцем и соучастником заговора, тем более что, по его мнению, «Моро был очень честным и порядочным человеком»[1].

Здесь Нечаев не подумал или просто забыл о том, что «честный и порядочный» Моро вслед за Пишегрю тоже *изменил отечеству* и сражался против соотечественников на стороне россиян, австрийцев и пруссаков в знаменитой битве под Дрезденом 27 августа 1813 г., где и был смертельно ранен французским ядром. А накануне той битвы русский генерал князь Н. Г. Репнин-Волконский (внук фельдмаршала Н. В. Репнина и брат генерала декабриста С. Г. Волконского) был свидетелем потрясающей сцены. Вот как описывает ее Е. В. Тарле: «Моро встретился с одним французским пленным, старым солдатом, и заговорил с ним. Тот узнал французского полководца, теперь помогающего врагам Франции. Солдат отступил от Моро на несколько шагов и вскричал: "Да здравствует республика!". В бывшем республиканском генерале солдат видел теперь изменника, с которым не захотел разговаривать»[2].

Вернемся, однако, в 1804 год. По данным следствия о заговоре, Моро встречался и с Пишегрю, и с Кадудалем, но не поддержал их роялистских планов. «Против Бонапарта – да, за Бурбонов – нет!» – так определил он свою позицию[3]. Пока Кадудаль, Пишегрю и другие, роялистски настроенные заговорщики озадаченно соображали, как теперь быть, ищейки Реаля выслеживали их. Пишегрю был арестован в ночь с 27 на 28 февраля на конспиративной квартире, хозяином которой был его лучший друг. Он-то и выдал бывшего «спасителя отечества» полиции за 300 тыс. франков. В следующие дни, рыская по свежим следам, Реаль выловил почти всех участников заговора. Так, вслед за Моро и Пишегрю были схвачены трое высокородных адъютантов Карла д'Артуа – братья князья Арман и Огюст-Жюль Полиньяки и маркиз Шарль-Франсуа де Ривьер. Последним из главарей заговора под вечер 9 марта на улице Вольтера в кабриолете был опознан Жорж Кадудаль.

Арест Кадудаля стоил полицейским агентам немалых усилий и даже человеческих жертв. Четверо агентов гнались за ним, спасались (не всегда удачно) от его выстрелов, в последний момент буквально повисли на нем, пытаясь скрутить. Кадудаль отчаянно сопротивлялся. Е. В. Тарле даже посчитал, что при этом он «убил и изуве-

[1] Нечаев С. Ю. Указ. соч. С. 139–140.
[2] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 401.
[3] Цит. по: Сорель А. Цит. соч. Т. 6. С. 279.

чил нескольких сыщиков»[1]. Но другие историки (В. Кронин и А. Кастело, В. Слоон и В. Скотт, М. Франчески и Б. Вейдер, О. В. Соколов и С. Ю. Нечаев) сходятся на том, что Кадудаль одного сыщика застрелил и еще одного ранил. Только А. П. Никонов высказал особое мнение, явно перепутав «французского Махно» с кем-то другим: «Кадудаль оказал вооруженное сопротивление и был убит во время перестрелки»[2].

Арест Кадудаля стал для большинства французов самым веским доказательством англо-роялистского заговора против Французской республики. Ведь Кадудаль, этот ужасный и неуловимый уже в течение ряда лет заговорщик, был в глазах истинных республиканцев олицетворением и бандитизма шуанов, и роялизма Бурбонов. О нем говорили (об этом узнал Вальтер Скотт!), что, «переодевшись слугой, он даже сумел пробраться в Тюильри, в покои Бонапарта, но не нашел подходящего момента», чтобы заколоть первого консула кинжалом[3]. Теперь возникшие было у многих после ареста Моро сомнения в том, что Республике действительно угрожает заговор, рассеивались. Откровенные показания Кадудаля о намерении заговорщиков убить первого консула и восстановить во Франции королевский трон Бурбонов[4] вернули Наполеону доверие нации, пошатнувшееся в связи с арестом Моро. Кстати, и сам Моро 8 марта, через три недели после своего ареста и за день до того, как был схвачен Кадудаль, не выдержал тягот заточения и прислал из тюрьмы письмо Наполеону, содержание которого стало причиной того, что ореол героизма вокруг личности победителя при Гегенлиндене заметно потускнел.

Дело в том, что Моро теперь письменно признал главное: все, что он говорил до сих пор на следствии, отрицая какую-либо связь (встречи, переговоры, планы) с Кадудалем и Пишегрю, ложь; встречался он и с тем, и с другим, был в курсе их планов, но участвовать в заговоре против Республики в пользу Бурбонов отказался. А. З. Манфред полагает, что «письмо Моро было, по-видимому, написано в момент душевного упадка; <...> со страниц письма он представал слабым, колеблющимся, двоедушным человеком». Можно согласиться с Альбертом Захаровичем в том, что «сторонникам оппозиции и самому себе Моро этим письмом, которое постарались сделать известным, нанес большой моральный урон»[5].

---

[1] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 163.
[2] Никонов А. П. Цит. соч. С. 178.
[3] Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 379.
[4] См.: Кастело А. Бонапарт. С. 454, 478; Манфред А. З. Цит. соч. С. 394.
[5] Манфред А. З. Цит. соч. С. 398.

Судебный процесс по делу о заговоре Кадудаля и К° начался 25 мая 1804 г. Генерала Моро судили отдельно[1]. Поскольку его причастность к намерениям заговорщиков убить Наполеона и призвать Бурбонов не была доказана, суд, учитывая популярность генерала, проголосовал (семью голосами против пяти) за оправдательный приговор. Однако председатель суда А. Эмар, резонно квалифицируя вину Моро по меньшей мере как «знание и недонесение» (что карается по уголовным законам почти повсеместно), добился повторного голосования. В результате Моро был признан минимально виновным и осужден «как простой карманник» (по выражению А. Кастело[2]) на два года лишения свободы.

Наполеон не захотел держать героя Гогенлиндена в тюремной камере, где тот мог обрести еще и ореол мученика. Поэтому своей властью первого консула он заменил судебный приговор административной ссылкой, а точнее изгнанием Моро из Франции. До Барселоны изгнанника сопровождал майор элитной жандармерии Ж.-П. Анри – тот самый, кто его арестовывал. А далее Моро отбыл в Соединенные Штаты Америки. Когда Наполеону доложили об этом, он сказал: «Теперь Моро пойдет по дороге вправо. Кончит он тем, что придет к нашим врагам»[3]. В 1813 г., когда Моро покинул США, чтобы служить шестой коалиции против Франции, станет ясно, что эти слова оказались пророческими.

С другими заговорщиками суд, в отличие от Моро, разобрался без проблем. Жорж Кадудаль, Атанас Буве де Лозье, Огюст-Жюль де Полиньяк, Шарль Франсуа де Ривьер, Фредерик Лажоле и еще 13 человек были приговорены к смертной казни. Два года тюрьмы получили, кроме Моро, Арман де Полиньяк и двое рядовых шуанов. Остальные 20 заговорщиков были оправданы[4].

Даже такой приговор (при 20 оправданных из 42 обвиняемых в тяжком государственном преступлении) нельзя признать жестоким. Но первый консул еще и значительно смягчил его. Смертная казнь была оставлена в силе для 10 осужденных. Все они были гильотинированы 25 июня 1804 г. на Гревской площади. Остальным восьми смертникам Наполеон сохранил жизнь, заменив гильотину разными сроками тюрьмы и ссылки[5], после чего почти каждый из

---

[1] См. об этом: Туган-Барановский Д. М. Наполеон и республиканцы. Саратов, 1980. С. 90–93.

[2] Кастело А. Бонапарт. С. 478.

[3] Цит. по: Манфред А. З. Цит. соч. С. 407.

[4] Подробно об этом см.: Нечаев С. Ю. Цит. соч. С. 135–166.

[5] В цит. соч. С. Ю. Нечаева перечислены все 18 приговоренных к смертной казни (С. 157) и все восемь помилованных (С. 170–171), но подытожено

них сделал – уже при Бурбонах – счастливую карьеру. Так, О.-Ж. Полиньяк станет министром иностранных дел, а затем и главой правительства королевской Франции; Ш.-Ф. де Ривьер будет губернатором Бордо, а Буве де Лозье – даже генерал-губернатором французской колонии Реюньон в Индийском океане; Ш. д'Озье и А. Гайар станут сановниками королевского двора, а Р. де Бреси – подполковником гвардии Людовика XVIII.

Почему Наполеон так смягчил приговор своим личным врагам и потенциальным убийцам? Этот вопрос заслуживает особого внимания. Вопреки общепринятому и в принципе верному мнению, что первый консул и тем более император не допускал вмешательства в политику женщин, здесь он поддался мольбам не только собственной жены и всех своих сестер, но и еще четырех женщин – супруги О.-Ж. Полиньяка и ее тетки мадам д'Андло, которая была дочерью идеолога Французской революции Клода Адриана Гельвеция, а также сестры Ш.-Ф. де Ривьера и дочери Ф. Лажоле[1]. Кстати, Жозефина умоляла Наполеона сохранить жизнь самому Кадудалю, и первый консул согласился на это, но относительно условий его согласия в литературе есть разные версии: по А. З. Манфреду, Наполеон предложил, если Кадудаль попросит о помиловании, «для начала полк под его команду»[2], и Кадудаль «ответил площадной бранью»; по А. Кастело, первый консул готов был в ответ на просьбу Кадудаля о помиловании «заменить ему смертную казнь пожизненным заключением», но Кадудаль пожизненно сидеть в тюрьме отказался.

Здесь, наверное, читатель уже спрашивает себя (и меня): а где же Пишегрю? С ним-то как обошлись?

Пишегрю не дожил до суда. 6 апреля 1804 г. он был обнаружен в своей тюремной камере мертвым. Врачи констатировали: «Шарль Пишегрю, бывший генерал, покончил с собой», а именно повесился на собственном галстуке из черного шелка. Мотивы его самоубийства до конца не выяснены. А. З. Манфред, учитывая сохранившиеся свидетельства очевидцев о том, что Пишегрю задолго до смерти впал в подавленное состояние, предполагает: «Его, видимо, угнетало, что он так плохо распорядился своей судьбой: когда-то знаменитый генерал Республики (вспомним: «спаситель отечества!». – *Н. Т.*), он стал сообщником наемных убийц»[3].

почему-то так: казнены 12 человек (С. 165). А. З. Манфред на с. 407 его цит. соч. насчитал (назвав при этом только Кадудаля) даже 13 казненных.

[1] Подробно см.: Кастело А. Бонапарт. С. 479–482; Манфред А. З. Цит. соч. С. 406–407; Нечаев С. Ю. Цит. соч. С. 158–159.

[2] Напомню читателю, что в марте 1800 г. Наполеон предлагал Кадудалю генеральский чин в своей армии. Кадудаль и тогда отказался.

[3] Манфред А. З. Цит. соч. С. 406.

Враги Наполеона сразу стали распространять версию об *убийстве* Пишегрю – якобы по личному приказу первого консула. Эта версия прижилась и в научной литературе. Не исключали ее Э. Лависс и А. Рамбо, а в наши дни ее поддерживает С. Ю. Нечаев, который, кстати, откровенно любуется в своей книге *«мужеством»* Кадудаля и его головорезов[1]. Большинство историков считают такую версию неправдоподобной. Известно, как досадовал Наполеон, узнав о смерти Пишегрю: «С его уходом из жизни, – говорил он Реалю, – мы потеряли самого лучшего свидетеля против Моро!»[2] Что же касается толков, будто Пишегрю был убит по приказу сверху, Наполеон реагировал на них презрительно: «У меня был суд, который осудил бы Пишегрю, и взвод солдат, который расстрелял бы его. Я никогда не делаю бесполезных вещей»[3].

Может быть, именно под впечатлением порочащих власть слухов об убийстве Пишегрю Наполеон выдворил с глаз долой и вон из Франции генерала Моро, чтобы в тюрьме не приключилась с ним вдруг та же история, что с Пишегрю, и не повлекла за собой появления подобных, но еще более злостных слухов.

Итак, англо-роялистский заговор 1803–1804 гг. был задуман и созрел в Лондоне, оплачен английскими деньгами, заговорщики были воодушевлены «патриотическими» (давно опостылевшими большинству французов) роялистскими идеями. Он имел под собой глубокие корни, уходившие в начало 1790-х годов, когда вся феодальная Европа во главе с буржуазной Англией ополчилась против Французской революции, а после провала антибонапартистских конспираций 1800 г. был реанимирован и вдохновлен разрывом Амьенского мира и возобновлением войны между Англией и Францией. Однако те же условия войны, которые вдохновили заговор, его и погубили, ибо они помогли Наполеону сплотить вокруг себя нацию на республиканской, антироялистской и, конечно же, антибританской основе. Более того, раскрытие заговора обеспечило первому консулу фактически общенациональную поддержку на его пути от консульского кресла к императорскому трону. Жорж Кадудаль, прежде чем взойти на эшафот, узнал, что Наполеон, хотя еще и не коронован, уже провозглашен императором. Поэтому «французский Махно» встретил свою смерть с такими словами: «Мы сделали даже больше, чем рассчитывали. Хотели вернуть Франции короля, а дали ей императора!»[4]

---

[1] См.: История XIX века. Т. 1. С. 24; Нечаев С. Ю. Цит. соч. С. 115–120.
[2] Цит. по: Кастело А. Бонапарт. С. 471.
[3] Цит. по: Тарле Е. В. Цит. соч. С. 161.
[4] Кастело А. Бонапарт. С. 482.

4. Феномен герцога Энгиенского

Об англо-роялистском заговоре Кадудаля, Пишегрю и К° можно сказать, что он был последним заговором против *гражданина Бонапарта*. С последующими заговорами придется иметь дело уже *императору Наполеону*. Но в то время, когда Кадудаль, Пишегрю, Моро и прочие ждали суда за тюремными решетками (а Наполеон еще не стал императором), их затея неожиданно и ненадолго, всего на шесть дней, получила продолжение, возымевшее столь громкий *мировой* резонанс, что отзвуки его слышны до сих пор. То был политический и юридический казус – расстрел герцога Энгиенского.

Следствие по делу о заговоре Кадудаля неминуемо вышло бы на кого-то из принцев королевской семьи Бурбонов, если бы Наполеону не подвернулся под горячую руку герцог Энгиенский. Дело в том, что с первых же арестов практически все обвиняемые (кроме Моро, который почти до конца следствия все отрицал) в своих показаниях говорили одно и то же: к решающему моменту заговора, в час икс, должен был объявиться из Англии «принц» королевского дома, имя которого никто назвать не мог. Наполеон решил, что это мог быть один из трех Бурбонов, пригретых Лондоном: граф Карл д'Артуа, его младший сын герцог Шарль Фердинанд Беррийский[1] или принц Луи Жозеф Конде. Первый консул приказал Рене Савари, который был тогда начальником тайной полиции, следить в оба за северным побережьем Франции. Савари наладил слежку образцово: все возможные пункты высадки на французскую землю из Англии были взяты под неусыпный контроль, но... прошел месяц, другой, а принц не появлялся. Однажды, как вспоминал Наполеон на Святой Елене, ему сообщили, что возле Дьеппа предполагает высадиться герцог Беррийский. Савари приготовился надлежаще *встретить* герцога. «Тот был на борту английского корабля, который близко подошел к берегу, но определенный сигнал, о котором заранее договорились, не был подан. Берри испугался, и корабль с ним отплыл от берега»[2]. В итоге к началу марта 1804 г. Савари вернулся в Париж ни с чем.

В этот момент Ш. М. Талейран и подсказал Наполеону, что все Бурбоны находятся далеко (кроме трех «лондонцев»,

---

[1] Тот самый герцог Берри, за которого в 1815 г. Александр I неудачно сватал свою сестру Анну Павловну (после того как отказал в ее руке Наполеону). 13 февраля 1820 г. герцог был убит рабочим-бонапартистом Луи-Пьером Лувелем. Этот факт отмечен как одно из европейски значимых революционных событий в строке из 10-й главы пушкинского «Евгения Онегина», которая расшифровывается таким образом: «Кинжал Л[увеля] – тень Б[ерри]».

[2] О'Мира Б. Цит. соч. С. 269.

Людовик XVIII – в России, старший сын графа д'Артуа герцог Луи Антуан Ангулемский – в Польше), а вот один из них – сын принца Конде Луи Антуан Анри де Бурбон-Конде, герцог Энгиенский – обретается совсем рядом, в четырех километрах от французской границы, на территории союзного с Францией германского княжества Баден, в городке Эттенгейм.

Момент для такой подсказки Талейран выбрал иезуитски удачно. В те дни, когда аресты заговорщиков следовали один за другим, но главный из них, Кадудаль, пока еще оставался на воле, Наполеон был вне себя от гнева и ненависти к Бурбонам[1]. «Выходит, меня, как собаку, можно пристрелить на улице, а мои убийцы – это священные коровы?!» – восклицал он. Тогда-то «хромой бес», как называли Талейрана, и ввернул, «чтобы выслужиться, – по мнению Е. В. Тарле, – и вместе с тем чтобы безопасно для себя лично отомстить ненавидевшим его роялистам: "Бурбоны, очевидно, думают, что ваша кровь не так драгоценна, как их собственная"». Именно здесь, в этом разговоре Талейрана с Наполеоном, 7 марта и было впервые произнесено имя герцога Энгиенского.

Первый консул не сразу принял решение арестовать и судить герцога. Три дня он размышлял, взвешивал все pro и contra. 9 марта был арестован Кадудаль, который подтвердил, не называя имен, участие в заговоре генералов и «принца». На следующий день Наполеон созвал необычное совещание («что-то вроде тайного совета», как определил его К.-Ф. Меневаль). В нем приняли участие все три консула, верховный судья (т. е. министр юстиции) Ренье, Талейран, Реаль, Фуше и военный комендант Парижа Мюрат.

Общеизвестно, что Наполеон «был не из тех людей, которым можно подсказывать или навязывать чужие мнения»[2]. Но прислушиваться к чужим мнениям и затем согласиться с ними или отвергнуть их, а может быть, всего лишь извлечь какое-то рациональное зернышко, он умел. На совещании 10 марта 1804 г. большинство держалось уклончиво. Категорически высказался против ареста герцога Энгиенского только второй консул Камбасерес – столь категорически, что Наполеон даже уязвил его: «Так вы, оказывается, скупы на кровь Бурбонов». Еще более решительно, но за арест герцога и за скорую расправу с ним выступили Талейран и Фуше. По меткому замечанию А. З. Манфреда, Фуше, как бывший депутат Конвента, голосовавший за казнь Людовика XVI, и энтузиаст «красного» террора

[1] См. об этом: Кастело А. Бонапарт. С. 456–457; Тарле Е. В. Цит. соч. С. 162; Мережковский Д. С. Наполеон. М., 1993. С. 183.

[2] Манфред А. З. Цит. соч. С. 397.

в Лионе, панически боялся возвращения Бурбонов, он «очень хотел бы вырыть между Наполеоном и Бурбонами непреодолимую пропасть» и полагал, что «самой глубокой может стать лишь могила умерщвленного Бонапартом принца королевского дома»[1] (а Талейран, кстати говоря, хотел бы создать между Бурбонами и Наполеоном «кровавую реку»[2]).

Наполеон явно склонялся в тот день на сторону Талейрана и Фуше. Дело не только и даже не столько в том, что он, как сказано у Е. В. Тарле, «наперед решил судить герцога военным судом, который за доказательствами гнаться особенно не будет»[3]. К 10 марта в распоряжении первого консула уже имелись серьезные, на первый взгляд, доказательства, которые, правда, надлежало бы еще проверить. Так, его агент капитан Рози, выдав себя за адъютанта арестованного генерала Моро, втерся в доверие к английскому агенту в Мюнхене Ф. Дрейку и вручил ему подложный план роялистского восстания с центром в Безансоне. Со стороны Рози это был пробный шар. Дрейк поверил ему, заявив, что «восстание лучше начинать в Страсбурге, "где у Моро много друзей", а Страсбург и был тем городом, который тайно посещал герцог Энгиенский». Дрейк даже вручил Рози «аккредитив на 10 117 фунтов 17 шиллингов и 6 пенсов» на расходы для восстания[4]. Главное же, другой агент Наполеона старший сержант Ламот выявил, что в Эттенгейме часто встречается с герцогом скандально знаменитый генерал Ш. Ф. Дюмурье, еще в 1793 г. изменивший Франции[5].

Казалось бы, доказательства причастности герцога Энгиенского к англо-роялистскому заговору налицо. «Два затруднения», которые, по мнению Е. В. Тарле, мешали Наполеону решиться на арест герцога, в действительности нисколько первого консула не затрудняли. Евгений Викторович отмечает, во-первых, что «герцог жил не во Франции, а в Бадене», а во-вторых, что «он решительно никак не был связан с открывшимся заговором»[6]. Но в том-то и дело, что к 10 марта Наполеон уже имел данные (насколько доказательные, – это другой вопрос) о заговорщических *связях* герцога, а что касается Бадена, то где бы ни жил герцог, он оставался французом и, как француз, был подсуден французской юстиции.

---

[1] Там же.

[2] Борисов Ю. В. Шарль Морис Талейран. М., 1986. С. 188.

[3] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 162.

[4] Цит. по: Кронин В. Цит. соч. С. 301.

[5] См.: Там же; Наполеон. Годы величия. С. 95; Кастело А. Бонапарт. С. 456.

[6] Тарле Е. В. Цит. соч. С. 162.

10 марта первый консул не сомневался, что герцог виновен и его надо судить, но как? Учтем, что днем ранее был арестован Кадудаль. По воспоминаниям личного секретаря Наполеона К.-Ф. Меневаля, который в те дни почти всегда был рядом со своим шефом – и наедине, и на любых совещаниях, «первоначально Наполеон склонялся к тому, чтобы одновременно судить и герцога Энгиенского, и Жоржа Кадудаля, предъявив им одно и то же обвинение. Но он не хотел приравнивать принца к человеку, которого считал обыкновенным убийцей. Затем он стал думать о том, чтобы придать суду над принцем особую важность, передав его дело в Верховный суд»[1]. Все кончилось тем, что первый консул в условиях нагнетания вокруг него страстей (по словам Фуше, тогда самый воздух в Париже, казалось, был «наполнен кинжалами»[2]) донельзя упростил всю процедуру расправы с герцогом Энгиенским.

В ночь с 10 на 11 марта большая комната в Тюильри, которая когда-то была спальней короля Людовика XVI, стала местом рокового для королевского принца совещания. Наполеон пригласил военного министра Л. А. Бертье, генерала Армана де Коленкура и Меневаля. Здесь, при свечах, склонившись над картой и с компасом в руке он не только продиктовал два приказа (Бертье – обеспечить арест герцога, а Коленкуру – дипломатическое прикрытие ареста), но и прочертил на карте кратчайший маршрут операции от Парижа до Эттенгейма. Бертье должен был отправить 200 драгун и жандармов под командованием генерала Мишеля Орденера (начальника конной охраны первого консула) в Баден, чтобы арестовать герцога Энгиенского и заодно с ним – Дюмурье, а Коленкур – доставить маркграфу Баденскому «оправдательные» документы для вторжения в Баден.

Тепрь заглянем на те же дни в Эттенгейм. Что там происходило? Как вел себя герцог Энгиенский? И действительно ли вместе с ним был Дюмурье?

Герцог был последним представителем аристократического рода Конде – боковой ветви Бурбонов. Сын принца Луи Жозефа Конде (1736–1818), главнокомандующего «армией Конде» из французских контрреволюционных эмигрантов, которая сражалась на стороне первой и второй коалиций против Франции, он доводился правнуком одному из самых выдающихся полководцев XVII в. Луи Бурбону Конде (1621–1686), прозванному «Великим». В марте 1804 г. герцогу шел 32-й год (родился 2 августа 1772 г.). Он эмигрировал из

[1] Наполеон. Годы величия. С. 96.
[2] Цит. по: Борисов Ю. В. Цит. соч. С. 187.

Франции в самом начале революции, участвовал как боевой офицер «армии Конде» в войне против своего отечества, а после Люневильского мира 1801 г. поселился в Эттенгейме. Поскольку все его имущество во Франции было конфисковано, он жил на пенсию от английского правительства (250 гиней, т. е. немногим больше 260 фунтов стерлингов в месяц)[1].

К 1804 г. герцог Энгиенский отошел от активного участия в политике. Он жил по соседству с домом кардинала Эдуарда де Рогана – того самого, который однажды поссорился с Вольтером и приказал своим лакеям избить великого просветителя палками[2]. Теперь престарелый кардинал был болен, и за ним ухаживала племянница, принцесса Шарлота де Роган-Рошфор, в которую герцог Энгиенский был влюблен с 1794 г. Поскольку принцесса ответила герцогу взаимностью, ему отныне было не до политики: влюбленные ежедневно навещали друг друга или встречались с общими друзьями – сплошь французскими эмигрантами.

Рано утром 15 марта, когда еще не вполне рассвело, герцога, его слуг и гостей, оставшихся у него на ночь, разбудил неожиданный шум во дворе – людские голоса и лошадиное ржание. Выглянув в окна, обитатели дома увидели страшную для них картину: десятки вооруженных кавалеристов соскакивали с лошадей, *обутых*, кстати сказать, в матерчатые сабо, чтобы приглушить топот их копыт, и устремлялись через двор, через сад ко всем дверям и окнам дома. То были жандармы и драгуны генерала Орденера. Через считаные минуты все находившиеся в доме герцога 12 человек были собраны в одной комнате, и жандармский полковник обратился к ним с вопросом: «Кто из вас герцог?» Наступила тревожная пауза. Жандарм стал искать свидетелей для опознания. И тогда герцог Энгиенский назвал себя.

В то же утро выяснилось, что генерала Дюмурье в Эттенгейме нет и не было вообще. Среди лиц из окружения герцога находился некий маркиз де Тюмери. Именно его фамилию в немецком произношении оплошно воспринял как «Дюмурье» старший сержант Ламот. Так одно из главных обвинений, выдвинутых против герцога, отпало, но, к несчастью для него, это нисколько не облегчило его участь.

20 марта около трех часов дня герцог Энгиенский был доставлен в Париж и к пяти часам вечера уже водворен в тюрьму Венсенского

---

[1] Подробно о герцоге Энгиенском и о суде над ним см.: Schumann M. Qui a tué le duc d'Enghien. P., 1984; Кастело А. Бонапарт. С. 455–470; Беллок Х. Наполеон. Эпизоды жизни. М., 2005 (Гл. «Герцог Энгиенский». С. 185–193); Борисов Ю. В. Цит. соч. (Гл. «Кто убил герцога Энгиенского?». С. 185–196).

[2] См.: Манфред А. З. Великая Французская революция. М., 1983. С. 44.

замка. На следующий день к нему в камеру пришли майор элитного жандармского полка Дотанкур, еще три офицера и два жандарма. Они зачитали герцогу три пункта обвинения, на которые ему полагалось ответить: во-первых, он служил в «армии Конде», сражавшейся против Республики; во-вторых, получал деньги от ее врагов из Англии; в-третьих, принимал участие в англо-роялистском заговоре с целью убить первого консула и вернуть к власти во Франции Бурбонов. Герцог отвечал с редкой в таких случаях откровенностью: «действительно сражался против Республики, как и все люди его звания; получал деньги от англичан, но это была не плата за борьбу с нынешними властями Франции, а средства к существованию, какие получали все принцы-эмигранты; ни в каком заговоре участия не принимал»[1].

Допрос был оформлен протоколом. Герцог подписал его вслед за Дотанкуром и приписал к своей подписи просьбу об аудиенции у первого консула, чтобы изложить ему лично свое дело. После этого, уже к полуночи, герцога провели в отдельный флигель под красивым названием Павильон королевы, где он предстал перед судьями военного трибунала.

Их было семеро. Председательствовал новоиспеченный (с 1803 г.) генерал Пьер-Огюстен Юлен – один из героев взятия Бастилии в первый день Великой Французской революции. Ему помогали пять полковников, в том числе будущий генерал и герой многих битв от Маренго до Ватерлоо Пьер Барруа, и один майор – тот самый жандарм Дотанкур. Генерал Р. Савари по заданию первого консула исполнял на процессе роль своеобразного контролера (как сказали бы тогда в России, – «ока Государева»).

Смертный приговор герцогу Энгиенскому был предрешен. И тяжесть обвинения, и признание герцогом его главной вины (сражался против Республики с оружием в руках), и его ненавистное для всех республиканцев кровное родство с Бурбонами, и, наконец, крайняя напряженность политической ситуации в связи с раскрытием англо-роялистского заговора, – все это настраивало суд, власть и лично первого консула на самую жестокую расправу с герцогом. «Я без колебаний заявляю, – вспоминал К.-Ф. Меневаль, – что первый консул, справедливо впадавший в ярость от гнусных заговоров, которые вынашивались против него, был готов нанести ответные удары страшной силы, на войну ответить войной <...>. Он, как мне кажется, ни на секунду не сомневался в том, что эмигранты, собравшиеся на берегах Рейна, избрали своим главарем принца из дома

[1] См.: Беллок Х. Указ. соч. С. 191.

Бурбонов и что этим главарем был не кто иной, как сам герцог Энгиенский»[1].

По воспоминаниям того же Меневаля, Наполеон лично с членами суда никак – ни устно, ни письменно – не общался, но, конечно же, был уверен, что суд определит герцогу высшую меру наказания. Так и произошло: все семь судей проголосовали за смертную казнь (по военным законам – без гильотины и виселицы, за расстрел).

Сразу после приговора герцог написал письмо Наполеону с просьбой сохранить ему жизнь и принять на службу во французскую армию. Генерал Юлен по инициативе полковника Барруа тотчас начал писать от имени суда ходатайство перед первым консулом о смягчении наказания герцогу, но Савари вырвал из рук генерала перо, заявив: «Ваше дело окончено. Остальное – уже мое дело!» Элитный жандарм Дотанкур отреагировал на все это не по-жандармски: «Я готов участвовать еще в двадцати сражениях, только бы не слышать этого приговора!»[2]

Предсмертное письмо герцога Энгиенского имеет свою историю. Его копию английский врач Уильям Уорден видел у секретаря Наполеона Э. Лас-Каза на острове Святой Елены[3]. Что касается оригинала письма, то его передал Наполеону Талейран, но уже после казни герцога[4]. Меневаль был «глубоко убежден» в том, что первый консул удовлетворился бы «унижением, которому он подверг своих врагов», показав себя вправе казнить или миловать принца крови Бурбонов, и сохранил бы жизнь осужденному, «если бы его вовремя информировали о просьбе, которую принц просил передать ему»[5].

В доказательство своей правоты Меневаль подробно рассказал, как Наполеон, будучи весь день 20 марта в Мальмезоне, приказал находившемуся с ним государственному секретарю Г. Б. Маре отбыть в Париж с письмом к Реалю. Из письма Реаль узнал бы, что ему велено выехать в Венсен, лично допросить герцога Энгиенского и доложить о результатах допроса первому консулу. Но и тут, по словам Меневаля, сказалась «та фатальность, которая предопределила весь

---

[1] Наполеон. Годы величия. С. 104.

[2] См.: Кастело А. Бонапарт. С. 465–466; Беллок Х. Указ. соч. С. 192; Тарле Е. В. Цит. соч. С. 162–163.

[3] См.: Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 45; Маршан Л.-Ж. Наполеон. Годы изгнания. Мемуары. М., 2003. С. 505.

[4] См.: Тарле Е. В. Талейран // Соч.: В 12 т. М., 1961. Т. 11. С. 72; О'Мира Б. Цит. соч. С. 211; Schumann M. Op. cit. P. 67. Вальтер Скотт оспаривал этот факт на том основании, что якобы «ни Талейран, ни кто-либо другой, кроме Наполеона, не были заинтересованы (?? – *Н. Т.*) в смерти герцога Энгиенского» (Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 386).

[5] Наполеон. Годы величия. С. 105.

ход событий в этом деле»[1]. Маре прибыл к Реалю примерно в 10 часов вечера. Реаль, не знавший за последние 8 дней ни сна, ни отдыха, только что лег спать, запретив своему камердинеру будить его до пяти часов утра. Маре оставил письмо у него в доме. Когда же Реаль на рассвете проснулся, увидел и вскрыл письмо, он помчался в Венсен, но встретил на пути туда Савари, который сказал ему, что смертный приговор герцогу уже приведен в исполнение.

Да, в два часа ночи с 20 на 21 марта в Венсенском рву у стены романтического Павильона королевы герцог Энгиенский был расстрелян. Его поставили спиной к стене. Жандармский офицер повесил ему на грудь фонарь (чтобы стрелкáм лучше была видна живая *мишень*), отступил назад и дал сигнал к расстрелу – вместо команды «пли!» снял шляпу. Шестнадцать жандармов дали прицельный залп, который поставил точку в родословной королевской династии Бурбонов.

Расстрел герцога Энгиенского стал событием международной значимости. Правда, в самой Франции, взбудораженной раскрытием англо-роялистского заговора, он, по мнению таких авторитетов, как Жан Тюлар и Винсент Кронин, «никакого впечатления на общество не произвел» и «остался практически незамеченным»[2]. Тюлар приводит даже такой пример: «...один из не уехавших в эмиграцию наиболее именитых представителей старой аристократии публично одобрил эту казнь: “Неужели Бурбоны полагают, что им будет позволено безнаказанно организовывать заговоры? Первый консул заблуждается, если думает, что не эмигрировавшее потомственное дворянство так уж заинтересовано в Бурбонах. Разве не они третировали Бирона[3] и моего предка и стольких других?”»[4].

Очень спокойно реагировали на расправу с герцогом Энгиенским власти княжества Баден. «Баденские министры, – иронизировал по этому поводу Е. В. Тарле, – были довольны, по-видимому, уже тем, что их самих не увезли вместе с герцогом, и никто из баденских властей не подавал признаков жизни, пока происходила вся эта операция» (с арестом и казнью герцога)[5]. А вот римский папа Пий VII да-

---

[1] Наполеон. Годы величия. С. 100.

[2] Тюлар Ж. Цит. соч. С. 142; Кронин В. Цит. соч. С. 300.

[3] Имеется в виду Арман Луи Бирон, герцог де Лозен (1741–1793) – с 1792 г. главнокомандующий Рейнской и с 1793 г. Итальянской армиями Французской республики. Гильотинирован по недоказанному обвинению в измене.

[4] Цит. по: Тюлар Ж. Цит. соч. С. 142.

[5] Тарле Е. В. Наполеон. С. 162. О том же см.: Борисов Ю. В. Цит. соч. С. 195.

же поздравил Наполеона с избавлением от смертной угрозы со стороны заговорщиков и убийц[1].

Зато монархические дворы и роялистски настроенные слои общества по всей Европе восприняли казнь герцога Энгиенского как «величайшее злодеяние», которое «заставляет содрогнуться всех и каждого»[2]. «Бурю гнева», «ужас и отвращение» выражали тогда все противники Французской республики и ее первого консула, причем объясняли мотивы суда над герцогом примитивно. «Суд в Венсенне, – считал, например, мудрый Ф. Р. Шатобриан, – это порождение корсиканского темперамента, приступ холодной ярости, *трусливой* (?! – *Н. Т.*) *ненависти* к потомкам Людовика XIV, чей грозный призрак преследовал (? – *Н. Т.*) Бонапарта»[3].

Громче всех, даже более яростно, чем партия войны в Англии, протестовал против расстрела герцога Энгиенского царский двор в России, где, кстати говоря (напомню читателю), за 39 лет, с 1762 по 1801, были злодейски, без суда и следствия, убиты три царя – Петр III, Иван VI и Павел I, не говоря уже о многолюдье расстрелянных, повешенных и четвертованных бунтовщиках из народа. 5 (17) апреля 1804 г. в Петербурге состоялось чрезвычайное заседание Непременного (фактически Государственного) совета. Товарищ министра иностранных дел князь Адам Ежи Чарторыйский (возглавлявший министерство после того как министр и государственный канцлер А. Р. Воронцов с января 1804 г. по болезни отстранился от дел) сообщил членам Совета: император Александр I «не может сохранять долее сношения с правительством, которое <...> запятнано таким ужасным убийством, что на него можно смотреть лишь как на *вертеп разбойников*»[4]. Непременный совет, естественно, поддержал идею самодержца – заявить «вертепу разбойников» энергичный протест против «ужасного убийства» принца монаршей крови, а при российском дворе объявить недельный траур.

Бывший тогда посланником Сардинского королевства в Петербурге идеолог европейской реакции французский эмигрант граф Жозеф де Местр свидетельствовал: «Обе императрицы[5] в слезах <...>. Император надел траур. На уведомительных билетах написано: “Обер-церемонимейстер честь имеет сообщить дипломатиче-

---

[1] См.: Борисов Ю. В. Цит. соч. С. 195.

[2] Скотт В. Цит. соч. Т. 1. С. 387; Слоон В. Цит. соч. Т. 1. С. 586.

[3] Шатобриан Ф. Р. Замогильные записки. М., 1995. С. 219. См. также: История XIX века. Т. 1. С. 24; Кронин В. Цит. соч. С. 303.

[4] ВПР. Сер. I. Т. 1. С. 692. Курсив мой. – *Н. Т.*

[5] Вдова Павла I Мария Федоровна и жена Александра I Елизавета Алексеевна.

скому корпусу, что при Дворе объявлен семидневный траур по Его Высочайшей Светлости герцогу Энгиенскому". Такой же билет был послан Гедувилю (французскому посланнику в Петербурге. – *Н. Т.*), как и во все остальные посольства. Сегодня (18 (30) апреля. – *Н. Т.*) панихида по герцогу в католической церкви; будут здешние дамы и английская посланница (супруга английского посла в Петербурге баронета Д. Б. Уоррена. – *Н. Т.*)»[1].

Если жене английского посланника сановные круги Петербурга оказывали в те дни особое почтение, то жену французского посланника Г. М. Гедувиля подчеркнуто третировали. Тот же граф де Местр вспоминал, как очевидец: «Г-жа Гедувиль осмелилась приехать к князю Белосельскому, где присутствовало более 60 персон. После ледяного приема ее оставили на отдаленном ото всех диване в обществе ее кузины, которая живет вместе с нею, и никто к ним не подходил. *Это было недурное зрелище.* Наконец, после довольно длительного ожидания, она уехала ранее чем за час до ужина, обратившись к своей кузине: "Поехали, я вижу, что обе мы здесь зачумленные"»[2].

Что касается ноты с протестом против расстрела герцога Энгиенского, то Александр I, прежде чем отправить ее Наполеону, 8 (20) апреля призвал все «имперские государства» (т. е. княжества на территории Германии, которые формально считались тогда частями архаичной Священной Римской империи) осудить, в один голос с Россией, «этот возмутительный акт злоупотребления силой и забвения всего, что есть наиболее святого»[3]. «Имперские государства» замешкались с ответом на призыв российского императора, и он сам сделал первый шаг: 30 апреля (12 мая) русский посланник в Париже П. Я. Убри вручил Талейрану ноту протеста против «нарушения, учиненного во владениях курфюрста Баденского, принципов справедливости и права, священных для всех наций»[4].

А. З. Манфред был, конечно же, прав, полагая, что «взрыв негодования, вызванный расстрелом герцога Энгиенского, объяснялся прежде всего тем, что он был принцем королевского дома, и феодальная монархическая Европа почувствовала в этой казни удар, нанесенный по ее лицу»[5]. Но почему этот взрыв сильнее всего прозвучал именно в России? По мнению Альберта Захаровича, «негодование и шум по поводу казни герцога Энгиенского становились

---

[1] Местр Ж., де. Петербургские письма 1803–1817 гг. СПб., 1995. С. 31.

[2] Там же.

[3] ВПР. Сер. I. Т. 1. С. 15.

[4] Текст ноты см.: Сб-к Русского исторического общества. СПб., 1891. Т. 77. С. 593–595.

[5] Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. С. 399.

тем сильнее, чем дальше находились негодующие от Франции», ибо находившиеся «в угрожающей близости от Франции» монархи боялись негодовать[1]. Думается, дело не в этом: едва ли тогда Россия боялась Франции. Суть в том, что Александр I лично знал герцога Энгиенского и проникся к нему симпатией с 1797 г., когда тот побывал в России и едва не женился на вел. княжне Александре Павловне, младшей сестре Александра[2], а главное, арестом и казнью герцога были задеты династические интересы российского трона. Ведь супруга Александра I императрица Елизавета Алексеевна (в девичестве Луиза Баденская) была родной сестрой герцога Карла-Людвига-Фридриха, который возглавил Баден в 1801 г. после нелепой смерти (выпал из саней) их отца Карла-Людвига Баденского[3].

Наполеон воспринял протест Александра I с мрачным юмором: «Необычайно забавен в роли блюстителя мировой нравственности человек, подославший к своему отцу убийц, подкупленных на английские деньги»[4]. 4 (16) мая первый консул через Талейрана направил Александру I свой ответ, который оскорбил царя так, как его никогда и ничто более не оскорбляло за всю его жизнь. Собственно, ответ был дан в форме вопроса: «Если бы в то время, когда Англия замышляла убийство Павла I, стало известно, что зачинщики заговора находятся в четырех километрах от границы, неужели не постарались бы схватить их?»[5] «Более ясно назвать публично и официально Александра Павловича отцеубийцей было невозможно», – так прокомментировал ответ Наполеона Е. В. Тарле[6]. В этом комментарии есть, конечно, преувеличение. Наполеон прямо не называл Александра отцеубийцей, а намекал на это. По мнению вел. кн. Николая Михайловича (официального биографа Александра I), «этот намек Наполеона никогда не был ему прощен, несмотря на все лобзания в Тильзите и Эрфурте»[7]. С той минуты, когда Александр

---

[1] Там же. С. 400.

[2] См. об этом: Валишевский К. Сын великой Екатерины. Император Павел I. Его жизнь, царствование и смерть. М., 1990. С. 299; Борисов Ю. В. Цит. соч. С. 195.

[3] См.: Исмаил-Заде Д. И. Императрица Елизавета Алексеевна. М., 2002. С. 20, 71.

[4] Цит. по: Алданов М. А. Заговор. Святая Елена, маленький остров. М., 1989. С. 376.

[5] Tatistcheff S. Alexandre I et Napoléon d'aprés leur correspondance inédite (1801–1812). P., 1891. P. 79.

[6] Тарле Е. В. Наполеон. С. 177.

[7] Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. СПб., 1912. Т. 1. С. 41.

прочел в ответ на его ноту протеста этот намек, он стал считать Наполеона своим личным врагом.

Наполеону этого было мало. Он не преминул столь же дерзко восстановить против себя всех монархов Европы, считавших его, всенародно избранного первого консула Французской республики, «исчадием революции». «Расстрелом члена королевской семьи Бонапарт объявил всему миру, что к прошлому нет возврата», – таково мнение А. З. Манфреда[1]. Оно нуждается в уточнении.

Расправа с герцогом Энгиенским (арест на чужой территории, суд и казнь по недоказанному обвинению) – это, бесспорно, второе, после расстрела пленных турок в Яффе весной 1799 г., пятно на репутации Наполеона. Здесь очень уместно звучит крылатая фраза Ж. Фуше (которую иногда приписывают Ш. М. Талейрану): «Это хуже, чем преступление, это ошибка»[2]. Сам Наполеон, хотя и не любил сваливать на кого-либо ответственность за собственные грехи, «злым гением» в расправе с герцогом считал Талейрана. Пять лет спустя, 28 января 1809 г., публично, на дворцовом приеме, столь нашумевшем тогда, в припадке гнева он обвинит «хромого беса»: «Кто меня подстрекал к наказанию этого человека, этого несчастного герцога Энгиенского? Кто мне раскрыл тайну его местонахождения?»[3] Да и поспешный расстрел герцога Наполеон позднее, уже на Святой Елене, осудил как «преступное усердие» своих слуг[4].

Но в конце концов если не казнь, то арест герцога Энгиенского и суд над ним Наполеон оправдывал государственными соображениями. За три дня до смерти он вскрыл конверт с текстом уже составленного завещания, прибавил к нему что-то и опять запечатал. Оказалась, добавлена была такая запись: «Я велел арестовать и судить герцога Энгиенского потому, что этого требовали интересы и безопасность французского народа. В то время граф д'Артуа, по его собственному признанию, содержал в Париже 60 убийц. При таких обстоятельствах я снова поступил бы так же»[5].

Тот факт, что и в изгнании до последних дней жизни, в разговорах с Э. Лас-Казом, Б. О'Мира, У. Уорденом и наконец в завещании Наполеон постоянно обращался к судьбе герцога Энгиенского, приводит нас к выводу: он претерпевал борьбу между чувством и долгом, мучился угрызениями совести. Должно быть, он вспоминал, как умо-

---

[1] Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. С. 403.

[2] Mémoires de Joseph Fouché, duc d'Otrante, ministre de la police générale. P., 1824. T. 1. P. 310.

[3] Борисов Ю. В. Цит. соч. С. 189.

[4] Schumann M. Op. cit. P. 59.

[5] Las-Cases E. Le mémorial de Sainte-Hélène. P., 1894. T. 4. P. 641.

ляла его помиловать герцога Жозефина: бросилась к его ногам и, когда он, отстранив ее, пошел к выходу из кабинета, «ползла за ним на коленях до самой двери»[1]. Близко знавший его свидетель расправы с герцогом барон Этьен-Дени Паскье так прокомментировал последнее добавление Наполеона к его завещанию: «Вопреки ему самому, я верю в его угрызения: они преследовали его до гроба. Терзающее воспоминание внушило ему прибавить эти слова в завещание»[2].

Итак, в душе Наполеон считал расстрел герцога Энгиенского излишней жестокостью. Но в принципе расправиться с «Высочайшей Светлостью», членом королевской семьи (арестовать, судить, возможно сослать его за тридевять земель, в Гвиану) за юридически не доказанную причастность к англо-роялистскому заговору первый консул намеревался с заведомой целью – дать острастку Бурбонам и предупредить европейские дворы, что против своих – явных и тайных – врагов он будет бороться беспощадно, невзирая ни на какую «голубизну» их крови. Именно в те весенние дни 1804 г. он заявил о себе: «Я – Французская революция!»[3] Это был вызов.

5. Code Napoléon

Заговоры и войны отвлекали Наполеона в годы консульства от того, что он считал тогда (и признает на склоне лет) главным делом всей своей жизни и деятельности, – от разработки законодательных основ утвердившегося во Франции после 18 брюмера 1799 г. политического и социального режима. Этот режим, по его замыслу, должен был обеспечить сохранение всех основных завоеваний революции и гарантировать Францию от реставрации феодальной монархии, но в то же время позволить ему, первому консулу Республики, закрепить все его достижения не только в нормах капиталистического общества, но и в форме *единодержавия* – нового, не феодального, а буржуазного типа. Два года, 1802–1804, от избрания Наполеона пожизненным консулом до провозглашения его императором, А. З. Манфред метко определил как «историческую интерлюдию»[4], которая нужна была Наполеону для планомерного, в ореоле законности, восхождения от консулата к империи. Гражданин Бонапарт не торопился с этим восхождением, но осуществлял его неуклонно, с тех пор как почувствовал себя в силе, а Францию – согласной на

[1] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 46 (с примеч. автора: «Я слышал от генерала Дюрока»).
[2] Цит. по: Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 183.
[3] Мемуары г-жи Ремюза. Т. 1. С. 223.
[4] Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. С. 378.

его единоличную власть (вероятнее всего, после Маренго). Именно в годы этой «интерлюдии» он пересмотрел все французское законодательство и, лично возглавив комиссию из четырех величайших профессионалов, разработал с ними новый свод законов, всемирно признанный образцовым, классическим.

В начале XX в. видный российский историк А. С. Трачевский обратился к своим читателям с такими словами: «У нас уже Петр I в 1700 г. приказал боярам “сидеть у Уложения”. Потом разные комиссии для Уложения, не исключая “Большой”[1], почти не прерывались в течение всего XVIII века, пока-то мы доросли в 1833 г. до какого ни на есть Свода. И теперь уж с каких пор сидим мы у исправления этого Свода! Мы-то вполне можем оценить такое чудо: Кодекс Наполеона был изготовлен в четыре месяца, а через полгода его обнародовали»[2].

Уникальная оперативность разработки Кодекса Наполеона объяснялась парадоксальным воздействием внутренних и внешнеполитических обстоятельств: заговоры и войны, с одной стороны, отвлекали первого консула от работы над Кодексом, но с другой – заставляли его форсировать эту работу, как выяснилось (на удивление современников и потомков), не во вред ее качеству.

Все началось с того, что 12 августа 1800 г. Наполеон учредил специальную комиссию с заданием подготовить проект Кодекса. В нее вошли четыре первоклассных юриста (самые авторитетные тогда во Франции, причем все – с умеренными республиканскими взглядами). Жан-Этьен-Мари Порталис (1746–1807), полумонархист и ярый католик, был назначен председателем комиссии. Его коллегами стали: бывший защитник Людовика XVI 74-летний Франсуа Дени Тронше (1726–1806) и бывший президент Законодательного собрания Франции 1792 г. Жан Биго де Преамене (1747–1825), а также Жак де Мальвиль (1741–1824) – при Наполеоне сенатор и граф, а при Людовике XVIII пэр и маркиз. Кстати, все четверо по юридическому статусу были адвокатами.

Почему в столь ответственную комиссию с таким сверхзначимым заданием Наполеон включил всего четырех человек? Думается, потому, что юристов такого уровня тогда во Франции больше не было (не считая Ж. Ж. Камбасереса). Разумеется, для технической работы каждый из членов комиссии имел необходимый штат помощников. Что касается Камбасереса, то он как второй консул участвовал вместе с Наполеоном (который контролировал всё и вся) в обсуждении

[1] Имеется в виду «Комиссия об Уложении» Екатерины Великой 1767 г.
[2] Трачевский А. С. Указ. соч. С. 224.

проектов комиссии. Впрочем, Е. В. Тарле предложил и такое объяснение: «Дело было колоссально трудное, и *поэтому* Наполеон назначил в эту комиссию всего четырех человек; он терпеть не мог больших комиссий, длинных речей, многочисленных заседаний»[1].

Проект Кодекса, включавший 2281 статью, был подготовлен за время с июля до декабря 1800 г. и опубликован 21 января 1801 г. Затем началось его обсуждение в Государственном совете. На это потребовалось 102 заседания. Они проходили под председательством первого (чаще всего) или второго консулов в деловых прениях при «полной свободе» различных мнений[2].

Наибольшие возражения проект Кодекса вызвал в Трибунате, где, к неудовольствию Наполеона, оживились под впечатлением роялистских заговоров и войны с Англией притихшие было после Маренго оппозиционеры. К началу 1804 г. первый консул, пользуясь тем, что у половины членов Трибуната истекал очередной срок их членства, «исключил из Трибуната всех членов, кроме 50-ти самых молчаливых[3], и кстати уж постановил, что отныне в Трибунате не будет никогда больше 50-ти человек»[4].

Окончательный текст Кодекса был подписан Наполеоном и обнародован 21 марта 1804 г., по трагическому совпадению дат – в день расстрела герцога Энгиенского. Назывался он тогда Гражданским кодексом (*Code civil*), но с 1807 г. получит название Кодекс Наполеона (*Code Napoléon*), с которым навсегда и войдет в историю, – повсеместно, не исключая России. Так, в 1811 г. Н. М. Карамзин обвинит М. М. Сперанского в том, что он вознамерился «положить Кодекс Наполеона на святой алтарь Отечества»[5].

Самые авторитетные специалисты сходятся в оценке кодекса на том, что он был задуман и действительно стал «краеугольным камнем всего юридического быта Франции»[6]. Главное, Кодекс узаконил

---

[1] Тарле Е. В. Наполеон. С. 145. Курсив мой. – *Н. Т.*

[2] Франчески М., Вейдер Б. Наполеон под прицелом старых монархий. М., 2008. С. 65.

[3] Всего в состав Трибуната входили 100 человек.

[4] Тарле Е. В. Наполеон. С. 146. О том же: Кронин В. Цит. соч. С. 244.

[5] Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. М., 1991. С. 93.

[6] Тарле Е. В. Наполеон. С. 145; Собуль А. Первая Республика. 1792–1804. М., 1974. С. 343. Текст Кодекса в рус. пер. см.: Французский Гражданский кодекс 1804 г. М., 1941. Подробно о нем: Demolombe Ch. Cours de Code Napoléon. 4 éd. P., 1866–1882. V. 1–31; Сорель А. Историко-культурное значение Французского Гражданского кодекса // Журнал Министерства юстиции. 1905. № 6; Юшкевич В. А. Наполеон I на поприще гражданского законодательства. М., 1905; Шенвиц Ф. Кодекс Наполеона. Его характер и причины распространения. Варшава, 1912; Саньяк Ф. Гражданское законодательство

сохранение великих принципов 1789 г. – таких как *равенство всех перед законом*, неприкосновенность личности и собственности, свобода совести и труда, – представ, таким образом, в глазах Франции и всей Европы как «символ революции» и ее «стабилизация»[1]. В свое время Карл Маркс верно определил, что «Кодекс Наполеона берет свое начало <...> от идей Вольтера, Руссо, Кондорсе, Мирабо, Монтескье и от Французской революции»[2]. «Можно сказать, – заключает современный французский историк Роже Дюфрес, – что Кодекс – это революция, превращенная в закон, опирающийся на власть и незыблемость общественных структур»[3].

Кодекс включал в себя три раздела: «О лицах», «Об имуществе» и «О способах приобретения собственности». Красной нитью сквозь все три раздела проходят две темы – *семья* и *собственность*, причем решения любых вопросов по каждой из двух главных тем носили подчеркнуто светский характер. Кодекс был *гражданским* в полном смысле этого слова. Он декретировал правовые нормы вне всякой зависимости от церкви, от ее догматов и обрядов.

Категорию собственности Кодекс трактовал в духе 1789 г. как «естественное право» – «право пользоваться и распоряжаться вещами самым неограниченным образом, лишь бы только его не использовали так, как это запрещено законами». При этом главное внимание уделялось *земельной* собственности – в интересах крестьянства, которое составляло тогда большинство населения Франции и лишь из рук Великой революции получило землю, личную свободу от феодалов и гражданские права. Теперь все это Кодекс закреплял за крестьянами навечно. Но вот о тех гражданах, кто никакой собственностью не владел, в Кодексе не говорилось ни слова.

Наемный труд был оставлен, как и прежде (по закону Ле Шапелье 1791 г.), на усмотрение и ведение нанимателей. «Единственными жертвами стали рабочие», – отметил Ж. Тюлар, характеризуя Кодекс Наполеона[4]. По-прежнему запрещались стачки (вплоть до самых мирных, вроде прогулов по сговору с товарищами) и сохранялись «рабочие книжки», без которых работники не могли быть приняты ни на какую работу, зато хозяева были вправе вписывать в книжки аттестацию рабочих по своему произволу. «Можно себе представить, – читаем об этом у Е. В. Тарле, – как злоупотребляли хозяева

Французской революции (1789–1804). М., 1928; Туган-Барановский Д. М. Наполеон и власть. Балашов, 1993. Гл. 5. § 3.

[1] Собуль А. Цит. соч. С. 344; Дюфрес Р. Наполеон. М., 2003. С. 86–87.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 112.

[3] Дюфрес Р. Цит. соч. С. 87.

[4] Тюлар Ж. Цит. соч. С. 140.

этой полнейшей возможностью лишить рабочего заработка и куска хлеба»[1].

Еще больше внимания, чем даже собственности, в Кодексе Наполеона уделяется семье. Председатель комиссии по выработке проекта Кодекса Ж. М. М. Порталис (надо полагать, в согласии с Наполеоном) так определил место «семейного начала» в гражданском обществе: «Наша задача состояла в том, чтобы связать нравы с законами и распространить семейное начало, которое столь благоприятно, что бы об этом ни говорили, на гражданский дух. Именно посредством малого отечества, которым является семья, привязываются к великому отечеству; хорошие отцы, хорошие мужья, хорошие сыновья как раз и являются хорошими гражданами»[2]. Очень точно сказал о статьях Кодекса, касающихся семьи, А. С. Трачевский: «Они принимают человека от колыбели и следуют за ним до гробовой доски во всех житейских отношениях»[3].

Специалисты справедливо отмечают «реакционный», восходящий к древнеримскому праву, характер статей Кодекса о власти мужа над женой и отца над детьми. Кодекс гласил: «Муж обязан защищать свою жену, жена обязана повиноваться своему мужу» (ст. 213). Соответственно отец властвует над детьми и распоряжается имуществом всей своей семьи.

При этом Кодекс всесторонне оберегал прочность брачных уз. Сам Наполеон был убежден и внушил свое убеждение членам комиссии в том, что брак должен быть гражданским, но молодожены обязаны подходить к нему ответственно. Первый консул поэтому выступил против разрешения вступать в брак девочкам с 13, а мальчикам с 15 лет, как это было узаконено ранее декретом Законодательного собрания от 20 сентября 1792 г. «Вы же не позволяете пятнадцатилетним детям заключать правомочные контракты, – заявил он авторам проекта Кодекса. – Как же вы можете разрешить им заключение самого торжественного из контрактов? Желательно было бы установить брачный возраст для мужчин в 20 лет, а для женщин – в 18. Иначе семья придет в упадок»[4].

Государственный совет пошел навстречу первому консулу и даже несколько дальше, но с оговоркой в окончательном тексте Кодекса: «Сын, которому не исполнилось 21 (а не 20. – *Н. Т.*) лет, дочь, которая не достигла 18-го года, не могут заключить брак без

---

[1] Тарле Е. В. Наполеон. С. 147.
[2] Цит. по: Собуль А. Цит. соч. С. 343.
[3] Трачевский А. С. Цит. соч. С. 224.
[4] Цит. по: Кронин В. Цит. соч. С. 243.

согласия их родителей (отца и матери); в случае разногласий достаточно согласия отца».

Пожалуй, больше всего споров в законодательных палатах при обсуждении Кодекса вызвала такая проблема семьи, как развод. В дореволюционной Франции он был запрещен католической церковью. Наполеон, преисполненный с детских лет уважения к институту семьи, был в принципе против разводов (мог ли он тогда подумать, что ему самому придется развестись с Жозефиной?). Но все-таки первый консул предложил узаконить развод – только по причинам неоспоримым, из которых он выделил три: покушение на жизнь, прелюбодеяние, импотенция. При этом, как правило (разумеется, не без исключений), развод мог быть дозволен не ранее чем через два года и не позднее чем через 20 лет после вступления в брак.

По инициативе Наполеона все с той же целью сохранения семьи в Кодекс было введено новое понятие *«полуразвод»* (раздельный стол и постель), чтобы изыскать и проверить все возможности к примирению супругов.

Наполеон не зря говорил о Гражданском кодексе 1804 г.: «Мой Кодекс». Он председательствовал на 67 из 102 заседаний Государственного совета при обсуждении Кодекса, вникал во все детали разработки каждой статьи, комментировал чужие и предлагал свои решения, причем, как свидетельствуют очевидцы, «умело контролировал свой командирский инстинкт, демонстрируя невероятное терпение, выслушивая абсолютно всех»[1]. Второй консул и первый юрист Французской республики Ж. Ж. Камбасерес, авторитетнейший член Государственного совета П. Л. Редерер, один из четырех авторов проекта Гражданского кодекса Ф. Д. Тронше единодушно восхищались «анализом и объективностью», «доходчивостью юридической терминологии», способностью первого консула так компетентно «уделять пристальное внимание в течение десяти часов тому или иному вопросу», что Камбасерес как-то «даже ему зааплодировал», а член комиссии четырех Ж. де Мальвиль удивленно воскликнул: «Откуда ему все это известно, черт подери!»[2]

Мальвиль не знал, но мы-то знаем, что Наполеон смолоду увлекался не только сочинениями Вольтера и Руссо, Гёте и Расина, но и «Дигестами» (юридическими источниками) византийского императора Юстиниана, которые, кстати, при обсуждении своего

[1] Кастело А. Бонапарт. С. 408.

[2] Там же. С. 406; Людвиг Э. Наполеон. М., 1998. С. 159; Франчески М., Вейдер Б. Цит. соч. С. 64.

Гражданского кодекса он мог цитировать наизусть целыми страницами[1].

Наполеон воздал должное авторам проекта Гражданского кодекса, повелев воздвигнуть статуи Порталиса и Тронше в апартаментах Государственного совета, но собственный вклад первого консула в работу над Кодексом был не меньше, если не больше, чем любого из юристов. «Именно он, – справедливо подчеркивает В. Кронин, – обеспечил порядок во Франции, а это есть обязательное условие для составления действенных законов. Это он обеспечил такую быструю выработку статей, это он сделал так, что Кодекс был написан не на привычном жаргоне законников, понятном только юристам, а на чисто французском языке, доступном обычному грамотному человеку с улицы»[2]. Добавим к этому перечню постоянную заботу первого консула о незыблемости глобального принципа «равенства всех перед законом» и его конкретные предложения о браках, разводах и, например, о т. н. *«родительском котелке»* (так он называл статью Кодекса, согласно которой родители должны кормить даже взрослых детей, если те обнищали).

Показательно, что Наполеон не навязывал юристам своих решений, если они возражали ему слаженно и убедительно. Так, он снял свое предложение даровать дедушкам и бабушкам право защищать юридически своих внуков и внучек от родительского произвола. Не стал он настаивать и на своих возражениях против немилосердного, как ему казалось, принципа «смерти по закону». Дело в том, что по французским законам некоторые (особенно политические) преступники считались мертвыми, даже если физически они были еще живы-здоровы. Суд лишал их гражданских прав: они не могли не предъявлять иски, ни составлять завещания. Брак с любым из них узаконенно расторгался, и жена формально становилась вдовой. Наполеон возражал: «Гуманнее просто убить такого мужа. Тогда его вдова может поставить ему памятник в саду и ходить туда плакать»[3]. Юристы, однако, не вняли возражениям первого консула: принцип «смерти по закону» сохранялся во французском законодательстве до 1854 г. – его отменит лишь Наполеон III.

По-видимому, учитывая реакционный характер отдельных статей Кодекса Наполеона, историки разных направлений (в частности, та-

---

[1] См.: Дюфрес Р. Цит. соч. С. 14. Трудно понять, почему Ж. Тюлар в его цит. соч. (С. 94, 96) называет Наполеона «профаном», «поражающим своей некомпетентностью» в области конституционного права.

[2] Кронин В. Цит. соч. С. 244.

[3] Там же. С. 242.

кие авторитеты, как Ж. Тюлар и Е. В. Тарле) рассматривают его критически: «шаг назад» от революции 1789 г.[1] В свое время Н. М. Карамзин расценил законодательство Наполеона как «шаг вперед» от революции, но в том смысле, что Наполеон «чудовище революции умертвил»[2]. На деле же Кодекс Наполеона в целом таков, что неправомерно считать его шагом *от* революции – ни назад, ни вперед. Весь он говорит сам за себя, в нем увековечены определяющие принципы 1789 г. и прежде всего – принцип социального равенства. Воистину символичен цитированный Генрихом Гейне вопль прусского фон-барона: «Хуже всего этот Code Napoléon, этот скверный кодекс, не позволяющий даже дать служанке по уху!»[3]

Поэтому надо признать, что французский историк Альбер Собуль ближе к истине в оценке Кодекса («Гражданский кодекс не отказывается ни от одного из основных завоеваний революции»[4]), чем российский академик Е. В. Тарле («Многое, данное революцией, было взято назад»[5]). Назад были взяты лишь некоторые частности, причем иные из них пересматривались еще в ходе самой революции, как, например, квалификация прав наемных рабочих по закону Ле Шапелье. Другое дело, что сам Наполеон, будучи консулом и тем более императором, позволял себе грубо нарушать собственный Кодекс.

Итак, Кодекс Наполеона с 1804 г. стал и доныне остается (с отдельными, сугубо частными изменениями) незыблемым сводом гражданского права, «подлинно “гранитной” конституцией народа Франции», как выразились Мишель Франчески и Бен Вейдер[6]. Более того, можно согласиться с Эмилем Людвигом и Дмитрием Мережковским в том, что основные положения Кодекса «и ныне главенствуют почти во всем гражданском законодательстве Европы» как его «правовой костяк»[7]. Code Napoléon действует сегодня (повторю: с отдельными изменениями) не только во Франции, но и в других, самых цивилизованных странах Европы – в Италии, Голландии, Бельгии, Швейцарии.

Кодекс Наполеона юридически закрепил и увенчал собою начавшийся после 18 брюмера 1799 г. процесс упорядочения революционного хаоса и всесторонней стабилизации Французской республики. Разгром, вслед за первой еще и второй коалиции европейских монар-

---

[1] Тюлар Ж. Цит. соч. С. 140; Тарле Е. В. Наполеон. С. 145.
[2] Известия и замечания // Вестник Европы. 1802. № 15. С. 245.
[3] Гейне Г. Собр. соч.: В 10 т. М., 1958. Т. 5. С. 83.
[4] Собуль А. Цит. соч. С. 345.
[5] Тарле Е. В. Наполеон. С. 146.
[6] Франчески М., Вейдер Б. Цит. соч. С. 65.
[7] Людвиг Э. Цит. соч. С. 156; Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 88.

хий, раскрытие и обезвреживание роялистских заговоров, подавление антиправительственных мятежей и бандитизма, мирная передышка после десяти лет губительной войны и, наконец, узаконение социальных благ от революции – все это способствовало моральному, политическому и культурному подъему в стране. Именно в годы консульства со всей очевидностью проявились основные и очень броские признаки *наполеоновского* режима как истинно *просвещенного абсолютизма*.

Все области культуры переживали при Наполеоне – с начала и до конца его правления – небывалый ранее во Франции и в мире подъем. В первую очередь это касается науки. О. В. Соколов, конечно же, прав, полагая, что, «быть может, никогда ни одна страна в мире не видела такого гигантского скачка в развитии науки, какой пережила Франция в эту эпоху»[1]. Достаточно перечислить всемирно известных (включая великих и гениальных) ученых, которые творили в годы консульства и далее, в период империи Наполеона. Вот их имена, столь громкие и значимые, что (я уверен) читатель не посетует на меня за длинный перечень:

Пьер Симон Лаплас (1749–1827) – математик, физик, астроном, автор «закона Лапласа», «теоремы Лапласа», «азимута Лапласа» и т. д., академик с 1785 г.; Жорж Кювье (1769–1832) – классик мировой зоологии и сравнительной анатомии, родоначальник палеонтологии, акад. с 1795 г.; Шарль Огюстен Кулон (1736–1806) – физик, автор «закона Кулона» и «весов Кулона», именем которого названа единица количества электричества, акад. с 1781 г.; Андре Мари Ампер (1775–1836) – физик и математик, один из основоположников электродинамики, автор «закона Ампера» и «теоремы Ампера», имя которого носят электроизмерительные приборы и единица силы электрического тока, акад. с 1814 г.; Гаспар Монж (1746–1818) – математик, автор классических трудов по геометрии («Начертательная геометрия» и др.), акад. с 1780 г.; Адриен Мари Лежандр (1752–1833) – математик, автор «многочленов Лежандра», «преобразования Лежандра», «символа Лежандра», акад с 1783 г.; Клод Луи Бертолле (1748–1822) – химик, основоположник учения о химическом равновесии, акад. с 1785 г.; Жан Батист Ламарк (1744–1829) – естествоиспытатель, предшественник Ч. Дарвина, создатель учения об эволюции живой природы (ламаркизм), акад. с 1783 г.; Этьен Жоффруа Сент-Илер (1772–1844) – зоолог, эволюционист, последователь Ламарка, акад. с 1807 г.; Жозеф Луи Гей-Люссак (1778–1850) – химик и физик, ученик Бертолле, автор «законов Гей-

[1] Соколов О. В. Цит. соч. Т. 1. С. 101.

Люссака», акад с 1806 г.; Жозеф Луи Лагранж (1736–1813) – математик и механик, акад. с 1772 г.; Пьер Франсуа Андре Мешен (1744–1804) – астроном, открывший 12 комет, акад. с 1782 г.; Жан Батист Жозеф Фурье (1768–1830) – математик и физик, автор «закона Фурье» и «ряда Фурье», акад. с 1817 г., кавалер ордена Почетного легиона, почетный член Петербургской АН; Антуан Франсуа Фуркруа (1755–1809) – химик, акад с 1785 г., почетный член Петербургской АН; Симеон Дени Пуассон (1781–1840) – физик, математик, механик, акад. с 1812 г., почетный член Петербургской АН; Жан Батист Деламбр (1749–1822) – астроном, автор 6-томной «Истории астрономии», акад. с 1792 г., почетный член Петербургской АН; Бернар Жермен Этьен Ласепед (1756–1825) – зоолог, акад. с 1795 г.; Жан Антуан Шапталь (1756–1832) – химик, акад. с 1798 г.; Антуан Луи Клод Дестют де Траси (1754–1836) – философ, экономист, акад. с 1808 г.; Жан Батист *Сей* (1767–1832) – экономист с мировым именем, главный труд которого «Трактат политической экономии» был издан в 1803 г.

Заключим этот перечень именами трех светил мировой медицины: Жан Никола Корвизар (1755–1821) – терапевт, с 1807 г. лейб-медик Наполеона, один из создателей семиотики, акад. с 1811 г.; Доминик Жан Ларрей (1766–1842) – хирург, основоположник военно-полевой хирургии, главный врач во всех кампаниях Наполеона, президент Французской АН с 1829 г.; Пьер Жан Жорж Кабанис (1757–1808) – врач широкого профиля и философ-материалист, сенатор.

Среди тех корифеев науки, которые при Наполеоне только начали восхождение к мировой славе, особенно выделялись, пожалуй, трое – Доминик Франсуа Араго (1786–1853), физик и астроном, акад. с 1809 г., почетный член Петербургской АН; Огюстен Жан Френель (1788–1829), тоже физик, один из основателей волновой оптики, автор «формул Френеля», «дифракции Френеля», «линзы Френеля» и др., акад. с 1823 г.; Огюстен Луи Коши (1789–1857), математик, автор «теоремы Коши», «интеграла Коши» и др., акад. с 1816 г.

Читатель, должно быть, заметил, что преобладают в этом перечне корифеев различных наук математики, наиболее ценимые Наполеоном, который сам был не только по особому интересу, но и по складу своего мышления математиком. Специалисты признают, что при Наполеоне «первенство Франции было столь же несомненно в математике, как и в военном деле»[1]. Впрочем, этот вывод применим

[1] История XIX века. Т. 1. С. 234.

и к естествознанию, о чем говорят имена Кювье, Ламарка, Бертолле, Гей-Люссака, Жоффруа Сент-Илера и многих других.

Наполеон не довольствовался даже таким созвездием ученых и приглашал во Францию зарубежных знаменитостей. Так, немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник Александр Гумбольдт (1769–1859), прозванный за свою научную эрудицию «Аристотелем 19-го века», с 1799 г. на 20 лет задержался в Париже, обрабатывая собранные им материалы по географии, геодезии, зоологии и пр., которые издавались при содействии Наполеона с 1807 г. в 30 томах. Другой пример: приглашение во Францию и столь же заботливая, как и в истории с Гумбольдтом, «эксплуатация» гения итальянского физика Алессандро Вольта (1745–1827), имя которого носят единица электрического напряжения (вольт) и приборы для измерения электричества (вольтаметр, вольтамперметр и др.). Всемирно прославленный новатор в области электричества Вольта в 1800 г. изобрел т. н. Вольтов столб (первый источник постоянного тока), а в 1801 г. Наполеон на льготнейших условиях пригласил изобретателя в Париж, лично пообещав ему обеспечить безопасность его переезда из Италии (и сдержал обещание). В Париже Наполеон сам приходил слушать лекции Вольта в Политехническом институте, наградил его золотой медалью и всемерно поощрял опыты над электричеством, учредив для этого крупную государственную премию в 60 тыс. франков[1].

Вообще первый консул заботился о развитии всех наук и о творческих судьбах ученых[2]. Многие из них были с ним в Египте и там, у него на глазах, отменно зарекомендовали себя и как деятели науки и просто как личности. Его пиетет к науке выразился в том, что трем академикам он доверил министерские посты[3], 17 академиков назначил в Сенат, а еще одного (зоолога!) Б. Ж. Э. Ласепеда сделал великим канцлером ордена Почетного легиона. Лаплас и Монж, как мы помним, были учителями Наполеона в Парижской военной школе, а иные из академиков (те же Лаплас и Монж, Бертолле, Сент-Илер, Ларрей) стали его друзьями.

Начиная с Итальянской кампании 1796–1797 гг. Наполеон всегда, покровительствовал ученым и поощрял их изыскания не только

---

[1] См. об этом: Известия и замечания // Вестник Европы. 1802. № 15. С. 248.

[2] См.: Крылов А. Н. Наполеон I в его отношении к науке // Мои воспоминания. Л., 1984. С. 438–450. Алексей Николаевич Крылов (1863–1945) – выдающийся советский ученый, механик и математик, акад. АН СССР.

[3] П. С. Лаплас и Ж. А. Шапталь в разное время занимали пост министра внутренних дел, А. Ф. Фуркруа – министра просвещения.

во Франции, но и в других странах, причем использовал оригинальный (характерный для него) способ поощрения. Так, например, в 1797 г. в Италии, «конфискуя, реквизируя, налагая контрибуции на папу Римского, герцогов, дожей и пр., обирая их дворцы и хранилища, он в то же самое время приказывает купить за 4 000 франков инструменты астроному Каньоли и выдать 10 000 франков в пособие веронскому ученому обществу»[1].

Совершенно иным было отношение Наполеона к литераторам, но – только к его современникам-французам (старых классиков французской литературы П. Корнеля, Ж. Б. Мольера, М. Ф. Вольтера, Ж. Б. Расина или, к примеру, У. Шекспира и современников-немцев – И. В. Гёте, Ф. Шиллера, К. М. Виланда он уважал и ценил). Французская литература при Наполеоне переживала упадок, начавшийся еще в годы Революции. Специалисты объясняют это главным образом двумя причинами. Одна из них– негативное отношение первого консула и еще более – императора к «идеологам», «моралистам», «словоплетам» и, соответственно, мелочная въедливость, жестокость, чуть ли не террор со стороны цензуры. Но при Наполеоне цензура была куда менее репрессивной, чем при Конвенте и Директории: ни один литератор не был казнен, тогда как только в 1793–1794 гг. сложили головы на гильотине Андре Шенье, Филипп Фабр д'Эглантин, Жак Ру, Клод Фоше, Жозеф Жире-Дюпре. Несколько литераторов (Деститут де Траси, Шодерло де Лакло, Д. Ж. Гара, маркиз Д. А. Ф. де Сад) посидели в наполеоновских тюрьмах, но без опасности для жизни. Де Сад, к примеру, тот самый, кто дал имя *садизму*, «пользовался там относительной свободой и даже ставил спектакли (в меру садистские, разумеется)»[2].

Сильнее сказалась другая причина упадка литературы – недостаток талантов, равновеликих классикам недалекого прошлого (Ж. Б. Мольер, М. Ф. Вольтер, Ж. Ж. Руссо, П. О. К. Бомарше) и уже очень близкого будущего (Ф. Стендаль, В. Гюго, О. Бальзак, Г. Флобер). Были, конечно, во Франции и при Наполеоне незаурядные мастера всех жанров литературы, которые, однако, не могли достичь уровня кого-либо из классиков предыдущего и последующего времени. Двое, пожалуй, самых выдающихся из них встали в идейную и политическую оппозиции к Наполеону и поплатились за это изгнанием – Франсуа Рене Шатобриан (1768–1848) и уже знакомая нам по ее историческому диалогу с Наполеоном на приеме у Талейрана 3 января 1798 г. мадам Анна Луиза Жермена де Сталь.

---

[1] Крылов А. Н. Указ. соч. С. 444.

[2] Тюлар Ж. Цит. соч. С. 226.

Роялист Шатобриан в 1802 г. выступил с книгой «Гений христианства», в которой противопоставлял революционному насилию религиозное смирение. Дважды из-за идейных разногласий с властями он эмигрировал из Франции – сначала от революции, потом от Наполеона, а после того как Наполеон был свергнут, стал идеологом реставрации Бурбонов и верным их слугой, министром иностранных дел Людовика XVIII. Что касается мадам де Сталь, она была скорее авантюристкой, чем роялисткой, на редкость даровитой и склонной изображать себя борцом за свободу личности. Сначала, как мы помним, она восторгалась генералом Бонапартом, а потом, после неудачных попыток очаровать Наполеона как женщина и как «идеолог», стала его врагом. Наполеон был буквально нетерпим к ее литературным и идеологическим амбициям, «отталкивающей напыщенности» (по выражению Стендаля) ее сочинений, хотя и признавал в ней «большой талант и большой ум»[1]. Он невзлюбил ее феминистский роман «Дельфина» (1802 г.), а книгу де Сталь «О Германии» (1810 г.) с ее явным предпочтением немецкой культуры перед французской повелел конфисковать и весь тираж уничтожить (книга была издана в 1813 г. в Англии). Сама де Сталь, скомпрометированная не только литературно, но и политически связью с генералом Ж. В. Моро, была по распоряжению первого консула выслана из Парижа (в 1803 г.), а позднее, в 1810 г., из Франции. Когда близкие к Наполеону люди заметили, что неблагородно воевать против женщины, он отрезал: «Я не считаю ее женщиной». Мадам де Сталь пять лет скиталась по разным странам, включая Россию, и лишь после свержения Наполеона вернулась на родину, где через два года и умерла.

Единомышленник, друг и любовник мадам де Сталь Бенжамен Анри Констан (1767–1830), который первым в Европе создал образец романтического героя, «сына века», в автобиографическом романе «Адольф» (1807 г.) и которого за это ценил А. С. Пушкин[2], тоже был в либеральной оппозиции к Наполеону. В 1803 г., узнав, что де Сталь выслана из Парижа, Констан эмигрировал. Через 11 лет он возвратился во Францию вместе с Бурбонами, успел печатно обругать режим Наполеона как «общественное бедствие», а самого императора как «Нерона», но тут Наполеон неожиданно для всех вновь, на «Сто дней», вернулся к власти. Констан в страхе ждал ареста и расстрела, но обруганный им «Нерон»... поручил ему составить либеральный «Дополнительный акт к конституции Империи»[3].

---

[1] Цит. по: Кирхейзен Г. Указ. соч. С. 254; Стендаль. Собр. соч. М.; Л., 1949. Т. 15. С. 240.

[2] См.: Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. С. 127.

[3] См.: Тарле Е. В. Наполеон. С. 472.

Оппозиционно к режиму Наполеона был настроен и поэт-романтик Шарль Нодье (1780–1844), будущий академик, который в 1803 г. опубликовал в Лондоне сатиру на бонапартистов под названием «Наполеонша» и, спасаясь от гнева первого консула, моментально эмигрировал.

Все остальные из числа действительно выдающихся литераторов оставались при Наполеоне более или менее лояльными его режиму, будь то консульство или империя. «Крупнейшим поэтом эпохи» считает Ж. Тюлар Жака Делиля (1738–1813) – ученика Вольтера, прославленного виртуоза-переводчика шедевров Публия Вергилия. Но, пожалуй, еще более популярным во Франции и в Европе (не исключая России) был Эварист Дезире Парни (1853–1814) – граф и акад. с 1803 г., автор поэмы «Война богов» (1799 г.), «певец сладострастия», один из любимых французских поэтов А. С. Пушкина, который, кстати, называл К. Н. Батюшкова «российским Парни»[1].

Европейски известны были тогда и другие французские литераторы: генерал (!) Пьер Амбруаз Франсуа Шодерло де Лакло (1741–1803) – автор знаменитого романа «Опасные связи» (рус. пер. в 4-х томах: 1804–1805); Жак Анри Бернарден де Сен-Пьер (1737–1814) – сочинитель романа «Поль и Виргиния»[2] и драмы «Сократ», акад. с 1803 г.; Мари Жозеф Шенье (1764–1811) – брат гильотинированного Андре Шенье, поэт, драматург, публицист, акад. с 1803 г., перу которого принадлежат республикански-вольнолюбивые (как у его брата) сочинения «Филипп II» (1803 г.) и «Тиберий» (1805 г.); Антуан Венсан Арно (1766–1834) – драматург и поэт, акад. с 1799 г., творчество которого ценили А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов[3], а Наполеон уважал и любил Арно, брал его с собой в Египет и не забыл о нем в завещании, оставив ему 100 тыс. франков[4]; Поль Луи Курье (1772–1825) – беллетрист, публицист и памфлетист, кавалер ордена Почетного легиона. Последним по времени в этом ряду выдвинулся еще при Наполеоне, но обрел мировую славу уже после него Пьер Жан Беранже (1780–1857) – истинно народный поэт Франции, стихи которого, по мнению великого И. В. Гёте, «исполнены подлинной образованности, необычайной грации, остроумия, тончайшей иронии и такого художественного совершенства, такого

[1] Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. С. 51.

[2] Этот роман с юных лет очень любил Наполеон.

[3] Там же. Т. 6. С. 246–247, 250; Арно А. В. // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 36.

[4] Завещание императора Наполеона // Наполеон. Годы изгнания. Мемуары Л.-Ж. Маршана. М., 2003. С. 744.

мастерского обхождения с языком, что поражают не только Францию, но и всю образованную Европу»[1].

Все области искусства при Наполеоне начиная с эпохи консульства переживали общий подъем с той (в отличие от науки) особенностью, что в таких областях, как скульптура и музыка, не меньшую, а то и большую роль, чем собственно французские, играли зарубежные, а именно итальянские мастера. Наполеон, будучи поклонником всех искусств и радея при этом об интересах Франции, не просто приглашал, а, можно сказать, заманивал в Париж великих скульпторов, музыкантов, певцов[2].

Впрочем, французская живопись, которая при Наполеоне была отмечена самым большим числом художественных талантов, была в то время представлена только отечественными мастерами. Царил и в живописи, и, пожалуй, во всем художественном мире наполеоновской Франции гениальный Жак Луи Давид (1748–1825) – «первый художник» и друг Наполеона, основоположник и крупнейший мастер революционного классицизма с преимущественным интересом к античности, акад. с 1784 г. и командор ордена Почетного легиона. Вдохновленный революцией 1789 г., став членом якобинского Конвента и проголосовав за казнь Людовика XVI, он начал писать картины в основном на современные темы, как два шедевра 1793 г. – «Убитый Лепелетье»[3] и «Смерть Марата».

С 1800 г. Давид написал несколько портретов Наполеона, в котором он, естественно, видел восприемника революции. Лучшие из них – «Генерал Бонапарт, главнокомандующий Итальянской армией» (1800 г.), «Бонапарт на перевале Сен-Бернар» (1801 г.), «Наполеон в своем рабочем кабинете» (1812 г.). Вершиной наполеоновского цикла и всего творчества Давида стало его грандиозное полотно (6,2×9,8 м, около 200 персонажей!) «Коронация Наполеона»: 1805–1807 гг. Эта всемирно знаменитая картина, хранящаяся в Лувре[4], восхищает зрителей композиционным и чисто художественным мастерством в отображении всех подробностей коронации

---

[1] Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1986. С. 518.

[2] Подробно о мастерах искусств наполеоновской Франции см.: Федотова Е. Д. Наполеоновский ампир. М., 2008; Durant W. D. The Age of Napoleon. New York, 1975. Chapter 12–14.

[3] Лепелетье де Сен-Фаржо Луи Мишель (1760–1793) – с июня 1790 г. председатель Учредительного собрания Франции, с августа 1792 г. член Конвента, автор «Плана национального воспитания». За день до казни Людовика XVI был убит роялистами.

[4] Другой (тоже авторский!) вариант картины хранится в Версале.

так, что о ней говорили: «Она правдивее самой правды». Возможно, в таком отзыве содержался намек на то, что Давид все же изобразил среди персонажей картины маму Летицию, которая по всем канонам должна была, но из личного каприза, а именно из-за неприязни к Жозефине, отказалась присутствовать на коронации Наполеона.

Как бы то ни было, Наполеон, впервые увидев картину, почтительно снял перед Давидом шляпу. Кстати, сам Давид был участником коронационной церемонии и писал картину, можно сказать, с натуры. Взгляд обозревателя из Большой советской энциклопедии на «Коронацию» («в ней ощутимо равнодушие художника к изображаемым событиям»[1]) представляется более чем странным.

Антироялистским убеждениям Давид остался верен до конца жизни. После реставрации Бурбонов он эмигрировал из Франции в Бельгию. Авторитет его как идеального живописца был настолько велик, что вскоре ему передали: «Людовик XVIII готов простить вас, если вы напишете его портрет». – «Отличная идея! – воскликнул Давид. – Пришлите мне в Брюссель его голову!» Когда же в Брюсселе герцог А. У. Веллингтон посетил мастерскую Давида и затем, через графиню Гатцфельд, лично знакомую с художником, попросил написать его портрет, Давид ответил: «Я не для этого дожил до 70 лет, чтобы загрязнить свою кисть. Лучше я дам отрезать себе руку, чем буду писать англичанина»[2].

Давид был не только «первым художником» Наполеона, но и главой самой выдающейся тогда в Европе художественной школы. Почти каждый из его учеников (особенно Ф. Жерар, А. Гро, Ж. О. Д. Энгр, Ж. Б. Изабе, А. Э. Фрагонар, О. Верне, А.-Л. Жироде) был знаменит сам по себе, кроме того, что он уже привлекал к себе внимание как ученик Давида. Познакомимся с ними поближе.

Франсуа Жерар (1770–1837) – «король живописцев» и «живописец королей», как называют его серьезные историки[3], – писал по заказам Наполеона (а также членов его семьи) и батальные картины, вроде экспрессивной «Атаки кавалерии императорской гвардии при Аустерлице» (1806 г.), и, главным образом, портреты, всегда отличавшиеся внешним сходством, психологизмом, яркой выразительностью. Таковы портреты Наполеона, его обеих законных супруг (Жозефины и Марии-Луизы), «польской жены» императора Марии Валевской, трех братьев-королей (Жозефа, Людовика и Жерома), всех его сестер (Полины, Каролины, Элизы) и «мамы Летиции»,

[1] БСЭ. 3-е изд. Т. 7. С. 480.
[2] Цит. по: Кузнецова И. А. Луи Давид. М., 1965. С. 213.
[3] История XIX века. Т. 1. С. 215.

портреты наполеоновских маршалов (лучшие из всех известных) – Ж. Ланна, И. Мюрата (вот еще один король), Л. Н. Даву, М. Нея и др.

Обласканный Наполеоном Жерар после реставрации Бурбонов, не в пример своему учителю Давиду, станет так же охотно писать портреты врагов Наполеона: российского императора Александра I, прусского короля Фридриха-Вильгельма III, членов семьи Людовика XVIII, который, кстати, в 1819 г. сделает Жерара бароном.

Примерно так же, хотя и с меньшим пиететом к Бурбонам эволюционировал в жизни и творчестве Антуан-Жан Гро (1771–1835) – кавалер ордена Почетного легиона при Наполеоне и барон (с 1824 г.) при Бурбонах. Один из самых авторитетных в наполеоновской Франции художников-баталистов, Гро восславил Наполеона в таких знаменитых полотнах, как «Бонапарт на Аркольском мосту» (1798 г.), «Бонапарт в госпитале чумных в Яффе» (1804 г.), «Наполеон награждает орденами Почетного легиона героев битвы при Арколе в Соборе инвалидов 15 июля 1804 г.» (1808 г.) и др. Он был лично близок к Наполеону и сам участвовал в Итальянской кампании 1796–1797 гг.: «Очень популярный в армии, – вспоминал о нем Стендаль, – Гро был едва ли не самым большим сорвиголовой»[1].

В Салоне (художественной выставке) 1804 г. молодые художники украсили венком раму картины «Бонапарт в госпитале чумных в Яффе». «В этом генерале, возбужденном и бледном, – читаем в “Истории XIX века” под редакцией Э. Лависса и А. Рамбо, – в обращенных к нему больных с воспаленными глазами и покрытым язвами телом, среди живописной обстановки моря, парусов и трехцветных знамен, они приветствовали зарю нового искусства»[2].

При Бурбонах Гро хотя и станет бароном, но уже не создаст ничего равного его лучшим творениям времен консульства и империи.

Громко звучали тогда в Европе имена и таких учеников Давида, как Жан Батист Изабе (1767–1855) и Жан Огюст Доминик Энгр (1780–1867). Каждый из них написал портреты Наполеона из ряда лучших его портретов: Изабе – портрет первого консула (1802 г.), Энгр – два портрета, причем оба они («Первый консул» 1804 г., «Император на троне» 1806 г.) «поражают своим величием, почти византийским великолепием»[3].

Молодой, но уже незаурядный художник Александр Эварист Фрагонар (1780–1850), сын великого мастера французской живописи XVIII в. Ж. О. Фрагонара, выставил в Салоне 1810 г. сразу три

[1] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 266.
[2] История XIX века. Т. 1. С. 217.
[3] Тюлар Ж. Цит. соч. С. 235.

картины, заметно обогатившие наполеоновскую иконографию: «Победа при Аустерлице», «Встреча Наполеона и Александра I на Немане», «Наполеон у гробницы Фридриха Великого».

Орас (Гораций) Верне (1758–1836) был при Наполеоне официальным живописцем-баталистом и вполне оправдывал свое назначение. Его называют даже «историографом побед Великой армии»[1]. Действительно, картины Верне с изображением битв при Маренго, Иене, Фридланде и др., кроме того, что они художественно выразительны, исторически достоверны. Наполеон очень ценил Верне и лично вручил ему орден Почетного легиона.

Верне был не только учеником Давида, но и учителем замечательного художника Теодора Жерико (1791–1824), который проникновенно изображал наполеоновских солдат и офицеров в картинах «Офицер конных егерей императорской гвардии, идущий в атаку» (1812 г.), «Раненый кирасир, покидающий поле боя» (1814 г.).

Еще один маститый ученик Давида Анн-Луи Жироде (1767–1824) отдал дань наполеоновскому ампиру картинами «Оссиан[2], встречающий тени французских воинов» (1802 г.) и «Наполеон принимает ключи от Вены 13 ноября 1805 г.» (1806 г.), а также менее удачными портретами Наполеона. В то же время он создал лучшее свое произведение, получившее мировой резонанс, – картину «Всемирный потоп» (1806 г.).

Из тех корифеев французской живописи, которые творили тогда независимо и особняком от Давида, самым выдающимся был Пьер Поль Прюдон (1758–1823). Он пользовался благосклонностью Наполеона, учил рисовать его вторую жену Марию-Луизу, был награжден орденом Почетного легиона. Прюдон ярко запечатлел не только «Триумф Бонапарта» (после Люневильского мирного договора 1801 г.), но и (аллегорически!) таинство брака Наполеона и Марии-Луизы в картине под названием «Бракосочетание Геракла и Гебы» (1810 г.), написал превосходные портреты Наполеона, его брата Жозефа, Марии-Луизы, герцогини де Монтебелло (жены маршала Ланна), Ш. М. Талейрана, несколько портретов Римского короля (малолетнего сына Наполеона).

Вне школы Давида создавал свои художественные памятники эпохи Пьер Нарцисс Герен (1774–1833). Среди них – большой холст «Бонапарт щадит мятежников Каира» (1806 г.), неоконченная карти-

---

[1] Федотова Е. Д. Указ. соч. С. 22.

[2] Оссиан – легендарный бард кельтов III века. Наполеон называл его «Северным Гомером» (Наполеон Бонапарт. Императорские максимы. М., 2003. С. 250).

на «Смерть маршала Ланна» (1811 г.) и один из официальных портретов Наполеона.

Классик французской живописи XVIII века Жан Батист Грёз (1725–1805) тоже успел откликнуться на восхождение Наполеона одним из его официальных портретов («Наполеон Бонапарт – первый консул»).

Даже «первый живописец» испанского короля Карла IV великий Франсиско Гойя (1746–1828) причастен к наполеоновской теме, во-первых, потому что он какое-то время был «придворным живописцем Жозефа Бонапарта»[1] (с 1808 по 1813 г. короля Испании), а главное, он художественно, но в публицистичной манере, *разоблачительно* отобразил – на примере Испании – агрессивность войн Наполеона. Таковы его 82 офорта под названием «Бедствия войны» (с 1810 г.) и картина «Расстрел повстанцев в Мадриде в ночь на 3 мая 1808 года) (1814 г.).

Пожалуй, единственный крупный художественный талант Франции из плеяды современников Наполеона, кто даже не коснулся наполеоновской темы, – это Луиза Елизавета Виже-Лебрен (1755–1842), акад с 1783 г., почетный член Петербургской Академии художеств, роялистка по убеждениям, автор лучшего из портретов королевы Марии-Антуанетты. С 1795 по 1801 г. она жила в России, где писала портреты членов царской семьи, в том числе императора Александра I и его жены, императрицы Елизаветы Алексеевны, но в 1809 г. вернулась навсегда во Францию.

В искусстве скульптуры царил при Наполеоне (хотя и не столь абсолютно, как Давид в живописи) иностранец, сын итальянского каменотеса (!) из деревни Пассаньо, первый скульптор Европы в XIX в. Антонио Канова (1757–1822). Наполеон дважды очень настойчиво приглашал его в Париж на постоянное жительство, но тот бывал в столице Франции лишь наездами (хотя и подолгу) для работы над очередными заказами, предпочитая оставаться на родине, в Италии. Тем не менее сделал он для прославления личности, семьи и деяний Наполеона очень много, и все – на высочайшем уровне.

В 1802 г. Канова изваял бюст Наполеона – первого консула, который послужил ему основой для монументальной, высотою почти в 3,5 м и весом в 13 тонн, мраморной статуи «Наполеон в образе Марса-Победителя» (1811 г.). Стремясь придать этому образу античное величие полубога, если не самого Бога, Канова представил императора в «героической наготе» с атрибутами победы (сфера с крылатой Викторией, меч и копье). Сам Наполеон был шокирован таким

[1] Тюлар Ж. Цит. соч. С. 236.

его изображением и «запретил его выставлять»[1], но Канова настоял на своей трактовке образа, а Давид признался ему не без зависти: «Вы сделали для человечества то, о чем каждый смертный мечтал бы»[2].

Великолепны, обречены на бессмертие и другие скульптуры Кановы. Среди них – портреты матери и любимой сестры Наполеона: «Летиция Рамолино-Бонапарт в образе императрицы Агриппины»[3] (1808 г.) и «Полина Боргезе в образе Венеры-Победительницы» (1805–1808 гг.). Напомню читателю, что Антонио Канова, как и ряд других европейских знаменитостей того времени, тоже был связан с Полиной Боргезе «узами любви».

Судьба «Наполеона в образе Марса» (как, впрочем, и его создателя) необычна. В 1816 г. правительство Англии купило статую у Людовика XVIII, чтобы подарить ее победителю Наполеона при Ватерлоо герцогу А. У. Веллингтону. Л. А. Бурьенн вспоминал в 1820-е годы: «Лорд Веллингтон владеет ныне этой колоссальной статуей. Высота ее такова, что, – как говаривал лорд Байрон, – смотря сзади, середина тела Наполеона приходится точно наравне с Веллингтоном»[4]. Что же касается самого Кановы, то его биографы, судя по всему, не доверяют версии Ф. Р. Шатобриана, утверждавшего, что Канова, «подобно Гужону[5], погиб, сорвавшись с лесов»[6].

Все отечественные скульпторы в наполеоновской Франции уступали Канове, хотя иные из них тоже были превосходными мастерами. Жан Антуан Гудон (1741–1828) был признан одним из крупнейших мастеров скульптурного портрета. Он прославил себя еще в XVIII в., создав психологически многогранные памятники Руссо (1778 г.) и Вольтера (1781 г.), а в 1806 г. по заказу Наполеона изваял статую (в рост) Вольтера для его гробницы в Пантеоне и едва ли не самый психологичный скульптурный портрет императора в историческом костюме полковника артиллерии.

Впрочем, сам Наполеон считал своим любимым скульптором Антуана Дени Шоде (1763–1810) – акад. с 1805 г., кавалера ордена

---

[1] Тюлар Ж. Цит. соч. С. 237.

[2] Цит. по: Федотова Е. Д. Цит. соч. С. 34.

[3] Агриппина Младшая, Юлия (15–59) – дочь императора Гая Калигулы и мать императора Нерона. Ее античная статуя, послужившая для Кановы образцом, хранится в Капитолийском музее Рима.

[4] Durant W. D. Op. cit. P. 555; Бурьенн [Л. А.] Цит. соч. Т. 3. Ч. 5. С. 26. Е. Д. Федотова в ее цит. соч. дважды (С. 260, 482) повторяет абсолютно неправдоподобную версию: «Наполеон подарил (?? – *Н. Т.*) свою статую работы Кановы Веллингтону».

[5] Согласно легенде, Жан Гужон – выдающийся скульптор эпохи Возрождения – в Варфоломеевскую ночь был сброшен с лесов в Лувре.

[6] Шатобриан Ф. Р. Цит. соч. С. 371.

Почетного легиона, автора бронзовой статуи Наполеона на Вандомской колонне (1808–1810 гг.) и (по заказу Наполеона) надгробия на могиле Карло Бонапарте. Республиканец и бонапартист Франсуа Рюд (1784–1855), бывший при Бурбонах в эмиграции, после июльской революции 1830 г. занялся возрождением наполеоновского апофеоза. В 1833–1836 гг. он изготовил потрясающий рельеф «Марсельеза» для Триумфальной арки в честь побед Наполеона, а в 1852–1853 гг. соорудил памятник маршалу М. Нею на площади Обсерватории в Париже (на той самой, где Ней был расстрелян карателями Бурбонов).

Самым плодовитым скульптором-портретистом и при первом Наполеоне, и при последних Бурбонах оказался Франсуа-Жозеф Бозио (1768–1845), которого Ж. Тюлар ставит выше Антуана Шоде. В годы Империи Бозио мастерски ваял скульптуры Наполеона, Жозефины, Римского короля, Полины, Гортензии, Жерома, Талейрана, выполнил барельеф на Вандомской колонне, а после отречения Наполеона в 1814 г. успел соорудить скульптуру Людовика XVIII, а затем и Людовика XVI, Людовика XIV, Карла X[1].

Архитектура в наполеоновской Франции не блистала такими талантами, как живопись, скульптура, театр, музыка, но тем не менее и в этой области творили добротные мастера, которым удавались выдающиеся свершения. Так, навсегда вошли в историю не только французского, но и мирового зодчества имена любимых архитекторов Наполеона Пьера Фонтена (1762–1853) и Шарля Персье (1764–1838)[2], которые спроектировали Триумфальную арку на пл. Карусель в честь победы при Аустерлице (1806–1808 гг.). Еще более величественная Триумфальная арка на площади Звезды (50 м высотой и 45 м шириной) была воздвигнута в 1806–1837 гг. во славу побед наполеоновской Великой армии по проекту Жана Франсуа Шальгрена (1739–1811).

Шедевром наполеоновского ампира стало, конечно, и творение архитекторов Жана Батиста Лепера (1761–1844) и Жака Гондуэна (1737–1818) – парижская Вандомская «колонна побед» Великой армии, сооруженная в 1806–1810 гг. по образцу колонны Траяна в Риме из бронзы 1200 неприятельских орудий, увенчанная скульптурой Наполеона, автором которой был А. Д. Шоде. Наконец, в этом ряду классических памятников эпохи следует назвать громадную

---

[1] Подробно о Бозио см.: Dictionnaire Napoléon. T. 1. P. 285–286.

[2] П. Фонтен и Ш. Персье – учителя знаменитого архитектора О. Р. Монферрана, строителя Исаакиевского собора и Александровской колонны в Петербурге.

церковь Ла Мадлен в Париже (Храм славы Великой армии[1]). Проект этого храма разработал Пьер Александр Виньон (1763–1828).

Если в архитектуре при Наполеоне среди лучших мастеров вообще не было иностранцев, то в музыке (включая музыкальный театр) они даже преобладали над отечественными корифеями. Разумеется, проявили себя и здесь собственные, взращенные в самой Франции таланты, но среди самых выдающихся музыкантов эпохи можно назвать, пожалуй, всего лишь три французских имени. Первый из них по значению, безусловно, Франсуа Жозеф Госсек (1734–1829) – родоначальник французской симфонии и автор 20 опер, профессор Парижской консерватории 1802–1814 гг., кавалер ордена Почетного легиона. По приглашению Наполеона он участвовал в организации празднеств и давал концерты в Тюильри. Видное место в музыкальной жизни наполеоновской Франции занимал и Андре Гретри (1741–1813) – «Мольер музыкальной комедии», как его называли, автор свыше 50 опер, которые ставились не только на французских, но и на немецких, итальянских, швейцарских, российских сценах. Третий французский композитор той эпохи Рудольф Крейцер (1766–1831) тоже писал оперы, был профессором Парижской консерватории и главным дирижером театра Гранд-Опера, но прославился как великий скрипач, соперник самого Паганини. Это ему Л. Бетховен посвятил в 1803 г. сонату для скрипки и фортепиано (т. н. Крейцерову сонату).

Менее известны были композиторы Анри Бертон (сын певца Пьера Бертона), Этьен Мегюль и Николя Далейрак, которые, однако, тоже имели большой успех у самой разной публики от простонародья до знати. В 1811 г. дебютировал с оперой «Юлия» знаменитый впоследствии Даниэль Франсуа Эспри Обер (1782–1871) – автор классических опер «Фра-Дьяволо», «Манон Леско», «Бал-маскарад» и др.

Царили во Франции как музыканты, конечно же, итальянцы, которых Наполеон считал своими соотечественниками не в меньшей (если не в большей) мере, чем французов. Любимым композитором первого консула был Гаспаре Спонтини (1774–1851), который с 1803 по 1820 г. жил в Париже, где сочинил и поставил свои лучшие оперы «Весталка» (1807 г.) и «Фернан Кортес» (1809 г.). Не меньшей популярностью во Франции пользовались Луиджи Керубини (1760–1842) – автор опер «Два дня» (1800 г.; в России была известна под

[1] Первоначально церковь Мадлен действительно была задумана как храм славы Великой армии Наполеона, однако после поражения, нанесенного Франции русской армией в 1812 г., этот план не был реализован. – *Примеч. ред.*

названием «Водовоз») и «Пигмалион» (1809 г.), и Джованни Паизиелло (1740–1816), в 1776–1783 гг. служивший придворным капельмейстером в Петербурге, а с 1802 г. – в Париже; он написал больше 100 (!) опер. Паизиелло считали «соперником Россини»[1]. Джоакино Антонио Россини (1792–1868) был в те времена еще молод, но уже составил себе имя, сочиняя в 1810–1813 гг. по нескольку музыкально-драматических произведений ежегодно, в том числе оперы «Итальянка в Алжире» и «Танкред» по трагедии Вольтера. В 1813 г. он заключил контракт с импресарио в Неаполе, где королем тогда был зять Наполеона Иоахим Мюрат[2].

Подлинным украшением музыкальной жизни во Франции при Наполеоне были концерты, с которыми выступал в театрах и дворцах величайший скрипач всех времен и народов итальянец Никколо Паганини (1782–1840). Генрих Гейне в новелле «Флорентийские ночи» неподражаемо описал свои впечатления от игры Паганини: «О, это было тающее, сладострастно изнемогающее блаженство! <...> Это был человек-планета, вокруг которого с размеренной торжественностью, в божественном ритме вращалась вселенная»[3]. В Париже Паганини всегда имел триумфальный успех. Во Францию его влекли две причины. Во-первых, напомню читателю, что он был связан «узами любви» с Полиной Бонапарт – любви едва ли долгой и, со стороны Полины, взаимной, засвидетельствованной современниками[4]. А главное, Паганини восторгался гением Наполеона, он написал сонату «Наполеон» и производил фурор, исполняя ее в столице Франции[5].

Неоднократно выступал в Париже с концертами классик австрийской и мировой музыки, член Национального Института Франции с 1801 г. Йозеф Гайдн (1732–1809). Торопясь на премьеру именно его оратории «Сотворение мира» 24 декабря 1800 г., Наполеон и Жозефина едва не стали жертвами адской машины роялистов. Зато Гайдн получил из Парижа медаль в честь этого исполнения оратории. «На лицевой стороне художник изобразил портрет Гайдна, а на обратной – звездную корону и над ней лиру, а также дату и надпись, в честь какого события отлита медаль»[6]. В Париже было издано полное собрание квартетов Гайдна.

---

[1] Тюлар Ж. Цит. соч. С. 241.

[2] См.: Dictionnaire Napoléon. T. 2. P. 664.

[3] Гейне Г. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. С. 370, 374.

[4] См.: Тибальди-Кьеза М. Паганини. М., 1981. Гл. 5: «Паолина Бонапарт, Красная Роза».

[5] См. там же. С. 40, 50.

[6] Новак Л. Йозеф Гайдн. Жизнь, творчество, историческое значение. М., 1973. С. 421.

Совершенно особая тема – Наполеон и Бетховен. Величайший композитор-симфонист Людвиг ван Бетховен (1770–1827) был восхищен деяниями и самой личностью Наполеона как полководца и главы Французской республики, посвятив ему весной 1804 г. свою Третью («Героическую») симфонию. «Симфония, собственно, имеет название "Бонапарт"», – уведомил композитор своего нотоиздателя Г. Гертеля[1]. Но после того как *гражданин* Бонапарт короновал себя, став (для Бетховена в один ряд с другими монархами) *императором* Наполеоном, композитор изменил посвящение: «Героическая симфония в честь памяти великого человека»[2]. Это «в честь памяти» звучит как реквием: Бонапарт – «великий человек» – словно бы умер для Бетховена.

Главные роли в музыкальных театрах Франции при Наполеоне с наибольшим успехом исполняли зарубежные, почти исключительно итальянские певцы, которые часто и подолгу гастролировали в Париже (где, кстати, процветал особый театр Итальянской оперы), а при случае и в других городах. Правда, вровень с ними блистал в Итальянской опере испанец, певец (тенор) и педагог Мануэль дель Пополо Висенте *Гарсиа* (1775–1832) – отец двух великих певиц, считавшихся французскими: Марии Малибран и Полины Виардо. Самым выдающимся артистом Итальянской оперы в Париже был Джироламо Крешентини (1762–1846) – один из последних и наиболее знаменитых певцов-кастратов. В 1808 г. он получил от Наполеона орден Железной короны. Рядом с ним властвовала на оперной сцене уже знакомая читателю Джузеппина Грассини, по авторитетному мнению Стендаля, «самая знаменитая и обворожительная артистка того времени»[3]. Соперница Грассини, тоже постоянно гастролировавшая в Париже, с 1814 г. – художественный руководитель Итальянской оперы, Анжелика Каталани (1780–1849) обладала голосом, в котором, как вспоминал о ней Ф. Ф. Вигель, «были все ноты, от тонкого сопрано до густого баса»[4], но в артистизме она уступала Грассини, поэтому Наполеон ценил ее меньше.

Из французских вокалистов не затерялся в этой компании мировых звезд, может быть, только Пьер-Жан Гара (1764–1823). Именно он выступал солистом на премьере «Сотворения мира» Гайдна в роковой день 24 декабря 1800 г.

Зато французский *балет* обходился при Наполеоне собственными звездами. Среди них выделялись: Жан Доберваль (1742–1806) –

---

[1] Письма Бетховена (1787–1811). М., 1970. С. 203.
[2] Там же. С. 21.
[3] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 266.
[4] Вигель Ф. Ф. Записки: В 2 кн. М., 2003. Кн. 2. С. 1013.

танцовщик и балетмейстер, учитель великого Шарля Луи Дидло, того самого (напомню читателю), который до отъезда в Россию бесподобно выступал на домашних спектаклях в Мальмезоне перед Наполеоном и Жозефиной; Пьер Гардель (1758–1840) – артист и главный балетмейстер Парижской оперы в 1787–1827 гг.; Огюст Вестрис (1760–1840) – премьер-солист французского балета, который первым ввел в мужской танец прыжки и пируэты.

Что касается драматического театра, то в нем – во многом благодаря личному вниманию со стороны Наполеона, который ставил драму выше балета и даже оперы, – годы консульства и империи стали временем небывалого до тех пор расцвета отечественного искусства. Показательно, что и здесь, как в живописи царил Давид, а в скульптуре Канова, был свой «царь» – Франсуа Жозеф Тальма (1763–1826), личный друг и Давида, и самого Наполеона, революционер и бонапартист, основатель Театра Республики (1791–1799 гг.) и общепризнанный лидер главного театра Франции Комеди Франсез. Кстати говоря, ныне действующий устав Комеди Франсез Наполеон утвердил осенью 1812 г., будучи в Москве, специальным «Московским декретом».

Тальма – один из великих мастеров не только французского, но и мирового театра, потрясавший зрителей разных стран исполнением трагических и героических ролей. Наполеон ценил его больше, чем кого-либо из театрального мира, и, как мы еще увидим (во втором томе «Наполеона Великого»), возьмет его с собой в Эрфурт на свидание с Александром I, где соберутся кроме двух императоров короли саксонский, баварский, вестфальский, вюртембергский, герцог Веймарский и многие германские князья. Наполеон так и скажет Тальма: «Вы будете играть перед *партером королей*!»[1]

Как известно, Тальма дружил с Наполеоном, когда тот был еще только бедным артиллерийским капитаном, доставляя будущему императору контрамарки в театр, ссужал его деньгами и книгами. Их дружба не прерывалась вплоть до «Ста дней» Наполеона. По словам самого Тальма, он относился к Наполеону с «чувством безграничного восхищения»[2].

Долгое время предметом догадок и светских сплетен оставался пылкий роман Тальма с любимой сестрой Наполеона Полиной, которая тогда была замужем за итальянским князем Камиллом Боргезе, но в разладе с ним[3]. Со временем обнаружились черновики страстных писем Тальма к Полине, которые не оставляют сомнения в том,

---

[1] Цит. по: Дейч А. И. Франсуа Жозеф Тальма. С. 195.
[2] Тальма Ф. Ж. Мемуары. М.; Л., 1931. С. 286.
[3] Подробно об этом см.: Дейч А. И. Цит. соч. С. 199–202.

что больше года Полина отвечала первому актеру Франции взаимностью. Некоторые письма цитирует в своей книге о Тальма советский театровед А. И. Дейч. Вот фрагмент одного из них: «Сокровище мое, в ожидании момента, когда я смогу заказать браслет из волос, что ты мне подарила, я спрятал их в платок с теми, что были у меня раньше, и ношу их на сердце»[1].

Современниками Тальма были и другие корифеи сцены, которые в годы консульства и Империи прославили французский театр, а вместе с ним и себя лично. В первую очередь это учитель самого Тальма, блистательный комик, если не сказать сатирик, Жан Батист Дюгазон (1746–1809) и, выражаясь современным языком, такие две суперзвезды, как мадемуазель Марс и мадемуазель Жорж.

С мадемуазель Жорж (прославленной на всю Европу актрисой, настоящее имя которой Маргерит Жозефин Веймер) читатель уже знаком. Познакомимся теперь и с мадемуазель Марс. Это – псевдоним Анн Франсуаз Ипполит Буте (1779–1847), яркой актрисы, виртуозная игра которой в ролях первых любовниц являла собой, по свидетельству такого знатока-очевидца, как Стендаль, «просто вакханалию красоты»[2].

После отъезда мадемуазель Жорж в Россию (1808 г.) ведущей трагической актрисой Франции стала Катрин Дюшенуа (1777–1835), которая, по слухам, была одной из любовниц Наполеона. В комических ролях не имела соперниц Луиз Франсуаз Конта (1760–1813), которой доводилось выступать и перед Наполеоном. Героические роли (цариц, королев, императриц) лучше всего удавались актрисе Рокур (настоящее имя – Франсуаз Мари Сосерот: 1756–1815). Наполеон очень ценил ее. В 1807 г. по его поручению Рокур возглавила передвижную группу французских актеров в Италии.

Итак, не только экономика и социальные отношения, но и образование, наука, литература, искусство переживали в годы консульства и, как мы еще увидим, в период империи (несмотря на непрерывные с 1803 г. войны!) небывалый ранее во Франции и во всей Европе подъем. Сама возможность такого подъема была обусловлена завоеваниями Великой революции 1789 г., которая провозгласила и гарантировала *равенство прав человека и гражданина*. Но реализовать эту возможность удалось только благодаря колоссальной энергии Наполеона. Никто другой не смог бы в условиях, когда Францию сотрясали партийные распри и перевороты, гражданская война

[1] Дейч А. И. Цит. соч. С. 200.
[2] Стендаль. Собр. соч. Т. 15. С. 143.

в Вандее, заговоры роялистов, кровопролитные войны с двумя первыми (1792–1802 гг.), а затем и с пятью следующими коалициями европейских монархий, навести порядок в стране, стабилизировать ситуацию и узаконить постреволюционный режим – помимо общих статей Конституции конкретными правовыми нормами Гражданского кодекса.

Трудно представить себе, как успевал первый консул и будущий император вникать буквально во все (вплоть до мельчайших деталей) государственные и военные, экономические и социальные, религиозные и культурные проблемы. Его высочайшая репутация как лидера нации и личные (нередко дружеские) связи с корифеями науки, литературы, искусства, конечно, помогали ему задумывать и осуществлять любое дело и при необходимости ускорять осуществление задуманного. Вот, казалось бы, мелкий, но характерный штрих. В апреле 1806 г. Наполеон пишет коротенькую записку министру внутренних дел Ж.-Б. Шампаньи: «Когда будет закончен перевод географии Страбона?» «Наверное можно сказать, – комментирует этот факт акад. А. Н. Крылов, – что после этого перевод пошел быстро»[1].

Наполеона воспринимают прежде всего как *военного* гения. Но не менее велик он и как государственный деятель, администратор, законодатель, творец Гражданского кодекса. Его Кодекс стал основой развития гражданского общества в Европе с тех пор и до наших дней. Очень точно выразился Д. С. Мережковский: «Кодекс всемирен, так же как и Революция»[2]. Поэтому и поклонники Наполеона, и его критики признают, что Гражданский кодекс – «самое благородное творение» его гения (Стендаль[3]), «одного Code Napoléon было достаточно, чтобы составить славу для законодателя» (А. К. Дживелегов[4]). Сам Наполеон хорошо это понимал. «Моя истинная слава не в том, что я выиграл 50 сражений; одно Ватерлоо зачеркнуло их все. То, что будет жить вечно, – это мой Гражданский кодекс»[5], – так подвел он на острове Святой Елены главный итог своей жизни.

---

[1] Крылов А. Н. Цит. соч. С. 450. Страбон (63 до н. э. – 24 н. э.) – древнегреческий историк и географ. «География» в 17 книгах – его главный труд.

[2] Мережковский Д. С. Цит. соч. С. 177.

[3] Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 32.

[4] Дживелегов А. К. Александр I и Наполеон. С. 120.

[5] Цит. по: Манфред А. З. Цит. соч. С. 430.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проследив жизненный путь Наполеона, еще до того как он стал императором, удивляешься его феноменальной неповторимости: сын заштатного дворянина-островитянина, в 22 года лейтенант, в 24 – генерал, в 28 – всемирно прославленный полководец, которого уже тогда ставили в один ряд с Ганнибалом и Цезарем, в 30 лет – завершитель величайшей из революций, повелитель Франции, ее реформатор и законодатель. В следующие 15 лет и 100 дней он познает еще более высокие взлеты, но уже и падения – от Москвы до Парижа и от одного острова (Эльба) до другого (Святой Елены). Как бы то ни было, о нем уже в 1799–1804 гг. можно было сказать, что мир не знал другого примера столь головокружительной карьеры. Генерал М.-С. Фуа, соратник Наполеона, так вспоминал о нем: «Подобно богам Гомера, он, сделав три шага, был уже на краю света»[1].

В самом деле, к 1804 г. Наполеон успел поразить мир своими военными победами на просторах Италии и Египта, сразу же и навечно запечатленными в истории: Лоди и Арколе, Кастильоне и Риволи, Пирамиды и Маренго были тогда у всех на устах. Но еще более значимыми, как выяснилось впоследствии, стали и для Франции, и для всей Европы его мирные свершения: это он «упорядочил хаос» революции 1789 г., положил конец партийным распрям, политическому террору, бандитизму и роялистским заговорам, восстановил разрушенный и поруганный статус религии при полной свободе вероисповеданий и, главное, при сохранении светского характера государства. Он завоевал для Французской республики мир после 10-летнего кровопролития (оказалось, ненадолго, но в этом не его основная вина) и стабилизировал внутреннее положение в стране, закрепив стабилизацию своим Гражданским кодексом.

[1] Цит. по: Давыдов Д. В. Соч. М., 1962. С. 174.

Выдающийся российский «наполеоновед» Е. В. Тарле подчеркивал, что вся политика Наполеона как первого консула, а тем более как императора, строилась в интересах «французской крупной буржуазии, диктатуру которой он стремился утвердить», «отметая прочь все тенденции, которые выражали демократические стремления мелкой буржуазии»; поэтому, мол, «его ни в какой степени нельзя считать "завершителем" революции, а с полным правом необходимо считать ее ликвидатором»[1]. Такая точка зрения в советской историографии была общепринятой. Сегодня же не только зарубежные, но и российские историки в большинстве своем признают, что социальная база наполеоновского режима была гораздо шире. Она включала в себя не только крупную буржуазию («толстосумов от революции», как выразился Ж. Тюлар[2]), но и среднюю, и мелкую, вплоть до бедных крестьян, но *собственников* – всех тех французов, которые значились до революции как «третье сословие» («tiers état»)[3]. Наполеон прямо говорил: «Те, кто раньше назывался "третьим сословием" – самая здоровая часть населения, имеющая самые широкие и самые тесные связи с правительством»[4]. Это бывшее «третье сословие» составляло громадное большинство нации. Оно решительно поддержало режим первого консула (и отчасти по инерции – императора), став его социальной опорой, поскольку обрело в результате революции и закрепило за собой по Конституции 1799 г. и Кодексу Наполеона два самых главных из жизненных благ – гражданскую свободу и собственность.

Мало того, даже люди из первых двух сословий, бывшие дворяне и священнослужители в немалом числе решили сотрудничать с первым консулом, благодаря его мудрому политическому курсу на общенациональное единение по принципу «Ни красных колпаков, ни красных каблуков!». Важную роль при этом сыграл его декрет 26 апреля 1802 г. о всеобщей политической амнистии, вследствие которого из общего числа примерно в 200 тыс. политэмигрантов до половины вернулись на родину. Наполеон был вправе похвалить себя: «Я всех завернул в мою консульскую тогу»[5].

Можно, правда, не без оговорок, согласиться с А. З. Манфредом в том, что первый консул после покушений на его жизнь в октябре–декабре 1800 г. «установил милитаристско-деспотическую диктату-

---

[1] Тарле Е. В. Наполеон. М., 1992. С. 146, 525–526.

[2] Тюлар Ж. Наполеон, или миф о «Спасителе». М., 1996. С. 372.

[3] Первые два сословия в дореволюционной, феодальной Франции составляли дворянство и духовенство.

[4] Цит. по: Вейдер Б. Наполеон. Триумф, трагедия, убийство. М., 2005. С. 68.

[5] Там же.

ру», придав ей, однако, «возвышенное и благородное обоснование»: первый консул – это «высший национальный арбитр», «он стоит над партиями, он выше партий, он представляет и защищает интересы нации в целом»[1]. Разумеется, в этом «обосновании» много от демагогии, но была и видимая (в глазах миллионов граждан заслонявшая собой все) реальность. Главное, Наполеон считал незыблемыми, сохранял и защищал выкованные в огне революции новые, антифеодальные устои, дав повод Адаму Мицкевичу заявить: «Наполеон – это революция, ставшая законной властью». Тем самым он сплачивал вокруг себя нацию. Слава великого полководца, так льстившая сердцам его соотечественников, поднимала и укрепляла его авторитет. Одни французы были ослеплены его славой, другие ради нее прощали ему деспотический façon ďagir[2].

Впрочем, пресловутый наполеоновский деспотизм в годы консульства был более исторически обусловлен и менее автократичен, чем в период империи, когда усугубится все – и экономические противоречия в недрах зарождавшегося капитализма, и феодальные амбиции европейских монархий, и, конечно же, властолюбие Наполеона (читатель, должно быть, не забыл его признания: «Моя любовница – власть»). Время консульства – самое благородное, плодотворное, светлое в жизни и деятельности Наполеона. Как-то, уже в изгнании на острове Святой Елены, он задался вопросом: «Что можно поставить мне в вину, от чего историк не сумел бы защитить меня?»[3] На этот трудный вопрос вполне уместен простой ответ: до 1804 г. – нечего. А вот после 1804 г., когда первый консул обратился в императора, историки заслуженно инкриминировали ему многое.

Едва ли не главное обвинение, которое предъявляется не только императору Наполеону, но отчасти и первому консулу, это агрессивность его внешней политики, тот факт, что он много и неправедно воевал. Здесь повторю уже сказанное во введении обо *всех* десяти войнах Наполеона-императора: в восьми из них он не был зачинщиком, феодальные монархи вынуждали его воевать. Остроумно комментирует этот факт А. П. Никонов: «Мир – это все, что было нужно Наполеону. Поэтому он все время воевал»[4]. Что же касается пяти лет консульства, за это время, как мы видели, Наполеон выиграл одну войну (у второй европейской коалиции) и был втянут в другую – с третьей коалицией, которую составили Англия, Россия, Австрия, Турция, Швеция, Дания, Неаполитанское и Сардинское королев-

---

[1] Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. 3-е изд. М., 1980. С. 390, 391.
[2] Образ действий (*франц.*).
[3] Наполеон Бонапарт. Императорские максимы. М., 2003. С. 158.
[4] Никонов А. П. Наполеон: Попытка № 2. М.; СПб., 2008. С. 2.

ства. Монархи стран третьей коалиции, как и двух первых, а также четырех последующих, ставили целью сохранить в Европе феодальные режимы и восстановить свергнутые Французской революцией и Наполеоном. Подробно речь об этом пойдет во втором томе моего «Наполеона», но уже могу сослаться и на специальное исследование О. В. Соколова[1]. Заимствованная у царских и советских официозов точка зрения А. А. Орлова на феодальные коалиции как на прогрессивную «систему коллективной безопасности» в защиту «европейской цивилизации» от реакционного наполеоновского «деспотизма почти восточного (! – *Н. Т.*) типа»[2] – такая точка зрения (ее, кстати, отстаивает и упомянутый мною ранее В. М. Безотосный) столь предвзята и оплошна, что ее нельзя принимать всерьез.

Итак, к 1804 г. власть и авторитет первого консула во Франции достигла апогея. В такой ситуации 23 апреля 1804 г. член Трибуната Жан Франсуа Кюре (будущий граф Бедиссиер) выступил с предложением, которое прозвучало как нельзя более симптоматично: провозгласить гражданина Бонапарта, первого консула Республики, *«императором французов»*[3]. С того дня началась и далее все время ширилась, пока не закончилась коронацией 2 декабря все того же 1804 г., общенациональная кампания солидарности с предложением Кюре. «Этой инициативой Кюре обессмертил свое имя, – читаем у А. З. Манфреда. – Его предложение дало повод для каламбура: “Республика умерла – кюре[4] ее похоронил”»[5].

Пожалуй, никогда – ни ранее, ни позднее – вера подавляющего большинства французов в Наполеона, в его военный и государственный гений не была такой фанатичной, как в то время, с апреля до декабря 1804 г. Славословили будущего императора – и «низы», и «верхи» – почти как Бога: «Его голова – источник великих идей наподобие того, как солнце – источник света». Один из префектов выразился тогда даже таким образом: «Бог создал Бонапарта и ушел отдыхать»[6].

Отдохнем и мы с Вами, мой верный читатель. До свидания во втором томе «Наполеона Великого»!

---

[1] Соколов О. В. Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа. 1799–1805 гг. М., 2006. Т. 1. Гл. 5–6. См. также: Троицкий Н. А. Александр I против Наполеона. М., 2007. С. 134–137.

[2] Орлов А. А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005. С. 12.

[3] Тюлар Ж. Цит. соч. С. 144.

[4] Кюре – приходский священник во Франции.

[5] Манфред А. З. Цит. соч. С. 403.

[6] Цит. по: Вейдер Б. Цит. соч. С. 265.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абдаллах Ж. 120, 236, 254, 256
Абу Бекр 229
Аврелий М. 61
Аврус А. И. 14
Аддингтон Г. 396
Адриан Публий 285
Адрианов С. А. 408
Алданов М. А. 20, 47, 332, 338, 419, 481
Александр Македонский 47, 145, 146, 204, 227, 254, 342, 416
Александр I 8, 14, 15, 24–29, 37, 106, 140, 215, 333, 334, 420–423, 457, 464, 471, 479, 480, 481, 499, 500, 501, 507
Александра Павловна, вел. кн. 404
Алексеев С. П. 20
Али-бей 238, 259
Альбит А. Л. 100, 101
Альвинци И. Н. 179–185, 188
Альфьери В. 137
Амирханян А. Т. 270
Андинье Л. М. 360
Андреосси А. Ф. 216, 279, 281, 338, 456
Антоммарки Ф. 124
Антон Ульрих, принц Брауншвейгский 405
Антрег Л. А. 196, 197, 200
Аракчеев А. А. 27, 333, 334
Арена Б. 74, 318, 432, 433
Арена Ж. 74, 99, 341, 432
Аржансон Л. 213
Аржанто Е. 146–148
Арно А. В. 132, 217, 496
Аррель 432, 433
Арриан Квинт 267
Артуа Ш. 360, 455, 461, 466, 471, 472, 482
Ассанте А. 174
Аттила 147
Ахиллес 358
Аяцков Д. Ф. 11

Бабеф Ж. Н. (Гракх) 70, 331, 338, 343, 371
Байрон Д. Г. 19, 502
Бакунин М. А. 371
Бальзак О. 19, 42, 285, 359, 494
Бантыш-Каменский Д. Н. 404
Баральон 309
Барбе-Марбуа Ф. 196
Барг М. А. 8
Барер Б. 97, 127, 432, 433
Барнав А. 97
Баррас П. Ф. 88, 96–98, 110–113, 115, 121, 123, 128, 130, 132, 170, 171, 195–198, 207, 208, 213–215, 222, 287, 288, 294, 300, 304, 310, 311, 321, 375, 454
Бартелеми Ф. 198, 199
Батеньков Г. С. 334
Бауэр 54
Баччиоки Ф. 35
Безотосный В. М. 22, 23, 513
Бейтс Ж. Ф. 369
Беллок Х. 21, 77, 152, 275, 313, 318, 378, 386, 390, 431, 437, 475, 476, 477
Бельгард Г. 394
Бельгард И. 190
Бенкендорф А. Х. 332, 418, 429
Беранже П. Ж. 295, 496
Бёрк Э. 376
Бернадот Ж. Б. 105, 106, 188, 189, 196, 216, 290, 302, 305, 312, 362, 373, 416
Бернарден Ж. А. 425, 496
Бернонвиль П. 302, 308, 405
Бертолле К. Л. 195, 217, 240, 242, 280, 281, 326, 351, 491, 493
Бертон Л. 45
Бертран А. Г. (Bertrand H. G.) 70, 82, 103, 113, 142
Бертье Л. А. 140–143, 157, 171, 202, 207, 247, 250, 251, 257, 277, 279, 281,

302, 308, 310, 316, 335, 336, 379, 380, 434, 449, 450, 453, 474
Бескровный Л. Г. 20
Бессьер Ж. Б. 168, 169, 217, 279, 281, 357, 358, 449
Бестужев-Рюмин А. П. 402
Бетховен Л. 19, 504, 506
Бешанов В. В. 181, 272
Бийо-Варенн Ж. 97
Бисмарк О. 345
Биссет Ж. 174
Бланшар Ф. 54
Блешам А. 35
Богарне (Пажери) Ж. 25, 36, 38, 104–106, 113, 114, 123–133, 142, 155–157, 160, 165, 170–174, 177, 184, 194, 195, 204, 205, 208, 217, 221, 222, 232, 233, 248, 251, 252, 297–299, 301, 308, 314, 317, 423, 425–428, 434–436, 439, 443, 444, 447, 449, 469, 483, 488, 498, 503, 505, 507
Богарне А. 126, 127, 128
Богарне Г. 123, 125, 126, 349, 434
Богарне Е. 37, 123, 125, 217, 238, 243, 251, 255, 257, 279
Богарне Ж. 37
Богарне Э. 142
Богданович М. И. 160, 181
Бодэн Арденнский 295, 296
Больё Ж.-П. 135–137, 146–149, 151, 158–160, 165, 168–170, 179, 188
Бон Л. А. 257, 264, 283
Бонапарт Жз. 34, 35, 39, 41, 43–45, 55, 59, 65, 66, 72, 74, 80, 81, 101, 102, 105, 113, 118, 120, 122, 170–172, 233, 275, 302, 305, 308, 316, 381, 394–396, 417, 442, 443, 458, 498, 500, 501
Бонапарт Жр. 31, 35, 37, 55, 59, 65, 81, 123, 498, 503
Бонапарт К. 24, 35–37, 65, 81, 302, 436, 498
Бонапарт Людовик (Луи) 35, 42, 55, 59, 73, 81, 101, 118, 122, 125, 142, 180, 308, 349, 444, 498
Бонапарт Люсьен 34, 35, 39, 59, 66, 79, 81, 101, 122, 296, 305, 312, 315, 318, 319, 335, 357, 391, 393, 450
Бонапарт П. 36, 37, 65, 81, 122, 172, 194, 302, 399, 400, 430, 498, 503, 505, 507, 508
Бонапарт Э. 35, 77, 81, 391, 448, 498
Бонейль К. (Рифлон А.) 406, 420
Боргезе К. 36, 37, 507
Борисов Ю. В. 208, 214, 221, 303, 304, 331, 417, 473–475, 478, 479, 481, 482
Бото Ф. 310, 311
Боунапарте (Рамолино) Л. 31–35, 37–42, 50, 51, 55, 59, 65, 66, 68, 73, 80, 81, 122, 173, 194, 298, 357, 426, 443, 498, 502
Бочкарев В. Н. 8
Бочоришвили К. Г. 347
Брандыс М. 142, 246, 451
Брессье Г. 65
Бретон Г. 76, 77
Бретон Г. Н. 125
Брольо В. Ф. 404
Брут М. Ю. 47, 342
Брут Ю. 33
Брюн Г. М. 297, 326, 338, 361, 362, 372, 374, 394
Брюсов В. Я. 19
Брюэс Ф. П. 227, 236, 237, 283
Буань 342
Бувье Ф. (Bouvier F.) 137, 147, 164
Бугенвиль Л. А. 326
Булуазо В. 97
Булэ де ла Мерт А. Ж. 219
Бунин И. А. 20
Буонапарте К. М. 31–35, 41–45, 50, 55, 56, 66, 68, 77, 357, 503
Буонопарте Ф. 31
Буонарроти Ф. М. 70, 294, 371
Бурбон-Конде Л. А., герцог Энгиенский 25, 60, 257, 356, 404, 461, 471–483, 485
Бургуен Т. 428
Бурджалов Э. Н. 8
Бурьенн Л. А. 46, 75, 212, 215, 224, 233, 276, 279, 281, 313, 314, 316, 317, 337, 345, 348–350, 361, 379, 387, 427, 436, 448, 502
Буттафоко М. 69, 72, 73
Бутурлин Д. П. 27
Бушотт Ж. Б. 96
Бэлкомб Б. 358, 359
Бюффон Ж. 47

Валевская М. 427–429, 498
Валишевский К. Ф. 403–407, 412, 414, 415, 481

Вандаль А. 21, 274–276, 284–289, 291–308, 310–321, 327, 334, 366
Вантюр Ж. М. 267
Вашингтон Д. 342, 344
Вейдер Б. 21, 42, 329, 338, 340–342, 351–354, 359, 365, 400, 467, 485, 488, 490, 511, 513
Вейль М. Г. 117
Веймер М. Ж. 428, 508
Вейротер Ф. 174, 175
Веллингтон А. У. 153, 428, 498, 502
Вентури Ф. 10
Вергилий П. 218, 496
Веретенников В. И. 9
Верженн Ш. Г. 213
Вери К. 21, 424
Верньо П. 97
Вестерман Ф. Ж. 290
Вийото Г. А. 217
Виктор Амедей III 136, 137, 147, 150, 151
Виктор К. П. 91
Вильмаре Ш. М. 350
Винберг Н. А. 10
Висконти Д. 157
Витт И. О. 334
Вобуа К. А. 216, 225
Военский К. А. 27, 141
Волкова Т. Н. 10
Вольней К. Ф. 234, 326
Вольта А. 167, 493,
Вольтер 32, 47, 61, 69, 117, 205, 218, 466, 475, 486, 488, 494, 496, 502, 505
Ворль К. Н. 332
Воронцов М. С. 405
Воронцов С. Р. 405, 408, 457, 460
Вукасович Ф. 148
Вурмзер Д. С. 141, 151, 169, 170, 174–180, 182–186, 188

Габсбург К. Л. 136
Гагарина А. П. 416
Гайдн Ф. Й. 434, 505, 506
Галло М. М. 191, 465
Галлуа Ж. А. 208
Гамелен Ж. 128
Ганнибал 47, 146, 165, 179, 190, 204, 205, 342, 372, 381, 510
Гантом О. 282
Гар П. Ж. 434, 494, 506
Гарибальди Д. 19
Гарнич Н. Ф. 20
Гарнье Ж. П. 117
Гарро П.-А. 143
Гаспарен Т.-О. 88, 89, 95
Гегель Г. В. 19
Гейл П. 23
Гейне Г. 19, 95, 490, 505
Генрих IV 364, 438
Георг III 286, 292, 374, 375, 397, 417, 457
Георг IV 375, 408
Герцен А. И. 19, 95, 403, 404, 408, 419, 420
Гете И. В. 19, 35, 61, 195, 218, 257, 258, 488, 494, 496
Гиберт А. 283
Гитлер А. 23
Гладстон У. Ю. 329
Гогенцоллерны 126
Годен Ш. 315, 334, 335, 337, 347, 348
Годшо Ж. (Godechot J.) 337–340
Гойе Л. Ж. 271, 288, 297, 298, 300, 301, 305, 306, 314
Гомер 217, 218, 327, 397, 500
Гомпеш Ф. 224
Готье Т. 36
Гош Л.-Л. 102, 127, 128, 132, 217, 290, 301, 360, 451, 464
Гракх Г. 33
Гракх Т. 33
Грассини Д. 157, 428, 506
Грегуар А. 152, 326
Гренвил (Уиндхэм) У. 375, 376, 405, 455, 456, 461
Греч Н. И. 421
Грибоваль Ж. Б. 60
Грибоедов А. С. 37
Гро А. 181, 206, 258, 498, 499
Груши Э. 394
Гурго Г. 370
Густав-Адольф IV 261
Гушар Ж. Н. 290
Гюго В. 7, 19, 82, 331, 494
Гюден Ш.-Э. 46, 330
Гюйо Р. 219
Гюйо К.-Э. 188

Давид Ж. Л. 181, 381, 432, 497–502, 507
Давидович П. 177
Даву Л. Н. 52, 217, 253, 274, 334, 451, 499
Давыдов Д. В. 19, 20, 124, 125, 510
Давыдов Ю. В. 10

Даникан Л. Т. 111, 119
Дантон Ж. Ж. 64, 67, 97, 315, 372, 403
д'Арк Ж. 249, 251
Дарю П. А. 330
Даун Л. 377
Дашкова Е. Р. 405
Деженетт Р. Н. 100, 217, 242, 257, 266
Дезе Л. Ш. 67, 91, 216, 217, 227, 231, 243, 253, 277, 279, 290, 333, 357, 384–387, 389, 390, 393, 400, 420, 449, 464
Дейч А. И. 36, 448, 507, 508
Декре Д. 337
Делдерфилд Р. Ф. 21, 141, 366, 449
Делессерт Ж. П. 353
Делиль А. Р. 217, 496
Делькаретто А. 332
Дельмас А. Г. 52, 188, 366, 373
Дельмас Р. О. 52
Демервиль 432, 433
Демулен К. 97, 372
Денон В. 217, 218, 280, 281
Денюэль Э. 428
Дербов Л. А. 9
Дестрем Г. 315, 318, 341
Джабарти А. 245, 248
Джакоминетта 40
Джеззар-паша 245, 252, 259–261, 263, 265, 266, 270
Джексон Ф. 398
Дживелегов А. К. 141, 275, 330, 451, 509
Диана, нотариус 432, 433
Дидло Ш. Л. 425, 507
Дидро Д. 47, 55, 61
Диккенс Ч. 28
д'Илье Л. Б. 193
Диодор Сицилийский 240
Диоклетиан Г. А. 38
д'Оберив 45
Добролюбов Н. А. 19
Доменил П. 262
Доммартен Э. А. 85, 246, 253, 254
Доно П. К. 208
Доппе Ф. А. 87, 89
Драгомиров М. И. 20
Дрейк Ф. 261, 473
Дрио Ж. 26
Дружинин Н. М. 10
Друо А. 330
Друэ Ж. Б. 338
Дубельт Л. В. 332
Дубровин Н. Ф. 27
Дурова Н. 91
Дуэ М. 338
Дю Тейль Ж. П. 61, 89,
Дюбуа Д. 432
Дюбуа П. 213
Дюверье О. (Duverger M.) 371, 372
Дюгомье Ж. К. 87, 88, 91, 92, 94, 95
Дюгуа Ш. Ф. 231
Дюко П. Ж. 288, 301, 307, 316, 320, 323, 326
Дюма А. 7, 73, 229, 246, 345, 429
Дюма Г. М. 346, 372
Дюмурье Ш. Ф. 151, 231, 290, 473, 474, 475
Дюпюи Д. 245, 249, 250, 283
Дюран У. Д. (Durant W. D.) 366, 446, 461, 497, 502
Дюрок Ж. К. М. 91, 142, 279, 330, 357, 386, 421, 444, 449, 483
Дюси Ж. Ф. 425
Дюфлок М. К. 371
Дюфо Л. 105
Дюфрес Р. 28, 486, 489
Дюшенуа К. 429, 508

Егоров А. А. 105, 106, 304
Екатерина Вюртембергская 37
Екатерина Павловна 37
Екатерина II 14, 26, 66, 134, 139, 201, 202, 357, 402, 404, 408, 421, 464, 484
Елизавета Петровна 402
Ермолов А. П. 27

Жаккар Ж. М. 351
Жеребцов А. Г. 408
Жеребцова О. А. 408, 416, 419
Жеромский С. 246
Жилин П. А. 20, 23, 345
Жихарев С. П. 428
Жобер А. Э. 217
Жомар Ф. 217, 241
Жомини А. 123, 164, 178, 179, 185, 210, 212, 220, 226, 247, 273, 364
Жорес Ж. 76, 85, 86, 98, 363
Жубер Б. К. 142, 147, 183–185, 207, 216, 290–293, 405
Жубертон 35
Журдан Ж. Б. 136, 145, 151, 163, 169, 188, 216, 286, 290, 292, 302, 312, 318, 341, 346
Жюльен Т. П. 283

Жюно А. Ж. 37, 42, 91, 100, 102, 105, 109, 142, 171, 187, 216, 232, 233, 250, 253, 280, 301, 327, 427, 448, 449

Заборовский И. А. 66
Зайончковский П. А. 10
Зеботтендорф К. 160, 168
Зубов В. А. 408, 416
Зубов Н. А. 408, 416, 418
Зубов П. А. 408, 416, 418

Ибрагим-бей 229, 230, 232, 244, 245, 254, 262
Иван VI 419, 479
Иванов А. Ю. 79, 122, 193, 194, 213, 217, 218, 221, 225, 228, 231, 233, 237, 241, 242, 245, 247–249, 255, 257, 262, 263, 266, 267, 275, 278, 282, 349, 400
Иисус Христос 18, 263
Илари К. 282, 357
Иоганн Австрийский 394
Ирль И. К. 169
Исдейл Ч. 376
Истомина А. 425

Кабанов П. И. 8
Кадудаль Ж. 361, 362, 391, 455, 461–472, 474
Казабьянка Л. Ж. 237
Казанова Д. 23
Камбасерес Ж. Ж. 138, 293, 326–328, 351, 372, 380, 391, 439, 441, 472, 484, 488
Канделоро Д. 382
Канова А. 36, 432, 501, 502, 507
Кантеле Ж. Б. 348
Карабчевский Н. П. 10
Карамзин Н. М. 95, 485, 490
Карбон Ф. 434, 435, 436, 437
Карл Австрийский, эрцгерцог 136, 151, 169, 179, 188–190, 286, 388, 394, 464
Карл Великий 14, 26, 135
Карл Вильгельм Фердинанд 292
Карл I 403
Карл IV 292, 453, 501
Карл X 125, 136, 455, 503
Карлейль Т. 86, 87
Карно Л. 67, 121, 131, 137, 156, 161, 162, 170, 186, 195, 198, 199, 207, 215, 216, 334, 336, 341, 342, 346, 391, 393, 440
Карно М. Ф. 121
Каррер Л. 281
Карто Ж. Ф. 86–90, 95, 118
Кастело А. 21, 26, 31, 32, 40, 42, 45, 48–50, 52–54, 56, 58, 59, 62, 64–66, 71, 74, 77, 78, 80, 93, 99, 103, 114–116, 123–132, 138, 143, 144, 147, 151, 154–156, 159, 162, 163, 165–167, 171–174, 177, 184, 186, 187, 193–195, 198, 199, 201, 202, 204, 207, 208, 211, 218, 219, 221, 222, 224, 225, 233, 239, 248, 249, 251, 252, 254–257, 263, 266, 268, 270, 271, 273–275, 279, 280, 282, 286, 294, 298, 308, 314, 316, 318, 328, 366, 381, 384, 386, 387, 392, 393, 407, 424–427, 429, 430, 440–444, 447, 448, 458, 467–470, 472–475, 477, 488
Катилина Л. С. 369
Катон М. П. 47
Каффарелли Л. М. 253, 257, 267, 268, 283, 449
Каффарелли С. 216
Кважданович П. В. 175, 176
Квенц 74, 78
Келлерман Ф. Э. 109, 162, 163, 326, 386
Кеньон Ф. 24
Кералио 51
Керенский А. Ф. 345
Кильмен Ш. Э. 168
Кир 14, 26
Кирхейзен Г. 103–106, 113, 114, 123, 124, 126, 128, 130, 131, 156, 157, 172–174, 221, 233, 249, 250, 280, 298, 426–429, 451, 495
Кирхейзен Ф. 21, 30–33, 39, 40, 42, 44–52, 54, 56, 58, 60–63, 65–67, 69–72, 74, 77, 78, 80, 81, 90, 92–95, 97–103, 107–109, 111, 115, 118, 119, 121–123, 126, 157, 198, 199, 204, 230
Клари Д. Б. 81, 102, 103, 106, 122, 125, 188, 302, 373
Клари Ж. 81, 102, 122
Кларильер 437
Кларк А. Ж. 143, 173, 191, 410
Клаузевиц К. 135, 137, 144, 145, 146, 147, 149–151, 158, 160, 161, 168, 169, 175–177, 183–185, 188, 189
Клебер Ж. Б. 67, 217, 227, 228, 247, 248, 253, 257, 262, 263, 274, 276–279, 283, 290, 377, 400, 451, 464
Клеопатра 251, 280

Кобенцль Л. 200–202, 394, 395, 408, 460
Кобетт У. 398
Ковалев М. В. 5
Коленкур А. О. 35, 326, 327, 333, 334, 474
Коленкур Л. 129
Колли Л. Р. 147, 148–151,
Коллингвуд Г. 220
Колло д'Эрбуа Ж. М. 93
Колло Ж. П. 303, 348
Колонна Ч. 78, 79
Колычев С. А. 408, 417, 422
Кольбер Э. 243
Комнины 42
Компан Ж. Л. 132
Конде Л. Ж. 60, 404, 471, 474
Констан Б. 326, 372, 495
Конте Н. Ж. 217, 243, 351
Корвизар Ж. Н. 182, 492
Корнваллис Ч. М. 396
Корне М. О. 308, 309,
Корнелия Брут 33
Корнелий Непот 65
Корнель П. 433, 494
Корнилов А. А. 401
Корф М. А. 422
Коссович Л. Ю. 11
Кочубей В. П. 215
Край П. 378, 394
Кромвель О. 316
Кронин В. 21, 39, 40, 42, 77, 205, 231, 256, 257, 276, 296, 301, 306, 308, 316, 318, 327, 342, 346, 347, 350, 374–376, 396, 398, 428, 434–436, 446, 455–459, 461, 462, 463, 465, 467, 473, 478, 479, 485, 487, 489
Кропоткин П. А. 20, 76
Круазье А. 255, 257, 283
Крылов А. Н. 19, 493, 494, 509
Куанье Ж. Р. 381
Кутайсов А. И. 405
Кутайсов И. П. 405
Кутон Ж. О. 98
Кутузов М. И. 8, 14, 25, 27, 174, 345, 388, 455
Кювье Ж. 242, 491, 493
Кюре Ж. Ф. (Бедиссиер) 513
Кюстин А. де 419
Кюстин А. Ф. 127, 290,
Кюстин Д. 127
Ла Платьер М. Ж. 33
Лавалетт А. М. 142, 279, 314, 445
Лависса Э. 329, 363, 364, 397, 399, 444, 470, 499
Лагарп А. Ф. 91, 137, 140, 143, 147, 148, 158, 206, 449
Лагербьелке Г. 422
Лагранж Ж. Л. 208, 326, 492
Лакло А. Ф. 305, 494, 496
Лакомб С. М. 80
Лакур-Гайе Г. (Lacour-Gayet G.) 33, 51, 137, 219
Ламперт Е. 10
Ланглуа К. 325
Ланн Е. Л. 28
Ланн Ж. 67, 125, 142, 148, 158, 166, 177, 180, 181, 186, 206, 215, 217, 253, 254, 257, 263, 264, 272, 273, 277, 279, 281, 302, 308, 309, 313, 338, 357, 358, 366, 380, 383–386, 434, 448, 449, 499, 500
Ланюсс Ф. 148
Лаплас П. С. 56, 208, 260, 326, 335, 336, 491, 493
Лапуап Ж. Ф. 86, 97
Ларевельер-Лепо Л. М. 121, 202, 321
Ларрей Д. Ж. 217, 242, 330, 450, 492, 493
Лас-Каз Э. (Las Cases E.) 31, 43, 47, 65, 85, 90, 91, 109, 139, 142, 194, 209, 268, 477, 482
Лассаль А. Л. 184, 253, 330
Ласси Ф. М. 174
Латур д'Овернь Т. М. 326
Латур М. 151
Лауренти Ж. 99
Лафайет А. 305
Лафайет Ж. 72, 141, 289, 290, 305, 322, 341, 347, 392, 440, 451
Лафонтен Ж. 218
Лаффит Ж. 348
Лашук А. 147, 149, 154, 160, 161, 180, 181, 183–185, 188, 189, 192, 221, 228, 231, 237, 239–245, 247, 248, 253–257, 259, 262, 263, 267, 272, 273, 275, 276, 378–384, 386, 387, 389, 394
Ле Пикар де Фелиппо А. 52, 56, 253, 260
Ле Шапелье И. Р. 352, 486, 490
Леба Ф. Ф. 98
Лебедева Е. И. 83,
Лебрен Ш. Ф. 326, 327, 334, 348

Лев X (Медичи Д.) 407
Леви А. (Levy A.) 59, 62, 109, 124, 131, 355
Легуве Г. 425
Лейбниц Г. В. 213
Леклерк В. Э. 37, 91, 194, 217, 302, 308, 309, 310, 320, 399, 400, 420, 453
Лекурб К. Ж. 372
Лемерсье Л. Н. 308
Ленин В. И. 12, 345
Леонид, царь 47
Леопольд II 136, 188, 394
Лепеллетье Э. А. 211
Лепэр Ж. Б. 217, 241
Лермонтов М. Ю. 7, 18, 19, 496
Лесаж А. Р. 218
Лессепс Ф. 241
Летурнер Ф.-О. 121, 198
Лефевр Ф. Ж. 216, 302, 308, 309, 310, 318, 361
Ливен Д. Х. 418
Ливий Тит 65, 218
Лимоэлан П. П. 434, 435, 437
Лист Ф. 348
Локк К. Л. 219
Ломоносов М. В. 8
Лопатин Г. А. 10
Лопатина Е. Б. 10
Лопухин П. П. 416
Лористон Ж. А. 52
Лористон Ж. Б. 398
Луговкин А. А. 434
Луи Филипп (II) Жозеф (Филипп Эгалитэ), герцог Орлеанский 291, 292
Любомиров П. Г. 9
Людвиг Э. 21, 25, 26, 42, 68, 94, 99, 106, 131, 143, 181, 193, 204, 217, 221, 232, 256, 257, 266, 275, 279–282, 296, 319, 328, 345, 352–354, 386, 390, 436, 488, 490
Людовик XIV 31, 213, 453, 479, 503
Людовик XV 41, 50, 65, 140, 213, 327, 402, 453
Людовик XVI 41, 45, 49, 60, 67, 71, 75–77, 79, 86, 114, 121, 125, 135, 208, 213, 291, 327, 338, 342, 343, 357, 359, 360, 372, 402, 414, 472, 474, 484, 497, 503
Людовик XVIII 110, 125, 136, 143, 196, 293, 308, 336, 344, 345, 360, 362, 370, 404, 412, 434, 437, 442, 443, 465, 469, 472, 484, 495, 498, 499, 502, 503
Люкнер Н. 141

Мавродин В. В. 9
Магомет 235, 239, 242
Мази А. 52, 54, 56, 57, 342
Майбур 100
Мак-Дермот П. 132
Макдональд Ж. Э. 216, 290, 291, 302, 308, 338, 372, 405
Макиавелли Н. 36, 47
Мале К. Ф. 372
Мальборо Д. 264
Мальмсбери Д. Г. 179
Малянтович П. Н. 10
Манин Л. 193
Манфред А. З. 21, 25, 26, 42, 52, 67, 82, 92, 101, 107, 110, 111, 115–118, 120, 122, 131, 135, 137, 138, 140–142, 147, 152, 153, 156, 163, 178, 184–186, 193, 194, 197, 198, 200–202, 204–208, 215, 216, 220, 252, 253, 260, 261, 264, 268, 275, 276, 278, 281, 283, 286, 287, 289, 291–294, 297, 299, 300, 306, 308, 311, 316, 317, 319, 321, 329, 330, 332, 341–343, 351, 363, 367, 368, 370, 376, 378, 379, 381, 382, 384, 386–388, 390–393, 400, 401, 405, 406, 408, 409, 416, 417, 425, 433, 436, 439, 441, 443, 448, 449, 450, 456, 459, 461, 462, 465, 467, 468, 469, 472, 475, 480, 482, 483, 509, 511–513
Марат Ж. П. 82, 343
Марбёф А. 43
Марбёф Р. 32, 41–43, 45, 55, 59
Марбо А. 373
Марбо М. 296, 358, 361, 373
Маре Г. Б. 327, 334, 450, 477, 478
Мариньи А. 213
Мария Николаевна 37, 126
Мария Федоровна 37, 407, 420, 479
Мария-Антуанетта 55, 76, 111, 132, 142, 188, 343, 423, 426, 501
Маркс К. 26, 105, 141, 335, 336, 350, 369, 486
Мармон О. Ф. 22, 91, 102, 105, 109, 139, 142, 149, 152, 211, 216, 222, 253, 279, 281, 296, 302, 308, 309, 326, 449
Мармонтель Ж. Ф. 218

Марсо Ф. С. 290, 342
Мартен П. 101, 102
Мартенс Ф. Ф. 406
Маршан Л.-Ж. 21, 36, 38, 124, 131, 182, 278, 477
Массена А. 67, 137–141, 143, 147–149, 158, 167, 168, 175, 176, 183–185, 189, 190, 192, 194, 216, 290, 297, 372, 377, 379, 382, 415, 451
Массон Ф. 47, 63, 73, 103, 104, 106, 124, 129, 130, 157, 172, 193, 195, 221, 249, 280, 297, 298, 355, 427–430
Маттеи А. 187
Маяковский В. В. 257, 258
Мегюль Э. Н. 285, 504
Мелас М. Ф. 169, 377–385, 387–389, 394
Мельци Ф. 209
Меневаля К. Ф. 21, 423, 454, 472, 474, 476, 477
Мену Ж. Ф. (Адаллах Жак) 111, 112, 119, 120, 216, 236, 238, 277, 278, 283, 396
Меншиков А. Д. 405
Мережковский Д. С. 20, 21, 26, 32, 42, 46, 48, 50, 51, 53, 56, 60, 80, 81, 87, 88, 90, 92, 95, 99, 115, 122, 137, 145, 146, 153, 180, 205, 206, 223, 229, 231, 236, 237, 256, 261, 264, 275, 308, 310, 311, 316–320, 356–359, 366, 378, 381, 387, 390, 401, 424, 437, 472, 483, 490, 509
Мерлен Ф. А. 199
Мерлен Ф. О. 179
Мерфельдт М. 190, 191
Местр Ж. 404, 479, 480
Метж М. 368, 371
Меттерних К. В. 437
Мешен П. Ф. 217, 492
Микулина С. 12
Милорадович М. А. 333
Минц И. И. 8
Мирабо О. Г. 72, 74, 342, 486
Мирер Ф. 216, 228, 283
Михайлов О. Н. 20
Михайловский-Данилевский А. И. 23
Мицкевич А. 19, 322, 512
Молок А. И. 54
Монбрен Л. П. 330
Монгайяр Ж. Г. М. 196
Монж Г. 53, 195, 202, 217, 218, 240–242, 260, 280, 281, 326, 351, 491, 493
Монж Л. 56
Монк Д. 344, 345, 362
Монт Р. 51
Монталиве Ж. П. 59, 65
Монтень М. 65
Монтескье Ш. Л. 47, 61, 65, 218, 486
Монтессон Ш. Ж. 50
Монтолон Ш. Т. 291
Морков А. И. 422, 457
Моро Ж. В. 52, 67, 136, 145, 151, 163, 169, 188, 216, 286, 290–294, 301, 302, 308, 346, 372, 373, 378, 379, 394, 405, 451, 463–468, 470, 471, 473, 495
Мортье Э. А. 125, 459
Моруа А. (Maurois A.) 25, 84, 428
Моцарт В. А. 22
Моцениго Г. Д. 185
Мулен Ж. Ф. 288, 294, 300
Муравьев Н. К. 10
Мурад-бей 229–231, 238, 243–245, 247, 301
Мустафа-паша 271–274
Мухаммед-Али 273
Мэхэн А. Т. 179, 220, 223, 226, 237, 264
Мюирон Ж. Б. 91, 92, 102, 142, 180–182, 206, 281, 357, 449
Мюльграв В. 86, 89
Мюрат А. 37, 434
Мюрат И. 36, 37, 67, 116, 117, 125, 142, 149, 151, 156, 169, 177, 188, 217, 253, 272, 273, 277, 279, 281, 302, 308, 309, 318, 320, 472, 499, 505

Нагель Ш. 414
Надир-шах Афшар 416
Наполеон I Бонапарт 7, 8, 13–16, 18–109, 112–125, 128–284, 286, 290, 291, 293–302, 304–309, 311–314, 316–367, 369–415, 417–432, 434–474, 477, 479–513
Наполеон II Ф. Ж. 31
Наполеон III 35, 125, 345, 352, 429, 444, 489,
Нарочницкий А. Л. 8
Нарышкина М. А. 407
Нафиса 238
Невилль Г. 360
Ней М. 125, 216, 394, 499, 503
Неккер Ж. 61, 208, 414
Нельсон Г. 78, 86, 101, 220, 223, 224, 226, 233, 236, 237, 276, 398

Нечаев С. Ю. 22, 36, 431, 434, 436, 437, 463, 465–470
Николай I 37, 126, 339, 356, 408
Николай Михайлович, вел. кн. 27, 95, 481
Никонов А. П. 24, 25, 462, 467, 512
Ноймайр А. 23

Обри Ф. 107, 108
Ожеро П.-Ф.-Ш. 67, 137–141, 143, 144, 148, 149, 167, 169, 175, 176, 180, 184, 185, 194, 198, 199, 200, 302, 312, 318, 366, 372
Окунь С. Б. 334, 415, 416
Олар А. (Aulard A.) 290, 322, 324, 329, 340, 343, 367, 391, 444, 445
Олоферн 263
О Мира Б. Э. (O'Meara B. E.) 21, 34, 38, 43, 88, 92, 107, 117–120, 123, 124, 186, 239, 240, 262, 331, 389, 399, 400, 415, 432, 434, 450, 456, 465, 471, 477, 482
Орлов А. А. 513
Орлов А. Ф. 408
Орлов В. П. 414
Оскар I, король Швеции 37, 126
Оссиан 218, 500
Отт К. П. 383, 384
О Хара Ч. 86, 92

Павел I 37, 141, 224, 293, 388, 394, 402–421, 456, 479, 481
Паганини Н. 19, 36, 504, 505
Пажери Ж. Г. 125
Пажери Р. К. 125
Пален П. А. 406, 416, 420, 421
Палеологи 31
Панин Н. П. 406, 407, 409, 417
Панин П. И. 407
Панкратова А. М. 9
Пансоль 435
Паоли П. Ф. А. 68–72, 74, 78–81, 84
Паркинсон Р. 27
Парментье А. О. 353
Парсеваль Ф.-О. 281
Парсеваль-Гранмезон Ф. О. 217, 280
Парфенов В. Н. 369
Патрокл 358
Пейрюс А. 256
Пересвет 384
Перовская С. Л. 10, 13
Перовская С. Г. 10
Перро Ш. 64
Петион Ж. 97
Петр I 14, 26, 213, 450, 484
Петр III 402, 419, 420, 479
Пий VI (Браски Д. А.) 186, 187, 363, 364
Пий VII (Кьярамонти Г. Л.) 364, 365, 367, 478
Пико де Пикадю П. М. 52, 56
Пикуль В. С. 20
Пискунова Е. П. 359, 360, 362
Питт У. Младший 179, 375, 396, 417, 455
Питт У. Старший 375
Пишегрю Ж. Ш. 46, 67, 151, 170, 196–199, 290, 392, 463–467, 469–471
Планси А. 328
Платов М. И. 414
Платонов С. Ф. 403
Плутарх 33, 46, 61, 65, 71, 72, 218
Полевой Н. А. 135, 176, 329, 386, 398
Полен Ж. 249
Полибий 218
Помпадур Ж. А. 50
Помпей Гней 227
Понтекулан Л. Г. 108, 109
Поццо ди Борго К. А. 43, 70, 74, 81
Поццо ди Борго К. О. 24, 43
Поццо ди Борго М. 42, 43
Пресняков А. Е. 421
Провера А. 147, 148, 184, 185
Протасов Н. А. 339
Протен Ж.-К. 278, 279
Пугачев В. В. 9
Пугачев Е. И. 258
Пугачева А. Б. 25
Пушкин А. С. 19, 70, 88, 135, 257, 258, 299, 420, 422, 425, 495, 496
Пчелов Е. В. 31, 32

Рагидо 131
Радзинский Э. С. 22
Рамбо А. 329, 364, 397, 399, 444, 470, 499
Рамбо Ф. 264, 283
Ранша П. А. 280
Расин Ж. 428, 488, 494
Рафаэль С. 33, 449
Реаль П. Ф. 127, 294, 326, 462–464, 466, 470, 472, 477, 478
Ребель Ж. Б. 121, 179, 214, 321

Редерер П. Л. (Roederer P. L.) 120, 324, 325, 326, 349, 439, 445, 446, 488
Редуте А. Ж. 217
Рей Ж. П. 184
Реизов Б. Г. 19
Рейли Д. 10
Рейналь Г. 46, 55, 65, 68, 213, 218
Рейнгардт Ш. Ф. 303
Рекамье Ж. 128
Рекко 40
Ремюза К. 36, 124, 125, 447
Реноден М. Э. 174
Ренье Ж. Л. 231, 277
Ренье К. А. 309, 450, 462, 472
Риверни (Валиде) Э. 252
Риго М. 242
Рикор Ж. Ф. 98
Римский-Корсаков А. М. 297, 377
Риуф Ж. 371
Ричард I Львиное Сердце 260
Рише де Серизи Ж. Т. 119
Робеспьер М. 64, 72, 82, 83, 89, 97, 98, 110, 287, 331, 342, 357, 375, 403
Робеспьер О. 88, 89, 94, 96–101, 107, 132
Робеспьер Ш. 82, 83, 342, 357
Роган Э. 224, 475
Роге Ф. 164
Розбери А. П. (Rosebery A. P.) 19
Ролан Ж. М. 33
Россиньоль Ж. А. 431, 432
Ростопчин Ф. В. 406, 409
Рошамбо Ж. Б. 141, 347
Рубинштейн Н. Л. 9
Руже де Лиль К. Ж. 128, 427
Румянцев П. А. 66
Рур С. 127
Руссо Ж. Ж. 38, 47, 61, 205, 218, 486, 488, 494, 502
Рылеев К. Ф. 20
Рюффен П. 245

Сабатье А. 36
Саксонская М. Й. 125
Салах-ад-Дин Ю. 234
Саличетти К. 69, 70, 78, 80, 81, 84, 88, 94–97, 99–102, 107, 143, 153, 154, 162, 163
Сальматорис 151
Сантер А. Ж. 120
Себастиани О. Ф. 100, 308–310
Сегюр Л. Ф. 130, 357, 402
Сегюр Ф. А. 357, 402
Сегюр Ф. П. 357, 358
Седльницкий Л. 332
Селим III 245, 252, 278
Семонвиль Ш. Л. 291
Сен-Жермен Ж. 65, 132
Сен-Жюст Л. А. 98, 142, 246
Сен-Мишель Л. 80, 102
Сен-Режан П. Р. 434–437
Сен-Сир Г. 394
Сент-Альбен О. 246
Сент-Илер Э. Ж. 217, 242, 491, 493
Сербеллони 171, 172, 173
Серван Ж. 127
Серрюрье Ж. М. 137, 140, 141, 143, 149, 167, 169, 175, 176, 184, 185, 189, 302, 314, 326
Сидней-Смит У. 86, 92–94, 261, 262, 264, 266, 271–275
Симон Э. Ф. (Simon E. F.) 373
Симонов К. М. 20
Скарятин Я. Ф. 418
Скотт В. 7, 21, 25, 34, 39, 42, 43, 55, 56, 77, 85, 94, 109, 112, 115, 118, 124, 129, 152, 153, 159, 160, 162, 167, 177, 186, 187, 190, 191, 193, 205, 248, 255, 256, 259, 265, 266, 272, 275, 276, 278, 282, 292, 316, 318, 319, 376, 378, 383, 384, 386, 387, 397, 399, 406, 419, 430, 440, 467, 477, 479
Слоон В. 32, 69, 75, 77, 78, 80, 94, 97–99, 120, 124, 131, 201, 206, 213, 216, 256, 266, 275, 276, 279, 343, 399, 400, 435, 452, 453, 463, 467, 479
Смит А. 61
Собуль А. 111, 129, 196, 198, 199, 322, 327, 345, 346, 348, 433, 435, 485–487, 490
Соколов О. В. 22, 152, 388, 401, 402, 407, 409, 410, 412, 415, 416, 422, 438, 441, 455, 456, 458, 459, 467, 491, 513
Сорель А. 124, 179, 192, 203, 217, 223, 286, 290, 324, 375, 416, 428, 456, 466, 485
Спалланциани Л. 167
Спасович В. Д. 203
Сперанский М. М. 334, 485
Спренгпортен И. М. 409, 410
Спэрроу Э. (Sparrow E.) 416
Сталин И. В. 24, 405
Сталь А. Л. 208, 209, 213, 214, 442, 451, 494, 495

Стендаль Ф. 18, 25, 31, 33, 36, 54, 55, 62, 63, 67, 68, 72, 95, 97, 100, 119, 121, 136, 139, 143, 144, 157, 159, 160, 166, 167, 170, 176, 182, 183, 204–206, 209, 247, 257, 266, 276, 278, 326, 330, 333, 339, 355, 369, 421, 429, 430, 463, 464, 477, 483, 494, 495, 499, 506, 508, 509
Стенжель И. 149, 206
Степанов Ю. Г. 5, 13
Столыпин П. А. 11, 345
Стюарты 344, 375
Суворов А. В. 19, 66, 134, 151, 169, 174, 205, 274, 286, 291, 292, 297, 302, 377, 387, 388, 404, 405, 408, 421, 464
Сулковский Ю. 142, 215, 246, 283, 449, 451
Сульта Н. 216
Суси Ф. М. 206
Сципион Африканский 33, 342
Сьейес Э. Ж. 208, 287–294, 296, 300, 301, 305–307, 311–314, 316, 320, 323–326, 367, 392
Сьюард Д. 23, 34, 41, 42, 82, 105
Сэй Ж. Б. 218, 326
Сюффрена П. А. 414
Сюше Л. Г. 91, 142

Талейран Ш. М. 24, 36, 106, 207, 208, 209, 212, 213, 214, 216, 218, 219, 293, 303, 304, 306, 330–332, 334, 363, 375, 391, 394, 397, 405, 409, 410, 414, 416, 417, 422, 424, 442, 450, 457, 458, 471, 472, 473, 477, 480, 481, 482, 494, 500, 503
Тальен (Кабаррюс) Т. 112–114, 123, 128, 172
Тальен Ж. Л. 97, 98, 110, 112–115, 127, 132
Тальма Ф.-Ж. 36, 61, 123, 308, 319, 447, 507, 508
Танеев В. И. 10
Танеева Е. П. 10
Таратута Е. А. 10
Тарле Е. В. 7, 13, 19, 21, 24–26, 28, 42, 61, 62, 68, 71, 75, 95, 110–112, 115, 118, 121, 131, 133, 136, 138, 144, 145, 150, 160, 187, 193, 196, 197, 199, 200, 201, 204, 210, 214, 217–219, 221, 239, 247, 255, 256, 266, 267, 273–276, 284, 288, 289, 295, 296, 299, 300, 303–306, 311, 318–321, 323–325, 332, 333, 338, 348–355, 359, 362–364, 367, 368, 370, 378, 384, 386, 391, 392, 395–397, 399, 403, 406, 414, 433, 442, 446, 447, 457, 458, 460, 461, 466, 467, 470, 472, 473, 477, 478, 481, 485, 486, 487, 490, 495, 511
Тассо Т. 49, 218
Тацит Корнелий 46, 61, 65, 218
Твен Марк 19
Терель Ж. 343
Тибальди-Кьеза М. 19, 36, 505
Тибодо А. (Thibaudeau A.) 97, 259, 329
Тилли Ж. Л. 101
Типу Султан 214, 253
Тициан В. 186
Тойнби А. Дж. 231
Толстой А. К. 20
Толстой А. Н. 7
Толстой Л. Н. 10, 20, 25, 95, 359
Топино-Лебрен Ф. 432, 433
Тот М. 213
Трачевский А. С. 32, 36, 67, 68, 94, 122, 153, 205, 207, 216, 256, 257, 263, 288, 323, 388, 451, 484, 487
Трифонов Ю. В. 10
Троицкая В. П. 12
Троицкая П. Е. 5, 6,
Троицкий А. В. 5, 6,
Троицкий Д. Н. 12
Троицкий Н. А. 5–17, 513
Труайя А. 403
Трубецков Д. И. 11
Трюге Л. 78
Туган-Барановский Д. М. 19, 321, 325, 332, 335, 339, 341, 344, 349, 359, 361, 363, 365, 368–374, 431–433, 468, 486
Тургенев А. И. 70
Тургенев И. С. 7, 19
Туссен-Лувертюр Ф. Д. 398, 399, 400
Тьебо П. Ш. (Thiebault P. H.) 115, 117, 295
Тэн И. 359, 445, 446, 451
Тюлар Ж. 21, 26, 27, 31, 42, 62–64, 71, 72, 74, 75, 77, 84, 92, 99, 117, 129, 130, 133, 204, 272, 273, 325, 338, 347, 348, 353, 360, 361, 363, 366, 368, 370–373, 389, 390, 397, 399, 439, 440, 442, 443, 462, 463, 478, 486, 489, 490, 494, 496, 499, 501–503, 505, 511, 513
Тюренн А. 342

Уврар Г. Ж. 113, 128, 304, 348, 349
Уилсон М. 351
Уитворт Ч. 404, 405, 408, 416, 455–458
Унанян Р. 270, 280

Фенелон Ф. 218
Фердинанд VII 292
Фердинанд Австрийский 162
Феш Ж. 33, 73, 123
Феш Ф. 33
Фигёр М. Т. 91
Филипп IV Красивый 213
Фокс Ч. Д. 398, 458,
Фонвизин М. А. 418
Форсхувуд С. 21
Фош-Борель Л. 196
Франсуа Н. Л. 199
Франц I 136, 180, 183, 188, 200, 201, 286, 374, 376, 388, 394
Франц II 136
Франчески М. 340–342, 359, 365, 400, 467, 485, 488, 490
Фредерик Август 292
Фрерон Л. М. 107, 110, 122
Фридрих Вильгельм Карл Вюртембергский 37
Фридрих I 37
Фридрих II 14, 26, 69, 135, 139, 170, 204, 218, 342, 377, 389, 460, 500
Фридрих-Вильгельм III 25, 460, 499
Фротте Л. 361
Фуа М. С. 510
Фукидид 218
Фукье-Тенвиль А. К. 107
Фултон Р. 351
Фуре 221, 250, 251
Фуре (Белиль, Беллилот) М. П. 221, 249–251, 280
Фуше Ж. 93, 98, 106, 304, 321, 331–335, 341, 368, 391, 416, 419, 420, 431–434, 436, 439, 444, 450, 462, 472, 473, 474, 482
Фэн А. Ж. (Fain A. J.) 356, 357

Хартли Д. М. 403
Хемингуэй Э. 20
Хефрон Р. 174
Хренников Т. Н. 21
Худ С. 86, 90, 92
Хэпгуд Д. 359

Цах А. 385, 386
Цвейг С. 304, 332
Цветаева М. ьИ. 19, 257, 258, 451, 452
Цезарь Юлий 31, 33, 47, 68, 145, 146, 192, 203–205, 207, 227, 316, 321, 342, 344, 345, 432, 510
Цицерон Марк 47, 74, 342, 369
Цодикова А. 11

Чавчавадзе Е. 37
Чавчавадзе Н. 37
Чайковский П. И. 22
Чандлер Д. 18, 21, 61, 62, 77, 85, 86, 88, 94, 100, 101, 122, 135, 136, 138, 140, 141, 144, 148, 149, 150, 152, 153, 160, 162, 163, 164, 169, 174, 176, 177, 178, 181, 183–185, 188, 212–214, 220, 221, 223, 225, 228–233, 240, 242, 243, 248, 253, 256, 259, 261–263, 267, 273, 275, 276, 278, 280, 379, 382
Чарторыйский А. 388, 479
Челубей 384
Черкасов П. П. 22, 135, 305, 341, 402, 440
Чернышевский Н. Г. 10, 12, 19
Черракки Д. 431
Черчилль У. 23
Чехов А. П. 20
Чиняков М. К. 141

Шаляпин Ф. И. 19
Шампаньи Ж. Б. 326, 334, 509
Шампольон Ж.-Ф. 242
Шапелье И. Р. 352, 486, 490
Шапталь Ж. А. (Chaptal J. A.) 326, 330, 351, 352, 450, 492, 493
Шардон 44
Шарль И. 128, 156, 157, 165, 170–174, 194, 204, 221, 232, 298, 424
Шатобриан Ф. Р. 18, 95, 332, 430, 479, 494, 495, 502
Шевалье А. 434
Шевалье Л. 405
Шедивы Я. 427
Шеин А. С. 405
Шекспир В. 20, 418, 494
Шелковникова Г. П. 10
Шеннон Э. 364
Шёнтан Г. 23
Шенье А. 208, 494, 496
Шенье М. Ж. 208, 326, 496
Шереметев П. С. 66
Шерер Б. 108, 109, 131, 138, 220, 286, 405

Шетарди И. 402
Шиллер Ф. 20, 61, 494
Шильдер Н. К. 27, 225, 403, 412, 414, 415, 421, 464
Шишков А. С. 27, 339
Шмидт С. О. 13
Шове Ф. 146, 206, 449
Шометт П. Г. 343, 371, 462
Шоу Б. 19
Штакельберг Г. О. 141
Штединг К. Л. 415
Шторх А. К. 401
Шуазель Э. Ф. 213
Шушанский Н. 343
Шюке А. (Chuquet A.) 31, 39, 46, 47, 48, 52, 59, 74, 79, 87, 94, 209, 210

Щербаков А. А. 22

Эбердин Д. Г. 329
Эдлоу И. 169
Эйдельман Н. Я. 403, 405, 406, 412–418
Эккерман И. П. 19, 35, 195, 258, 497
Эль-Галеби С. 248, 278, 279
Эль-Садаль 247, 248, 278
Эль-Шаркун 235, 239
Энгельс Ф. 26, 105, 141, 336, 350, 369, 486
Эстра А. 120

Юм Д. 403

Adlow E. 169
Aulard A. см. Олар А.
Bertrand H. G. см. Бертран А. Г.
Bignon L. 420
Bonnechose F.-E. 127
Bouvier F. см. Бувье Ф.
Chaptal J. A. см. Шапталь Ж. А.
Chuquet A. см. Шюке А.
Cussy F. 202
Derrécagaix V. B. 141
D'Estre H. 120
Driault E. 26, 125
Durant W. D. см. Дюран У. Д.
Duverger M. см. Дюверье О.
Fabry G. 147
Fain A. J. см. Фэн А. Ж.
Fleuriot de Langle P. 36
Gavoty A. 157
Godechot J. см. Годшо Ж.
Lacour-Gayet G. см. Лакур-Гайе Г.
Las Cases E. см. Лас-Каз Э.
Levy A. см. Леви А.
Martens Ch. 202, 396
Masson F. 51, 76, 79, 85, 118, 120, 125, 195
Mathiez A. 76
Maurois A. см. Моруа А.
O'Meara B. E. 34
Palmer A. см. 105
Roederer P. L. см. Редерер П. Л.
Rosebery A. P. см. Розбери А. П.
Segur P. P. 138
Simon E. F. Симон Э. Ф.
Sparrow E. Спэрроу Э.
Thibaudeau A. Тибодо А.
Thiebault P. 115, 117
Thierri A. 138
Tuetcy L. 140
Valentin R. 138

Научное издание

Мир Французской революции

Троицкий Николай Алексеевич

Наполеон Великий

В двух томах

Том 1
Гражданин Бонапарт

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*
Редактор *В. Т. Веденеева*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *А. Ю. Никулин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*
Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*
Корректор *Е. Л. Бородина*

Л. Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 14.01.2020.
Формат 60x90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 33.
Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство «Политическая энциклопедия»
127254, Москва, Огородный проезд, д. 14
Почтовый адрес: 127018, Москва, а/я 79.
Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс),
8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)

Франц Габриэль Фисингер. «Бонапарт». Гравюра, 32,5х23,5 см.
Отдел эстампов и фотографий Национальной библиотеки Франции.
Инв. № RESERVE QB-370 (50)-FT .

Антуан-Жан Гро. «Генерал Бонапарт, осматривающий войска».
Холст, масло. 40х32,3 см. 1802 г. Собрание Уоллеса, Лондон.

Поль Деларош.
«Переход Наполеона
через Альпы».
Холст, масло. 289х222 см.
1848–1850 гг.
Галерея Уолкера, Ливерпуль.
Инв. № RF 1982–75.

Феликс-Эммануэль-Анри Филиппото.
«Наполеон Бонапарт в битве при Риволи».
Холст, масло. 465х543 см. 1845 г. Версальский дворец.

Антуан-Жан Гро. «Наполеон Бонапарт на Аркольском мосту».
Холст, масло. 73x59 см. 1796–1797 гг. Версальский дворец.
Инв. № RF 271.

Андреа Аппиани. «Бонапарт в Милане». Холст, масло. 1800 г. Наполеоновский музей в Гаване.

Луи Альберт Баклер д'Альб. «Аркольское сражение». Холст, масло. 190х350 см. Версальский дворец.

Гийом-Франсуа Кальсон. «Въезд Наполеона Бонапарта в Александрию 3 июля 1798 года. Генерал Бонапарт дарует жизнь арабской семье». Холст, масло. 365х500 см. 1800 г. Версальский дворец.

Пьер-Нарсис Герен. «Наполеон прощает мятежников в Каире 30 октября 1798 года». Холст, масло. 500х365 см. 1808 г. Версальский дворец.

Жан-Леон Жером. «Наполеон в Египте». Дерево, масло. 35,8х25 см. 1867 г. Музей искусств Принстонского университета.

Луис-Франсуа Лежен. «Общий вид Битвы у пирамид, 21 июля 1798 г.». Холст, масло. 1808 г. Версальский дворец.

Антуан-Жан Гро. «Наполеон посещает госпиталь чумных больных в Яффе».
Холст, масло. 532x720 см. 1804 г. Лувр. *Инв. № INV 5064.*

Жан-Леон Жером. «Бонапарт перед сфинксом».
Холст, масло. 61,6x102,9 см. 1867–1868 гг.
Херст-касл, Сан-Симеон, Калифорния. *Инв. № 529-9-5092.*

Франсуа Бушо. «Переворот 18 брюмера».
Холст, масло. 401х421 см. 1840 г. Версальский дворец.

Франсуа Жерар. «Портрет Бонапарта, первого консула».
Холст, масло. 62х53 см. 1803 г. Музей Конде, Шантийи.

Жан Огюст Доминик Энгр.
«Наполеон Бонапарт в мундире Первого Консула».
Холст, масло. 226х144 см. 1804 г. Музей изящных искусств, Льеж.

Шарль Мейнье. «Наполеон, Первый консул».
Холст, масло. 1804 г. Музей города Брюсселя.

Антуан-Жан Гро.
«Наполеон, первый консул».
Холст, масло.
205x127 см. 1802 г.
Музей Ордена Почетного
Легиона, Париж.
Инв. № 04378.

Алексис Оргиацци.
«Наполеон Бонапарт –
первый консул
Французской республики».
Эстамп. 21,9x18,7 см.
Отдел эстампов
и фотографий Национальной
библиотеки Франции.
Инв. № RESERVE
QB-370 (54)-FT 4.

Франсуа Жерар.
«Жозефина
в коронационном костюме».
Холст, масло. 214х160 см.
1807–1808 гг.
Национальный музей
Замка Фонтенбло.

Жак-Луи Давид. «Коронование императора Наполеона и императрицы Жозефины в соборе Парижской Богоматери 2 декабря 1804 года».
Холст, масло. 621х979 см. 1805–1808 гг. Лувр. *Инв. № INV 3699.*

Франсуа Жерар. «Жозеф Бонапарт – король Испании».
Холст, масло. 247х162 см.
Национальный музей Замка Фонтенбло. *Инв № 21.*

Мишель Стапло.
«Жером Наполеон Бонапарт».
Эстамп. 29,8х33,8 см.
Отдел эстампов и фотографий Национальной библиотеки Франции.
Инв. № RESERVE QB-370 (138)-FT4.

Пьер-Мишель Аликс.
«Портрет Евгения Богарне».
34,1х28,2 см. 1805 г.
Гарвардский художественный музей.
Инв. № 2015.165.

Мир Французской революции
РОССПЭН